

ЯКОВ РОКИТЯНСКИЙ
РЕЙНХАРДТ МЮЛЛЕР

КРАСНЫЙ ДИССИДЕНТ

"ACADEMIA"

**ВРЕМЕНА И НРАВЫ:
МЕМОУАРЫ, ПИСЬМА, ДНЕВНИКИ**

**JAKOW ROKITJANSKIJ
REINHARD MÜLLER**

ROTER DISSIDENT

**AKADEMIEMITGLIED RIJANOW
Lenins Opponent — Stalins Opfer**

Biographische Skizze und Dokumente

**VERLAG "ACADEMIA"
MOSKAU • 1996**

**Яков Рокитянский
Рейнхард Мюллер**

КРАСНЫЙ ДИССИДЕНТ

**Академик Рязанов —
оппонент Ленина, жертва Сталина**

Биографический очерк. Документы

**Издательство "Academia"
Москва - 1996**

**ББК
Р-66**

Редакционный совет издательства "Academia"

**С.С. Аверинцев, В.И. Васильев, М.Л. Гаспаров, В.Л. Гинзбург, В.А. Кириллин,
Д.С. Лихачев, И.М.Макаров (председатель), В.П. Нерознак, Г.В. Осипов,
Н.Я. Петраков, В.А. Попов (зам.председателя), К.А. Свасьян, С.О. Шмидт,
Е.П. Чельшев**

В книге публикуются архивные фотографии

Рокитянский Я., Мюллер Р. КРАСНЫЙ ДИССИДЕНТ. Академик Д.Б. Рязанов - оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографический очерк. Документы. М.: Academia, 1996. 464 с. Серия: Времена и нравы: мемуары, письма, дневники.

ISBN 5-87444-038-0

Книга посвящена выдающемуся ученому и общественному деятелю России академику Давиду Борисовичу Рязанову (1870 - 1938). Почти шесть десятилетий это имя было запрещено даже упоминать. Обстоятельный, основанный на широком круге источников биографический очерк позволяет читателям получить представление обо всех этапах жизни и творчества ученого, сумевшего в труднейших условиях гражданской войны и большевистской диктатуры очень многое сделать для российской науки, для защиты соотечественников от произвола властей. Особый интерес представляет собой документальное приложение к очерку. Здесь воспроизводятся уникальные материалы, раскрывающие сущность установившегося в стране коммунистического режима, формы и методы подавления личности "государством диктатуры пролетариата".

ISBN 5-87444-038-0

ББК 66.02

Р 0202000000-02
Б76(02)-96

© Я. Рокитянский, Р. Мюллер, 1996 г.
© Издательство "Academia", 1996 г.

ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемая вниманию читателей книга состоит из двух разделов.

Первый представляет собой биографический очерк Якова Рокитянского и Рейнхарда Мюллера об академике Д.Б. Рязанове. Здесь анализируются основные этапы жизни этого выдающегося человека, ученого и общественного деятеля. Авторы опираются на большое число ранее неизвестных источников, прежде всего архивных материалов.

Читатели узнают много нового об идейной эволюции, политических взглядах, научном и литературном творчестве, организационной деятельности Рязанова - яркого оппонента В.И. Ленина, непримиримого борца против сталинизма, разделившего горькую судьбу многих честных и талантливых людей России двадцатых - сороковых годов.

Второй раздел включает в себя более 230 документов (с сентября 1918 по январь 1938 г.), хранящихся, в основном, в архивах Федеральной службы безопасности Российской Федерации. В первой части воспроизведены документы, связанные с деятельностью ученого по спасению жертв политических репрессий (после революции и до начала 1931 г.). Здесь письма самих репрессированных, их родных и друзей в адрес Рязанова, справки на арестованных, заявления, прошения, другие материалы. Все они были обнаружены в пятнадцатитомном следственном деле ученого, составленном из материалов, конфискованных у него при аресте в феврале 1931 г. Материалы первой документальной части открывают читателям неизвестного им российского гуманиста, в течение многих лет мужественно помогавшего людям гонимым, мученикам режима.

Во второй части документального приложения воспроизведены материалы последних восьми трагических лет жизни академика. Об этом периоде до недавнего времени мало что было известно. Публикуемые документы расскажут о первом аресте ученого в середине февраля 1931 г., о следствии и высылке в Саратов, пребывании в этом городе, о втором аресте 23 июля 1937 г. В документах речь пойдет и о ходе следствия, завершившегося судебным фарсом и расстрелом 21 января 1938 г. Публикуемые материалы не только восполняют существенные

пробелы в биографии Рязанова, но и дают представление о малоисследованных особенностях общественной жизни России, связанных с функционированием репрессивной системы большевиков в два послеоктябрьских десятилетия.

Основной массив документов выявлен авторами в Центральном архиве ФСБ РФ и в Архиве Саратовского управления этого ведомства. Небольшая часть публикуемых ниже материалов находится в персональном фонде Рязанова в Российском центре хранения и изучения документов новейшего времени (РЦХИДНИ), а также в ряде других хранилищ, в частности, в личном архиве внучатой племянницы академика Рязанова Е.Н. Беренштейн (урожденной Либих). Некоторые документы были опубликованы в 1991 - 1995 годах в "Вестнике Российской академии наук", в "Отечественных архивах" и "Историческом архиве". Но подавляющее большинство материалов публикуется впервые. В книге сохранена пунктуация и орфография подлинников.

Все документы воспроизводятся полностью, лишь некоторые публикуются с незначительными сокращениями.

Книга издана при финансовом содействии Гамбургского института социальных исследований.

ГУМАНИСТ, УЧЕНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

(1870 - 1938)

Биографический очерк

10 марта 1995 года исполнилось 125 лет со дня рождения Д.Б. Рязанова. Дата не была отмечена широкой общественностью страны. Вряд ли это справедливо. Ведь заслуги Д.Б. Рязанова перед народом весьма значительны. В начале нашего века он принял активное участие в становлении российской социал-демократии, пытался предотвратить ее раскол и роковые последствия большевизма. Он стоял у истоков профсоюзного движения, последовательно защищал интересы рабочих и уже до 1917 г. выдвинулся в число обществоведов, известных далеко за пределами России.

В послеоктябрьский период Рязанов противостоит тоталитаризму, пытается воспрепятствовать становлению сталинизма. Велик его вклад в развитие российской науки после 1917 года, когда он в труднейшее время спас многих ученых от гибели, помог им найти свое место в науке, предотвратил уничтожение архивов России. Он создал уникальное научно-исследовательское учреждение - Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, который стал научным центром мирового значения.

Судьба Рязанова складывалась очень трудно. Политические взгляды ученого, его гуманистическая деятельность вызывали раздражение тех, кто оказался у власти после октября 1917 г., и уже в начале 30-х годов он сам стал жертвой репрессий, прошел все круги сталинского ада. Как общественный деятель и ученый академик Рязанов - личность всемирного масштаба, которым может гордиться Россия. Но до понимания этого далеко и в нашей стране, где историческая память лишь начинает пробуждаться, и за рубежом. Основная задача данной книги - восстановить историческую справедли-

вость и приблизить читателя к пониманию, кем был академик Рязанов для своего времени, какое место принадлежит ему в истории общественной мысли, в истории России.

Фигура умолчания – разновидность лжи

Первые биографические очерки о Д.Б. Рязанове появились уже при его жизни. Они увидели свет во второй половине 20-х - начале 30-х годов в энциклопедических словарях. Некоторые из очерков были авторизованы и поэтому представляют особый интерес¹.

Большое число статей о Рязанове появилось в газетах и журналах в марте 1930 г., когда отмечалось его 60-летие со дня рождения². Этому событию была посвящена книга "На боевом посту. Сборник к шестидесятилетию Д.Б. Рязанова"³. В ней были опубликованы статьи А.М. Деборина "Д.Б. Рязанов", Э. Цобеля "Д.Б. Рязанов как марксовед", Ц. Фридлянда "История социалистического движения XIX в. в освещении Д.Б. Рязанова", М. Вольфсона "Д.Б. Рязанов как редактор-издатель", А.В. Луначарского "Соблазн и опасности высокой культуры", Г. Баммеля "Д.Б. Рязанов и философский сектор марксоведения". В целом они давали общее представление о вкладе ученого в развитие обществоведения, об отдельных эпизодах его жизни и творчества⁴. Удачно дополнили статьи воспоминания друга ученого Ю.М.Стеклова "О моих первых встречах с Д.Б. Рязановым", философа В. Милютина и профсоюзного деятеля А. Лозовского, а также выступления на чествовании юбиляра академиков М.Н. Покровского, Н.И. Бухарина, А.Н. Баха⁵.

Конечно, юбилейный характер этих материалов не мог не сказаться на их содержании. Здесь мало аналитичности. Научное значение до сих пор сохраняет "Библиография работ Д.Б. Рязанова", подготовленная В. Дитякиным и Л. Яковлевой и включавшая 334 названия книг, статей, документальных сборников, предисловий, обзоров, рецензий, публикаций. Вместе с переводами и переизданиями число библиографических ссылок приближалась к 500⁶. При этом следует учесть, что библиография была доведена лишь до конца 1929 г. и не включала произведений, вышедших в свет или подготовленных в 1930 - начале 1931 г. и в последующее время. Этот список был дополнен к 125-летию Рязанова⁷.

После ареста в середине февраля 1931 г. и высылки из Москвы в апреле имя Рязанова в течение нескольких десятилетий было запрещено упоминать. Оно встречалось иногда в энциклопедиях и именных указателях, но с негативной характеристикой. В 30-х - 40-х годах за рубежом время от времени появлялись воспоминания, где говорилось, в частности, о Рязанове, об отдельных сторонах его

жизни и деятельности⁸. Наибольший научный интерес представляют опубликованные в 1942 году в журнале "Социалистический вестник" мемуары одного из основателей и руководителей российских профсоюзов В. Гриневича (М.П. Когана-Гриневича). В них речь шла о пребывании Рязанова в эмиграции, о его работе в профсоюзах и помощи репрессированным. "Как бы критично ни относиться к умершему, - отмечал автор, - всегда останется о нем добрая память, как о недюжинном работнике большой эрудиции, как о добром человеке и, особенно, как о хорошем отзывчивом товарище."⁹

Имя Рязанова стало вновь мелькать в книгах и статьях советских исследователей в 60–70 годы. Постепенно его начали признавать как марксоведа, архивиста, организатора советской науки. Но это сопровождалось стереотипными обвинениями в меньшевизме и всевозможных идеологических прегрешениях¹⁰.

Один из авторов в 1968 г. отмечал: "Психологический портрет Д.Б. Рязанова быть может и будет когда-нибудь написан. Достаточно колоритная фигура, чтобы заинтересовать художника. Рисую множество недостатков Рязанова, шаткость его политических позиций, не раз приводивших к острым столкновениям с Лениным, художник не может не поразиться бешеной энергии Рязанова: физической, умственной, душевной". Другой через десять лет заметил: "Рязанов - это фактический и духовный создатель Института Маркса и Энгельса, человек исключительной честности, преданности делу (он еще ждет своего объективного и неподкупного исследователя), сохранил на всю жизнь принципы революционной эпохи".¹¹

Вплоть до 80-х годов "идеологическое начальство" усердно следило за тем, чтобы Рязанова не упоминали в научных изданиях. Беспримерный в истории науки случай произошел при публикации статьи В.Е. Корнеева "Материалы ЦГАОР СССР о собирании и использовании в 20-е годы документов К.Маркса и Ф. Энгельса и международного рабочего движения". (Археографический очерк за 1985 год. М., 1986, с. 124-131). Автору было запрещено упоминать Рязанова, который был главным героем его исторического исследования. Пришлось довольствоваться эвфемизмом "директор института".

Несмотря на это, тенденция ко все более объективной оценке наследия академика усиливалась. Так, в 1969 г. в книге "Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса: история публикации и изучения в СССР" фамилия Рязанова упоминалась более 30 раз, и, несмотря на дежурные обвинения, позитивно оценивались его марксоведческие работы, издательская деятельность возглавляемого им Института К. Маркса и Ф. Энгельса (ИМЭ)¹². Появились и статьи, в которых говорилось о плодотворной деятельности Рязанова во главе Главархива (1918 - 1920), его вкладе в историческую науку¹³.

В 60 - 70 годах о Рязанове стали довольно часто упоминать на Западе. Вот такая характеристика появилась в книге Л. Шапиро "История Коммунистической партии Советского Союза": "Рязанов всегда отличался индивидуализмом, был самым остроумным человеком в партии, и в ней по существу самым образованным марксистом, и уже с 1901 г., со времени столкновения с "Искрой", был бельмом на глазу всех политиков-практиков. Рязанов никогда не упускал случая выразить свое презрение к тактическим уловкам политики, которая осуществлялась от имени марксистской теории"¹⁴.

В это же время на Западе было издано несколько марксоведческих работ Рязанова. Однако нового в рязановедение они внесли мало. Некоторые вообще не содержали вступительных статей. В других приводились не совсем точные сведения о жизни ученого (в частности, говорилось о его гибели в 1934 или 1939 г. вместо 1938 г.)¹⁵. Заслуживает внимания лишь предисловие Б. Рабеля, где встречались меткие характеристики и неизвестные на Западе биографические сведения о Рязанове. "До сих пор, - писал он, - самый видный и заслуженный марксовед не реабилитирован, все издания работ Маркса опираются на его труды и примечания"¹⁶.

Научная реабилитация Рязанова состоялась лишь в 1989 г., когда были опубликованы статьи В.А. Смирновой "Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанов" и В.В. Крылова "Человек огромной энергии и интеллекта". В первой статье были проанализированы марксоведческие работы Рязанова, его деятельность в ИМЭ. Опираясь на архивные материалы ЦПА ИМЛ (теперь РЦХИДНИ), автор показал, насколько велика заслуга Рязанова - марксоведа, публикатора, архивиста и библиографа¹⁷. В работе В.В. Крылова дана общая характеристика жизни и творчестве ученого, приведены названия его основных трудов, и литературы о нем. "Необходимо восстановить доброе имя деятеля, внесшего весомый вклад в собрание и издание литературного наследия основоположников научного коммунизма, в создание государственной архивной службы, вернуть, пусть и посмертно, звание действительного члена АН СССР Давиду Борисовичу Рязанову, вновь учредить премию его имени"¹⁸, - отмечал он.

Попытка восполнить пробелы в рязановедении была предпринята в биографическом очерке Я.Г. Рокитянского "Трагическая судьба академика Д.Б. Рязанова", опубликованном в журнале "Новая и новейшая история" (1992, N 2)¹⁹ (сокращенный вариант очерка напечатан в Германии в 1993 г.²⁰). Здесь впервые рассмотрена политическая деятельность ученого - его полемика с В.И. Лениным в начале века, а также накануне и после Октябрьской революции. Особое внимание уделено отношениям Рязанова со Сталиным в 20-е годы, выяснению причин ареста ученого в середине февраля 1931 г. Впер-

вые освещены жизнь и творчество Рязанова в саратовской ссылке, его второй арест в июле 1937 г., ход следствия, и судебный фарс, закончившийся 21 января 1938 г. расстрелом ученого. Автор исследовал фонды РЦХИДНИ, документы и воспоминания родственников Рязанова, а также обнаруженные им материалы из двух следственных дел, хранившихся в Центральном архиве КГБ СССР в Москве, в архиве Управления КГБ по Саратовской области. В 1991 - 1995 гг. появились другие рязановедческие работы Я.Г. Рокитянского, его статьи и публикации архивных материалов о приеме Рязанова в АН СССР и его попытке реформировать ее, о его противодействии сталинизации РКП(б), о правозащитной работе, направленной на помощь репрессированным, о его теоретических выступлениях накануне ареста²¹, а также о его жизни и научной работе в саратовской ссылке²².

Постепенно интерес специалистов к Рязанову усиливался. О.Ю. Солодянкина в диссертации "Д.Б. Рязанов и его деятельность в научно-исторических учреждениях" расширила круг архивных материалов и сосредоточила внимание на политических взглядах и плодотворной деятельности Рязанова во главе Главного управления по архивному делу в 1918-1920 годах. Вместе с тем, есть в диссертации немало неточностей и не совсем корректных выводов²³.

В последние годы имя Рязанова все чаще встречается в литературе, посвященной истории России первых трех десятилетий нашего века²⁴.

К жизни и творчеству Рязанова все чаще обращаются и зарубежные исследователи. В 1992 г. в журнале "Аргумент" была опубликована небольшая статья В. Кюлова "Давид Рязанов - с Марксом против Сталина", где встречаются неизвестные сведения о пребывании ученого в эмиграции, использованы воспоминания современников, документы из архива Амстердамского института социальной истории²⁵. В 1993 г. в Берлине увидел свет сборник документов "Давид Рязанов - исследователь Маркса и Энгельса, гуманист, диссидент", подготовленный Ф. Кюловым и А. Ярославским. Более тридцати материалов Рязанова и о нем дают представление об отдельных сторонах творчества и деятельности ученого, о дооктябрьском периоде и более поздних этапах его жизни. Однако немецкие публикаторы допустили погрешности в переводах документов и во вступительной статье "К вопросу о жизни и творчестве Давида Рязанова", которая представляет собой, по существу, переложение упомянутых статей о Рязанове, появившихся в последние годы в России. Ряд архивных документов были перепечатаны из русских изданий без указаний первоисточника²⁶.

Таким образом, с конца 80-х годов наблюдался определенный взлет рязановедения. Были ликвидированы многие белые пятна в

биографии и творчестве Рязанова. Но впереди еще много работы. Изучение творческого наследия ученого ведется подчас вне магистрального развития исторической науки в России и за ее пределами. Во многих монографических исследованиях, посвященных российской истории первых десятилетий нашего века, имя Рязанова либо не встречается вообще, либо упоминается вскользь. Часто приводятся ошибочные сведения о его жизни и взглядах. Так, в одном только что появившемся материале публикатор обозначил письма Рязанова за апрель 1931 г. как "последние". Ознакомившись со второй частью документального приложения к данной книге, читатели смогут убедиться, что это далеко не так²⁷. Цель данного биографического очерка - стереть некоторые темные пятна в рязановедении, исправить неверные представления, бытующие ныне в исторической литературе.

На основе широкого круга неизвестных ранее материалов в очерке рассмотрены все периоды жизни Рязанова, начиная от его рождения 10 марта 1870 г. до гибели 21 января 1938 г. При этом акцент сделан на малоисследованных проблемах - начале его общественной и научной деятельности, на его политических взглядах до и после Октябрьской революции. Специальный раздел посвящен малоизвестной правозащитной деятельности ученого, направленной на спасение жертв политических репрессий в послеоктябрьский период. Освещены также предыстория его ареста, годы пребывания в саратовской ссылке, когда он сам стал жертвой политических репрессий и противостоял как ссыльный и заключенный произволу преступного сталинского режима.

Хотелось бы, чтобы после этой книги академик Рязанов вошел не только в научную литературу как выдающийся ученый, но и в общественное сознание России как выдающийся общественный деятель и гуманист.

Солнечный город Одесса

Давид-Симхе Зельман Беров Гольдендах родился 10 марта 1870 г. в Одессе в многодетной еврейской семье. Его отец - Зельман-Бер Ааронов Гольдендах был торговцем и комиссионером*, богатым человеком. По воспоминаниям внучатой племянницы Рязанова К.Б. Машковой в семье было 13 детей. Старший, Александр, работал электриком и погиб от электрического удара. В раннем возрасте умерли еще

* В словаре В.И. Даля это слово определяется так: поверенный, приказчик, исполнитель поручений. - *Прим. ред.*

пять детей. Выжили Давид и шесть его сестер - Софья, Любовь, Тамара, Ольга, Фаина и Берта.

Вначале мальчик учился в частных пансионах. Отличался большой начитанностью. Уже в возрасте 9-10 лет прочел "Всемирную историю" Ф.К. Шлоссера. Одаренный мальчик был принят во вторую одесскую гимназию. Здесь в возрасте 14 лет включился в революционную деятельность. "С этого времени, - вспоминал позднее Рязанов, - начал принимать уже активное участие в "периферийной" работе. А до 1884 г. дело ограничивалось знакомством и выполнением функций "письмоносца", каковой профессией я начал очень рано заниматься. Кипучая революционная жизнь в Одессе, от вооруженных выступлений Ковальского до убийства Стрельникова, все время толкала мысль в определенном направлении"²⁸.

"В нашей гимназии, - отмечал впоследствии Д.Б. Рязанов, - были особенно сильны революционные традиции, и среди учеников, и даже среди преподавателей. Помимо учителя гимнастики офицера Толя, который был арестован, кажется, вместе с Кранским, и учителя Гаушанского, товарища Желябова по университету"²⁹.

Духовное становление юноши шло обычным для своего времени путем. Вначале увлекался Писаревым, затем Чернышевским, Добролюбовым, Михайловским, Ткачевым, Тихомировым, Лавровым. К социалистическим идеям его внимание привлек роман Чернышевского "Что делать?"³⁰.

Первое представление об истории социалистических учений он получил из книги Д. Щеглова "История социальных систем"³¹. Щеглов к середине 80-х годов отошел от радикальных взглядов. В 1885 г. он стал директором второй Одесской гимназии и повел ожесточенную борьбу против революционно настроенных преподавателей и учеников. В мае 1886 г. Давид был исключен из пятого класса гимназии, официально - за неуспеваемость в греческом языке³². Позднее он любил упоминать об этом факте, говорил, что его, академика, исключили "за безнадежную неспособность"³³. Но это не соответствовало действительности. Способности у него и в 1886 г. имелись и проявились вскоре, в том числе и в освоении иностранных языков. Он в совершенстве овладел немецким, английским и французским.

Скорее всего, исключение объяснялось желанием начальства избавиться от неблагонадежного ученика³⁴.

Покинув гимназические стены, Рязанов стал еще активнее вести нелегальную работу. Следует подчеркнуть, что был противником экстремизма. "В 1886 г., - вспоминал Рязанов позднее, - я был среди молодежи "известностью", но резко высказывался против "гимназического", "фабричного" и "аграрного" террора"³⁵.

Юноша усердно изучал философию, историю, политическую экономию, юриспруденцию и финансы. "Моей специальностью, - отме-

Мать Д. Б. Рязанова

чал он, - ... была всеобщая и русская история, в особенности социальных и духовных течений, с уклоном в сторону философии. А в 1887 г., сохраняя свою любовь к истории, я поворачивал в сторону экономики и политэкономии"³⁶.

"Стараясь восстановить в памяти его тогдашний облик, - вспоминал Ю.М. Стеклов, - я никак не могу представить Рязанова иначе, как важно шествующего по улице с карманами, набитыми плотно газетами, с пачкой книг под мышкой, и при этом обязательно читающего на ходу книгу или газету. Как настоящий человек умственной работы, он предавался ей с того момента, когда утром открывал глаза, и до момента, когда собирался закрыть их на сон грядущий. Поэтому, не довольствуясь работой в библиотеке, он просиживал в Одесской публичной библиотеке по целым дням. Рязанов читал всегда и всюду, - на ходу, в обществе, во время беседы, за обедом и т.д. Ему действительно удалось накопить огромные знания даже к тому времени, когда он впервые встретился с нами, и когда он, в сущности, был еще юношей"³⁷.

В Одессе Рязанов создал народнический кружок, в который входили две его сестры (Берта и Софья), Г. Циперович, М.П. Павлович, И.О. Шиф, Ю.М. Стеклов, С.Я. Тапузи и другие. Для них Рязанов читал рефераты на самые разнообразные темы. На основе одного из них, подготовленного к 30-летию освобождения крестьян, он позднее написал брошюру³⁸. Уже в 1886 г. подготовил каталог для чтения по всеобщей истории политической экономии, социализму и рабочему движению. Каталог включал в себя названия не только книг, но и серьезных научных статей из многих российских журналов.

Позднее каталог был дополнен и пользовался популярностью в других марксистских кружках на юге России³⁹. В.Н. Городецкий писал Рязанову в 1928 г.: "Мы когда-то ... ходили с Вами в один кружок по самообразованию. Вы и тогда удивляли всех своею работоспособностью и, я сказал бы даже, эрудицией. Когда я теперь думаю о том далеком времени, то прихожу к заключению, что кружки сыграли для нас огромную роль, но не в смысле самообразования, а в смысле выработки из нас совестливых людей, понимающих, что мы чем-то обязаны государству"⁴⁰.

Вскоре пропагандистская и просветительская деятельность Рязанова привлекла к себе внимание жандармов. В октябре 1887 г., когда по всей России прокатилась волна арестов, Рязанов впервые оказался за решеткой. Но после беседы его отпустили. В начале 1888 г. полиция от одного из народников, арестованного в Ярославле, получила достоверные сведения о революционных взглядах и пропагандистской деятельности Рязанова. "Я, - писал он, - с тех пор попал в жандармские отчеты и стал предметом тщательного "наружного" и "внутреннего" наблюдения"⁴¹.

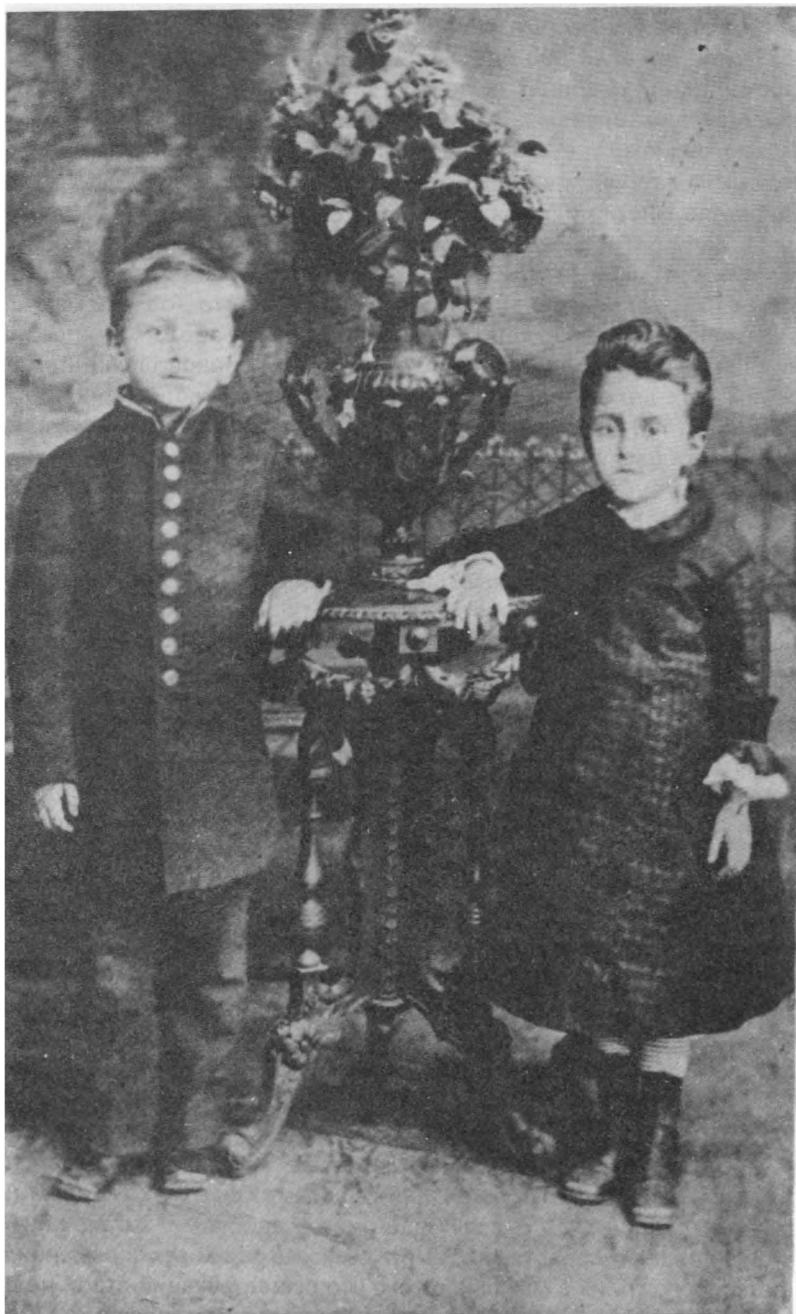

Отец Д. Б. Рязанова

Заметив слежку, Рязанов отправляется за границу. С января 1889 г. по апрель 1890 он находился во Франции, Швейцарии и Австро-Венгрии, посещал лекции в Сорбонне и Колледж де Франс, продолжал интенсивные научные занятия, изучал историю и политическую экономию и социальные теории, используя литературу на немецком и французском языках. Он впервые прочел здесь на языке оригинала многие работы Маркса и Энгельса. С этого времени и до конца дней оставался марксистом. Во всех своих автобиографиях и анкетах он писал, что пришел к марксизму и стал коммунистом в 1889 г.⁴². Это произошло до июня 1889 г., то есть до Парижского учредительного конгресса II Интернационала. В работе конгресса принимали участие представители 20 стран. И Рязанов слушал выступления всех делегатов, в том числе и русских революционеров П.Л. Лаврова и Г.В. Плеханова, здесь он впервые смог узнать о принципах, своеобразии и масштабах социал-демократического движения⁴³. Тогда же он установил первые контакты с видными деятелями европейского рабочего движения. Встречался с Лавровым, Плехановым, Засулич и другими известными русскими социал-демократами. При этих встречах проявлялась самостоятельность его мышления. Он решительно выступал против склонности некоторых революционеров к террору в политических целях, доказывал, что это противоречит основным посылкам социал-демократической программы. Он вступил в спор с Плехановым и Засулич о Чернышевском, обратил внимание на незнание ими новейшей литературы по истории России, в частности работ русского историка В.О. Ключевского⁴⁴. Самостоятельность идейной позиции, нежелание подстраиваться под лидеров, умение выявить теоретическую уязвимость их взглядов были присущи Рязанову и в дальнейшем. Это принесло ему немало неприятностей.

Поездка в Западную Европу повлияла на Рязанова в интеллектуальном и мировоззренческом плане. "Вернулся из-за границы он вдвойне ученым человеком, вдобавок успевшим ознакомиться с русской нелегальной и иностранной литературой", - отмечает Стеклов⁴⁵.

После возвращения из-за границы в апреле 1890 г. Рязанов превращает свой народнический кружок в марксистский и начинает пропагандировать социал-демократические идеи среди рабочих, выступает под конспиративным именем Николай Парижский. Сходки проходили на квартирах рабочих Федотова и Ефимова, на конспиративной квартире. Разговоры шли главным образом о тяжелом положении трудящихся. "В своих занятиях с рабочими, - отмечал Рязанов, - я всеми средствами, имевшимися в моем распоряжении, старался освоить их с мыслью о том, что существующий строй не представляет собою чего-нибудь неизвестного, а есть результат исторического процесса и сам подвержен изменениям"⁴⁶.

С сестрой Тамарой, 1870-е годы

“В начале 90-х годов, - писал позднее Ю.М. Стеклов, - снова начинается пропаганда среди рабочих и уже преимущественно социал-демократического характера. Бывшему провизору Рубинштейну, М.Делятицкой и Гольдендаху (Рязанову) и некоторым другим удалось создать довольно значительную организацию среди строительных рабочих”⁴⁷.

В кружке оказался предатель Федулов, и вскоре над Рязановым снова нависла угроза ареста. В декабре 1890 г. он решил опять уехать из Одессы за границу. “План его был очень прост, - вспоминал Ю. Стеклов, - в течение дня он расхаживал по городу с перевязанной щекой, убедив ходивших за ним жандармов в том, что он простудился и схватил флюс. В этот день он вернулся домой раньше обычного и больше из дому не выходил. Шпики, прождав его еще некоторое время и убедившись в том, что он захворал и больше не выйдет, сняли блокаду его дома и ушли. Это Рязанову и было нужно. Он постригся, снял бороду, изменил свою наружность, надел другое пальто, другую шапку и поздно ночью вышел из дому в преображенном виде. Железнодорожный билет у него уже был приготовлен. Он сел в поезд и укатил в Волочиск. Раньше чем жандармы спохватились, он был уже за границей”⁴⁸.

В Швейцарии и Франции Рязанов продолжал научные занятия и вел переговоры об издании популярной марксистской литературы. А в это время в Одессе шли аресты. В жандармском управлении получили новые сведения о деятельности Рязанова. Когда он 2 октября 1891 г. возвращался в Россию, его задержали на станции Волочиск, доставили в Одессу. Было арестовано несколько членов социал-демократического кружка. Больше года продолжалось следствие. 30 декабря 1892 г. по высочайшему повелению он был приговорен к четырем годам тюремного заключения в одиночке с принудительными работами, то есть получил гораздо больше, чем кто бы то ни было из его товарищей.

Вначале он отбывал срок в Одессе, а с февраля 1893 г. - в Петербурге, в тюрьме под названием “Кресты”. Выдержать такой длительный срок заключения в одиночке было очень трудно. Стеклов вспоминал: “Я не сомневаюсь в том, что его спас глубокий интерес к науке. В тюрьме он остался таким же, каким был на воле. Глубочайшая жадность к науке, стремление не отставать от нее, следить за всеми успехами знания - все это поддерживало в нем духовную бодрость и крепость. Целый день он клеил коробочки для папирос или занимался подобной бессмысленной принудительной работой, но в обеденный перерыв и в свободные минуты после десятичасового рабочего дня Рязанов начинал читать, то есть жить. И вот эта пара часов напряженной умственной жизни в течение шести дней недели

Сестры Д. Б. Рязанова Люба и Тамара

и целый свободный день в воскресенье, когда он мог врасос отдаваться любимым книгам, все это духовно бодрило и укрепляло его, и Рязанов вышел из тюрьмы примерно таким же, каким в нее вошел"⁴⁹.

В РЦХИДНИ находится дело на Рязанова, заведенное в "Крестах". Оно именовалось "Дело С.-Петербургской одиночной тюрьмы с прошениями Давида Симха Гольдендах, адресованными начальству С.-Петербургской одиночной тюрьмы - о дозволении ему в получении литературы и ведения переписки с родными". Нет возможности перечислить все названия книг и всех авторов. Из прошений видно, что Рязанов жил в тюрьме интенсивной интеллектуальной жизнью. Его главный интерес - к политической экономии, финансам, философии, истории революций, социального развития России и других стран. Читает он и биографии видных политических и общественных деятелей. Много внимания уделяет изучению языков (немецкого, английского, французского, польского, итальянского). Среди авторов заказанных книг встречаются имена Маркса ("Капитал", "Нищета философии"), Энгельса ("К жилищному вопросу", "Крестьянская война в Германии"), Д. Рикардо, Т. Мальтуса, А.И. Герцена, П.Кропоткина, А.Бебеля, Э.Калера, Ч.Дарвина, Б. Малона, С. Степняк-Кравчинского, И.Карно, А. Скворцова. Подавляющее число работ Рязанов просил на языке оригинала. Нередко упоминаются в прошениях словари и учебники по иностранным языкам, а также издания русских, немецких, французских, английских писателей и поэтов (Л.Н.Толстой, И.С. Тургенев, В. Гете, Ф. Шиллер, Н.А. Некрасов, В.Шекспир, Э.Золя, А. Данте, Ж.Санд, В.Г. Короленко, Г.И. Успенский и другие)⁵⁰.

Просьбы заключенного передавались тюремным начальством в Главное тюремное управление с запросом: "могут ли означенные в прошении его книги быть выданы Гольдендаху для прочтения"⁵¹. После положительного ответа книгу доставляли Рязанову.

Вот одно из подобных прошений:

*"Его высокоблагородию
Начальнику С.-Петербургской
Одиночной Тюрьмы*

*Прошение заключенного
Гольдендах Давида*

Честь имею просить Ваше высокоблагородие разрешить мне выдать следующую книгу Шиллер "Дон Карлос". Реклам Лейпциг (Schiller. Don Carlos. Reclam Leipzig).

*Одесский мещанин
Гольдендах Давид*

17 октября 1893 г.

Получил 21 окт. 1893 г. Д. Гольдендах"⁵²

Д. Б. Рязанов, 1880-е годы

Перед тем как заказать книги, Рязанов изучал каталог книжных магазинов "Нового времени" А.С. Суворина, находившихся в Санкт-Петербурге, Москве, Харькове и Одессе. В тюрьме Рязанов подписался на ряд журналов, в частности на "Вестник промышленности и финансов". Дело показывает, что в тюрьме он сделал значительный шаг в своем интеллектуальном и духовном развитии, по существу самостоятельно завершил высшее образование и заложил интеллектуальную основу последующей публицистической и издательской работы.

Следует отметить, что тюремное начальство давало согласие на получение далеко не всех книг. Из заказанных многие были запрещены. Среди таких книг были некоторые работы Маркса, сочинения видных русских народников и анархистов. В ответ на отказ, а также нарушение своих прав он объявлял голодовку. Борьба Рязанова за свои права стала одной из причин его многочисленных отсидок в тюремном карцере. В 1926 г. в одном из выступлений перед московскими правоведами он вспоминал: "Должен сказать, что я лично специалист по одиночному заключению... До сих пор в питерских Крестах я держал рекорд карцера. Никто меня не превзошел по количеству дней, отсиженных в темном карцере. Помимо Крестов мне приходилось сидеть шесть месяцев в вашей Таганской тюрьме, где я сидел в качестве очень строптивого заключенного в очень тяжелых условиях"⁵³.

После окончания срока заключения Рязанов был выслан на три года под гласный надзор полиции в Кишинев. Находясь в городе Оргееве, расположенном на реке Реут в 46 километрах от Кишинева, он познакомился с Анной Львовной Брановер - дочерью владельца дома, в котором поселился. В 1899 г. она стала женой Рязанова, и с тех пор делила с ним все тяготы и радости жизни. Он помог ей получить образование, изучить иностранные языки. В 20-е годы Рязанова опубликовала ряд серьезных работ по проблемам женского труда, которые содержали статистические сведения, учитывали достижения зарубежных исследователей. Эти работы сохраняют до сих пор научное значение⁵⁴. Анна Львовна благотворно влияла на своего эмоционального супруга, нередко усмиряя его буйный нрав. Ее нежное отношение отразилось в письмах, сохранившихся в личном фонде Рязанова в РЦХИДНИ. В одном из них она писала: "Детка моя любимая, если бы ты знал, сколько радости доставляют мне твои письма"⁵⁵.

В Кишиневе Рязанов создал социал-демократический кружок и привлек к марксизму способных молодых людей - А.П. Краснянского, В.П. Волгина, Ст. Ивановича, С.С. Физман и других. Некоторые из них впоследствии стали видными политиками и учеными.

Д. Б. Рязанов. Начало 90-х годов XIX в.

Анна Львовна Рязанова

20 января 1900 г. супруги Гольдендах выехали за границу и вскоре прибыли в Париж.

Первая эмиграция

(1900 - 1905)

В начале века Рязанов был в полной мере готов к плодотворной публицистической и научной деятельности. Он органично вошел в среду видных русских социал-демократов, оказавшихся в это время за границей и разрабатывавших теоретические и организационные принципы РСДРП, готовивших ее второй съезд. "Рязанов был полон боевого духа", - писал об этом времени Стеклов⁵⁶.

Публиковать статьи и книги под фамилией Гольдендах было опасно, ибо власти могли закрыть путь на родину. Поэтому он, как и многие другие, оказавшихся за рубежом социал-демократы, решил взять псевдоним. О том, как это произошло, рассказал позднее Ю.М. Стеклов: "Помню, мы стояли с Рязановым у стола и горестно думали, какой изобрести для него псевдоним, ибо писать под своим именем Рязанову, человеку легальному, собравшемуся возвратиться в Россию, было невозможно. И вдруг я вспомнил, что среди политических романов в свое время известных в русской литературе, имеется один, не пользующийся таким широким распространением, как "Светлов" Оммулевского или "Что делать?" Чернышевского, а именно, роман Слепцова "Трудное время", героем которого был некий Рязанов. "Ура! - сказал я ему, - я нашел тебе псевдоним: Рязанов". - "А разве никто его еще не взял?" - спросил он меня недоверчиво. "Ручаюсь, что никто. Итак, решено. Отныне ты будешь Рязановым"⁵⁷.

Своей главной задачей в начале века Рязанов считал объединение всех направлений русской социал-демократии, то есть Г.В. Плеханова, В.И. Засулич, В.И. Ленина, П.Б. Аксельрода, Ю.О. Мартова, группировавшихся вокруг "Искры", и настроенной более либерально группы "Рабочее дело". Чтобы содействовать этому процессу, Рязанов создал и возглавил группу "Борьба". В нее вошли Ю.М. Стеклов, Е. Смирнов (Э.Л. Гуревич), В.Н. Кричевский и ряд других его единомышленников⁵⁸. Группа пыталась наладить контакты с искровцами и сторонниками "Рабочего дела", создать предпосылки для объединения трех направлений на единой партийной демократической основе. Рязанов предложил свое сотрудничество в "Искре", однако Ленин не согласился на равноправные отношения⁵⁹. Он же сорвал начатое по инициативе группы "Борьба" организационное объединение всех направлений русской социал-демократии на Цюрихском объединительном съезде 21-22 сентября 1901 г., обвинив своих оппонентов в оппортунизме и призвав сторонников "Искры" по-

кинуть съезд. Эта нетерпимость дорого стоила русской социал-демократии и стала лишь началом грядущих расколов и ожесточенных противостояний.

Много усилий затратил Рязанов на подготовку и издание пропагандистских брошюр группы "Борьба". К числу наиболее интересных следует отнести "Социал-демократический календарь на 1902 г". В опубликованных здесь статьях он показал себя ярким публицистом, талантливым исследователем истории рабочего движения⁶⁰.

Особое внимание хотелось обратить на статью "По поводу буховских беспорядков", где речь шла о судебной расправе над группой участников первомайской демонстрации. Этот материал был опубликован в виде отдельной брошюры⁶¹, а затем переиздавался несколько раз. Здесь Рязанов впервые выступает как правозащитник. Он очень убедительно доказывает юридическую несостоятельность судебного процесса, необоснованность обвинения и приговора. "Уже из обвинительного акта и списка свидетелей ясно видно, - писал он, - что суд был лишь комедией. Теперь мы имеем официальное доказательство этого... Из приговора ясно видно, что суд не имел никаких юридических доказательств виновности всех подсудимых, что почти все они были выхвачены из среды демонстрантов"⁶².

Талантливым полемистом и теоретиком предстает Рязанов в трех выпусках "Материалов для выработки партийной программы", опубликованных в 1902 - 1903 гг. В них проанализированы программы трех групп русской социал-демократии - "Рабочего пути", "Борьбы" и редакции "Искры". Особый интерес представляет критика программы Ленина и других искровцев.

Рязанов уже тогда подметил в их взглядах антидемократические тенденции, склонность к подавлению инакомыслия в партии, игнорирование принципов внутрипартийной демократии, необходимости существования в партии фракций и борьбы между ними. Он отметил игнорирование многолетнего опыта западноевропейской социал-демократии, нежелание принципиально отмежеваться от террора "как средства политической борьбы"⁶³.

Вот несколько мыслей Рязанова об этом:

"Смотреть на террор с точки зрения целесообразности и ссылать его в область "тактики" нельзя уже потому, что это такое средство политической борьбы, которое идет в разрез с практикой классово-вой борьбы и только затемняет классовое самосознание рабочих".

"Как бы ни огорчали всяких добросердечных людей так называемые "расколы"- "раздоры", но социал-демократическая партия развивается только путем борьбы с другими революционными партиями. И еще более печальный факт: социал-демократиче-

ская партия развивается обыкновенно путем внутренней борьбы различных фракций". "Наше движение явилось на свет позднее немецкого и может и должно поэтому воспользоваться его уроками. Вот почему для нас так важно знакомство с историей, теорией и практикой германской социал-демократии. К сожалению, пример тов. Ленина показывает, что это знакомство сильно хромает даже у наших политических вождей".

"... Мы с удивлением узнали, что демократический принцип, т.е. контроль над действиями выбранных данной организацией должностных лиц и равноправие членов нашей организации, организационный принцип, издавна отличавший "ортодоксов", в сущности, является отличительным принципом оппортунистов"⁶⁴.

В августе 1892 г. А.П. Чехов писал А.С. Суворину по поводу попыток русских социалистов спекулировать на эпидемии холеры: "Отвратительные средства ради благих целей делают и сами цели отвратительными" (А.П. Чехов. Полн. собр. соч., Письма. Т.5. М., 1977, с.101). Конечно, Рязанов не мог ничего знать об этом письме, но пришел к такой же мысли, осознав, что применение некорректных методов приводит к некорректным результатам.

Теоретический и научный кругозор Рязанова, редкое в среде социал-демократов знание как истории рабочего движения в России, так и на Западе, позволили ему выявить те особенности мышления революционеров, которые привели к появлению большевизма. Ведь именно антидемократизм, склонность к террору и другие подмеченные Рязановым взгляды обусловили политику большевиков, общественную практику их партии, все то, что привело в конце концов к ГУЛАГУ.

Предложения Рязанова не были услышаны. Более того, искровцы сделали все, чтобы не допустить его к работе II съезда РСДРП даже с совещательным голосом⁶⁵, приняли решение о роспуске группы "Борьба". Съезд, как известно, привел не к объединению, а к расколу русской социал-демократии, развалу движения, которое Рязанов хотел видеть объединенным.

Сознавая значение единства российской социал-демократии, Рязанов даже после II съезда не отказался от сотрудничества с редакторами "Искры". 3 марта 1904 г. он писал им: "Откладывая выяснение моих пунктов разногласий до выхода в свет подготовленной мною к печати брошюры "Разбитые иллюзии", я с радостью согласился принять посильное участие в разработке вопросов, выдвигаемых настоящим моментом. Потребность в органе, который внимательно следил бы за быстро развивающимися событиями и освещал их с точки зрения научного социализма, слишком настоятельна, чтобы существующие между нами разногласия могли мешать сов-

местной работе"⁶⁶. Но и на этот раз враждебность искровцев к инакомыслию воспрепятствовала сотрудничеству.

Анализ итогов съезда позволил Рязанову углубить свои критические оценки идейных предпосылок большевизма. В брошюре "Разбитые иллюзии" он дал представление о сути нового сектантского явления в рабочем движении, об антидемократизме его представителей. Приведем несколько его соображений:

"Только на этой сектантской почве могла вырасти искровская утопия внесения "единства взглядов" в партию путем установления единомыслия в центре, состоявшем из десятка прекрасно спевшихся вождей. Оказалось, что от такого "единомыслия" некуда было деваться самим градоначальникам ... Они все еще продолжают упорно смешивать тайную организацию с заговорщической, централизованную с централистической и, вместе с Лениным, готовы сейчас же "расстрелять" всякого демократа".

"Долой *Personenkultus!* Социал-демократическая партия свою политику формулирует в решениях программного, тактического и организационного характера, ставящих тесные рамки всякому составу! Она доверяет только тем, кого может постоянно проверять! Долой сектантство! Социал-демократия не должна превращаться в секту, отрицающую всякую связь с предшествующим ей движением".

"Мы никогда не поймем, каким образом партия могла добровольно наложить на себя цепи теперешнего устава, мы не в состоянии даже будем понять многие пункты, если мы забудем, что он является формой проявления ленинских организационных идей, логически развившихся из упрощенного понимания задач социал-демократии".

"Ошибка Ленина состоит не в том, что он политическую организацию революционеров строит по принципу централизации руководства ... а в том, что он упрощает, суживает эту общую деятельность, ограничивая ее работой политической агитации, объединенной по всей России..."⁶⁷.

В начале века Рязанов благодаря своим познаниям в области истории и теории рабочего движения занял в русской социал-демократии особое место. Он находился вне фракций и группировок, он представлял самого себя, боролся за создание российской социал-демократической партии западноевропейского образца и противостоял тем антидемократическим, террористическим тенденциям, которые, к несчастью, определили затем судьбу русской социал-демократии и всей страны на многие десятилетия. Говоря позднее в письме Каутскому о своей позиции, он писал: "И однако я не был противником меньшевиков. Наоборот, в 1905 - 1907 гг. - я был "сторонником действий масс", так как являлся принципиальным против-

ником терроризма и подготовки вооруженного восстания, как и всех боевых организаций"⁶⁸.

Рязанов занимался не только политической публицистикой. Он добывал средства на жизнь переводами литературных и научных работ на русский язык, чтением лекций на исторические темы в различных городах Германии, поддерживал тесные контакты с представителями немецкой интеллигенции. В. Гриневиц писал о жизни Рязанова в Мюнхене на рубеже 1902 – 1903 гг.: "Под внешней неприступностью и суровостью Рязанова - скрывался добрый жизнерадостный человек, интересный собеседник. Наши скромные чаепития под водительством его гостеприимной, очень умной и симпатичной жены Анны Львовны, авторитет которой он признавал безгранично, оставались надолго добрыми воспоминаниями об этой зиме. С детской наивностью он радовался своим успехам в с.-д "турнферейне" (гимнастическом союзе), куда он даже меня завлек"⁶⁹.

Некоторые сведения о жизни и деятельности Рязанова можно почерпнуть из донесений агентов прусской тайной полиции. Здесь зафиксированы его поездки из Парижа в Швейцарию, пребывание в Мюнхене и Берлине, встречи с писателями и студентами, его литературные занятия. В донесении из Берлина от 25 февраля 1905 г. сообщалось: "С тех пор как он снова находится здесь, он читал в "Литературно-научном союзе" следующие доклады: "Крымская война и освобождение крестьян", "Административная реформа при Александре II", "Земство и его значение", "Финансовые учения в современной политической экономии", "Финансовое положение в России". За каждый доклад он получает от 10 до 15 марок. Часто он идет по средам в Королевскую библиотеку и остается там до часа. По средам он питается на улице Канта 105 у Эйфке. Он общается с писателями Бухгольцем, Гросманом, Коигеном и со студенткой фон Бах. Все эти четверо названных лиц хорошо известны здесь. С 22 января до 1 февраля он уезжал. Он, кажется, побывал в Галле, Лейпциге и Митвейда и читал там свои доклады"⁷⁰.

Кровавое начало века

После начала революционных событий в России 1905 г. начался новый этап в деятельности Рязанова. В то время как большевики уделяли главное внимание разжиганию революционного пожара, а меньшевики борьбе за демократические преобразования, Рязанов и ряд его сторонников в условиях кризиса самодержавия и пробуждения рабочего движения считали первоочередной задачей создание предпосылок для объединения расколотов русской социал-демо-

кратии. Эту цель он выдвинул в брошюре "Очередные вопросы нашего движения". "Российская социал-демократия, - писал он, все еще не может справиться с последствиями происшедшего в 1903 г. раскола. Тот самый съезд, который должен был положить конец разброду и создать единую и объединенную социал-демократическую рабочую партию, послужил, наоборот, поворотным пунктом нового, еще более острого кризиса"⁷¹. Рязанов видел выход в подготовке нового учредительного съезда. Он должен был положить конец сектантству и заговорщичеству, создать РСДРП на новых демократических основах, привлечь к ней национальные социал-демократические организации, вышедшие их партии после II съезда.

Брошюра вышла с свет под грифом "Социал-демократической библиотеки". В проспекте "Об издании социал-демократической библиотеки", который был вложен в его брошюру, Рязанов изложил свое отношение к положению дел в РСДРП: "Раскол, раздирающий российскую социал-демократию, - писал он, - почти совсем исключает всякое организованное воздействие со стороны нашей партии на совершающиеся события. Тесная связь с рабочими массами, созданная годами усиленной пропаганды и агитации, с каждым днем слабеет. Великое пролетарское движение, приковывающее к себе после 9 января, внимание всего цивилизованного мира, предоставленного исключительно самому себе ...Социализм и рабочее движение, слияние которых уже начало совершаться под знаменем российской социал-демократии, грозят опять разойтись в разные стороны".

Рязанов ставил в проспекте вопрос о "полной реорганизации партии и партийной работы", созыве учредительного съезда, чтобы "покончить со всеми спорами о законности, со всем печальным наследием второго съезда", "уничтожить всякие заговорщические "пережитки" и положить в основу партийной организации демократический принцип". Свою "Библиотеку" Рязанов рассматривал в качестве идейной подготовки к съезду. Целью этого издания провозглашалось "в форме брошюр или периодического издания дать материалы для решения очередных вопросов нашего движения".

Предполагалось наряду с материалами теоретического характера, отвести место "серии брошюр по истории и теории социализма и рабочего движения на Западе и в России". В проспекте говорилось о подготовке к печати брошюр Рязанова "Наши либералы за работой (Критика конституционных проектов)", "Грозит ли России финансовое банкротство", а также работ Маркса и Энгельса в 1848-1850 годов, "Социал-демократического календаря на 1906 г.", перевода брошюры Каутского "Насколько устарел Коммунистический манифест?",

"Vademecum для пропагандистов" и работа "Чего хотят социал-демократы?".

После возвращения в Одессу Рязанов предложил создать учредительный съезд партии и на нем объединить все направления и группы. Однако его весьма разумная идея в очередной раз не нашла поддержки. Большевики и меньшевики предпочли вести борьбу друг с другом и действовать порознь.

На первый взгляд, эти предложения выглядели наивно. Они не были поддержаны лидерами групп, участвовавших в противоборстве. Но для Рязанова главное было указать реальный путь преодоления кризиса. И он был гораздо реалистичнее вождей РСДРП, занятых борьбой за власть в партии и самоутверждением, попыткой приспособить партию к своим "особым" принципам. Это в конце концов привело к иррациональному результату и краху. Особенностью позиции Рязанова было то, что он противостоял иррационализму, господствовавшему в верхушке РСДРП, пытался опереться на богатый опыт и принципы западноевропейского рабочего движения, на демократические методы решения спорных вопросов. В российских условиях, создававших социально-политическую почву для экстремизма, рационально мыслящий политик неизбежно выглядел чудачком. Вожди РСДРП осознали необходимость объединения партии лишь в 1906 году, когда созвали ее съезд в Стокгольме. Но объединение оказалось мнимым, так как лидеры партии проигнорировали демократические принципы партийного устройства, за которые ратовал Рязанов.

Поскольку в 1905 - 1907 году ничего разумного в среде русских социал-демократов осуществить было невозможно, Рязанов решил сосредоточить свои усилия на новом, профсоюзном поприще. 4 декабря 1905 г. он прибывает в Петербург и вскоре под именем Потресова включается в профсоюзное движение, в организационную и пропагандистскую деятельность возникшего в октябре Центрального бюро российских профсоюзов.

Демократический образ мышления, талант пропагандиста и умение эмоционально и доходчиво излагать свои взгляды создавали предпосылки для успешной работы. К тому же у Рязанова был опыт общения с рабочими. Он знал их мысли и чаяния. "Часто, конечно, бурный темперамент, - вспоминал В. Гриневич, - грозил взорвать заседание бюро, но в общем и целом мы могли договариваться. Должен заметить, что его выступления на собраниях металлистов, на больших петербургских заводах, имели большой успех и что он умел завоевывать симпатии многих передовых рабочих. Р. стал вскоре очень ценным сотрудником зарождавшегося профессионального движения"⁷².

В марте 1906 г. Рязанов принял участие во второй Всероссийской конференции профсоюзов, вместе с В. Гриневичем и П.Н. Колокольниковым был избран в редакционную комиссию и участвовал в подготовке документов. При этом он выступал за использование всех, пусть и весьма ограниченных, легальных возможностей для деятельности профсоюзов⁷³. С апреля 1906 г. Рязанов редактировал печатный орган Центрального бюро "Профессиональный союз". Летом он вошел в редакцию журнала петербургского союза металлистов "Рабочий по металлу"⁷⁴. В своих статьях он настраивал рабочих на политическую борьбу, писал о приближении дня, "когда Россия освободится от политического рабства и рабочие всей России вместе с пролетариатом всего мира сбросят с себя, наконец, цепи социального рабства, когда положен будет конец эксплуатации человека человеком!", обращал внимание рабочих на необходимость создания своей партии. "Только партия рабочего класса, - отмечал он, - овладев политической властью, положит конец обществу, в основе которого лежит продажа рабочей силы. Только ее победа, только переход средств производства в собственность всего общества внесет планомерность в общественный процесс производства, где теперь властвуют слепые законы капиталистического производства"⁷⁵.

Очень важным считал Рязанов приобщение представителей только что возникшего российского профсоюзного движения к опыту своих западноевропейских товарищей. С этой целью он перевел на русский язык отчеты международного секретариата профессиональных союзов, куда вошли сведения о профсоюзном движении в Англии, Германии, Дании, Норвегии, Австро-Венгрии, Италии, Швейцарии, Болгарии, Сербии. "Россия, - писал Рязанов, - только очень недавно вступила на путь организованной профессиональной борьбы, она отсутствует еще в списке стран, присоединившихся к международному секретариату. Но чем полнее будет наше знакомство с опытом наших заграничных товарищей, чем лучше мы сумеем использовать их опыт, тем скорее наше молодое профессиональное движение завоюет себе место, которое уже успело занять в международном рабочем движении русское рабочее движение"⁷⁶. В данном случае, как и в случае с русской социал-демократией, Рязанов пытался придать новому профсоюзному движению более цивилизованный европейский вид, опереться на результаты, достигнутые более развитым западноевропейским рабочим движением.

В период революции он встречался с Лениным. Анна Львовна вспоминает: "В конце марта 1907 г. в городе Териоках состоялось собрание делегатов петербургских булочников, на котором присутствовали 400 человек. Собрание по поводу предстоящей стачки булочников. На этом собрании присутствовал В.И Ленин, который жил

в это время в Териоках. В.И. Ленин сидел на сцене рядом с Д.Б. и А.Л., но не выступал⁷⁷. В 1907 г. Рязанов принимает участие в работе социал-демократической фракции II Государственной думы (она заседала до 2 июня 1907 г.). Вопреки утверждениям Кюлова и Ярославского, он не был членом этой фракции⁷⁸, а лишь в качестве консультанта помогал готовить ее документы. На одном из совещаний фракции, проходившем у профессора Бороздина, последовал арест. Рязанову несколько месяцев пришлось провести за решеткой.

Позднее В.П. Милютин писал: "Я помню нашу первую встречу с Д.Б. Рязановым двадцать три года тому назад. Это был год сквернейшей реакции - 1907 год, и встреча у нас произошла в соответствующем отвратительном месте - в Спасской части Петербурга, куда нас посадили после ареста и где камеры были битком набиты политическими заключенными. С Д.Б. Рязановым мы были в общей камере... В нашу жизнь политических заключенных он внес три вещи: гимнастику (утром и вечером), запрещение курить (курение он ненавидит, кажется, с момента своего рождения всем своим существом) и установление часов для занятий, когда шуметь не полагалось. Эти предложения были всеми приняты... В этот период он особенно рьяно занимался переводом Рикардо. Там же в камере были устроены его лекции по марксизму, которые пользовались не меньшим вниманием и успехом, чем его позднейшие лекции на эту тему, какие он читал уже в СССР. Наше совместное житье продолжалось недолго, так как вскоре он был сначала переведен, а затем выслан за границу"⁷⁹.

Вторая эмиграция

На этот раз Рязанов находился в эмиграции около десяти лет, главным образом в Германии, Австро-Венгрии и Швейцарии, уделяя основное внимание научной работе. К ней он был вполне подготовлен, знал языки, хорошо ориентировался в обществоведческих дисциплинах. Он установил контакты со многими видными социал-демократами К. Каутским, А. Бебелем, В.Адлером, О.Бауэром, Э. Бернштейном, К. Реннером, К. Цеткин и другими, печатался в социал-демократических печатных органах, прежде всего в "Нойес Цейт", где уже в 1905 г. опубликовал статью об отмене крепостного права в России. Начиная с 1908 г. в этом журнале стали регулярно появляться его научные статьи, обзоры, рецензии по истории социализма и рабочего движения. Печатался он в австрийском журнале "Дер Кампф" в "Архиве истории социализма и рабочего движения" Карла Грюнберга. Вскоре Рязанов получил и определенные финансовые

возможности для исследовательской работы в области марксоведения и истории рабочего движения. "В 1909 г., - вспоминал он в автобиографии, - получил предложение от Anton Menger Bibliothek, в комитете которой заседал, между прочим, и известный историк Лудо Мориц Гартман, собрать и издать документы по истории Первого Интернационала. Для этого большого труда пришлось много работать в лондонских, парижских, итальянских (Рим и Флоренция), швейцарских и немецких библиотеках. В 1914 г. был сдан в печать и набран первый том, оставшийся, однако, в корректуре. Опубликованы мною из этого цикла только несколько работ"⁸⁰.

Об интенсивной научной работе свидетельствуют и донесения агентов прусской тайной полиции. Один из них (Кюне) доносил 13 ноября 1909 г.: "Гольдендах много работает в своей квартире или отправляется в королевскую библиотеку и находится там часами. 4, 16 и 30 октября он отправился в книжный магазин "Форвертс" на Линденштрассе 69 и находился там с 3 ч. 45 мин. до 5 часов вечера. 12 и 16 октября вечером в 7 ч. 45 мин. он поехал по городской железной дороге в Шенеберг и направился к к проживавшему по Хауптштрассе 97 депутату рейхстага Бебелю, и находился у него до 9 ч. 30 мин., потом вернулся в свою квартиру"⁸¹.

Посещения Бебеля были связаны с подготовкой 50-го издания его работы "Женщина и социализм", Рязанов привел ее в соответствие с новейшими данными, снабдил более чем 40 страницами статистического материала⁸².

Благодаря дружеским отношениям с Бебелем и другими социал-демократами Рязанов получил доступ к рукописному наследию Маркса и Энгельса. Позднее он вспоминал: "Летом 1910 г. я работал в течение нескольких недель в Дравейле, у покойных Лафаргов, с величайшей готовностью предоставивших в мое распоряжение оставшиеся после Маркса бумаги и письма. Лаура Лафарг любезно отвела мне для работы свой рабочий кабинет, одним из лучших украшений которого служил портрет Маркса. Со стены глядел на вас, добродушно улыбаясь и слегка прищурившись, седой как лунь старик"⁸³.

Рязанов получил доступ и в партийный архив СДПГ, где хранились материалы Маркса и Энгельса: их переписка, рукописи, конспекты, выписки и другие документы. В ходе работы в этом и других архивах Рязанов освоил навыки архивиста, способность найти, обработать, осмыслить, прокомментировать и опубликовать архивные материалы. Широкою известность приобрела тщательность его работы над расшифровкой источников, которая была отнюдь не легким делом. "Он смог из-за одной запятой в рукописи Маркса от-

правиться в нетопленном вагоне четвертого класса ночью из Вены в Лондон⁸⁴, - писал швейцарский социалист Брупбахер.

Страсть к собиранию архивных документов побуждала Рязанова удерживать многие из них у себя, под разными предлогами оттягивать срок возвращения. Так у него оказались материалы I Интернационала, бумаги Лафаргов, некоторые документы, полученные с разрешения Бебеля и руководителя архива СДПГ А. Брауна, у Каутского, К. Либкнехта, а также у ряда других лиц⁸⁵. Этот архивный фонд, вошедший позднее в архив ИМЭ, конечно, отнюдь не красит ученого, готового на все ради приобретения документов. Но явно незтичные действия Рязанова принесли большую пользу науке. Ведь после прихода Гитлера к власти и начала II мировой войны многие западноевропейские архивохранилища, в том числе и берлинский архив СДПГ, либо пострадали, либо были уничтожены. Присвоенные же Рязановым материалы стали достоянием обществоведения, причем не только российского.

В это же время Рязанов выдвинулся в число ведущих марксоведов. Он внес в марксоведение элемент науки, устранив характерную для многих авторов фрагментарность, цитатничество. Он первым обратил внимание на исторический аспект исследования, пытаясь включить высказывания классиков в контекст времени, отказаться от буквализма в трактовке документов, учитывать, когда, в связи с чем и при каких обстоятельствах они были сказаны или написаны⁸⁵.

Конечно, Рязанову, как убежденному марксисту, был присущ не критический, односторонний подход к марксизму. Определенная тенденциозность рассмотрения взглядов и действий идейных оппонентов Маркса и Энгельса. Это было самое первоначальное осмысление марксоведческих проблем, еще далекое от научного. Но оно впервые основывалось на широком охвате источников, на конкретном знании истории XIX в., социальных и духовных реалий, биографии и интеллектуального развития Маркса и Энгельса.

Из первых марксоведческих работ внимание исследователей привлекли его статьи "Карл Маркс и русские люди сороковых годов", "Англо-русские отношения в оценке Маркса", "Карл Маркс и венская газета "Прессе", "Маркс и Энгельс о польском вопросе".

По предложению руководства СДПГ Рязанов продолжил дело Меринга по публикации литературного наследия Маркса и Энгельса. Он подготовил к изданию их произведения 50-60-х годов. Для этого в разных странах он исследовал содержание многих американских, английских, австрийских и немецких газет, в которых они сотрудничали. В "New-York Daily Tribune", "The Peoples Papers", "Neue-Oder-Zeitung"

и в других изданиях было обнаружено примерно 250 неизвестных статей. Они-то и составили основу двухтомника сочинений Маркса и Энгельса 1852-1862 годов, вышедшего в свет в 1917 г.⁸⁶. К этому времени Рязанов был уже автором 130 книг и брошюр, статей, рецензий, признанным марксоведом, архивистом, публикатором, исследователем общественной мысли и рабочего движения XIX в.

Активное участие в пропагандистской деятельности русских социал-демократов Рязанов после 1907 г. не принимал, а продолжал занимать особую внефракционную позицию, публикуя свои научные и публицистические статьи в печатных органах большевиков, Л.Д. Троцкого и в беспартийных изданиях. В 1909 году некоторое время был лектором в пропагандистской школе группы "Вперед" на Капри, 12 лекций по истории профсоюзного движения он прочел в партийной школе большевиков в Лонжюмо (близ Парижа), где проходили учебу многие будущие организаторы Октябрьской революции и государственные деятели Советской России.

Авторитет Рязанова в среде русских социал-демократов, в том числе и большевиков, значительно вырос после начала Первой мировой войны. В это время в Австро-Венгрии, Германии и других странах были интернированы многие российские социалисты. Их заключали в тюрьмы как граждан враждебного государства. В этой обстановке многие обращались к Рязанову. Все знали о его дружеских отношениях с видными европейскими социал-демократами, а также о добросердечии Давида Борисовича, его готовности помочь попавшим в беду товарищам.

Благодаря вмешательству Рязанова удалось вызволить из заключения в самом начале войны двух вождей большевиков - Ленина и Зиновьева, оказавшихся в Австро-Венгрии. "В 1914 г., когда Ильич засел в Галиции и ему грозила опасность, мне пришлось после телеграммы Надежды Константиновны принимать участие в его освобождении", - вспоминал Рязанов в 1924 г.⁸⁷. Чтобы спасти своего главного идейного оппонента, Рязанов отправился в Вену, встретился там с Виктором Адлером. Тот знал Ленина как радикального революционера и не горел желанием помогать, и Рязанову пришлось приложить немало усилий, чтобы его уговорить⁸⁸.

Из других видных большевиков, вызволенных Рязановым из тюрем, можно назвать Пятакова (Лялина) и Н.И. Бухарина (М. Долголевского). В данном случае он действовал по просьбе Ленина. Весной 1916 г. он писал Рязанову: "Werter Genosse! Сегодня получил известие о том, что Лялин освобожден, а Dolgolewsky (NB Moses Dolgolewsky) сидит в Стокгольмской тюрьме и пишет нам, прося помочь. Очень прошу: сходите к Грейлиху и заставьте его при себе на-

писать Брантингу просьбу о помощи экономисту Долголевскому. Ваш Ленин⁸⁹.

Отношения Рязанова с Лениным и его сторонниками в это время значительно потеплели. Ленин высоко ценил не только помощь, оказанную Рязановым ему и другим большевикам. Он признавал его научные достижения как марксоведа. В 1916 г. они вместе работали в Цюрихской библиотеке, и Ленин неоднократно обращался к нему за помощью⁹⁰. В 1924 г. Рязанов вспоминал: "Я, по моей большой склонности к архивным научным изысканиям, часто наблюдал за Лениным, мы работали с разных сторон и меня удивляло, что этот товарищ революционер так тщательно, усердно в течение нескольких часов читает книжку, бегаёт за различными справками, обкладывая себя всей литературой, которую он мог достать и найти, как он часто обращался к своему соседу, за которым он и в то время признавал одно достоинство - некоторое знание Маркса и Энгельса, за различными справками ..."⁹¹.

Опираясь на помощь Рязанова, Ленин собирал материал для работы "Государство и революция", построенную на сопоставлении высказываний Маркса и Энгельса. Определенной источниковедческой стройностью брошюры Ленин несомненно был обязан Рязанову. В то время их разногласия по теоретическим и организационным вопросам на время отошли на второй план. У них появились и точки соприкосновения - в отношении к войне, в определении путей выхода из нее и ближайших перспектив. Под влиянием войны взгляды Рязанова значительно полевели. Теперь он пришел к выводу о том, что именно социализм выведет человечество из тупика мировой войны и что война создала предпосылки для грядущей социальной революции. Он полагал, что всемирный характер войны придаст всемирный характер и борьбе за новый общественный строй, что в этом процессе на почве революционной социал-демократии без реформаторства и радикализма возродится "новый интернационализм". "Социализм, - заявлял он в ноябре 1914 г., - не как "конечная цель", которая маячит где-то там, за далью капиталистической непогоды, а как основная задача настоящего - вот программа нового третьего Интернационала. Именно потому, что противоречия существующего строя могут найти и теперь свое окончательное решение только в социализме, новый интернационал сделает его исходным пунктом своей непосредственной революционной борьбы, центром тяжести своей пропаганды и агитации"⁹². Не удивительно, что Рязанов вместе с большевиками и представителями ряда европейских социал-демократических партий принял участие в циммервальдском движении.

1917 ГОД

Сообщение о победе Февральской революции в России 1917 года застало Рязанова в Швейцарии. Добраться до России было нелегко. Пришлось ехать через Германию. Он выехал из Швейцарии 13 мая 1917 г. вместе со второй группой 280 русских революционеров различных направлений. Среди них находился и лидер меньшевиков Ю. Мартов⁹³. Еще в начале апреля он писал Н.С. Кристи: "Ты не знаешь, что по случаю революции у меня состоялось "возобновление дипломатических отношений" с Рязановым, который теперь дружески беседует со мной при каждой встрече"⁹⁴. Вероятно, Рязанов тогда полагал, что после Февральской революции время для идейной конфронтации внутри российской социал-демократии прошло и необходимо объединение усилий всех ее направлений.

22 мая 1917 г. Рязанов прибыл в Петроград. В 1917-1921 годах он ни одной крупной научной работы не написал, ограничиваясь переизданием ранних брошюр. В это время он целиком отдался политической и общественной деятельности, и ему было не до научных исследований⁹⁵. Как вспоминал один из видных профсоюзных деятелей, Рязанов "бросается с величайшей энергией в профдвижение"⁹⁶. Петроградские рабочие избрали председателем Петроградского центрального бюро российских профсоюзов. Он стал также вскоре членом исполкома Центрального правления Всероссийского профсоюза железнодорожников.

С 20 по 28 июня он принимает участие в III Всероссийской профсоюзной конференции, избирается в ее президиум, в редакционную комиссию. При выборах председателя профсоюзов получает лишь на один голос меньше Гриневича и становится товарищем (заместителем) председателя, членом ВЦСПС⁹⁷. Поскольку Гриневич жил в Москве и бывал в Петрограде наездами, Рязанов по сути дела руководил ВЦСПС. Он же представлял профсоюзы на заседаниях ВЦИК и в других инстанциях.

Когда Рязанов прибыл в Россию, он политически еще не определился. В день приезда пришел на Всероссийскую конференцию меньшевиков. Группа делегатов обратилась к председательствующему с запиской: "Предлагаем приветствовать т. Рязанова, видного теоретика марксизма и одного из основателей петроградского профессионального движения". Председательствующий выполнил эту просьбу и сказал: "Господа! В нашей среде присутствует тов. Рязанов, один из видных представителей марксизма. Предлагаю конференции приветствовать тов. Рязанова (рукоплескание)"⁹⁸.

Однако пути Рязанова и меньшевиков разошлись. Под влиянием революционных настроений рабочих он все дальше уходит влево,

поддерживает большевиков, их курс, отражающий настроения революционных рабочих.

После его эмоциональных выступлений на профсоюзной конференции в Петроградском совете, во ВЦИК, на других форумах пресса окрестила его "неистовым большевиком". В данном случае определяющую роль играло его желание защитить преследуемых. Он солидаризировался с большевиками во время июльских событий 1917 г., когда после первой неудавшейся попытки начать вооруженное восстание, большевиков со всех сторон клеймили как предателей революции. Последовал приказ об аресте Ленина, Зиновьева, а ряд видных большевиков и их сторонников оказались в тюрьмах. Позднее Н.И. Бухарин вспоминал: "С т. Рязановым приходилось иногда встречаться в обстановке, когда наше дело, как казалось для многих, висело на волоске ... В июльские дни 1917 года ... это был бесстрашный человек, который стоял в цепи большевиков, не имея партийного билета в кармане"⁹⁹.

Рязанов приложил немало усилий, чтобы вызволить из тюрьмы арестованных после июльских событий. В частности, от имени профсоюзов он внес денежный залог в три тысячи рублей для освобождения Троцкого,¹⁰⁰ требовал отменить запрет на ряд большевистских изданий. Обращаясь к Временному правительству, он заявлял: "Вы забываете, какую огромную силу вы отталкиваете от себя и вот в течение трех недель не возвращаете нам свободу печати"¹⁰¹.

С 8 по 16 августа 1917 г. в Петрограде проходил VI съезд партии большевиков. На нем была принята в ее ряды группа межрайонцев, в которую входил тогда Рязанов. Учитывая популярность Рязанова в рабочей среде, руководство РСДРП(б) выдвинуло его в самые различные организации и властные структуры. Он был избран гласным в городскую думу Петрограда, 28 августа 1917 г. включен в состав созданной ВЦИК комиссии Военно-революционного комитета для противодействия корниловскому мятежу, участвовал в работе Демократического совещания, Предпарламента, был избран делегатом на II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. В своих речах он постоянно предупреждал власть имущих, что ориентация на зажиточные слои населения и игнорирование интересов трудящихся, стремление восстановить дореволюционное status quo не приведут ни к чему хорошему¹⁰². "Выступления, - заявил он 14 октября, - подготовляются той политикой, которая в течение семи месяцев революции сделала столько для буржуазии и ничего не сделала для масс.

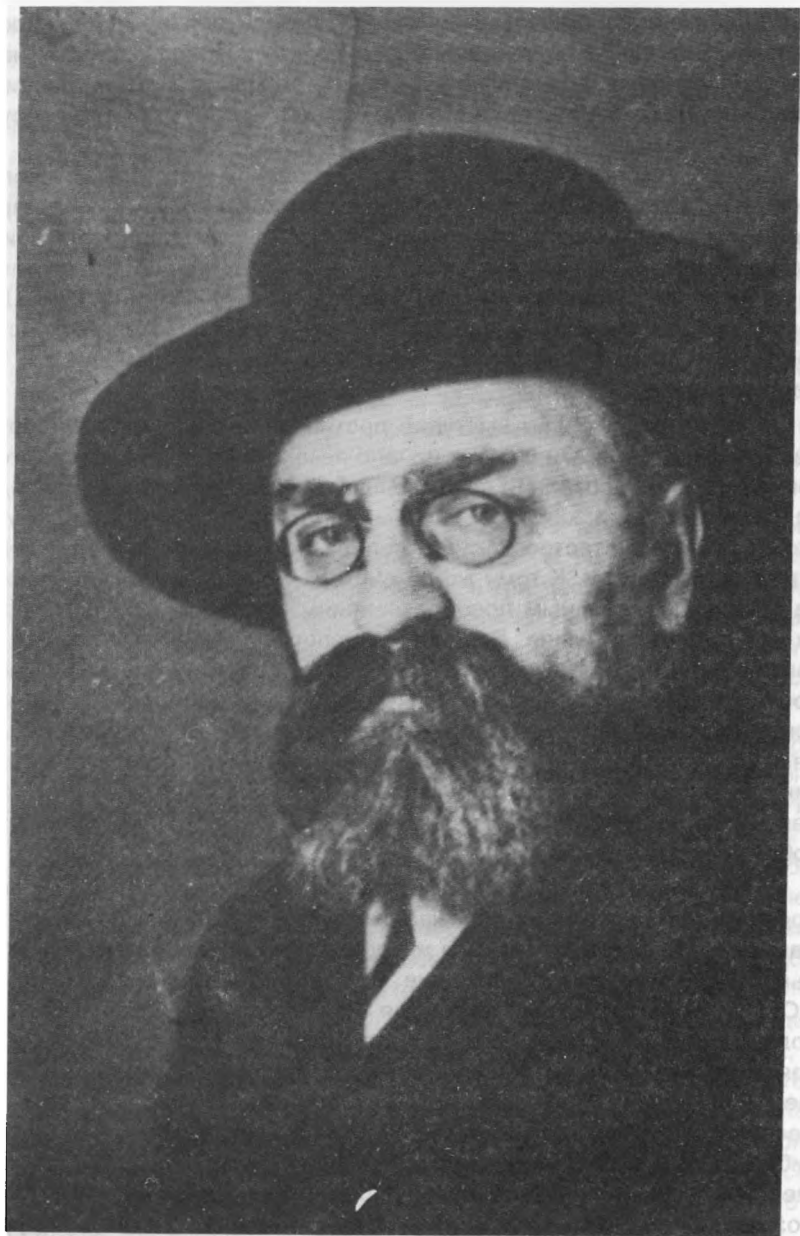
Мы не знаем дня и часа для выступления, но мы говорим народным массам - готовьтесь к решительной борьбе за мир, за хлеб и свободу. Если в результате этой политики правительства рабочие и

крестьянские массы восстанут, то мы будем в первых рядах восставших. Восстание готовят все те, кто создает в массах настроение отчаяния и индифферентности"¹⁰³. Ленин в этом мнении увидел подтверждение правильности своей ориентации на вооруженное восстание"¹⁰⁴.

Однако Рязанов отнюдь не стал сторонником подготовки такого восстания. Сблизившись с большевиками и даже вступив в их партию и разделяя многие их идеи, он отнюдь не отказался от своих взглядов на террор и внутривнутрипартийные принципы, не собиравшись слепо подчиняться решениям вождей. Уже в августе-сентябре 1917 г. ЦК несколько раз порицал Рязанова за своеобразие действия, в частности за то, что он назвал в одном из выступлений меньшевика И.Г. Церетели товарищем"¹⁰⁵.

Рязанов решительно выступал против ленинского плана вооруженного восстания. Он, как и в начале века, считал пагубным подготовку восстаний, создания вооруженных отрядов, предвидя, очевидно, какие бедствия, какой социальный и политический разлад, какую экономическую катастрофу сулят сепаратные заговорщические действия одной партии. К тому же он считал, что экономически Россия не готова к социальным преобразованиям и не может осуществить их без поддержки извне. Позднее он вспоминал: "С тов. Троцким и тов. Лениным я еще в мае 1917 г. говорил по этому основному вопросу. Я ставил свою ставку на международную революцию. Я никогда не скрывал от себя мелкокрестьянского, мелкобуржуазного характера России ... Я настаивал, что мы должны строить свою политику на разжигание пожара мировой революции, ибо, только, опираясь на пролетариат Западной Европы, мы в состоянии увлечь за собой крестьянские массы"¹⁰⁶.

Долгое время возражения против ленинского плана подготовки вооруженного восстания связывали лишь с именами Зиновьева и Каменева. В действительности же против восстания выступали осенью 1917 г. многие умеренные и более благоразумные члены РСДРП (большевиков), 18 октября 1917 г. Каменев отмечал: "Не только я и т. Зиновьев, но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент при данном соотношении общественных сил, независимо и за несколько дней до созыва съезда Советов было бы недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом"¹⁰⁷. Ф. Садуль отмечал в своем дневнике: "Плеханов считает, что "выступления", провозглашенное большевиками, начнется в ближайшее время ... Руководство большевистского движения разделилось по вопросу о своевременности этой акции. Ленин и Троцкий требуют выступления. Каменев, Зиновьев, Рязанов и большинство других лидеров хотели бы

Д. Б. Рязанов в эмиграции

избежать его, опасаясь неудачи и еще больше, может быть, успеха. Они понимают, что слишком много обещали, чтобы суметь все выполнить"¹⁰⁸.

31 октября 1917 г. А.В. Луначарский сообщил жене: "Мы образовали нечто вроде блока правых большевиков, Каменев, Зиновьев, я, Рязанов и др. Во главе левых Ленин и Троцкий. У них - ЦК, а у нас все руководители отдельных работ: муниципальной, профсоюзных, фабрично-заводских комитетов, военный, советский", а лидер меньшевиков Ю.О. Мартов в письме к Аксельроду 19 ноября 1917 г. отмечал: "У самих большевиков шла упорная борьба Ленина и Троцкого. Зиновьев, Каменев, Рязанов старались оттянуть развязку, Ленин, очевидно, понял, что надо спешить, и разрубил узел "мечом"¹⁰⁹.

А. Мартынов писал Зиновьеву в 1924 г.: "В октябрьские дни многие видные большевики колебались, потому что они видели огромные затруднения не военного, а политического свойства (изолированность большевиков)"¹¹⁰. Он полагал, что Троцкий выступал за восстание как романтик, не понимая настоящих трудностей, а Ленин осознавал это, но считал, что можно преодолеть все затруднения, что большевики научатся управлять государством и экономикой.

Ленин и Троцкий сумели преодолеть сопротивление практиков, добиться успешного осуществления государственного переворота. Однако история уже ответила на вопрос о правомерности этих действий. Ответ этот оказался не в пользу радикальной точки зрения двух вождей октябрьской революции и подтвердил обоснованность мнения той группы членов РСДРП(б), в которую входил Давид Борисович.

Участие Рязанова в общественной жизни России в мае - октябре 1917 г. отразилось на его душевном состоянии. Социалист-революционер С.А. Раппопорт так описывает Рязанова, выступавшего на совещании представителей левых партий в эти сумасшедшие осенние дни: "Небольшого роста, ширококостный, с большим лбом, с широкой, длинной, седеющей бородой ... Я знал его двадцать лет тому назад в Париже. Он считался энциклопедически образованным человеком. Он был теоретиком и очень редко выступал с рефератами... Рязанов всегда был вместе со Стекловым-Нахимкесом. Будучи в с.-д. он всегда стоял в оппозиции к своей партии, создавали новые группы и вырабатывали новые программы. За месяц до переворота он в разговоре со мной сказал, что очень раскаивается в том, что оторвался от своих научных работ и приехал в Россию... Раньше я знал Рязанова спокойным и сдержанным. Здесь, на совещании, он оказался истерическим человеком, совершенно не умеющим владеть собой - он огорчался, стучал кулаком по столу, обозвал нас всех контрреволюционерами, утверждая, что мы стараемся обра-

нуть большевиков для того, чтобы позднее их арестовать ... Я спросил Каменева: - "Что случилось с Рязановым, ведь с ним разговаривать невозможно". "Он очень изнервничался, - ответил мне Каменев, - к тому же его и мое положение очень трудное. Мы оба - самые умеренные, наши товарищи гораздо левее нас. Они отвергают всякие компромиссы. Нам приходится бороться на два фронта! Если бы вы знали, как Рязанов выступает на наших собраниях! Там он еще резче"¹¹¹.

Инакомыслящий

Осенью 1917 г. Рязанов пользовался широкой известностью в общественных кругах России. Он возглавлял Петроградскую организацию профсоюзов и руководил работой ВЦСПС. И в условиях демократической страны, и при пролетарском государстве это были влиятельные посты. Не случайно Рязанов был избран и в Президиум II съезда Советов, куда от партии большевиков вошли В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б.Каменев, А.И. Рыков, В.П. Ногин, Э.М. Склянский, Н.В. Крыленко, В.А. Антонов-Овсеенко, М.К. Муранов, А.В. Луначарский, А.М. Коллонтай и П.И. Стучка. Он был избран в Учредительное собрание, затем - депутатом последующих съездов Советов, был членом ВЦИК, а потом и ЦИК СССР, работал в его финансовой комиссии, избирался делегатом партийных съездов и конференций, депутатом Моссовета, вошел в совнарком первым комиссаром путей сообщения, был временным комиссаром в министерстве торговли и промышленности, а затем занимал ответственные посты в наркомате просвещения.

У Рязанова была хорошая стартовая позиция, чтобы войти и в руководящие партийные органы. К тому же по своему интеллекту он превосходил почти всех членов ЦК и политбюро. Но путь туда Рязанову был закрыт. Главным препятствием стала его независимая политическая позиция, которая выходила далеко за большевистские рамки.

После октября 1917 г. , пожалуй, не было ни одного крупного политического вопроса, по которому его позиция не расходилась бы с точкой зрения Ленина и его окружения. Рязанов оставался верен политическим взглядам начала века - отклонял любые проявления антидемократизма, стремился к единству всех направлений социал-демократии, отчаянно защищал демократические принципы внутрипартийной жизни, выступал против подавления инакомыслия внутри и вне партии. Со всем этим комплексом проблем ему пришлось столк-

нуться в рядах большевиков после того, как они пришли к власти и оказались в положении правящей партии.

Серьезные разногласия возникли в момент образования первого пролетарского государства и создания советского правительства, в котором Рязанову первоначально был уготован пост наркома путей сообщения. Ленин и Троцкий не собирались сотрудничать на равных с меньшевиками и эсерами, делить с кем-то захваченную власть и согласились на проведение переговоров из тактических соображений. Рязанов же считал, что советское правительство должно быть коалиционным и состоять из деятелей всех партий, представленных на II съезде Советов. В качестве члена ВЦИК он участвовал в переговорах о создании такого правительства и на заседании ЦК заявил, что отказ от соглашения был бы равнозначен обману масс, которым большевики обещали создать именно "советское правительство"¹¹². Совещание проходило под наблюдением Всесоюзного союза железнодорожников (Вижель). Союз занял в ходе октябрьских событий нейтральную позицию и считал необходимым создать такое правительство, которое "пользовалось бы доверием всей демократии и обладало бы моральной силой удержать эту власть в своих руках до созыва Учредительного собрания"¹¹³. Совещание с участием 26 представителей от 8 партий, 9 организаций, удалось добиться определенных результатов, составить список членов правительства, решить вопрос о создании народного совета из 425 представителей ВЦИК, советов, городских дум Москвы и Петрограда¹¹⁴. Но Ленин и Троцкий отклонили соглашение, как только большевикам удалось удержать военную победу над Керенским и другими противниками.

В дневнике П.А. Лурье 17 ноября отмечалось: "ЦИК Сов. принял резолюцию, чтобы в однородном социалистическом министерстве была половина большевиков. Ленин и Троцкий требуют, чтобы большевиков было большинство. Тогда Ногин, Милютин, Рязанов, Рыков, Теодорович, Шляпников и Дербышев (комиссар печати) вышли из Совета комиссаров, а Каменев, Зиновьев, Милютин, Ногин и Рыков и из ЦК партии"¹¹⁵. В письме П.Б. Аскельроду Мартов 19 ноября сообщал: "Зиновьев, Каменев, Рязанов, Ногин, Рыков, Милютин, Лозовский, Ларин ... и некоторые другие заявили, что политика Ленина-Троцкого ведет к разгрому пролетариата, сложили с себя звания министров (четверо) и другие должности. Правда, Зиновьев, Луначарский, Теодорович скоро вернулись, раскаявшись, но остальные продолжали находиться в оппозиции"¹¹⁶. В ответ на этот шаг Ленин выступил с ультиматумом "немедленно в письменной форме дать обязательство подчиниться решениям ЦК и во всех своих выступлениях проводить его политику, либо отстраниться от всякой публичной партийной деятельности и покинуть все ответственные по-

сты в рабочем движении впредь до партийного съезда". "Отказ дать одно из этих двух обязательств поставит ЦК перед необходимостью поставить вопрос о немедленном вашем исключении из партии", - заявлял он¹¹⁷.

Рязанов резко отреагировал на ультиматум. В его заявлении говорилось: "Продолжая считать политику ЦК глубоко ошибочной, я не могу отказаться от права подвергать ее критике, поскольку она находится в противоречии с принципами революционной социал-демократии. Еще менее я могу считать для себя обязательными такие решения ЦК, как, например, ультимативность кандидатур Ленина и Троцкого, требование которых только компрометирует партию пролетариата. Во всех таких случаях, когда решения ЦК диктуются только политическими комбинациями и не опираются на решения верховного органа партии - съезда, я считаю своим долгом бороться против них"¹¹⁸.

Рязанов решительно выступил против намерения партийного руководства РСДРП(б) разогнать Учредительное собрание. Первоначально вместе с Каменевым и рядом других большевиков он вошел в состав временного бюро фракции РСДРП(б), которое взяло курс на объединение усилий трех социалистических фракций, составивших костяк демократически избранного парламента России. Однако у Ленина и Троцкого были другие планы. Они добились переизбрания бюро, включения туда лиц, ориентировавшихся на разгон Учредительного собрания. Рязанов противостоял до конца этой тактике и был одним из двух членов РСДРП(б), проголосовавшим на заседании ВЦИК против этого шага¹¹⁹. И в день созыва Учредительного собрания он убеждал свою фракцию не идти на его роспуск. Именно поэтому большевики с большим опозданием явились на заседание, решившее судьбу парламента. "Давно уже депутаты заняли места в большом думском зале, и, не имея кворума, в виде протеста шумят и галдят, требуя появления большевистских депутатов и членов Совнаркома. А фракционное собрание большевиков никак не может кончиться. Вечно кипящий тов. Рязанов разошелся во всю и с пеной у рта доказывает колоссальную опасность, связанную с роспуском "хозяина земли русской", - вспоминал М. С. Кедров¹²⁰. В широких кругах интеллигенции эта позиция Рязанова была известна. О ней упоминает Зинаида Гиппиус в своих дневниковых записях, она отнесла его к "более осмысленным" большевикам¹²¹.

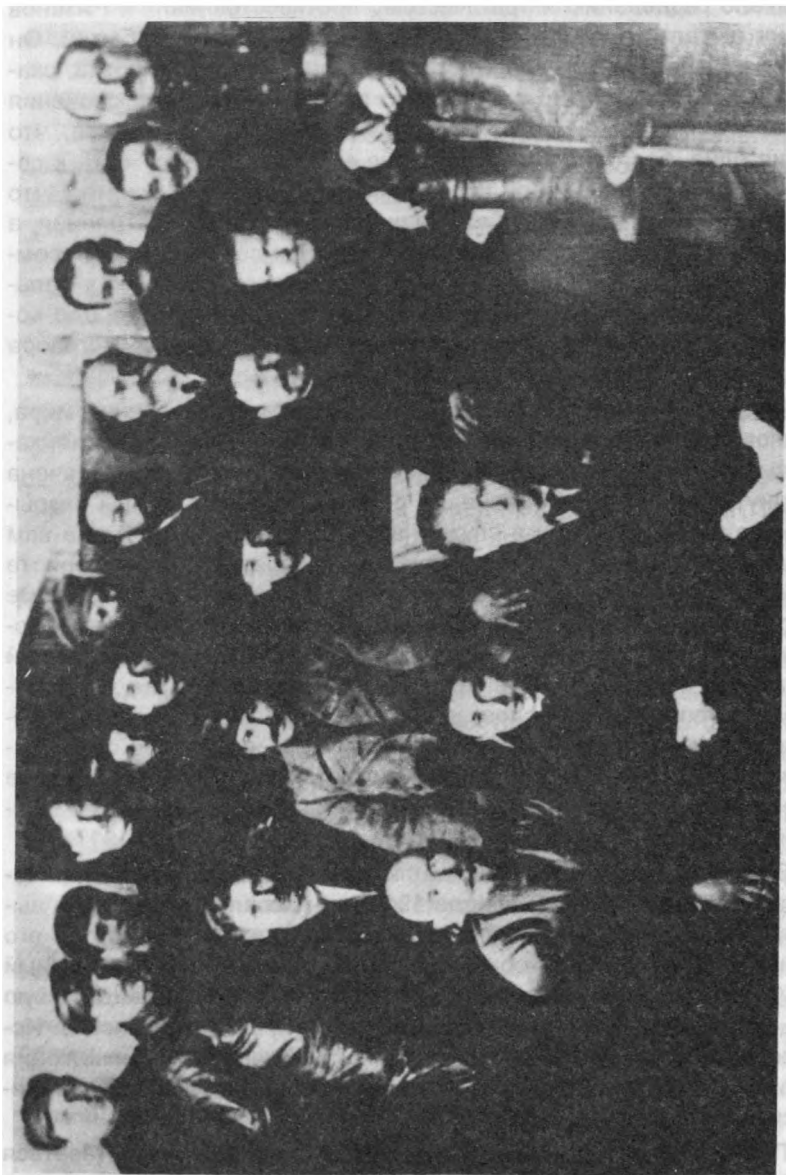
Ряд российских исследователей пришли к выводу, что разгон Учредительного собрания стал "поворотным событием в истории социальной революции 1917 - 1921 гг., которое знаменовало начало гражданской войны внутри революционно-демократического лагеря - между приверженцами различных толков социализма. Было положе-

но начало разделению и трагическому противостоянию"¹²². Рязанов как мог пытался противодействовать такому развитию событий. Он был также противником запрета оппозиционных газет и партий, оказался и в числе тех, кто решительно выступил против заключения Брестского мира. Как ортодоксальный марксист, он полагал, что Россия одна, без Западной Европы не может проложить путь к социализму, "увлечь за собой крестьянские массы"¹²³. Он считал, что заключение мира погасит в Германии революционные настроения, а значит и лишит Советскую Россию классовых союзников, и несомненно учитывал, что одобрение мирного договора приведет к дальнейшему углублению раскола общества, в том числе и в среде социалистов. Так и случилось. После подписания мирного договора гражданская война стала неизбежной.

Когда VII съезд РКП(б) одобрил резолюцию о заключении мира, Рязанов объявил о выходе из партии. Он заявил: "Та резолюция, какую вы сегодня приняли, даже в том случае, если она предназначена для внутреннего употребления, та резолюция, в которой вы разрываете со всем тем, чему я служил всю свою жизнь, а я всегда вам заявлял, что для меня дисциплина международного пролетариата выше всякой национальной дисциплины, - в этой резолюции, кроме этого разрыва со всеми для меня основными предпосылками революционного марксизма, вы в этой резолюции вставили еще целый ряд вещей, которые я считаю совершенно лишними. Я не хочу употреблять теперь резких слов, и вы, товарищи, поймите, если я сегодня должен заявить, что я, к сожалению, не чувствую в себе возможности оставаться в рядах этой партии"¹²⁴. На подобное решение несомненно повлияло и несогласие Рязанова с сектантскими действиями большевистского руководства до и после октября 1917 г.

Вскоре после Ноябрьской революции в Германии Давид Борисович вернулся в РКП(б). В апреле 1919 г. он писал: "Я поэтому и выступил решительным противником Брестского мира, что считал его политическим актом, который должен был задержать неизбежный взрыв международной революции и ослабить пропагандистскую роль Октябрьской революции, толкая ее на путь компромиссов. История устранила этот пункт разногласия. Международная революция началась. Пролетарская Россия имеет теперь союзников в пролетарской Венгрии"¹²⁵.

После возвращения в РКП(б) Рязанов продолжал оставаться идейным оппонентом партийного руководства и в своих выступлениях на съездах и конференциях, на заседаниях ВЦИК противостоял диктаторской тактике ЦК по отношению к общественным организациям, в частности к профсоюзам, выступал против вмешательства партии во все сферы общественной, производственной жизни,

Д.Б. Рязанов (в верхнем ряду четвертый справа) среди делегатов IX съезда РКПб. 1920 г.

против нарушения элементарных норм внутрипартийной демократии, подавления инакомыслия, отсутствия дискуссий и т.д.

Рязанов первым бесстрашно выступил против бюрократизации партийной жизни, прекращения ЦК и его бюро в неконтролируемый, антидемократический орган. Вот лишь несколько выдержек из его выступлений 1918-1922 годов на съездах партии: "Если бы у нашей партии существовала хорошая привычка обсуждать не только в узком кругу, но и в широких собраниях организационные и тактические вопросы нашей партийной деятельности, то те колоссальные амплитуды, которые описывает политика ЦК за последнее время, не имели бы места".

"Толстой предлагал устроить Россию по-мужички, по-дурачки, Ленин по-мужички, по-солдатски. Плоды этой политики, мужичкой и солдатской, мы теперь расхлебываем".

"Вот перед нами декларация прав трудящихся и эксплуатируемых народов, о которой тов. Свердлов на Учредительном собрании говорил, что она будет заменять декларацию прав Великой Французской революции. Дайте себе труд прочесть эту бумажку и спросите себя: сколько раз Вы лгали, - извините за грубое слово, - когда Вы клялись до последней капли защищать каждый пункт ее" (VII съезд).

"Я уже на двух съездах говорил, что пока мы комячейки не освободили от всех обязанностей по части управления жизни фабрик и заводов, пока мы не научим наших членов комячеек не впутываться в эти дела, до тех пор рабочие на фабриках и заводах будут сваливать ответственность на комячейки, до тех пор мы не сможем влить жизнь в наши фабрично-заводские комитеты".

"... Пора перестать делить ЦК на различные камеры, пора перестать смотреть на него как на буржуазное учреждение, с разделением властей: оргбюро, которое устраивает оргии по перемещению, и политбюро - как политическую голову, которая будет заниматься политикой. Не удивительно, что в конце концов, после годичного пребывания в ЦК многие выходят оттуда с распухшей головой, а другие без всяких голов ... Нам нужна группа товарищей, выполняющих постановление партийного съезда, когда этим постановлениям предшествовала настоящая дискуссия. Дискуссия, товарищи, не вредит, дискуссия только укрепляет нашу партию..." (X съезд).

"... ЦК нарушал и не провел в жизнь, тогда, когда это можно было сделать, в течение всего этого года, все начала внутрипартийной демократии"(XI съезд).

"...Профсоюзы имеют право всеми силами, всеми способами, всей энергией защищать интересы этой рабочей силы, охранять ее, ставить ее в такие условия, чтобы повышалась ее квалификация,

чтобы рабочие работали не истощаясь, не отдавая все свои силы, все свои нервы" (XI съезд).

"Наше ЦК совершенно особое учреждение. Говорят, что английский парламент все может; он не может только превратить мужчину в женщину. Наш ЦК куда сильнее: он уже не одного очень революционного мужчину превратил в бабу, и число таких баб невероятно размножается" (XI съезд)¹²⁶.

В своих выступлениях Рязанов обращал внимание на те тенденции в идейном и организационном развитии РКП(б), которые сыграли роковую роль в судьбе партии и всей страны, привели в тупик сталинизма, а в конце концов и к краху КПСС и СССР. Вожди большевиков, как правило, так далеко не смотрели. Они исходили из проблем сиюминутных, думали, как бы с помощью устрашения, централизма, устранения политических конкурентов и закручивания гаек укрепить свой режим. Идеи Рязанова были им чужды и раздражали. Они выставляли своего постоянного оппонента чудачком, навешивали на него политические ярлыки.

Вот лишь три примера. Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов, обращаясь к делегатам VII съезда, заявил: "Товарищи, для многих из вас, конечно, совершенно новы те речи, которые вы только что слышали из уст тов. Рязанова, - но мы к ним привыкли. Здесь неоднократно их слышали и привыкли не обращать на них внимания"¹²⁷.

На VIII съезде Н.И. Бухарин заявил: "Тов.Рязанов, по моему убеждению, сохраняет в своей позиции элемент меньшевистской позиции. Я считаю, что эта точка зрения сводится к так называемой "независимости" профсоюзов, которая защищается меньшевиками"¹²⁸. Профсоюзный деятель Ю.Х. Лутовинов отмечал на IX съезде: "Что такое сейчас преподнес нам т. Рязанов? Самую злосчастную независимость профсоюзов, только несколько в иной оболочке, но существо осталось меньшевистско-эсеровское, обывательское, против чего мы в течение двух лет боролись самым ожесточеннейшим образом"¹²⁹.

Ленин также без особого восторга слушал речи Рязанова, обрушивался на его идеи, отвергал с насмешкой его критику и предостережения. В.М. Молотов позднее вспоминал, что Ленин называл Рязанова "язвой"¹³⁰. Однако иногда он брал его под защиту. 20 декабря 1920 г. на заседании делегатов VIII съезда Советов и членов РКП(б), входивших в состав ВЦСПС и МГСПС, он заявил: "Не было печали, изобрели новое пугало. И кто же это? Тов. Рязанов. Я т. Рязанова знаю лет двадцать с хвостиком. Вы его знаете меньше моего, но не меньше делом. Вы прекрасно знаете, что к его сильным сторонам, которые у него есть, не принадлежит оценка лозунгов."¹³¹ В ряде случаев Ленин даже соглашался с идеями Рязанова, в частности

с его мыслью о том, что профсоюзы должны защищать или отстаивать материальные и духовные интересы рабочих¹³².

Л.Д. Троцкий ставил под сомнение даже эту функцию профсоюзов. Ленин считал, что за инакомыслие Рязанова "наказывать сильно не стоит"¹³³.

Такой же точки зрения придерживались и некоторые другие члены Политбюро и ЦК. При этом учитывались не только авторитет Рязанова в рабочей, профсоюзной и партийной среде, его заслуги перед российской социал-демократией, но и влияние в среде видных западноевропейских социалистов, то, что он был крупнейшим общественником в РКП(б), где было немного эрудированных людей и организаторов, способных к серьезной государственной работе. К тому же Рязанов никогда не претендовал на высокие партийные посты, не примыкал к оппозиционным группам. Поэтому, несмотря на острую критику им ЦК и всех ведущих деятелей, включая В.И. Ленина, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, Л.Д. Троцкого, Н.И.Бухарина и Я.М. Свердлова, к нему долгое время не применялись санкции. Но по мере того, как Ленин и его окружение в начале 20-х годов взяли курс на завинчивание гаек, положение Рязанова в РКП(б) становилось все более и более шатким.

Партийное руководство особенно беспокоило влияние Рязанова в ВЦСПС, где он последовательно защищал право профсоюзов на автономию, выступал против диктата ЦК и опирался на поддержку профсоюзных деятелей. Уже в 1918-1919 годах его оттеснили с высших постов в профсоюзах, назначив на них более покладистых. Конфликт возник, когда весной 1920 г., фракция РКП(б) на III Всероссийском съезде профсоюзов одобрила резолюцию Рязанова, в которой излагались его представления о деятельности профсоюзов, об их функции по защите интересов рабочих, повышению их квалификации, идейного уровня. Участвовавшие в работе съезда члены ЦК не смогли добиться принятия своей резолюции.

8 апреля пленум ЦК отстранил Рязанова от профсоюзной работы. Ему запретили выступать на III съезде с докладом о международном профсоюзном движении, принимать деятелей профсоюзов из Западной Европы. Рязанов опротестовал решение ЦК в оргбюро, которое 30 апреля высказалось за его отмену. (ЦК отменил свое решение только 17 декабря 1920 г.)¹³⁴. А пока, в конце мая 1920 г., Рязанов отказался отправиться в Италию в составе профсоюзной делегации, прервал свою работу в ВЦСПС¹³⁵.

Еще более серьезный конфликт возник в мае 1921 г., когда подавляющим большинством фракция РКП(б) на IV съезде Всероссийских профсоюзов одобрила неортодоксальную резолюцию ЦК, а резолюцию Рязанова, где отстаивалась идея независимости¹³⁶. 18 мая

пленум ЦК принял постановление: "Ввиду того, что резолюция, предложенная т. Рязановым, в особенности его речь на фракции, показали полное расхождение взглядов т. Рязанова со взглядами партии на так называемую независимость профсоюзов, ввиду повторения нарушения т. Рязановым резолюций X съезда и партийной дисциплины ... т. Рязанова ... отстранить от всякой работы в профдвижении"¹³⁷. Рязанов немедленно обжаловал это решение. Но оно 19 мая было подтверждено ЦКК, которая единогласно одобрила решение "об устранении от работы в профдвижении т. Рязанова"¹³⁸. В результате Рязанов не смог принять участие и в работе IV съезда. Весной 1922 г. он обжаловал решение ЦКК, нарушавшее его права как члена партии перед XI партийным съездом и поставил вопрос о ликвидации этой комиссии. "ЦКК, - заявил он, - должна уступить место настоящей контрольной комиссии, которая не играет роль гувернантки в штанах или в юбке", - заявил он¹³⁹. Часть делегатов поддержала требование Рязанова восстановить его в профсоюзном движении. Но Ленин и его окружение были полны решимости отстранить Рязанова от активной политической деятельности. Уговаривая делегатов съезда, уже готовых поддержать Рязанова, (в его защиту выступила фракция РКП(б) IV съезда профсоюзов), Г.Е. Зиновьев заявил: "Если мы хотим выразить ту или иную личную симпатию к Рязанову или другому товарищу, мы найдем для него двадцать случаев. Но не ставьте так вопрос. Вы решаете здесь крупнейшую проблему, вопрос о том, какую линию ведет наша партия по вопросу о профсоюзах"¹⁴⁰. В конце концов XI съезд отверг просьбу Рязанова. Он был также полностью отстранен от деятельности в Коммунистическом Интернационале. Последний раз его избрали на конгресс Коминтерна летом 1920 г. ЦК предпочел вытолкнуть непокорного из международного коммунистического движения, где требовались не свободомыслие и оригинальность взглядов, а послушание.

Все эти решения не поколебали Рязанова. Он продолжал и после 1921 г. выражать свое особое мнение, в том числе и по вопросу о профсоюзах¹⁴¹. 14 марта 1923 г. в связи с 40-летием со дня рождения Маркса в "Правде" была опубликована статья Рязанова "Маркс и РКП". Здесь он высказал свое отношение к марксизму. Как ортодоксальный революционный марксист, он рассматривал его не как чистую теорию, а как "революционно-практическую деятельность", средство для революционного изменения мира. Но в отличие от вождей РКП(б), приспособлявавших марксизм к своим иррациональным сектантским представлениям, он считал, что необходимо развивать марксизм на основе учета современных социально-экономических и политических реалий. "Новая практика, - писал он, - выдвигает новые проблемы. Жизнь требует повелительно их решения, критического

пересмотра основ революционной стратегии, выработанной Марксом, дает возможность РКП найти выход из новых затруднений".

Главной стратегической задачей Рязанов в это время считал укрепление связей между рабочими и крестьянами. "Претворяя еще настойчивей, - отмечал он, - теорию Маркса в свою практику, авангард русского и международного пролетариата, РКП, заботится о том, чтобы торжественная песнь октябрьской революции нашла себе могучий отголосок в могучем победном ходе революционного крестьянства". Поиски союза рабочих и крестьян соответствовали стремлению Рязанова обеспечить более демократическое развитие страны, предотвратить новую экспроприацию, которая была начата в конце 20-х годов. Возможность изложить свои взгляды на развитие РКП(б) Рязанов получил осенью 1923 г., когда началась борьба между возглавляемым Сталиным, Каменевым и Зиновьевым большинством политбюро и видными деятелями РКП(б), группировавшимися вокруг Троцкого. Последние были недовольны вытеснением из руководства партии инакомыслящих, "крайне нездоровым внутривластным режимом", "бюрократизацией партийного аппарата" и требовали устранения фракционного режима, замены его "режимом товарищеского единства и внутривластной демократии"¹⁴².

Большинство политбюро, голословно отрицая всю критику в свой адрес и опираясь на господствующие позиции в партаппарате, решило в ходе внутривластной дискуссии нанести поражение Троцкому и его сторонникам. Дискуссия шла в октябре-декабре 1923 г. и завершилась 16-18 января 1924 г. на XIII партийной конференции.

Рязанов решил использовать дискуссию, чтобы выразить свою точку зрения. Ему было разрешено выступать на партийных собраниях в роли "третьей силы". Вероятно, руководство партии надеялось, что его речи привлекут внимание недовольных, и это уменьшит число делегатов, голосующих за оппозиционеров. Дискуссия проходила очень оживленно. Г.Е. Зиновьев вспоминал, что собрания "продолжались целыми ночами до утра ... Партия была взбудоражена, как улей. Вся рабочая масса, входящая в нашу партию, прислушивалась к спорам"¹⁴³.

В своих выступлениях и резолюциях Рязанов обосновывал необходимость внутривластной демократии. В его резолюции, предложенной на конференции замоскворецкого района Москвы, отмечалось: "Только осуществление принципов внутривластной демократии выведет партию из того состояния мертвого штиля, в котором она находилась до сего времени, только она поставит на обсуждение парторганизаций все основные вопросы партийной жизни и экономического строительства, поднимет и укрепит авторитет партии среди беспартийных рабочих и усилит приток в нее новых широких слоев

промышленных рабочих, укрепляя таким образом наиболее прочный фундамент диктатуры пролетариата. Только внутрипартийная демократия объединяет в совместном обсуждении всех вопросов партийной жизни партийцев, работающих в различных областях - в партийном аппарате, в профорганизациях, в советских учреждениях, в хозяйственных органах - даст возможность бороться со всеми первоначальными последствиями излишней специализации, которая дает себя так остро чувствовать и с оторванностью этих товарищей от общей партийной работы. Только внутрипартийная демократия, сливая и объединяя старую и молодую гвардию в общую партийную работу создаст нормальные условия для всестороннего и интенсивного воздействия старшего поколения на молодое, даст возможность старикам передать в живой повседневной практике огромный политический и революционный опыт, накопленный партией за 20-ть лет"¹⁴⁴.

За эту резолюцию Рязанов проголосовали 17 делегатов, сторонники Троцкого собрали 200 голосов. Большинство же поддержало резолюцию ЦК (ч.1, док.114). Этот случай дает представление о том, как мало сторонников демократических идей было в РКП(б) уже в 1923 г.

XIII партконференция подводила итог дискуссии, и Рязанов, как ее активный участник, был допущен к работе этого форума. В своем выступлении 18 января 1924 г. он в полной мере выразил критическое отношение к политике политбюро и ЦК. На основе анализа их документов выразил скептическое отношение к теоретическим способностям вождей РКП(б), наследников Ленина. "... И скажу я здесь то же самое, что сказал тов. Каменеву, кажется, на Хамовнической конференции: как друзья вы не садитесь, все же в Ленины не годитесь. Пойте соло, запевайте дуэт, трио, квартет и квинтет, но вам не заменить того, что является историческим своеобразием, что является особым моментом в истории партии". Рязанов отметил крайне нездоровую атмосферу в ЦК, необходимость уже год назад "осуществить внутрипартийную демократию, чтобы не застаивалась эта атмосфера в этой маленькой коллегии"¹⁴⁵.

Основные задачи и основные требования внутрипартийной демократии ученый определил как "право и обязанность члена партии высказывать свое мнение, свои суждения по всем вопросам партийной жизни. Это его основное право" ... "Мы заявляем: без этого принципа внутрипартийной демократии, без права и обязанности высказывать свое мнение нет коммунистической партии"¹⁴⁶. Рязанов связывал необходимость осуществления этого принципа с грандиозностью проблем, которые нужно было решать РКП(б) и неспособностью нынешнего ее руководства, в отсутствие тяжело больного Ленина, сделать это. "Пример с т. Лениным, - говорил Рязанов, - по-

казывает, что задачи, лежащие на партии, - сверхчеловеческие, тяжелые задачи, что под тяжестью этих задач, если их навалить на одного человека, ломается, заболевает и такой гигант. Во сколько раз вы, с вашими слабыми силами, меньше справитесь с этой задачей, если не скажете - дело мирское, дело партийное, с ним может справиться только коллектив, только партийная организация, учитывающая и собирающая всю энергию, которая рассеяна в рабочем классе, которая сконцентрирована в коммунистической партии. Только партийный коллектив может справиться с такой задачей. Долой кандидатов в вожди! Да здравствует верховная инстанция партии - съезд и исполнитель ее воли и руководитель партии согласно директивам, намеченным партийным съездом, - ЦК. (Голоса: "Правильно")¹⁴⁷.

Рязанов предостерегал от притока в партию неквалифицированных рабочих, когда число интеллектуально развитых, квалифицированных составило в Москве 5% лишь, а в уездах - 2%, призывал прекратить взаимный мордобой и объединить усилия противостоящих групп для решения задач, стоящих перед партией.¹⁴⁸

Выступление Рязанова на XIII конференции РКП(б) заслуживает внимания исследователей. В нем предпринималась попытка с помощью последовательного осуществления принципа демократии предотвратить сталинизацию РКП(б).

Выступление показывает, что Рязанов и в начале 1924 г. остался верен своим прежним социал-демократическим принципам, высказанным им еще в споре с Лениным. Его предостережения не были услышаны ни в ходе осенней дискуссии, ни на январской партконференции 1924 г. К этому времени они не имели никаких шансов в почти полностью бюрократизированной и догматизированной РКП(б), где две группы вели борьбу за власть. Сталин и его сторонники одержали верх над своими оппонентами, опираясь на партпарат и на впервые озвученный на конференции генсеком тайный седьмой пункт ленинской резолюции "О единстве партии", принятый X съездом и предусматривавший исключение из партии членов и кандидатов в члены ЦК за "фракционность".

Членов ЦК и политбюро вряд ли порадовали нелицеприятные оценки их теоретических способностей, а также положения дел в партии. Характерно, что в окончательный вариант стенограммы конференции наиболее острые высказывания Рязанова не были включены (их удалось обнаружить в первоначальном, неправомерном варианте стенограммы, хранящемся в личном фонде ученого в РЦХИДНИ).

17 - 20 января 1924 г. сокращенные тексты выступлений делегатов конференции, а также ее решения были опубликованы в "Прав-

де" Н.К. Крупская ознакомила выздоравливающего Ленина с этими материалами. По мнению историка А. Авторханова, именно это стало причиной его последних волнений, кровоизлияния в мозг и смерти¹⁴⁹. С этой точкой зрения нельзя не согласиться, ведь конференция означала крах попыток вождя большевиков добиться ограничения всевластия Сталина. Последний укрепил свою неограниченную власть в партии, нанес поражение сторонникам Троцкого, в котором Ленин видел противовес генсеку¹⁵⁰.

Есть основания считать, что в последний год жизни Ленина, когда он осознал суть действий Сталина, его позиция сблизилась с точкой зрения Рязанова. В пользу этого предположения говорит факт их последней встречи зимой 1923 г., когда Рязанов приехал в Горки после одной из своих поездок в Берлин¹⁵¹. Он рассказал Ленину о положении в Германии, о болезни лидера меньшевика Ю.О. Мартова, жившего за рубежом. Вряд ли они обошли при этом острые вопросы политической жизни. И после января 1924 г. Рязанов принимал участие в работе ряда партийных съездов, конференций, будоражил слушателей своими высказываниями и критическими оценками политики партийного руководства. Так, весной 1924 г. он произнес речь на вечере, организованном журналом "Молодая гвардия" и поверг в шоковое состояние большевистских ортодоксов. "Вчера Рязанов выступал с возмутительной, демагогической, антипартийной, развращающей молодежь речью на вечере "Молодой гвардии". Я знаю, что часть присутствующих собирается протестовать. По-моему протест обязательно надо опубликовать", - писал 13 мая 1924 г. в редакцию "Правды" руководитель ЦКК Е.М. Ярославский¹⁵².

В своих речах Рязанов противостоял догматической политике верхов ВКП(б), выступал за единство коммунистического и социал-демократического профсоюзного движения, критиковал Коминтерн за отказ от сотрудничества с социал-демократами, выступал против двух вариантов пятилетнего плана, за разработку одного уравновешенного варианта, протестовал против неуважительного отношения к интеллигенции. "Пора покончить с прохладным, презрительным, индифферентным отношением к интеллектуальному труду,- заявлял он.- С легкой руки целого ряда товарищей хозяйственников, поклонников физического труда, у нас пошло легкое отношение к умственному труду"¹⁵³.

Говоря о Госплане, он отмечал: "... более загнанной и беспризорной части всего этого механизма, чем наука, во всей системе нет. Научно-исследовательская работа поставлена у нас из рук вон плохо ... По отношению к этому высшему поиску просвещения мы ничего не делаем"¹⁵⁴.

Рязанов протестовал против принявшей широкие масштабы продажи культурных ценностей страны, возражал против разрушения церквей, был противником возведения мавзолея, вмешательства партийного руководства в дела литературы. Весной 1925 г. на одном из совещаний по вопросам литературы он заявлял: "Конечно, очень хорошо, что мы собираемся здесь, в зале, под крылышком ЦК, но было бы бедой, если бы ЦК и какие-нибудь его органы попробовали вмешаться в это дело. Я, товарищи, заявляю, что предпочитаю здесь полную анархию, надо предоставить возможность каждой из этих групп и группочек самим доказать свою жизнеспособность ... Партийная марка создает условия при которых бесталанные люди, но люди весьма практические, вносят полное извращение в ту литературу, которая развивается и растет". До сих пор актуальны его размышления о языке: "Мы будем всегда благодарны русскому дворянству в лице его лучших представителей, русской революционной буржуазии, в лице ее лучших представителей, за то, что они выработали великий русский язык. Нам нужны хорошие издания наших классиков, чтобы рабочий класс мог усвоить себе это великое наследие ... Мы разучились говорить на хорошем, ядреном русском языке. Мы до сих пор еще злоупотребляем советским птичьим языком", - заявлял он¹⁵⁷.

Сталинизм набирал силу. Однако и в "годы великого перелома" Рязанов продолжал выступать против травли инакомыслящих. В частности на XVI съезде ВКП(б) он высказался против бесконечных осуждений представителей "правого уклона" Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и М.П. Томского, против попыток превратить их в козлов отпущения. Один из выступающих отметил, что для Рязанова "правый уклон есть что-то выдуманное злокозненными людьми, какой-то жу-пел, который мешает спокойно "плыть по воле волн" ¹⁵⁶. Кстати, в феврале 1931 г., когда Бухарина охаивали во всех газетах и журналах, Рязанов в одном из документов назвал его "талантливейшим теоретиком нашей партии и Коминтерна"¹⁵⁷.

Хорошо понимая, что логикой новое поколение партийных деятелей не проймешь, он все чаще прибегал к юмору, сарказму. В стенограмме его речи на XVI конференции ВКП(б) 15 раз пометок "смех". Иногда встречаются слова "хохот" и "продолжительный смех". А.В. Луначарский писал об этой стороне выступлений ученого: "Речи т. Рязанова сопровождаются часто смехом и причиной этого смеха всегда является острота почти классическая литературная, очень тонкая и неожиданная, часто очень больно разящая противника и иногда оставляющая каплю яда в царапине, которая отмечает место, где впиалась рязановская стрела"¹⁵⁸.

Политические взгляды Рязанова формировались в системе революционно-пролетарской идеологии и были поэтому в определенной мере односторонними. Но и в этих рамках он несколько десятилетий противостоял большевистскому антидемократизму, представлял социал-демократическую традицию, рационалистическую тенденцию в российском рабочем движении. Однако последняя исподволь устранялась сначала Лениным, а затем, все более активно, "верным ленинцем".

Организатор научных исследований

Сразу же после октябрьского переворота Рязанов предпочел науке политику. Однако длилось это недолго. Уже с весны 1918 г. начинается его возвращение к любимому делу. Вскоре в полной мере обнаруживается талант Рязанова как крупного организатора исследовательских разработок. Это было труднейшее время для российских ученых. В условиях разрухи, голода и гражданской войны существовала реальная угроза лишиться талантливейших исследователей, растерять достижения отечественной науки. Это удалось предотвратить благодаря Давиду Борисовичу. Особенно много сделал Рязанов для спасения российских архивов. К весне 1918 г. они находились в плачевном состоянии. Неразбериха началась уже после Февральской революции. В связи с ликвидацией старых и созданием новых государственных учреждений было уничтожено немало архивных документов.

После октября 1917 г. в ходе захватов министерств и ведомств рабочими и солдатами архивы понесли еще больший урон, а сами архивисты присоединились к забастовке чиновников и служащих. В улаживании этого трудового конфликта в январе-феврале 1918 г. принял участие и Рязанов как один из руководителей российских профсоюзов¹⁵⁹. Он уже в марте 1918 г. вызвался наладить архивное дело, в котором хорошо разбирался, почти десять лет проработав в западноевропейских архивах и библиотеках. Получив должность комиссара по реорганизации и ликвидации архивов в связи с эвакуацией Совнаркома из Петрограда в Москву, он 27 марта появился на заседании Союза российских архивных деятелей. Созданный весной 1917 г., союз объединил многих советских историков и архивистов, до тех пор безуспешно пытавшихся реформировать архивное дело¹⁶⁰. Рязанов сумел привлечь симпатии членов деловой и конкретной программой действий. Своей главной задачей он провозгласил "создать условия к наиболее продуктивной деятельности всех служащих архива путем создания органа управления архивами, перво-

Париж. Д.Б. Рязанов с женой Ф. Л. Рязановой. 20-е годы.

начально на территории Петроградской коммуны, а затем и для всей России"¹⁶¹. Вскоре был создан Центральный комитет по управлению архивом (ЦКУА). В начале апреля председателем комитета единогласно избран Рязанов.

Используя свое влияние на партийное и государственное руководство и опираясь на ведущих историков и архивистов России, Рязанов сумел вывести архивное дело из катастрофического положения. На начальном этапе деятельности ему удалось добиться подчинения всех архивных учреждений ЦКУА. Большое значение имела разработка "Положения о Главном управлении архивным делом", в котором запечатлелись лучшие демократические принципы архивной реформы, к которой стремились российские архивисты.

В первом пункте "Положения" отмечалось: "Главное управление имеет основной задачей сохранение, учет и накопление архивных и связанных с ними книжно-научных фондов и наиболее целесообразную их организацию в интересах развития русской исторической науки"¹⁶². Рязанов добился одобрения основных принципов реформы Совнаркомом, который 1 июня принял декрет "О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР", а также включения ГУАД в систему Наркомата просвещения. Тем самым архивное дело было поставлено на фундамент государственного финансирования.

Рязанов создал гибкую организационную структуру. В рамках единого государственного архивного фонда возникло семь секций, а также отделения в Москве, Петрограде, а затем и в других городах. При ГУАД была создана инспекция. Ее сотрудники выезжали на места, чтобы спасти архивы, находящиеся в сложном положении. В работу были вовлечены ведущие архивисты и историки России. Среди тех, кто принимал участие в спасении архивов (1918-1920), можно назвать Н.Н. Ардашева, С.В. Бахрушина, Р.Ю. Виппера, Н.В. Голицына, Ю.В. Готье, А.Ф. Изюмова, А.С. Лаппо-Данилевского, А.А. Кейзеветтера, М.К. Любавского, С.П. Малышева, Б.И. Николаевского, В.И. Пичета, С.Ф. Платонова, М.А. Полиевктова, А.Е. Преснякова, В.И. Селивачева, Е.В. Тарле, А.А. Шахматова. Благодаря Рязанову эти люди смогли реализовать свой интеллектуальный потенциал и выжить в труднейшие годы гражданской войны.

Архивист А.Ф. Изюмов, высланный в 1922 г. из страны и ставший руководителем отдела документов Русского заграничного архива в Праге, вспоминает: "Рязанов представлял среди большевиков редкий тип широко образованного человека, считавшегося с мнением других". И далее: "он сумел привлечь к архивному делу почти все научные силы Петербурга и Москвы, а главное, дал возможность для спокойной деловой работы. После много раз упрекали Рязанова за то, что в своем учреждении он давал приют антисоветским элемен-

там, но ни разу аппарат Главного управления архивным делом при Рязанове не был использован для посторонних архивному ведомству целей"¹⁶³. Академик Тарле отмечал, что Рязанов "очень городской человек, и с ним хорошо иметь дело"¹⁶⁴.

Конечно, Рязанов нравился не всем. Некоторые представители старой интеллигенции, смотрели на него свысока. Так, историк и архивист Ю.В. Готье записывал в дневнике: "Этот человек лет пятидесяти, очень прилично и чисто одетый, с вежливыми и корректными манерами. В первые минуты удивляешься, что видишь такого большевика ... Он влюблен в себя и занят самим собою, много намекал на свои занятия наукой - по-видимому марксизмом... С покровительством говорил о русских профессорах; с ученым видом знатока говорил об архивном деле, в котором на самом деле не пошел дальше старого доброго Самоквасова, снисходительно улыбался, говоря о слишком ярких приспособителях из нашей среды, которые особенно охотно "надевают защитные цвета", причем имел в виду, по-видимому, кое-кого из петроградцев"¹⁶⁵.

Возглавляемое Рязановым управление смогло предотвратить сжигание документов, добиться предоставления помещений, наладить работу по выявлению и приобретению новых архивных материалов, организации архивов на местах. Историк А.Е. Пресняков отмечал позднее: "Сколько-нибудь существенных результатов удавалось - в данной обстановке - достигать, сплошь и рядом, только при личном вмешательстве Д.Б. Рязанова в защиту разоренных архивов и библиотек, благодаря личному его вниманию и энергии"¹⁶⁶.

Одна из причин успеха заключалась в том, что Рязанов принимал на работу сотрудников, исходя из их деловых качеств и профессионализма. Поэтому в его ведомстве оказалось немало бывших дворян, чиновников, военных, в их числе даже бывший министр Временного правительства А.И. Верховский, генерал В.И. Селивачев. Партийным деятелям вряд ли могло понравиться то, что Рязанов был чужд идеологическим догмам и руководствовался лишь интересами науки. Еще при обсуждении вопроса об архивном деле в Совнарком в конце мая 1918 г. большевистский ортодокс историк М.Н. Покровский говорил о политическом значении архивов и ставил под сомнение научные принципы Рязанова. Вожди большевиков не могли согласиться и с тем, что он привлек к работе ГУАД их политических оппонентов и открыл доступ в архивы всем ученым, в том числе "неблагонадежным". Летом 1920 г., когда Давид Борисович находился в зарубежной командировке, его сместили и во главе архивного дела поставили М.Н. Покровского. В отличие от Рязанова, он не жаловал старых специалистов, считал, что "дверь ЧК перед ними всегда должна быть гостеприимно открыта"¹⁶⁷. Вместе с В.В. Адо-

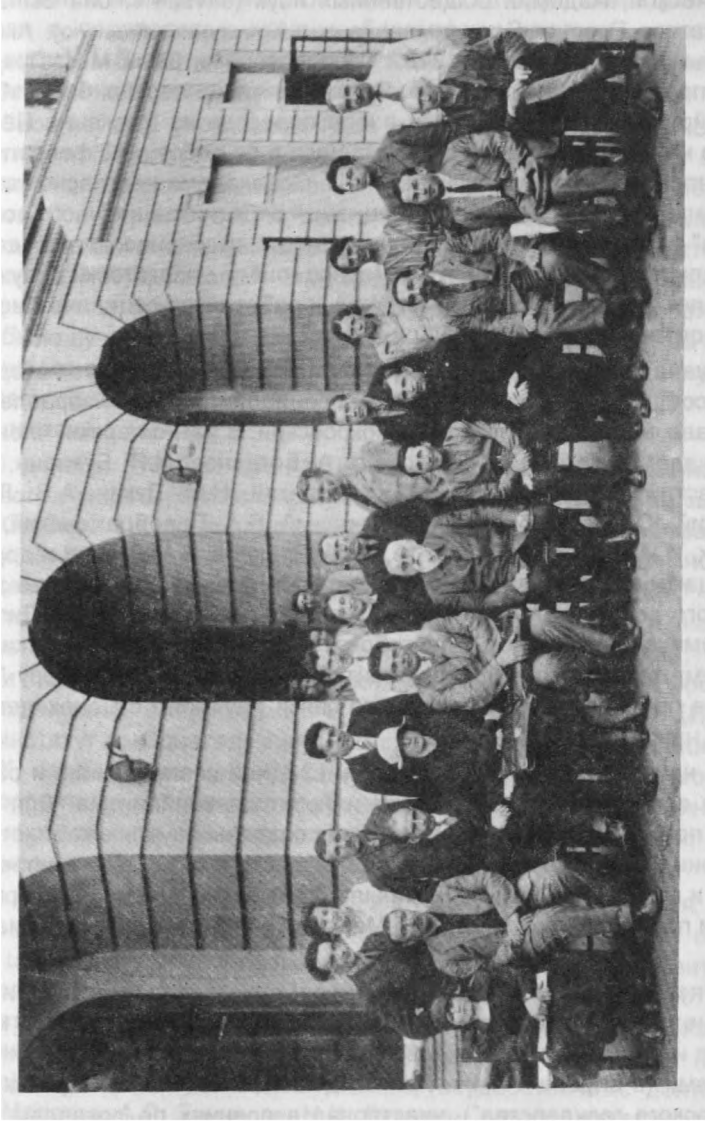
ратским, В.В. Максаковым Покровский придал архивному делу политический характер, начал ограничивать доступ в архивы. Архивному делу был нанесен огромный урон. "Ведомственность, которую, казалось, удалось преодолеть в 1918-1920 гг., вновь захлестнула советские архивы. Из-за низкой квалификации новых работников хранилищ ухудшалась и архивоведческая разработка материалов. Советскому архивоведению и археографии пришлось вновь обретать то, что было естественной "техникой работы" в дореволюционной России", - отмечает О.Ю. Солодянкина¹⁶⁸.

К сожалению, сохранилось мало сведений о работе Рязанова в 1918-1920 годах в Главном управлении наркомпроса по науке. Есть некоторые основания полагать, что она была связана с делами Академии наук, с оказанием помощи академическим учреждениям и крупным российским ученым. Судя по переписке 20-х годов, у Рязанова установились тесные дружеские отношения со многими видными учеными (ч. 1, док. 44, 45, 56, 59, 91, 96, 101, 121). Не исключено, что они восходят ко времени, когда Рязанов возглавлял Главное управление по науке.

Позднее Рязанов вспоминал: "Не прошло и двух недель после 25 октября, а я уже сговаривался с И.П. Павловым (так как к нему относился с весьма большим и большим почтением) относительно лекции для профессионально организованных рабочих Питера. Я от него не получил отрицательного ответа. Я с ним имел возможность встречаться тогда, когда имел возможность быть первым заведующим Главнауки, когда спасал многоуважаемую Академию наук от иногда шероховатых прикосновений моих дорогих товарищей рабочих Василеостровского района. Они это время помнят"¹⁶⁹. Мало что известно и о работе Рязанова в Государственном ученом совете, в который он был избран ВЦИК весной 1919 г.

Во главе института К. Маркса и Ф. Энгельса

После увольнения с поста руководителя Главархива и запрета работать в профсоюзах, Рязанов решил сосредоточить основное внимание на прерванной в 1917 г. научной и издательской работе и создать свое научно-исследовательское учреждение. "Наша эпоха - эпоха научно-исследовательских институтов. Научные учреждения, не только в области естественных, но и в области гуманитарных наук, должны стать лабораториями, где ведут подлинную коллективную исследовательскую работу", - заявлял он в начале 1929 г.¹⁷⁰

Д. Б. Рязанов (в центре) среди сотрудников института К. Маркса и Ф. Энгельса

Предпосылки для создания такого института появились в Социалистической академии общественных наук (в 1924 г. она была по инициативе Рязанова переименована в Коммунистическую). Академия была создана летом 1918 г. Инициаторами были М.Н. Покровский, профессор М.А. Рейснер. Рязанов в числе первых был избран ее действительным членом, а после переезда из Москвы в Петроград в начале 1919 г. активно включился в ее работу. 12 февраля он стал членом президиума академии¹⁷¹. Соцакадемия согласно уставу мыслилась как "автономная ассоциация работников научного социализма" и ставила целью их объединение и сплочение для создания социалистического научного Интернационала, подготовки "научных деятелей социализма и ответственных работников социалистического строительства"¹⁷².

Вначале в Соцакадемию входили наиболее известные историки, философы и экономисты различных социалистических направлений. Во главе ее стоял историк М.Н. Покровский. В разное время членами Соцакадемии были В.А. Базаров, А.А. Богданов, Н.И. Бухарин, В.В. Воровский, А.М. Деборин, А.М. Коллонтай, Н.М. Лукин, А.В. Луначарский, Ю.О. Мартов, М.С. Ольминский, Е.А. Преображенский, К.Б. Радек, И.И. Скворцов-Степанов, Ю.М. Стеклов, В.М. Фриче и другие. В Соцакадемию, вероятно по инициативе Рязанова, в качестве зарубежного действительного члена был избран Карл Каутский. Диплом академика ему передал в сентябре 1918 г. П.И. Стучка. Каутский же дал ему только что вышедшую антибольшевистскую брошюру "Диктатура пролетариата". После этого связи Каутского с Соцакадемией были навсегда прерваны¹⁷³.

В научные задачи Соцакадемии входили исследование и разработка вопросов истории, теории и практики социализма. Для этой цели по предложению Рязанова были созданы научные кабинеты по истории социализма, рабочего и социалистического движения на Западе и в России. В мае 1919 г. была образована комиссия по организации переводов произведений Маркса, Энгельса и других социалистов.

Рязанов активно участвовал в работе президиума, различных кабинетов, вел семинары по политической экономии, истории марксизма и рабочего движения, выступал на заседаниях академии с докладами (в апреле 1924 г. прочел доклад "Ленин как теоретик пролетарского государства"), участвовал в прениях по докладам, комплектовал библиотеку, готовил юбилейные издания, участвовал в различных мероприятиях. Например, 2 мая 1920 г. президиум Соцакадемии решил следующим образом отметить 100-летие Энгельса: "Устроить торжественное заседание. Выпустить сборник статей в память Энгельса. Детальную программу представит т. Рязанов. Вы-

пустить под редакцией т. Рязанова научно-критическое издание "Манифеста Коммунистической партии". Во вторую очередь позаботиться о переводах и издании биографии Энгельса, написанной Майером¹⁷⁴. В начале 20-х годов Рязанов проводил ряд семинаров Соцакадемии по истории марксизма и I Интернационала.

Свое научное учреждение Рязанов решил создать на основе кабинетов и библиотеки Соцакадемии. Руководители РКП(б) благосклонно отнеслись к его планам. Они надеялись таким образом увести популярного общественного деятеля от активной политической жизни и готовы были выделить для этого любые средства. На XI съезде РКП(б) Зиновьев отмечал: "Когда Рязанов сделал свой доклад об академии, мы все слушали его и готовы были ему хлопать. Это было лучшее доказательство того, как ЦК был прав, когда он поставил его работать именно в той области, где он может наилучшим образом применить свои силы, а не в той области, где у него много разногласий с партией"¹⁷⁵.

8 декабря 1920 г. ЦК РКП(б) поручил Рязанову организацию "первого в мире музея по марксизму"¹⁷⁶. 11 января 1921 г. на заседании Оргбюро ЦК по предложению Рязанова музей был назван Институтом К.Маркса и Ф. Энгельса и определен как автономное учреждение при Социалистической академии. В основу ИМЭ легли пять из десяти ее кабинетов: Маркса, истории социализма и анархизма на Западе, политэкономии, философии, истории Англии, Франции и Германии. Вместе с кабинетами к ИМЭ отошла и соответствующая часть библиотеки¹⁷⁷. В июле 1922 г. президиум ВЦИК вывел институт из Соцакадемии, и он стал научным учреждением при ВЦИК, позднее при ЦИК СССР. Это позволило Рязанову создать благоприятные условия для работы ИМЭ, в том числе и финансовые, и обеспечить его независимое положение по отношению к ЦК. Позднее Сталин сетовал, что ИМЭ находится "на отшибе"¹⁷⁸.

В положении об ИМЭ отмечалось, что институт является "высшим всесоюзным научно-исследовательским учреждением, имеющим целью изучение и разработку вопросов генезиса, развития и распространения теории и практики марксизма, а также историю пролетариата и его классовой борьбы"¹⁷⁹. Чтобы облегчить решение финансовых и других проблем ИМЭ Рязанов создал Совет (правление) Института, куда вошли видные государственные деятели - В.М. Молотов, А.С. Енукидзе, Н.И. Бухарин, а также известные деятели Коминтерна К.Цеткин, Бела Кун и ряд других. Совет утверждал издательские планы ИМЭ.

Рязанову удалось добиться выделения средств на закупку за рубежом книг и документов. В мае 1922 г. ИМЭ был предоставлен особняк князей Долгоруковых. В последующие годы это здание до-

страивалось. Институт имел право изымать документы из архивов всех учреждений. Книжная палата должна была передавать ему по одному экземпляру изданных книг по всем вопросам, исследуемым в ИМЭ, все зарубежные материалы освобождались от досмотра на таможне и от таможенных пошлин и сборов¹⁸⁰. Особое внимание директор института уделял "материальной" стороне научного исследования. Он скомплектовал уникальную, самую значительную библиотеку по марксизму. В нее влились книги из различных национализированных книгохранилищ и книжного фонда Наркомпроса. Значительную часть библиотеки составили книги и целые частные коллекции, закупленные или сфотографированные Рязановым в 20-х годах в Англии, Швеции, Германии и Австрии, обнаруженные им в Советской России. К началу 30-х годов общий фонд библиотеки института превысил 450 тысяч томов.

Вторым достижением Рязанова стало создание в институте архива документов Маркса и Энгельса и их современников. При этом он использовал свои давние связи с руководством СДПГ. В ноябре 1924 г. он получил разрешение сфотографировать все рукописи и опубликовать их. Перед тем как сфотографировать материалы, он навел порядок в архиве СДПГ, добился возвращения в него документов, осевших в личных архивах.

Само фотографирование было проведено в 1924 - 1927 гг. Были приобретены архивные материалы из других архивных и научных учреждений и библиотек. Копировались также материалы ряда архивов о Марксе, Энгельсе и рабочем движении XIX в. Всего к 1931 г. ИМЭ располагал 15 тысячами документов в подлинниках и 175 тысячами - в фотокопиях.

В сообщении о работе ИМЭ в 1927 г. отмечалось: "Архив наш представляет не только мастерскую, в которой расшифровываются и переписываются документы. Это только первая стадия работы. Ко всем документам и письмам, после того как они расшифрованы и переписаны, составляются указатели, которые дают возможность разобраться, какие фамилии, местности, даты и факты упоминаются в них"¹⁸¹.

Институт был построен по "кабинетному" принципу. В каждом кабинете имелась библиотека, рукописный фонд, все материалы, необходимые для научной и издательской работы. К началу 1931 г. имелись следующие кабинеты (отделы): К. Маркса и Ф. Энгельса; истории I и II Интернационала; философии и истории наук; истории политической экономии и экономических отношений; истории социологии и общественных форм; истории права, политики и государства; истории социализма, коммунизма и анархизма; истории марксизма и рабочего движения в немецких и скандинавских странах; история

марксизма и рабочего движения во Франции и романских странах; история марксизма и рабочего движения в Англии и англо-саксонских странах; вопросы международной политики и войны в сочинениях Маркса и Энгельса; история марксизма в России и славянских странах¹⁸². Вот как описывал сам Рязанов кабинет Германии: "Это кабинет, в котором собирается материал для изучения истории революционных движений, крестьянских, рабочих, история марксизма в Германии и немецко-скандинавских странах. Кабинет имеет теперь 45 000 книг. В кабинете строжайшим образом проводится система, которая является доминирующей для всего института, - соби- рание книг не для того, чтобы увеличить число книжных единиц, а чтобы создать наиболее благоприятные условия для работы, кото- рая входит в круг задач данного кабинета". А вот его описание каби- нета Плеханова: "Под кабинетом Плеханова у нас подразумевается отдел истории социализма и марксизма во всех славянских странах, в том числе и в СССР"¹⁸³.

В.П. Волгин писал в 1927 г.: "Институт К. Маркса и Ф. Энгельса представляет собою научно-исследовательское учреждение, ставя- щее себе целью создать хорошо оборудованную лабораторию, в ко- торой научный исследователь мог бы, при наиболее благоприятных условиях, изучить генезис, развитие и распространение теории и практики научного социализма"¹⁸⁴.

Большое внимание уделял Рязанов подбору сотрудников ИМЭ. Он добился решения оргбюро ЦК подбирать работников по усмотре- нию директора, при этом не обязательно коммунистов. И он вовсю использовал это разрешение и собрал у себя талантливых исследо- вателей, политических "еретиков" всех идейных направлений. Среди них были бывшие меньшевики, эсеры, кадеты, оппозиционеры из партии большевиков. Как и в случае с Главархивом, Рязанов обра- щал внимание на профессионализм сотрудников.

Среди них оказалось немало оригинальных ученых, в том числе и молодые исследователи, которым Рязанов доверял ответственную научную работу. Вот имена лишь некоторых: Г.К. Баммель, В.П. Волгин, А.М. Деборин, С.Б. Кан, М.О. Косвен, Н.М. Лукин, И.К. Луп- пол, Н.Проферансов, Д.И. Нечкин, Ф. Потемкин, И.И. Рубин, О.Б. Руммер, Я.Э. Стэн, В.А. Тер-Ваганян, Ц.С. Фридлянд, А.Ф. Удадьцов. Работали в ИМЭ и его старые товарищи, в частности, Э.Л. Гуревич (Смирнов). Он был помощником Рязанова по редактированию пере- водов работ Маркса и Энгельса. По хозяйственной части ему помо- гал муж племянницы Фаины - А.М. Штейншнейдер.

Немало внимания уделял Рязанов привлечению иностранных сотрудников. ИМЭ занимался изданием трудов западноевропейских мыслителей, в том числе и на языках оригиналов, и без привлечения

зарубежных исследователей вряд ли можно было успешно решить издательские задачи. В ИМЭ работали венгры Э.И. Цобель и Г.О. Лукач, немцы Г.Брандлер, К.К. Шмюкле, Ф.П. Шиллер, П.О. Дюваль, М.И. Филлинг, австрийцы И.О. Менхен-Хелфен, Р.Л. Наглер, француз П.К. Паскаль, болгарин Х.С. Кабакчиев и другие. По сути дела ИМЭ был превращен в интернациональный научный центр.

Каждый год, как правило - летом, Рязанов на один-два месяца выезжал в научные командировки и приобретал книги, документы, укреплял контакты с потенциальными помощниками ИМЭ, в частности с Франкфуртским институтом социальных исследований, ставшим партнером ИМЭ в издании полного собрания сочинений Маркса и Энгельса на языках оригиналов (МЭГА). Ездили за границу с научными целями и другие сотрудники ИМЭ и ученые, выполнявшие его задания (Е.А. Косминский, Е.В. Тарле и др.). Сохранившаяся переписка дирекции ИМЭ дает представление о сотрудничестве института со многими исследователями Германии и других стран. Рязанов создал сеть представителей ИМЭ во всех крупных странах, где имелись интересовавшие его материалы и книги. В 1924-1931 годах корреспондентом в Берлине был Б.И. Николаевский, в Париже историк Б. Суварин, в Вене - Р. Раздольский.

Поддерживались оживленные научные связи со многими марксоведами, исследователями истории общественной мысли и рабочего движения XIX в. С их помощью удавалось пополнить библиотеку и архив. Среди корреспондентов Рязанова были Теодор Либкнехт, И. Бернфельд, И. Блох, А.В. Фелинг, Э. Баринколь, В. Фельдман и другие¹⁸⁵.

ИМЭ стал местом паломничества, Институт посещали видные политики, деятели культуры и науки, группы провинциальных ученых, участники различных форумов. После возвращения в Россию вместе со своим сыном побывал в ИМЭ Максим Горький.

Опираясь на материальные, кадровые, научно-исследовательские предпосылки, Рязанов организовал невиданное по масштабу издание произведений Маркса и Энгельса, других западных мыслителей. Вот лишь основные направления издательской деятельности института: первое издание Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке (до 1931 г. подготовлено 10 томов из 29); полное собрание сочинений Маркса и Энгельса на языках оригиналов (до 1931 г. подготовлено 5 томов из 12 вышедших); первые научные и популярные издания отдельных работ Маркса и Энгельса, в том числе - "Диалектика природы", "К критике гегелевской философии права", части "Экономическо-философских рукописей 1844 года", а также широко известных произведений - "Манифеста Коммунистической партии", "Анти-Дюринга" и других; издание первых в ми-

ре марксоведческих журналов, прежде всего "Архива К. Маркса и Ф. Энгельса" на русском и немецком языках (с 1924 по 1930 г. вышло пять книг) и "Летописей марксизма" (с 1926 по 1930 г. опубликовано 13 книг), а также "Бюллетеней" института; издание собрания сочинений Г.В. Плеханова, работ Фейербаха, Д. Рикардо, А. Смита, Д. Дидро, Ж. Ламетри, Гегеля, П. Лафарга, В. Либкнехта, Т. Гоббса, К. Каутского, П. Гольбаха, Д. Толанда и других; издание ряда работ известных историков Д.М. Петрушевского, Е.В. Тарле и А. Матъеза. Всего за первые десять лет работы институт опубликовал более 150 томов¹⁸⁶. Более 200 научных исследований напечатал Рязанов. В 1923 г. вышла его книга "Маркс и Энгельс", в основу которой легли лекции, прочитанные на курсах по марксизму в Соцакадемии. Книга неоднократно переводилась на многие языки. В 1923 г. он выпустил первое, а в 1928 г. второе издание двухтомника "Очерков по истории марксизма", куда вошли наиболее значительные марксоведческие работы.

Для материалов Рязанова 20-х годов характерна яркость формы, глубина содержания, стремление оценить идеи Маркса и Энгельса с позиций своего времени. Он пытался включить их идеи в систему интеллектуального и социального развития XIX в.¹⁸⁷.

Как и до 1917 г. научный уровень марксоведческих исследований Рязанова снижал тот факт, что он - ортодоксальный - марксист был чужд критическому отношению к взглядам Маркса и Энгельса, противником любых попыток поставить под сомнение научность их идей, необъективно относился к представлениям их идейных оппонентов. Эта тенденция усугублялась обстановкой в стране в 20-х годах, тотальным идеологическим контролем партийных вождей. Они тщательно следили за тем, чтобы марксизм был вне критики и интерпретировался в чисто ленинском, т.е. в догматическом революционно-коммунистическом а затем и сталинском духе. За Рязановым, как политическим диссидентом, следили особенно тщательно.

Именно в 1927 г. решением ЦК институту "категорически запрещалось не только заниматься разработкой марксизма, но и вообще заниматься теорией" (ч. II, док. 3). Рязанов считал это "диким и абсурдным". Ведь вне разработки теоретических вопросов ни о каком научном марксоведении, речь не могла идти. Но, спасая ИМЭ от неминуемой гибели, он следил за тем, чтобы сотрудники не выходили за рамки "историко-догматических исследований". И стоило ему в 1927 г. опубликовать работу "Экономическо-философские рукописи 1844 года" Маркса, содержащую критику примитивных коммунистических взглядов, весьма сходных с догмами большевиков, тотчас послышались окрики. Поэтому 20-е годы по сравнению с дооктябрьским периодом (1907 - 1917) оказались для Рязанова в исследова-

тельском плане не столь плодотворными. И не случайно значительную часть его "Очерков по истории марксизма" составили дореволюционные работы.

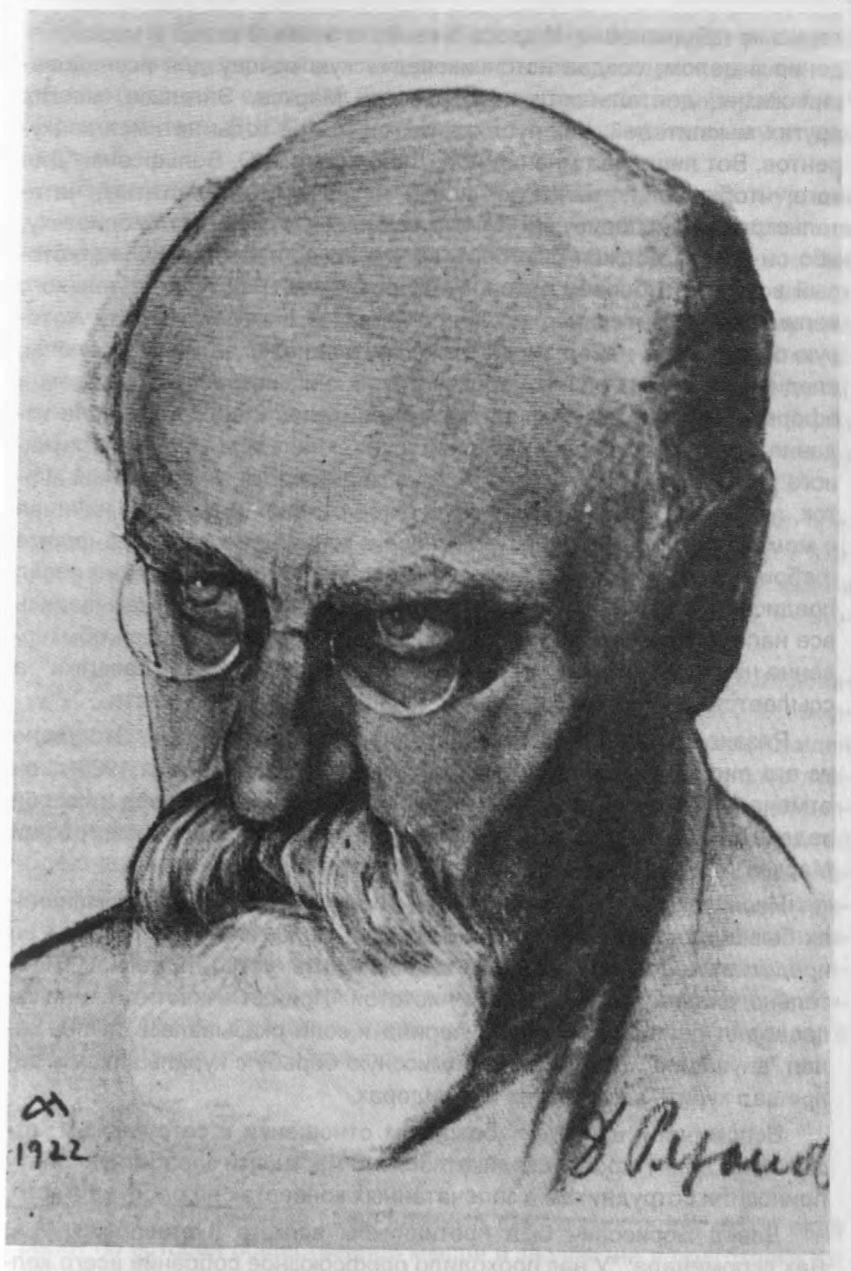
В изложении теоретических позиций Рязанов вынужден был ограничивать себя не только в России, но и за рубежом. Так, 12 декабря 1929 г. к нему обратился известный французский писатель, издатель еженедельника "Monde" А. Барбюс. Рязанова связывали с ним дружеские отношения. Осенью 1927 г. писатель посетил Москву и побывал в ИМЭ, который в одном из писем назвал "великолепным учреждением". Барбюс предложил Рязанову выступить на страницах журнала по вопросу о кризисе социалистической доктрины. "Мы уже дали возможность высказать свое мнение известным социал-демократам. Необходимо, как мы думаем, подвести соответствующий итог с помощью вопросов и ответов. Для этого мы бы хотели узнать мнение коммуниста Вашего масштаба". Барбюс предложил Рязанову ответить на эту анкету и дать представление о развитии марксизма в СССР. Конечно, Рязанов мог бы легко ответить на поставленные вопросы.

Но он должен был подчиняться партийной дисциплине и не мог выразить во французском журнале свое отношение к марксизму Ленина и Сталина и к его практическому применению в СССР. В ответном письме он поблагодарил за предложение, но одновременно сообщил о своем принципе: "я никому никогда не даю интервью"¹⁸⁸.

Ученый вынужден был много писать и часто выступать на злобу дня. Так появились его книги "Взгляды Маркса и Энгельса на брак и семью", "Марксизм и военное дело", рукописи "Марксизм и уголовное право", "Кооперация, социализм и "Капитал" Маркса"¹⁸⁹. Эти работы и выступления имели скорее не научное, а политическое значение. Рязанов хотел, опираясь на высказывания Маркса и Энгельса, противостоять широко распространенным тогда иррациональным сталинским идеям.

Не могло не влиять отрицательно на научную работу Рязанова и распыление сил. В ряде случаев это вело к определенному снижению научного уровня исследований, в том числе и марксоведческих, к ошибкам, особенно когда он занимался проблематикой, далекой от его научных интересов. Особенно наглядно это отразилось в его вступительной статье к изданию "Манифеста Коммунистической партии" о "Союзе коммунистов", где он допустил немало неточностей, в том числе и в комментировании статьи Ф. Энгельса "К истории Союза коммунистов"¹⁹⁰.

В условиях, неблагоприятных для авторской работы, Рязанов предпочел сосредоточить основные усилия на издательской деятельности, не случайно большинство его работ в это время - изда-

Д. Б. Рязанов. Рис. Н.А. Андреева. 1922 г.

тельские предисловия. И здесь он внес огромный вклад в марксоведение в целом, создав источниковедческую основу для исследования жизни, деятельности и творчества Маркса, Энгельса, многих других мыслителей. Как публикатор, он в 20-е годы не имел конкурентов. Вот лишь два мнения А.М. Деборина и М.О. Вольфсона: "Для того, чтобы написать какую-нибудь незначительную статью, читательское предисловие, он должен мобилизовать целую библиотеку, ибо он всегда должен был быть вооружен до зубов, как боец, который вступает в борьбу с мировым противником"¹⁹¹. "Он не только с величайшей тщательностью прорабатывает всякую рукопись, которую он пускает в набор, но он также составляет издательские планы, следит за всеми стадиями производства книг, интересуется видом и оформлением книги, невероятно чувствителен к вопросу о цене издания, великолепно знает корректуру, технические процессы книжного дела. Он не просто "идеологический фактор", а подлинный знаток, любитель и творец книги во всех ее стадиях и деталях, начиная с момента зарождения книги в голове и кончая ее выходом в форме фабричного книжного издания ... Д.Б., как правило, никогда не писал предисловия раньше, чем на его редакторском столе не оказывались все напечатанные листки издания. В своих предисловиях он обыкновенно не пишет "вообще", как это делают многие "предисловщики", а ссылается на страницу, приводит точные выдержки из текста ..."¹⁹².

Рязанов думал о подготовке большого научного труда. Это видно из его письма, адресованного Кларе Цеткин. 20 февраля 1929 г. он отмечал: "Рано или поздно я, все-таки, буду стоять перед тяжелой задачей собрать и просмотреть материал для большой биографии Маркса"¹⁹³. Но это намерение так и не удалось осуществить.

Несколько слов о Рязанове как директоре ИМЭ. В воспоминаниях бывших сотрудников (И.А. Бах, Н.И. Непомнящий, А.Б. Закс) он предстает человеком, который мог вспылить, устроить разнос. Тщательно следил за порядком и чистотой. Прийдя в институт, иногда проводил белым платком по перила и, если оказывалась пыль, делал "внушение". Вел бескомпромиссную борьбу с курильщиками, запрещал курить в кабинетах и коридорах.

Вспоминали и о его заботливом отношении к сотрудникам, отзывчивости, чуткости и деликатности. В частности заработную плату приносили сотрудникам в запечатанных конвертах на рабочее место.

Давид Борисович был противником всякого пустословия. И.А. Бах вспоминала: "У нас проходило профсоюзное собрание всего коллектива института. Приехал и представитель ВЦСПС. Поднялся на трибуну и начал говорить о международном положении. Вдруг встает

Рязанов и говорит: "Извините, я Вас прерву. Зачем Вы рассказываете о международном положении. Мы все читаем газеты и обо всем этом знаем сами. Вы бы сказали нам, как нам лучше работать". Представитель ВЦСПС, не говоря ни слова, закрыл папку и удалился."

Заместитель директора философ А.М. Деборин писал: "Суровый с виду человек, он отличается необычайной мягкостью характера, одарен большим, любвеобильным сердцем. Он в высшей степени человечен, отличается чуткой совестью. С исключительным вниманием относится Давид Борисович к тем людям, с которыми ему приходится встречаться. И все это сочетается у него с большим темпераментом, колоссальной эмоциональной силой. Ему присуще стремление растворить себя, свою личность в том великом деле, которому он служит"¹⁹⁴. Отношение научного коллектива к своему директору отразилось в приветственном письме к одному из юбилеев ИМЭ¹⁹⁵.

Стефан Бауэр в "National Zeitung" отмечал: "... Одним из прекраснейших Институтов является тот, во главе которого стоит Рязанов, а именно - Институт Маркса и Энгельса. В его большом здании таятся выдающиеся сокровища по национальной экономике, к которым стекаются ученые всех стран"¹⁹⁶.

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса как ни одно научно-исследовательское учреждение был обязан своим существованием и всемирной славой одному человеку - Рязанову. От него исходила сама идея создания этого института. Он сформулировал принципы его организации и претворил их в жизнь, создал все материальные предпосылки для научно-исследовательской и издательской работы, сколотил блестящий научный коллектив и, наконец, стоял у истоков практически всех изданий института. Без Рязанова подобного рода уникальный научно-издательский центр марксоеведения, куда приезжали работать обществоведы со всего мира, никогда бы не возник. К. Каутский в 1932 г. справедливо писал, что Институт К.Маркса и Ф. Энгельса "одно из немногих отрядных творений Советской России, в действительности же - Рязанова"¹⁹⁷.

На вершине славы

В 1927 г. Рязанов за свою научную деятельность как автор ряда работ по истории общественной мысли и за участие в подготовке издания первых томов сочинений К.Маркса и Ф. Энгельса был награжден Ленинской премией¹⁹⁸. Он участвовал в международных конфе-

ренциях, в деятельности научных обществ и Государственного учебного совета.

В 1928 г. его кандидатура была выдвинута для избрания в действительные члены Академии наук СССР. В рекомендации Московского университета отмечалось: "Рязанов с полным правом может считаться главой новой, впервые им поставленной в СССР научной дисциплиной - марксоведения ... Все работы Р. носят строго академический характер в лучшем смысле этого слова: они построены исключительно на вновь изданных им материалах и составляют часть им созданной и разработанной дисциплины - марксоведения". В рекомендации другого вуза говорилось: "Рязанов один из первых русских марксистов в России ... является одним из лучших знатоков Маркса и Энгельса, пользуется в этом отношении вполне заслуженной европейской известностью и репутацией"¹⁹⁹, - отмечалось в рекомендации другого вуза.

"Известия" писали: "Имя Д.Б. Рязанова известно мировой исторической науке. Он - общепризнанный авторитет по вопросам истории пролетариата, классовой борьбы, как и в малоисследованных областях истории социальных учений и истории марксизма. Д.Б. Рязанов обладает исключительной эрудицией в различных областях исторической науки, и не только среди советских, но и европейских историков, является единственным ученым, разрабатывающим вопросы библиографии социальных наук". В статье говорилось о международной деятельности ИМЭ, которая далеко выходила за рамки чистого марксоведения. "Не следует предполагать, - отмечал автор, - что Д.Б. Рязанов в своем Институте собирает исключительно исследования Маркса и Энгельса. Дело поставлено гораздо шире. Директор Института, благодаря своей энергии и широте своего научного кругозора собрал здесь исключительные по богатству коллекции произведений английских экономистов XVII века, французских материалистов XVIII века; в институте мы имеем ряд уникалов (скажем, первые издания "Утопии" Т. Мора), интереснейший подбор литературы по истории Французской революции, особенно по Марату, Клоотцу, коллекцию рукописей Бабефа и т.д. Все эти материалы не лежат мертвым книжным грузом. Институт и его директор Д.Б. Рязанов стал центром для исследователей всего мира. Это признано не только тем, что европейские журналы единодушны в оценке работ Д.Б. Рязанова, что немецкие журналы ставят вопрос о необходимости создать нечто подобное Институту в самой Германии ("Histor. Zeitsch", 1928), но и тем, что отдельные лица и учреждения Зап. Европы, Америки, Японии все чаще и чаще обращаются за консультацией по вопросам истории классовой борьбы пролетариата и марксизма к главе Института Д.Б. Рязанову"²⁰⁰.

12 января 1929 г. на общем собрании Академии наук 27 голоса против трех Рязанов был избран в Академию. Следует отметить, что три из десяти кандидатов из списка ВКП(б) - А.М. Деборин, Н.М. Лукин и В.М. Фриче тогда так и не получили нужных 2/3 голосов, а Н.И. Бухарин прошел лишь одним голосом - за него проголосовали 20 академиков²⁰¹.

В связи с избранием Рязанов получил поздравления из разных городов страны: "Поздравляю Вас со званием академика и надеюсь, что и в академии Вы разовьете такую же удивительную колоссальную работу, какую Вы развили в Институте Маркса и Энгельса", - писал 11 апреля 1929 г. М. Сумгин²⁰². "Вчера я прочел в "Правде" об избрании Вас членом Всесоюзной Академии наук. Примите по этому поводу и мое огромное приветствие", - писал ему 16 января белорусский историк²⁰³. А. Кленов из Владикавказа отмечал: "То обстоятельство, что Вы избраны членом Советской Академии ... служит лучшим доказательством того, что 40 лет Вашей борьбы за социализм не пропали даром ... Я прошу Вас, Давид Борисович, простить за это письмо, но известие о Вашем избрании, и чувство личного уважения, более того, сыновней любви, разрешило мне написать, чтобы сказать, как я обрадован, что Советское общество отметило Ваши заслуги на революционно-научном поприще"²⁰⁴.

Провал трех кандидатов от списка ВКП(б) на выборах в академии привел к ожесточенным нападкам партийных деятелей на Академию, к политическим обвинениям, к угрозам распустить ее. Рязанов решительно выступил в защиту трех своих друзей и коллег. Однако он попытался одновременно уладить конфликт и сохранить академию²⁰⁵. В конце концов компромиссное решение было найдено, и три отвергнутых кандидата 13 февраля 1929 г. все же стали академиками.

В академии Рязанов собирался способствовать проведению серьезных реформ, превращению ее из чисто ленинградского учреждения во всесоюзное, принимающее активное участие в экономическом и научном развитии страны. Он видел в ней "мощную научную организацию, имеющую мировую репутацию, скопившую в течение десятилетий огромные научные сокровища, имеющую в своей среде ... весьма и весьма выдающихся ученых в различных областях знания"²⁰⁶. "Необходимо реорганизовать Академию наук, необходимо создать ряд новых учреждений и институтов, главным образом вне Ленинграда - в Москве, в Харькове, в Киеве, в Тифлисе, в Минске"²⁰⁷. При этом Рязанов хотел привлечь к работе институтов широкие слои непартийной научной интеллигенции. Однако у партийных боссов были другие планы, которые предусматривали подчинение академии руководству ВКП(б), репрессии против независимо мыслящих ака-

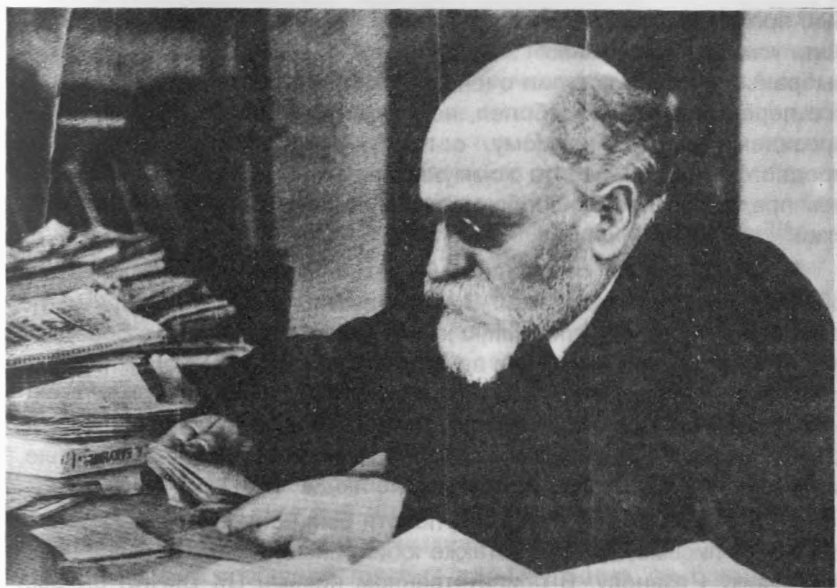
демиков, перетряску всего аппарата академии. Рязанов резко выступил против такой разрушительной тактики, которую среди академиков-коммунистов представлял М.Н. Покровский. В письме в ЦК Рязанов отмечал: "Вступить в академию, чтобы изнутри разрушить ее - да стоила ли овчина выделки?... Не лучше ли было с самого начала ее разгромить, как этого требовали некоторые ретивые товарищи? ... Необходимо уже теперь ... решить вопрос, для чего мы идем в нее? Если только для *декорации*, если только с целью *маскировки*, то пусть этой "работой" занимаются те, кто убежден в ее целесообразности"²⁰⁸. О спорах в среде коммунистов стало известно в АН. Жена неперменного секретаря С.Ф. Ольденбурга Елена Григорьевна отмечала в дневнике 19 апреля 1929 г.: "Оказалось, что коммунисты-академики - Бухарин, Рязанов, Кржижановский - держатся того мнения, что ломать в академии ничего нельзя, один лишь М.Н. Покровский идет против академии"²⁰⁹. Сталинский ЦК, однако, поддержал Покровского.

Профессор И.И. Рубин позднее вспоминал "Бурному негодованию Д. Рязанова против ЦК не было предела. Он угрожал отставкой из института и две недели не посещал его. По делам мы ходили к нему на дом. Помню, я пришел к нему с корректурой "Критики" Маркса. Он не удержался и высказал мне все свое негодование на решение ЦК. "Я хотел в Академии развернуть действительно научную работу, только на этих условиях я соглашался пойти туда, а мне не дают этого делать. Они хотят, чтобы я был при академии политическим комиссаром, но этому не бывать. Я лучше уйду отсюда"²¹⁰.

Между тем реформаторские идеи Рязанова привлекли многих академиков, в том числе и членов Президиума. Уже 17 февраля 1929 года они решили выдвинуть Рязанова на пост одного из вице-президентов АН (вторым кандидатом был А.Е. Ферсман), и, вероятно, вначале Рязанов не возражал против этого предложения. Но после того как ЦК в первой половине марта отверг его реформаторские идеи, он решил под предлогом болезни отказаться от этого поста, а также от участия в работе комиссии по реформированию. В марте он отправил соответствующее в академию письмо"²¹¹.

Бурные события, связанные с борьбой Рязанова за реформирование АН, действительно сказались на состоянии его здоровья. 19 марта 1929 г. врачи пришли к выводу, что он страдает явлениями переутомления и значительного ухудшения сердечно-сосудистой системы (расширение сердца и аорты, резкое повышение кровяного давления) и рекомендовали ему не выступать и не заниматься работой, требующей больших усилий и волнений"²¹².

3 апреля С.Ф. Ольденбург послал Рязанову срочную телеграмму: "Рад узнать улучшения Вашего здоровья можем ли рассчитывать

Д. Б. Рязанов - директор института К. Маркса и Ф. Энгельса

Ваш приезд заседание организационной комиссии²¹³. 4 апреля Рязанов телеграфировал: "К сожалению, здоровье ухудшилось. Принимать участие в работах нет возможности"²¹⁴.

9 апреля Ольденбург писал Рязанову: "Многоуважаемый Давид Борисович. Очень огорчен тем, что Вы не будете участвовать ни в пленуме организационной комиссии, ни в апрельской сессии. При Вашем отсутствии не удастся, вероятно, направить ряд вопросов организационного порядка, тем более что некоторые из них возникли по Вашей инициативе. Тем не менее я готов мириться с некоторой задержкой в обсуждении этих дел, лишь бы Вы окончательно поправились. Прежде всего надо думать о здоровье, и я надеюсь, что, отдохнув немного сейчас, Вы приедете к нам в мае с новыми силами, чтобы принять участие в академической работе"²¹⁵.

Отказ Рязанова обсуждался на общем собрании Академии наук 24 мая 1929 г. В отчете "Известий" отмечалось: "Непременный секретарь акад. Ольденбург оглашает поступившее в президиум письмо Рязанова, который отказывается от своей кандидатуры в вице-президенты Академии наук ввиду его болезни, требующей продолжительного лечения. Общее собрание академии выражает сожаление по поводу отказа Рязанова"²¹⁶. На пост вице-президента был выдвинут более послушный ЦК академик Г.М. Кржижановский. После марта 1929 г. Рязанов полностью самоустранился от дел академии. Это

был протест против политики партийных верхов, которые вскоре начали усмирять академию²¹⁷. "Как я писал, Ф[ерсман] и Рязанов были выбраны. Рязанов вступил очень энергично в работу АН - но затем все переменялось: Р. заболел, не явился в АН, отказался от вице-президентства (по-видимому, с принуждением под благородным предлогом), и вся работа коммунистической группы пошла иначе, чем предполагалось", - сообщал своему сыну академик В.И. Вернадский²¹⁸.

В марте 1930 г. отмечалось 60-летие Рязанова и 40-летие его общественной деятельности. Вот как выглядел он в это время по описанию В. Сержа: "плотный, с крупными чертами лица, с бородкой и усами, густыми и седыми, с внимательным взглядом, олимпийским лбом, бурным темпераментом и склонностью к иронии"²¹⁹. Чествование приобрело общесоюзные масштабы, на него отозвались многие организации и учреждения, как государственные, так и научные, многие политические деятели, простые люди.

10 и 11 марта в центральной печати были опубликованы приветственные письма, адреса, а также юбилейные статьи, посвященные академику Рязанову. В приветственном письме ЦК ВКП(б) он был назван "неутомимым борцом за торжество идей великих учителей международного пролетариата К. Маркса и Ф.Энгельса, В.И. Ленина". "Отмечая Ваши большие заслуги перед партией и мировым рабочим движением в деле собирания и разработки драгоценного литературного наследия Маркса и Энгельса и приветствуя в Вашем лице неутомимого организатора и руководителя первого в мире Института имени Маркса и Энгельса, долженствующего вести непримиримую борьбу против всех и всяких ополщителей революционного наследия Маркса-Энгельса-Ленина, Центральный Комитет уверен, что еще долгие годы Ваша работа будет служить делу борьбы мирового пролетариата за победу коммунизма".

Заслуги Рязанова были отмечены в приветствиях и адресах президиума исполкома Коминтерна, исполкома Профинтерна, ВЦСПС, Реввоенсовета, Академии наук СССР, Комакадемии, Госиздата, Института красной профессуры, Госакадемии художественных наук, Центрархива СССР, Музея Революции СССР, Ленинградской публичной библиотеки, Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе, Ленинградского государственного университета и многих других учреждений²²⁰. Приветственные письма получил Рязанов и от руководителей страны председателя Совнаркома А.И. Рыкова и секретаря ЦИК А.С. Енукидзе²²¹.

14 марта 1930 г. было подписано постановление ЦИК СССР о награждении Д.Б. Рязанова орденом Трудового Красного знамени за научные заслуги в создании института - "единственной в мире лабо-

ратории по марксоведению, истории социализма и классовой борьбы, а также в изыскании и публикации неизвестных до последнего времени трудов основоположников научного социализма". Была учреждена премия имени Рязанова за лучшую марксоведческую работу²²². Ю.М. Стеклов отмечал: "Когда тов. Рязанов узнал, что президиум ЦИК СССР постановил наградить его орденом Трудового Красного знамени, он протестовал против этого, говоря, что признает заслуги только за коллективом, награждение же личности он принципиально отвергает"²²³.

21 марта 1930 г. под председательством председателя ЦИК СССР М. И. Калинина состоялось торжественное собрание. Калинин знал Рязанова с 1906 г., со времени совместной работы в петербургском Союзе металлистов и во вступительном слове назвал его "одним из крупнейших агитаторов" и отметил: "Он умеет говорить с рабочими, умеет говорить с народом. Я люблю Рязанова за то, ... что он принадлежит к плеяде старых коммунистов ... Каждый из них является уникалом, каждый имеет свое индивидуальное интересное лицо ... У Рязанова мы видим именно отличное качество работы. Если Рязановым сообщены такие-то даты и данные, опубликованы такие-то документы, прослежена связь каких-либо теорий, выявлены исторические истоки каких-то концепций и т.д., то на достоверность этого материала можно вполне положиться, потому что работа Рязанова, работа, которая может выдержать какое угодно испытание "на качество"²²⁴.

60-летие Рязанова было отмечено большим числом статей в газетах и журналах. "Правда" опубликовала статью "Неутомимый борец за революционную марксистскую науку"²²⁵. "Давид Борисович Рязанов, - отмечалось в газете "Научная работа" 26 марта 1930 г., - принадлежит к той славной и немногочисленной плеяде старых революционеров, которые одни из первых восприняли учение Маркса и Энгельса и сделали его своим боевым знаменем. Созданный т. Рязановым институт является в настоящее время, по богатству сконцентрированных в нем материалов и своей организационной структуре лучшей в мире лабораторией по марксоведению и истории классовой борьбы"²²⁶.

На юбилей Рязанова откликнулись и представители оппозиции. Л.Б. Каменев писал 10 марта 1930 г.: "Дорогой Давид Борисович. Узнаю из газет, что именно сегодня полагается высказывать Вам добрые чувства. Надеюсь, что Вы не сомневаетесь, что с самого момента старого уже нашего знакомства и вплоть до сегодняшнего дня я питал к Вам искреннее чувство любви и уважения. Не знаю - за отсутствием опыта, приятно ли напоминание о 60 годах, но неугомонная и всесторонняя сорокалетняя "драка" за Маркса и марксизм, это

такое прекрасное дело, о котором долго еще будут рассказывать "старикам на утешение, молодым людям на поучение". Эту Вашу пропагандистскую работу никому не удастся вычеркнуть из героических страниц нашей героической эпохи. Хотя мы и мало встречаемся за последнее время, но всегда утешительно знать, что Вы недалеко, и неизменно сотрясаете застоявшуюся мысль и своей научной работой, и своей революционной инициативой²²⁷.

В парижском "Бюллетене оппозиции" появилась статья Троцкого. В ней Рязанов был назван "бесспорно лучшим сейчас историком-марксоведом". "Редакция "Бюллетеня", - отмечалось в статье, в прошлом не раз расходилась с тов. Рязановым на почве политических вопросов. И сейчас у нас нет никаких оснований думать, что директор Института Маркса-Энгельса стоит ближе к нам, чем к официальной позиции. Насколько мы можем судить, Д.Б. Рязанов вообще отошел от активной работы в партии. Но не об этом сейчас речь. Юбилей Рязанова связан для всех и каждого прежде всего с его гигантской научной работой в области собирания, восстановления исторического истолкования идейного наследства Маркса-Энгельса. *Неутомимость* Рязанова в этой области безгранична, как и его *зрудия*. К этим качествам надо добавить третье, не менее ценное: *идейную неподкупность*. Отойдя от активной партийной борьбы, Рязанов никогда, однако, не сделал ни малейшей уступки тем методам, которые стали руководящими в лженаучных учреждениях сталинского аппарата. В то время как Институт Ленина и Истпарт превратились за последние годы в гигантские мануфактуры исторических и теоретических фальсификацией, приуроченных к каждому очередному повороту генерального секретариата, Институт Маркса-Энгельса был и остается подлинно ученым и научным учреждением, где горит и светит марксистская мысль и где реставрируется, очищается, оттачивается, отчасти куется заново теоретическое оружие пролетарской революции"²²⁸.

В связи с юбилеем Рязанова был издан упомянутый уже сборник "На боевом посту". В посвящении говорилось: "Давиду Борисовичу Рязанову, лучшему марксоведу, борцу за освобождение рабочего класса, основателю и руководителю Института Маркса и Энгельса, в день его шестидесятилетия посвящают этот сборник его товарищи, друзья и сотрудники"²²⁹.

В марте 1930 г. по стране уже всюду гулял холодный ветер сталинизма, полным ходом шли репрессии. В этих условиях многие идейные оппоненты Сталина спешили выразить свои симпатии человеку, известному независимостью суждений, бесстрашием и благородством.

Народный заступник

(1918 - 1930)

В мемуарах и ряде опубликованных документов можно найти сведения о выступлениях Рязанова в защиту отдельных репрессированных. Материалы, опубликованные в первой части документального приложения, показывают, что это были не эпизоды, а часть большой, целеустремленной, многолетней работы ученого по спасению жертв политических преследований в России. Публикуемые в этой книге письма гонимых людей, их родственников и друзей в адрес Рязанова, составили семь томов (с 3 по 9 включительно) его следственного дела, хранящегося в Центральном архиве Федеральной службы безопасности РФ в г. Москве²³⁰. Здесь подшито более двухсот подобных материалов, которые должны были доказывать его пособничество меньшевикам и другим контрреволюционерам. Все эти документы содержат уникальные сведения о российском обществе 1918 - 1930 гг. и дополняют "Архипелаг ГУЛАГ" А.И. Солженицына, который первым обратил внимание на репрессии 20-х годов¹³⁵. Документы могут привлечь внимание исследователей истории России и тем, что содержат материалы известных ученых и политических деятелей. Достаточно назвать И.П. Павлова, Е.В. Тарле, С.Ф. Платонова, Д.М. Петрушевского, а также Л.Д. Троцкого, Е.А. Преображенского, Г.И. Мясникова, Б.И. Николаевского. Но прежде всего хотелось бы привлечь внимание к совершенно неизвестной деятельности академика Рязанова. Следует отметить, что ее масштабы были намного значительнее того, что узнает о ней читатель из публикуемых документов. В РЦХИДНИ хранится регистрационная книга личного фонда Рязанова. Из нее видно, что в 1941 г. были уничтожены тысячи документов, в том числе и переписка ученого. 11 сожженных томов включали в себя документы, связанные с правозащитными хлопотами Рязанова.

Вот содержание этих томов:

"Краткие характеристики, пометки Рязанова Д.Б. и его секретариата об арестованных и административно высланных. 1917 - 1930. 100 л."

"Заявления, справки, свидетельства разных лиц и учреждений Рязанову Д.Б. об освобождении из мест заключения их родственников, знакомых и бывших работников. 15.VI.1918 - 25.XII. 1918. 101 л."

"Протоколы, выписки из протоколов, резолюции, частные письма и ходатайства разных центральных советских учреждений, организаций и лиц, адресованные Рязанову Д.Б. об оказании содействия в

получении помилования и освобождении осужденных органами ВЧК из мест заключения. 18.V.1918 - 4.XII. 1918.73 л."

"Заявления, справки, письма, свидетельства и ходатайства разных лиц и учреждений, адресованные Рязанову Д.Б. об оказании содействия в получении помилования и освобождения из мест заключения их родственников, знакомых, бывших работников. 3.I.1919. 168 л."

"Заявления, письма, записи, краткие биографические данные об осужденных органами НКВД, адресованные Рязанову Д.Б. осужденными, их родными, и знакомыми с просьбой оказать содействие в помиловании и освобождении из мест заключения. 1919 - 1930. 95 л."

"Письма, заявления, обращения и ходатайства арестованных, их родственников и знакомых, адресованные Рязанову Д.Б. об оказании содействия в получении помилования и освобождения из мест заключения. 7.I. 1920 - 18.XII. 1924. 125 л."

"Письма осужденных органами Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Справки и краткие биографические сведения о них. 1920 - 1925. 87 л."

"Письма от знакомых Рязановым Д.Б. и А.Л., справки, заявления и ходатайства разных лиц, учреждений и осужденных органами НКВД, а также находившихся за границей, адресованные Рязанову Д.Б. с просьбой об освобождении из мест заключения, о въезде в СССР и выезде за границу. 29. I. 1924 - 28.X. 1930. 79 л."

"Копии заявлений Мутника А.Я. и биографии Л. Тика, адресованные Рязанову Д.Б. с просьбой оказать содействие перед наркоматом Иностранных дел и выезде их в СССР на постоянное место жительства. Письма, заявления и ходатайства административно высланных Сер. Цедербаума, Кобранова Е.Я., П. Шереметьевой, Крючкова Д.И. и др. об освобождении их из мест заключения и ссылки. 24.I. 1925 - 27.XI. 1926. 127 л."

"Заявления, справки и письма арестованных, административно-сосланных и их жен, родных и знакомых, адресованные Рязанову Д.Б. с просьбой ходатайствовать перед ВЦИК о помиловании и освобождении из мест заключения. 19.I.1927.- 20.XII. 1929. 152 л."

"Письма, заявления с приложением копий приговоров, адресованные Рязанову Д.Б. от арестованных, административных ссыльных, их родственников и знакомых об оказании содействия в получении помилования и освобождения из мест заключения. 7.I. 1930 - 9.XII. 1930. 141 л."²³²

Если мысленно объединить семь томов (примерно 800 л.), сохранившихся в Центральном архиве ФСБ, с уничтоженными одиннадцатью томами (более 1200 л.), то получается, что Рязанов рабо-

тал как целое учреждение, ни на день не прекращая свои хлопоты, правозащитную работу. Из мемуаров видно, что даже в этих материалах было зафиксировано далеко не все. К тому же с начала 20-х годов до декабря 1930 г. Рязанов принимал многочисленных ходо-таев в своем кабинете в ИМЭ. Если все это учесть, окажется, что масштаб его благородной деятельности поистине грандиозен.

Карательная практика большевиков началась вскоре после Октябрьской революции. 20 декабря 1917 г. по инициативе В.И. Ленина была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Председателем ее стал Ф.Э. Дзержинский²³³.

Первоначально в задачи ВЧК входило: "преследовать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажные попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они ни происходили", "предание суду ревтрибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними"²³⁴. Особые отделы ВЧК были созданы по всей стране, на всех фронтах, во всех воинских соединениях. в армиях. Вначале комиссия имела право розыска и предварительного следствия, но затем получила право внесудебной расправы вплоть до расстрела на месте преступления. ВЧК оказала существенное воздействие на внутривнутриполитическую ситуацию, раскрыла немало заговоров, диверсий, направленных против большевиков. Однако уже после 1918 г. она стала мощным орудием политических репрессий, направленных против идейных оппонентов - меньшевиков, эсеров, представителей других партий и оппозиционно настроенных социальных групп.

Особую активность стала проявлять ВЧК после покушения на Ленина (30 августа 1918 г.). С этого времени ВЧК приступила к государственному террору по отношению ко всем слоям общества, недовольным политикой большевиков. Активно использовали расстрелы и захваты в качестве заложников ни в чем не повинных людей. Эти варварские меры были полностью одобрены В.И. Лениным. По свидетельству Троцкого, сразу же после октябрьского переворота он решительно выступил против решения отменить смертную казнь для солдат-дезертиров. "Вздор, - повторял Ленин, - как можно совершить революцию без расстрелов. Неужели же вы думаете справиться со всеми этими врагами, обезоружив себя? Какие еще есть меры репрессии? Тюремное заключение? Кто ему придает значение во время гражданской войны, когда каждая сторона должна победить?"²³⁵.

О захвате заложников он писал: "Пусть себе возмущаются, но войны вести без этого нельзя, и при обострении опасности употребление этого средства необходимо"²³⁶. По некоторым данным, в 1918

- первой половине 1919 г. ВЧК расстреляла 8393 человека, за все время гражданской войны было расстреляно около 50 тыс. человек²³⁷.

К началу 20-х годов ВЧК превратилась в орудие политического террора. Руководство РКП(б) решило использовать ее для укрепления своих позиций, когда после окончания гражданской войны сложилась неустойчивая экономическая и политическая обстановка. Лишь в 1921 г. ВЧК арестовала 35826 человек, из них 9701 были расстреляны, а 21724 отправлены в концлагеря²³⁸.

В феврале 1922 г. ВЧК была упразднена, а ее функции переданы Государственному политическому управлению (ГПУ), которое 15 ноября 1923 г. было преобразовано в Объединенное Управление (ОГПУ). Шефом остался Дзержинский, которого после его смерти в 1926 г. сменил В.Р. Менжинский. Постановление ВЦИК от 16 октября 1922 г. предоставило ОГПУ право внесудебной расправы, вплоть до расстрела. Позднее было создано Особое совещание при коллегии ОГПУ, которое во внесудебном порядке могло отправлять людей в ссылки и даже принимать решения о расстреле²³⁹.

Нельзя не обратить внимания на страшные условия, в которых находились узники и ссыльные после 1917 г. в тюрьмах, концлагерях, политизоляторах, в ссылке в Сибири, на Северном Урале, на Соловках. Впрочем, все это довольно полно освещено другими авторами...

На основе публикуемых документов можно установить определенную динамику репрессий. Бросается в глаза незначительное число ходатайств (1922 - 1926), а затем стремительный взлет (1928 - 1930). Это могло объясняться и объективными тенденциями. В 1922 г. были опубликованы данные о количестве осужденных по делам ВЧК - ОГПУ - НКВД и МГБ за 1921 - 1953 гг. Из них следует, что в 1921 г. осуждено 35829 человек, а в 1922 - 6003, в 1923 - 4794, в 1924 - 12425, в 1925 - 15995, в 1926 - 17804, в 1927 - 26036, 1928 - 33757, в 1929 - 56220, в 1930 - 208069²⁴⁰. Некоторое затишье (1922 - 1925) было вызвано, прежде всего, внутривластной борьбой в РКП(б). Вначале между Сталиным и Троцким, а затем между Сталиным и Троцким, Зиновьевым, Каменевым. Во время болезни Ленина борьба за власть в какой-то мере отвлекла внимание вождей партии и руководителей ОГПУ²⁴¹.

Важную роль сыграла позиция Дзержинского. В письме Б.И. Николаевского Н.В. Валентинову от 1 сентября 1954 г. отмечается: "Я знаю, что Дзержинский сопротивлялся подчинению ГПУ контролю Сталина и отказывался (во всяком случае вначале) делать доклады о работе Сталину (мне об этом рассказывал Рыков летом 1923 г.) Я знаю, далее, что сталинский аппарат на большие операции был пу-

щен с осени 1926 г., что аппарат за границей Сталин себе подчинил в 1927 г."²⁴².

В 1928 - 1929 годы несколько изменился состав арестованных и ссыльных, за которых просили родные и друзья. Наряду с бывшими меньшевиками, анархистами, эсерами, дворянами, чиновниками, учеными, художниками, студентами появляется весьма многочисленный слой оппозиционеров ВКП(б), в том числе и рабочих, в основном сторонников Троцкого и Зиновьева. В 1928 г. их в массовом порядке исключали из партии "за фракционную работу" и отправляли в дальние районы страны. "Поскольку ссыльным предъявлялось обвинение в антисоветской деятельности, они лишались избирательных прав и членства в профсоюзах. Они были обязаны регулярно являться для регистрации в местные органы ГПУ. Им назначалось месячное пособие в 30 руб., которое в 1929 г. было вдвое уменьшено" отмечает В. Г. Роговин²⁴³. В 1928 г. число ссыльных троцкистов колебалось между 6 и 9 тысячами²⁴⁴.

В конце 20-х - начале 30-х годов у ОГПУ, помимо прежних, появились новые клиенты - ученые, ставшие негодными после того, как руководство ВКП(б) обратило внимание на Академию наук, а затем видные государственные служащие, инженеры, аграрники, финансисты, которых Сталин решил превратить в козлов отпущения за развал экономики и сельского хозяйства, прямого следствия коллективизации. Всех их обвиняли во вредительстве. "Вредительство буржуазной интеллигенции есть одно из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма. Вредительство тем более опасно, что оно связано с международным капиталом. Буржуазное вредительство есть несомненный показатель того, что капиталистические элементы далеко еще не сложили оружие. Они накапливают силы для новых восстаний против Советской власти", - заявлял в 1928 г. генсек на одном из пленумов ЦК²⁴⁵.

На фоне непрекращающихся политических репрессий шла активная борьба Рязанова за спасение жертв политических преследований. Он был в курсе репрессивной политики большевизма, выезжая часто за рубеж в научные командировки, Рязанов знакомился с книгами и журналами, где довольно подробно описывались мтарства политических заключенных и ссыльных, тяжелые условия их жизни и работы, произвол и издевательства карательных органов. Материалами подобного рода выделялся издававшийся в Берлине журнал "Социалистический вестник", который Рязанов привозил в Москву²⁴⁶.

Предпосылки для правозащитной работы имелись в политических взглядах Рязанова, который на всех этапах своей общественной деятельности выступал против подавления инакомыслия, против ис-

пользования террористических методов в политической деятельности и любой формы насилия, за сотрудничество разных политических сил.

Важную роль играл и альтруистический характер ученого. Обращаясь к нему, священнослужитель А.И. Введенский писал: "Ради всего святого и великого, что живет в каждой душе и что (все говорят) так ярко горит в Вашей, поддержите мою просьбу".(ч. I , док 49). Это "светлое и великое" побуждало Рязанова помогать интернированным в 1914 - 1916 годах большевикам, а после 1917 г. их идейным оппонентам. Добросердечие Рязанова побуждало многих, в том числе и незнакомых, обращаться к нему за помощью. " Простите, что я, человек Вам совершенно неизвестный и незнакомый, - писала ему одна просительница, - решаюсь обратиться к Вам со своим делом и просить Вашего заступничества. Я о Вас много слышала, и это придает мне бодрость писать Вам"²⁴⁷.

Как и многие правозащитники, Рязанов был противником смертной казни. И это несмотря на то, что сам он в сентябре 1919 г. чуть не стал жертвой террористического акта анархистов, подбросивших две бомбы в зал заседаний Московского комитета РКП(б). В этот день 150 человек обсуждали вопрос об агитационной работе в партийных школах. 12 человек были убиты, 55, в том числе Бухарин и ряд других видных большевиков, ранены²⁴⁸. В 1922 и 1926 годах на заседании ВЦИК Рязанов решительно выступал против включения этой меры "социальной защиты" в Уголовный кодекс (ч.1, док 46, 58)²⁴⁹. Не исключено, что некоторые решения Совнаркома и ВЦИК в сторону отмены и ограничения смертной казни в 1919 и в последующие годы были приняты по инициативе Рязанова. "Он один постоянно возвышал свой голос против смертной казни, даже во время террора, он постоянно требовал строго ограничить права ЧК, а затем ГПУ," - отмечал В. Серж²⁵⁰.

Ученый был сторонником либерального законодательства, выступал за то, чтобы предварительное заключение не превышало трех дней, а максимальный срок наказания - пять лет ²⁵¹, чтобы защитниками на суде могли быть представителями любых политических взглядов."Это лицо может быть любого политического направления, пусть он будет меньшевик или эсер - все равно. Если, например, обвиняемый эсер убежден, что лучше всего его может защитить эсер, и если этот эсер не опорочен по суду, он должен быть допущен к защите" , - говорил он на сессии ВЦИК²⁵².

Нельзя забывать, что все эти и другие выступления звучали на фоне жестоких репрессий. Примечательный факт. Впервые Рязанов возвысил свой голос против террора еще на VII съезде партии. Тогда стало известно, что в начале марта 1918 г. была арестована и рас-

стреляна группа студентов. "Те, кто знает, что проделывается именем Советской власти и кто прикрывается именем самой революции в мире партии большевиков, те, кто знает ту гнусную вещь, которая совершилась два дня назад, когда были расстреляны шесть ни в чем не повинных людей на основании безумного приказа о немедленном расстреле, подписанного Троцким, те поймут, во что превращаются действия именем пролетарской партии", - заявил он²⁵³.

Безоговорочно отрицательное отношение к карательной практике нового режима Рязанов выражал впоследствии неоднократно. Неприятие насилия было его жизненной позицией. Так, в начале 1919 г. он выступил против расстрела четырех великих князей, назвав эту акцию большевиков "гнусным расстрелом"²⁵⁴. В 1923 г. Рязанов выразил возмущение, в расстреле большой группы политических заключенных на Соловках за нарушение лагерных "правил внутреннего распорядка". Один из соловецких заключенных социалист Д.М. Бацер вспоминал: "Позднее, из весьма осведомленного источника, нам стало известно, что Д.Б. Рязанов на заседании ЦК РСДРП кричал, что "опозорены его седины"²⁵⁵. Скорее всего, однако, это произошло на заседании ВЦИК.

Отношение к произвольным действиям деятелей ВЧК в провинции Рязанов выразил летом 1919 г. В мае он был делегирован ЦК РКП(б) в Иваново-Вознесенск "в качестве его ответственного представителя в целях упорядочения местной работы, инструктирования местных работников и ревизии местных партийных организаций", а также для контроля "над проведением в жизнь декрета ВЦИК о призыве крестьянства к борьбе с контрреволюцией". Рязанов получил право "в случае необходимости и обнаружения злоупотреблений отстранять губернских, уездных и волостных должностных лиц от исполнения ими обязанностей, назначать следствие, отдавать под суд и заключать под стражу"²⁵⁶. До сих пор нет сведений о том, как конкретно действовал Рязанов в Иваново-Вознесенске. Известно лишь о его серьезном конфликте с руководителем местного ВЧК Визнером, который осуществлял здесь беззаконие, считал себя хозяином и высокомерно относился к деятельности Рязанова и местного руководства. Рязанов энергично, с характерной для него эмоциональностью, поставил чекиста на место. Визнер направил жалобу на Рязанова Ленину. 6 августа 1919 г. секретарь ЦК РКП(б) Е. Стасова отмечала: "По этому последнему делу полагаю, что допущенную, по видимому, тов. Рязановым в объяснениях с тов. Визнером горячность нельзя серьезно ставить в вину тов. Рязанову, так как эта горячность была вызвана безусловно неправильным по существу и не тактичным по отношению к тов. Рязанову, Губкомпартии и Губисполкомом поведением тов. Визнера. Ознакомление с докладом последне-

го на имя Ленина приводит ЦК к выводу, что тов. Визнер безусловно неподходящий исполнитель ответственных поручений ВЧК, о чем необходимо довести до последнего"²⁵⁷.

Ученый имел возможность на законных основаниях заниматься спасением арестованных. Как член ВЦИК он мог принимать участие в работе комиссии по амнистии, выступать с ходатайствами перед президиумом ВЦИК. Он имел право посещать тюрьмы, получать там информацию об арестованных и активно использовал эту возможность. В следственном деле есть списки нескольких сот заключенных эсеров в Бутырской тюрьме, около 100 арестованных в Петрограде, Москве, Туле, Перми в 1918 г.²⁵⁸. Один публикуемый материал свидетельствует о том, что Рязанова информировали о положении заключенных в отдельных камерах сами узники (ч.1, док 39).

Особое значение действия Рязанова имели в 1918 - 1922 годах, когда жизнь любого заключенного висела на волоске и в любую минуту он мог умереть от голода и болезней. Его могли расстрелять как заложника или просто для запугивания той части населения, которая без энтузиазма относилась к эксперименту большевиков.

Узнав об угрозе, нависшей над жизнью какого-нибудь заключенного, Рязанов часто отправлялся к Дзержинскому или другому видному чекисту (позднее к Менжинскому) и добивался отмены расстрела, или замены расстрела другим наказанием (ч.1, док. 47; ч.11, док. 23). В случае необходимости он обращался к дружески настроенным к нему видным партийным и государственным деятелям. Следы посещения Рязановым тюрем остались в его следственном деле, где находятся списки левых эсеров, заключенных Бутырской тюрьмы²⁵⁹.

Диапазон гуманной деятельности Рязанова по спасению арестованных в 1918 - 1930 годах был весьма широк: он спас большое число людей от расстрелов, от гибели в тюремных застенках, концлагерях и в ссылке от голода и болезней, брал на поруки обреченных, способствовал их освобождению, добивался сокращения сроков заключения, улучшения условий содержания, медицинского обслуживания, выяснял для родных и близких судьбу арестованных, их положение, способствовал переводу ссыльных в более подходящие для их здоровья места, содействовал соединению семейных пар, оказавшихся в разных городах, посылал ссыльным книги и т.д.²⁶⁰

Из следственного дела Рязанова видно, что он помогал многим из тех, кого подвергли преследованиям всего лишь из-за и социального происхождения и политического прошлого. Такая дискриминация порою ставила людей на грань жизни и смерти. Им закрывали путь в вузы, лишали пенсий, гражданских прав, исключали из партии,

профсоюзов, не разрешали уезжать за границу. Рязанов откликнулся и на такие обращения (ч.1, док. 44, 45, 83, 132).

Из публикуемых в приложении к этому очерку материалов видно, как Рязанов организовывал свою "службу помощи и спасения". Для этого в 1918 - 1922 годах сотрудники его секретариата составляли специальные справки на арестованных, куда вносили все сведения, необходимые для того, чтобы предпринять шаги для их освобождения. Приводились фамилии, имена и отчества, дата и причина ареста, место пребывания арестованного, фамилия ходатая, или человека, желающего поручиться за арестованного. Справки готовили на основании писем, рассказов родственников и друзей. По каждой справке предпринимались конкретные действия.

На каждого заключенного заводилось своего рода досье, где хранились все относящиеся к делу материалы, медицинские справки, характеристики и т.д. На справках и письмах встречаются подчеркивания, сделанные Рязановым. На некоторых документах имеются пометки его секретарей о проведенной проверке, о местонахождении арестованного. Во всю эту работу Рязанов вносил характерные для него аккуратность и организованность.

В скобках отметим, что после 1922 г. справок стало гораздо меньше. Теперь главную роль играли письма и сведения, почерпнутые в ходе приема ходатаев. После 1924 г. активное участие в этой работе принимала секретарь директора ИМЭ Г.К. Суханова.

Из документов видно, что в 1918 - 1922 годах Рязанов спасал не только отдельных людей, но и целые группы арестованных, которым грозил расстрел. Наиболее значительным его достижением осенью 1918 г. стало спасение 39 видных деятелей российского рабочего движения, арестованных 23 июля 1918 г. в Москве во время конференции оппозиционных социалистических организаций. Доклад был зачитан видным меньшевиком Р.А. Абрамовичем. Он призвал большевиков отказаться от власти и передать ее в руки партий, представляющих большинство рабочего класса. На следующий день должно было начаться обсуждение доклада.

"... Но в 12 часов дня, - вспоминал Абрамович, - в коридоре застучали приклады и раздались крики "руки вверх, сдавай оружие". Отряд ВЧК ворвался в здание, поднялся на второй этаж, двери раскрылись, и застывшие в молчании члены конференции спокойно наблюдали, как вооруженные чекисты с револьверами в руках, врвались в зал заседания, требовали сдачи оружия и т.п. Все бумаги были конфискованы. Обыскано было помещение и отдельные члены конференции, а затем всех присутствующих погрузили на грузовики и через полные народа московские улицы повезли на Лубянку... Арестованных вызывали по одному и группами и допрашивали. Допра-

шивал молодой чекист, перед которым на столе лежал огромный револьвер и который всем предъявлял обвинения в заговоре, в устройстве восстания против Советской власти, грозя смертной казнью²⁶¹.

Угроза расстрела нависла над арестованными в сентябре 1918 г. после покушения на Ленина и начала "красного террора". Лишь энергичное вмешательство Рязанова, который взял арестованных на поруки, спасло их от неминуемой гибели. Абрамович писал, что однажды Рязанов привел в камеру жену, чтобы она могла проститься с ним перед казнью. "При этом Рязанов заявил, что это уже решено, но тем не менее часть большевистского ЦК решительнейшим образом против этих расстрелов и что в тот же вечер должно состояться специальное собрание ЦК по вопросу о расстреле участников рабочей конференции. Ближайшие дни прошли, и от Рязанова пришло известие, что расстрелы отменены... Участников конференции стали постепенно освобождать, и наиболее крупные фигуры были выпущены после ноябрьской революции в Германии, когда в России на известный период наступило некоторое смягчение террористического режима"²⁶².

Рязанов помог обрести свободу группе могилевских меньшевиков, а также ходатайствовал о группе арестованных банковских служащих Петрограда (ч. I, док. 14, 41), спас видного меньшевика Ф.И. Дана, оказавшегося в провинциальной тюрьме. 21 августа 1921 г. лидер меньшевиков Ю.О. Мартов писал С.Ф. Щупаку: "Удалось стараниями Рязанова выцарапать Федора Ильича у Гришки (Зиновьева) и перевести в Москву в Бутырку, так что можно хоть за жизнь его не опасаться. Рязанову же удалось отхлопотать перевод Бинштока из провинциальной тюрьмы в Бутырку. Жене так будет лучше". 31 августа в письме Аксельроду отмечалось: "Несколько успокоился за участь Федора Ильича, которого благодаря Рязанову наконец перевели в Московскую тюрьму. Он же добился перевода Бинштока и некоторых других из провинциальных тюрем в Москву же"²⁶³. В 1921 г. Рязанов добился освобождения члена ЦК партии социалистов-революционеров Д.Д. Донского, взяв его на поруки²⁶⁴.

О том, как Рязанов относился к преследуемым, видно из эпизода, связанного с опознанием меньшевика Н.К. Морозова в ОГПУ. Тот явился в органы сам в 1924 г., чтобы вызволить из тюрьмы больную жену, арестованную из-за него в качестве заложницы. Морозов долгое время скрывался под чужим именем и для его опознания на Лубянку вызвали Рязанова, который заявил: "Этот человек похож на Морозова, но подтвердить его полную идентичность с Морозовым я не могу". Лишь когда Морозов объяснил ему ситуацию, Рязанов, улыбнувшись, сказал: "Ну, если это нужно вам, тогда другое дело, и,

повернувшись к сотрудникам ГПУ, произнес: "Это, конечно же, Морозов"²⁶⁵.

По некоторым сведениям, Рязанов участвовал в вызволении группы руководителей партии меньшевиков, которые после голодовки в 1922 г. были высланы за границу²⁶⁶. Он старался не оставлять в беде тех из них, кто остался в стране и оказался в ссылке, поддерживал контакт с братьями Мартова С.О. Цедербаумом (Ежовым) и В.О. Цедербаумом (Левицким) (ч. I, док. 66,117,152,156). Большую помощь оказал Рязанов члену ЦК этой партии экономисту И.И. Рубину, а также эсеру Д.И. Нечкину. Добившись их освобождения, Рязанов принял затем на работу, первого в качестве заведующего кабинетом политической экономии, второго - заведующим музеем и издательской частью ИМЭ²⁶⁷.

К числу наиболее смелых поступков Рязанова следует отнести его выступления на IX Московской губернской конференции РКП(б) 25 июня 1922 г. против смертных приговоров, которые нависли на 34 подсудимыми социалистами-революционерами, и на заседании Президиума ВЦИК 3 августа 1922 г., когда он потребовал отмены смертных приговоров, вынесенных десяти видным церковным деятелям Петрограда (ч. I, док.46,47). В данном случае Рязанов проявил мужество и бесстрашие. Для ясности следует подчеркнуть, что смертные приговоры и социалистам-революционерам, и петроградским священнослужителям, выносились по директивам политбюро. В центральных и местных газетах тогда было опубликовано множество материалов с требованием расстрелять и тех, и других. Расстрела социал-революционеров "просили" 20 июня 1922 г. участники многотысячной демонстрации рабочих, организованной партийными деятелями в Москве. Идею проведения процессов над священнослужителями высказал 19 марта 1922 г. Ленин в письме В.М. Молотову для членов политбюро: "Чем больше представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно сейчас проучит эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать"²⁶⁸.

Рязанов бесстрашно выступил против репрессивной политики верхов. В первом случае подверг критике организаторов процесса за акцент на смертных приговорах, фабрикацию показаний. Во втором, опираясь на факты, доказал надуманность обвинений, выдвинутых против священнослужителей, на юридическую несостоятельность процесса и приговора, призвал к амнистии. Шестерых из десяти приговоренных Рязанову удалось спасти (ч. I, док.52).

Выступление Рязанова на партийной конференции против расстрелов видных эсеров навлекло на него гнев Л.Б. Каменева (ч. I,

док. 48) и стало 29 июня 1922 г. причиной грозного постановления политбюро (на нем присутствовали Л.Б. Каменев, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, Г.Е. Зиновьев, А.И. Рыков, М.П. Томский, Ф.Э. Дзержинский, К.Б. Радек и А.Д. Цюрупа). В постановлении отмечалось:

"1) Речь т. Рязанова снова показала, что т. Рязанов в наиболее острых политических вопросах, имеющих громадное значение для Советской России, не стоит на точке зрения партии и даже прямо питает работу враждебных нам партий (с-р, м-ков).

2) Случаи острого расхождения т. Рязанова с партией по важнейшим вопросам не прекращаются, а форма выступлений т. Рязанова становится все более опасной для единства действий партии.

Ввиду всего этого Политбюро постановляет:

а) сделать серьезнейшее предостережение т. Рязанову с указанием, что в случае продолжения такого образа действий его принадлежность к РКП станет невозможной.

б) признать, что изменение общего характера всех выступлений т. Рязанова возможно лишь в том случае, если будет изменена на время вся обстановка его работы, что может быть достигнуто только при условии, если он в течение года будет занят за границей обслуживанием Советской России в литературно-научной области²⁶⁹.

2 августа 1922 г. дело Рязанова разбирал ЦК, где присутствовало 20 членов, 7 кандидатов в ЦК и два члена ЦКК. Постановление гласило: "Пленум ЦК считает, что Политбюро правильно констатировало, что общая линия политической (и, следовательно, политико-идеологической работы) тов. Рязанова грозит сделать невозможной его дальнейшую принадлежность к партии. Пленум ЦК считает вполне правильным, когда Политбюро в качестве попытки ограждения партии от вредной стороны деятельности Рязанова предложило ему временно (на год), т.е. на нынешний переломный период, перенести свою литературную и научную деятельность для РКП за границу. Принимая во внимание, однако, заявление т. Рязанова о том, что он переносит вопрос на съезд и обязуется до съезда не вести никакой политической работы, ограничиваясь исключительно индивидуально-теоретической работой, Пленум постановляет предоставить Рязанову возможность остаться в России до партийного съезда при строгом и безусловном выполнении им принятого на себя обязательства²⁷⁰. Однако поставить свой вопрос на XII съезде Рязанову не позволили. "Комиссия XII съезда РКП по рассмотрению жалоб и заявлений" 18 апреля отвергла его жалобу на резолюцию ЦК, а также на действия ГПУ, которое с осени 1922 г. вело слежку (ч. I, док. 51) Комиссия отметила, что выступления Рязанова "имели дезорганиза-торский, вредный для партии характер и при тогдашней полити-

ческой обстановке являлись совершенно недопустимыми с точки зрения общих интересов партии" и что он поддерживал до последнего времени тесные сношения "с антипартийными элементами, ведущими упорную борьбу против нашей партии".

Решение комиссии состояло из четырех пунктов.

1) Признать, что ЦК при наличии недопустимого поведения т. Рязанова проявил по отношению к нему крайнюю снисходительность и действовал в отношении Рязанова совершенно правильно.

2) Комиссия решительно осуждает образ действия т. Рязанова и считает необходимым сделать т. Рязанову предупреждение, что в случае, если т. Рязанов не прекратит своих вредных для партии выступлений, и решительно не порвет с антипартийными элементами, партия вынуждена будет прибегнуть к самым решительным мерам.

3) Комиссия предлагает новому составу ЦК определить род работы т. Рязанова, принимая во внимание настоящее постановление.

4) Ввиду того, что в действиях т. Рязанова не установлено сознательного намерения нанести ущерба партии, Комиссия считает настоящим постановлением вопрос исчерпанным и предлагает президиуму съезда на съезд этот вопрос не выносить²⁷¹.

В 1918 - 1922 годах Рязанов помог большому числу репрессированных. Историк С.Я. Лурье писал ему позднее: "Мы все прекрасно знаем и помним, Давид Борисович, сколько невинных людей было в тяжелое переходное время спасено от верной смерти благодаря Вашему заступничеству" (ч.1, док. 78). "Наши последние с ним встречи, - писал В. Гриневич, - относятся к 1920 - 1922 гг., когда оба мы оказались в Москве.

Это время должно быть памятно многим. Не сомневаюсь, - что многие сидевшие тогда по тюрьмам чека, до сих пор вспоминают добрым словом Рязанова. Это был в Москве м.б. единственный человек, у которого родные арестованных находили помощь и надежду. Ворча на меньшевиков и эсеров, он все же отправлялся к власти имущим и добивался, чего мог, часто довольно многого. Чем объяснить его достижения? Трудно сказать. Конечно, не его громовым голосом, не его сильным огромным кулаком, которым он любил стучать по столу во время споров. Возможно, что в тогдашних партийных верхах еще считались с ним, как с заслуженным работником; возможно, что влияла в известной степени и его тогдашняя популярность среди передовых рабочих"²⁷².

Гриневич упомянул лишь две группы репрессированных, которых спасал Рязанов - меньшевиков и социалистов-революционеров. Действительно, в 1918 - 1922 годах он спас многих. Но не только их. Круг тех, кого он выручал, был уже в это время гораздо шире. Среди

них были и бывшие кадеты, члены Бунда, анархисты, позднее оппозиционеры ВКП(б) и даже бывшие дворяне (упоминаются имена Голицына, Оболенского, Раевского, Волконского), священнослужители, студенты, художники, бухгалтеры, бывшие чиновники, государственные служащие, инженеры, агрономы, хозяйственники, дипломаты, врачи, учителя, преподаватели вузов, кооператоры, работники библиотек, музеев, военные.

Получив 10 декабря 1919 г. из Пскова письмо об аресте ВЧК бывшего генерала Н.Ф. Окулич-Казарина, создателя местного музея и автора ряда исторических трудов об этом городе, он немедленно отправил телеграмму местным властям с просьбой помочь освободить его, учитывая возраст и научные заслуги²⁷³. Рязанов помог бывшему жандарму Джунковскому, который, будучи крупным сановником Российской империи, хорошо относился к политическим заключенным. Его вызвали из Смоленска в Москву и здесь он был восстановлен во всех гражданских правах²⁷⁴. Рязанов вызволил из тюрьмы бывшего военного министра Временного правительства А.И. Верховского и назначил его редактором в военно-издательский отдел Архивного управления²⁷⁵.

Отчаянно боролся Рязанов за спасение арестованных сотрудников вначале Главархива, а затем и Института К.Маркса и Ф. Энгельса. Он добивался их освобождения, восстанавливал на работе, предоставлял возможность, заниматься в ссылке переводами и зарабатывать на жизнь. Известен случай, когда в 1923 г., находясь в заграничной командировке, Рязанов узнал об аресте одного из сотрудников ИМЭ бывшего меньшевика Павлова. Он немедленно послал в ОГПУ телеграмму. Постановление о заключении в политизолятор было приостановлено до возвращения директора ИМЭ. Потом заключение было заменено ссылкой, в которую Павлов отправился в пассажирском вагоне за счет института²⁷⁶. Рязанов помог А.Аренскому, Владимирову, А.Е. Кагановичу, С.М. Красному, Г.В. Караманенко, С.Д. Кунискому, Е. Солнцеву, В. Тер-Ваганяну, А.Е., Харитонову и другим сотрудникам института.

В ноябре 1919 г. он издал распоряжение, согласно которому арестованные ВЧК сотрудники архивов оставались в их штате²⁷⁷. Жены могли получать их зарплату. Точно также поступал Рязанов и в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса, помогая женам арестованных. Таким образом он спасал не только репрессированных, но и их семьи. Особенно часто вступался Рязанов за ученых, которых вожди большевиков всегда не особенно жаловали за независимость взглядов, за нежелание беспрекословно подчиняться новой власти. Н.А. Бердяев, привлеченный Рязановым к архивной работе, вспоминал позднее: "Тогда в Кремле еще были представители старой русской ин-

теллигенции Каменев, Луначарский, Бухарин, Рязанов, и их отношение к представителям интеллигенции, к писателям и ученым, не примкнувшим к коммунистам, было иным, чем у чекистов, у них было чувство стыдливости и неловкости в отношении к теснимо интеллигенции России"²⁷⁸. Судя по публикуемым материалам, Рязанов спасал многих профессоров, преподавателей вузов, академиков, историков, филологов, экономистов. В 20-х годах еще существовала научная солидарность, и видные ученые пытались помочь своим арестованным коллегам. Зная характер Рязанова, они обращались к нему и не ошибались. Рязанов помогал во всех случаях.

Публикуемые документы показывают, что в 20-х годах имело место сопротивление репрессиям и беззаконию ОГПУ. Общество еще не было так запугано, как в 30-х годах, политическое инакомыслие еще не было подавлено, оппоненты большевиков - меньшевики, эсеры, а также оппозиционеры из ВКП(б) - не боялись протестовать против произвола и издевательств и пытались защитить свои права и человеческое достоинство (ч. I, док. 86, 97, 106,). Гриневич пишет в своих воспоминаниях о благородной деятельности Рязанова в Москве в 1918 - 1922 годах. Публикуемые материалы показывают, что в это время он немало сделал для помощи репрессированным в Петрограде. После 1922 г., как свидетельствуют документы, география его деятельности значительно расширилась.

К нему обращались с просьбой помочь не только их родные и друзья из Москвы и Ленинграда, но и из Воронежа, Одессы, Тбилиси, Владимира и других городов. С 1928 г. ему начинают писать заключенные и ссыльные из Соловков, Казани, Свердловска, Саратова, Алма-Аты, различных районов Сибири, Урала и Казахстана.

Говоря о политическом и социальном составе репрессированных, которым помогал Рязанов, о географии его деятельности, следует учитывать, что до нас дошло менее половины документов о деятельности Рязанова. Уничтоженная часть архива сделала бы картину более впечатляющей.

В исторической литературе мало сведений о людях, помогавших жертвам политических репрессий в 1918-1930 годах. Здесь можно упомянуть о деятельности возглавляемого Екатериной Павловной Пешковой Комитета помощи политическим ссыльным и заключенным, о попытках помочь репрессированным Веры Николаевны Фигнер, неоднократно обращавшей внимание власть имущих на невыносимые условия жизни репрессированных социалистов. В марте 1926 г. она даже отказалась участвовать в заседании общества политкаторжан. "Мне стыдно, - писала она Е. Ярославскому, - потому что и теперь существуют изоляторы, в которых должны оставаться социалисты 5 и даже 10 лет, а по разным углам России и Сибири то-

мятся в ссылке до 2000 молодежи обоего пола, часто в возрасте 17-18 лет. Томятся и воспитываются в неприязни к существующему строю нашей СССР"²⁷⁹. Фигнер, с группой старых революционеров пыталась добиться улучшения условий содержания заключенных и ссыльных, посылала им книги, поддерживала морально²⁸⁰.

Однако возможности Пешковой и Фигнер были ограничены. Они были далеки от правящих элит, в отличие от Рязанова, который имел прямой доступ в ОГПУ, ВЦИК, ЦИК СССР и к ряду ведущих деятелей ЦК. Вот почему масштабы и эффективность его действий в 1918 - 1930 гг. были весьма велики. В это время он, принимая во внимание документы, публикуемые в первой части приложения, а также содержание сходных материалов 11 уничтоженных томов, приемы большого числа ходатаев в ИМЭ и другие случаи, пытался спасти и спасал тысячи людей, представителей разных политических взглядов, национальностей, возрастов, социального положения. Это ставит Рязанова в ряд выдающихся гуманистов планеты, таких, например, как Рауль Валленберг или Оскар Шиндлер. Почему же столь масштабная, благородная гуманистическая деятельность оставалась неизвестной и до сих пор не оценена по достоинству? Одна из причин состояла в том, что источники, освещавшие ее, хранились за семью печатями в КГБ и стали известны лишь совсем недавно. Сам Рязанов ее никогда не афишировал. Те же, кого он спасал, кому помогал, их близкие и друзья, в 30-х годах большей частью сами стали объектами преследований, были расстреляны, попали в концлагеря и тюрьмы. Выжили немногие. Но и они не могли выразить благодарность Рязанову, который сам уже в начале 30-х годов стал объектом сталинских преследований и, как уже отмечалось, на протяжении десятилетий о нем было запрещено упоминать в советской печати.

Рязанов и Сталин

Взаимоотношения Рязанова и Сталина изначально были враждебными. Их политические и теоретические взгляды существенно отличались. Выступления Рязанова против политики Ленина и его ближайшего окружения, в которое входил тогда Сталин, не могло не раздражать последнего. Целый ряд речей Рязанова на съездах и конференциях партии прямо касались Сталина. Так, на VIII съезде Рязанов высказался против его взглядов на национальный вопрос и заявил: "По второму пункту - право наций на самоопределение - т. Бухарин был прав в одном случае: если бы он действительно давал свою формулировку. Но та формулировка, которую он повторяет за т. Сталиным - самоопределение трудящихся классов как объектив-

ный критерий так же несостоятельна, как и формула права наций на самоопределение"²⁸¹. Вряд ли пришлось по вкусу Сталину критика Рязановым идейной нетерпимости, бюрократизации ЦК и партаппарата.

Уже упоминалось жесткое решение политбюро от 29 июня 1922 г., принятое по следам выступления Рязанова на Московской партийной конференции против вынесения смертных приговоров эсерам. Есть основания считать именно Сталина индикатором этой акции. 27 июня по поручению генсека его секретарь И. Толстуха разослал стенограмму выступления Рязанова и Каменева на конференции Ленину, Троцкому, Зиновьеву, Рыкову, Томскому и Молотову. Последовавшим затем неприятностям, связанным со слежкой ГПУ, запретом читать лекции в МГУ и Соцакадемии и т.д. (ч.1, док. 51) Рязанов был обязан генсеку.

Тот очень внимательно следил за каждым шагом ученого. Стоило последнему на X Советов РСФСР выступить с критикой действий партийного руководства, как Сталин путем опроса членов политбюро 27 декабря 1922 г. формирует решение: "признать выступление т. Рязанова с точки зрения августовского постановления Пленума ЦК (протокол N 3 от 2. VIII) недопустимым"²⁸².

В конце 1922 г. Сталин грубо заявил Рязанову, что тот не имеет права заниматься политической деятельностью. В ответ ученый 28 декабря отправил в бюро фракции РКП(б) Московского совета письмо следующего содержания: "Ввиду заявления секретаря ЦК, что мне запрещена всякая политическая работа и что МК только по недоразумению выставил мою кандидатуру в Московский совет, я слагаю с себя обязанности члена Московского совета. Прилагаю при сем членский билет"²⁸³. В октябре 1923 г. в одном из документов политбюро утверждалось, что Рязанов "давным давно уже занял полувраждебную позицию по отношению к нашей партии"²⁸⁴.

Осенью 1923 г., после окончания одного из партийных собраний Рязанов сказал Сталину: "Брось, Коба, не ставь себя в глупое положение. Все прекрасно знают, что теория - не твоя сильная сторона"²⁸⁵.

В выступлении на XIII партконференции в январе 1924 г. Рязанов несколько раз критиковал доклад Сталина. В частности, он поставил под сомнение его тезис о необходимости целой группы условий для осуществления внутрипартийной демократии. "Тов. Сталин, - заявил Рязанов, - нам вчера указал, что для осуществления демократии необходимы два условия: во-первых, внутреннее - это расцветающая промышленность, расцветающий рабочий класс, развивающаяся партия. Если этих условий нет, - демократию в шкаф. Нужны также внешние условия - мир и спокойствие. Отсутствуют они, начинаются

осложнения, война, мобилизация - демократию - в шкаф. Такая перемещающаяся демократия, линия колебания которой или кривая может определяться только на основании данных конъюнктурного института при Наркомфине или конъюнктурного института при Наркоминделе, уже показывает, что в постановке этого вопроса имеется коренной дефект"²⁸⁶.

Была отвергнута и идея Сталина о том, чтобы партийные ячейки советских, хозяйственных, военных и научных учреждений определяли направление деятельности администрации, в том числе при решении кадровых вопросов. Рязанов как организатор великолепно понимал, что такая мера, продиктованная стремлением Сталина через ячейки подмять под себя все предприятия и учреждения, приведет к стагнации экономики и науки"²⁸⁷.

Сталина не могли не задеть слова Рязанова о необходимости на следующем съезде партии "поговорить и о структуре, и об организации ЦК", о весьма низком теоретическом уровне партийной верхушки, неспособной заменить одного Ленина и его фраза "Долой кандидатов в вожди!", имевшая к генсеку самое непосредственное отношение"²⁸⁸. Не случайно она, как и некоторые другие высказывания Рязанова, так и не попала в стенограмму. В заключительном слове Сталин, вопреки сложившейся традиции, ни словом не ответил на выступление Рязанова. Но забыть такое вождь не мог. 1 ноября 1926 г. он упомянул Рязанова в заключительном слове на XV партийной конференции в связи с одной из его реплик о позиции Маркса по вопросу о возможности мирного пути будущего социального развития Англии и США. Он заявил, что не согласен с Рязановым, поскольку "Ленин думает об этом иначе"²⁸⁹.

Сестра Рязанова Берта Борисовна рассказала своей внучке К.Б. Машковой о посещении Сталиным Института К. Маркса и Ф. Энгельса: "Когда Сталин зашел в кабинет Рязанова, он увидел на столе три больших фотографии - Маркса, Энгельса и Ленина. Усмехнувшись, он спросил, а где моя фотография? В то время портреты генсека уже вывешивали во всех учреждениях. Рязанов решительно воспротивился этому. По поводу фотографии он сказал: "Маркс и Энгельс - мои учителя, Ленин - мой товарищ, а кто ты мне?""

И в последующие несколько лет отчуждение между Рязановым и Сталиным не уменьшилось. Первый отвергал действия генсека, направленные на сужение внутривластной демократии, вытеснению из руководства и партии инакомыслящих, политику репрессий и запугивания, иррациональную тактику "больших скачков". Второй - продолжал рассматривать Рязанова в качестве идейного оппонента, с большим подозрением следил за его дружескими отношениями с лидерами группировок, оппонировавших генсеку.

В 1928 г. Рязанов предложил главному противнику генсека Л.Д. Троцкому, уже исключенному из ВКП(б) и сосланному в Алма-Ату, принять участие в подготовке собрания сочинений Маркса и Энгельса на русском языке (ч.1, док. 71). Поддерживал он контакты и с рядом других видных оппозиционеров, высланных из Москвы, вступался за них. Библиотеку и архив ИМЭ в начале 30-х годов часто посещал Г.Е. Зиновьев. В институте работали близкие родственники оппозиционеров - брат Л.Б. Каменева, жены Муралова и Преображенского. Не прервал Рязанов дружеских отношений с Бухариным, М.П. Томским и А.И. Рыковым даже после их изгнания из политбюро ЦК.

Во второй половине 1930 г. Рязанов отказался выполнить требование ЦК и публично отмежеваться от процитированной выше статьи Троцкого к 60-летию ученого в "Бюллетене оппозиции", где давалась лестная характеристика ИМЭ и Рязанову и нелестная - Институту Ленина и Истпарту²⁹⁰. Не могла нравиться Сталину и многосторонняя помощь Рязанова репрессированным. Ведь именно генсек был идейным вдохновителем этих репрессий. Рязанов же своими ходатайствами, по сути, противодействовал их осуществлению.

Отчужденное отношение Рязанова к Сталину отразилось в ходе беседы ученого с известным немецким историком, автором книги о Ф. Энгельсе Густавом Майером. Тот приехал в СССР в 1928 г., посетил ИМЭ. В дирекции его принял Рязанов. Майер вспоминал позднее: "Сразу после нашей беседы Рязанов спросил меня, с каким из ведущих деятелей России я хочу познакомиться. Мне достаточно нажать эту кнопку, сказал он, указывая на телефон, - ... и любой из них будет в вашем распоряжении. Лишь со Сталиным я не советую вам знакомиться ... Он не владеет ни одним из языков, какими владеете вы. Я назвал Луначарского, и Рязанов тут же по телефону договорился о встрече²⁹¹.

В декабре 1929 г. отмечалось 50-летие Сталина. Это дало повод для славословий в его адрес. Была опубликована книга, где его представляли великим стратегом, политиком, теоретиком марксизма. Неудивительно, что в этом хоре Рязанова не было. С другой стороны, отсутствовала и подпись Сталина под многочисленными поздравлениями, направленными Рязанову в 1930 г. по случаю его 60-летия.

После 1922 г. Рязанов старался не давать повода для репрессий. Хотя у него это не всегда получалось, он, вероятно, осознал бессмысленность резких действий при новом раскладе партийного руководства и дорожил работой в ИМЭ, возможностью помогать репрессированным. Не имея повода расправиться со строптивым ученым, Сталин действовал с помощью интриг. Вначале травля велась по месту жительства. "Достаточно было пронюхать всяким хамам и

подхалимам младшего, среднего и старшего возраста, что я не в "фаворе", и нам устроили такой ад, что даже вмешательство ЦК и Президиума ЦИКа не помогло. Пришлось думать о другой квартире", - писал Рязанов²⁹². По этой причине он на личные средства построил небольшой домик на территории ИМЭ.

ЦК неоднократно направлял в ИМЭ "стажеров", в том числе и иностранцев. Особую роль в антирязановской работе сыграл Ф. Ф. Козлов. Опираясь на бюро партийной ячейки, он пытался противостоять стремлению Рязанова сделать ИМЭ независимым от ЦК, чисто научным учреждением. Эти люди направляли в ЦК докладные записки с обвинением Рязанова, требованием превратить ИМЭ в чисто пропагандистское учреждение, сеяли в ИМЭ смуту и всячески затрудняли нелегкую работу директора. 1 мая 1928 г. Рязанов направил в ЦК ВКП(б) письмо следующего содержания: "Уважаемые товарищи. Прошу назначить вместо меня нового директора Института Маркса и Энгельса. Состояние здоровья заставляет меня отказаться от этой должности. Оставляю за собой только издание международного и русского собрания сочинений Маркса - Энгельса, а также редакцию начатых серий. Впредь до подыскания Центральным комитетом подходящего товарища, заведывание Институтом сдано моему первому заместителю тов. А. Деборину"²⁹³.

Ставя на карту свой пост директора ИМЭ и опираясь на поддержку руководства ЦИК СССР, Рязанов до начала 30-х годов успешно отбивал атаки эмиссаров Сталина. Но последний продолжал подготовку к решающим действиям.

14 мая 1928 г. была предпринята попытка скомпрометировать Рязанова на всю страну. "Комсомольская правда", тираж которой составлял тогда 2 млн экземпляров, опубликовала статью "Тов. Рязанов "недоволен" своими комсомольцами. Что происходит в Институте Маркса и Энгельса? Тов. Рязанов сам виноват". Рязанов в ней был представлен гонителем молодежи, зажимщиком критики, мракобесом, игнорирующим интересы коллектива. "Выступая против коллектива, тов. Рязанов сам создает вокруг себя нервную обстановку, которая нетерпима дальше в Институте", - говорилось в статье, подписанной инициалами М.П.²⁹⁴

Рязанов в долгу не остался и 16 июля подготовил, размножил и разослал в партийные и государственные организации, в редакции рукопись "Вынужденный ответ", где едко высмеял редакцию "Комсомольской правды". Пункт за пунктом он опроверг все обвинения, объясняя сложность положения действиями эмиссаров ЦК, и дал понять, что инициаторов клеветы следует искать в партийных верхах. "Самокритика не должна превратиться в самооплевывание и самоогаживание. Самокритика предполагает самодисциплину. Ина-

че к гаденькому подхалимству по отношению к "верхам" прибавляется такое же хамство по отношению к "низам"²⁹⁵.

Тогдашний руководитель ЦКК ВКП(б) Е. Ярославский обратился к Рязанову с просьбой прекратить рассылку рукописи. В ответном письме 7 августа 1928 г. Рязанов отмечал: "Вы сами видите, что злоупотребили Вашим разрешением - писать о Рязанове, и всякий товарищ теперь видит, что я был безусловно прав, когда писал, что многоуважаемая редакция "К. Пр." занимается травлей некоторых товарищей только с предварительного разрешения и что ей в таких случаях наплевать на интересы учреждений типа ИМЭ, значение которого ей непонятно, но и на интересы партии"²⁹⁶. Позднее он отмечал: "Когда "Комсомольская правда" напечатала свою статью об институте Маркса и Энгельса и его директоре Рязанове, она оправдывалась тем, что получила на это разрешение от тов. Ярославского. В письме ко мне т. Ярославский подтвердил этот факт, но добавил, что он не имел понятия о содержании статьи"²⁹⁷.

В конце 20-х - начале 30-х годов практически в каждом номере "Правды" разоблачались оппортунисты, вредители, противники марксизма и генеральной линии партии. 27 июня 1930 г. дошла очередь и до сотрудников ИМЭ. Поводом стало выступление заведующего издательской частью Данилова на собрании институтской ячейки ВКП(б) 6 мая 1930 г. и предложенная им резолюция. Данилов резко выступил против курса Сталина в области сельского хозяйства и промышленности, против попытки одним махом осуществить коллективизацию и перестроить веками сложившийся бытовой уклад более чем 20 миллионов крестьянских хозяйств. "Партийные бюрократы и аппаратные недоноски загнали партию на высшие темпы", - говорил Данилов и заявлял, что ни о каком головокружении от успехов речи не было, "а был сплошной бюрократизм". В предложенной Даниловым резолюции отмечалось, что руководство во многих организациях подменялось "бюрократическим командованием", механическими голосованиями и подхалимством. "Руководство теряет способность выслушивать даже справедливые указания на свои ошибки и всякую критику считает нарушением дисциплины, оппозицией, личным оскорблением".

Все эти и другие критические высказывания были приведены в "Правде" в статье И. Шмидта. "Оставьте наши руки ... не хватайте нас", где говорилось об "оголтелом" выступлении Данилова, о "сплошной клеветнической враждебной вылазке партии и ее ЦК". Автор сообщил, что на собрании ячейки Данилова поддержали два члена партии - Никдорф и Кропп, а троцкисты, восстановленные в ИМЭ и в партии не выступили против его "антимарксистской вылазки". "Блок правых с троцкистами в ячейке Института Маркса и Эн-

гельса должен быть разоблачен. Партия не может позволить кому бы то ни было подавать лицемерное заявление о признании ошибок с тем, чтобы на следующий день блокироваться с махровыми оппортунистами", - отмечалось в статье. Как видим, в ход был пущен обычный метод борьбы большевиков с негодными людьми: навешивание ярлыков, искажение, либо фальсификация действительной точки зрения человека, оценочные суждения от имени всей партии, хотя в действительности речь шла о единоличном мнении "кремлевского горца".

Рязанов в этой статье не упоминался. Но направлена она была против него. Ведь расправиться с Даниловым и двумя поддерживавшими его членами партиячки можно было и без статьи с хлесткими цитатами, которые демонстрировали резко отрицательное отношение специалистов института Маркса и Энгельса к статье генсека "Головокружение от успехов". Материал в "Правде" по замыслу опытного интригана должен был показать, что происходит в возглавляемом Рязановым институте. Его критическое отношение ко взглядам и действиям Сталина не представляло собой большого секрета. Высказывания Данилова были во всем созвучны представлениям Рязанова, выступавшего против бюрократизации ВКП(б), политики "большого перелома" начала 30-х годов. И не случайно Рязанов взял под защиту своего коллегу, отказался его уволить (ч.II, док. 10). Именно после хлопот Рязанова вышли на свободу и получили работу в ИМЭ те оппозиционеры, которые разоблачались на страницах "Правды". Теперь, когда институт провозглашался очагом оппозиционных настроений, над его директором нависла серьезная угроза. Статья, очевидно, не случайно появилась на следующий день после открытия XVI съезда ВКП(б). Рязанов участвовал в его работе и не исключено, что Сталин намеренно провоцировал своего противника. Во всяком случае, поездка Рязанова летом 1930 г. на два месяца за границу несколько замедлила развитие событий.

В конце 20-х - начале 30-х годов Сталин начал идеологическую кампанию с целью полностью подчинить себе общественные науки, добиться полного одобрения всеми обществоведами террора и тоталитаризма. Иными словами, требовалось теоретическое обеспечение режима личной власти.

Общая линия достижения цели просматривается довольно четко: поскольку классовая борьба в ходе социалистического строительства одобряется, поскольку возрастает нужда в "чрезвычайщине", в усилении "борьбы с врагами". В том числе в области теории. Надо утвердить в массовом сознании и отстоять от любых посягательств ленинизм как высшую стадию развития марксизма. А наследником последнего - ясное дело - является верный ученик Ленина. В нем ис-

точник его власти и любви народа. Последнее было для генсека особенно важно. Однако в 1930 г. подобная цель еще не была достигнута, и главное препятствие, несомненно, Рязанов и его ИМЭ, где собрались наиболее независимо мыслящие общественеды. Сталин решил опереться на группу сторонников из партийного руководства Института красной профессуры. Возглавлявшие ее честолюбивые молодые люди П.Ф. Юдин и М.Б. Митин решили сделать карьеру не посредством усердного служения науке, но путем участия в политической борьбе, предугадывания желаний верхов. Они были готовы выполнить любое задание, дать обоснование любым идеям "лучшего друга физкультурников". В 1929-1930 годах вместе с партийными идеологами они начали травлю двух видных имэловцев - известного экономиста И.И. Рубина, а также философа академика Деборина и его сторонников. Их обвиняли в формализме, отрыве теории от практики, в меньшевизме, в идеализме и прочих грехах²⁹⁸.

9 декабря Сталин пригласил членов бюро ячейки отделения философии и естествознания ИКП и поставил перед ними задачу "развернуть всю критику". "Надо разворошить и перекопать весь навоз, который накопился в философии и естествознании. Все, что написано деборинской группой, - разбить", - заявил он и добавил: "Бить - главная проблема. Бить по всем направлениям и там, где не били. Готовьтесь к боям. Не забудьте Рязанова. Вообще Институт Маркса и Энгельса у нас на отлете"²⁹⁹.

Приказ был сразу же услышан. Деборина и его группу стали обвинять в "меньшевистствующем идеализме" и в других научных и политических грехах. В "Правде" 15 января 1931 г. появилась статья Б.И.Базилевского, где был впервые упомянут Рязанов. Статья содержала критику учебного материала Певзнера по историческому материализму за то, что в нем встречались идеи, не созвучные с догматическими представлениями Сталина. "Автор, - писал Базилевский, - игнорирует новое в ленинском учении по самым основным вопросам. Он даже боится говорить о новой, высшей ленинской ступени в развитии марксизма. В этом отношении он следует по стопам меньшевистских концепций Деборина, Карева, Рязанова, Стэна, Ваганяна и их окружения, которые считают, что ленинизм ничего нового не дает для развития марксистского учения"³⁰⁰.

После статьи в "Правде" направляемое ЦК бюро партийной ячейки ИМЭ начало давление на Рязанова. Оно выступило за "последовательное проведение принципа партийности во всей работе Института" и потребовало от него коренной перестройки "всей научной работы института на основе ленинского метода". "В противном случае Институт превратился бы в идейный центр сил, враждебных политике, проводимой партией на идеологическом фронте", - отмечалось в

решении (ч. II, док. 3). Бюро потребовало от Деборина письменно покаяться, признать справедливость критики и пригрозило в противном случае исключить из партии. У ученого не выдержали нервы, он предпринял попытку самоубийства. После тревоги, поднятой женой, сотрудники милиции нашли его на берегу Москвы-реки и доставили в больницу. Перед этим он оставил семье записку, где в частности говорилось: "Я обесславлен, растоптан, уничтожен. Жизнь для меня потеряла всякий смысл. Добровольный уход - лучший выход из создавшегося положения. Подписать документ о моем антимарксизме и меньшевистствующем идеализме я не в силах. С меньшевизмом в сущности порвал еще в октябре 1917 г. Предстоящее позорное исключение из партии - перенести это я не в состоянии"³⁰¹.

Статья в "Правде" не испугала Рязанова. Уже на следующий день, 16 января, он направил в редакцию письмо, где опроверг утверждения Базилевского и предложил провести дискуссию по вопросу о ленинизме (ч. II, док. 1).

Вскоре Рязанов получил ответное письмо редакции с надписью: "Тов. Рязанову. Копия: в ЦК ВКП(б)", где с помощью вырванных их контекста цитат и сопоставления их с высказываниями Сталина доказывалось, что он недооценивает вклад Ленина в развитие философии (ч. II, док. 2). Обстоятельный ответ на письмо в "Правду" Рязанов окончил 2 февраля 1931 г. (ч. II, док. 3) и в первой половине февраля 1931 г. направил еще одно письмо в президиум Коммунистической академии. В письме Рязанов изложил свое отношение к философской дискуссии, организованной ЦК осенью 1930 г. по инициативе Сталина с целью разгрома группы философов во главе с А.М. Дебориным и прокомментировал резолюцию президиума Коммакадемии от 11 января 1931 г. Хотя сам Рязанов не был согласен со многими идеями этих философов, он считал долгом взять их под защиту и выступил против навешивания идеологических ярлыков. Он отметил отсутствие у руководства Коммакадемии научных аргументов и ясно показал, что их резолюция была принята по указке сверху. "А не есть ли "свет", ворвавшийся в ваш беспросветный академический подвал, только "озарение свыше" или превращенная форма "толчка извне", от которого "из глаз искры сыплются"?", - язвительно спрашивал он. В знак протеста против беспринципной позиции руководства академии Рязанов поставил вопрос о выходе из его состава. "Пора, давно пора вывести меня и формально из президиума Коммакадемии, в работе которого я не принимаю никакого участия уже больше двух лет"³⁰².

Все три письма можно рассматривать как выступления против сталинизации общественных наук. Ведь в них Рязанов высказывался против абсолютизации значения ленинизма, против превращения

философии в способ расправы с оригинально мыслящими учеными и средство руководства всеми научными дисциплинами, едко высмеял первых идеологов сталинизма, представителей того слоя мнимых ученых, которые вскоре стали у руля советского обществоведения, повели атаку на ведущих представителей ряда естественных наук. В свете этих писем не совсем верны представления о том, что начатая сталинистами кампания травли талантливых обществоведов и пропаганда ими сталинских догм не вызвали возражений и сопротивления. Одним из тех, кто энергично возражал против этого, был Рязанов.

Чаша терпения генсека переполнилась. Последней каплей стало то, что Рязанов открыто осудил в 1931 г. показательный процесс бывших меньшевиков, к которому собирались привлечь и сотрудников ИМЭ И.И. Рубина и В.В. Шера. Фактическая сторона дела такова: с 28 ноября по 7 декабря 1930 г. проходил процесс "Промпартий", где подсудимые оговаривали сами себя и выступали с явно сфабрикованными показаниями. Рязанов прекрасно понимал подоплеку таких судилищ и открыто выразил свою позицию. Французский коммунист В. Серж вспоминал: "Когда он узнал, что хотят инсценировать публичный процесс против старых социалистов, в уста которых будут вложены смехотворные признания, он пришел в ярость и заверил, что опозорит членов Политбюро, то есть режим, и заявил, что все это организуемое безумие полностью несостоятельно. Кроме того Шер полусумасшедший"³⁰³.

Сталин придавал этим судебным спектаклям огромное значение. Они должны были прозвучать на всю страну и переложить вину за провалы его авантюристической политики на "вредителей". Угроза Рязанова побудила генсека к решительным действиям.

Расправа

Из-за отсутствия следственных и других материалов, как правило, трудно выяснить, как фабриковалось то или иное дело. Материалы, публикуемые в начале II части документального приложения к данному очерку, а также воспоминания и документы позволяют полностью восстановить картину того, как ОГПУ "разрабатывало" дело всемирно известного ученого. Не исключено, что это было сделано при активном участии Сталина. Конкретную работу по линии ОГПУ проводил Г.Г. Ягода, в то время главный помощник Сталина по фабрикации грязных дел.

Генсек прекрасно понимал, что проведение открытого судебного процесса над ненавистным ему ученым невозможно. Рязанов легко

опроверг бы обвинения прокурора и свидетелей. Его невозможно сделать статистом судебного спектакля. Поэтому было решено учинить расправу без открытого судебного разбирательства. Формальный повод - сфабрикованные показания И.И. Рубина, которого Рязанов, как отмечалось, вывозил из неволи в 1926 году, взял на работу в ИМЭ и поручил заведывать кабинетом политической экономии. Рубина арестовали в ночь с 23 на 24 декабря 1930 г., без всяких оснований обвинен в контрреволюционной деятельности мифического Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков) и затем осужден на показательном процессе меньшевиков в марте 1931 г. на пять лет тюремного заключения³⁰⁴. В сентябре 1933 г. ему заменили их ссылкой, весной 1934 г. он оказался в Актюбинске, где 19 ноября 1937 г. вновь был арестован и 27 ноября расстрелян³⁰⁵. Следователи ОГПУ потребовали от Рубина не только дать показания о своем участии в деятельности Союзного бюро, но и оговорить Рязанова. Он должен был дать показания, что передал Рязанову на хранение в ИМЭ контрреволюционные материалы заграничного руководства меньшевистской партии, содержавшие призывы к подготовке интервенции против СССР.

Вначале Рубин отказался давать требуемые от него показания и сотрудничать с ОГПУ. Он заявил: "Виновным себя не признаю, никакого абсолютно отношения к меньшевистской партии с 1923 года не имел и не поддерживал даже связь с лицами, о которых мог бы предполагать, что они входят в меньшевистскую партию"³⁰⁶. Тогда к Рубину были применены зверские методы выколачивания показаний. Они были рекомендованы шефу ОГПУ Менжинскому в начале октября 1930 г. в письме генсека. Там были определены стратегические и тактические направления действий ОГПУ по организации показательных процессов, о методах фабрикации нужных показаний с помощью строжайших допросов и проведения строптивных заключенных, не желающих сотрудничать с ОГПУ, "сквозь строй"³⁰⁷.

Один из обвиняемых, привлеченный вместе с Рубиным по делу меньшевиков, Якубович, рассказывал о методах работы следователей: "Других, пытавшихся сопротивляться, "вразумляли" физическими методами - избивали (били по лицу и голове, по половым органам, валили на пол и топтали ногами, лежавших на полу душили за горло, пока лицо не наливалось кровью и т.д.), держали без сна на "конвейере", сажали в карцер (полураздетыми и босиком на морозе или в нестерпимо жаркий и душный без окна и т.д.) Для некоторых было достаточно одной угрозы подобного воздействия с соответствующей демонстрацией. Для других оно применялось в разной степени - строго индивидуально - в зависимости от сопротивления каждого"³⁰⁸. Те же методы были применены к Рубину. Об этом рас-

сказала в своих воспоминаниях сестра Рубина Б.И. Желтенкова, которая посетила брата в 1935 г. в Актюбинской ссылке³⁰⁹.

В конце концов тяжело больной узник не выдержал многодневных пыток, издевательств, психологического давления и угроз. "Договорились о том, - вспоминает Желтенкова, - что брат согласится признать себя членом программной комиссии при союзном бюро и что он, Рубин, хранил в своем рабочем кабинете в институте документы меньшевистского центра, причем, уволившись из института, он в запечатанном конверте передал его Рязанову как документы из истории социал-демократического движения. При этом Рубин якобы просил Рязанова на короткое время сохранить у себя эти документы ... И Рубин согласился выступить со всей этой историей с мифическим пакетом... Он решил поставить вопрос так, что он обманул доверие Рязанова, который ему безгранично доверял. И это положение о личном доверии Рязанова и об обмане этого доверия Рубиным брат упорно проводил в своих показаниях"³¹⁰.

По протоколам допроса Рубина видно, что поворот произошел 24 января 1931 г. "Ввиду того, - заявил он в этот день, - что я решил полностью политически разоружиться перед Советской властью и чистосердечно рассказать о совершенных мною политических преступлениях, признаю свою принадлежность к меньшевистской партии и организационную связь с ее центром - Бюро Центрального комитета ... В последующих протоколах сообщу еще известные мне подробности о деятельности меньшевистской партии"³¹¹.

На последующих допросах под диктовку следователя излагал версию о своей деятельности в Союзном Бюро и документах, переданных на хранение Рязанову³¹². Видно, что его воля была полностью подавлена. Рубина заставили даже отречься от своего научного творчества, заняться критикой собственных научных идей и работ в духе той критики, которая велась против него сталинистами во время обсуждения "Очерков по теории стоимости Маркса" в 1929 - 1930 годах. Тогда он энергично сопротивлялся. Сейчас занялся самобичеванием. "Указанные вреднейшие стороны дискуссии в теоретической экономии, - говорил он, - были устранены благодаря выступлениям И. Сталина на конференции аграрников-марксистов.

И. Сталин указал, что перед марксистской наукой стоит прежде всего задача изучения тех реальных явлений, которые тесно связаны с боевыми практическими задачами революционного рабочего движения, а именно советского хозяйства и мирового империализма"³¹³.

Много места в показаниях Рубина с 29 января по 6 февраля занял рассказ о мифическом конверте с контрреволюционными документами, взятом у него якобы на хранение Рязановым. На допросах

также говорилось подробно о работе Рязанова в ИМЭ, о его политических взглядах. Вот некоторые фрагменты из протоколов:

"При всех своих ежегодных поездках за границу РЯЗАНОВ встречался с видными деятелями II Интернационала Фр. Адлером, Гильфердингом, Абрамовичем и др. В этом явно открывается по-существу некоммунистический характер мировоззрения и интересов РЯЗАНОВА".

"Он держался взгляда, что в журналах Института можно печатать также сочинения спорные или не совсем выдержанные с марксистской точки зрения".

"Точно также допускал РЯЗАНОВ известную свободу мнений в политической области, он считал себя в партии на особом положении, под которым понимал право критики партийного режима и партийных решений ... В Коммунистической партии РЯЗАНОВ до сих пор остался каким-то чужеродным телом, претендующим на особое положение".

"В партийной жизни Института он почти не участвовал, к советскому обществу относился с иронией; с той же иронией относился к Комакадемии и аналогичным учреждениям... РЯЗАНОВ подчеркивал академичный, строго научный, далекий от событий сегодняшнего дня характер своих научных работ и изданий".

"Он запретил нам снабжать сочинения Маркса какими-либо "комментариями", т.е. толкованиями, допускал лишь примечания и справки чисто фактического характера".

"К коммунистической молодежи РЯЗАНОВ относился скептически и неохотно берет на службу. Естественно, что вокруг него концентрируется преимущественно беспартийная служивая интеллигенция".

"...Большой источник информации представляли РЯЗАНОВУ родственники сидящих в тюрьмах и ссылках меньшевиков, постоянно обращавшиеся к нему по различным делам. До последнего времени у Д. Рязанова бывали регулярно приемы посетителей в определенные дни по разным делам. Очень значительную часть этих посетителей составляли родственники меньшевиков, отчасти также эсеров и оппозиционеров, обращавшихся с просьбой узнать о положении заключенных, хлопотать о смягчении их участи, о переводе из одного места ссылки в другое и т.д. Д. РЯЗАНОВ некоторым из обратившихся обещал свое содействие и старался оказать его".

"РЯЗАНОВ был против запрещения деятельности так называемых социалистических партий, меньшевистской и эсеровской. Он считал это запрещение излишним и даже вредным".

"Он никогда не мог примириться с жестокостью пролетарской диктатуры, с применяемыми партией мерами для достижения единства идеологии и действия. Д. РЯЗАНОВ, по старой меньшевистской традиции считал допустимой и даже желательной свободу различных политических мнений в пределах одной партии. Он не сочувствовал репрессиям против оппозиции, Д.Б. РЯЗАНОВ старался чем мог помочь заключенным и ссыльным оппозиционерам, хлопотал об облегчении их положения, посылал им научные работы для выполнения в тюрьме и ссылке (Данковелец, Солнцев)".

"Политический характер Д.Б. РЯЗАНОВА при более близком знакомстве с ним обнаруживал всю свою двойственность. С одной стороны, Д.Б. РЯЗАНОВ - видный коммунист, член ВЦИК, директор Института Маркса-Энгельса, с другой, - он находится в постоянном конфликте с партией и ее органами по ряду важнейших вопросов, критикует генеральную линию партии и ни по одному вопросу не выступает открыто и последовательно в защиту генеральной линии".

"В повседневной своей практике в Институте Д.Б. РЯЗАНОВ всеми силами старался отгородить Институт высокой стеной от практических и революционных задач ВКП и Советской власти, стремился придать всей его деятельности отвлеченный, сугубо академический, оторванный от жизни характер"

"По существу ... не верит в будущее Коминтерна, считает его искусственно созданной и разваливающейся организацией, не возлагает на него надежд как на руководителя и объединителя движения революционного мирового пролетариата"³¹⁴.

- Почти все показания Рубина в его следственном деле представлены в виде рукописей и машинописных копий. Есть веские основания считать, что первые экземпляры предназначались для членов партийного руководства - ЦК, ЦКК, Политбюро, где у Рязанова было немало доброжелателей и друзей. С помощью протоколов "лубянских мудрецов" Сталин хотел убедить их в виновности Рязанова, в том, что он предал ВКП(б), был двурушником, врагом ЦК, совершил преступление, взяв на хранение конверт с контрреволюционными письмами.

Следует учесть также, что Рязанова арестовали в обстановке истерии и всеобщей подозрительности. В это время собирался компромат и на самого М.И. Калинина, наиболее влиятельного защитника Рязанова. "Что Калинин грешен - в этом не может быть сомнения... Все, что сообщено о Калинине в показаниях, - сущая правда"³¹⁵, - писал Сталин Молотову летом 1930 г. В этих условиях защитить ученого было практически невозможно.

Ключевая роль Сталина в аресте Рязанова и фабрикации его дела ярко проявилась вечером 12 февраля 1931 г., когда он вызвал

его в ЦК и в присутствии В.М. Молотова предъявил главную "улику" - письмо И.И. Рубина Рязанову от 8 февраля, сфабрикованное в ОГПУ и содержавшего просьбу вернуть мифический конверт с запечатанными документами меньшевистских вождей (ч. II, док. 4, 23).

Разговор Рязанова с генсеком шел на повышенных тонах. В. Серж, находившийся в начале 1931 г. в Москве и тесно связанный с сотрудниками ИМЭ, позднее так обрисовал общую картину: "В ту же ночь Рязанов был вызван в политбюро, и там у него произошла острая дискуссия со Сталиным. "Где документы? - крикнул генеральный секретарь. Рязанов ответил резко: "Вы их никогда не найдете, если лишь сами не принесете с собой" ³¹⁶. Такой диалог мог вполне состояться, учитывая характер Рязанова и отсутствие у него пиетета к Сталину. Он вполне мог дать понять генсеку, что последний организует против него провокацию. После ареста и в ссылке Рязанов написал немало заявлений и писем по поводу произвола и противозаконных действий ОГПУ. Но ни одно из них не было направлено Сталину. Рязанов хорошо понимал, кто раскручивает маховик репрессий и предпочитал не тратить зря время и не обращаться в поисках справедливости к инициатору расправ над ним.

Версию о запечатанном конверте с контрреволюционными документами меньшевиков, будто бы взятых на хранение, мог сочинить лишь талантливый мистификатор и обманщик. Рязанов был известен как фанатичный собиратель, документов рабочего движения, и всех можно было легко уверить в этой лжи.

Характерно, что легенде ОГПУ, пущенной в оборот явно с подачи Сталина, поверили почти все - и Троцкий, и Бухарин, и зарубежные друзья ученого. Вполне могли поверить этому и окружавшие Сталина партийные и государственные деятели, особенно когда им предъявили протоколы допросов Рубина. Однако на всякий случай Сталин решил действовать наверняка и поставил членов политбюро перед свершившимся фактом. Сначала в ночь с 15 на 16 февраля Рязанова арестовали в его домике, расположенном на территории ИМЭ, а затем 17 февраля 1931 г. президиум ЦКК заочно исключил его из партии. В постановлении говорилось: "За то, что, зная о контрреволюционной антисоветской деятельности меньшевиков, находящихся в СССР, оказывал им помощь, связывал их между собою и с заграничным центром меньшевиков (хранил переданные ему меньшевиком И.И. Рубиным директивные письма заграничного бюро меньшевиков о блоке с буржуазными контрреволюционными партиями и о подготовке их интервенции) исключить Рязанова Д.Б. из рядов ВКП(б) как изменившего партии" ³¹⁷.

Бросается в глаза, что в постановление, принятое в отсутствие Рязанова, включены обвинения, о которых не было речи в ходе

следствия, например, о координировании действий меньшевиков и установлении их контактов с зарубежным центром. Этот обман понадобился Сталину (а постановление несомненно составлялось им) для того, чтобы путем отягощения вины Рязанова как можно скорее свести с ним счеты.

Выписка из протокола ЦК ВКП(б) № 25 была немедленно отправлена в ЦК ВКП(б) Сталину. Вот текст сопроводительного письма: "Сов. секретно. Срочно. Тов. Поскребышеву. ЦК ВКП(б) Тов. Сталину. 17 февраля 1931 г. Посылаю Вам постановление Президиума ЦК ВКП(б) о Рязанове и Кагановиче Е.А. Приложение на двух листах. Акулов"³¹⁸.

Спешка была вызвана тем, что вечером 17 февраля Сталин собирался провести решение об исключении Рязанова через политбюро путем опроса, т.е. без всякого обсуждения. В протоколе говорилось: "Опросом членов Политбюро от 17.И. 31 г. 51/8. О Рязанове Д.Б. Согласиться с решением ЦКК (см. приложение). "А вот решение политбюро от 20 февраля: "Об Институте Маркса и Энгельса (т. Молотов)

а) Правление ИМЭ распустить,

б) Назначить т. Адоратского директором Института Маркса и Энгельса,

в) Назначить т. Товстуху заместителем директора Института Маркса и Энгельса"³¹⁹.

Постановление Президиума ЦКК было опубликовано в "Правде" лишь 1 марта. В конце февраля - начале марта в газетах появились сообщения о решении ЦИК СССР снять Рязанова с поста директора ИМЭ и назначить руководителем института В.В. Адоратского, об исключении Рязанова из Комакадемии"³²⁰. Ее президиум принял следующее решение: "Заслушав сообщение о постановлении Президиума ЦКК об исключении Д.Б. Рязанова за изменническую поддержку контрреволюционеров-меньшевиков, президиум Комакадемии клеймит позором предательство Рязанова и исключает его из состава Комакадемии"³²¹.

3 марта 1931 г. Рязанов был единогласно исключен из Академии наук СССР на ее общем собрании. К этому времени АН была полностью усмирена и покорно выполняла решения партийных верхов, "корифея всех наук". Академик В.П. Волгин друг Рязанова, ставший непременным секретарем АН, заявил: "Обвинения, выдвинутые против подсудимых по этому процессу чрезвычайно тяжелы. На днях появилось сообщение в газетах о том, что президиум ЦКК ВКП(б) установил прямое содействие преступлениям подсудимых со стороны члена академии Рязанова. Установление этого факта таким компетентным органом, каким является ЦКК, совершенно достаточно,

чтобы применить к Рязанову параграф 19 устава академии об исключении из числа действительных членов Академии наук³²².

2 марта в "Правде" была напечатана статья работника аппарата ЦК А.И. Стецкого "Меньшевики перед пролетарским судом", значительная часть которой была посвящена охаиванию Рязанова. В статье были упомянуты все его политические грехи. Соответствующим образом представлялась его политическая и научная деятельность: "изменник и предатель партии", "политический шатун", "талмудист", "начетчик от марксизма", далекий от "живого, действенного, революционного духа марксизма". "Наша партия хорошо знает политическую биографию Рязанова; достаточно известно, что этот "старейший" является лишь не очень давним коммунистом; известно также, что тот, кого меньшевики пытаются теперь величать "светочем марксизма" является всего лишь несуразной коптильной лампой". Излагались в статье и сфабрикованные ОГПУ обвинения в адрес Рязанова. "Будучи членом партии, он обманул высокое доверие, оказанное ему партией: он превратил Институт Маркса и Энгельса в приют для меньшевиков. Он, будучи членом ВКП(б), был посвящен меньшевиками в их планы, знал директивы "заграничной делегации" по вредительству и подготовке интервенции, принимал их на хранение, скрывал все это от партии, стал таким образом сообщником Шеров и Рубиных". "Ничто не сможет смыть с него пятна этого отвратительного предательства. Рязанов поставил себя к позорному столбу вместе с Громаном, вместе с Шером, вместе с Сухановым, зачеркнув навсегда те небольшие части своей политической биографии, которые связаны с политической борьбой", - писал Стецкий.

Стиль статьи дает основание предполагать, что приложил к ней руку Сталин, постаравшись излить здесь всю свою ненависть к Рязанову. В первой половине марта в "Правде" и "Известиях" появились другие материалы, направленные против Рязанова, в том числе стенограмма процесса меньшевиков, где Н.В. Крыленко представил Рязанова предателем ВКП(б). Но ни в одном сообщении не говорилось, что он был арестован еще в середине февраля.

Известный поэт О. Э.Мандельштам, ознакомившись 1 марта 1931 г. с постановлением Президиума ЦКК, написал пентаметром две следующие строки:

Юношей Публий вступил в ряды ВКП золотые,
Выбыл из партии он дряхлым, увы, стариком³²⁴.

Эта эпиграмма показывает, что широкой публике, в том числе литераторам, Рязанов был известен как самый активный пропагандист марксизма. Отрицательно относясь к этому учению, поэт счел возможным иронически, даже со злорадством отреагировать на весть об исключении из партии старого марксиста. Если бы Ман-

Профессор И. И. Рубин (1886-1937)

дельштам знал, что этому предшествовал арест, он вряд ли написал подобные строки.

Материалы, приведенные в документальном приложении к данному очерку, дают полное представление о ходе следствия с 16 февраля до 16 апреля 1931 г. Из них видно, что в это время к Рязанову не применялись физические меры воздействия. Главная цель состояла в том, чтобы лишить его минимальной информации по делу, о предъявленных обвинениях и репрессиях (увольнение с поста директора ИМЭ, исключение из АН и т.д.). Его убеждали, что скоро все разъяснится и его освободят.

Насторожила Рязанова очная ставка с Рубиным, состоявшаяся 20 февраля (ч. II, док.8). Увидев бывшего коллегу с трясущимися руками и срывающимся голосом, Рязанов понял, как были получены его показания, как появилось его письмо от 8 февраля, почему Рубин так упорно настаивает на своих сфабрикованных показаниях. Родственник Давида Борисовича Н.Б. Либих отмечал позднее: "Рязанов подчеркивал, что предательство РУБИНА является для него особо тяжелым ударом, ибо РУБИН был одним из наиболее близких и доверительных людей. Указав, что при аресте в 1922 - 23 годах РУБИН держался чрезвычайно "твердо" и отказывался от выдачи обязательства по прекращению им дальнейшей меньшевистской деятельности, РЯЗАНОВ высказал клеветническое предположение о том, что "предательство" РУБИНА могло быть вызвано лишь тем, что к нему якобы применили "допрос третьей степени" ³²⁵.

О том, что произошло с Рубиным после очной ставки рассказала его сестра: "Брата тут же отвели в камеру. В камере он начал биться головой с стену. Кто знал спокойствие и выдержку Рубина, может понять, до какого состояния он был доведен" ³²⁶.

После очной ставки с Рубиным Рязанов потребовал немедленной встречи с Крыленко, а после его успокоительных заверений 23 февраля отправил письмо в политбюро ЦК ВКП(б), где охарактеризовал свои отношения с Рубиным и доказал, что не мог взять на хранение инкриминируемый ему конверт (ч. II, док. 10). Письмо подтверждает, что узник располагал весьма скудной информацией, он ничего не знал о постановлении президиума ЦКК.

Перевод Рязанова в Суздальский политизолятор в ночь на 1 марта и лишение его газет с 26 февраля по 15 марта 1931 г. ставили ту же цель - отсечь все сведения по делу. Сталин опасался, что узнав из газет о предъявленных ему обвинениях, о кампании в прессе, об упоминании на процессе меньшевиков как о предателе партии, Рязанов начнет энергично действовать в свою защиту и справиться с ним будет нелегко.

Есть основания предполагать, что Сталин в это время обдумывал и как именно следует решить "проблему Рязанова". Приказ Ягоды не форсировать окончание следствия, удлинить срок его пребывания в тяжелых условиях Суздальского изолятора, показывает, что не исключалось и физическое уничтожение (ч. II док. 13). Однако Сталин, вероятно, не решился на это действие, опасаясь реакции внутри страны и зарубежной общественности.

Дело Рязанова было принято к производству после очной ставки с Рубиным 21 февраля 1931 г. (ч. II, док. 9). Обвинительное заключение составлено в марте. Оно было построено на сфабрикованных ОГПУ показаниях Рубина. Рязанов здесь представлен покровителем и пособником меньшевиков. При этом ему вменялось в вину и помощь репрессированным меньшевикам (ч. II, док. 12). Из обвинительного заключения видно, что имел место лишь первоначальный допрос, на котором Рязанов все обвинения отверг полностью. После очной ставки все происходило уже за его спиной.

Пока ОГПУ по заданию Сталина держало академика во внутренней тюрьме, а затем в Суздальском политизоляторе, в ИМЭ происходили бурные события. О них подробно рассказал в своем дневнике австрийский публицист Гуго Гупперт. Он работал в ИМЭ, не отличался особым научным и издательским талантом и принадлежал к группе сталинистов, которые внутри института по заданию ЦК и ОГПУ вели травлю Рязанова. Они с восторгом встретили арест "старика" и со злорадством обсуждали все сообщения в прессе, направленные против Рязанова. Так, Гупперт вспоминает: сотрудники ОГПУ вошли в здание ИМЭ в ночь с 12 на 13 февраля 1931 г., то есть сразу же после беседы Сталина с Рязановым. "В ночь на 13-е я видел из моего окна в необычный час свет в институте. Утром входные ворота были закрыты. На воротах было вывешено следующее объявление: "Ввиду дезинфекции институт 13 и 14-го закрыт"³²⁷.

В здании Института находились примерно 200 сотрудников ОГПУ. Работа велась днем и ночью. "Ночью, - вспоминает Гупперт, - в Институте вновь сверкали огни на верхнем этаже, а затем на первом. Через садовые решетки я видел освещенную бывшую рабочую комнату Рязанова, в ней передвигались занятые своим делом группы мужчин, женщин, они шарили по шкафам, рылись в бумагах. Вскоре в том или ином кабинете зажегся свет. Свет зажегся на первом этаже в южном крыле, где находился кабинет политической экономии. Окна в мраморной комнате в средней части этого крыла были занавешены... Уже 14 февраля на въездных воротах было повешено новое объявление "Из-за дезинфекции институт будет закрыт до 20 февраля"... Вечером и ночью свет перемещался вновь из

одной комнаты в другую, однако маленькая вилла директора оставалась неосвещенной и выглядела вымершей³²⁸.

Скоро была названа новая дата возобновления работы - 25 февраля, а затем 5 марта. Во второй половине февраля и начале марта ОГПУ и ЦК вели активную подготовку к увольнению из ИМЭ неугодных научных сотрудников. Всем были розданы анкеты с 50 вопросами на четырех страницах. В ответах должны были содержаться сведения о социальном происхождении, политических взглядах, членстве в других партиях, об отце, матери, жене или муже, о родственниках, находящихся за границей и т.д.³²⁹. Все эти сведения понадобились для "Комиссии ЦКК и РКИ по проверке и чистке сотрудников и служащих Института К. Маркса и Ф. Энгельса". В ее состав вошли несколько сталинистов из ИМЭ, видный сотрудник ОГПУ Я.С. Агранов, а также Товстуха, Пшеницын, Пельман.

Уже 24 февраля назначенный заместителем директора ИМЭ личный секретарь Сталина Толстуха передал руководителю экономического управления ОГПУ Прокофьеву списки сотрудников ИМЭ на проверку, а уже 2 марта список был переслан сотрудниками ЭКУ в самые различные подразделения ОГПУ с просьбой "в кратчайший срок просмотреть списки и сообщить имеющиеся у вас сведения на лиц, перечисленных в этих списках"³³⁰.

Заседания комиссии состоялись 4, 5 марта и 20 марта. На последнем рассматривалось несколько апелляций. Присутствовал новый директор ИМЭ Адоратский, секретарь партячейки Ф.Ф. Козлов, секретарь месткома Максимовский. 4 марта решались судьбы 200 человек, 5-го - 44. За два дня из Института уволили 127 сотрудников, то есть более половины. Это были самые квалифицированные экономисты, историки, философы, переводчики, библиотекари и машинистки. Решение принималось после оглашения биографических данных, составленных, вероятно, на основании анкет. Для увольнения достаточно было иметь хорошие отношения с Рязановым, принадлежать ранее к меньшевикам, кадетам, эсерам, к оппозиции, быть выходцем из дворян, купцов, учителей, землевладельцев и других непролетарских слоев, близким родственником оппозиционеров, находиться на плохом счету у ОГПУ. Некоторые сотрудники изгонялись по второй категории, без права работать по специальности. Большую группу исключенных составили иностранцы, приглашенные Рязановым для работы в ИМЭ или направленные с институт Коминтерном.

В обсуждении человеческих судеб активно участвовал Агранов. Его замечания определяли решение комиссии. Вот несколько примеров, взятых из протоколов этого незаконного судилища.

"Секалова Сусанна Львовна, в ИМЭ с 1923 г., лучшая расшифровщица, научный сотрудник по иностранным изданиям. Местком за сохранение. АГРАНОВ: "По нашим сведениям она настроена анти-советски". Снять."

"Татарина Александра Павловна, 1871 г.р., дочь врача, работала секретарем редакции "Русской мысли"; т. АГРАНОВ: "Старорежимный тип, коммунистов ненавидит. Не ведет никакой общественной работы". Снять".

"Рубашева Анна Исааковна, 1890 г.р., дочь купца, образование высшее, б/п, научный сотрудник музея; т. АГРАНОВ: "Политически она скрытная и не проявила себя". Снять".

"Шмюкле Карл Карлович, 1896 г. р., немец, сын служащего, образование высшее, член ВКП(б) с 1926 г., член Германской КП с 1919 г., научный сотрудник немецкого издания; т. Бирман: "Правый до сих пор". Откомандировать".

"Кан Сергей Борисович, 1896 г.р., сын присяжного советника, образов. высшее, б/п, до ИМЭ работал на рабфаке Покровского, научн. сотр. I разряда. Секретарь месткома: "Единственный раз пытались ему поручить общ. работу - он увильнул и предложил вместо себя свою жену." Снять".

"Паскаль Петр Карлович, 1890 г.р., француз, сын учителя, образ. высшее, с 1918 по 1921 г. член ВКП(б), быв. офицер генштаба французской службы, научный сотрудник каб. Франции, о социальном происхождении сведений нет: т. АГРАНОВ: "Он анархист, оказавший большую услугу троцкистам, был членом партии". Снять"³³¹.

Так за два мартовских дня 1931 г. был разрушен творческий коллектив, который в течение 10 лет создавался Рязановым и под его руководством сумел добиться столь значительных научных результатов и стал, по оценке историка П. Кампфмайера : "единственным духовным достижением большевистского режима". "Всегда приходит момент, когда идеи носителей режима подвергаются подозрению. И поэтому московские власти разрушают теперь духовное здание, которое они сами когда-то возводили", - констатировал он в 1931 г.³³².

Новый директор ИМЭ разительно отличался от прежнего, он подходил Сталину своей покладистостью, готовностью выполнить любой приказ.

"Адоратский, - отмечал Г.Гупперт, - в противоположность Рязанову, скромн, старателен (и не гениален), доступен, дружественно настроен, не оратор, при этом большой и настоящий ученый и революционер, не помещик. Рабочие любят его. Он честен и очень прост. У института есть руководитель"³³³. Адоратский был не прочь использовать результаты, достигнутые его предшественником. Заделы,

сделанные Рязановым до 1931 г., превратились в тома МЭГА и русского издания Сочинений Маркса и Энгельса. Имена тех, кто подготовил издания к печати, здесь не упоминались.

Адоратский начал свою работу с того, что попытался скомпрометировать Рязанова как издателя. Он уже 12 марта опубликовал в "Правде", а затем в пятом номере журнала "Большевик" найденное в сейфе Рязанова письмо Маркса к дочери Женни от 10 апреля 1881 г., в котором встречались резкие высказывания о Карле Каутском³³³. Рязанов получил оригинал документа от сестры Мартова под честное слово не публиковать его. Адоратский же использовал это для того, чтобы обвинить Рязанова в сокрытии письма.

В начале апреля на глаза Рязанову попал 5-й номер журнала "Большевик", где утверждалось: "Рязанов, так много распространявшийся на тему о том, как он в противоположность Бернштейну дает не фальсифицированного Маркса, печатает письма якобы без всяких сокращений, в данном случае тщательно скрывал оригинал этого письма, чтобы оградить авторитет Каутского, а на самом деле вычеркивал из этого письма убийственную характеристику Каутского"³³⁴. Публикуемое далее письмо Рязанова в редакцию "Большевика" полностью разъясняет ситуацию. Но оно так и не было напечатано (ч. II, док. 17).

К середине апреля Рязанов был ославлен на всю страну. Его вытолкнули из всех учреждений и организаций, представили предателем. За Рязанова вступились лишь за рубежом. Откликнулся и Л.Д. Троцкий, прямо связавший арест Рязанова с его независимыми взглядами, нежеланием прислуживать Сталину. "Рязанов, - писал Троцкий, - был органически неспособен подличать, подхалимствовать, упражняться в излиянии верноподданнических чувств ... Если бы Рязанов где-нибудь хотя бы в нескольких словах намекнул на то, что Маркс и Энгельс были только предтечами Сталина, то все козны молодых негодяев сразу рассыпались бы прахом, и никакой Крыленко не осмелился бы вменить Рязанову в вину его потачки по отношению к переводчикам-меньшевикам. Но на это Рязанов не пошел. А на меньшее генеральный секретарь не мог примириться"³³⁵.

Зарубежные общественные деятели также обратили внимание на расправу над ученым-гуманистом.

Будущий лауреат Нобелевской премии Карл фон Осецкий писал: "Московские боги вновь неистовствуют. На этот раз собраны и обвинены не только инженеры и ученые-техники, но и интеллигенты, которые состояли раньше в старой меньшевистской партии, однако годами искренне выполняли свое дело ... Первая жертва процесса - Рязанов из Института Маркса и Энгельса, исследователь социализма международного масштаба".

Немецкий социал-демократ П. Кампфмайер, отметив заслуги директора ИМЭ в собирании и издании работ Маркса и Энгельса, выразил опасение, что в институте произойдет смена вех. "После снятия Рязанова у нас больше нет гарантии, что Институт Маркса и Энгельса продолжит исследование социалистических идей в объективном, научном духе"³³⁶, - писал он.

Примечательный штрих, характеризующий методiku сталинских фальсификаций истории. Если в благополучное для какого-либо человека время о нем писали и говорили одно, то после перемены настроения диктатора о том же самом человеке следовало писать и говорить прямо противоположное. Вот и весь секрет. Показательны в этом отношении две биографические справки о Рязанове в Малой Советской Энциклопедии в издании 1930 г. (до ареста) и 1932 г. (после ареста). До ареста: "Рязанов - глубоко и широко образованный человек, обладающий из ряда вон выходящей интеллигентностью, лучший знаток марксизма. Он прекрасный оратор, обладающий едким остроумием. Одной из главных заслуг Р. является то, он что никогда не уходил в отвлеченную науку, а всегда жил интересами рабочего класса и вел свою научную работу так, чтобы она служила интересам пролетарской революции". И после ареста: "Всю свою научную работу он строил, опираясь на совершенно чуждые партии элементы, главным образом на бывших и настоящих меньшевиков. В атмосфере этого окружения он дошел до того, стал оказывать услуги организации меньшевиков"³³⁷.

"В глушь, в Саратов"

От публичного суда над своим теоретическим противником Сталин уклонился. Орешек оказался не по зубам матерому интригану. Для подобного рода случаев всегда был наготове неконституционный орган - особое совещание при коллегии ОГПУ. Здесь вершили расправу тихо, без оглядки на какие-либо законы. Никаких процедур, судебных словопрений, состязания сторон. Очень удобно.

16 апреля 1931 г. ОСО постановило выслать Рязанова на три года в Саратов. Срок ссылки начинался днем ареста, то есть 16 февраля 1931 г. (ч. II, док. 19). 18 апреля Рязанов поездом был доставлен в Саратов и передан сотруднику местного Управления ОГПУ. Некоторое время местные чекисты искали квартиру. После рассмотрения вариантов ссыльного поселили по адресу: Камышинская, 85, кв. 1, в небольшом домике - квартира состояла из четырех комнат с кухней и погребом. В одной из комнат был устроен рабочий кабинет.

Анна Львовна не сразу отправилась в Саратов. Вероятно, Рязанов некоторое время не терял надежду вернуться в Москву, и Анна Львовна хлопотала за него. В это время сотрудники ОГПУ оказывали на нее давление, требовали, чтобы она, член ВКП(б), отреклась от предателя партии и не ехала в Саратов. Один за другим следовали обыски, убитую горем женщину чекисты подчас доводили до истерики. Но ничего не помогло. Анна Львовна поехала в Саратов и, вероятно, не без помощи Калинина, получила работу в крайисполкоме. Стала членом президиума, заведующей сектором науки и культуры. Не исключено, что таким образом Сталин хотел показать, что он не сводит личные счеты с Рязановым.

В Саратов Рязанов приехал в полном неведении, что уготовил ему Сталин. Подозревая недоброе, он сразу же отправился в библиотеку и ознакомился с подшивками "Правды" и "Известий" с конца февраля до середины марта 1931 г. и впервые узнал о постановлении Президиума ЦК ВКП(б) об исключении его из партии, о снятии с поста директора ИМЭ, исключении из Комакадемии и Академии наук СССР. Ознакомился с клеветнической статьей Стецкого в "Правде", с показаниями Рубина и Шера на процессе меньшевиков, на котором упоминалось его имя, репликами Крыленко, обвинявшего его в предательстве партии. Лишь после этого он в полной мере осознал коварство Сталина.

28 апреля Рязанов направляет в президиум ЦКК возмущенное письмо и выражает протест по поводу того, что обвинения, прозвучавшие в постановлении президиума, ему не были представлены и потребовал нового судебного разбирательства (ч. II, док.22). Письмо показывало членам президиума ЦКК, среди которых было немало бывших друзей Рязанова, как генсек обманул их. Этот обман показывал, что и все дело было сфабриковано. Сам Рязанов после приезда в Саратов в местном ОГПУ заявил, что страдает невинно, а ученому секретарю Саратовского университета Эверту говорил по этому поводу: "Неугоден я стал нынешнему руководству. Вот и ищут причину. Разве сами они хоть на грош верят тому, что Рязанов изменил? Нет, они не верят"³³⁹.

В мае 1931 г. письмо Рязанова побывало и в президиуме ЦКК, и в ЦК ВКП(б). Его несомненно прочел Сталин, позиция которого отразилась в короткой пометке, сделанной зелеными чернилами: "Секретно. В архив! Ягода 21.V.31. Решено не отвечать на это письмо"³⁴⁰.

Рязанов долго не мог прийти в себя, не мог забыть унижений, издевательств Сталина и присных, предательства Рубина, пассивного поведения старых товарищей по рабочему движению. Позднее

Н.Б. Либих вспоминал в своих показаниях о его негодующих эмоциональных высказываниях:

"Уже в первой беседе Рязанов до того горячился и "рычал", что жена Анна Львовна неоднократно прибегала из соседней комнаты и успокаивала его, указывала, что с ним может либо приключиться удар, либо соседи услышат наш недопустимо громкий разговор. Рязанов в таких случаях несколько утихал, а затем снова начинал "громыхать" ^{«341}.

В конце концов Рязанов нашел выход. Он решил подготовить обстоятельный разбор выдвинутых против него обвинений, в том числе и тех, о которых он не имел понятия в феврале - апреле 1931 г. Эта работа была завершена 18 февраля 1932 г. (ч. II, док. 23).

Она называлась "Мое показание". В ходе следствия Рязанова лишили возможности дать показания, защитить себя. Теперь он делал это как бы *post factum*. В прежних защитительных рукописях, опровергая клевету в свой адрес, Рязанов был эмоционален, саркастичен. "Мои показания" написаны хладнокровно, взвешенно, без эмоций. Это скорее научный труд, где есть примечания и ссылки на источники. Аналитичность была оправдана. Рязанову удалось полностью доказать свою невиновность. В рукописях названо имя главного режиссера расправы - Сталина. И хотя Рязанов не обвиняет его прямо, но при внимательном чтении становится ясно от кого исходила инициатива. Рукопись Рязанова вполне достойна занять место в ряду выдающихся защитительных произведений.

В следственном деле имеются два идентичных варианта рукописи "Моего показания". На одной стоит адресат "В Президиум ЦКК", на второй адресата нет. Неизвестно, послал автор ее в Москву или нет. Во всяком случае, в личном деле в ЦКК этой рукописи нет. Но это ни о чем не говорит. Ее могли "по дороге" перехватить сотрудники ОГПУ.

Существование двух чистовых материалов рукописи дает основание полагать, что Рязанов хотел не только ознакомить с ней членов президиума ЦКК, но показать ее как можно большему числу своих друзей. Так он делал в 20-х годах, когда рассылал в разные инстанции размноженные на ротаторе защитительные работы под грифом "На правах рукописи". Вероятно, нечто подобное и в данном случае. Рукопись, доказывающую его невиновность, он мог показать своим близким, а затем, когда он был в Москве, и своим высокопоставленным друзьям.

Вероятно Саратов, как место ссылки, был избран самим Рязановым. В г. Энгельсе, столице Автономной республики немцев Поволжья, проживала племянница Анны Львовны, - Анна Либих с мужем немцем Николаем Богдановичем Либихом и тремя детьми - Ле-

вой, Зиной и Леной. Энгельс расположен по соседству с Саратовом на другом берегу Волги, и Рязановы вполне могли рассчитывать на родственников. Нельзя забывать, что супругам в 1931 г. было уже соответственно 61 и 53 года, и крепким здоровьем они не отличались.

Анна Либих как могла помогала Рязановым. Некоторые представления об их жизни в это время дают письма Анны Львовны племяннице Ф.Л. Штейншнейдер из Саратова в Москву. Вот один отрывок из письма от 3 августа 1932 г.: "Нетта здорова. Она была в Саратове в день моего приезда. Вообще она занята и приезжает редко. Детей еще не видела - думаю как-нибудь к ней поехать. У нас все то же: Д. Б. по целым дням дома, а я ухожу с утра"³⁴².

В личном архиве Е.Н. Беренштейн сохранились открытки Рязанова, посланные из Саратова Леве, Лене и Зине Либих в Энгельс в 1933 - 1934 годах. Они свидетельствуют о душевной теплоте этого человека, которого некоторые обвиняли в жесткости: "Дорогая Зиночка! Дорогая Леночка! Как поживаете? Нравится ли Вам школа? Напишите, как живете. Передайте привет маме, папе и Леве от тети и дяди". (8 февраля 1933 г.)

"Дорогие Леночка и Зиночка, ждем ответа на письма. Почему вы не пустили маму к нам? Здоровы Вы или нет? Не заболели ли папа или мама? Передайте от нас всех привет. Пишите". (28 февраля 1933 г.).

"Дорогие Леночка и Зиночка. Ваши открытки с поздравлением пришли только в день моего рождения. Посылаю вам синенькие, желтенькие, красненькие, беленькие конфетки. Хорошие они или нет? Привет папе и Леве от нас обоих". (14 марта 1933 г.)

"Дорогие Леночка и Зиночка! Получили Ваши открытки. Очень хорошие. Но письма тоже посылайте. Можно больше написать о том, как вы живете, что делаете и как учитесь. Привет маме, папе и Леве от нас обоих" (19 марта 1933 г.) .

"Дорогой Лева. Надеюсь, что ты получишь эту открытку к Первому Мая. Тебе она должна напомнить, что твоим лозунгом с 1-го мая должен стать - "Ни один день без рыбы", конечно не морской, а речной. Привет Д." (28 апреля 1933 г.)

"Поздравляем вас с днем рождения, думали, что будем праздновать его у нас, а теперь вы не можете приехать. Привет всем от нас обоих". (13 апреля 1934 г.).

Есть сведения, что материальное положение Рязановых в 1931 - 1932 годах было тяжелым. Как ссыльный Рязанов не мог работать в каком-либо учреждении. А заработка жены, на жизнь не хватало. Находившийся некоторое время в Саратове, работавший там директо-

ром комбайнового завода И.Н. Смирнов после возвращения в Москву посылал ему денежные переводы³⁴³. Оказавшись в Москве, он рассказал о тяжелом материальном положении ученого Бухарину. "В НКТП (не помню уж, в котором году), - вспоминал Бухарин, - прямо от Серго ко мне зашел И.Н. Смирнов, сказал, что был в Самаре (или в Саратове), где "голодает Рязанов и его жена больная, нельзя ли ему помочь". Я что-то обещал, справлялся, кажется звонил в ЦИК"³⁴⁴.

Результаты этого ходатайства неизвестны. Судя по некоторым сведениям, Рязанову удалось самому преодолеть материальные трудности. Не последнюю роль сыграла его переводческая работа. Это был единственный вид научного труда, которым он мог заниматься в годы ссылки. Его лишили не только свободы, но и возможности заниматься научным творчеством. У него были конфискованы книги и рукописи, выписки и заметки, другие материалы, необходимые для исследовательской работы (ч. II, док. 27).

С середины 1932 г. Рязанов начал готовить к изданию на русском языке полное собрание писем и речей Давида Рикардо. Еще в 1908 г. Рязанов опубликовал главную работу Рикардо "Начала политической экономии и податного обложения"³⁴⁵. Мысль о полном собрании сочинений появилась в конце 20-х годов. Он хотел подготовить тексты к печати в рамках деятельности института³⁴⁶. В 1929 г. он переиздал "Начала политической экономии". В плане института на 1931 г. значился выход двух томов полного собрания сочинений³⁴⁷.

Рязанову удалось заключить договор на издание собрания сочинений Рикардо с Государственным социально-экономическим издательством. Во главе издательства некоторое время стоял его друг М.П. Томский. Публикуемая ниже заметка, направленная в "Правду" в начале сентября 1936 г., показывает, что он проделал за несколько лет огромную работу, передал издательству 100 авторских листов переводов и 6 листов комментария. Должно было выйти четыре тома тиражом 20 тыс. экземпляров. Близкие Рязанова рассказывали о его интенсивной работе над этим изданием. Он часто засиживался допоздна, и свет в его окне горел до 2-3 часов ночи. К счастью для науки, эта работа оказалась ненеправильной. Уже в 1935 г. в Соцэкгизе появился в качестве 2-го тома сочинений Д. Рикардо рязановский перевод "Начал политической экономии и податного обложения". Фамилия переводчика не была упомянута. Предисловие написал Д. Розенберг³⁴⁸. Оно было чисто цитатническим и этим отличалось от аналитического предисловия Рязанова к изданию 1925 года. В 1941 г. также без упоминания фамилии Рязанова были опубликованы два первых тома сочинений Рикардо. На титульном листе стояло: "Пере-

вод под редакцией члена-корреспондента Академии наук СССР М. Смит³⁴⁹. В I том вошли "Начала политической экономии", а во II - "Статьи и речи о денежном обращении в банках". Из-за войны три последующих тома не были опубликованы. В 50-х годах это издание было возобновлено. В 1955-м появилось 2-е издание первых двух томов, а затем еще три тома. В третий том вошли "Статьи по аграрному вопросу и критические примечания к книге Мальтуса", в четвертом и пятом томах - "Парламентские речи Рикардо" и "Письма к экономистам"³⁵⁰.

Есть сведения о сотрудничестве Рязанова в этот период и с издательством "Academia". Оно выпускало литературные памятники, работы выдающихся мыслителей³⁵¹. Во главе издательства некоторое время стоял Л.Б. Каменев. В 1933-1934 годах Давид Борисович готовил в Саратове перевод литературно-критических статей Ф. Меринга. С этим выдающимся немецким марксоведом Рязанов неоднократно полемизировал. Теперь же он взялся за перевод его литературных статей. В архиве РГАЛИ хранится письмо А.В. Луначарского в издательство "Academia" от 28 июня 1933 г., в котором он позитивно отнесся к рукописи Рязанова. "Порядок рассмотрения материала, - писал он, - предложенный Рязановым, я считаю наиболее целесообразным"³⁵². Двухтомник статей Меринга увидел свет в 1935 г. также без указания имени переводчика³⁵³. Но это было не единственное издание, подготовленное Рязановым в Саратове. В одном из писем Анна Львовна упоминала о его переводах "Рикардо, Кабе и др." В 1935 г. в издательстве "Academia" вышли два тома "Путешествия в Икарию" французского утописта Кабе. Фамилия переводчика отсутствовала. Скорее всего им был тоже Рязанов³⁵⁴.

Переводы помогали Рязанову отвлечься от мрачных мыслей и являлись логическим продолжением его издательской деятельности 20-х годов. Они помогали преодолеть финансовые затруднения. Только за подготовку полного собрания сочинений Рикардо Рязанов получил 11 тыс. рублей (ч. II, док. 37).

Большое значение имела и моральная поддержка, которую Рязанову оказывали некоторые старые революционеры, в частности В.Н. Фигнер, а также несколько сосланных в Саратов ученых и оппозиционеров. Вообще же Рязанов ни с кем в Саратове не встречался, его избегали. "Боялись, да и у него не было желания с кем-либо встречаться", - писала позднее Анна Львовна³⁵⁵.

Вскоре после приезда Рязанов обнаружил слезку. Сотрудники ОГПУ не оставляли его без внимания ни днем, ни ночью. "Дом Рязанова, - отмечала внучатая племянница Елена Николаевна Беренштейн, - наблюдался с двух сторон. С улицы следили сотрудники органов (они почему-то были в зеленых пальто). Со двора за нашей

квартирой следил наш сосед. Он сидел у окна и как бы регистрировал входящих". Иногда сотрудники Саратовского управления ОГПУ приходили к Рязанову домой, открыто, не таясь (ч. II, док. 51). Чекистам удалось также внедрить в дом Рязанова агента ОГПУ. Он вошел в доверие к ученому, вел с ним беседы, провоцировал на откровенные высказывания политического и теоретического плана. На их основе была подготовлена "Справка" (ч. II, док. 35) Приводимые в ней высказывания Рязанова на самые различные научные, экономические и политические темы заслуживают доверия. Они созвучны его мыслям 20-х годов, часто подтверждаются другими источниками и показывают, что ни арест, ни высылка не запугали ученого, не подавили волю, интеллект. Как и раньше его отличали независимость и своеобразие суждений, критическое отношение к политическим и теоретическим взглядам Сталина. Он продолжал внимательно следить за политическим и экономическим развитием СССР, за международным коммунистическим и рабочим движением.

Верность Рязанова своим прежним взглядам партийного диссидента подтверждают и показания Н.Б. Либиха, где он упомянул о своих беседах с ним. Он приводит слова Рязанова о "скифско-ленинско-сталинской теории и практике ВКП(б)", говорит о его "сверхревизионистском истолковании марксизма", Либих говорил о его отрицательном отношении к критике деятелей социал-демократического и профсоюзного движения Германии. "В этих "бонзах", заявлял Рязанов, вся скопленная десятилетиями сила германской социал-демократии, которая приучила эти массы именно из рук этих "бонз" получать стандартизованную духовную марксистскую пищу"³⁵⁶.

Либих привел позитивные оценки Рязановым взглядов Каутского и Бернштейна. Упомянув о разделении Рязановым марксизма на "европейский" и "скифский", он отмечает весьма критическое отношение собеседника к работам Ленина. Рязанов, по словам Либиха, весьма низко оценивал его книги "Развитие капитализма в России" и "Империализм как высшая стадия капитализма": "По вопросу об империализме Ленин лишь повторил Рудольфа Гильфердинга. Только по вопросу о диктатуре пролетариата Ленин сказал новое слово, но это уже скорее не от марксизма, а от скифства". И далее Либих отмечал: "Во время этой же первой беседы Рязанов разъяснил мне, что он, войдя в 1917 году в состав партии большевиков, рассчитывал совместно с Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Рыковым, Бухариным и другими, как он выразился, "трезвыми людьми" стать тормозящим началом в отношении ленинско-сталинской политики"³⁵⁷. Эти и другие высказывания Рязанова, приведенные в "Справке" и в показаниях Либиха, могут на первый взгляд показаться излишне резкими. Но учиненная Сталиным расправа над Рязановым вполне могла ра-

дикализовать его взгляды и привести к более определенным выводам. Теперь Рязанов не был связан с идеологическими установками, которые в Москве могли в определенной мере влиять на его публичные оценки и высказывания.

Есть свидетельство, что высказывания Рязанова на политические темы передавались Управлением ОГПУ (затем НКВД) Саратова в Москву. Молотов вспоминал в июне 1972 г.: "...в Саратове, передавали, он говорил: "Я хочу пожить и посмотреть, как это социализм будет осуществлен в одном квартале, в одном городе, в одном уезде. Издевался"³⁵⁸.

В результате тотальной слежки в саратовском следственном деле Рязанова оказалось немало сведений о его тогдашних политических и теоретических взглядах, которые были полностью созвучны прежним представлениям. Рязанов не боялся общаться в Саратове с неугодными властям видными оппозиционерами, с бывшим секретарем ЦК И.Н. Смирновым и его семьей, Карлом и Ревеккой Грюнштейн, В. Каспаровой, академиком В.Н. Перетцом, сосланным по сфабрикованному делу о мифической Российской национальной партии, дружил с Н.В. Комаром, возглавлявшим одно время в Саратове общество бывших ссыльных и политкаторжан.

Оттепель не состоялась

В Саратове Рязанов продолжал вести себя как правозащитник. Теперь он мог защищать лишь свои права гражданина СССР, грубо нарушенные в феврале - апреле 1931 г. и постоянно нарушаемые впоследствии. И с первого до последнего момента он реагировал на все без исключения беззакония письмами в различные партийные и государственные инстанции. Во время голода в Поволжье (1932 - 1933), который затронул и Саратов,³⁵⁹ он вел себя как настоящий гуманист, делясь последним с жильцами дома, прежде всего детьми, стариками и больными (ч. II, док. 49). По воспоминаниям Елены Николаевны Беренштейн, он велел покупать продукты подешевле и побольше, чтобы спасти побольше людей. Иногда у Рязановых по нескольку дней жили голодающие безработные, которым он придумывал занятия и кормил.

16 февраля 1934 г. истек срок саратовской ссылки. Но свободу он не получил. 13 декабря 1933 г. особое совещание при коллегии ОГПУ предусмотрительно постановило продлить ссылку еще на два года. Затем это постановление было несколько изменено. Рязанову разрешили покинуть Саратов, но запрещали навсегда проживание в Московской и Ленинградской областях³⁶⁰. Это было явное издева-

тельство над старым больным человеком, попыткой Сталина сделать саратовскую ссылку бессрочной. Генсек явно опасался приезда Рязанова в Москву, где он мог бы легко доказать свою невиновность и причастность Сталина к расправе над ним.

Оказавшись в изоляции, Рязанов оружия не сложил. Его сопротивление со всемогущим диктатором продолжалось. Первым шагом стало письмо в политбюро от 22 февраля 1934 г., где он четко, ясно и эмоционально доказал свою невиновность и дал представление о трагических последствиях трехлетней ссылки и потребовал пересмотра дела (ч. II, док. 27). Это письмо предназначалось дружески настроенным членам политбюро и возымело действие. Сталину впервые после февраля 1931 г. пришлось отступить. 5 марта 1934 г. Особое совещание ОГПУ изменило свое решение и заменило бессрочный запрет на проживание Рязанова в Московской и Ленинградской областях на двухлетний срок³⁶¹. Вскоре Рязанов в ответ на свою просьбу получил разрешение политбюро на время приехать в Москву, чтобы привести туда больную жену и устроить ее там на лечение. Есть основания связывать это решение с политической оттепелью 1934 г. в стране и партии, когда наметился отход от введенных Сталиным в конце 20-х годов военно-коммунистических методов преобразований, политики "большого скачка" и тотальных репрессий. Страна устала от такой политики, приведшей к голоду и страданиям миллионов. В ВКП(б), в том числе и в ее руководстве, возникло стремление к умеренной политике, отказу от репрессий, примирению с оппозиционными кругами. Эта тенденция проявилась в ходе XVII съезда партии, проходившего с 26 января по 10 февраля 1934 г., на котором звучали призывы к единству и было предоставлено слово Каменеву, Зиновьеву, Преображенскому, Рыкову, Томскому, Бухарину и другим оппозиционерам³⁶². Сталин вынужден был считаться с настроениями в стране и в партии, опасаясь всеобщего сопротивления, не был готов к решительным действиям³⁶³. И масштабы репрессий в 1934 г. уменьшились³⁶⁴.

Начались преобразования и в ОГПУ, которое в глазах народа стало символом насилия и произвола. 10 июля 1934 г. постановлением ЦИК СССР оно было преобразовано в одно из подразделений НКВД, растворилось среди других его управлений, лишилось судебных функций. Дела, расследуемые наркоматом и его местными органами, было предписывалось направлять в установленном законом порядке в судебные органы³⁶⁵. Эти новшества не остались незамеченными за рубежом. "Балтимор сан" писала 18 ноября 1934 г.: "Красная Россия становится розовой"³⁶⁶.

Вот почему обращение Рязанова не осталось без ответа. В политбюро его могли поддержать по крайней мере два влиятельных

человека - Калинин и Киров. Последний весьма тепло относился к Рязанову. Сохранился снимок Ленинградской делегации на XVI партконференции. В центре рядом с Кировым сидит Рязанов³⁶⁷. Это свидетельство их приятельских отношений.

В 1932 г., после ареста Рязанова, Киров принял на работу в качестве управляющего Лениздатом его племянника Б.О. Шифа. По свидетельству внучатой племянницы Рязанова К.Б. Машковой, Киров помогал ему в работе³⁶⁸. Калинина и Кирова могли поддержать Енукидзе и Орджоникидзе. Публикуемое ниже письмо Енукидзе от 10 апреля 1934 г. (ч. II, док. 28) - свидетельство того, что друзья Рязанова собирались ставить вопрос об изменении его участи и, вероятно, письмо в политбюро с просьбой разрешить сопровождать большую жену в Москву, Рязанов написал после согласования этого замысла с Енукидзе.

Шансы Рязанова на освобождение возрастали и в связи с тем, что к Сталину в это время стали обращаться с ходатайствами зарубежные ученые и деятели западноевропейских коммунистических и социалистических партий. У некоторых зарубежных коллег Рязанова были довольно точные сведения о его судьбе. Густав Майер узнал об участии Рязанова от одной немецкой коммунистки, вероятно работавшей несколько лет в ИМЭ и уволенной в начале марта 1931 г. Он сообщил 23 мая 1932 г. Карлу и Луизе Каутским: "Он выброшен из партии и вероятно занимается научной работой в Саратове. Однако ему не разрешают публиковаться: за его перепиской следят. (Как мне недавно говорил посол фон Дирксен, нельзя посылать и печатные материалы). Его жена, наоборот, занимает в Саратове ответственную должность в партии. Ее хотели вначале задержать в Москве, но она выразила желание последовать за ним, и это желание было исполнено. То, что исходя из коммунистической точки зрения, Р. "заслужил свою судьбу", его жена вполне могла сказать. Сохранение бумаг Рубина, как мне кажется, было вполне достаточно для этого. Впрочем, я думаю об этом случае и самой личности совершенно также, как и Вы, дорогая госпожа Каутская. Женщина, общившая мне эти сведения, в духовном и человеческом отношении находится на высоте. Эта уже годами живущая в Москве коммунистка заявила мне: "он заживо погребен"³⁶⁹.

Сейчас трудно сказать, кто именно ходатайствовал за Рязанова. Судя по всему, это были весьма влиятельные деятели, и Сталину было нелегко им отказать.

О пребывании Рязанова в Москве сведений сохранилось мало. Из документов следует, что ученый находился здесь со второй половины мая до 15 июля 1934 г. В это время он посещал государственные учреждения, чтобы устроить дела Анны Львовны, найти ей квар-

тиру, оформить пенсию. Он посетил многих, ранее дружески настроенных к нему видных деятелей партии и государства. Во время этих посещений шла речь и о его освобождении.

В статье, составленной на основе бесед с Бухариным в Париже, Николаевский в 1937 г. писал: "В 1934 г., по хлопотам его иностранных друзей, был поставлен вопрос об облегчении его положения. Он был вызван в Москву, где с ним велись переговоры об условиях его возвращения в партию и Институт Маркса. Он был принят Калининим. Переговоры не дали результатов. Рязанов решительно отказался подать какое бы то ни было заявление, которое могло бы быть истолковано как хотя бы косвенное признание его вины в связи с так называемым "меньшевицким процессом", продолжал настаивать, что все тогдашние обвинения - результат интриги против него и требовал пересмотра своего дела. Эта непримиримость вызвала раздражение Сталина, который, по слухам, лично кому-то обещал улучшить положение Рязанова, но ни в коем случае не хотел это улучшение превратить в его реабилитацию. "Интриги" 1931 г. были вдохновлены самим Сталиным"³⁷⁰.

Эти свидетельства подтверждаются другими источниками, в частности публикуемым материалом Рязанова 1934 и последующих лет, где прямо говорится о непризнании им своей вины, о его требовании пересмотреть приговор 1931 г. и провести новое судебное разбирательство. Рязанов во время допроса в 1937 г. упоминал о своих беседах в Москве с Крыленко, Шкирятовым и Ярославским, в которых он резко, с присущей ему эмоциональностью, высказался по поводу ареста, исключения его из партии и высылки в Саратов. Несомненно, что эти три деятеля, принимавшие активное участие в расправе над Рязановым, донесли своему "хозяину" о позиции ученого.

В Москве Рязанов встретился с Каменевым, Томским, Рыковым и рядом других оппонентов Сталина³⁷¹. С первыми двумя он, очевидно, обсуждал свои научные планы, прежде всего - издание переводов. Каменев, как отмечалось, возглавлял тогда издательство "Academia", а Томский - все государственные издательства. Эти встречи, а также беседы с другими крупными чинами должны были дать ему сведения о положении дел в стране.

Встречался Рязанов и с Бухариным. Но, зная об отношении к собеседнику Сталина, тот сделал все, чтобы встреча окончилась побыстрее.

"В "Известиях", - вспоминал позднее Бухарин, оправдываясь перед политбюро и Вышинским в 1936 г., - внезапно заявился однажды Рязанов с орденом на груди (года не помню, но это легко установить, так как ему было разрешено приехать лечить больную жену). Когда я

у него спросил, что он сотворил с документом. он вскипел, стал стучать кулаком и заявил, что никогда не признает своей вины. Скоро ушел³⁷².

Упомянутый Бухариным орден Трудового Красного Знамени, которым Рязанов был награжден 21 марта 1930 г. самим М.И. Калининым, был затем отобран при аресте и возвращен на заседании президиума ЦИК 7 июля 1934 г. (ч. II, док. 30). Этот шаг имел не только моральное значение, но и означал по сути дела гражданскую реабилитацию ученого, значительно облегчал его дальнейшую участь, так как орденосцы имели определенные льготы, в том числе и материальные. "Когда Рязанов, если мне не изменяет память, в 1934 г. выезжал в Москву, Енукидзе устроил так, что ему, несмотря на его положение ссыльного, вручили орден", - вспоминал в своих показаниях Либих³⁷³. Это был мужественный поступок Енукидзе и его шефа М.И. Калинина. К этому времени им уже стало ясно, что надежд на возвращение Рязанова в Москву нет. И друзья решили хоть немного облегчить его участь.

За каждым шагом Рязанова в Москве следили сотрудники ОГПУ, и Сталин очень скоро понял, что "усмирить" и "приручить" академика не удастся. Говоря всем и повсюду о своей невинности, Рязанов фактически приоткрывал завесу над репрессиями конца 20-х - начала 30-х годов. Вот почему уже через десять дней после его прибытия в Москву сотрудники ОГПУ стали выпроваживать строптивого орденосца в Саратов (ч. I, док. 32).

По некоторым сведениям, Рязанову пытался помочь С.М. Киров. Согласно Николаевскому, он попросил Сталина перевести Рязанова в Ленинград, "где для последнего были бы созданы условия, позволявшие ему вести научную работу по интересовавшим его вопросам, в то время в Саратове, при бедности местных библиотек, Рязанов такой возможности был почти лишен"³⁷⁴. Николаевский утверждал, что Кирову удалось добиться перевода, и Рязанов находился в Ленинграде до начала 1935 г. и лишь после убийства Кирова опять оказался в Саратове. Некоторые историки поверили в эту версию³⁷⁵. Но, как свидетельствуют публикуемые ниже документы, она не соответствует действительности. В Ленинград Рязанов так и не попал.

Тем не менее что-то за всем этим стояло. Киров вполне мог, судя по его дружескому отношению к Рязанову, предложить Сталину свой компромиссный вариант: не оставлять ученого в Москве, но и не высылать его в Саратов, а отправить в Ленинград. Сталин такого рода предложение не мог принять, Ведь в этом случае во втором по значению городе страны оказывался его самый последовательный

оппонент, который мог поведать всем о подлой расправе над ним. С другой стороны, выступление Кирова в защиту Рязанова и других оппозиционеров летом 1934 г. вполне могло подтолкнуть Сталина к решению свести счеты и со своим коллегой по политбюро.

Сейчас появляется все больше свидетельств, что убийство Кирова было спланировано Сталиным и осуществлено НКВД по его поручению. На это его легко могло подтолкнуть то, что Киров, как показало голосование на XVII съезде ВКП(б), пользуется в среде делегатов большей популярностью, чем он. Сталин смекнул: если "оттепель" будет долго продолжаться, его власть может оказаться под угрозой. Вождя народов, "как показали последующие события, вовсе не устраивало смягчение политического курса, умиротворение партии и страны в целом. Он ждал (а может быть и готовил) лишь повод для резкой смены курса, завершения последнего этапа своей, сталинской, революции сверху", - отмечает Хлевнюк³⁷⁶.

Такой повод Сталин получил с помощью самого гнусного преступления, устранив потенциального соперника и возложив ответственность на оппозиционеров. По свидетельству К.Б. Машковой, 1 декабря 1934 г. в Смольном находился ее отец, племянник Рязанова Б.О. Шиф. Он принимал участие в совещании ответственных работников Ленинграда, и, услышав выстрелы, первым выскочил в коридор и заметил быстро удалявшегося одного из охранников Кирова, засовывающего пистолет в карман. Шиф, который в 1936 г. был арестован, считал, что Кирова убил этот человек, а не Л. Николаев, который был лишь использован в качестве козла отпущения³⁷⁷.

15 июля 1934 г. Рязанов вынужден был уехать из Москвы в Саратов. Он не собирался покупать свободу за счет унижений, лицемерия, как это сделали практически все бывшие видные оппозиционеры, он не пожелал укреплять таким образом режим Сталина. Однако нельзя сказать, что поездка в Москву оказалась бесплодной. Он впервые во весь голос заявил о своей невинности партийной элите и друзьям в Москве, сумел добиться возвращения ему ордена со всеми вытекающими отсюда последствиями, получить подтверждение своего права работать в сфере науки и просвещения. Ему была возвращена ценнейшая библиотека с редчайшими изданиями XIX в. Были укреплены связи с московскими издательствами, публиковавшими его переводы. Это открывало возможности для последующей научной работы. К тому же Анну Львовну удалось устроить в Москве, уладить ее пенсионные и квартирные дела. Не исключено, что Рязанов возвращался в Саратов с надеждой на скорое изменение политической обстановки в Москве не в пользу Сталина.

Негласный, но явный надзор

После возвращения в Саратов Рязанов занялся бытовыми проблемами. Еще в мае 1934 г. в его квартиру переехала племянница А. Либих с двумя дочерьми - Зиной и Леной. До этого она развелась с мужем, бывшим меньшевиком Н.Б. Либихом, который также переехал в Саратов и жил здесь вместе с сыном Львом. Этот развод был оформлен, вероятно, по совету Рязанова, который предвидел новую волну репрессий против меньшевиков.

Бывшие супруги продолжали встречаться, дочери посещали отца. Их брат приходил в квартиру Рязанова, обедал здесь. Впоследствии, после ареста Либиха, этот развод спас Анну и ее детей от репрессий. В квартире Рязановых летом 1934 г. появилась домработница немка Берта Герман. Она была верующей, посещала церковь, жила в г. Энгельсе, стала как бы членом семьи - вела хозяйство, готовила еду, ухаживала за детьми. Жена Рязанова Анна Львовна постоянно жила в Москве на Малой Никитской 16, кв. 49, в кооперативном доме, очень часто приезжала в Саратов. Когда Давид Борисович болел, жена всегда находилась рядом с ним. О частых поездках из Москвы в Саратов свидетельствуют письма, отправленные ею в Москву племяннице Фанни Львовне Штейншнейдер³⁷⁸.

Приведем строки из писем, от 27 марта и 27 июня 1935 г.: "Здесь все по-старому. Нетта ходит на работу. Д.Б. тоже много работает, даже ребята, несмотря на то, что у них каникулы, все время занимаются. Лева приходит каждый день к своей мамаше. Как ты там живешь, устроилась с уборкой квартиры? Привет Вам от всей семьи. А.". "Думаю, что пробуду в Саратове до 4/VII и в Москве буду 6-го. Поезд уходит в 12 ч. 30 м. ночи и приходит в Москву около 6 часов утра. Вам не удастся приехать на вокзал, и я приеду домой одна. Тут все более или менее благополучно. Нетта в отпуску, хоть тоже дома. Д.Б. работает. Здесь очень жарко и приходится сидеть в комнате. Гуляем только после 9 часов"³⁷⁹.

О доброте, чуткости, внимании к людям и душевной щедрости Рязанова известно из рассказов внучатых племянников, которые с лета 1934 г. в течение трех лет находились рядом с ним. Вот лишь некоторые эпизоды из жизни ученого в этот период:

"Давид Борисович любил делать подарки, и просыпаясь в день рождения, мы находили платья, книги".

"При всей мягкости он отличался большой организованностью и дисциплинированностью. Спать мы ложились всегда в 9 часов, даже летом. Если мы играли во дворе, он звал нас: "Лена, Зина, спать". Мы шли, знали - возражения бессмысленны. Лишь иногда говорил:

"Ладно, еще полчаса". Но всегда следил, чтобы мы ровно через полчаса шли спать".

"Постоянно следил за нашими успехами в школе. Покупал нам билеты в театр. Сам любил ходить в цирк и вел себя там как ребенок".

"В марте 1935 г. мы решили сделать Д.Б. подарок к дню рождения. Вначале хотели купить изображение Ворошилова на коне, но не нашли и купили портрет Сталина. Принесли домой, поздравили и вручили подарок. Он посмотрел, слегка опешил, затем громко захотел на весь дом. Затем положил портрет на шкаф. Мы не поняли причину его реакции, но нам стало ясно, что сделали что-то не то".

"Когда мы приехали в Саратов, он заказал нам в ателье два пальто. Угощал нас конфетами. Часто раздавал конфеты всем детям нашего двора и просто проходящим мимо детям".

"Однажды он помог нам подготовить подарок ко дню рождения мамы. Под его руководством мы сделали переложение известной книги Д. Свифта, изложили ее содержание на отдельных листках и сделали рисунки. Он все просматривал, делал исправления, а мы переписывали. Затем мы собрали все и склеили книжку. На обложке стояло: "Джонатан Свифт. Гулливер у лилипутов. Пересказ для детей Т. Габбе и З. Задунашеной в переложении Зины и Лены Либих. Рисунки Зины Либих. Саратов 1935". Мама была очень довольна. Эта книжка сохранилась. Такой же подарок мы сделали при помощи Давида Борисовича и Анне Львовне".

"Помню, что Д.Б. работал допоздна. Когда мы просыпались ночью, то часто видели свет в его кабинете. Иногда из кабинета мы слышали его громкий вздох - реакция на какую-нибудь книгу".

"Был человеком аккуратным и чистоплотным. Ел яблоки только после того, как была снята кожура. Пил лишь боржом и кипяченую воду, когда один раз узнал, что в театре мы ели конфеты без обертки, очень нас ругал. В это время в Саратове были случаи холеры. Хлеб перед употреблением обязательно обжигали в печи".

"Я посещал квартиру Рязановых еще до переезда в Саратов в 1934 г., когда мы жили в Энгельсе. Тогда я ночевал у них и видел, что Рязанов ложился спать поздно и спал лишь 4 - 5 часов. Он был крепким человеком, делал гимнастические упражнения и заставлял это делать и меня. Иногда он брал за ножку стул и держал его на вытянутой руке... "

"К слезке Рязанов относился спокойно. Здоровался с сотрудниками ОГПУ. Но окна всегда были занавешены белой непроницаемой занавеской";

"Помню однажды Давид Борисович сидел возле дома на стульчике и о чем-то с нами говорил. Мимо шел слепой с палочкой. Когда

он услышал голос Д.Б., он остановился и сказал: "Товарищ Рязанов?" "Да, но откуда вы меня знаете?" "Я слушал ваши лекции и никогда их не забуду".

"Иногда зимними вечерами мы сидели возле нашей печи и смотрели, как догорали дрова. Он очень любил смотреть на огонь".

"Покупал нам билеты в оперный театр. Помню, мы смотрели "Снегурочку" и "Садко", "Царскую невесту". Ходили мы, как правило, с братом".

"Однажды в 1937 г. я и Зина вместе с Давидом Борисовичем шли по улице. Возле фотоателье стоял старый фотограф. Работы у него явно не было. Д.Б. стало его жалко, и он сказал нам: "Давайте сфотографируемся". Мы вошли. Д.Б. посадил нас на свои колени, обнял нас за плечи и так получилась карточка. Затем Зина и я сфотографировались отдельно. Две последние сохранились, а первая, которая стояла в кабинете Д.Б., исчезла".

"Однажды, когда мы гуляли с Давидом Борисовичем, ко мне подошла женщина и спросила: "Кто этот видный мужчина?" Я ответила: "Профессор". На следующий день она пришла к нам с больным ребенком. Давид Борисович объяснил, что он профессор истории, а не врач".

"Один раз он пошел на родительское собрание в школу. Наша классная руководительница, учительница математики так разволновалась, что не могла в разговоре с ним вымолвить ни слова".

"Очень приветливо относился к нашим друзьям и был доволен, когда кто-либо приходил к нам. По дороге в школу нас часто преследовали два мальчика. Когда мы ему рассказали, он сказал: они в вас влюбились. Пригласите их к нам. Мы так и сделали, и преследования прекратились";

"У нас в квартире стоял телефон. Номер 796. Особенно часто он говорил по телефону, когда Анна Львовна была в Москве. Тогда мы часто слышали, как он кричал в трубку "Анюта?".

Особенно запомнилось родственникам Рязанова утро 2 декабря 1934 г. В этот день все собрались завтракать. Зинаида Николаевна Либих вспоминала: "Репродуктор висел в столовой и работал все время... Вдруг прозвучало сообщение, что был убит Киров. Лицо Рязанова сразу напряглось. Он встал и начал нервно ходить по комнате. Затем остановился возле репродуктора и сказал, глядя на него: "Сталин начал". И сразу ушел в кабинет. Мы поняли, что случилось что-то страшное". Рязанов за многие годы так хорошо изучил Сталина, на своем горьком опыте познал его коварство, склонность к провокациям, что он сразу же определил, кто организовал это убийство и что последует за ним. Понимал он, вероятно, что волна репрессий.

которую поднял Сталин после 1 декабря 1934 г., рано или поздно докатится и до него.

После возвращения в Саратов Рязанов получил помощь со стороны руководства местной партийной организации. Ее возглавлял бывший работник ЦК А.И. Криницкий, с которым Рязанов в 20-х годах сотрудничал при разработке решений по вопросам науки. Эту поддержку Рязанов ощутил, когда осенью 1934 г. начал искать работу. В то время в Саратовском государственном университете воссоздавался исторический факультет. До начала 30-х годов в СГУ историческое отделение существовало на педагогическом факультете. Однако после ~~пре~~возвращения этого факультета в Педагогический институт подготовка историков в СГУ была прекращена. Учеба на истфаке началась в сентябре 1935 г. Первоначально было принято 106 студентов³⁸⁰. Деканом факультета стал известный саратовский археолог профессор П.С. Рыков.

Как видно из публикуемых ниже материалов, осенью 1934 г. Рязанов обратился с просьбой в краевые парторганы предоставить ему работу в области просвещения и культуры. В связи с предполагавшимся восстановлением исторического факультета он предложил свои услуги в деле организации материальной части - библиотеки и кабинетов (ч. II, док. 48).

В архиве Саратовского университета находится приказ N 127 по университету от 22 ноября 1934 г. о зачислении "с 21 ноября с.г. Д.Б. Рязанова временно исполняющим обязанности консультанта по научной части с окладом в 500 рублей в месяц". Упоминается он также в приказе № 40 по университету от 27 июня 1937 г., где назван в числе "консультантов по укомплектованию исторической библиотеки" также с окладом в 500 рублей³⁸¹.

В СГУ Рязанов проделал огромнейшую работу по комплектованию и пополнению фондов научной библиотеки. Старый и очень больной человек перерыл сотни тысяч книг. Они были конфискованы после Октябрьской революции и свалены в подвал истфака. Искал он книги также в различных книгохранилищах Саратова. Он фактически создал библиотеку истфака, укомплектовал библиотеку кафедры нового и новейшего времени³⁸². Директор библиотеки СГУ В.А. Артисевич, занимающая этот пост в течение 60 лет, вспоминает: "Позвонили из крайкома партии и потребовали устроить Рязанова в библиотеку. Я ответила, что ставок нет. Вскоре позвонили из дирекции университета и сказали, что он принят консультантом библиотеки по университетской ставке. Это давало ему возможность работать по своему усмотрению. Он собирал библиотеку истфака, а затем работал и у нас. Был очень дисциплинирован. На работу приходил регулярно. Рассказывал мне о ИМЭ. Однажды выступил перед библио-

текарями с докладом о редких изданиях библиотеки. Очень заботливо относился к своим внучатым племянницам, часто рассказывал об их школьных успехах".

Конкретные сведения о работе, проделанной Рязановым, содержатся в его письме декану истфака П.С. Рыкову от 9 мая 1937 г. Из письма видно, что Рязанов просмотрел многие книжные фонды не только Саратовского университета, но и ряда местных библиотек, из этой массы выбрал необходимую литературу, систематизировал ее и создал на совершенно пустом месте уникальную библиотеку общественно-политического профиля, состоящую из 15 - 18 тысяч томов (ч. II, док. 38, 40). Заместитель декана истфака В.А. Осипов вспоминает: "С момента создания истфака Рязанов стал библиографом кафедры истории нового и новейшего времени, формировал ее библиотеку. Сидел в 18 аудитории. Вел себя замкнуто. Библиотека создавалась на основе конфискованных личных фондов и библиотечного фонда университета и ряда других библиотек. Однажды, когда я замещал декана, Рязанов ко мне зашел. "Молодой человек, сколько Вам лет?" - спросил он. Я ответил, что мне 33 года. "С людьми моложе 30 лет я на научные темы не разговариваю", - заявил он. Помню, у нас возник какой-то спор, и он сказал: "История нас рассудит" ".

Каталог библиотеки нынешней кафедры нового и новейшего времени истфака СГУ показывает, что многие книги попали туда благодаря Рязанову. Карточки, составленные до 1937 г., поражают богатством документальных источников и широким диапазоном исторических работ, в том числе и написанных авторами, которые в 30-х годах относились к числу "буржуазных", "реакционных". Многие книги принадлежали к числу редчайших и вряд ли имеются сейчас в других российских библиотеках. То же было и в библиотеках других кабинетов.

В работе на истфаке СГУ Рязанов использовал богатый опыт, накопленный им при создании кабинетов Соцакадемии и ИМЭ, свою эрудицию и знания, при этом проявил присущую ему научную добросовестность. Интересы дела всегда были для него превыше всего, и когда он сталкивался с халтурой, не задумываясь шел на конфликт. Был инициатором, например, предложения декану истфака П.С. Рыкову создать кабинет по истории историографии и философии истории.

Работа Рязанова на истфаке и в университетской библиотеке дала значительные результаты. Она существенно обогатила книжные фонды СГУ редкими изданиями³⁸². Исследователь истории СГУ Л.А. Дербов писал: "Для комплектования кабинетов кафедр книгами университетом были переданы богатые фонды литературы из кон-

фискованных частных коллекций (Нарышкиных, Нессельроде и др.) Большую помощь оказала факультету библиотека³⁸². Здесь все верно. Но в 1959 г. автор не мог назвать имя человека, осуществлявшего эту работу. После отъезда Рязанова из Москвы Сталин с помощью НКВД делал все возможное, чтобы отомстить ученому за строптивное поведение в Москве и максимально затруднить его жизнь. Из следственного дела видно, что фиксировалась каждая встреча Рязанова, любой посетитель. Несмотря на то, что Рязанов перестал быть ссыльным, за его домом продолжалось наблюдение.

Жители Саратова считали, что Рязанова охраняют как важную персону, и некоторые даже приходили смотреть на "охранников".

Сразу же после устройства Рязанова на работу в СГУ против него была начата настоящая кампания травли. С ноября 1934 г. директор СГУ А.Д. Рамзаев через Наркомпрос с явного наущения НКВД пытался добиться увольнения Рязанова из университета. При этом оскорблял его и провоцировал на резкие высказывания против ВКП(б), других общественных организаций, лично против Сталина и, в конце концов, отказался выплачивать ему зарплату. Однако эта травля ни к чему не привела. Рязанова поддержало руководство крайкома партии. Рамзаева вызвали в крайком и второй секретарь П.Ф. Липендин, отчитав его, спросил: "Ты долго еще будешь издеваться над стариком Рязановым, этим крупнейшим ученым?"³⁸⁴. Лишь после этого Рамзаев оставил бывшего академика в покое, отправив, правда, в ЦК донос на Рязанова и руководство крайкома партии³⁸⁵.

Вскоре после отъезда Рязанова из Москвы появились трудности в оформлении пенсии для Анны Львовны. В августе 1934 г. Рязанову и его жене было запрещено лечиться на юге - в Сочи и Кисловодске, несмотря на рекомендации врачей. Этот запрет повторялся и в последующие годы. В августе 1936 г., учитывая, что двухлетний срок запрета на проживание в Московской и Ленинградской областях уже истек, Рязанов поехал в Москву. Здесь он надеялся получить путевку и отправиться с женой в Кисловодск. Но сотрудники НКВД заставили его вернуться в Саратов. Лев Николаевич Либих вспоминал: "Летом 1936 г., когда уже истек срок его ссылки, Рязанов надел орден Трудового Красного Знамени и отправился на вокзал, а оттуда на поезде в Москву. Там он пробыл недолго и вскоре вернулся. Позднее он рассказывал мне, как сотрудники НКВД доставили его на Павелецкий вокзал, отвели в привокзальную комнату и предложили немедленно уехать в Саратов. На стене висела картина "Выступление Ленина на II съезде Советов". "И я когда-то сидел здесь", - сказал Рязанов и показал на картине место, где был изоб-

ражен президиум съезда. "Я знаю, Давид Борисович, но я обязан от-править Вас назад", - сказал ему чекист".

Между тем, к середине 30-х годов здоровье Рязанова стало ухудшаться. Не могли не сказаться возраст, волнения 1931 г., пребывание на Лубянке и в Суздальской тюрьме. Уже в декабре 1933 г. Анна Львовна писала своей племяннице в Москву: "Были мы вчера у врача, и оказалось, что у Д.Б. сердце не в порядке и надо быть очень осторожным"³⁸⁶.

Осенью 1935 г. жизнь Рязанова оказалась под угрозой. Елена Николаевна Беренштейн рассказывает: "Однажды мой брат залез в погреб. Давид Борисович оставался рядом. В это время металлическая крышка, закрывавшая погреб, упала ему на ногу. Началась гангрена. В течение месяца он лежал. Спасла его операция, сделанная одним саратовским профессором. После нее он пошел на поправку".

Хроника болезни Рязанова запечатлена в октябрьских и ноябрьских письмах Анны Львовны из Саратова Ф.Л. Штейншнейдер: "Д.Б. все еще лежит, и пока он не поправится, я не уеду. Врач, который бывает ежедневно, говорит, что рана должна залечиться в течение нескольких дней, но нужно быть очень осторожными". "У нас все, кроме Д.Б., здоровы. Я собираюсь 16.XI. выехать, если Д.Б. до того времени поправится. Сейчас он все еще лежит, но рана как-будто заживает". "Д.Б. все еще лежит, рана не заживает. Врач приходит ежедневно, но когда он сможет встать, трудно сказать. Надеюсь, что 22-го смогу выехать". "В Москву я уж скоро не поеду, и я плохо себя чувствую, и Д.Б. нездоров"³⁸⁷.

В 1936 г. болезнь сердца у Рязанова обострилась. Родные боялись отпускать его одного на работу. Поэтому теперь его всегда сопровождали в университет внучатые племянницы Зина и Лена. Они держали его за две руки, чтобы он не ходил быстро. Незаконный запрет НКВД лечиться на юге и невыносимо жаркое лето в Саратове негативно сказывались на здоровье Рязанова.

26 августа 1936 г. в "Правде" была опубликована статья И.Г. Лежнева "Троцкистские гнезда в московском Доме книги" В ней упоминался "меньшевик Рязанов" и называлась большая сумма денег, выплаченная за переводы. Это был плохой знак. Предпринималась попытка учинить еще один "запрет на профессию" - лишить переводческой работы³⁸⁸. Рязанов не оставлял без ответа ни одно действие НКВД и отстаивал свои права в письмах А.С. Енукидзе, Г.Г. Ягоде, Н.И. Ежову. В начале сентября в заметке "Вынужденная поправка" в привычном для него саркастическом тоне он ответил на нападки Лежнева (ч. II, док. 37). Эта заметка в "Правде", естественно, не была опубликована.

Мужество до последнего вдоха

Летом 1937 г. Сталин начал осуществлять политику тотального террора. Целей было много - очистить партию от знавших ему цену старых кадров и заменить их молодыми, преданными ему людьми, свалить на эти кадры всю ответственность за провалы в экономике, тяготы повседневной жизни, наполнить лагеря и с помощью дармовой рабочей силы решить производственные проблемы. Еще одна цель - расправиться с довольно многочисленной группой бывших членов партии и устранить таким образом главный очаг инакомыслия.

С 1922 г. из партии выбыло и было исключено 1 млн 500 тыс. человек. Они стали главными объектами преследований. "Сталин хотел таким образом окончательно усмирить общество, создать мощную военную промышленность и стать единовластным диктатором величайшей в мире государственной машины"³⁸⁹. По некоторым данным, в 1937 - 1938 годах было расстреляно более 680 тыс. человек, 5 - 7 миллионов оказались в лагерях³⁹⁰.

Карательные действия Сталина охватывали всю страну, были тщательно спланированы, осуществлялись силами НКВД. Его сотрудники в предшествующие годы зафиксировали имена всех инакомыслящих создали тем самым "большого террора". В этой обстановке ненавистный Сталину Рязанов был обречен.

12 августа 1936 г. в "Правде" появилась статья, где говорилось о "хитрых маневрах классового врага" и резко критиковалось бюро Саратовского крайкома ВКП(б) за недостаток большевистской бдительности, непринятие мер к "контрреволюционным троцкистско-зиновьевским гнездам"³⁹¹. "Правда" в который раз зажгла штормовой фонарь. Сталин решил репрессировать все партийное руководство края. Этому предшествовало постановление ЦК ВКП(б) "О руководстве Саратовского обкома ВКП(б)" от 10 июня 1937 г. П. Ф. Липендин был освобожден от обязанностей члена бюро и второго секретаря крайкома, а 11 - 12 июня на II партийной конференции сняты и исключены из партии еще ряд видных работников краевого центра.

В решении отмечалось: "Большевики, все трудящиеся области вместе со всей партией и народом нашей великой родины единодушно одобрили приговор Верховного суда по делу презренных изменников Родины японо-германских троцкистских агентов. Нет и не будет пощады этим презренным наймитам иностранных разведок! Конференция обязывает все партийные организации оказать полную поддержку органам НКВД во главе с его боевым руководителем товарищем Ежовым в деле разоблачения всей двурушнической падали и беспощадного уничтожения всех троцкистско-зиновьевско-буха-

ринских и прочих бандитов, шпионов, вредителей, диверсантов и убийц"³⁹².

Пленум обкома заседал в присутствии секретаря ЦК А.А. Андреева, заведующего ОРПО Г.М. Маленкова и секретаря ЦК ВЯКСМ Вершкова. В это время сановные гости из Москвы прибывали в провинциальные города, чтобы раскрутить на месте маховик террора. Они выполняли задания Сталина, его инструкции. После выступления Андреева пленум одобрил решение ЦК о снятии А.И. Криницкого с поста первого секретаря обкома и взял обязательство "довести до конца дело разоблачения и разгрома врагов народа, в кратчайший срок исправить ошибки, допущенные Саратовским обкомом ВКП(б), ликвидировать все последствия вредительства со стороны врагов народа и по-боевому мобилизовать всю областную парторганизацию на большевистское выполнение директив партии"³⁹³.

30 июня 1937 г. также в присутствии Андреева, освободил от обязанностей членов обкома и исключил из партии как врагов народа еще 12 человек. 19 октября вывел из состава обкома еще более 40 человек.

В Саратове начались повальные аресты. Были взяты под стражу все ведущие деятели партии и профсоюзов, видные хозяйственники и деятели науки, в том числе и ректор СГУ известный математик К.Г. Хворостин и декан истфака Рыков. "Каждый день, - вспоминает Елена Николаевна Беренштейн, - кого-то брали. Это коснулось подавляющего числа семей. Когда мы приходили в школу, всегда видели заплаканных товарищей. Некоторые не выдерживали и при угрозе ареста кончали жизнь самоубийством. Комиссар госпиталя Селиванов, когда ему сообщили о предстоящем аресте, убил дочь, ранил жену, а затем бросился под поезд. Это продолжалось много месяцев".

Саратовская пресса нагнетала ужасы. Сообщалось о пожарах и взрывах. Во всем обвинялись враги народа. Газета "Коммунист" 29 сентября 1937 г. в статье "Врагам нет пощады" отмечала: "Благодаря вмешательству и непосредственной помощи ЦК ВКП(б) несколько месяцев назад была разоблачена правотроцкистская организация в Саратовской области. Органы НКВД во главе с талантливым сталинским посланцем тов. Н.И. Ежовым нанесли сокрушительный удар по право-троцкистскому подполью в Саратовской области и Республике немцев Поволжья. В газетной статье нет возможности описать все преступления этих гнусных выродков, этого человеческого отребья ... Особенно серьезные уроки должны извлечь для себя из этого дела партийные, советские, комсомольские, хозяйственные и профсоюзные организации области. Еще одна гнусная правотроцкистская банда поймана с поличным и уничтожена. Их судьба уготована всем

врагам народа. Враги должны быть и будут поголовно уничтожены. Полностью и до конца!"³⁹⁴.

Подготовка к новому аресту Рязанова велась несколько лет. Собирались сведения о его контактах, поведении, фабриковались показания на него "врагов народа" (ч. II, док. 35). Местное управление НКВД ждало лишь сигнала из Москвы. Вероятно, сигнал был получен от Андреева. Отправляя его в Саратов, Сталин вряд ли забыл, что в этом городе находится Рязанов. Он был арестован в ночь с 22 на 23 июля 1937 г. Елена Николаевна Беренштейн вспоминает: "Когда Давида Борисовича арестовали, с ним была лишь Анна Львовна. Мы с отцом отдыхали в деревне, а мама, болевшая туберкулезом, лечилась в санатории. Когда она узнала о случившемся, она вернулась в Саратов. Потом приехали и мы. Анна Львовна сказала мне и Зине, что Д.Б. уехал. Но во дворе нас стали дразнить, говорить, что наш дедушка троцкист и он арестован. Заплаканные, мы пошли к Анне Львовне. Она успокоила нас, сказала, что Д.Б. ни в чем не виноват и его скоро отпустят".

При аресте были конфискованы документы, которые могли представлять интерес для следствия: черновики обращений и писем, отправленных в ЦКК и политбюро, Енукидзе, Ягоде, Ежову, рукописи работ, дававших определенную информацию о взглядах Рязанова, фотографии оппозиционеров И.Н. Смирнова и Ревекки Грюнштейн.

В книге "Трагические судьбы. Репрессированные ученые Академии наук СССР" (М., 1995, с.248) утверждается, что Рязанов после второго ареста был привезен в Москву в Бутырку и там приговорен к расстрелу и расстрелян.

Публикуемые ниже материалы показывают, что это не так. Ученого оставили в городе его ссылки. Следствие велось местным управлением НКВД. Из публикуемых документов видно, как велись следствия в годы "большого террора", какие формальности выполнял обвиняемый, какие документы он заполнял, как оформлялся ордер, протоколы допросов и другие следственные документы.

Американский историк Р. Конквест был прав, когда писал в книге "Большой террор": "Есть указания на то, что НКВД все же соблюдал некоторые формальности. Методы допроса были, понятно, прямым нарушением закона, но заявления, подписанные заключенными, уничтожались редко. Они подшивались к делу"³⁹⁵. По отношению к Рязанову все формальности строго соблюдались прежде всего потому, что он не был ординарным заключенным и, в случае чего, мог вполне постоять за себя.

Однако соблюдение формальностей отнюдь не означало, что следствие велось на основе правовых принципов. Во внешне благопристойные формы укладывались беззаконие и произвол. Обвине-

ние строилось на основе сфабрикованных показаний, Рязанову вменялось в вину то, что он никогда не совершал, суд проходил с нарушением всех процедурных норм, без адвокатов, вызова свидетелей, и приговор был заранее predetermined. По сути дела, речь шла о слегка прикрытом юридическим флером убийстве. В случае с Рязановым это было заказное убийство. Заказчик - "вождь мирового пролетариата".

По отношению к Рязанову на первом этапе следствия вряд ли применялись физические методы воздействия, которые широко практиковались в Саратовском управлении НКВД. Но этого нельзя сказать о втором этапе следствия осенью 1937 г., когда его допрашивал изувер А.А. Вишневецкий.

В следственном деле Н.Б. Либиха отмечалось: "При допросах арестованных применялись извращенные методы следствия, длительные без перерыва допросы, от 7 до 15 суток арестованным не давалась пища. Путем жестокого избиения, угроз, шантажа ВИШНЕВЕЦКИЙ добивался провокационных показаний, по которым проводились аресты ни в чем не повинных людей, советских граждан, которых всех обвиняли в совершении тяжелых, особо опасных государственных преступлений"³⁹⁵. По некоторым сведениям, в ноябре Рязанов оказался в тюремной больнице. Но он продолжал держаться стойко и не признал свою вину.

Особый интерес представляют протоколы допросов. Они выявляют непреклонность и смелость поведения Рязанова, неспособность следователей одолеть этого человека. Протоколы содержат интересные биографические сведения о нем, прежде всего о саратовском периоде его жизни. По существу, перед нами последнее уникальное произведение Рязанова, где он предстает как яркая, неординарная личность, противостоящая аппарату лжи, насилия и убийства. Жена Рязанова после его ареста некоторое время находилась в Саратове. По свидетельству Льва Николаевича Либиха, он относил на почту ее письма. "Во время ареста Д.Б. я был в военном лагере. Когда вернулся, то узнал, что он арестован. После этого Анна Львовна отправляла меня часто на почту, чтобы я посылал телеграммы в Москву, они предназначались К.Е. Ворошилову и М.И. Калинин, и в них сообщалось об аресте Рязанова". Затем она отправилась в Москву сама, где, очевидно, хлопотала за мужа. Оттуда ее вызвали в Саратов. "13 ноября 1937 г. я поехала на несколько дней в Саратов в надежде получить свидание с Д.Б. Рязановым, который находился в тюремной больнице. Свидание я не получила, но 25 ноября меня арестовали", - писала позднее Анна Львовна³⁹⁷. Елена Николаевна Беренштейн вспоминает: "В ноябре к нам несколько раз приходила женщина, сотрудница НКВД, и спрашивала Анну Львовну.

Она сказала, что Давид Борисович находится в тюремной больнице и что неплохо было бы, если бы Рязанова приехала в Саратов. Когда Анна Львовна узнала, что Д.Б. в больнице, она не раздумывая, без всяких вещей отправилась в Саратов. В конце ноября в пять часов утра кто-то открыл ставни и постучал в окно. Вошли два человека. Один из них обратился к Анне Львовне: "Пойдемте к Давид Борисовичу". Она спокойно собрала вещи. Ее посадили в "черный ворон" и отвезли в тюрьму". Вероятно, к концу ноября вопрос о расстреле Рязанова был окончательно решен, и Анну Львовну как жену "врага народа" должны были отправить в ИТЛ. Не исключено, однако, что в НКВД Саратова появилась мысль использовать Анну Львовну для давления на Давида Борисовича, чтобы получить от него "признание". З.Н. Либих вспоминала: "От Анны Львовны я слышала, что в Саратовской тюрьме ее убеждали отречься от Давида Борисовича. Но она решительно отказалась, и ее отправили в конце концов в ИТЛ в Мордовию, в поселок Явас". Это подтверждает первый допрос Анны Львовны. По некоторым данным, Анну Львовну допрашивал начальник управления НКВД по Саратовской области майор А. Р. Стромин. Он пытался добиться от нее признания, что рукопись "Мое показание" была написана для переправки за границу. Однако жена Рязанова отрицала это.

Позднее она так комментировала эти подозрения: "Если бы он хотел писать для заграницы, как намекал мне Стромин, он писал бы на иностранном языке, на языке той страны, куда думал послать статью. Он хорошо знал немецкий, французский, английский языки - зачем же ему искать переводчика. И как бы он мог послать статью за границу, если он ни с кем не встречался"³⁹⁸.

Протокол судебного заседания показывает, что и на суде Рязанов вел себя также решительно, как и на допросах, и не признал своей вины. Приговор был предreshен. Рязанова расстреляли вскоре после окончания судилища, то есть между 20 и 24 часами 21 января 1938 г. (ч. II, док. 61). Похоронен он был, вероятно, в братской могиле на саратовском кладбище. Здесь же обрел вечный покой его первый социалистический кумир Н.Г. Чернышевский, а в сентябре 1941 г. похоронен друг Ю.М. Стеклов (по официальной версии он умер в саратовской тюрьме от бациллярной дизентерии).

13 апреля сотрудники ОГПУ осуществили еще одну меру наказания, содержащуюся в приговоре: "конфискация всего лично ему принадлежащего имущества". Присутствовавшая при этом вместе с сестрой Леной Зинаида Николаевна Либих рассказывает: "В 10 часов к нашему дому подъехала грузовая машина, из нее вышли два человека. Они распечатали кабинет Давида Борисовича, стали выносить оттуда и красивые стулья, и другую мебель, часть книг, погрузили

все в машину. Затем вернулись в кабинет и начали сваливать рукописи, книги, бумаги из письменного стола, фотографии на пол. В доме была большая печь, согревавшая все комнаты. Ее топили из кабинета. Они разожгли ее и стали бросать туда все. Чтобы бумага горела лучше, они мяли ее в руках, рвали книги. Меня и сестру они поставили рядом, и иногда показывая ту или иную фотографию, спрашивали: "Кто это?". Один сотрудник НКВД показал фотографию молодого Энгельса с дарственной надписью Лауры Лафарг, стоявшую на столе. И в ответ на наши слова: "Это Энгельс", сказал: "Какой там еще Энгельс", и спокойно бросил фотографию в печь. Все это продолжалось несколько часов. Печь накалилась, не выдержала, и в конце концов треснула от пола до потолка". Так за несколько часов были уничтожены бесценные рукописи и документы выдающегося ученого, письма видных деятелей зарубежной науки и культуры, ценнейшие издания, которые Рязанов собирал с начала века во многих европейских странах. Были сожжены и его научные рукописи, подготовленные в Саратове.

В числе уничтоженных оказался шарж, сделанный известным карикатуристом Дени к 60-летию Рязанова. На нем Рязанов был изображен в трусах, с огромными мускулами, делающий зарядку. Шарж сопровождал следующий текст Демьяна Бедного:

*Товарищ, полюбуись фигурую такою,
Какая грудь, а бицепсы, взгляни,
Сей богатырь одной рукою
Поднимет сразу трех Дени.
Добряк, не грубиян, ~~нигде~~ не грубиянит,
Но в гневном споре зверски рьян,
Что перед ним тогда Демьян,
Он и меня передемьянит.*

Как сложилась судьба 690 книг, конфискованных 13 апреля 1938 г.? Часть из них была передана НКВД Саратова в букинистические магазины, другая отдана в СГУ, а 353 тома переправлены в Институт Маркса, Энгельса, Ленина. Среди них находились первые издания работ Маркса и Энгельса, марксоведческая и обществоведческая литература, в том числе редчайшие журналы и книги на русском, английском, немецком, французском языках, приобретенные Рязановым в конце 90-х годов прошлого века³⁹⁹. Не исключено, что это было сделано по просьбе самого ученого. Во всяком случае во время болезни он часто говорил своим родственникам, что в случае его смерти книги нужно переправить в институт. Об этом же он мог перед расстрелом попросить сотрудников НКВД. Вряд ли они сделали это по собственной инициативе.

ЭПИЛОГ

Через месяц после расстрела 22 февраля 1938 г. был арестован его друг Н.В. Комар и Н.Б. Либих. По рассказам Елены Николаевны, Комар очень часто приходил к Рязанову, а после его ареста опекал Анну Либих и ее детей: "Когда однажды Николай Васильевич не пришел, мама послала меня и Зину узнать, что произошло. Дверь нам открыла очень старая женщина - его сестра. Она сказала, что он арестован. Повсюду были разбросаны бумаги, валялись разбитые стулья. Все было переворочено".

Саратовское Управление НКВД решило сфабриковать дело о "меньшевистском бюро", которым якобы руководил Рязанов. В обвинительном заключении Либиха отмечалось: "Меньшевистское бюро было связано с заграничными меньшевистскими кругами и ставила себе целью свержение советской власти и реставрацию капитализма в СССР. Для осуществления указанных выше целей эта антисоветская организация вела активную борьбу против ВКП(б) и советской власти методами террора против руководителей ВКП(б) и советского правительства и методами вредительства и диверсий в народном хозяйстве"⁴⁰⁰.

Сейчас трудно сказать, какова была цель этой фальсификации об "Объединенной Российской социалистической партии", которую якобы создал Рязанов, о ее террористических действиях, связях с зарубежными кругами, о подготовке им мифического "Манифеста Российской социалистической партии". Не исключено, что дело сфабриковали по приказу из Москвы и должно было компенсировать отсутствие каких-либо серьезных доказательств виновности Рязанова (если бы сведения о расстреле появились за границей, можно было бы представить его руководителем контрреволюционной организации в Саратове).

Своеобразие дела состояло в том, что человек, которого обвиняли в руководстве заговором, был уже расстрелян и не мог себя защитить. Сотрудникам НКВД оставалось лишь заставить Либиха, Комара и других арестованных по этому делу дать соответствующие показания. Дело вели А.А. Вишневецкий и А.Р. Стромин. Чтобы за-

ставить сотрудничать с ними Либиха им понадобилось более полутора месяцев жесточайших пыток. Лишь 9 марта он признал себя "активным участником антисоветской меньшевистской организации"⁴⁰¹.

Осенью 1938 г. его сыну Льву Николаевичу разрешили встретиться с отцом в здании НКВД. Он вспоминает: "Я сидел и ожидал, когда приведут отца. В это время я слышал крики допрашиваемых. Мимо проволочки по тому направлению стонущего человека. Наконец открылась дверь и в сопровождении охранника появился отец. Я его не узнал. Он похудел в два раза, был бледен, были видны следы побоев. Он просил меня принести книгу А.И. Герцена "Былое и думы". Последние его слова были: "Не верь никому, я ни в чем не виновен".

Дело Либиха, в котором Рязанов был представлен руководителем заговора, дает представление о том, как сотрудники НКВД фабриковали версии о несуществующих заговорах и организациях, их мифической деятельности, никогда не существовавших программных документах, как фабриковались показания, проводились очные ставки, на которых две стороны оговаривали сами себя. Сфабрикованная Саратовским НКВД версия о заговоре, возглавляемом Рязановым, одно из последних дел ежовского периода. Уже в августе 1938 г. первым заместителем Ежова был назначен Л.П. Берия, который должен был заменить наркома и закончить "большой террор". Эта замена произошла в декабре 1938 г., через полтора месяца после расстрела Либиха. Массовые аресты в Саратове прекратились. Этот поворот привел к тому, что версия о Рязанове как руководителе антисоветского заговора меньшевиков в Саратове, авторе "Манифеста Российской социалистической партии", которая активно разрабатывалась после его расстрела, публично так и не прозвучала.

После 1938 г. властями делалось все, чтобы никто не узнал о трагической судьбе ученого. Это привело к появлению различных слухов. В 1942 г. в "Социалистическом вестнике" в статье Б.И. Николаевского "Тени далекого прошлого (памяти Веры Фигнер)" промелькнуло сообщение о смерти Рязанова. "... Весть о его смерти - на этот раз, увы, правильная, - в Америку пришла почти одновременно с известием о смерти В.Ф."⁴⁰². О смерти Рязанова не знала и жена.

Судьба Анны Львовны была определена в Москве на заседании Особого совещания 15 апреля 1938 г. Выписка из протокола гласила: "Слушали: 396. Дело N 1261 (Сарат. обл.) О Рязановой Анне Львовне 1978 г.р. Постановили: Рязанову Анну Львовну как члена семьи изменника родины заключить в исправ. труд. лагерь, сроком на ВОСЕМЬ лет, считая срок с 25/XI 37 г. Дело сдать в архив"⁴⁰³.

Жена Рязанова была освобождена из лагеря 30 апреля 1943 г. В личном архиве Е.Н. Беренштейн хранится справка за № 156480. В ней говорится: "Дана Рязановой Анне Львовне рождения 1978 года, уроженке г. Аргеев Бессарабской губернии. Содержалась в местах заключения с 25 ноября 1937 г. по 30 апр. 1943 года, дана в том, что она в порядке директивы НКВД, НКК и Прокуратуры Союза СССР от 23 октября 1942 года за № 467/18-17/117 с Теминковского исправительного лагеря НКВД ОСВОБОЖДЕНА 30 апреля 1943 г."

З.Н. Либих вспоминает: "Весной 1943 г. мы получили от Анны Львовны письмо об освобождении из ИТЛ. Но ее долго не было. Лишь в конце мая она пришла с двумя старушками. Одна была из города Энгельс, вторая поехала дальше. Сама Анна Львовна выглядела как скелет".

"Анна Львовна, - вспоминает Е.Н. Беренштейн, - верила, что Давид Борисович еще жив. Она часто стояла у окна, из которого была видна Саратовская тюрьма. Сразу же после XX съезда КПСС она начала выяснять судьбу мужа, по официальным каналам в Саратове, а после того, как узнала о его расстреле, все силы приложила к тому, чтобы добиться его реабилитации". Сотрудники прокуратуры Саратова придумывали всевозможные отговорки чтобы не допустить реабилитации и скрыть преступление.

Все решило письмо Анны Львовны первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву от 6 июля 1957 г. В нем говорилось: "Не найдете ли Вы возможности, Никита Сергеевич, ознакомиться с делом Д.Б. Рязанова. Он был арестован в феврале 1931 г. и выслан в Саратов на 5 лет. По приезде в Саратов он обратился в ЦК с просьбой пересмотреть его дело. Он доказывал, что никакого письма у Рубина не брал. Ответа на заявление он не получил. В Саратове он работал в университетской библиотеке и занимался переводами (Рикардо, Кабе и др.).

23 июля 1937 года его снова арестовали. В чем его обвиняют, не знаю. Мне в МВД Саратовской области сказали, что он приговорен к 10 годам тюремного заключения без права переписки. На все мои запросы мне отвечали, что он жив и здоров. Когда прошло 16 лет и от него не было никаких известий, мне заявили, что он "пропал без вести".

Я жила в Москве, где у меня была квартира в кооперативном доме (Малая Никитская, 16, кв. 49.) В ноябре 1937 года мне сообщили, что Рязанов болен и находится в тюремной больнице. Ему было 67 лет. Я сейчас же поехала в Саратов, надеясь получить свидание и чем-нибудь облегчить его положение. Свидание мне не дали, а 25 ноября арестовали и как жену Рязанова приговорили в 8 годам заключения в исправительно-трудовом лагере. НКВД квартиру, би-

блиотеку, домашние вещи, так наз. имущество конфисковали. 30 апреля 1943 г. меня как инвалида, согласно постановлению правительственных органов от 23/Х-42 г., освободили.

Работала я около сорока лет, приняла участие в двух революциях, работала в профсоюзах и пропагандистом в Московской организации и никто ни в чем не обвинял. Партбилет члена партии с 1899 года отнят при аресте. Я из тюрьмы написала в ЦКК, но ответа не получила. Зная, что ЦК много сделал для реабилитации старых товарищей, надеюсь, что Вы обратите внимание на мое заявление⁴⁰⁴.

Рязанов был реабилитирован 22 марта 1958 г. В справке, подписанной заместителем председателя Военной Коллегии Верховного Суда СССР генерал-майором П. Лихачевым, отмечалось: "Дело по обвинению РЯЗАНОВА Давида Борисовича, до ареста 23 июля 1937 года - консультанта в библиотеке Саратовского госуниверситета, пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 22 марта 1958 года. Приговор Военной коллегии от 21 января 1938 года в отношении РЯЗАНОВА Д.Б. по вновь открытым обстоятельствам отменен и дело о нем прекращено за отсутствием состава преступления. РЯЗАНОВ Д.Б. реабилитирован". 16 июня 1958 г. Президиум Саратовского областного суда реабилитировал Анну Львовну. В справке о реабилитации отмечалось: "Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 15 апреля 1938 г. отменено и дело в отношении Рязановой Анны Львовны прекращено за отсутствием в ее действиях состава преступления"⁴⁰⁵.

Уже в сентябре 1958 г. Анну Львовну восстановили в КПСС. Ее приглашали на партийные форумы, празднование годовщин Октябрьской революции, 100-летия В.И. Ленина. Однако когда она узнала, что в президиуме XXII съезда КПСС будут находиться Ворошилов и Микоян, она отказалась от приглашения и таким образом выразила свое отношение к тем, кто был причастен к сталинскому террору 30-х годов.

Заведующий библиотекой Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС с 1950 по 1961 г. Ю.П. Шарапов вспоминал, что в конце 50-х - начале 60-х годов к нему пришла Анна Львовна и спросила, остались ли в библиотеке ИМЛ материалы, связанные с ее мужем. Я ответил, что такие издания в библиотеке имеются. Потом она попросила показать ей домик, в котором жили Рязановы во второй половине 20-х - начале 30-х годов. Я показал ей его. Когда осмотр закончился, она заплакала и сказала: "Теперь можно и умереть". Я помню, что это было летом. Анна Львовна была одета в белое платье. У нее был усталый, изможденный вид человека, которому довелось много страдать".

Попытка Рязановой восстановить в партии посмертно ее мужа не увенчалась, однако, успехом. В ноябре 1958 г. КПК при ЦК КПСС не нашел возможность это сделать "за отсутствием оснований". Партийные идеологи не могли простить теоретического вольнодумства. В собраниях сочинений В.И. Ленина было немало "криминала", следов полемических выступлений Рязанова против вождя и теоретика Октябрьского переворота. Анну Львовну это не могло не огорчать. Однако у нее были и отрадные минуты, когда приходили люди, выражавшие уважение к ее мужу. Это были репрессированные и их родственники, старые большевики, приезжавшие в Москву иностранцы.

В личном архиве Е.Н. Беренштейн хранится письмо одного из сотрудников хозяйственной части ИМЭ. Оно было отправлено 17 июня 1963 г. жене Рязанова и запечатлело отношение тех, кому он бескорыстно и самоотверженно помогал.

"Здравствуйте, дорогая Анна Львовна! - отмечалось в этом письме, - Шлю Вам свой искренний, сердечный привет. Желаю Вам хорошего здоровья, много много лет жизни и полного душевного покоя.

Я был искренне рад, когда узнал, что Вы возвратились в Москву. Адрес Ваш я получил в справочном бюро. Буду считать большим для себя счастьем, если Вы разрешите мне навестить Вас. Я не видел Вас и дорогого для меня светлой памяти Давида Борисовича. Моя фамилия - Марков, а зовут Алексеем Дмитриевичем. Мне посчастливилось работать несколько лет с Давидом Борисовичем в Комакадемии и в Институте Маркса и Энгельса, создателем которого он был. Вы и Давид Борисович очень хорошо относились ко мне. Я очень многим был обязан ему. Он относился ко мне воистину потечески. Благодаря Давиду Борисовичу я окончил рабфак в 1925 г. и Всесоюзный коммунистический университет в 1930 году. Мне сейчас 66 лет, стал стар и имею целый букет болезней. С того времени как я расстался с Давидом Борисовичем, мой жизненный путь был усеян сплошным шиповником. Мне тысячи раз приходилось тепло вспоминать Давида Борисовича. Во время последней войны тысячу раз обращался к нему мысленно за помощью. И лишь в 1949-50 году мне стало известно о его трагической судьбе, а о Вас ничего не знал до 1961 года. Буду считать за большое счастье для себя, если Вы разрешите навестить Вас. Ведь я всегда глубоко и сердечно уважал Вас. Вы и Давид Борисович были большими с добрым сердцем людьми".

Основания для партийной реабилитации появились лишь в октябре 1989 г. В решении КПК отмечалось: "Учитывая, что обвинения, на основании которых Д.Б. Рязанов был исключен из партии отпали,

реабилитировать его в партийном отношении посмертно⁴⁰⁶. 22 марта 1990 г. он был посмертно восстановлен в АН СССР вместе с группой других репрессированных академиков. При этом была отдана дань "глубокого уважения святой памяти безвинно погибших ученых" и высоко оценен "их выдающийся вклад в развитие отечественной и мировой науки и культуры"⁴⁰⁷.

Рязанов, находясь в ссылке, неоднократно заявлял, что история рассудит его и Сталина и поставит все на свои места. Как историк, он понимал, что режим, построенный на репрессиях, преступлениях и лжи, обречен, а его жертвы, те, кто пытался противостоять этому, будут оправданы. Преступления Сталина разоблачены уже через несколько лет после смерти диктатора. Сталинская партийная и государственная система развалилась, на глазах всего мира в начале 90-х годов, проявив полную неспособность к рациональным действиям и изменениям.

Среди историков распространена тенденция негативно изображать представителей левого крыла российского рабочего движения и ставших участниками послеоктябрьских событий, считать их виновниками наших бед. Между тем, среди этих людей существовала прослойка гуманистически и рационально мыслящих людей, противостоящих жестокости партийных вождей. Благодаря этим людям были созданы предпосылки для оживления российской науки и культуры в 20-х годах. Они противостояли люмпенской прослойке в партии, занявшей ведущие позиции и приведших к власти своего идеолога. Сталин не мог терпеть рядом критически настроенных людей, сторонников демократических традиций. К их числу принадлежал Давид Борисович Рязанов, с юных лет борющийся за обновление России, сумевший внести огромный вклад в отечественное обществоведение и немало сделать для спасения жертв политических репрессий. Академик А.Д. Сахаров позднее, шел по сходному пути, пытаясь в рамках существующего строя вести борьбу за демократию и права человека, против произвола властей.

Неправы те рязановеды, которые считают, что с арестом ученого в феврале 1931 г. все дело его жизни было разрушено⁴⁰⁸. Можно лишь удивляться, насколько большой и яркий след оставил он в истории России и ее науки. И речь идет не только о сотнях произведений. Остались архивные материалы и книжные богатства, которые он приобрел до и после 1917 г. и которые сейчас привлекают внимание исследователей, в том числе и зарубежных. Осталась школа марксоведов, которая систематически издавала собрания сочинений Маркса и Энгельса в России и за ее пределами, готовила марксоведческие издания. Наконец, продолжали свою деятельность люди, которых он спасал в 1918 - 1930 годах, вырывая из цепких рук со-

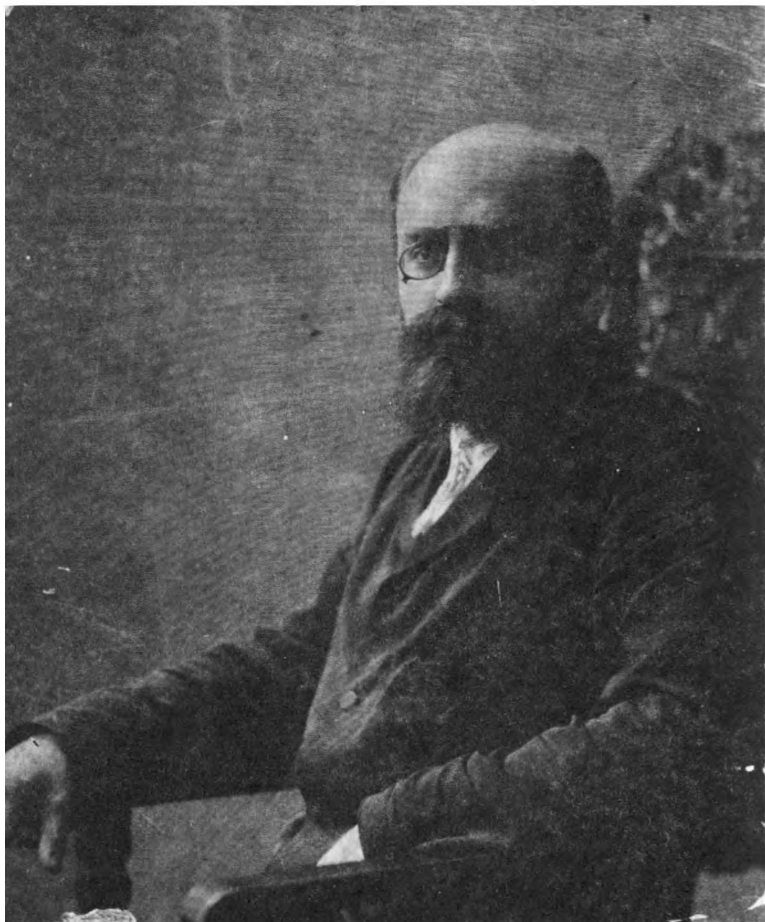
трудников ВЧК, ГПУ и ОГПУ. Прошли проверку временем и его анти-тоталитарные, демократические взгляды, из-за которых ему пришлось, выражаясь фигурально, сгореть на костре сталинской инквизиции.

Собирая письма и другие документы с просьбами о помощи, Рязанов хорошо понимал значение этих материалов для осмысления послеоктябрьского периода истории Советской России, для изучения той стороны деятельности власть имущих, которая находилась в тени, не освещалась тогдашними исследователями. Он несомненно надеялся, что рано или поздно все эти материалы окажутся в руках ученых.

Обращая внимание на протоколирование допросов, включение в протоколы своих заявлений, он думал о будущем, о тех, кто прочтет материалы следствия, допросов, копии его писем и заявлений и сможет понять, что же происходило в действительности в застенках Саратовской тюрьмы. Поэтому, публикуя документы с сентября 1918 г. по начало 1938 г., мы, по сути дела, выполняем завещание академика. Эти документы дают представление о жизни и деятельности великого сына России, политического и общественного деятеля, заслужившего право быть в числе выдающихся обществоведов и гуманистов не только своей страны, но и всей планеты.

В заключение нам хотелось бы поблагодарить К.М. Андерсона, Г.Д. Головину, Б.В. Левшина, А.Я. Николаева, Н.П. Поканевича, Г.А. Ульянова и других сотрудников архивохранилищ ФСБ, РАН, МВД, РЦХИДНИ, РГАЛИ, ГА РФ за содействие, а также Гамбургский институт социальных исследований за финансовую поддержку. Нашу благодарность мы адресуем родственникам академика Д.Б. Рязанова - А.И.Блюменфельд, Е.Н. Беренштейн, З.Н. Либих, Л.Н. Либих, К.Б. Машковой за предоставленные нам документы, фотоматериалы и воспоминания. Нашу признательность мы выражаем также В.А. Артисевич, И.А. Бах, А.Б. Закс, С.И. Липкину, Н.И. Непомнящей, В.А. Осипову, другим современникам Рязанова, поделившимся с нами воспоминаниями.

Д.Б.Рязанов. Начало XX в.
На обороте надпись:
"Дорогой матери. 1(14) августа"

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Мещеряков Н.А.* Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович. - Малая Советская Энциклопедия. Т.7. М., 1930, с.560 - 561. Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович. - Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7 изд. Т.41. Деятели Союза Советских Социалистических Республик (Автобиографии и биографии). Часть II, с. 230 - 232.
- 2 Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф.2, оп.17, д.163.
- 3 На боевом посту. Сборник к шестидесятилетию Д.Б. Рязанова. Под редакцией А.М. Деборина. М., 1930.
- 4 Там же, с. 29 - 117.
- 5 Там же, с. 118 - 146.
- 6 Там же, с. 623 - 650.
- 7 Библиографический указатель работ Д.Б. Рязанова и литературы о нем. М., 1995, с. 27 - 37.
- 8 *Brupbacher F.* 60 Jahre Ketzler. Selbstbiographie. Zürich, 1973; *Serge V.* Erinnerungen eines Revolutionärs 1901 - 1940. Wiener Neustadt, 1974.
- 9 *Гриневич В.* Мои встречи с Д.Б. Рязановым (личные воспоминания). - Социалистический вестник. N 19-20(507-508). 3.IX. 1942. с. 236-240.
- 10 Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966, т. 4, с. 213-687, 690; *Максаков В.В.* В.В. Адоратский и его роль в организации архивного дела в СССР (1818-1945). М., 1976; *Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С.* Западноевропейский утопический социализм в работах советских историков. М., 1981, с. 29, 100.
- 11 *Аграновский И.* "Прочитаны впервые". М., 1968, с.9; *Бобриков И.* Оpozнание. Память. Исторический сборник. Вып. 3. М., Париж, 1980, с.417.
- 12 Литературное наследство К Маркса и Ф. Энгельса. История публикации и изучения в СССР. М., 1969, с.15, 44, 55, 84-89, 95, 100, 107, 114-116, 119, 120, 123, 126, 130, 133-135, 137, 138, 152, 157, 188-189, 207, 209-211.
- 13 *Шмидт С.О.* К истории архивного строительства в первые годы советской власти. - Проблемы архивоведения и истории архивных

- учреждений. Л., 1970; *Пшеничный А.П.* О подготовке декрета "О реорганизации архивного дела в РСФСР. - Советские архивы, 1987, N 6, с.16 - 23.
- 14 *Schapiro L.* Die Geschichte der Kommunistischen Partei der Sowjetunion. Frankfurt a. M., 1962, S. 417 - 418. См. также *Daniels P.V.* Das Gewissen der Revolution. Kommunistische Opposition in der Sowjetunion. Koln, 1962. S. 461.
- 15 *Rjasanow D.* Karl Marx als Denker, Mensch und Revolutionär. Frankfurt a. M. 1971; *Rjasanow D.* Marx und Engels nicht nur für Anfänger. Berlin, 1973; Marx - Engels - Archiv. Zeitschrift des Marx - Engels - Instituts in Moskau, Hrsg von D. Rjasanow. Bd. 1 und 2. Reprint. Erlangen 1971; *Riasanov D.* Marx et Engels. Conférences, faites aux cours de marxisme pres l'academie socialiste en 1922. Edition anthropos. Paris, 1967; *Rjasanov D.* Karl Marx und Friedrich Engels. An Introduction to their lives and work. NY-London, 1973
- 16 *Rabehl B.* Nachwort - Rjasanow D. Marx und Engels nicht nur für Anfänger. S.90.
- 17 Вопросы истории КПСС. 1989, N 9.
- 18 Советская библиография, 1989, N6, с.49.
- 19 *Рокитянский Я.Г.* Трагическая судьба академика Д.Б. Рязанова. - Новая и новейшая история. 1992, N2, с. 107 -148.
- 20 *Rokitjanskij J.* Das tragische Schicksal von Dawid Borissowitsch Rjasanow. - Beiträge zur Marx-Engels-Forschung. Neue Folge 1993. Hamburg, 1993, S.3-16.
- 21 *Рокитянский Я.Г.* Неукротимый академик (новые архивные материалы о Д.Б. Рязанове). - Вестник Академии наук СССР, 1991, N7, с.132-151; *Его же:* Два письма академика Павлова. Вестник АН СССР. 1991, N10, с. 87-89; *Его же.* Неизвестные письма российских ученых двадцатых годов. - Вестник АН СССР. 1991, N11, с. 91-118; *Его же.* Судебная расправа 1922 года: академик Рязанов против карательной практики большевиков. - Вестник Российской академии наук. 1992, N4, с. 103-121. *Его же.* Академик Рязанов в Саратове. - Ленинский путь. 18.IV. 1991; *Его же.* Послесловие к процессу. Еврей выступил в защиту русских священнослужителей. - Международная еврейская газета. 1992. Октябрь, N19 (83), *Его же.* Он вернул Моссовету мандат депутата. - Куранты. 23.IV.1993; *Его же.* Теоретическое завещание академика Д.Б. Рязанова - Вестник РАН. 1993, N 11, с.1035 - 1044; *Его же.* Академик Д.Б. Рязанов против сталинизации РКП(б). - Вестник РАН. 1995, N 4
- 22 *Рокитянский Я.Г.* Академик Рязанов - переводчик сочинений Рикардо. - Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. ч. II. М., 1993, с. 327-333, *Его же.* Обреченные. Переписка академика Д.Б. Рязанова с профессором П.С. Рыковым (май 1937). - Отечественные архивы, 1995, N2; *Рокитянский Я.Г., Головина Г.Д.* "Я не совершал никакого преступления". Две саратов-

- ские рукописи академика Д.Б. Рязанова 1932 - 1934 гг. - Исторический архив, 1995, N 2, с. 201-221.
- 23 *Солодянкина О.Ю.* Д.Б. Рязанов и его деятельность в научно-исторических учреждениях. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1992, с. 19-129.
- 24 *Старостин Е.В., Хорхордина Т.И.* Декрет об архивном деле 1918 г. - Вопросы истории, 1991, N 7/8, с. 41-52; *Седельников В. ЧК и архивы: Два эпизода в первые годы советской власти.* - Звенья. Исторический альманах. Вып. 1, м., 1991, с. 452-454; *Васина Л.Л., Рокитянский Я.Г.* Страницы жизни и творчества экономиста И.И. Рубина. - Вестник РАН. 1992, N 8, с.129-144; *Рокитянский Я.Г.* Несостоявшееся самоубийство. - Вестник РАН. 1993, N 5, с. 558-562; *Фомичев В.* Без родни. Незвестные документы о сыне Карла Маркса. - Родина, 1992. N 8/9, с. 70-77; *Роговин В.* Власть и оппозиция. М., 1993, с. 253-255. *Автократов В.Н.* Из истории централизации архивного дела в России (1917-1918) - Отечественные архивы. 1993, N3, 4; *Хорхордина Т.* История отечества и архивы 1917 - 1980-е гг. М., 1994, с.43-89.
- 25 *Külow V.* David Rjasanow mit Marx gegen Stalin. - Das Argument. 1992, N 196, S. 897-903; *David Rjasanow.* Marx-Engels-Forscher. Humanist. Dissident. Hrsg. von V. Külow und A. Jaroslawski. Berlin, 1993.
- 26 *Ebenda*, S. 80-86.
- 27 *Корнеев В.Е.* Последние письма Д.Б. Рязанова - Археографический ежегодник за 1993 год. М., 1995; *Пайпс Р.* Русская революция. М., 1994, т.2, с.515; *Волкогонов Д.* Ленин. Политический портрет, т. 2. М., 1994, с. 300; *Хорхордина Т.* Указ. соч., 43; *Автократов В. Н.* Указ. соч., с. 26-27; *Scheibert P.* Lenin an der Macht. Das russische Volk in der Revolution 1918-1922. Weinheim, 1984, S.99.
- 28 Д.Б. Рязанов - В.Н. Фигнер. 24. 1. 1933 г. - РГАЛИ. ф. 1185, оп.1, д. 702, л. 1.
- 29 Там же.
- 30 Там же. Протокол показаний Д.Б. Рязанова (Гольдендах), данных в Одесском губернском жандармском управлении 17-23 декабря 1892 г. - Историко-революционный сборник. Под ред. В.И. Невского. Т.И. Группа "Освобождение труда". Ленинград, 1924, с. 197 - 198.
- 31 РГАЛИ, ф. 1185, оп. 1, д. 702, л. 2.
- 32 Протокол показаний Д.Б. Рязанова (Гольдендах), с. 198;
- 33 РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д. 90, с. 30.
- 34 Протокол показаний Д.Б. Рязанова (Гольдендах), с. 198; РГАЛИ, ф. 1185, оп. 1, д. 702, л. 1.
- 35 РГАЛИ, ф. 1185, оп. 1, д. 702.

- 36 Там же; *Рязанов Д.Б.* Автобиография.- Вестник АН СССР, 1991, N 7, с. 134.
- 37 На боевом посту, с. 130.
- 38 *Рязанов Д.Б.* 19 февраля (Освобождение крестьян). 4 изд. М., 1919, с. 5.
- 39 На боевом посту, с. 129; С - Петербургский филиал Архива РАН, ф. 2, оп. 17, д. 163, л. 27.
- 40 ЦА ФСБ, N Р-37181, т. 6, л. 85.
- 41 РГАЛИ, ф. 1185, оп. 1, д. 702, л. 1.
- 42 *Рязанов Д.Б.* Автобиография, с. 135.
- 43 *Рязанов Д.* Группа "Освобождение труда". 5-е изд., М., 1919, с. 5.
- 44 Протоколы показаний Д.Б. Рязанова, с. 198-199; РГАЛИ, ф. 1185, оп. 1, д. 702, л. 2; На боевом посту, с. 136; Историк-марксист, 1928, N 8, с. 146.
- 45 На боевом посту, с. 131.
- 46 Протоколы показаний Д.Б. Рязанова, с. 201.
- 47 *Степлов Ю.М.* Борцы за социализм. Очерки по истории общественного и революционного движения в России. М., 1918, с. 243. *Полевой Ю.З.* Зарождение марксизма в России. 1883-1884 гг. М., 1959, с. 478-479; История Российской социал-демократии. М., 1918, с. 15-16.
- 48 На боевом посту, с. 134.
- 49 Там же, л. 21.
- 50 РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д. 154, л. 7 - 68.
- 51 Там же, л. 21.
- 52 Там же, л. 47.
- 53 РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д. 77, л. 26-27.
- 54 *Рязанова А.* Женский труд. 2 изд. М., Л, 1926; *Ее же.* Почему коммунисты отстаивают женский труд в производстве. М., Л., 1926; *Ее же.* Профсоюзы и работница. М., 1927; *Ее же.* Тенденции развития женского труда. - Вестник Коммунистической академии. 1928, N 28.
- 55 РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д. 149.
- 56 На боевом посту, с. 138.
- 57 Там же, с. 138-139.
- 58 *Солодянкина О.Ю.* Указ. соч., с. 25-26.
- 60 Социал-демократический календарь на 1902 г. Женева, 1902.
- 61 Там же, 133-140; Судебный приговор по делу обуховцев. С предисловием Н. Рязанова. Женева, 1902; Рязанов Н. Обуховское дело. С приложением судебного приговора. Спб, 1906.

- 62 Судебный приговор по делу обуховцев, с. 10, 11.
- 63 *Рязанов Н.* К критике программы российской социал-демократии. 2 изд. С-Петербург, 1906, с. 8.
- 64 Там же, с. 8,10,11,149.
- 65 Н.А. Васецкий в статье "Л.Д. Троцкий. Политический портрет" ошибочно называет Рязанова "одним из участников съезда".- См.: *Троцкий Л.Д.* К истории русской революции. М., 1990, с.9.
- 66 РЦХИДНИ, ф. 301, оп.1, д.149, л. 1-2.
- 67 *Рязанов Н.* Разбитые иллюзии. Женева, 1904, с. 60, 75, 86-87, 115.
- 68 *Külöw V. David Rjasanow - mit Marx gegen Stalin*, S. 898.
- 69 *Гриневич В.* Указ. соч., с. 237, 240.
- 70 *David Rjasanow*, S. 213-214.
- 71 *Рязанов Н.* Очередные вопросы нашего движения. Женева, 1905, с. 5.
- 72 *Гриневич В.* Указ. соч., с. 238.
- 73 Там же.
- 74 *Булкин Ф.А.* (Семенов). На заре профдвижения. История петербургского Союза металлистов 1906-1914, Л., М., 1924, с. 126-127, 135, 149, 150-151.
- 75 *Рязанов Д.Б.* Профессиональные союзы и диктатура пролетариата. 3 изд., Харьков, 1923, с. 22, 30.
- 76 Международное профсоюзное движение 1903-1904. Отчет международного секретариата профессиональных союзов. С. Петербург, 1907, с. IV.
- 77 Личный архив Е.Н. Беренштейн.
- 78 *David Rjasanow*, S. 14.
- 79 На боевом посту, с. 143-144. См. также воспоминания П. Маслова - РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д. 159, л. 46.
- 80 *Рокитянский Я.Г.* Неукротимый академик, с. 135.
- 81 *David Rjasanow*, S. 214.
- 82 *Külöw V.* Op. cit, S. 898.
- 83 *Рязанов Д.* Очерки по истории марксизма. 2-е изд. т. 1, М., 1928, с. 173.
- 84 *Grupbacher F.* 60 Jahre Ketzer, S. 183.
- 85 *Корнеев В.Е.* Указ. соч., с. 346-347. *Рязанов Д.* Очерки по истории марксизма. 2 изд., т. 1, с. 9, 420.
- 86 *Marx K., Engels F.* Gesammelte Schriften; 1852-1862. Bd. 1-2. Stuttgart 1917.
- 87 РЦХИДНИ, ф. 301, оп.1, д. 78, л. 41.
- 89 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 212-213. См также с. 49-507.

- 90 РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д. 78, л. 4.
- 91 Там же.
- 92 *Рязанов Д.* Международный пролетариат и война. Сборник статей 1914-1916 гг. М., 1919, с. 9.
- 93 *Абрамович Р.* Роберт Гримм, Циммервальд и русская революция. - Социалистический вестник. 1958, N 4, с. 73-76.
- 94 *Меньшевики в 1917 г. Т.1.* От января до июльских событий. М., 1994, с. 244.
- 95 На боевом посту, с. 632-634.
- 96 *Лозовский А.* Жизнь, которую стоит изучать. - На боевом посту, с. 140-141.
- 97 *Гриневич В.* Указ. соч., с. 239.
- 98 *Меньшевики в 1917 г., т. 1,* с. 372.
- 99 На боевом посту, с. 123.
- 100 *Васецкий Н.А.* Указ. соч., с. 26.
- 101 *Солодянкина О.Ю.* Указ. соч., с. 53.
- 102 Государственное совещание. Стенографический отчет. М. - Л., 1930, с. 279.
- 103 *Солодянкина О.Ю.* Указ. соч., с. 55.
- 104 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 183.
- 105 Протокол Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 - февраль 1918 г. М., 1958, с. 26-27, 33.
- 106 Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918. Стенографический отчет. М., 1962, с. 73.
- 107 Протоколы ЦК РСДРП(б), с. 116.
- 108 *Анисимов В.* Глазами современников. - Комсомольское знамя. Киев. 7.XI.1990.
- 109 Вопросы истории ЦК КПСС. 1991, N 2, с. 43; *Мартюв Ю.О.* Письма 1916 - 1922. Вensen, 1991, с. 16.
- 110 РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 18, д. 282, л. 131.
- 111 Архив русской революции, т. 7-8. М., 1991, с. 47.
- 112 *Солодянкина О.Ю.* Указ. соч., с. 57.
- 113 *Вомпе П.* Дни Октябрьской революции и железнодорожники (материалы к изучению истории революционного движения на железной дороге). М.1924, с. 21.
- 114 Там же, с. 26-55; *Абрамович Р.* Викжель (ноябрь 1917). - Социалистический вестник. 1960, N 5, с. 96-99; N 6, с. 118-124.
- 115 Юность.1990, N10, с. 8
- 116 *Мартюв Ю.О.* Письма. 1916-1922, с. 19.
- 117 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 70-71.

- 118 Протоколы ЦК РСДРП(б), с. 143.
- 119 Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.-С. Петербург, 1992, с. 52, 146.
- 120 Кедров М.С. Из красной тетради об Ильиче. - Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 3, м., 1984, с. 129.
- 121 Звенья. Исторический альманах. Вып. 2, с. 52.
- 122 Журавлев В.В., Симонов Н.С. Причины и последствия разгона Учредительного собрания. - Вопросы истории, 1922, N 1.
- 123 Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 г. Стенографический отчет. М., 1962, с. 73.
- 124 Там же , с. 128.
- 125 Рязанов Д. Международный пролетариат и война, с. IV.
- 126 Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 73; Восьмой съезд РКП(б) Март 1919 года. Протоколы. М., 1959, с. 71; Десятый съезд РКП(б) Март 1921 года. Стенографический отчет. М., 1963, с. 88-89; Одиннадцатый съезд РКП(б). Март-апрель 1922 года. Стенографический отчет. М., 1961, с. 79, 268.
- 127 Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 77.
- 128 Восьмой съезд РКП(б), с. 112.
- 129 Девятый съезд РКП(б). Март-апрель 1920 г. Протоколы. М., 1963, с. 9.
- 130 Сто сорок бесед с Молотовым, с. 218.
- 131 Ленин В.И. Полн. собр. соч. т.42, с. 207.
- 132 Там же, с. 27, 36, 398; т. 43, с. 103, 389.
- 133 Сто сорок бесед с Молотовым, с. 218.
- 134 Солодянкина О.Ю. Указ. соч., с. 61.
- 135 РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д. 46, л. 14-20.
- 136 Зверева Н. Закулисная драма, или кто сломал хребет профсоюзам. - Труд, 30.1.1992.
- 137 Солодянкина О.Ю. Указ. соч., с. 61.
- 138 РЦХИДНИ, ф. 589, оп. 3, д. 12154, л. 1.
- 139 Одиннадцатый съезд РКП(б), с. 182.
- 140 Там же, с. 283.
- 141 Рязанов Д. Задачи профсоюзов до и в эпоху диктатуры пролетариата. М., 1921; 2 изд. доп., М., 1922; 3 изд., Харьков, 1923.
- 142 Известия ЦК КПСС. 1990, N 5, с. 189-193; с. 165-173.
- 143 Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963, с. 105-106.
- 144 РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д. 46, л. 10.
- 145 Рокитянский Я.Г. Глас вопиющего, с. 375.

- 146 Там же.
- 147 Там же.
- 148 Там же, с. 375-376.
- 149 РЦХИДНИ, ф.301, оп. 1, д. 77 и 117-124.
- 150 *Авторханов А.* Убил ли Сталин Ленина? Помог ли Сталин Ленину умереть? - Даугава, 1990, N 96 с. 13.
- 151 Свободная мысль, 1991, N 16, с. 36.
- 152 РЦХИДНИ, ф. 589, оп. 36 д. 12754.
- 153 Шестнадцатая конференция ВКП(б). Апрель 1929 года. Стенографический отчет. М., 1962, с. 220.
- 154 Там же.
- 155 РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д. 81, л. 44-45.
- 156 Шестнадцатая конференция ВКП(б), с. 239.
- 157 *Рокитянский Я.Г.* Неукротимый академик, с. 149.
- 158 На боевом посту, с. 58.
- 159 *Хорхордина Т.* Указ. соч., с. 45.
- 160 Там же, с. 7-34.
- 161 Там же, с. 48.
- 162 Там же, с. 61.
- 163 *Седельников В.* ЧК и архивы: два эпизода из истории архивного дела в первые годы советской власти. - Звенья. Исторический альманах. Вып. 1, М., 1991, с. 453.
- 164 *Хорхордина Т.* Указ. соч., с. 46; Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1981, с. 221.
- 165 *Готье Ю.В.* Мои заметки. - Вопросы истории, 1991, N 11, с. 198.
- 166 *Солодянкина О.Ю.* Указ.соч., с. 82-83.
- 167 *Седельников В.* Указ. соч., с. 453-455.
- 168 *Солодянкина О.Ю.* Указ. соч., с. 95-96.
- 169 *Рокитянский Я.Г.* Неукротимый академик, с. 138.
- 170 Там же, с. 137. См. также Солодянкина О.Ю. Указ. соч., с. 101.
- 171 ЦГАРФ, ф. 3415, оп. 1, д. 32, л. 17.
- 172 Там же, л. 19.
- 173 Правда. 24.XI.1918.
- 174 ЦГАРФ, ф. 3415, оп. 1, д. 70, л. 7
- 175 Одиннадцатый съезд РКП(б), с. 349.
- 176 *Солодянкина О.Ю.* Указ. соч., с. 101.
- 177 Архив РАН, ф. 350, оп., 1, д. 158, л. 3.
- 178 *Смирнова В.А.* Указ. соч., с. 83.

- 179 Архив РАН, ф. 350, оп. 1, д. 208, л. 18.
- 180 РЦХИДНИ, ф. 374, оп. 1, д. 2, л. 1.
- 181 Летопись марксизма, 1928, N 5, с. 9.
- 182 Архив РАН, ф. 350, оп. 1, д. 208, л. 20.
- 183 Летопись марксизма, 1928, N 5, с. 14
- 184 Научный работник, 1926, N 3, с. 27.
- 185 РЦХИДНИ, ф. 71, оп. 1, д. 23.
- 186 Литературное наследство, с. 132-168.
- 187 *Рязанов Д.* Очерки по истории марксизма. 2 изд., М., л., 1928, т. 1, с. 112.
- 188 РЦХИДНИ, ф. 71.
- 189 РЦХИДНИ, Ф. 301, оп. 1, д. 75 и 77.
- 190 *Рязанов Д.* Союз коммунистов (1847-1852). - Маркс К. и Энгельс Ф. Коммунистический манифест. , изд., М.-Л., 1930, с. 7-23.
- 191 На боевом посту, с. 30.
- 192 Там же, с. 109-111.
- 193 *Фомичев В.* Без родни - Родина, 1992, N 8/9 , с. 73.
- 194 На боевом посту, с. 29-30.
- 195 РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д.173, л. 1.
- 196 РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д. 159, л. 27.
- 197 *Külöw V.* Op. cit., 8900.
- 198 Правда.21.VI.1927.
- 199 РГАЛИ, ф. 449, оп. 1, д. 34, л. 152, 154.
- 200 Известия. 5.X.1928.
- 201 *Бухарин Н.И.* Избранные труды. Л.,1988, с. 423-424.
- 202 ЦА ФСБ. N P-37 181, т. 7, л. 65.
- 203 Там же, л. 3-4.
- 204 Там же, л. 5.
- 205 Вестник АН СССР. 1991, N 7, с. 136, 138-142.
- 206 Там же, с. 142.
- 207 Там же, с. 144.
- 208 Там же, с. 142, 144.
- 209 Вестник РАН, 1994, N7, с. 643.
- 210 ЦА ФСБ, N Н-7824, т. 11, л. 118.
- 211 Вестник АН СССР, 1991, N 7, с. 145.
- 212 РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д. 157, л. 24.
- 213 Санкт-Петербургский филиал РАН, ф. 2, оп. 17, д. 163, л. 36.
- 214 Там же, л. 41.

- 215 Там же, л. 37.
- 216 Известия, 25. у. 1929.
- 217 *Перченко Ф. Ф.* Академия наук на "великом переломе" - Звенья. Исторический альманах, Вып. 1, М., 1991, с. 163-235; *Брачев В.С.* Укрощение строптивой или как АН СССР учили послушанию. - Вестник АН СССР, 1990, N 5; *Левин А.Е.* "заговор монархистов". Кому он был нужен? - Вестник АН СССР. 1991, N 1.
- 218 *Яншина Ф.Т.* Два письма сыну. - Вестник РАН, 1993, N 9, с. 826.
- 219 *Serge V.*, Op. cit., S. 281.
- 220 На боевом посту, с. 11-12.
- 221 На боевом посту, с. 21; Правда. 10.III.1930.
- 222 На боевом посту, с. 7.
- 223 РЦХИДНИ, ф. 3, оп. 1, д. 164, л. 27.
- 224 РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д. 164, л. 18; На боевом посту, с. 122.
- 225 Правда, 10.III.1930. См. также: Комсомольская правда, 10-12.III.1930; Труд, 10.III. 1930; Огонек, 20.III. 1930; Кооперативная жизнь, 11.III.1930; Наша газета, 11.III.1930; Пищевик, 11.III.1930; Литературная газета, 10.22.III. 1930; Ленинградская правда, 12.III.1930; Рабочая газета, 11.III. 1930; Социалистическое земледелие, 14.III. 1930; Беднота, 11.III. 1930; Красноярский рабочий 12.III. 1930; Вечерняя Москва, 22.III. 1930.
- 226 РЦХИДНИ, ф. 307, оп. 1, д. 159, л. 26.
- 227 РЦХИДНИ, ф. 323, оп. 1, д. 152, л. 1.
- 228 Бюллетень оппозиции. 1930, N 30, с. 30-31.
- 229 На боевом посту, с. 5.
- 230 ЦА ФСБ N P - 37 181, в 15-ти томах, т.3. Дело меньшевика Рязанова Д.Б. Материалы обыска, политические документы; т. 4. Дело меньшевика Рязанова Д.Б. Материалы обыска (129 л.) т. 5. Дело меньшевика Рязанова Д.Б. Материалы обыска (40 л.) т. 6. Дело меньшевика Рязанова Д.Б. Материалы обыска (167 л.) т. 7. Дело меньшевика Рязанова Д.Б. Материалы обыска (165 л.) т. 8. Дело меньшевика Рязанова Д.Б. Материалы обыска (138 л.) т. 9. Дело меньшевика Рязанова Д.Б. Материалы обыска (100 л.)
- 231 *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918 - 1956. Опыт художественного исследования. М., 1990, т. 1, с. 34-76, 348-362, 330-387.
- 232 В регистрационной книге РЦХИДНИ по личному фонду Д.Б. Рязанова эти уничтоженные дела значатся как ф. 301, оп. 2, д. 2; ф. 301, оп. 3, д. 3, 6, 7, 11, 16, 17, 19, 20, 23, 25.
- 233 Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917-1921 гг. Сборник документов. М., 1958, с. VII; Красная книга ВЧК. Т. I, 2-е изд., М., 1989, с. 4; ВЧК - ГПУ. Документы и материалы. Редактор-составитель Ю.Г. Фельштинский. М., 1995.

- 234 *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГУ. Часть I, М., 1991, с. 4-5.
- 235 *Троцкий Л.Д.* К истории русской революции. М., 1990, с. 213.
- 236 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 295; т. 39, с. 62; т. 51, с. 48, 52.
- 237 *Росси Ж.* Указ. соч., ч. I, с. 70; Красная книга ВЧК, с. 4-5.
- 238 *Попов В.П.* Государственный террор в Советской России 1923-1953 (источники и их интерпретация). - Отечественные архивы. 1992, N2, с. 28.
- 239 *Росси Ж.* Указ. соч., т.1, с. 86-87, 254-256.
- 240 *Попов В.П.* Указ. соч., с. 28.
- 241 *Агабеков Г.С.* ЧК за работой. М., 1992, с. 87-95.
- 242 Слово. 1991. N 8, с. 26.
- 243 *Роговин В.* Указ. соч., с. 26.
- 244 *Дойчер И.* Троцкий в изгнании. М., 1991, с. 64.
- 245 *Сталин И.В.* Сочинения, т. 12, с. 14.
- 246 ЦА ФСБ. N P-37181, т. 3.
- 247 ЦА ФСБ. N P-37181, т. 7, л. 105.
- 248 Из истории ВЧК, с. 325-326; Красная книга ВЧК, с. 29.
- 249 РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д. 77, л. 26-42. См. также л. 38, 39, 41.
- 250 *Serge V.* Op. cit. S. 281.
- 251 РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д. 77, л. 28, 417
- 252 Там же, л. 56.
- 253 Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 121.
- 254 *Готье Ю.В.* Мои заметки. - Вопросы истории. 1992, N 1, с. 123.
- 255 *Бацер Д.М.* Соловецкий исход. - Звенья. Исторический альманах. Вып. I, М., 1991, с. 290.
- 256 РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д. 157, л. 10, 127
- 257 Там же, л. 13.
- 258 ЦА ФСБ, N P-37181, т. 4, л. 20-23.
- 259 ЦА ФСБ, N P-37181, т. 10, л. 8-16.
- 260 ЦА ФСБ, N P-37181, т. 7, л. 92, т. 8, л. 57, 64.
- 261 *Абрамович Р.* Большевицкая власть и рабочие весной 1918-го года. - Социалистический вестник. 1960, N8/9, с. 175-176.
- 262 Там же, с. 176.
- 263 *Мартов Ю.А.* Указ. соч., с. 143, 145.
- 264 *Солодянкина О.Ю.* Указ. соч., с. 59.
- 265 *Бобриков И.* Указ. соч., с. 417.
- 266 ЦА ФСБ. N P-37181, т. 6.

- 267 *Васина Л.Л., Рокитянский Я.Г.* Указ. соч., с. 132-139; РЦХИДНИ, ф. 71, оп. 3, д. 44, л. 23.
- 268 Новые документы о В.И. Ленине (1920-1922 гг.) - Известия ЦК КПСС, 1990, N 4, с. 192-193.
- 269 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 301, л. 2.
- 270 РЦХИДНИ, ф. 3, оп. 2, д. 80, л. 2.
- 271 РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д. 46, л. 11.
- 272 *Гриневич В.* Указ. соч., с. 239.
- 273 *Седельников В.* Указ. соч., с. 460.
- 274 Начало "дела" Академии наук. Стенограмма заседания особой комиссии Наркомата РКИ СССР 24 октября 1929г.- Исторический архив. 1993, N1, с. 81.
- 275 *Солодянкина О.Ю.* Указ. соч., с. 88.
- 276 Память. Исторический сборник. Вып.3, М., 1968; Париж, 1980.
- 277 *Солодянкина Ю.О.* Указ. соч., с. 93.
- 278 *Свинцов В.* Великий изгнанник. К 120-летию Н.А.Бердяева (1874-1948). - Независимая газета, 18.III.1994.
- 279 Звенья. Исторический альманах. Вып. 2, М. - СПб., с. 432.
- 280 Там же, с. 437-456.
- 281 Восьмой съезд РКП(б), с. 68-69.
- 282 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 328, N 4.
- 283 РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д. 90, л. 1.
- 284 Известия ЦК КПСС, 1990, N 7, с. 186.
- 285 *Deutscher I.* Stalin. Political Biography. London, 1967, p. 290.
- 286 Рокитянский Я.Г. Глас вопиющего, с. 374.
- 287 Там же, с. 375.
- 288 Там же, с. 374-375.
- 289 Сталин В.И. Сочинения, т. 8, с. 310.
- 290 АУ ФСБ, Саратов, N ОФ-17779.
- 291 *Mayer G.* Erinnerungen. Vom Journalisten zum Historiker der deutschen Arbeiterbewegung. Zürich, Wien, 1949, S. 355.
- 292 РЦХИДНИ, ф. 374, оп. 1, д. 21, л. 13.
- 293 РЦХИДНИ, ф. 301, оп. 1, д. 46, л. 13.
- 294 Комсомольская правда. 14.VII.1928.
- 295 РЦХИДНИ, ф. 374, оп. 1, д. 21, л. 12-15.
- 296 Там же, л. 16.
- 297 РГАЛИ, ф. 1328, оп. 3, д. 256, л. 53.
- 298 *Яхот И.* Подавление философии в СССР(20-30-е годы) - Вопросы философии. 1991, N9-11. *Васина Л.Л., Рокитянский Я.Г.* Указ.

- соч., с. 139-140; *Рокитянский Я.Г.* Несостоявшееся самоубийство, с. 258-259.
- 299 *Смирнова В.А.* Указ.соч., с. 83; *Волкогонов Д.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина.-Октябрь. 1988, N 12, с. 9. 300. Правда, 15.I.1931.
- 301 *Рокитянский Я.Г.* Несостоявшееся самоубийство, с. 458.
- 302 *Рокитянский Я.Г.* Неукротимый академик, с. 145 - 149.
- 303 *Serge V.* Op. cit., S. 281.
- 304 *Васина Л.Л., Рокитянский Я.Г.* Указ.соч., с. 140-142.
- 305 *Рокитянский Я.Г.* Последние дни профессора И.И. Рубина. - Вестник РАН. 1994, N9.
- 306 ЦА ФСБ, N Н - 7624, т. II, л. 1.
- 307 Коммунист. 1990, N 11, с. 99-105; ЦА ФСБ, N Н-7824, т. 50, л. 26-277.
- 308 *Медведев Р.* Указ. соч., с. 245.
- 309 Там же, с. 250.
- 310 Там же, с. 250, 252.
- 311 ЦА ФСБ, N Н - 7624, т. 11, л. 13-14.
- 312 Там же, л. 13-1888.
- 313 Там же, л. 66-68.
- 314 Там же, л. 77, 78, 81-82, 86, 88, 117, 118, 150, 152.
- 315 Коммунист. 1990, N 11, с. 103.
- 316 *Serge V.* Op. cit., S. 282.
- 317 РЦХИДНИ, ф. 589, оп. 3, д. 12754, л. 9.
- 318 Там же, л. 11-12.
- 319 Там же, ф. 17, оп. 1, д. 814, л. 12, 15.
- 320 Правда. 26.II., 1, 3, 6.III.1931.
- 321 Правда. 6.III.1931.
- 322 Правда. 4.III.1931.
- 323 Правда. 2.III.1931.
- 324 *Мандельштам О.* Сочинения в двух томах. Т.1. Стихотворения, переводы. М., 1990, с. 344. До сих пор исследователи творчества Мандельштама не знают, о ком идет речь в этом двустишии. Мы узнали об этом от друга Мандельштама поэта и переводчика С.И. Липкина.
- 325 АУ ФСБ. Саратов, N ОФ - 17779, л. 30.
- 326 *Медведев Р.* Указ. соч., с. 252.
- 327 *Huppert H.* Tagebuch. - Archiv der Akademie der Künste, Berlin, Nachlaß Huppert.

- 328 Ebenda.
- 329 *Huppert H.* Wanduhr mit Vordergrund. Halle/Salle, 1977, S. 297. 330. ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 13, л. 1, 2.
- 331 Там же, л. 1, 7, 25, 33, 45.
- 332 *Külow V.* Op. cit., S. 900.
- 333 *Huppert H.* Tagebuch.
- 334 Большевик. 1931, N 5, с. 76.
- 335 *Троцкий Л. Д.* Дело т. Рязанова. Бюллетень оппозиции. 1931, N 21/22, с. 21.
- 336 *Ossietsky C.* Menschewiken. - Die Weltbühne. 1931, S. 348-349.
- 337 Малая Советская Энциклопедия. М., 1930, с. 560-561; Малая Советская энциклопедия. М., 1932, с. 555.
- 338 *Huppert H.* Tagebuch.
- 339 РЦХИДНИ, ф. 589, оп. 3, д.12754, л.100.
- 340 Там же, л. 19.
- 341 АУ ФСБ, Саратов, N OF-17779, л. 16.
- 342 Личный архив Е.Н. Беренштейн.
- 343 Неделя. 1988, N 41, с. 11.
- 344 Н.И. Бухарин - членам политбюро ЦК ВКП(б) и А.Я. Вышинскому. - Родина. 1993, N 2, Приложение, с. 11.
- 345 *Рикардо Д.* Собрание сочинений, т. I. Начала политической экономики и податного обложения. С.-Петербург, 1908.
- 346 *Рокитянский Я.Г.* Неукротимый академик, с. 135.
- 347 РЦХИДНИ, ф. 371, оп. I, д. 1, д. 4, л. 45.
- 348 *Рикардо Д.* Сочинения, т. 2, М., 1935.
- 349 *Рикардо Д.* Сочинения, т. I-II. М., 1941.
- 350 *Рикардо Д.* Сочинения, т. I-V. М., 1955, 1961. См. подробнее *Рокитянский Я.Г.* Академик Рязанов - переводчик сочинений Рикардо.
- 351 *Крылов В.В.* Издательство "Academia" - бесценный вклад в духовную культуру. - Вестник РАН. 1992, N 4, с. 348-357.
- 352 РГАЛИ, ф.279, оп. 4, д.43, л.4.
- 353 *Меринг Ф.* Литературно-критические статьи, т. 1-2, М., 1935.
- 354 *Кабе Э.* Путешествие в Икарию. Философский и социальный роман. т. I-II, М.-Л., 1935.
- 355 АУ ФСБ, Саратов. N OF-14408, л. 201.
- 356 АУ ФСБ, Саратов. N OF-14408, л. 22.
- 357 Там же, л. 20, 24, 31.
- 358 Сто сорок бесед с Молотовым, с. 218.

- 359 *Кондрашин В.В.* Голод 1932-1933 годов в деревнях Поволжья. Вопросы истории. 1991, N 6, с. 176-181.
- 360 РЦХИДНИ, ф. 589, оп. 3, д. 12754, л. 96-97, 112.
- 361 Там же.
- 362 *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992, с. 31-39.
- 363 Там же, с. 31-39.
- 364 *Попов В.П.* Указ. соч., с. 28.
- 365 *Хлевнюк О.В.* Указ. соч., с. 33.
- 366 Там же, с. 39.
- 367 *Роговин В.* Указ. соч., с. 105.
- 368 *Рокитянский Я.Г.* Нежелательный свидетель. Два выстрела в коридоре Смольного.- Независимая газета, 1.XII.1994.
- 369 *Kiilow V.* Op. cit., S. 902.
- 370 *Фельштинский Ю.Т.* Разговоры с Бухариным. М., 1993, с. 123.
- 371 АУ ФСБ, Саратов, N OF-17779, л. 53.
- 372 Родина. 1993, N 2, Приложение, с. 11.
- 373 АУ ФСК, Саратов, N OF-17779, л. 47-48.
- 374 *Фельштинский Ю.Т.* Указ. соч., с. 123.
- 375 *Медведев Р.* Указ. соч., с. 288.
- 376 *Хлевнюк О.В.* Указ. соч., с. 45.
- 377 *Рокитянский Я.Г.* Нежелательный свидетель, с. 7.
- 378 Личный архив Е.Н. Беренштейн.
- 379 Там же.
- 380 Саратовский университет. 1909-1959. Саратов, 1959, с. 104-106; Дебров Л.А. Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1959.
- 381 Архив Саратовского государственного университета. Приказы по Саратовскому университету с 4.II.1934 по 29.XII.1934, л. 76; Приказы по Саратовскому университету за 1937 г., с. 102.
- 382 *Артисевич В.А.* История научной библиотеки Саратовского университета. - Труды научной библиотеки СГУ. Вып. II. Саратов, 1959, с. 11-16.
- 383 *Дебров Л.А.* Указ. соч., 83, а также Саратовский университет, с. 104-108, 255-257.
- 384 АУ ФСБ, Саратов, N OF-14408, л. 51.
- 385 Там же, л. 50-52.
- 386 Личный архив Е.Н. Беренштейн.
- 387 Там же.

- 388 Правда. 26.VIII.1936.
- 389 Хлевнюк О.В. Указ. соч., с. 74-90.
- 390 Там же, с. 154, 156.
- 391 Правда. 12.VIII.1936.
- 392 Архив Саратовского обкома КПСС, ф. 594, оп. 1, д. 881, л. 10-11.
- 393 Там же, ф. 594, оп. 1, д. 884, л. 437.
- 394 Коммунист. 29.IX.1937.
- 395 Нева. 1990, N 6, с. 144.
- 396 АУ ФСБ, Саратов, N ОФ-17779, л. 262,. См. также N ОФ - 14408, л. 215.
- 397 АУ ФСБ, Саратов, N ОФ-14408. Приложение, л. 57.
- 398 АУ ФСБ, Саратов, N ОФ-14408, л. 201.
- 399 АУ ФСБ, Саратов, N ОФ-14408, Приложение, л. 15-36.
- 400 АУ ФСБ, Саратов, N ОФ-17779, л. 223.
- 401 Там же, л. 6.
- 402 Социалистический вестник. 31.VII.1942, N 13-14 (5010502), с. 167.
- 403 АУ ФСБ, Саратов. N ОФ-15165, л. 9.
- 404 АУ ФСБ, Саратов. N ОФ-14408, л. 201, 204.
- 405 АУ ФСБ, Саратов. N ОФ-15165, л. 23.
- 406 РЦХИДНИ, ф. 589, оп.3, д. 12754, с. 280.
- 407 Вестник АН СССР, 1991, N 7, с. 132.
- 408 Солодянкина О.Ю. Указ. соч., с. 143.

ЧАСТЬ I

ПИСЬМА В АДРЕС Д. Б. РЯЗАНОВА
И ДРУГИЕ ДОКУМЕНТЫ

(сентябрь 1918 – начало 1931 г.)

1

Е.Ф. Розмирович – начальнику Таганской тюрьмы

Начальнику Таганской тюрьмы

*г.Москва М.Никитская
Георгиевский пер., д.6
Телеф. 13-92*

4 сентября 1918 г. N 917

Следственная комиссия революционного трибунала разрешает свидание личное вне очереди гр. Рязанову со всеми лицами, задержанными на рабочем съезде 23 июля. Список фамилий при сем прилагается¹.

*Член Следственной Комиссии Е. Розмирович
Секретарь (подпись)*

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.4, л.1. Машинопись на бланке Следственной комиссии революционного трибунала при Всероссийском ЦИК. Подписи автограф).

2

Я.М. Свердлов – Д.Б. Рязанову

Петроград, 16 октября 1918 г.

Удостоверение

Выдано сие удостоверение т. Рязанову в том, что с моей стороны никаких возражений не встречается против освобождения на его поруки Абрамовича, Вецканта, Смирнова и др.

Я.М. Свердлов

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.4, л.2. Автограф на бланке Председателя ВЦИК).

Э.А. Виллумсен – Д.Б. Рязанову

29 октября 1918 г.

Получив повестку от волостного Совета Которской волости Лужского уезда Петроградской губернии, брат мой - Николай Александрович Виллумсен, по профессии агроном, проживающий в бывшем моем хуторе той же Которской волости под названием пустоши (Поради), где по моей просьбе вел хозяйство, 26-го сентября с/г явился в Которский областной комитет бедноты. Председатель комитета Тарасов говорил оскорбительные слова, называя всех незнакомых ему людей "паразитами" только потому, что, по его мнению, они не принадлежат к такому-то сословию. Брата, работавшего буквально с утра до ночи, это задело, и он сгоряча сказал: "Не я паразит, а вы паразиты". За эти слова ему обещали прогулку в Лугу, и на следующий день утром он был арестован и отвезен в Лужскую тюрьму как контрреволюционер, а крестьяне соседних деревень - Плешково и Луговицы - собрали сходку и составили приговоры, в которых просили освободить нужного для сельской работы работника, который всегда помогал своими советами, а часто и делом, а также показали, что брат никакой пропагандой не занимался, эти приговоры приложены к делу. В Луге следственная комиссия допрашивала брата, но обвинения никакого ему не было предъявлено. Затем дело отправили обратно в Которский совет. Там решили оставить брата в заключении. Так как надежды на амнистию не оправдались, сестра поехала в волость, захватив с собой N 152 "Северной коммуны" с постановлением комиссара юстиции о лицах, подлежащих амнистии, и спросила председателя совета, на каком основании брат все еще в заключении, когда по закону он уже должен быть на свободе. Председатель ответил, что у них очень мало заложников, потому они его не освободят. 27-го октября его перевезли в Петроград Гороховая N 2, камера 96. За что лишают человека свободы? Помещиком он никогда не был, никогда никакой пропагандой не занимался (об этом можно справиться на месте), сестры его состоят в социалистических партиях и сочувствуют Интернационалу. Все это печальное событие основано на каком-то кошмарном недоразумении.

Э.А. Виллумсен

4

**Я.М. Свердлов и А.С. Енукидзе – Следственному отделу при ВЦИК,
Верховному революционному трибуналу ВЧК**

Петроград, 30 октября 1918 г.

Сим довожу до Вашего сведения, что ввиду разделения активистов и не активистов в лагере меньшевиков, считаю необходимым предложить Вам пересмотреть списки числящихся за Вами содержащихся под стражей меньшевиков и освободить на поруки тех из них, которые являются противниками активистов. В частности, прошу отпустить на поруки тов. Рязанова заключенных Абрамовича, Вецкантна, Смирнова, Замараева, Шпаковского, Борисенко, Захарова, Трояновского, Каца и Кучина, если нет данных, что кто-либо из них примыкает к активистам.

Одновременно предлагаю освободить тех заключенных меньшевиков, которых берет на поруки заслуживающая политического доверия рабочая или партийная организация.

*Председатель ВЦИК Я. Свердлов
Секретарь ВЦИК А. Енукидзе*

(ЦА ФСБ, N P- 37 181, т.4,л.3, Машинопись. Подписи - автограф)

5

А.К. Каминка – Д.Б. Рязанову

Петроград, 14 ноября 1918 г.

Август Исаакович Каминка, профессор I, II и III Петроградских университетов, а равно декан и профессор Петроградского коммерческого института (родился в 1865 г.), задержан 8 ноября при выходе из Германского Генерального Консульства, куда он явился по просьбе проживающего в здании консульства Андрея Андреевича Рауперта, своего долголетнего приятеля, желавшего переговорить с ним по личному делу.

А.А. Рауперт - финансовый советник Германского Генерального консульства в Петрограде и человек определенных демократических убеждений, между прочим, намеревался и намеревается остаться в России, несмотря на предстоящий отъезд Германского Консульства, для продолжения работы с Советским правительством в сфере экономической. А.И. Каминка был у Рауперта в консульстве впервые, за несколько минут до ухода познакомился со шведским Генеральным консулом, с которым и вышел из здания и который оказался свидетелем

лем ареста его, профессора Каминки. Все изложенное подтверждается как показаниями шведского Генерального консула, данными им в Чрезвычайной комиссии на Гороховой 2, куда шведский консул отправился вслед за Каминкой, так и официальной бумагой шведской дипломатической миссии в Петрограде на имя Председателя Совета Народных Комиссаров Северной Коммуны гр. Зиновьева. При обыске А.И. Каминка на нем никаких компрометирующих документов не найдено, равно как и при обыске у него на дому не обнаружено ничего ни запрещенного, ни предосудительного, что могло бы ему быть поставлено в вину. Следует добавить, что проф. Каминка не собирался выезжать куда бы то ни было из Петрограда, а наоборот, полагал обязательным для себя долгом вести неукоснительное и непрерывное преподавание в названных высших учебных заведениях Петрограда, как он то делал с самого начала учебного года. И только свою многочисленную семью он намеревался отправить в город Ревель, имея в виду тамошние менее тяжкие сравнительно с петроградскими условия жизни в продовольственном отношении.

Сейчас А.И. Каминка находится в Дерябинской тюрьме, куда он был препровожден 9-го ноября с Гороховой, 2.

Жена профессора А.К. Каминка²

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.6, л.6. Автограф).

6

Л.В. Леонтьев – Д.Б. Рязанову

Петроград, 16 ноября 1918.

Письмо

Многоуважаемый Давид Борисович.

Обращаюсь к Вам с просьбой о содействии Вашем в освобождении моего брата Якова Васильевича Леонтьева. Суть дела такова: Яков Васильевич Леонтьев, мой брат, арестован около 5 недель тому назад и сидит в настоящее время в Дерябинской тюрьме (на Васильевском острове). Он обвиняется в "совращении советской власти". Желая поехать с семьей (жена и 2 детей) в Финляндию, он пошел на Гороховую 2 за нужными ему документами. Швейцар сказал, чтобы он пришел на другой день. На другой день повторилось то же самое. И так он ходил туда раза четыре. Брат понял, что швейцар хочет получить "на чай", и просил красноармейца, стоящего у швейцарской, позвать швейцара и передать ему 20 рублей "на чай". Красноармеец донес на брата, и теперь брата обвиняют в "совращении советской власти". Брат мой – инженер – работает на ситценабивной фабрике "Воронин-Лишин-Гелер". Он всегда был демократом и сидел в тюрьме

при царе за народное дело. До сих пор условия в тюрьме были сносны, но последнее его письмо полно уныния и скорби. Надеюсь на Ваше доброе сердце.

Леонид Васильевич Леонтьев

(ЦА ФСБ, N P-37 181, т.6, л.7. Автограф).

7

И. Цветов – Д.Б. Рязанову

Петроград, 28 ноября 1918 г.

Позволю себе обратиться к Вам, глубокоуважаемый Давид Борисович, с почтительной просьбой. Служащий в страховом обществе "Россия" и заведующий ейным иностранным отделом (бывший управляющий Земским Отделом М.В.Д.) Андрей Афанасьевич Станкевич, об аресте коего на пути из Москвы в Питер я Вам уже рассказывал накануне Вашего последнего приезда в Москву, до сих пор не освобожден. Сыну его (студенту Института Путей Сообщения) на его просьбы отвечают, что серьезного ничего нет, но распоряжения о прекращении ареста не делают.

Станкевич находится при Чрезвычайной Следственной Комиссии в Детском Селе. Следователь по его делу - тов. Савинов (эти сведения сообщены сыном). По-видимому, Станкевича считают "курьером", специально развозящим письма. Зная полную аполитичность и моральную безупречность А.А. и во внимание к тревоге ему близких, решаюсь просить Вас, не примите ли Вы мер по выяснению, что, собственно, случилось и имеются ли шансы на благоприятное разрешение дела³.

Ив. Цветов

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.6, л.9. Автограф).

8

З.С. Казицина – Д.Б. Рязанову

от З.С. Казициной Галерная дом 18 кв.3
Петроград, перед 29 ноября 1918 г.

Прошу товарища _____ не отказать помочь мне и моему брату, арестованному 18 октября на службе в Уголовном ро-

зыске при Народном Окружном суде. Причина ареста до сих пор не выяснена. Обвинение не предъявлено. Бывший офицер и бывший земский начальник по назначению. Он не был помещиком. При обыске взят адрес, поднесенный всем населением, и письма от крестьян и служебные бумаги. Я как его сестра ручаюсь за него, что он ни в каких организациях не участвовал. Был единогласно выбран председателем Комитета бедноты и принимал живое участие во всем.

Прошу Товарища еще раз не отказать и помочь мне и моей семье. Мать без пенсии, сестры вдовы с детьми, он единственная наша опора и поддержка. Единственный мужчина в семье. Служил Советской власти 10 месяцев. Накануне перехода в Красную Армию и в партию. Имеет рекомендации Товарища Степанова, который служил в контрразведке, может за него поручиться. Умоляю Товарища сделать, что можно. За что буду обязана и благодарна. Арестован 18-го октября. Находится в Дерябинской тюрьме. Камера его N 7, его N 1039 Константин Степанович Ницун.

З. Казичина⁴

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.4, л.125. Автограф).

9

Заявление от коллегии врачей Николаевской детской больницы по делу главного врача Николая Константиновича Важенского

Петроград, 29 ноября 1918 г.

В настоящее время находится в больнице "Крестов". Дело находится в следственной районной Петроградской Комиссии у следователя Кишкина. Обвинение до сих пор не предъявлено, но, по словам следователя, переданным ревизору Народного Комиссариата по Просвещению Елисееву - его обвиняют в неправильном ведении книг и растрате кассовых денег. Тот же следователь готов передать это дело в Комиссию при Ком. по Здравоохранению. Но из комиссариата по здравоохранению передали Елисееву, что Комиссия не образована. Поэтому Коллегия врачей просит 1) ускорить рассмотрение и расследование дела 2) освобождения Важенского на поруки Коллегии, которая не сомневается в его абсолютной невинности и принимая во внимание его болезненное состояние (миокардит, тяжелое расширение вен в нижних конечностях)⁵.

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.4, л.126. Автограф).

10

А. Ланде-Изгоева – ВЦИК

Москва, 2 декабря 1918 г.

Александр Соломонович Ланде (Изгоев) был арестован в ночь с 5-го на 6-е ноября. За все время он подвергался один раз допросу, никакого обвинения до сегодняшнего дня ему не предъявлено. Человек крайне слабого здоровья, имеет жену и 2 детей, голодающих в настоящее время, так как семья существовала исключительно заработками мужа и отца. Ввиду того, что давно истек двухнедельный срок для предъявления ему обвинения, согласно декрету от 6-го ноября⁶, и дальнейшее содержание связано с гибелью и для него, и для семьи, я прошу принять меры к немедленному его освобождению.

А. Ланде-Изгоева

(ЦА ФСБ, N P-37 181, т.4, л.99. Автограф).

11

М. Назарьев – Д.Б. Рязанову

Петроград, 4 декабря 1918 г.

Уважаемый Давид Борисович!

*Мои товарищи убедительно просят Вас похлопотать об освобождении из тюрьмы (Дерябинская) **Брейдо** Григория Ефимовича и **Фомина** Николая Александровича (депутат Петроградского совета от Василеостровского Трамвайного парка). Обращаюсь к Вам письменно, чтобы не отнимать разговорами время.*

Ваш М. Назарьев

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т 6, л.10. Автограф).

12

А. Брагинский – Д.Б. Рязанову

Петроград, 15 января 1919 г.

По делу Н.Х. ГОБИ. В ночь с 31-го - 1-е сентября по ордеру Василеостровского Совдепа произведен был обыск на квартире профессора Университета - Х. ГОБИ, проживающего по 9-й лин., д. N 46. В свя-

зи с тем, что в эту ночь происходили массовые обыски и проверки личностей, главным образом - бывших офицеров, то представители Совдепа заявили, чтобы Николай Христофорович Гоби, сын профессора, который в это время не был дома, обязательно по возвращении явился в Совет.

Утром 1-го сентября требование это было им выполнено. Из Совета ГОБИ был препровожден в Дерябинские казармы, где просидел более двух месяцев, оттуда переведен в бывшую Военную тюрьму (Выборгск. ст., Нижегородская ул.), где находится и поныне. При обыске ничего предосудительного не было найдено, и никакого обвинения ГОБИ до сих пор не предъявлено. Возникает предположение, что ГОБИ, опубликованный в списках расстрелянных, забыт властями и продолжает до сих пор сидеть.

Н.Х. ГОБИ - бывший прапорщик военного времени, ныне студент-политехник, 24-х лет. Длительное тюремное заключение сына крайне ухудшает и без того надломленное здоровье профессора ГОБИ.

А.Брагинский⁷

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.6, л.15, Машинопись).

13

Е. Ф. Розмирович – начальникам Бутырской и Таганской тюрем

М.Никитская, Георгиевский пер., д. 6

Тел. 13-92

Москва, 8 февраля 1919 г.

Настоящим разрешается Давиду Борисовичу Рязанову личное свидание в конторе тюрьмы с содержащимися во вздеренной Вам тюрьме и числящимися за следственной комиссией революционного трибунала при ВЦИК заключенными:

- 1) Доброхотовым Анатолием Ивановичем,*
- 2) Куликовским Михаилом Петровичем,*
- 3) Роговым Дмитрием Алексеевичем,*
- 4) Ефимовым Яковом Степановичем,*
- 5) Львицыным Иваном Григорьевичем,*
- 6) Рейзнером Виктором Карловичем,*
- 7) Одинцовым Сергеем Петровичем,*
- 8) Поляковым-Хреновским Александром Александровичем,*
- 9) Васильевым Григорием Ивановичем,*
- 10) Ивановым Саввой Андреевичем,*

- 11) Белецким Вячеславом,
- 12) Егоровым Виктором Ивановичем,
- 13) Коваленко Константином Федоровичем

Член Следственной комиссии Е. Розмирович
Секретарь (подпись)

(ЦА ФСБ, N P -37 181, т.4, л.94. Машинопись
на бланке Следственной комиссии Революционного
трибунала при ВЦИК. Подписи автограф).

14

Правление Петроградского профсоюза Работников банковско- кредитного дела – Центральному Правлению профсоюза

Копия

Центральному Правлению Всероссийского
Союза работников Банковско-кредитного дела
(Трудбанк)

Москва Тверская
Настасьевский пер.4, кв. 9

Петроград, 11 апреля 1919 г.

Уважаемые товарищи!

В последние дни по ордерам Чрезвычайной комиссии были произведены аресты наших товарищей:

- 1) А.А. Харитонова - секретаря правления
- 2) Н.А. Карчевской - товарищ председателя
- 3) Д.Б. Вайнштейн - член комиссии служащих III отделения
- 4) И.И. Олькеницкий - член Союза по II отделению
- 5) И.Г. Иоффе – " –
- 6) Д.Я. Махлин – " –
- 7) Д.Я. Шиндер - Московский народный банк
- 8) Х.Н. Кобленц - Север. - обл. кон(тора)
- 9) Л.Н. Мансфельд – " –

10) Ф.М. Шескин – " – Немедленно после ареста названных товарищей состоялось заседание Правления петроградской организации, на котором единогласно было постановлено о взятии всех на поруки Союза.

Члены Правления из фракции коммунистов, зная безусловную лояльность арестованных товарищей, голосовали согласно с большинством. Независимо от этого фракция при Союзе приняла самостоятельное постановление обратиться в Петроградский профсовет с просьбой об освобождении арестованных. В результате обоих заявлений, а также принимая во внимание необоснованность арестов вообще, Совет Союзов энергично потребовал немедленного освобождения арестованных и, в частности, послал в Чрезвычайную комиссию особое заявление об освобождении на поруки Секретариата Совета т. А.А. Харитонова, линия профессиональной работы которого и общественная физиономия лично хорошо известны Совету.

Сообщая Вам о вышеизложенном, Правление Петроградской организации просит Вас, уважаемые товарищи, с своей стороны, оказать необходимое содействие к ускорению освобождения названных товарищей, арест которых произвел крайне тяжелое впечатление на широкие круги кредитного пролетариата Петрограда.

С товарищеским приветом
И.Л. Виленкин⁸ Я.Тендер.

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.4, л.95. Машинопись. Подписи - автограф).

15

Н.В. Крыленко, А. Кресер – Д.Б. Рязанову

М. Никитская. Георгиевский пер., 5.
Телефон 92 - 68.

4 июня 1919 г., № 603 г.Москва

Тов. Рязанову

Революционный трибунал при ВЦИК на основании постановления своего от 30 июня с/г, копия коего при сем препровождается Вам для сведения, предлагает Вам внести в канцелярию трибунала - Георгиевский пер.,9 в течение 3 дней со дня вручения Вам настоящего извещения означенный в прописной копии постановления трибунала: штраф в сумме 5000 рублей.

Председатель трибунала Н. Крыленко
Секретарь А. Кресер

Копия

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Революционный трибунал при ВЦИК в заседании своем 30 июня 1919 г. по делу о контрреволюционной деятельности 38 граждан

(правых эсеров и беспартийных) обсудили причины неявки на суд лиц, освобожденных под поручительство тов. Рязанова, постановил:

1) признать неявку обвиняемых МИХАЙЛОВА и ТОМАШЕВИЧА не имеющей уважительных причин, а потому оштрафовать тов. РЯЗАНОВА на 2500 р. за каждого обвиняемого, а всего на пять тысяч рублей.

2) в случае добровольной явки сих обвиняемых, а равно и других обвиняемых, о коих дело было выделено в настоящем процессе в следственную комиссию для розыска их, предложить Комиссии отобрать от них письменное заявление о прекращении вооруженных действий против Советской власти, аналогичное заявлению, сделанному их сопроцессниками, и после сего дело о них прекратить.

Председатель А. Галкин

Члены А. Платонов К. Гайлис

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.4, л.103-104. Машинопись на бланке Революционного трибунала при ВЦИК. Подписи - автограф).

16

Справка о Е.А. Эристове

Москва, после июня 1919 г.

Эристов Елизбор Андреевич (28 лет) арестован 28 мая с.г. в Петрограде по ордеру ЧК без какого либо обвинения. При обыске ничего не взято. Сидел на Шпалерной ул., теперь переведен в Москву в Ивановский лагерь.

По происхождению - грузин, состоял при грузинском представительстве в Петрограде; с января месяца вышел из иностранного подданства, служил помощником контролера и имел отсрочку для явки на военную службу от Гос. контроля.

Ходатайствует о распространении на него амнистии отец Андрей Михайлович Эристов (направила его В. Инскуль).

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.4, л.56. Машинопись).

17

Справка о Б.И. Романове

Москва, после 30 августа 1919 г.

Романов Борис Ильич - врач бактериолог. Арестован в ночь на 30 августа. При обыске ничего изъято не было. Активного участия в

политике не принимал. Болен туберкулезом легких, кроме того ампутирована нога на почве туберкулеза. Имеет научные труды и популярные брошюры по медицине.

Просит брат. Профессор физики.

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.4, л.34. Машинопись).

18

Справка о П.Е. Юницком

Москва, после 30 августа 1919 г.

Юницкий Павел Евлампиевич - 47 лет. Арестован 30 августа. Юницкий - заведующий техническим отделом в Исторической комиссии. Отсутствие Юницкого приостановило работу Комиссии. Никакого дела за ним не числится. Просьба посодействовать освобождению.

О положении дела жена Юницкого Мария Еремеевна просит передать Лебедеву по тел. 1-77-51.

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.4, л.26. Машинопись).

19

Справка о В.М. и К.М. Гейер

Москва, после 15 сентября 1919 г.

Гейер Варвара Михайловна (34 г.) - учительница народной школы, Клавдия Михайловна (39 л.). Арестованы приблизительно в середине сентября в имени "Звизжи" и препровождены в "Мятлево" Медынского уезда Калужской губернии. Обе жили постоянно в своем поместье и занимались сами сельским хозяйством без наемных рук. По национализации имени Клавдия Михайловна была оставлена заведующей и образцово вела дело.

Просит об освобождении их как лиц, никогда не участвовавших ни в политической, ни в общественной жизни, сестра Мария Михайловна Гейер служащая Главархива (Отдел общих дел).

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.4, л.36. Машинопись).

20

Справка о Б.В. Шапошникове

Москва, после 20 сентября 1919 г.

Шапошников Борис Валентинович - художник, преподаватель школы маскировки. Задержан 20 сентября, во время занятия, в школе с 1917 г., состоял пом.зав. декоративной части в театре Зиминой, пом. зав. в отделе изобразительных искусств, преподаватель в Строгановском училище.

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.4, л.29. Машинопись).

21

Справка о Е. Л. и А. А. Пар

Москва, после 24 сентября 1919 г.

*Пар Елизавета Львовна. Арестована 24 сентября МЧК в помещении Норвежского консульства. При обыске у нее ничего взято не было. Содержится в Бутырской тюрьме. Этот арест видимо имеет связь с Пар Александром Александровичем. Арестован в ночь на 27 июня 1919 г. на своей квартире (Мошков пер. д.31, кв.1). При аресте взята переписка и бумаги. Служил **делопроизводителем в Депе формирования тяжелой артиллерии**, которое просило об его освобождении. Т.т. Бордуков и Аренский поручились за него, был подписан ордер об освобождении, но затем по распоряжению т. Держинского был назначен пересмотр дела в связи с делом Норвежского консульства. С этим последним общего у Пар было только одно: жили в одном доме, N ордера в протокол не занесен, так как протокол не был найден при приеме вещей. Председательница домового комитета и присутствующие члены сами удостоверяют, что ордер на арест был не на имя арестованного Пар, а на фамилию, начинающуюся с буквы Р, но ничего общего не имеющую. Имени и отчества совсем поставлено не было.*

Пар был препровожден в Особый Отдел В.Ч.К. (Б.Лубянка,2), а оттуда в Бутырскую тюрьму, где находился до 7 сентября, 7-го сентября с/г был отправлен в Андроньевский концентрационный лагерь, где теперь и находится.

Следствие вел следователь Фогель.

Арест производил комиссар Деринг.

(ЦА ФСБ, NP - 37181. Т.4, л. 27. Машинопись).

22

Справка о А.Н. Зимбицком

Москва, конец сентября 1919 г.

Зимбицкий Александр Николаевич - служил в Отделе снабжения бывшей армии, в Думу прошел гласным по кадетским спискам, последнее время состоял заведующим кожевенно-обувным отделом Центросоюза; арестован 4 сентября, болен, лежит в околотке Бут. тюрьмы, страдает неврастенией, атонией кишок и ослаблением деятельности сердца на почве перерождения сердечной мышцы. Об его освобождении просили Главное правление Центросоюза, принимая на себя поручительство⁹.

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.4, л.29. Машинопись).

23

Справка о Ф.П. Чихачеве

Москва, после сентября 1919 г.

Чихачев Федор Платонович, ученый доктор геологии Гейдельбергского университета, жил всю жизнь за границей, занимался исключительно наукой. Ни к какой политической партии не принадлежал и стоял вне каких-либо политических движений. Приехал в Россию для воспитания сына, учащегося в единой трудовой школе в Детском селе. Ф.П. Чихачеву 60 лет, нигде не служил, в родстве с админ. и член. город. Думы не состоял. Зашел во Французское консульство вместе с другом, которому нужна была краткая справка, и был арестован; он очень слабого здоровья; находился в заключении; перенес два раза дизентерию.

Арестован в начале июня 1919 г. в Петрограде. Препровожден в Покровский лагерь в Москву; в первых числах октября отправлен в Нижний Новгород в Старую тюрьму; приговор - 2 года лагерей. Обвинения не было предъявлено, допроса не было.

Просит родственница Ин. Ник. Афанасьева.

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.4, л.48. Машинопись).

24

М.П. Янковская – Д.Б. Рязанову

Белоостров,
от Марии Павловны Янковской

после 15 октября 1919 г

Прошение.

Брат мой, Иван Павлович Янковский, служивший на ст. Белоостров старшим помощником Белоостровского пограничного пропускного пункта и арестованный 28 сентября с.г. в связи с побегом коменданта Гентги и томящийся до сих пор в Дерябинской тюрьме. По наведенным мною справкам на месте службы брата вся печальная история его представляется в следующем виде: комендант Гентги был за все время пребывания брата на службе на ст. Белоостров в самых наилучших отношениях с ним. К обязанностям своим служебным он относился честно и добросовестно и всецело состоял на платформе Советской власти; если бы он чувствовал за собой какую-либо вину, то мог бы бежать вместе с комендантом Гентги. После бегства коменданта и задержания моего брата под домашним арестом более двух недель свободно ходил по станции, чувствуя себя честным и незапятнанным в деле коменданта Гентги, что правда больше чем когда-нибудь должна торжествовать теперь. Служащие пропускного пункта, ввиду невиновности брата, подали коллективное заявление, которое находится по всей вероятности в Следственной комиссии.

Сообщая о вышеизложенном, убедительно прошу ускорить произвести по делу следствие, чтобы выяснить, виновен ли он, так как дальнейшее пребывание моего брата в тюрьме грозит дальнейшему существованию. Он был ранен и контужен в минувшую войну, настоящее его положение может ухудшить его подорванное войной здоровье, да кроме того, он является необходимым для поддержания материального положения семьи, состоящей из отца, 72-летнего, нетрудоспособной и больной матери 56 лет, брата 22 лет, тоже нетрудоспособного (слабоумный), и меня (служащей в Советском учреждении г. Витебска). Я же одна не имею никакой возможности прокормить всю семью.

Просительница М. Янковская

25

Справка о А.К. Рогинском

Москва, после 9 октября 1919 г.

Рогинский Александр Константинович, 52 лет. Арестован по ордеру М.Ч.К., 9 октября, в котором указывалось взять серебро и арестовать. Серебра никакого найдено не было, кроме употребляемого для личных потребностей и небольшого количества, кроме того было взято принадлежащее сожвартирантам. Было взято письмо одного крестьянина, в котором тот спрашивал, правильны ли слухи, что А.К. расстрелян. Рогинский бывший земский деятель, призванный в 1915 г. в состав министерства Народного просвещения при Игнатъеве. Был всегда вне политики. Есть предположение, что обыск произведен по указанию ЧК Смоленской губернии, где А.К. жил и тоже искали у него какое-то серебро.

(ЦК ФСБ. N P - 37 181, т.4, л. 25. Машинопись).

26

Справка о Н.В. Крылове

Москва, после 13 октября 1919 г.

Крылов Николай Васильевич - инженер, председатель "Союзкартофеля". Арестован 4-го октября с.г. Берет на поручительство его Совет, Революционная Комиссия и правление Всероссийского союза кооператоров¹⁰.

Просит Дм. Иванович Нечкин.

(ЦА ФСБ. N P-37 181, т. 4, л. 37. Машинопись).

27

Справка о А.А. Горячеве

Москва, после 22 октября 1919 г.

Горячев Алексей Алексеевич - (36 л.). Преподаватель II-го Государственного университета по кафедре химии, ассистент А.Н. Реформаторского. Арестован в ночь на 22 окт. по ордеру В Ч К за N 1336 (в

связи с арестом бывшего офицера Горшкова). При обыске взята переписка. Горячев - бывший офицер, негодный к службе на фронте.

Просит Ю.В. Сергиевский узнать о причине ареста и содействия.

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.4, л.51. Машинопись).

28

Справка о Д.Н. Шипове

Москва, после 22 октября 1919 г.

Шипов Дмитрий Николаевич - арестован в ночь на 22 октября Ос.Отд. В.Ч.К. по ордеру, написанному на имя Николая Дмитриевича Шипова. Препровожден на Лубянку, 2. При обыске взята частная переписка. Шипов - заведующий отделом Румянцевской библиотеки по земскому и городскому самоуправлению.

Просит узнать о причине ареста и содействовать освобождению дочь Шипова, Надежда Дмитриевна (тел. 4-66-76).

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.4, л.33. Машинопись).

29

Справка о Я.Б. Карповиче

Москва, после 25 октября 1919 г.

Карпович Ян Болеславович - научный сотрудник Военно-учетного архива. Арестован 25 октября по ордеру М.Ч.К. за N 535. Содержится в Бутырьках. При обыске взято: документы, фотографический аппарат и наградные знаки. Контужен и страдает припадками эпилепсии - от военной службы свободен - имеет белый билет¹¹.

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.4, л.44. Машинопись).

30

Справка о Н.В. Лебедеве

Москва, после 28 октября 1919 г.

Лебедев Николай Васильевич, арестован 1 октября с.г. в гор. Орле, в помещении Орловской губернской центральной библиотеки

агентами Губ. Ч.К. по подозрению в контрреволюции. Поводом послужило письмо отцу в гор. Вологду, где между прочим писалось, что "белые находятся близко от г. Орла в верстах 40-50. Орел может быть взят, и я могу остаться в Орле". 8 октября эвакуирован пешком из Орловской тюрьмы в г. Болхов, затем Белев и 25 октября перевезен вместе с 59 чел. в Москву в Бутырскую тюрьму, с 28 октября помещен в Бутырской больнице, палата N 2 (острое малокровие).

Лебедев заведывал в г. Вологде Архивным, Библиотечным и Музейным делом при Губ. отд. народ. образования, позднее был заведующим Орл. районной библиотечной комиссией и эмиссаром Библ. отд. Наркомпроса. После допроса в Орле никакой вины не предъявлено. Знает Лебедева лично Наталья Ив. Троицкая и А.В. Луначарский.

Просит М.К. Любавский.

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.4, л. 54. Машинопись).

31

Справка о П.П. Волконском

Москва, после 30 октября 1919 г.

Волконский Петр Петрович - 47 лет. Образование получил в Историко-филологическом факультете Московского университета. До Октябрьского переворота служил в Министерстве иностранных дел в качестве помощника начальника канцелярии. После переворота занимался литературным трудом в издательстве "Всемирная литература" М. Горького, где занимался переводами. Есть удостоверение - представлено в Комиссию по амнистии. Ни к какой политической партии не принадлежал и стоял вне всяких политических движений. Арестован 3-го июня 1919 г. в Петрограде в здании датского Красного Креста, куда зашел к своему знакомому Гензену. В конце июня был переведен в качестве заложника в Москву, где содержится уже больше пяти месяцев сначала в Ново-Песковском, затем в Андроньевском, а с августа в Ивановском лагере. Никакого обвинения ему предъявлено не было. 30 октября состоялся приговор В.Ч.К. о содержании его в заключении до окончания гражданской войны¹².

(ЦА ФСБ. N P - 37181, т.4, л.47. Машинопись).

32

Справка о Е.Н. и А.Н. Смысловских

Москва, после 4 ноября 1919 г.

Смысловская Елена Николаевна (43 л.) и Смысловский Алексей Николаевич (46 л.) - Андроньевский монастырь - арестованы заложниками за сына своего Бориса Алексеевича Смысловского, который уж 1 1/2 года пропал без вести. Сына их обвиняют в белогвардействе. Арестовали их во вторник 4 ноября 1919 г. в 9 час. вечера по ордеру N 574 комиссаром Кутузовым и милиционером Крыловым и направлены в Особый отдел М.Ч.К.

Прошу исключительно потому, что мать моя совершенно больна, страдает пороком сердца, воспалением почек и только три дня как встала от воспаления легких; поддерживала работу сердца только стрефазинум и кофе, которые запретили ей взять с собой. В случае необходимости могу предоставить свидетельство врача. Дома остались без всякого присмотра 4 малолетних детей, так как я ухожу на службу и дети остаются без всякой еды в холодной квартире. Отец служил в управлении снабжения тяжелой артиллерии особого назначения в качестве начальника отдела.

Просит дочь их, сотрудница 3 отделения I секции Татьяна Алексеевна Смысловская.

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.4, л.40. Машинопись).

33

Справка о Е.В. Шарко

Москва, конец 1919 г.

19 октября в Петрограде на улице был арестован служащий в Госуд. Контроле Шарко Евгений Васильевич, впоследствии был судим и по суду оправдан, но не освобожден и остался в качестве заложника как бывший товарищ обер-прокурора Сената. В настоящее время Шарко перевезен в Москву, в В.Ч.К., оттуда переведен в Бутырскую больницу. Шарко - нервнобольной. В июне того года был болен психически и находился в клинике для душевнобольных в Петрограде. В настоящее время, по сведениям, у него замечается очень повышенная деятельность: без конца ходит, разговаривает, поет.

О Шарко просит его сестра, по просьбе которой А.А. Иоффе написал заявление в ВЧК о переводе его в больницу¹³.

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.4, л.49. Машинопись).

34

А. Преснякова – Д.Б. Рязанову

Москва, 1919 г.

Шполянский все еще в Бутырке! У него грудная жаба, и доктор Кишкин полагает, что после его (Кишкина) освобождения Шполянский попал в тяжелое положение - без ухода. В тюрьме (той же) сидят и Егоров, и Мячин, и Романов, о которых подавала Вам записку П.А. Лужская.

А. Преснякова

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.4, л.108. Автограф).

35

Справка о И.В. Бабанцеве

Москва, 1919 г.

Бабанцев Иван Васильевич. Арестован в Петрограде Чрезвычайной Комиссией дома, на Калашниковском пр., д.2, кв. 20, около 1 1/2 месяцев тому назад. По специальности - бухгалтер. Состоял членом городского или районного комитета партии К.-Д., где, как опытный бухгалтер, и исполнял обязанности казначея. Политикой не занимался. Сидит, кажется, в Крестах.

На поруки его готов взять Юлиан Наумович Лавринович, живущий на Арбате, Б. Ново-Песковский пер., д.4, кв.9

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.4, л.30. Машинопись).

36

Справка о Н.Н. Кутлере

Москва, 1919 г.

Николай Николаевич Кутлер, 60 л. Сидит в Дерябинской тюрьме уже 2 и 1/2 м., без предъявления обвинения. Страдает сильным скле-

розом и болезнью сердца. Семья (больная жена, 2 дочери и сын, из них 2 ученика) без средств к существованию. Бывший председатель Совета Съезда представителей торговли и промышленности.

501-54 Александра Николаевна.

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.4, л. 116. Машинопись).

37

Справка о В.В. Соколове

Москва, 1919 г.

Соколов Всеволод Вас. Старший архивист 1 Отд. II секции. 53 л. Призван на действительную службу как нестроевой и откомандирован в школу маскировки, где нес обязанности делопроизводителя. Безусловно беспартийный, всегда был далек от политики. Болезненный от природы. Одним глазом почти не видит¹⁴.

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.4, л.32. Машинопись).

38

Справка о А.А. Ладыжинском

Москва, 1919 г.

Ладыжинский Алексей Алексеевич (19 лет), весной окончил гимназию, поступил служить в школу маскировки, откуда перешел на службу в отдел обмундирования, но продолжал обедать в школе (в Умановском переулке). Был захвачен при засаде, перевезен в Бутырскую тюрьму, камера N 109, получались от него письма. 2 недели назад был переведен для допроса на Лубянку, 2, в камеру 38 и в течение этих недель о нем ничего не известно.

Просит артистка Художественного театра Елена Павловна Куратова узнать о судьбе своего племянника Ладыжинского¹⁵.

ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.4, л.42. Машинопись).

Сообщение из Бутырской тюрьмы

Москва, февраль 1920 г.

Бутырская тюрьма, коридор 15, камера 24 (камера названа концентрационным лагерем). Никому никаких обвинений не предъявлено; арестованы уже свыше 4 месяцев; никому из заключенных не объявлено, за что и на какое время они посажены в лагерь - до предъявления ли им обвинения, или они уже отбывают срок наказания и в таком случае, за что и какой срок.

1. Тедерс Пантелеймон Александрович 19-20 лет

2. Тедерс Евгений Александрович, 17 лет. Оба служили на советской службе в Артиллерийском складе при отце, который недавно расстрелян.

3. Друганов Николай Алексеевич - о нем ничего не знаю.

4. Цветков Борис Алексеевич

5. Ленев Александр Дмитриевич

6. Карасев Федор Иванович, исправник, помощник исправника и городской г. Подольска Московской губернии. Были арестованы в Подольске в числе 21 в начале сентября. Остальные все освобождены. Состояли на службе в советских учреждениях, имеют удостоверения от местных комитетов, что их деятельность при старом режиме заслужила симпатии населения.

7. Мегарский Константин Михайлович, ок. 70 лет. Был офицером в Турецкой кампании. Не имел средств, чтобы жениться, вышел в отставку и взял первое появившееся место станового. Не сочувствуя этой службе, при первой возможности оттуда ушел и с 1902 года служил на разных берегах. Человек совсем больной.

8. Цулун Трофим Никифорович, 40-45 лет, матрос, участник Порт-Артура.

9. Давидчик Ян, поляк, кажется, парикмахер.

10. Гонис, бывший воспитанник кадетского корпуса, 16 л., финский подданный.

11. Кучеров Михаил Иванович, 17-18 лет. Служил помощником машиниста и слушал лекции в одном из высших учебных заведений. Предполагает, что был арестован за то, что отец его, содержатель театра, не имея средств уплатить назначенное за последнее время увеличение жалованья в размере 92 тыс., скрылся из Москвы. Все их имущество для удовлетворения долгов продано с аукциона. У него здесь сестра - курсистка и 13-летний брат; живут подаянием от знакомых. Кучеров дает честное слово, что никто из них никакой контрреволюцией никогда не занимался и что все его помыслы сво-

дятся к тому, чтобы учиться и служить для поддержания жизни брата и сестры. Юноша работающий и имеет все данные быть подлинным советским служащим.

12. Чихачев Мстислав Сергеевич, 17 лет. Гардемарин Морского Корпуса. Летом прибыл из Петрограда в Москву, чтобы подкормиться, и был арестован. В Москве никого не имел более, платье на нем сгнило, худ, как скелет, и, по-видимому, в сильной степени развился туберкулез.

13. Коконов Филипп Ефремович, 65-70 лет, бывший жандармский унтер-офицер.

14. Исаев Василий Егорович, 65-70 лет. Служит в Ментовской артиллерии. Предполагает, что держится по ошибке, так как считали, что он служил в жандармских. Имеет все необходимые доказательства, что в жизни ни одного часа не служил на этой службе.

15. Ланге Мариан Северинович, 45-50 лет, бывший полковник, украинский подданный, арестован в Калуге.

16. Домбровский Андрей, 40-45 лет, бывший капитан из низших чинов. Украинский подданный. Арестован в Калуге.

17. Поляков Николай Николаевич, бывший офицер. Арестован комиссаром Кедровым в Архангельске вместе с прочими, которые все уже выпущены.

18. Добрынин Владимир Борисович, бывший офицер, служивший на Советской службе. Лицо, по делу которого он арестован, уже освобождено.

Здесь помещенные сведения взяты со слов арестованных, которых я раньше никого не знал.

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.4, л.64-65. Автограф).

40

Е.М. Тимофеев – Д.Б. Рязанову

Москва, 9 мая 1920 г.

Т. Рязанов!

Настоящим, по поручению ЦК ПС-Р извещаю Вас, что непоявление на судебном заседании двух членов нашей Партии, за которых Вами было дано поручительство (Михайлов и Томашевич по так называемому "Саратовскому делу эсеров", июль прошлого, 1919 г.), произошло не по их вине и в действительности не имело места. По собранным ЦК сведениям явствует, что один из них - Михайлов - умер у себя на родине, а другой - Томашевич - уехал опять-таки на родину (за семьей), не мог вовремя явиться из-за тех военных столкновений, которые не прекращаются на русско-польской границе. ЦК сожалеет,

что данное свое сообщение он может сделать только в настоящее время, но при наших условиях сношений ему только теперь удалось установить вышеприведенные факты.

Член Центрального комитета партии социалистов-революционеров Е. Тимофеев¹⁶

(ЦА ФСБ, N Р - 37 181, т.4, с. 105. Автограф).

41

Справка о группе арестованных в г. Могилеве

Москва, начало 1921 г.

8-го ноября прошлого года Особ. отд. 16 армии в Могилеве арестованы члены комитетов и организаций РСДРП и Бунда С.Д. в числе 12 человек. При обыске взята исключительно официальная партийная литература, печать и штампы организации и проч. в том же роде. В постановлении о взятии под стражу арестованным инкриминировались "контрреволюционная агитация и пропаганда". В конечном итоге (см. копию приговора Ос. отд. арм. 16 за N 2821)¹⁷ сформулировано как "злостная критика тех или иных мероприятий соввласти". Как с полной очевидностью выяснилось при допросах, здесь подразумевались публикуемые выступления арестованных при перевыборах местного Совдепа, состоявшихся в первых числах сентября, за два месяца до ареста, очевидно, в интерпретации секретной агентуры. Следует отметить, что обе организации стоят на платформе ЦК РСДРП, защищая ее всегда открыто и публично.

Постановлением Особого отдела 16 армии арестованные приговорены к заключению в различные концлагеря, главным образом дальше Екатеринбурга, Перми и др. до конца гражданской войны. В пути следования группы было задержание в Смоленске распоряжением Особ. отдела Запфронта, пересматривавшего дело. Здесь заболевший на этапе сыпным тифом один из арестованных Я. Иоффе скончался 24 декабря. Остальные из-под стражи освобождены и постановлением Особ. отд. Запфронта (дело N 1019) направлены в ссылку в Иваново-Вознесенск. Следуя туда, группа, прибыв в Москву, подала заявление в ВЧК пересмотреть дела, получив разрешение остаться здесь до 15 января. В Москве свалился тифом еще один из группы - брат покойного Е. Иоффе (помещен в клинику на Девичьем поле). Могилевский комитет РКП неоднократно возбуждал ходатайство перед особыми отделами об освобождении высылаемых. Ходатайства оказались безуспешными. Аналогичные ходатайства посту-

пали от профессиональных организаций и местных советских и военных органов. Поступают подобные ходатайства и поныне (Наробраз, Чусоснабар, Запфронт и др.).

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.4, л.129. Машинопись).

42

С.Р. Крейтон – Д.Б. Рязанову

Петроград, 29 ноября 1921 г.

Глубокоуважаемый Давид Борисович!

Убедительно прошу Вас справиться, в каком состоянии находится дело моего сына Сергея Сергеевича Крейтона и, если возможно, облегчить его участь. Арестован он 4-го ноября в кафе "Рига" на Кожушенной; теперь находится в Дерябинской тюрьме в камере 6. Сын мой болен туберкулезом и с трудом переносит заключение и потому умоляю Вас похлопотать за него.

Примите уверения в глубоком к Вам уважении.

С.Р. Крейтон

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.8, л.109. Автограф).

43

А. Калецкая – Д.Б. Рязанову

Петроград, 6 декабря 1921 г.

По делу Калецкого.

Прошу Вас очень, Давид Борисович, приложить свои усилия к освобождению. Не говоря уже об очень тяжелом моем положении, ему угрожает смерть от сыпного тифа, который принял угрожающие размеры в Дерябинской тюрьме. От него получено по поводу тифа отчаянное письмо. Мер никаких не принимают. Ему со слов следователя Горевского вменяется в вину то, что он состоял, судя по найденной повестке, членом Бунда.

Умоляю Вас спасти честного труженика и вернуть его к деятельности.

А. Калецкая

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.8, л. 110. Автограф).

И.П. Павлов – Д.Б. Рязанову

Петроград, 4 мая 1922 г.

Многоуважаемый Давид Борисович!

Позвольте мне обратиться к Вам с покорнейшей просьбой.

Молодой человек Ф.Ф. Диковский, отлично подготовленный и с полным успехом сдавший все приемные экзамены, при имени свободных вакансий, не был принят в Смоленский университет, хотя были приняты лица с некоторыми неудачными экзаменами. Мало того, найдя приют в одной из университетских лабораторий, он был оттуда удален, хотя никому не мешал и не занимал чужого места. И все это только потому, что он сын священника. А молодой человек очень способный и страстно жаждущий высшего образования. Это я знаю как от профессора, у которого он в лаборатории занимался, так и от ассистента той же лаборатории, который сейчас прикомандирован для практики в Физиологический институт Академии наук. Я очень прошу Вас сделать что-нибудь для приема Диковского в Университет. Ведь я сам - сын священника. С каким же чувством и по какой нравственной обязанности я могу оставаться работать в России, если мое происхождение является препятствием для получения высшего образования способным и вполне подготовленным людям!

С истинным уважением Ив. Павлов

(ЦА ФСБ, N P - 37 181. т.6. л.16. Автограф).

И.П. Павлов – Д.Б. Рязанову

Петроград, 5 мая 1922 г.

Многоуважаемый Давид Борисович,

Лев Николаевич Федоров сообщил мне, что мое письмо Вам показалось не обстоятельным. Я не писал Вам, что Ф.Ф. Диковский держал экзамен - и с полным успехом - и однако не был принят в Смоленский Университет и занимался там же частно в нескольких лабораториях, напр., в физиологической. Л.Н. передал мне, что Вы готовы помочь Диковскому поступить в Университет, но не надеетесь достичь успеха в Смоленском Университете. Для Вас было бы легче сделать это в Московском. Диковский, конечно, готов был бы для этого перебраться в Москву. Я сейчас лично очень огорчен тем, что

мою семью не пускают в Финляндию просто, спокойно, без хлопот отдохнуть на лето. Совершенно недоумеваю, почему? Не думают же, что я обманно собираюсь выбраться из родины? На это скажу Вам, что я никогда не унижусь до того, чтобы признать себя лишенным права располагать моей личностью, моим телом. Когда бы я решился оставить родину, я заявил бы об этом открыто. Еще раз позволю себе просить Вас, будьте добры, посоветуйте Диковскому в его страстном стремлении к науке.

Преданный Вам Ив. Павлов

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.6, л.17. Автограф).

46

Из выступления Д.Б. Рязанова на сессии ВЦИК

Москва, 22 мая 1922 г.

Вы будете цитировать мне сколько угодно примеров, которые подбирают товарищи, о том, что такой-то бандит вырезал такую-то семью. Но это сплошные пустяки. Никогда смертная казнь не останавливала ни одного преступника по той простой причине, что многие, подлежащие смертной казни, не читают не только "Правды", но даже и "Известия". Смертная казнь производит устрашающее впечатление тогда, когда она происходит, как в XVIII веке, на площади стрельцов. Но и это действует недолго. В этом отношении я считаю, что нужно из Уголовного кодекса, поскольку он рассчитан не на год, а на более постоянное и продолжительное время, исключить абсолютно всякое лишение жизни, всякое уничтожение.

(РЦХИДНИ. Ф.301, оп.1, д.77, л.41-42. Машинопись).

47

Д.Б. Рязанов

Из выступления на IX Московской губернской конференции РКП(б)

Москва, 25 июня 1922 г.

Т. Каменев говорил ... о нашей тактике по отношению к процессу социалистов-революционеров¹⁹. Я на этом хочу остановиться, потому что в нашей среде, где мы до сих пор не имели возможности обсу-

доть этот вопрос политически, нам нужно было бы это сделать ... ЦК, я цитирую слова т. Каменева, совершенно верно поставил вопрос, когда сказал, что не личная месть и не вопрос уничтожения данных групп лиц занимает ЦК ... Исходя из этой точки зрения, позвольте мне, который имел возможность 4 или 5 раз быть на этом процессе и следить за некоторыми его эпизодами, указать, что в нашей тактике имеются крупные ошибки, которые теперь мешают нам достичь основной цели и которые создают впечатление для некоторых, особенно политически мало воспитанных товарищей, что речь идет об убийстве лиц, а не партии ... Товарищи, я буду говорить дальше об этом берлинском соглашении. Там был поставлен вопрос о смертной казни. Но ведь и Радек, и Бухарин, обещая, что в этом процессе не будет допущено применение смертной казни, прибавили "как это еще до конференции сообщалось в советской прессе". И вот теперь перед нами то неудобное положение, которое создано для нас, и особенно для коммунистических защитников второй группы. Во всей заграничной прессе было официальное заявление, что этого не будет, что не такой момент, чтобы говорить о личной мести и личном убийстве. Словом, говорилось так, как говорилось об этом в постановлении ЦК. Я прямо заявляю, что Семенов я спас в 1918 г., когда он чуть не убил при аресте двух товарищей. Семенова я выдрал из рук товарища Кедрова. Семенова я посещал в Таганской тюрьме, я ему давал "капитал", я его передал в руки Дзержинскому для отправки на фронт. Но если бы я знал, что Семенов был причастен к убийству Володарского, я бы никогда палец о палец не ударил для защиты его. Читайте показания Семенова, читайте показания Коноплевой, и вы увидите, в какое неудобное положение мы попадаем, имея группу, по поводу которой даже старик Кон должен говорить длинные речи, чтобы оправдать их мораль ... Если мы желаем произвести впечатление на международный пролетариат, на тот пролетариат, с которым мы хотим объединиться в единый фронт, большая часть которого находится под давлением 2-го и 2-го с половиной Интернационала, мы должны оставаться на той точке зрения, что это не вопрос мести, уничтожения данного лица, мы не должны делать, как тов. Крыленко, который беспомощно путается между вопросами мести и каждый раз подчеркивает, что речь идет только о юридическом вопросе ... Поскольку вопрос является юридическим, он должен быть одинаковым для всех сторон, но для этого мало платонических заявлений той или другой из групп. Для этого нужно в партийной прессе прежде всего развивать, обосновывать, защищать ту мысль, которую выдвинул ЦК в начале этих переговоров: это не вопрос мести, а вопрос политический.

48

**Заключительное слово Л.Б. Каменева
на IX Московской губернской конференции РКП(б)**

25 или 26 июня 1922 г.

Товарищи, я считаю, что те ораторы, которые здесь выступали по поводу речи Рязанова, были слишком мягки (смех в зале). Они характеризовали это выступление как отражение каких-то интеллигентских настроений. По-моему, у нас должно быть иное. Речь Рязанова была не просто отражением каких-то интеллигентских настроений. С этой речью к нам на конференцию Московской организации РКП(б) вошли отклики той клеветы и травли, которая ведется по всей международной литературе против коммунистов по поводу этого процесса (аплодисменты) ... С чем пришел к нам Рязанов? Он не хочет смертного приговора. И он пришел сюда, на партийную конференцию, говорить не о политическом смысле этого процесса, а специально вести здесь пропаганду против возможного решения о смертном приговоре. А я утверждаю, что этого никто не имеет права делать ... Он пытался опорочить возможный смертный приговор, играя на разделении между двумя группами подсудимых и пытаясь доказать, что если кто-нибудь заслуживает смертного приговора, то это морально запачканные люди в лице Семенова и Коноплевой, которые в сравнении с безупречно моральными Гоцами скорее заслуживают смертного приговора (голоса: позор), я утверждаю, что это есть повторение другими словами здесь той же агитации, которую ведет Чернов (голос: правильно), который построил все на том, что Семенов и Коноплева предатели, морально запачканные люди ... Здесь Рязанов говорит, что люди, которые разоблачают партию эсеров ради партии коммунистов, морально запятнаны, и он жалеет, что ходил в тюрьму (Рязанов: стенограмма). Насчет стенограммы вашей речи я имею сделать предложение конференции: во-первых, стенограмму речи Рязанова из стенограммы изъять и направить в ЦК (аплодисменты), потому что, товарищи, шутить с этим нельзя. Мы продолжили время, вы очень весело относитесь к т. Рязанову. Я дольше знаю т. Рязанова и больше обязан ему, чем многие здесь присутствующие²⁰, но нельзя же, чтобы в такой момент с нами говорила чуточку подкрашенная идеология г. Чернова. На коммунистической конференции этого допускать нельзя. Мы должны принять меры ...

А.И. Введенский – Д.Б. Рязанову

г. Рязанову

Петроград, 25 июля 1922 г.

Будучи все еще не в силах вследствие ранения в голову лично слезно умолять Вас и др. членов ВЦИКа о помиловании приговоренных к расстрелу церковников²¹, я пишу подробно об этом г. Рыкову. Прочтите, пожалуйста, эту мою бумагу. Знайте, что все в ней правда от начала до конца. Ради всего святого и великого, что живет в каждой душе, и что (все говорят) так ярко горит в Вашей душе, поддержите мою просьбу, не дайте свершиться ненужному и не заслуженному.

Протоирей Александр Введенский

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.9, л.21. Автограф).

Выступление Д.Б. Рязанова на заседании Президиума ВЦИК

Москва, 3 августа 1922 г.

По моему мнению, весь приговор по этому делу подлежит кассации. Осужденных подвели под 62-ю статью вместо того, чтобы подвести под 74-ю, т.е. совершили замену II раздела I-м. Речь идет только о таких преступлениях, которые могут быть подведены под 74-ю статью, а не под 62-ю. В данном случае это насилие над логикой и над здравым смыслом, потому что за преступление по 74 ст. подводят под 62-ю, под которую мы подводим Центральный комитет партии социалистов-революционеров. Дальше, этот приговор не мог быть внесен еще и потому, что на основании статьи 33 Уголовного Кодекса Петроград не состоит на военном положении и согласно этой статье абсолютно невозможно было выносить такого приговора.

Теперь приведу примеры, как составлялось это дело и приведу факты. В протоколе говорилось, что при изъятии ценностей в одном месте было выбито у представителей милиции 18 зубов. Я проверил по делу случай с 18 зубами, и оказался только один выбитый зуб. Ни одного смертельного случая по Петрограду при изъятии ценностей не было. Если вы просмотрите кассационное заключение, то увидите, что обвинитель, докладчик трибунала, писал его, зная о дирек-

тиве. Ряспорядительное заседание Петроградского трибунала превратило без всяких поправок обвинительное заключение следователя в обвинительный акт. Надо отметить, что по проверке всего дела я обнаружил, что в обвинительном акте соединено в одно все то, что происходило 26 апреля и 30 марта, тогда как Семенов арестован 30 марта. Кто же такой, например, Семенов? В обвинительном акте сказано: спекулянт. Оказывается, что он член партии, красноармейский солдат, наборщик, полнейший инвалид, эпилептик. Его, когда он возвращался к себе домой, в сумятице задержали. Он оказал сопротивление. Я просмотрел доклад начальника губмилиции, и он нигде не говорит, чтобы его избивали, а кого мог избить этот инвалид? Спекулянтом он был квалифицирован потому, что когда его арестовали, у него из кармана выпало несколько катушек ниток. Оказалось, что этот человек занимался продажей ниток, причем он торговал на углу той улицы и дома, где жил. В конце концов он появляется на суде. Но если он фигурирует еще в обвинительном акте, он из приговора исчезает, т.к. он привлечен к суду зря и выяснилась вся неосновательность возведенных на него обвинений. Затем священник Соколов. По показаниям какого-то агента ГПУ он обвиняется в том, что бросал слова против большевиков. На вопрос, где же он бросал эти слова, был получен ответ, что "у себя дома". Указывалось, что он эсер, что тоже оказалось неверно. Это 62-летний старик.

Теперь дальше. Очень характерен факт описания беспорядков, которые происходили при изъятии ценностей. В приговоре сказано "чины милиции избиваются" - пущено в ход библейское выражение. Кем же это избиваются, злосчастливым инвалидом, что-ли. Я приведу второй пример, чтобы показать, как составлялся обвинительный акт.

Происходит изъятие ценностей из Путиловской церкви. Здесь даже в докладе начальника милиции указано, что допущена полнейшая глупость. "Церковь построена на вычеты из зарплаты и взносы рабочих". Значит, церковь рабочая, там собирались женщины и дети. Там летели камни. То, что бабы и дети умеют бросать камни, это не мудрено, но фактически никаких избиений не было. Там были аресты за агитацию. Кого же арестовали за агитацию? Арестовали одного молодого парня, который оказался глухонемым! Итак, у одного милицейского выбит зуб, некоторые получили камнями по голове, и это в Питере при изъятии колоссальных ценностей. Ни одного смертного случая. И в результате за один зуб 10 смертных приговоров.

Каким образом, как это сделали, как под 62-ю статью подвели? Правление общества приходов приравнивали к ЦК ПСР: была получена соответствующая директива. Это было первое дело после получения директивы. Во исполнение директивы пришлось переменить состав преступления и заменить его другим. Дело построили так, что

устроили внутри правления церковных приходов тайную организацию, которая под руководством Тихона, Вениамина и других устраивает агитацию по всей России и получается таким образом общая для всей России организация.

Если так, то нужно настоящий приговор кассировать и привлечь к суду Тихона, Вениамина, Никандра Московского, Ювеналия Тульского и доказать, что тут действительно есть тайное общество, которое и т.д. Тогда ставьте такой процесс: Тихон со всей этой компанией, в отношении патриарха Тихона возбуждайте уголовное преследование.

В чем обвиняется Вениамин? То письмо²², которое он прочитал 5 марта, ему вменяется в вину. Комаров, бывший член ЦК и представитель петроградского исполкома, и Канатчиков разрешили прочесть его письмо священнику Зубаровскому на собрании на Михайловской улице, где было несколько тысяч человек. Теперь Канатчиков говорит, что разрешение давалось прочитать только на том собрании, а не в отдельных церквях. Но ведь разрешение было дано, почему же нельзя оглашать и в других церквях? Главный пункт обвинения состоит в распространении этого письма. Это единственный пункт обвинения по Петрограду. И вот за то, что это воззвание, или заявление было рассмотрено в правлении общества приходов, из правления общества приходов делается тайное общество для распространения этого воззвания, и даже секретаря, только снявшего копию с этого воззвания, осуждают на 5 лет.

Теперь дальше. Если вы просмотрите обвинительный акт, то оказывается, что деятельное участие в деле принимал профессор Егоров, человек, который по своей специальности имеет мало отношения к богу и религии. Вы ищите его среди обвиняемых - его нет. Приезжают на суд Смирнов и Красиков, и из допроса на суде выясняется, что Егоров принимал гораздо более деятельное участие, чем другие. Смирнов требует привлечения его к суду и заключения под стражу. За три дня до окончания суда лицо, принимавшее наиболее активное участие, привлекается к делу. Вы видите из этого, как велось дело.

Сейчас речь идет о кассации всего приговора. Так как этого сделать нельзя, то остается вопрос о помиловании. Но что значит помиловать. Некоторые осуждены на 5, 4, 3 года. По-моему, надо заменить 10 смертных приговоров другими наказаниями. Я приведу пример с Тульским епископом Ювеналием. Он приговорен к десяти годам за то, что подстроил новоявленную икону, которая должна была показать, что никаких ценностей нельзя брать.

Я предлагаю помиловать всех, заменить расстрел другим наказанием и потом, пользуясь тем, что у нас скоро пятилетие, ликвидировать это дело, потому что там имеются люди, совершенно зря осужденные, например, секретарь общества приходов Парийский, ко-

торый виновен только в том, что снял копию с письма Вениамина, которое Канатчиков и Комаров разрешили огласить на огромном собрании, и ни в чем больше не повинен.

Тов. Рыков только что срочно прислал показания Введенского. Введенский - это инициатор живой церкви²³. Введенский первый написал знаменитое письмо насчет церковных ценностей. Из Введенского и ряда других образована группа основателей живой церкви. Там имеются священник Красницкий, который был главным свидетелем обвинения. Хотел на суде выступить и Введенский, но его какая-то старуха накануне суда хлопнула камнем по голове, и он не мог явиться на суд. Он теперь от имени всей живой церкви делает заявление, пишет Рыкову и указывает целый ряд политических мотивов. Он говорит здесь, кто такое Вениамин (соответствующая выдержка из заявления Вениамина). И это пишет так Введенский, его главный и принципиальный противник. Просьба о помиловании подписана всеми представителями живой церкви, кроме Красницкого. Здесь указано, что все они одинаково безвинны и одинаково виновны не в том, в чем их обвиняют. Я должен указать, что поскольку вопрос идет о выделении живой церкви, казнь этих десяти человек на этом основании убьет живую церковь. Введенский пишет по этому поводу так: (выдержка из письма).

Теперь относительно Введенского. Это типичный фанатик, искренне религиозный человек. У меня имеется ряд его писем. Я привожу только это письмо, которое Рыков прислал сюда, чтобы показать, что нужно обратить внимание на это, и мы должны найти простой выход. Нельзя десять человек казнить за один выбитый зуб, и это в то время, когда мы буквально с гордостью могли бы сказать, что в Питере изъятие церковных ценностей проходило при таких условиях, при каких оно не прошло бы ни в Париже, ни в Лондоне, нигде в мире, а вместо этого раздули все это дело. Для того, чтобы создать впечатление, берутся библейские термины: "Чины милиции побиваются камнями".

Теперь я знаю директиву: 6 помиловать, а остальных 4 расстрелять. Как же отделяли этих 4? Выбрали буквально так, как если бы взяли 4 узелка. Вы видите, проф. Егоров самый деятельный, и он попал под самый конец. К 4 отнесены: Казанский, Ковшаров, Новицкий и Шейн.

Что касается Ковшарова, то это кадет, который выступал защитником по ряду политических процессов и в 1906 году защищал ораниенбаумских большевиков.

Теперь Шейн. Вы знаете, что в обвинительном акте строят так, что он нарочно принял монашеский сан в 1920 г. Установлено, что он член правления общества приходов. В его церкви все прошло великолепно. Заподозривают, что он, этот парень, никогда не был религиозным человеком, что он только теперь стал религиозен. Я про-

сматривал стенограммы его речей в Думе и, оказывается, что он всегда выступал по религиозным вопросам. Монашество он принял в 1920 году, когда у него кто-то умер из близких. О нем Введенский тоже пишет.

Относительно Новицкого получается вот что. Это профессор уголовного права, переведенный из Киева в Питер, специалист по части призрения выходящих из тюрьмы и по части дефективных детей. Этому делу он посвятил всю свою взрослую жизнь с 1912 года. Это весьма ограниченный человек, который уселся на свой маленький стульчик защиты дефективных детей после тюрьмы и тут попал в правление общества приходов. Между прочим, он еще раньше проф. Рейснера читал курс советского государственного права. У нас имеются о нем свидетельства от Костромского университета, от различных советских учреждений и от петроградских учреждений. Но у него есть одна вина. Переговоры с Исполкомом, был посредником между Комаровым, Канатчиковым и Вениамином и он приводил это письмо 6 марта. Я говорю, если расстреливать, то расстреливайте всех 10, потому что четверых выбрали как известный компромисс, который был между двумя точками зрения. Я знаю от Алексея Ивановича, в чем тут дело. Кассационный трибунал не обращался насчет помилования. Там сказали: мы знаем, что такое директива. И они постановили: за отсутствием кассационных поводов приговор оставить в силе. Выбрать четверку из десятки они не могут - все виноваты и не виновны одинаково.

Мое конкретное предложение: пока заменить расстрел другой высшей мерой - десять лет и направить дело на рассмотрение комиссии по помилованию.

(ЦА ФСБ. N 37 181, т.9, л.15-19. Стенограмма с правкой Д.Б. Рязанова. Машинопись).

51

Д.Б. Рязанов – ЦК ВКП(б)

Москва, осень 1922 г.

(Черновик)

В последнее время ряд инцидентов и мелочей как в связи с Соц. Акад., так и вообще моей педагогической деятельностью, дал мне основание думать, что по отношению ко мне пускается в ход как "внутреннее", так и "внешнее освещение". Собираются, как видно, "уличающие" меня факты, причем собирающие их делают это за моей спиной, не брезгуя никаким приемом, не давая себе труда обратиться непосредственно ко мне, ни даже в Ц.К.К., которая и имела

бы право возбудить против меня преследование в партийном порядке.

На днях я узнал от весьма достойных доверия старых товарищей, что дело обстоит еще хуже, чем я предполагал. Совершается нечто неслыханное! В стране, где господствует пролетариат, по отношению к члену коммунистической партии, состоящему в рядах рабочего движения с 1889 года, пускаются в ход, неизвестно по чьему приказу, те же приемы, что и по отношению к врагам рабочего класса. Агенты ГПУ следят за моей квартирой, за учреждением, в котором я работаю, регистрируют проходящих ко мне, а следователи ГПУ допрашивают обо мне арестованных, устанавливают их знакомство со мной и т.д. И эти вопросы ведутся не Уншлихтом, не Менжинским, а людьми, имеющими весьма отдаленное отношение к истории русского рабочего движения, едва с ней знакомыми. Эти допросы и расспросы протоколируются машинистками ГПУ и несомненно в непродолжительном времени станут известными посторонним людям.

Я уверен, что тов. Дзержинскому, который несет за действия ГПУ политическую и партийную ответственность перед ЦК, все эти факты совершенно неизвестны. Он наверное еще не забыл, кто энергичнее всех протестовал в бюро ВЦИК в 1917 г. против принадлежности Каменева к охранке, и хорошо помнит, что и он, и я доказывали Либери и Гоцу, что недопустимо в партийных делах **сначала** обращаться к государственным органам и только **после** к партийным. Я уверен, что если бы он знал обо всем этом, он положил бы конец этому позору, как он это сделал в 1920 г. при попытке какого-то мерзавца возвести на меня глупейшее и чудовищнейшее обвинение и уже во всяком случае давно пригласил бы меня и поставил в известность, что против меня выдвинуты обвинения, делающие необходимым внесудебное следствие и испросил бы у ЦК разрешение на это.

Среди членов ЦК имеются и такие, которые связаны со мною не только формальной принадлежностью к одной партии. Десятки лет общей борьбы, много знакомств в периоды реакции и подъема революционного движения показали им, что меня можно обвинить в чем угодно, только не в трусости, фарисействе и виллянии. Есть другие более достойные люди партии, и они способны ликвидировать этот позор. Они поймут, что дальше выносить такое положение нет больше возможностей. Еще прежде, чем партийный съезд решил вопрос о том, имеет ли право член партии выступать с критикой действий ЦК на Губпартконференции²⁴, имеет ли право ЦК, без всякого партийного суда, лишать за это члена партии его основных прав и высылать за границу, меня лишили не только партийных прав, не только права принимать участие в профдвижении и советской работе. Меня лишили права преподавания на курсах марксизма при Социалистической академии²⁵, права читать лекции в университете, ко-

торое не отнято даже у кадетов, даже у заведомых черносотенцев. Меня лишили права быть членом президиума Соц. Академии, т.е. права принимать непосредственное участие в работах того учреждения, которому я отдавал столько сил и времени. Меня лишили права читать лекции рабочим. Меня лишили, наконец, права быть членом правления издательского кооператива. Ибо, как заявил член ЦК и секретарь МК т. Зеленский, я лишен права заниматься какой бы то ни было общественной деятельностью, я имею право только писать и редактировать, редактировать и писать.

Теперь ко всему этому присоединяется сознание, что я окружен со всех сторон "очами" и "ушами" ГПУ, что мое честное имя старого революционера находится в руках мне неизвестных следователей и судей, которым я не могу дать резкий и достойный ответ. Чтобы положить конец этому порядку, который грозит внести разложение в ряды пролетарской партии и рабочего класса, я требую назначения над собой партийного суда²⁶. Пусть он исследует все мои преступления против коммунистической партии и рабочего класса и, если такие существуют, передаст мое дело партийному съезду.

(РЦХИДНИ. Ф. 301, оп.1, д.76, л. 33-34. Машинопись).

52

А.А. Жижиленко – Д.Б. Рязанову

Петроград, 12 декабря 1922 г.

Давид Борисович,

Когда я уезжал из Москвы в августе месяце, я был уверен в том, что мои клиенты церковники, спасенные благодаря Вам от расстрела, будут амнистированы в ноябре. Но с тех пор прошло много времени, по всему видно, что амнистия к ним применена не будет. Теперь однако появилась возможность возбудить ходатайство об амнистии некоторых из них. Я позволю себе обратиться к Вам с просьбой поддержать - если это только не затруднит Вас - ходатайство о помиловании священника Л.К. Богоявленского. Этот Богоявленский был тюремным священником в Крестах в течение 10 лет в начале 900-х годов и оказал немало услуг политическим заключенным, о чем должна была показать на суде мать покойного Усевича, а также редактор "Былого" Щеголев, но оба эти лица в качестве свидетелей не были допрошены на суде, между тем как их показания должны были обрисовать св. Богоявленского в надлежащем свете.

Податель этого письма - сын св. Богоявленского может дать Вам исчерпывающие сведения об отце.

Простите, если отнял у Вас своим письмом время и потревожил Вас своей назойливостью.

Искренне преданный Вам А. Жижиленко

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.9, л.14. Машинопись).

53

Г.И. Мясников – Д.Б. и А.Л. Рязановым

Берлин, 9 августа 1923 г.

Дорогие товарищи Рязановы!

Мне не удалось при встрече Вам достаточно понятно рассказать, почему я до сих пор думаю, что необходимо широко распространять наш "Манифест" за границей.

Мнение Ваше я ценю очень высоко. Ваш совет о том, что надо воздержаться от печатания на немецком языке "Манифеста"²⁶ для меня очень ценный совет. Но по привычке мне учителем Г.В. Плехановым привычке, я все советы принимаю не на веру, а подумаю, и только тогда поступаю в согласии с этим советом, когда он станет моим убеждением. В этот раз этого не случилось. Ваш совет не стал моим убеждением.

Политика ЦК ВКП(б) по отношению к нашей группе (да и не только к ней) строится на том, что об этом никто не узнает. Это политика оппортунизма, боящегося своих дел. Поддерживать эту политику - это значит углублять оппортунистические тенденции. Наша политика, политика Революции, должна строиться в расчете на то, что она станет известна пролетариям всего мира, и чем это скорее случится, тем лучше. Мы должны служить примером, какое действие наше должно говорить пролетариату всего мира: я делаю так, и ты поступаю так же - должно неизбежно содержать в себе элементы агитации за социализм, за коммунистическую революцию. А если ЦК РКП(б) боится сказать о его политике, то он чувствует в ней элементы не за социализм, а против него. А, как хотите, не говорить о противосоциалистической (коммунистической) политике, оставаясь честным пролетарием, честным коммунистом, нельзя. Политика молчания есть поддержка ЦК РКП(б) в худших проявлениях его политики. И мне кажется, что и Вы, советуя не печатать "Манифеста", поддерживаете эту политику. Мы хотим, чтобы от политики ЦК РКП(б), если ее узнают пролетарии всего мира, неизменно получают плюсы, а не минусы, как для Советской России, так и для мирового пролетарского движения. Мне кажется, что опубликование "Манифеста" будет способствовать исправлению линии ЦК РКП(б) в этом во-

просе. Если бы мы все осознали это намного раньше и не только осознали, а стали выступать и, если нужно, делать эти выступления организованными завязками, многое из того, что имеется теперь отрицательного в политике ЦК РКП(б) не имело бы места. Оставаясь верным вот этой линии, у меня даже складывается убеждение в необходимости опубликования, как и его заявления в Исполком Коминтерна, так и всего материала, образовавшегося около него: заявление, запрос Исполкома Коминтерна, письмо ЦК РКП(б) в Исполком, мое объяснение и постановления Исполкома Коминтерна. Но я этого пока не буду делать, посмотрю, как будет реагировать ЦК РКП(б) на факт опубликования "Манифеста", да и денег нет. Я думаю, что меня за это опубликование прогонят с работы - ну и пусть.

Товарищ Рязанов! Вы известный всему коммунистическому миру теоретик марксизма. Вы знаете те громадные просчеты, которые имеются у нас в Советской России. Вы сумеете в своих выступлениях сделать критику не революции, а контрреволюции. Те небольшие несогласия, которые у Вас имеются с нашим "Манифестом", не могут служить препятствием того, чтобы Вы открыто и смело сказали свое слово о согласии или сочувствии тем мыслям, которые изложены в "Манифесте". Ваше несогласие, насколько я помню, касалось одного пункта - о заводских Советах Рабочих Депутатов как первичной ячейки государственной власти, но это имеется и в программе РКП(б), и это не мешало Вам, однако, состоять в РКП(б).

Я не предлагаю Вам назвать себя членом нашей группы (а это было бы хорошо), а я предлагаю Вам написать статью о "Манифесте" или послесловие к нему, к немецкому изданию (говорю немецкому, потому что русское уже в субботу выйдет из печати). Вы все ищете резонов для своего молчания - то надо было бы ждать соединения Дальнего Востока, то XII съезда²⁷, тогда-де будет удобнее выступать, т.е. не будут козырять именем Ленина. Неужели Вы не чувствуете своего положения? Ведь от Ваших слов так и разит нерешительностью. Неужели Вы не определились и не нашли твердой линии? Я очень хочу понять Вас, и если я Вас не понял, как нужно понимать, то разъясните мне. А теперь я извиняюсь за то, что написал очень скверно неразборчиво, хотя очень старался писать как можно лучше, а оказалось, что лучше не могу. Привет Вам обоим. Желая Вам хорошо отдохнуть, укрепить свои силы, и там же в водах санатория остави.ть все элементы нерешительности и несогласия с нами. Если вздумаете черкнуть мне, то мой адрес следующий:

Kurfürstenstr. Nr 163 bei Heinz - мне.

Как только выйдет "Манифест", я Вам его пришлю. Жму крепко, как только умею, Ваши руки.

Ваш Г. Мясников

Р.М. Бовшовская – Д.Б. Рязанову

Москва, 8 января 1924 г.

Дорогой Давид Борисович, очень извиняюсь, что злоупотребляю вниманием, а главное - временем, но очень трудно при такой остро ощущаемой боли излагать в письменной форме. **Очень огорчена тем, что не можете принять меня лично.** Но понимая Вас вполне, ценя Ваше время, буду краткой, насколько смогу. При отправке Александра меня уверили как Катаньян, так и ГПУ, что на месте ссылки он "совершенно свободный человек, который сможет заниматься чем угодно и служить, где хочет". Как это выполняется, Вы увидите из приложенных писем при сем писем пять последних писем Александра, которые писаны только для меня и, следовательно, чтобы меня не огорчать, нарисовано все более жидкими красками, чем есть сама жесткая действительность (я была там сама и видела).

Давид Борисович, письма эти получены "не почтой", которые я доверяю только Вам, и посылаю Вам для того, чтобы Вы были в курсе дела с самого начала, ибо не хочу подводить товарища, которому я вручаю защиту своей судьбы, это личные письма, но отнюдь не материалы для кого-нибудь, кроме Вас²⁸. Я попрошу Вас письма сохранить для меня, я пошлю за ними сына, ибо кто знает, увижу ли я еще Александра (не забудьте, что у него туберкулез в самой прогрессирующей стадии, участь большинства наборщиков). Для того, чтобы сократить затраченного Вами времени для чтения прилагаемых писем, я все по порядку взяла в рамки красными чернилами, наметив порядковые цифры, чтобы у Вас получилось полное впечатление о трагедии пишущего эти письма, я посылаю их Вам полностью и буду рада, если удосужитесь их прочесть полностью, целиком, помимо отмеченного, ибо общий смысл переживаний честного рабочего, страдающего только за свои убеждения, достоин быть отмеченным в истории и Вам как настоящему искреннему революционеру

1) Необходимо немедленно добиться от Катаньяна или кого найдете нужным, телеграфного сообщения в Самаркандское ГПУ копию к-ре Самаркандского ц-за о предоставлении ему работы в дальнейшем и снятии увольнения, ибо он настолько болен, что это может в конце концов расшатать здоровье, а возле него нет ни единой в мире души, а я не смогу к нему приехать, ибо у меня двое ребят, живу без всяких средств к существованию. Служба моя еле хватает на квартирную плату и учению ребят и даже эту службу дрожжишь не потерять.

2) Если можно поставить вопрос о возвращении его в Москву, к своей прежней деятельности, которая служила только на пользу

моей стране, о чем могут подтвердить заслуженные товарищи коммунисты, знающие близко его работу, где бы он мог еще лечиться от такого тяжелого недуга и этим поддержать своих малых ребят.

3) Если второе, по Вашему мнению, сейчас совершенно невозможно, то разрешить ему переехать в ближайший большой город Ташкент с правом работать по своей специальности - в кооперацию, цель этого приезда только та, что там есть хотя бы врачи, а Самарканд - это большой, красивый и богатый зеленый город, но по культурной работе стоит ниже крупной русской деревни, где нет ни одного приличного врача, и он все время не перестает болеть. Если бы Вы читали его письма не ко мне, а к друзьям о состоянии его здоровья - то это сплошной кошмар. Вы, Давид Борисович, единственный человек, в чьих руках его спасение, ибо я думаю и уверена, что тем, что он не в Туруханском крае все-таки, а в Туркестане, **я обязана только Вам**. Я молю подумать о нашей судьбе! Ибо жить так дальше невозможно. Вчера мне передали, что месяц тому назад из Самарканда **сбежало двое ссыльных** и что будто репрессии вызваны последним. Думаю, что это и есть те "основания", о которых Александр пишет в своем письме. Я помню, что летом, когда я была, как я уже Вам рассказывала лично, не было лучше. Ведь при таких кошмарных условиях **все разбегутся, предпочитая лучше умереть, чем такие издевательства**.

Не забудьте, что Александр занимает там место на службе: чернорабочего, получающего самую низкую ставку, это положение всех ссыльных и об этом уже говорят, но это только в Туркестане.

В Тюмени, Тобольске, Омске, Новониколаевске работают **все ссыльные на ответственных местах**; очень извиняюсь за беспокорство, но поймите меня, Давид Борисович, что медлить этим нельзя, положение ужасное, болезнь его сломит, а здесь он мог бы потрудиться для дорогого нам дела. Боюсь, как бы Александр не оказался вторым Астровым²⁹. Не забудьте, что телеграмма в Самарканде получается на 4-5 день и что первым пунктом моей просьбы надо поторопиться и что третий отнюдь не исключает первого, наоборот, для достижения третьего необходимо добиться первого, ибо там очень связан один город с другим и Главное управление Туркестана находится в Ташкенте. Жду Вашего совета и распоряжения. Я работаю в медбюро - Центросоюза - секретарем: Ревекка Марковна Бовшовская. Телефон служебный мой 2-03-87, звонить мне можно с 10 - лучше к концу дня. Жду Ваших советов о дальнейшем, сообщений о том, что Вами сделано в настоящем. Катаньян завтра, в четверг, принимает для Вашего сведения.

Пребываю ждать Вашего ответа, заранее Вам благодарна и глубоко извиняющаяся за отнятое время.

С товарищеским приветом Р. Бовшовская

55

Справка о Е.С. Гидаскиной

Москва, после 1924 г.

Екатерина Самойловна Гидаскина. Сослана в 1924 году. Педагог. В 1920 году вышла из партии меньшевиков. В Москве до ареста заведовала школой фабзавуча. Два года назад разрешено жить в Казани. Тяжело больна. Нуждается по определению врачей в лечении грязями (Ессентуки). Состояние настолько тяжелое, что отказ в лечении - угроза для жизни. Хлопочет о ней сестра, жена доктора Фиттермана (издателя). Ей была разрешена поездка в Евпаторию на 3 с половиной месяца, но когда по настоянию врачей просила заменить Евпаторию Ессентуками, было сообщено, что в поездке ей отказано, так как первое разрешение дано по ошибке.

(ЦА ФСБ, N P - 37 181. т.4, л.110. Машинопись).

56

М.К. Любавский – Д.Б. Рязанову

Москва, 3 мая 1925 г.

Глубокоуважаемый Давид Борисович.

Я обращаюсь к Вам с усерднейшею просьбою - принять и выслушать подательницу сего письма Ульяну Михайловну Грушка. Муж ея, бывший декан историко-филологического факультета и профессор классической филологии Московского университета Аполлон Аполлонович Грушка в ночь с 29-го на 30-е апреля был арестован и увезен, по-видимому, в ГПУ. Никому из близких его не известны причины ареста. Он всегда далеко стоял от политики и, если мог обратить на себя внимание властей, то разве некоторыми полемическими выступлениями с кафедры по разным теоретическим вопросам, вроде, например, оценки того или иного писателя, о методах исследования истории литературы и тому подобное. Все знающие его лица глубоко убеждены, что арест его - плод какого-то недоразумения или совершенной случайности. Между тем, пребывание его под арестом, если оно затянется, грозит ему лично и его семье большими бедствиями. Аполлон Аполлонович - человек больной, страдающий диабетом, и ему нужны определенный режим и диета для поддержания его жизни. При своем болезненном состоянии он является единственным кормильцем семьи, состоящей из туберкулезной жены, восьмидесятилетней тещи и пятилетней приемной дочери (сироты, остав-

шейся после смерти матери-крестьянки). Так как он остался не у дел после закрытия Историко-филологического факультета, то единственный ресурс его литературный заработок - переводы, статьи и т. под. Этого заработка он будет лишен, находясь в заключении, и семья его в конце концов окажется в бедственном положении. Все это подтвердит Вам лично его жена. Наша, его бывших товарищей по факультету, общая к Вам усердная просьба посодействовать скорейшему разъяснению его дела и освобождению его из заключения. Если бы, паче чаяния, на него упало какое-либо обвинение, то ведь он нигде не денется и всегда будет готов к ответу.

С истинным к Вам уважением М. Любавский

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.6, л.27. Автограф).

57

Справка о А.С. Арсеньевой

Москва. 30 октября 1925 г.

А.С. Арсеньева, находившаяся на вольном поселении в г. Архангельске, приказом ОГПУ от 3 ноября 1924 г. сослана в Соловецкий концлагерь сроком на 8 лет, по ст. 68. Страдает бурными припадками на почве психоневроза и поражения nervus vagus. С весны лежит в лазарете, но здоровье ее нисколько не улучшилось.

Просьба об освобождении (ввиду скорого конца навигации) в срочном порядке. Причина ссылки неизвестна.

(ЦА ФСБ. N P -37 181, т. 6, л. 29. Автограф).

58

В. Блинова – Д.Б. Рязанову

27 декабря 1925 г.

Глубокоуважаемый Давид Борисович!

Вы так отзывчивы на чужое горе и уже дважды были добры обратиться внимание на дело моего мужа Ивана Андреевича Блинова, что я решаюсь еще раз обратиться к Вам. Прочтите, очень Вас прошу, прилагаемое заявление, и Вы увидите, что необходимо во имя справедливости и просто человеческого чувства жалости вступить за моего мужа и не дать ему умереть в тюремной больнице. Даю Вам

честное слово, что все, что написано в этом заявлении, правда и что абсолютно ни одного поступка по отношению к существующей власти у моего мужа на совести нет и это то сознание своей бесправности и отсутствия какого-нибудь ответа на его письменное обращение к прокурору, когда он еще был в силах писать, довело его психику и весь организм до такого ужасного состояния.

Теперь я уже не прошу ни пересмотра дела, ни его оправдания, он все равно не доживет до этого в тюрьме, я прошу освободить его из-под стражи, как это полагается по кодексу, даже для таких преступников и прошу дать мне возможность продлить его жизнь и облегчить его страдания. Очень хотела приложить копию акта последней экспертизы здоровья Ивана Андреевича, но прокурор отказал мне в разрешении ее получить, и я знаю только, что врачи просили ускорить ответ ввиду тяжелого состояния больного.

Давид Борисович, я умоляю Вас не оставлять без внимания моей горячей к Вам просьбы.

С уважением В. Блинова

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.6, л.30. Автограф).

59

Из выступления Д.Б. Рязанова в Государственном институте по изучению преступности

Москва, 26 февраля 1926 г.

Хочу указать еще на один пункт. Товарищи вероятно это знают, что я, к сожалению, до сих пор занимаю изолированное положение в Советской Республике. Я принципиальный противник смертной казни. Я считаю, что уголовный кодекс, в котором существует смертная казнь, может претендовать на выражение классической школы, но называться марксистской школой никоим образом не может. Я говорил об этом в 1922 г. и, как это ни странно, был невероятнейшим образом обруган за это как раз в эсеровской прессе. Я отнюдь не отрицаю того, что при известных условиях, когда данное общество борется за свое существование, за существование пролетарского государства, то оно иной раз находится в таких условиях, когда необходимо уничтожить своих противников. И в 1922 г., и позже, я доказывал, что смертная казнь, как мера наказания, как мера социальной защиты, как санкция или просто мера (я, кажется исчерпал всю юридическую терминологию) (Смех) ни в коем виде, ни под каким соусом не может быть подана в уголовном кодексе ...В уголовном кодексе, я говорю это для марксистов, которые хотят создать уголовный ко-

декс, соответствующий Марксу, в нем нет места убийству, произведенному обществом на основании таких-то и таких-то статей, с такой подчас лицемерной формулировкой, какие имеют место в самых совершенных кодексах. Всенародно или не всенародно. Марксистский кодекс и смертная казнь взаимно исключают друг друга.

(РЦХИДНИ. Ф.301, оп.1, д.77, л.23,25,26. Машинопись).

60

Д.М. Петрушевский – Д.Б. Рязанову

Москва, 25 сентября 1925 г.

Уважаемый Давид Борисович.

Простите, что, еще не успев поздороваться с Вами, я уже атакую Вас просьбами. Просьба моя заключается в следующем. К Вам придет барышня (мне неизвестная) Вера Николаевна Кисель-Загорянская с просьбой помочь в облегчении участи брата, Владимира Николаевича Кисель-Загорянского, отбывающего заключение в концентрационном лагере. Подробности она сообщит Вам сама. Очень прошу Вас принять ее и выслушать и сделать что возможно³⁰.

Крепко жму Вашу руку. Надеюсь, что Вы отдохнули как следует. Будьте здоровы.

Ваш Д. Петрушевский

(ЦА ФСБ. Н Р - 37 181, т.7, л.42. Автограф).

61

Справка о В.Я. Фриде

Москва, после 1926 г.

Фрид В.Я. Находился в Сталинграде. Арестован 2 недели тому назад. Был 3 года в концлагере, 3 года в Енисейске, тяжело заболел язвой желудка. Нуждается в диетическом столе. Просьба из-за болезни перевести его в Москву. Ему 24 года - болезнь очень серьезная, угрожающая. В Сталинграде прожил 3 месяца - служил.

(ЦА ФСБ. Н Р - 37 181, т.4, л.106. Машинопись).

62

Е.Г. Штейнберг – в Комиссию частной амнистии при ВЦИК

Москва, после августа 1927 г.

Заявление

Прошу освободить в порядке частной амнистии отца моего, Григория Ефремовича Штейнберга, высланного на три года в город Тобольск (по постановлению Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 19 августа 1927 г.)

Отцу моему в настоящее время 68 лет, и состояние его здоровья, как видно из прилагаемого удостоверения, исключительно тяжелое. Дальнейшее пребывание в суровых климатических условиях, при отсутствии необходимой медицинской помощи и элементарных удобств является угрожающим для его жизни.

Вместе с тем, семья поставлена в исключительно тяжелые материальные условия. Из четырех дочерей одна находится в психиатрической лечебнице и сама нуждается в помощи; другая - безработная, с маленьким ребенком, живет на пенсию (около 40 рублей) после смерти мужа. Содержание всей семьи (включая еще живущую с нами бабушку 80 лет) ложится целиком на меня. Мой заработок машинистки не покрывает и минимальных потребностей семьи, особенно при нынешнем положении, когда отец и мать (оба нетрудоспособные) живут отдельно от нас в Тобольске. В тоже время я не имею возможности оказывать достаточную поддержку родителям, не говоря уже о серьезной медицинской помощи.

Прошу принять во внимание возраст и состояние здоровья моего отца, а также тяжелое положение всей семьи и удовлетворить мою просьбу, тем более, что изоляция или пребывание в ссылке старого человека, почти прикованного к постели, не может вызываться соображениями социальной защиты.

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.7, л.9., Машинопись).

63

Е.П. Белоцветова-Подбельская – в Комиссию по амнистии ВЦИК

Москва, 6 января 1928 г.

Заявление

Прошу о своем сыне Юрие Николаевиче Подбельском, отбывающим ссылку в городе Сургуте, Уральской области Тобольского округа.

Ему не дозволено следовать в город Тобольск, за своей женой, которой, по словам врачей, предстоят тяжелые роды. Причем сообщая, что Юрий Подбельский сын народовольца Пания Подбельского, погибшего от царской пули в городе Якутске в 1889 г., кроме того - брат первого наркома почт и телеграфа В.Н.Подбельского, сам же Юрий Подбельский с гимназической скамьи 8-го класса провел всю жизнь в тюрьмах и ссылках. Наконец, принимая во внимание сознательность моего сына и его семейное положение, он нисколько не будет вреден для своей родины, обладая пером, потому обращаюсь с просьбой, амнистировать его совершенно или разрешить соединиться с женой, т.е. перевод его в город Тобольск.

*Екатерина Белоцветова-Подбельская
г. Москва, Кривоколенный пер. N 14, кв.26
Е.П. Белоцветовой (для Белоцветовой-Подбельской).*

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.6, л.46. Автограф).

64

О.И. Звягинцева – Д.Б. Рязанову³¹

от Ольги Ивановны Звягинцевой
Ленинград, улица Некрасова, 40, кв.25.

17 февраля 1928 г.

Заявление

Прошу Вашего содействия перед ВЦИКом о помиловании моего мужа Николая Николаевича Звягинцева, арестованного 10/11 июля 1927 г. в г. Ленинграде, и 27 июля этого же года, согласно постановлению Коллегии ОГПУ от 15/II 1927 г. (дело N 811, статья 58.5) сослан в концлагерь Соловки на 3 года. В данное время Н.Н. Звягинцев находится в Кемпи, где работает экспедитором в Кемьперпункте.

Н.Н. Звягинцев с 1918 г. по 1922 находился в рядах Красной Армии (имеются документы)³², затем поступил слушателем Ленинградского Института Народного хозяйства, который окончил в 1925 г. (свидетельство за N 5031). С 1925 по 1927 г. март месяц служил в Севзапгосторге в ассигнационной конторе, и уволен за сокращением штатов. Кроме того в течение ряда лет и до момента ареста Николай Ник. Звягинцев нес работу общественную, как председатель ревизионной комиссии ЖАКТа (Ленинград, ул. Некрасова, 40). С 1924 г. Н.Н. Звягинцев состоял в Союзе сотворгслужащих.

Мое заявление во ВЦИК было подано 14 февраля 1926 г.

О.Звягинцева

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.6, л.54. Автограф).

65

П.А. Канторович – Д.Б. Рязанову

Ленинград, 1 марта 1928 г.

Многоуважаемый Давид Борисович!

В 20-х числах декабря 1927 г.я была у Вас по делу моего отца А.В. Варшавского. Он все еще арестован. Только 21-го сего месяца мать моя получила первое свидание с отцом. Его обвиняют по ст.59 пункт 12 и 13. Никаких фактических данных отцу не предъявили. Следователь сказал ему, что следствие по его делу в Ленинградском ГПУ закончено и переслано сюда с заключением о высылке его в Сибирь. Моему отцу 68 лет, и высылка в этом возрасте и при его состоянии здоровья представляет собой наказание совершенно непомерной жестокости. Для моего отца и для всех нас совершенно ясно, что дело его возникло по недоразумению, что никакого состава преступления нет. Вы были так добры, что помогли в деле моего отца, когда нужно было ускорить ведение следствия и изменить условия заключения (отец мой находился три с половиной месяца в одиночном заключении). Сейчас, когда не остается ни тени сомнения в том, что в деле нет никаких конкретных данных для обвинения, и что мой отец решительно ни в чем не виноват, я позволяю себе надеяться, что Вы не откажетесь сделать еще один шаг и переговорить с теми лицами, от которых зависит дальнейшее его разрешение³³.

Уважающая Вас П.А. Канторович

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.6, л.63. Машинопись).

66

С.О. Цедербаум – Д.Б. Рязанову

Саратов, 31 марта 1928 г.

Многоуважаемый Давид Борисович!

Мы еще не поблагодарили Вас за Ваши хлопоты, благодаря которым на 3 месяца сократили срок ссылки. К сожалению, приехав в Саратов, соответственно предоставленному нам ограниченному выбору, мы должны были убедиться, что наше положение почти не изменилось. Местное ГПУ продолжает считать нас ссыльными, со всеми вытекающими из этого последствиями (хотя в постановлении ОГПУ от 5.XII - 27 определенно сказано: В отмену пост. от 3. IV. 1925 предоставить выбор местожительства по всему СССР за изъятием

таких-то губерний ...с прикреплением на 3 года). Нас вынуждают ходить на регистрацию. В отличие от установившейся повсюду практики непрепятствования ссыльным служить, поскольку они могут в общем порядке получить работу, здесь систематически не допускаются на службу или снимаются с работы, (так, между прочим, не был допущен к работе чертежником в 3 Управление наш сын). Как ни ухудшились условия нашего пребывания, мы примирились бы с этим, если бы могли рассчитывать, что можем спокойно жить здесь, не тревожимые никакими неожиданностями. Именно этого и нет. Считаю необходимым довести до Вашего сведения имевшее здесь место на днях (28 и 29 марта), ибо это, очевидно, только прелюдия к агрессивным действиям. К тому же это ознакомит Вас с методами, практикуемыми открыто и без всяких стеснений.

В указанные дни ряд бывших ссыльных социал-демократов, проживающих здесь, получили повестки явиться в ГПУ. В комнате уполномоченного их встречал приехавший из Москвы представитель ОГПУ Колосовский, тот самый, который ровно три года назад приезжал в Кашин арестовывать нас. Он вступал в беседы с приглашенными лицами, причем некоторым из них - главным образом молодым людям, - без обиняков предлагал стать агентами-информаторами. Одним он грозил в случае отказа не дать возможность окончить университет, другим сулил обеспеченное будущее, возможность закончить образование и прочее (студентам Венгеревич, Сазынин, Зарн); недвусмысленно намекал на репрессии, ждущие отказывающихся. С другими он пытался вести беседы о настроении и других бывших ссыльных, в частности, - осведомлялся специально обо мне, о том, посещают ли меня, завожу ли я знакомства. Был вызван и я. Я намеренно не уклонялся от беседы, желая выяснить, куда клонит гр. Колосовский и посылавшие его. После обычных осторожных, но довольно неуклюжих и неумных вопросов о моих политических настроениях, гражданин Колосовский заинтересовался узнать, насколько еще лет я готов подвергаться преследованиям, не надоело ли мне уже, а затем стал распространяться на тему о том, что Саратов-де скоро станет областным городом, что здесь собралась целая группа из 18 социал-демократов (которая искусственно создана самим ГПУ, поскольку кончившим срок ссылки оно оставляет для выбора мало городов, что в каждом из них скапливается значительное количество бывших ссыльных), что, конечно, ко мне, старшему и наиболее авторитетному товарищу, они будут обращаться за разъяснениями имеющихся у них политических сомнений и недоумений, будут спрашивать совета и прочее. "Вы сами понимаете, что пока нам неизвестно, в каком духе будут ваши ответы и советы, - станете ли вы поощрять их к адекватной деятельности, для нас положение останется ненормальным. Ведь нам известно, что к вам ходят ссыльные ... Мы не знаем вашего теперешнего образа мыслей" ... И т.д.

Из этих заявлений представителя ОГПУ я установил, что

1) Признается недостаточным, что мы много лет живем и продолжаем жить в добровольном карантине, не заводя никаких знакомств. Хотят, чтобы мы прекратили общение даже с товарищами, находящимися в тех же условиях, что и мы.

2) Уже теперь придуман для новых угроз по нашему адресу упрек: "вредное влияние на ссыльных".

3) Принимаются меры для организации провокаций в среде ссыльных, чтобы создать подходящее "дело", как было устроено в Вятке в 1923 г., и в центре его поставить нас.

Изложенное заставляет Корнелию Ивановну и меня прийти к выводу, что нас не намерены оставить в покое. Если бы мы имели возможность обеспечить от случайностей и лишений наших детей, мы оба предпочли такому существованию, когда каждый день приходится ждать какой-нибудь очередной пакости, против которой мы бессильны, пожизненное заключение в изоляторе, где, по крайней мере, нет необходимости думать о куске хлеба, который у тебя намеренно вырывают изо рта.

Пишу Вам обо всем этом в надежде, что Вы ознакомите с содержанием этого письма кого следует. Я хочу зафиксировать, что не прошло и 3 месяцев с момента объявления нам об окончании нашей ссылки, как вполне обдуманно делаются уже приготовления к следующему аресту и новым ударам.

В связи с этим мне приходится, к сожалению, снова обратиться к Вам с просьбой о работе. С декабря мы не имеем никакой работы и живем в долг³⁴. Последние два года мы с К. Ив. вынуждены были прибавляться главным образом переводом романов. Теперь, ввиду почти полного прекращения Государственным издательством и другими издательствами выпуска переводной беллетристики, исчез и этот ресурс. А между тем, если действительно, как мы имеем основания предполагать, нам скоро предстоит быть на некоторое время изъятыми, а затем водворенными где-нибудь за тысячи верст, неизбежным явится продолжительное отсутствие возможности работать. Поэтому нам чрезвычайно важно было бы успеть хотя бы что-нибудь заработать и таким образом менее болезненно и с меньшими лишениями пережить ожидаемый нами кризис. Мне всегда очень нелегко говорить на эту тему и просить о работе. Ответственность за это я возлагаю на тех, кто не дает нам жить в сколько-нибудь нормальных условиях.

Сер. Цедербаум
Саратов, Никитский переулок, 14

Е.В. Сабурова – ОГПУ

В ОГПУ
Елизаветы Владимировны
Сабуровой

Большой Николо-Петровский переулок,
д.18, кв.10. Арбат

Москва, 5 апреля 1928 г.

Заявление

Дочь моя, Мария Андреевна Сабурова, 58 лет, отбывающая в Нижнем Новгороде высылку минус 6, срок которой истекает 24/IV 28, получила право свободного проживания в феврале 1927 г., но соответствующие бумаги не были ей вручены, и она поэтому не могла вернуться ко мне в Москву. 29.II.1928 она была арестована в Нижнем Новгороде и подвергнута заключению в местной тюрьме ОГПУ (в камере N 22).³⁵

Мне 81-й год, вследствие болезни (reperphigus), я не владею руками, и в настоящее время теряю зрение от потрясений (глаукома). Остро нуждаюсь в присутствии дочери, единственной бывшей при мне близкой, и уходе за мной и прошу о скорейшем освобождении ее.

Е. Сабурова

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.6, л.75. Автограф).

А.Н. Рыцева – Президиуму ВЦИК

гр-ки Антонины Николаевны Рыцовой,
жительства Красноуфимск
Уральской обл. бывш. Никольская ул.

по делу приговоренного к расстрелу
мужа Василия Константиновича РЫЦЕВА

Заявление

Красноуфимск, 21 апреля 1928 г.

22-го марта с.г. Уральским областным судом в выездной сессии на Артинском заводе муж мой, бывший народный учитель, Василий Кон-

стантинович Рыцев, приговорен к расстрелу за участие в качестве председателя Артинского комитета партии в восстании в 1918 г. и за допущение убийств советских работников и коммунистов, которые произошли после захвата власти.

Приговор этот утвержден Верховным Судом 20 апреля с.г.

Как жена Василия Константиновича Рыцева я умоляю о даровании ему жизни. При разрешении его участи я прошу Президиум ВЦИК иметь в виду нижеследующее.

I. Муж мой - гонимый в царское время народный учитель. Никогда он не был палачом народа и никогда не отдавал приказ об убийстве кого-либо из партийных и советских работников. Когда Суд о кровавых событиях гражданской войны и колчаковщины происходит через десять лет после событий, невольно в вину одного человека ставятся все события, которые имели место в этот период времени, хотя совершенно точно установлено по материалам дела, что убийства произошли стихийно и без всякого прямого или косвенного участия моего мужа, в то время председателя Комитета партии с-ров Артинского завода. Так на листе дела 10 об. имеется показание одного из главных свидетелей по делу Евгения Шутова, который говорит "нелишне упомянуть, что с-ры, взявши власть в свои руки, фактически не могли руководить, ибо почти установлено, что помимо их воли на третий день восстания кулаком Петуховым была растерзана группа советских работников - 26 человек" ...то же показывает Ахлюстин, л.д.197; то же показывает свидетель Константин Тукинов "главным инициатором расстрела был Петров"; то же показывает свидетель Бысыгин, л. д. 509: "сын был у меня в красных и был расстрелян в первой партии. Рыцева и других подсудимых виновными в расстреле 26 человек я не считаю".

Расстрел двадцати шести был произведен по приказу военных властей, как видно из показаний свидетеля Ахлюстина. Насколько преувеличена роль моего мужа Василия Рыцева, видно из того, что приговор его именуется председателем следственной комиссии, а из сохранившегося в деле л.д.33 документа из производства следственной комиссии усматривается, что он был секретарем одной из подкомиссий следственной комиссии. Муж мой не виновен в деяниях, приписанных ему приговором, за зверства колчаковщины, стихийные взрывы ненависти кулаков, приведшие к убийствам - ставить в вину мужу, как руководителю сего Комитета, ибо если бы он мог предвидеть или предотвратить эти зверства - он лег бы костями, чтобы это сделать.

II. Муж мой все время легально проживал в Советской России, работал сначала в Отделе народного образования, затем после болезни горла (следствия учительской работы) он работал счетчиком и

статистиком. После начала дела в феврале 1926-го года он был арестован в течение трех месяцев, затем освобожден и проживал в том же местожительстве до самого назначения дела к слушанию в марте 1928 г. Только 14 марта 1928 г. он был арестован. Из сего следует, что следственные власти не верили в руководящую роль Рыцева в происшедших зверствах в 1918 году и что муж мой был убежден в том, что этот навет об его участии в зверствах будет снят на суде, ибо он не делал попыток скрыться, хотя все время был на свободе.

III. Прошло около десяти лет со времени событий, которые рассматривал Суд. Если принять во внимание, что убийства ставят в вину моему мужу - по тому положению, которое он занимал, как председатель Артинского Комитета партии социал-революционеров, - что никаких документов, что им отдан был приказ или намек о производстве этих зверств - нет, я прошу Президиум ВЦИК при разрешении его участи не приравнять Василия Рыцева к ответственности как членов Центрального Комитета социал-революционеров за создание восточного фронта. Президиум ЦИК 14 января 1924 года определил меру ответственности членов Центрального Комитета за эту тяжкую преступную работу - не может нести представитель мелкой ячейки Рыцев большую ответственность, чем члены Центрального Комитета за свою деятельность, ибо события на Артинском заводе лишь один из тяжелых эпизодов той преступной деятельности, которая именуется созданием восточного фронта.

IV. Хотя следствие по делу продолжалось более двух лет - с февраля 1926 года, - муж мой был лишен всех прав подсудимого, ибо при назначении показательного процесса на Артинском заводе - дело было назначено к слушанию внезапно и быстро, что мужу обвинительное заключение было вручено за час до начала процесса - вместо 72 часов, из свидетелей, которых он просил вызвать, вызвали лишь двух; из свидетелей, которых суд постановил вызвать при утверждении обвинительного заключения, вызвали только часть, остальным не послали повестки. Так судили мужа моего через десять лет после событий. Тяжкое обвинение, которое ему было предъявлено, обязывало Суд дать ему возможность защищаться - этой возможности Василий Рыцев на показательном процессе, без своевременного вручения обвинительного заключения и без вызова важнейших свидетелей, не имел.

V. Дело о Василии Рыцeve началось следствием в феврале 1926 года, когда действовал Уголовный Кодекс старой редакции, в котором согласно примечанию 2-му к 33-й статье УК расстрел должен быть заменен 10-ю годами, если прошло пять лет со времени пре-

ступления. Этот закон Суд должен был применить к моему мужу, ибо законы, усиливающие наказуемость, обратной силы не имеют.

VI. Я умоляю о даровании жизни Василию Рыцеву, ибо в зверствах, сопровождающих переворот, он неповинен, и фактически руководящей роли в перевороте 1918-го года ни он, ни партия социал-революционеров не имели - фактически власть перешла к контрреволюционным группировкам, следствием чего произошли стихийные зверства и насилия.

Рыцева Антонина Николаевна

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.6, л. 77-78. Машинопись).

69

Р. Тугендхольд-Шиновская – Д.Б. Рязанову

Москва, 26 апреля 1928 г.

Многоуважаемый Давид Борисович!

Я хорошо помню Ваш совет вооружиться терпением в ожидании исполнения нашей просьбы, и я не позволила бы себе напомнить Вам вновь об этом деле, если бы не ухудшение здоровья Елены Солонович.³⁶ Дело в том, что, по полученным сведениям, здоровье Ел. Солонович, которая до сих пор, несмотря на туберкулез (активная, 2-я стадия), все же старалась оставаться бодрой и не падать духом, резко изменилось к худшему. У нее развилась острая неврастения - все чаще и чаще бывают припадки меланхолии. Родители получали обычно от нее письма "успокоительного" характера, так как она старательно скрывала от них все свои недуги, чтобы не причинять им еще новых волнений. И то, что теперь она решилась написать им правду, показывает, что ее болезнь достигла уже таких подавляющих размеров, которые могут ее сразить совершенно. Любопытная, общительная, жизнерадостная девочка, зная которую немислимо представить себе ее иначе как занятую работой или учебой, сидит теперь по целым дням на одном месте, уставив глаза в одну точку, потеряв всякий интерес к окружающему. Об этой же перемене в ней свидетельствуют письма ее товарищей. Вы можете себе представить, как потрясающе действуют эти известия и на ее родителей, тоже совершенно больных. У Изр. Абр. Солоновича болезнь сердца и общий упадок сил на почве переутомления вследствие той непосильной работы, которую он несет, чтобы иметь возможность послать деньги на содержание дочери, днем он занят служебной работой, а вечером - литературно-научной. У жены его - острое

малокровие. В ближайшие дни ей предстоит операция переливания крови. Оба они относятся с особой нежностью и любовью к своей единственной дочери и поэтому сугубо болезненно переживают и ее невзгоды и разлуку с ней.

В заключение моего письма хочу еще напомнить Вам (хотя полагаю, что Вы и сами, наверное, осведомлены об этом), что предстоящая навигация кончается в тех местах к концу июня, и что во время распутицы уже будет трудно вырваться оттуда.

Очень, очень Вас прошу, многоуважаемый Давид Борисович, если есть хоть малейшая возможность, приблизить срок ее освобождения, порадовать нас известием об этом как можно скорее. И не сердитесь на меня, пожалуйста, за то, что я утомила Вас таким длинным письмом.

Искренне уважающая Вас Р. Тугендхольд-Шиновская

(ЦА ФСБ, N P-37 181, т.6, л. 81-82. Автограф).

70

К.А. Губонина – Д.Б. Рязанову³⁷

Ленинград, 12 мая 1928 г.

Прошу за своего сына Петра Алексеевича Губонина-Леоновича, который отбыл 3-летнее тюремное заключение в Верхне-Уральском политизоляторе и 25 марта с.г. был отправлен в изолятор специального назначения в г. Свердловске, где, пробыв больше месяца, получил назначение от ГПУ на поселение в г. Ирбит, где находилась его жена - Татьяна Васильевна Губонина-Леонович с 2-месячным ребенком. Пробыв в г. Ирбите с 29 апреля по 4 мая с.г. в пересыльной тюрьме, был выпущен на поселение, но 5 мая, явившись на очередную регистрацию в ГПУ, получил направление в район Табаринский в село Табари, куда он был отправлен 6 мая, не успев оправиться от перенесенной им в Свердловском изоляторе тяжелой болезни.

Обращая особое внимание на то, что у жены моего сына имеется 2-месячный ребенок, что делает почти невозможным ходатайствовать о направлении ее к мужу и что это же обстоятельство особенно ухудшает ее одинокое положение в Ирбите, прошу Вашего ходатайства о том, чтобы сын мой, Петр Алексеевич Губонин-Леонович, был возвращен из с. Табары на поселение в Ирбит.

г. Ленинград 8 Советская, д.58, кв.4. Клавдия Афанасьевна Губонина

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.6, л.80. Автограф).

Л.Д. Троцкий – Д.Б. Рязанову

Директору Института Маркса-Энгельса

Алма-Ата, середина мая 1928 г.

Дорогой Давид Борисович!

Работа над первым томом Маркса-Энгельса вызвала у меня ряд вопросов, из них один - коренной³⁸. О нем прежде всего и хочу написать.

Первоначально я предполагал не справляться с немецким текстом и даже упустил из виду, что у меня есть здесь, с собою, первый том на немецком языке. Приступив к работе, я, однако, невольно стал заглядывать в немецкий текст. Мой вывод таков: перевод выше средних советских переводов, но все же имеет крайне приближенный характер. Та точность, которой можно и должно было достигнуть, не достигнута, причем в некоторых случаях трудно даже понять, почему перевод заменен пересказом, грамотным, добросовестным, но все же пересказом. Для образца посылаю Вам свой перевод посвящения и начала предисловия к марксовой диссертации. Я не переводил, а лишь исправлял печатный перевод по немецкому тексту, то есть делал минимум необходимых, на мой взгляд, изменений. Каждое из внесенных мною изменений я берусь обосновать, если они потребуют обоснования...

Как быть, однако, дальше? Вам, конечно, совершенно ясно, что выправлять перевод дальше таким образом означало бы проделать всю работу заново. Может быть, впрочем, другие переводы точнее, я не пошел пока дальше диссертации и нарочно послал Вам самое начало, чтобы не быть заподозренным в преднамеренном выборе какого-либо неудачного места. Если отложить немецкий оригинал в сторону и заниматься только стилистической правкой, то боюсь, что при указанных выше свойствах перевода, то есть его **приблизительности**, чисто литературная редакция может ненароком еще дальше сдвинуть перевод в сторону от оригинала.

Таково мое коренное затруднение. Я готов принять любое решение Института, то есть и коренную правку по оригиналу и поверхностную стилистическую правку. Работа первого типа потребует, примерно говоря, в 20 раз больше времени, чем работа второго типа. Сообщите мне решение. Я внимательно прочел оба предисловия³⁹. Считаю необходимым обратить Ваше внимание на два, чисто технических вопроса.

Во-первых, вопрос о кавычках, о тех гусиных лапках, которые так не любил покойный Меринг. В тексте предисловия часто встреча-

ются кавычки в кавычках, во всех таких случаях первая или вторая половины внутренних кавычек отпадает и поэтому трудно бывает решить, где начинаются и где кончаются цитируемые слова. Я считаю, что для такого издания, где требуется высшая точность, необходимы две пары кавычек, вертикальные и горизонтальные, как это иногда делается в иностранных изданиях.

Второе. Красные строки в предисловиях размещены в некоторых местах довольно произвольно, что разбивает при чтении мысль, да и не эстетично.

Все это я у себя в книге отметил карандашом в тексте или на полях, равно как и опечатки и описи. Может быть, разрезать просто книгу на части и посылать Вам эти части по мере проработки мною текста? Если Вы сколько-нибудь заинтересованы в ускоренном получении моей работы отдельными "выпусками", то я готов пойти на такое варварство по отношению к прекрасно напечатанному и переплетенному тому. Жду указаний и на этот счет.

Я писал Вам, что перевод Ходскина мог бы прислать через месяц-полтора. В случае необходимости я могу сократить этот срок очень значительно. Так как письма идут очень медленно, то Вы, может быть, сочтете целесообразным ответить письмом-телеграммой (70 слов стоит 3 рубля). Я буду ждать Вашего решения также и относительно Карла Фогта⁴⁰.

(Троцкий Л. Дневники и письма. Под редакцией Ю.Г. Фельштинского. Предисловие А.А. Авторханова, М., 1994, с. 31-34).

72

Б.И. Николаевский – Д.Б. Рязанову

Берлин, 27 июня 1928 г.

Многоуважаемый Давид Борисович!

Обращаюсь к Вам по следующему частному, хотя и не моему личному делу, так как Вы проявили к нему интерес. Только что я получил письмо от Нины Галли, которая сообщает, что она вот уже восемь месяцев не имеет никаких вестей от своей сестры, беспокоится и надеется, что это молчание объясняется почтовыми условиями, и просит меня навести справку. Сам Галли - старик сейчас болен - перенес грипп, и дочь опасается осложнений - по-видимому, болезнь эта усиливает беспокойство. Я очень просил бы Вас, если Вы что-либо о Е.К. Галли знаете, сообщите мне возможно скорее, чтобы я мог хотя бы несколькими словами успокоить ее родных. Если Е.К. захочет что-нибудь сообщить отцу и сестре, я, конечно, охотно передам им, но

общее известие об ее здоровье я просил бы сообщить поскорее - по тому письму видно, что старик сильно волнуется.

С искренним уважением Бор. Николаевский.

(ЦА ФСБ, N P- 37 181, т.5, л.1. Машинопись).

73

Р. Тугендхольд-Шиновская – Д.Б. Рязанову

Москва, 25 июля 1928 г.

Многоуважаемый Давид Борисович!

Очень прошу извинить меня за то, что опять беспокою Вас. Но я так встревожена новой неожиданной задержкой, которая наступила в нашем деле, то есть тем обстоятельством, что у Вас на этой неделе приема не будет, и вскоре может последовать Ваш отъезд в отпуск, что не могу не напомнить Вам об этом. Вы ведь обнадежили нас, многоуважаемый Давид Борисович, благополучным и скорым исходом нашего дела: моему двоюродному брату Виктору Соломоновичу, уехавшему в отпуск месяц тому назад, Вы сказали, что благоприятное решение дела является вопросом двух-трех дней, и мне, когда я у Вас была, вскоре после отъезда, Вы повторили те же слова. В последние дни я стала опять получать письма, полные тревоги, от него. Там, где находится его дочь, сейчас наводнение реки Обь, в связи с этим, конечно, сильно уменьшился подвоз съестных припасов, то есть еще к худшему изменились условия ее местопребывания, кроме того, ввиду наступающего прекращения навигации, с каждым днем ей будет все труднее и труднее вырваться оттуда. К несчастью, еще жена И. Солоновича сломала себе руку, что является сейчас особенно прискорбным фактом, так как вряд ли в том состоянии вечного страха и волнений за дочь, в котором она теперь находится, можно надеяться на ее быстрое выздоровление.

Очень прошу Вас, многоуважаемый Давид Борисович, сделать все, что только возможно, чтобы довести это дело до конца - так, как Вы нам обещали, то есть в ближайшие дни. Очень прошу Вас также не сердиться на меня за то, что я, зная, как Вы заняты вообще, сейчас в особенности, все же позволяю себе обращаться к Вам и обременять Вас моей настойчивой просьбой способствовать скорейшему освобождению моей девочки.

Искренне уважающая Вас Р. Тугендхольд-Шиновская

(ЦА ФСБ, N P-37 181, т.6, л.83-84).

Б.И. Николаевский – Д.Б.Рязанову

Берлин, 4 октября 1928 г.

Многоуважаемый Давид Борисович!

При моем аресте в феврале 1921 г. у меня из квартиры во время обыска, произведенного в моем отсутствии, забрали целый тюк различных рукописей и материалов, имевших отношение к моим историческим занятиям. Я о них переговорил с зам. председателя ВЧК г. Менжинским, помощницей начальника секр. оперативного отдела ГПУ гражданкой Андреевой и др. и получил категорические обещания вернуть мне эти материалы. Но дело затянулось - главным образом из-за отсутствия тов. Андреевой, у которой находилось мое дело, а затем внезапный выезд не дал мне возможности настоять на выдаче рукописей до моего отъезда. Мне удалось только получить обещание гражданки Андреевой выдать эти рукописи моему брату. Со времени этого последнего обещания прошло 1 1/2 года, а добиться получения рукописей до сих пор не удалось. Так как некоторые представляют значительную научную ценность, то пропаша их была бы не только моей личной бедой. Поэтому я обращаюсь к Вам с просьбой: не возьмете ли Вы на себя труд получить эти рукописи из ГПУ. Я понимаю, что мне трудно рассчитывать теперь на то, что мне было обещано 1,5 года назад, - на возвращение их мне лично, поэтому я согласен на передачу их в распоряжение руководимого Вами ученого учреждения Института К.Маркса для нового кабинета.

*В число отобранных у меня материалов, кроме моих дел, моих работ, копий и выписок из дел Киевское (на карточ.), декабриста Луцкого, писем Сперанского имеется оригинал воспоминаний Бородея и (...) *ва о группе благоевцев, написанные по моей просьбе, и дневник о поездке делегации Иркутского политического Центра в январе 1920 г. в Томск для переговоров с Сибирской властью, протокол съезда восставших крестьян в с.Анух в 1919 г.(Сибирь) и др.⁴¹.*

Буду очень Вам благодарен, если Вы сможете забрать эти материалы.

Уважающий Вас Бор. Николаевский

(ЦА ФСБ, N P-37 181, т.5, л.28. Автограф).

⁴¹Текст поврежден - Я.Р., Р.М.

75

Г. Солонович – Д.Б. Рязанову

Москва, после октября 1928 г.

Глубокоуважаемый Давид Борисович!

Один раз Вы уже оказали мне незабываемую услугу, простите великодушно смелость, с которою я обращаюсь к Вам вторично. Дочь моя, Елена Генриховна Солонович, арестованная 28. V 1926 г. за принадлежность анархистам, в настоящее время находится в Воронеже и через 8 месяцев кончается срок минуса. Я не посмел бы беспокоить Вас просьбою о скорейшем восстановлении ее в правах, если бы состояние ее здоровья (туберкулез) за последнее время значительно не ухудшилось.

Очень прошу Вас не отказывать в Вашей помощи и на этот раз, чтобы дать моей дочери возможность находиться в Москве под наблюдением отца врача.

С истинным уважением

Г. Солонович.

(ЦА ФСБ, N P-37 181, т. 6, л. 94. Автограф).

76

С.Я. Лурье – Д.Б. Рязанову

Ленинград, ноябрь, 1928 г.

Глубокоуважаемый Давид Борисович,

Позволю себе обратиться к Вам - на этот раз не по личному делу, а по делу большого общественного значения, о котором Вы, конечно, слышали, по делу о моем университетском учителе академике Жебелеве. Я оставляю в стороне вопрос об участии в сборнике, издаваемом на средства эмигрантов-монархистов⁴², здесь двух мнений быть не может, но в этом поступке повинны, кроме Жебелева, еще 10 русских ученых (в том числе 2 академика), большая часть которых значительно лучше разбирается в политических вопросах, чем Жебелев, настоящий младенец во всем, не касающемся его науки. Следовало бы ожидать, что всех участников сборника постигнет одинаковая кара, однако ввиду того, что Жебелев имеет целый ряд зложелателей, беспринципных подлецов, всегда готовых ловить рыбу в мутной воде, все прочие участники сборника почему-то оставлены со-

вершенно в стороне, а Жебелев превращен в козла отпущения⁴³. Дело в том, что те, которые так возмущаются статьей Жебелева, самой статьи, имеющейся в библиотеках Ленинграда только в одном экземпляре, не читали, а если бы прочли, то сразу же увидели, что Жебелев, называя себя и Ростовцева⁴⁴ "друзьями и соратниками" покойного Я.И. Смирнова, конечно, имеет в виду не политические группировки нашего времени, а чисто академические группировки того времени, когда Я.И. Смирнов был еще жив. Точно также очень неудачно средактированное (Жебелев вообще имеет склонность к пышным архаизмам!) замечание о том, что некролог Смирнова не мог быть в свое время напечатан, "так как началось лихолетье", несомненно имеет в виду те тяжелые годы разрухи, когда печатание научных статей было действительно затруднено, а не советский строй вообще. Когда дело Жебелева разбиралось в секции научных работников, академик Ольденбург указал на необходимость, не довольствуясь сообщениями третьих лиц, зачитать самую статью и заслушать объяснения Жебелева.

Секция не посчиталась, однако, с этим предложением. В президиум Академии наук Жебелев представил письменное объяснение, и оно было признано удовлетворительным.

Я, разумеется, не берусь утверждать, что Жебелев стоит на коммунистической платформе - этого он и сам никогда не утверждал. Но Жебелев исключительно прямой и искренний человек, никогда не покрививший душой: **он искренне принял советский строй**, сделал для себя необходимые выводы, - недаром он с начала революции все время занимает ответственные административные посты, работает в тесном контакте с представителями власти. Еще в 1916 г., когда так называемые "академические круги" (в том числе лица, которые теперь травят Жебелева) порвали со мной за прочтение пацифистского доклада, напечатанного в "Летописи", и оскорбившего их патриотические чувства, Жебелев был единственным человеком в этой среде, открыто выражавшим свое сочувствие. За прямоту и наклонность к компромиссам упомянутая уже компания (в глубине души, наверно, только и мечтающая о том времени, когда можно будет вспарывать животы жидам и вешать на фонарных столбах коммунистов, а пока пресмыкающаяся перед каждым, кто держит палку в руках) постоянно и упорно травит Жебелева. Во время Кронштадтского восстания эти же люди шептали на всех углах, Жебелев "продался большевикам"; они указывали на то, что Жебелев был председателем домкома, **он находился в тесном сотрудничестве с коммунистом - комиссаром Эрмитажа и с коммунистом же заведующим музейным делом Ятмановым** (с которым Жебелев сохранил до сих пор дружеские отношения, что он вместе с Н.Я. Марром ездил на съезд по реформе высшей школы в Москву), который "порядочные люди" бойкотировали, и т.д. Все это действительно

правда, и показывает, как нелепо обвинение Жебелева в контрреволюции. Когда кронштадтская авантюра сорвалась, эти же люди выдвинули против Жебелева дикое обвинение в плагиате. Блестящий 35-летний юбилейный праздник, на котором были представлены как государственные учреждения, так и все видные специалисты СССР, равно как избрание Жебелева академиком, положили конец этим инсинуациям. После этой неудачи теплой компании затаявшихся черносотенцев не осталось ничего другого, как искать статью Жебелева и выдвинуть против него обвинения в контрреволюции!

С.А. Жебелев лишился уже всех своих должностей, теперь, как мне сообщают из академических кругов, центр оказывает на Академию давление в сторону применения 22-й статьи, т.е. исключения Жебелева из Академии. Дело не только в том, что старый заслуженный ученый с европейским именем остается без хлеба, **такое исключение несомненно вредно отразится на интересах науки в СССР**, так как вхождение Жебелева в Академию открыло его товарищам по специальности невиданные до сих пор возможности работы и печатания в академических изданиях (Жебелев прекрасный организатор), точно также и обновление академической библиотеки по специальности стало из случайного строго систематическим и научным. А ведь советская власть всегда ставит интересы дела на передний план, так напр., правительство справедливо не реагирует на некоторые выступления Павлова, прекрасно понимая, ввиду его огромных научных заслуг в интересах государства выгодно закрывать глаза на его чудачества и непримиримость.

Мы все прекрасно помним, Давид Борисович, сколько невинных людей было в тяжелое переходное время спасено от верной смерти благодаря Вашему заступничеству. Поэтому я и решаю обратиться к Вам от имени не только своего, но и ряда своих товарищей по делу (которые все ценят Жебелева, возмущены травлей против него, но, боясь за свои места, не решаются поднять голос за него) с просьбой сделать все, что будет в Ваших силах, в направлении, чтобы высшие органы власти перестали рассматривать дальнейшее пребывание Жебелева в Академии как признак непоплярности высшего научного учреждения страны к советской власти, так как в случае дальнейших настояний из центра Академия будет вынуждена исключить С.А. Жебелева из своего состава⁴⁵.

С искренним приветом заранее благодарный Вам

С. Лурье

Ленинград, Пр.К. Либкнехта, 10, кв. 40

(ЦА ФСБ, N P-37 181, т. 6, л. 121-125. Автограф).

Е. Солнцев – Д.Б. Рязанову

Москва, 16 декабря 1928 г.

Уважаемый Давид Борисович!

Мне сообщили, что среди прочих грехов, в которых Вы повинны, фигурирует и "снабжение троцкистов квартирами", и что поэтому я должен освободить комнату.

Эти молодцы, ведущие счет Вашим грехам, по меньшей мере не-последовательны: если нельзя давать определенным людям квартиры, то тем более нельзя давать им работать.

По-существу, конечно, в данном случае уйти из комнаты и означает уйти из ИМЭ, или даже уехать из Москвы, потому что мне придется искать либо другую работу, где мне дадут квартиру, либо переезжать в другой город. В связи с этим я хотел бы поднять и более общий вопрос: если наличие мое и мне подобных в ИМЭ помогает травле против Вас, если Вы считаете, что настоящий момент недостаточно подходящий для того, чтобы Вы могли в категоричной форме поставить вопрос об изъятии банды, разлагающей Институт, то я прошу Вас считать себя связанным в отношении меня тем, что я получил работу по Вашему приглашению. Я не ребенок, и великолепно отдавал себе отчет в том, что, скажем, лишение квартиры или работы будут лишь одной из многих неприятностей, связанных с моей позицией.

Как бы в данном случае ни ставился вопрос, я во всяком случае прошу Вас, учитывая мое положение, во-время и по-товарищески предупредить меня, чтобы я мог подготовиться.

С ком. приветом

*Е. Солнцев*⁴⁶

(ЦА ФСБ, NP - 37 181, т. 6, л. 100. Автограф).

Лазарева – Д.Б. Рязанову

Москва, конец 1928 г.

Заявление.

Борис Васильевич Лазарев арестован 10 июня 1927 г. (накануне похорон тов. Войкова). Препровожден прямо в Бутырскую тюрьму, от-

туда послал заявление тов.Катаньяну, но ответ не получил. Вызван на допрос 1 раз и по постановлению коллегии ОГПУ от 1 июля 1927 г. по делу N 46304 был приговорен к ссылке в Сибирь сроком на три года (срок отбытия наказания с 9/VI.27).

Я хлопотала через 1/2 года и добилась "минус 6" по постановлению особого совещания коллегии ОГПУ (5 апреля 1938 г.) Через 7 месяцев после этого постановления муж подал заявление в Красный Крест (Михаил Львович Винавер) с просьбой пересмотреть дело на предмет полной реабилитации и был ответ: "пока отложить, а месяца через 3-4". По возвращению из плена в январе 1919 г.(был взят в плен раненым в Танненбергском бою) муж вскоре был призван в Красную армию, где прослужил до 1922 г., затем уволен в долгосрочный отпуск. По рекомендации В.С. Коробкова устроился служить во Внешторгбанк, где и прослужил до момента ареста. Имею две справки: 1) от администрации банка и 2) от местного банка, в которых мой муж прекрасно аттестован.⁴⁷

(ЦА ФСБ, N P -37 181, т.6, л. 147. Автограф).

79

Л.Г. Туманов – Д.Б. Рязанову

Москва, начало 1929 г.

Глубокоуважаемый Давид Борисович!

Прошу, если это возможно, принять меня на 5 минут по срочному делу моего брата Михаила Туманова. Я бросил в Тифлисе службу и приехал в Москву специально похлопотать по делу, в котором Вы приняли несколько месяцев тому назад такое горячее участие.

Сейчас мы просим ЦИК СССР заменить концлагерь (5 лет) тюремным заключением в Тифлисе. Мотивы - крайне тяжелое состояние здоровья (туберкулез костей в прошлом, общий крайний упадок сил, необходимость поддерживать жизнь солнечным лечением, невозможным на Севере).

В Тифлисе ГПУ возражает. Поэтому все надежды возлагаются на Москву. Ссылка на Север совершенно погубит человека, который может быть еще полезен. Этап в Соловки отправляется на днях, поэтому необходимо срочное распоряжение.

Убедительная просьба Вам принять все меры, какие Вы найдете необходимыми, и в частности поговорить с т. Енукидзе или попросить его принять меня. Енукидзе знает это дело, знает общественную работу многих членов нашей семьи (моего отца - Г.М.Туманова, его сестры - известной грузинской писательницы - А.М.Церетели) и

надеюсь не откажет в нашей просьбе, если, конечно, будет оказана Вами гуманная поддержка к окончательному спасению жизни моего брата.

Леон Туманов⁴⁸

(ЦА ФСБ, N P-37181, т.8, л.133. Автограф).

80

А.И. Щадилов – Д.Б. Рязанову

Соловки, 20 января 1929 г.

Уважаемый Давид Борисович.

Зная лично Вас по началу революции в Ленинграде (по Вашему и моему пребыванию во ВЦИКе первого созыва, экономическом совете в 17 г. и др. организациях), я решаюсь Вам, как авторитету современной марксистской мысли, написать настоящее письмо, которое, быть может, несколько выяснит то недоразумение, благодаря которому я заключен на 5 лет в Соловецкий концлагерь и быть может при Вашем содействии коллегия ОГПУ согласилась бы на пересмотр заключения в лагере.

Вероятно Вам уже известно то, что на Украине 5 марта 28 г. было арестовано 12 агрономов, в числе которых был Ваш покорный слуга, этим агрономам было предъявлено обвинение по статье 58 п.11. Статья эта обвиняет за участие в антисоветской организации. Конечно ни фактически, ни по ходу следствия я не мог заключить, что эти агрономы составили группу или организацию, а тем более политическую, к тому же многие познакомились между собой только в стенах арестного дома. Предположение же свое следственные органы построили на том, что, работая в свекловичной кооперации 24 - 26 года мне и некоторым другим агрономам приходилось с чисто технической и производственно-рациональной точки зрения вначале отстаивать на кооперативных съездах и совещаниях необходимость свеклосоюзов против универсальных с.-х.союзов, отстаиваемых официальной точкой зрения, а позже отстаивать районы действия союзов не на административные округа, а производственные районы. Так как мои выступления совершенно случайно были одинаковые с выступлениями других агрономов, то это было квалифицировано как выступления организованные и направленные против политики советской власти. К этому было присоединено еще несколько неизвестных мне моментов, совершенно противоположных моему мышлению, как например, желание увеличивать цену на свеклу в интересах кулака, децентрализовать сах. промышленность и т.п. По существу настоящего обвинения в участии в организации не было впо-

следствии предъявлено ни одного конкретного факта, ибо не могло быть, поскольку самой организации не было, а факт выступления за существование свекловичной кооперации с производственными районами, а не административными вряд ли можно квалифицировать как преступление, караемое концлагерем. Предполагая на совещаниях организацию союзов с производственными районами, я имел в виду целесообразность существования их в РСФСР, где организаторы гордятся их мощностью, не считая, что сделали преступление.

Исходной моей точкой зрения по настоящему практическому вопросу было то, что я на Украине в 1924 г. (быть может, годом раньше) ставил вопрос о ближайшей быстрой перспективе развития крестьянского хозяйства в товарном направлении как формы, удобной в условиях натурального хозяйства. Исключительно как агроном специалист на основании марксистских научных данных, я считал своей обязанностью рисовать эту перспективу и рекомендовать создавать такие организационные условия для крестьянского хозяйства, при которых бы оно быстрее отходило от своих натуральных форм к товарным, считая совершенно искренне, что с точки зрения развития социалистического хозяйства она была не вредна, а верна.

Это был единственный вопрос, в котором я, очевидно, проявил излишнюю горячность, выступая против в то время существовавшей официальной линии Украинской с.-х. кооперации, но абсолютно никакими контрреволюционными замыслами я не руководствовался и совершенно ни с кем никакой согласованности не имел. Хотя вокруг этого вопроса велось следствие, я думаю, что не могло же из-за него быть такого сурового наказания. Что касается моего общеполитического мировоззрения, то если бы я имел какие либо расхождения программно или перспективного порядка с руководящей коммунистической партией, мне бы легче было писать об этом. Я их просто изложил бы и успокоился на том, что я имею пять лет концлагеря и смирился с этим положением. Но анализируя настоящую мою идеологию, я не нахожу того момента, на котором должен остановиться и изложить его как расхождение, и поэтому свое пребывание в числе будто бы противников советской системы я считал только недоразумением, которое необходимо разъяснить.

В прошлом еще со студенческой скамьи с 1915 г. я примкнул к с.-р. и оставался в этой партии до 1920 г. Но Вам, как ученому марксисту, лучше, чем кому-либо другому известно, что народническая идеология лишена глубокого научного обоснования и архаична, и если имеет кое-где своих сторонников, то только лишь в силу их малой культурности и примитивности и в силу своего классового буржуазного определения и его защиты. Потому как скоро я углубил свое общеполитическое миропонимание, я в начале 1920 г. решительно, не только формально, но и глубоко идеологически порвал с с.-р. и воспринял революционно-марксистскую точку зрения. Поскольку же это про-

изошло органически научно обоснованно, я, таким образом, остаюсь и здесь, в концлагере, верен этой точке зрения, хотя очевидно "постаринке" кое-где квалифицирован иначе.

В 1920 г., порвав с эсеровщиной, я не остался обывателем, а стал в ряды большевиков, как беспартийный, и, поскольку на Украине происходила гражданская война, я вместе с ними вел активную борьбу с поляками, а позже в советских и общественных организациях на выборной ответственной работе. За это время советской работы мною издано более 20 печатных трудов по агротехническим вопросам и не одна сотня статей, из которых видна моя идеология и в которых я неоднократно четко писал за пролетарскую диктатуру против всяких непролетарских групп и организаций.

В последнее время был привлечен к участию Украинского Института марксизма по аграрной кафедре.

Излагая Вам все это, я имею в виду только одно желание - не остаться в стороне в эту историческую эпоху от социалистического строительства. Если до революции все наши стремления были к этому строительству, если в нечеловеческих условиях в первые годы революции каждый из нас в рамках своего места и знания начинал это строительство, то Вы согласитесь, как тяжело быть в стороне сейчас от этого.

Вот почему я прошу Вашего содействия к пересмотру моего заключения и тем вернуть мне возможность работать в своей агрономической специальности.

Остаюсь с уважением к Вам

Ал. Щадилов⁴⁹

(ЦА ФСБ, N P-37 181, т. 7, л. 7-8. Автограф).

81

Справка о А.М. Шайневиче

Тамбов, 26 января 1929 г.

Гр. Шайневич Андрей Мартынович, 20 лет, страдает туберкулезом легких, реактивным психоневрозом, ухудшившимся в последнее время в связи с переживаниями и оторванности от обычной среды. Для устранения дальнейшего ухудшения состояния здоровья и развития более серьезного заболевания необходимо изменить существующую сейчас обстановку и дать возможность продолжать свои занятия в обычной для него обстановке.

Комиссия: Лебедев Поспелов И. Добровская

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.7, л.6. Машинопись на бланке городской амбулатории Тамбовского облздравотдела. Подписи - автограф)

82

М.Н.Ионова – Д.Б. Рязанову

*Члену Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета Давиду Борисовичу Рязанову*

Ленинград, 1 февраля 1929 г.

*Прошение вдовы народовольца В.И. Ионова
Марии Николаевны Ионовой⁵⁰*

10 апреля 24 года была арестована дочь моя Людмила 19 лет и сослана в Соловки. Там она пробыла год, после чего была переправлена в тюрьму в г. Верхне-Уральск, где пробыла два года. По истечении тюремного срока, отправлена на поселение в мае месяце 27 года в Нарымский край, Томского округа в село Колпаково.

Еще в Соловках дочь моя Людмила вышла замуж за одного из заключенных и в настоящее время он проживает вместе с ней в селе Колпаково, где у них родился ребенок. Срок отбытия мужа ее, товарища Высоцкого, кончается в мае месяце этого года, тогда как срок отбытия моей дочери только лишь в 30 году.

Принимая во внимание молодые годы дочери, ее болезненное состояние, революционные заслуги ее отца, бывшего народовольца В.М. Ионова, мой преклонный возраст, прошу Вас не отказывать мне в моей просьбе и ходатайствовать перед ВЦИК о разрешении выехать ей из Нарымского края вместе с ее мужем, тем более, что здоровье дочери ухудшается с каждым днем.

Лично я давно больна туберкулезом и страдаю сердечными припадками, тем не менее, несмотря на мои 65 лет и болезни, приходится служить, так как пенсии, которую я получаю, не хватает, сыновья мои умерли и на моем иждивении находится еще младшая дочь Ольга 17 лет. Чувствую приближение смерти, и потому прошу убедительно хлопотать о помиловании дочери.

Мария Ионова

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 7, с. 11 - 12. Автограф).

83

Выписка из протокола N 97 Президиума ВЦИК

Москва, 25 февраля 1929 г.⁵¹

Слушали: 42. Ходатайство гр-на Урусова Сергея Дмитриевича, проживающего в Москве, о восстановлении в правах, утраченных в силу п. "д" ст. 69 Конституции РСФСР.

Постановили: Гр-ну Урусову С.Д. предоставить права, утраченные им по п. "д" ст. 69 Конституции РСФСР.

Секретарь ВЦИК А. Киселев

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т. 8, л. 162. Машинопись)

84

Н. Лищино-Шатеевская – Д.Б. Рязанову

Москва, 15 марта 1929 г

Глубокоуважаемый Давид Борисович.

Согласно Вашему желанию я посылаю Вам написанное мною на прошение заявление в коллегия ОГПУ, где я прошу, ввиду серьезного психического заболевания моего сына, дать ему отпуск для лечения в срочном порядке. Я была бы бесконечно благодарна Вам, если бы Вы поддержали меня в моей просьбе.

*Н. Лищино-Шатеевская
Плющиха, д. 30, кв. 14*

(ЦА ФСБ, NP-37 181, т. 6, л. 67. Автограф).

85

Е.А. Преображенский – Д.Б. Рязанову

Казань, 27 марта 1929 г.

Дорогой Давид Борисович!

Я был чрезвычайно опечален известием о Вашем нездоровии. Я давно уже хотел Вам сказать, что Ваш темперамент в делах означает очень неравномерное давление на сосудистую систему и в этом смысле подлежит регулированию. Вам пора перейти на систему бестемпераментности в работе или хотя бы приблизиться к этому. Пока же надо бы запретить Вам на полгода какую бы то ни было работу, кроме чтения каталогов. Не случайно, что все это произошло во время академической суеты. Кстати. Один товарищ передавал мне, что Вы якобы спасаете стойко академические колоссы от марксизма, на я заметил, "неясно, он, очевидно, спасает марксизм от Покровского, а Вы смешиваете две эти вещи"⁵².

Глубоко желаю Вам скорейшего восстановления и очень надеюсь на то, что Анна Львовна пропишет Вам настоящий режим. Привет Анне Львовне.

Крепко жму Вашу руку.

Е. Преображенский

(ЦА ФСБ, NP - 37 181, т. 3. Автограф).

86

Г. Григоров – Д.Б. Рязанову

Саратов, 30 марта 1929 г.

Тов. Рязанов!

В ссылке сейчас около **5000** оппозиционеров. Это не мистическая, а реальная цифра. Кроме того много сидят по изоляторам во внутр. ГПУ. В одном Тобольском изоляторе сидят около 200 чел. До сих пор ссылкой выплачивали по 30 рублей в месяц, а с 1 марта всю ссылку переводят на 15 руб. Это даст экономии 60 000 000 бюджету Г.П.У. в 1 000 000 рублей. По-видимому, эти 1 000 000 рублей пойдут на индустриализацию ... аппарата Г.П.У., особенно тех его оперативных частей, которые заняты слежкой за оппозицией. По-моему, весь гениальный план "мастера революции"⁵³ по режиму экономии свелся именно к такому мероприятию. Я пишу это **Вам** потому, что Вы являетесь сейчас хранителем **объективных** материалов революционной истории. Тот факт, что 5000 большевиков обречены на голод, представляет большую ценность для историка, чем сплетни об интимной связи Теофила Леконт и Клер Лаконт, распространявшиеся в эпоху Конвенты (из Матьеза "Борьба с дороговизной...")⁵⁴. На клеветнические антимарксистские статьи Ярославского против Троцкого, ни 15 руб., ни угрозы Г.П.У. не могут нас заставить отказаться от наших взглядов. Наша оппозиция в ссылке чувствует сейчас свою правду еще в большей мере, чем когда-либо. Тот, кто "сдрейфит" перед 15 руб., тому грош цена в базарный день. Примите мои лучшие пожелания, дорогой тов. Рязанов.

Ваш Г. Григоров
30.III.1929 г.

Вл. Мих. Смирнова и меня из Тобольска перевели в село Суерское Тюменский окр. Тобольск. ссылную колонию всю разогнали по селам. Это потому, что в Тоб. изолятор сейчас гонят оппозиционеров со всех городов.

Г. Григоров

(ЦА ФСБ, NP- 37 181, т. 5, л. 19 - 20. Автограф).

С. М. Красный – Д.Б. Рязанову⁵⁵

Старый Крым, 2 апреля 1929 г.

Дорогой Давид Борисович!

Я напрасно тешил себя надеждой увидеть Вас и поблагодарить за Вашу помощь и заботы обо мне. К сожалению, меня с вокзала в город не пустили. Видно я, еле передвигающий ноги, все еще представляю большую угрозу спокойствию и благополучию Москвы. Разрешите поэтому, хотя и с огромным опозданием, выразить Вам свою глубочайшую признательность. Надеюсь, что мне более не придется досаждать Вам своими мелкими просьбами.

В данный момент нахожусь в Старом Крыму, что в 23 верстах от Феодосии. Предпочел его Судак по двум причинам.

Во-первых, в момент моего прибытия Старый Крым являлся легочным курортом летом и осенью, Судак - как когда.

Во-вторых, в момент моего прибытия проехать в Судак кроме как на утлой линейке по заваленной снегом дороге нельзя было, в Старом Крыму же нас увезли на машине. Пока еще не работаю. Лечусь, жду, надеюсь.

С коммунистическим приветом

Ваш С. Красный.

Привет товарищам

Мой адрес:

Ст. Крым, Крымская АССР, улица Либкнехта д. 14.

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 6, л. 69. Автограф).

В. Мдинарадзе – Д.Б. Рязанову

Актюбинск, 8 апреля 1929 г.

Многоуважаемый Давид Борисович!

Зная Вашу отзывчивость по отношению к товарищам, нуждающимся в помощи, я, несмотря на то, что лично не знаком с вами, решаюсь обратиться к Вам с просьбой. Дело в том, что безработица в условиях Казахской ссылки, в которой я нахожусь за принадлежность к оппозиции, вынуждает меня искать какой-либо литератур-

ной работы, как единственного средства к существованию. В этом именно отношении я и надеюсь, что Вы мне окажете некоторую помощь. Работа, которую я мог бы выполнять в этой области, выражается прежде всего в переводах с немецкого языка, которым я давно уже владею и пользуюсь с научными целями. То обстоятельство, что в качестве аспиранта Института философии РАНИОН⁵⁶ мне приходилось преимущественно пользоваться немецкой литературой по общественным наукам, является некоторой гарантией того, что переводы из этой области ни в смысле терминологии, ни в смысле точной передачи содержания не могут представлять для меня каких-либо затруднений. Считая работу по переводам наиболее желательной, я, однако, с готовностью взялся бы и за другую литературную работу, какую только возможно будет выполнить в Актюбинске, где, вообще говоря, условия для серьезной научной работы не имеются.

Если Вы найдете возможным решить этот вопрос в положительном смысле, то не откажите дать соответствующий материал для пересылки мне аспиранту РАНИОН т. Вашакмадзе И.А., который мною уже предупрежден и в ближайшее время обратится к Вам по этому делу.

Остается добавить, что из сотрудников Института Маркса и Энгельса меня знают гг. Деборин А.М. и Карев Н.А.

С искренним почтением и коммунистическим приветом

В. Мдинарадзе

г. Актюбинск, Илецкая, 9

P.S. Пусть Вас не удивит форма почтового отправления, избранная мною (ценное письмо). В наших условиях это один из немногих способов общения с внешним миром. Что же касается переводов, то их я буду высылать с оказиями, которые у нас не так уж редки.

В.М.

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 5, л. 18. Автограф).

А. Аренский – Д.Б. Рязанову

Воронеж, 11 апреля 1929 г.

Уважаемый Давид Борисович!

Пишу по просьбе Сергея Витальевича Мрачковского. Сперва несколько слов о нем. Арестованный в Воронеже 31/XII прошлого года С.В. был в начале февраля переведен из тюрьмы в хирургическую больницу, где находится под стражей до сего времени.

У него после месячного пребывания в сырой и грязной камере на ногах его старые неизлечимые раны, нажитые в боях за Уралом. Все-возможные заключения врачей профессуры о необходимости срочного перевода на юг ни к чему не приводят. Но все это я пишу между прочим и от себя и, как увидите, не в связи с основной просьбой.

Просьба моя заключается в том, чтобы Вы, если нет другой возможности, поддержали его книгами для чтения, так как таковых нет и не на что приобретать. Понятно, что речь идет лишь об изданиях ИМЭ и, по возможности других дуплетах других издателей, состоящих вне фондов института.

Пользуясь случаем, чтобы напомнить об аналогичной - моей просьбе в конце ноября, когда я был в Москве в связи с постигшим меня семейным несчастьем.

Примите, Давид Борисович, от Сергея Витальевича и от меня самый лучший - коммунистический привет.

А. Аренский⁵⁷

Адрес С.В. Петропавловская улица 1-й дом Ребенка

Мой адрес: Пер. Жилтранsstrоя 2 Д. кв.14.

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 7, л. 59-60. Автограф).

90

Н.Ф. Раевская – Д.Б. Рязанову

Москва, 11 апреля 1929 г.

Многоуважаемый Давид Борисович.

Я обращалась к Вам в течение этой зимы по делу об облегчении участи мужа моего Александра Александровича Раевского, уже более полусрока (4 1/2 года) находящегося в тюремном заключении в Бутырской тюрьме.⁵⁸ Дело его переслано из прокуратуры на пересмотр в ОГПУ в феврале сего года. Мое крайне трудное материальное положение и моральное состояние мое, как и моего мужа, заставляет меня беспокоить Вас еще раз с **просьбой о Вашем содействии в ускорении решения участи моего мужа.**

Я позволю себе вновь обратиться к Вам с подобной просьбой, зная Вашу доброту и отзывчивость.

Уважающая Вас

Н. Раевская

Москва Арбат, N5 кв. 10.

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 7, л. 61. Автограф).

Д.М. Петрушевский – Д.Б. Рязанову

Москва, 20 апреля 1929 г.

Уважаемый Давид Борисович!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой. В ночь на 18 апр. арестован сын моего друга ак. Ник. Викт. Насонова, Арсений Николаевич Насонов, молодой и талантливый русский историк, живущий с родителями на В.О. Тучкова набер. 2а, далекий от всякой политики и всецело погруженный в научную работу. Очень прошу Вас, хотя и знаю, что для Вас лишнее беспокойство является действительно лишним, приложить Вашу дружескую руку к этому делу, посодействовать разъяснению этого недоразумения, которое может жестоко сказаться на здоровье как самого А.Н.Насонова, так и его родителей.

Простите, что беспокою Вас, такое дело заставляет меня беспокоить Вас, злоупотреблять Вашей добротой. Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам

Д. Петрушевский

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 7, л. 43. Автограф).

С.Л. Тиунов – Д.Б. Рязанову

Москва, Вокзал, 25/IV-29 г.

Товарищ Рязанов.

Я, друг Мясникова Г.И., обращаюсь к Вам с коммунистической просьбой оказать материальное содействие семье Мясникова. Мясников перешел границу Персии и, по словам Ярославского, находится сейчас в Тегеране на положении интернированного правительством Персии. Его семья, находящаяся в г. Эривани, - 3-е малых детей и жена, приехали ко мне в Москву, но я оказался арестованным и теперь еду либо в "Политизолятор" (тюрьму), либо в ссылку. Поселившуюся было в моей комнате, принадлежащей учреждению, семью Мясникова теперь выселяют. Таким образом эта семья находится в безвыходно-бедственном положении. Прошу помочь устроиться Мясниковой с комнатой и с поступлением на работу (она бывшая коммунистка)⁵⁹. Я обращаюсь к Вам как редкому в наше время человеку, сохранившему марксистскую большевистскую совесть, и уверен, что

на безвыходное бедствие семьи хотя бы даже и "бывшего" с точки зрения Ярославских старого большевика - революционера Мясникова, на умирающих с голоду его детей, Вы не посмотрите, разумеется, цинично-спокойными глазами Ярославского, который даже был когда-то личным другом Г. Мясникова.

С рабочим коммунистическим приветом

С. Туунов

Р.С. Фамилия моя Вам ничего не говорит. Поэтому сообщаю: Я, Туунов С.Л., - бывший рабочий, член ВКП(б) с 1916 г., член ревкома в октябре 1917 г. в г. Самаре вместе с Куйбышевым и т.д., в 1923 г. арестован ОГПУ по делу "Рабочей группы РКП(б)", потом выслан из Москвы, через год по инициативе ЦКК восстановлен в членах ВКП, теперь, 14 янв. с/г, я снова арестован с рядом товарищей как "мясниковец", 3 1/2 месяца сидел в тюрьме, из них 2 1/2 месяца во внутренней тюрьме без газет, прогулок, свиданий и без книг, предъявлено обвинение в "руководстве контрреволюционной организацией, ставящей задачу подготовки вооруженного выступления против советской власти" и в редактировании печатных произведений этой организации, - статьи Уголовного Кодекса 58 -10 и 58 - 11. Но подготовка "вооруженного выступления" - ложь.

С.Т.

(ЦА ФСБ, N P-37 181, т. 5, л. 8. Автограф).

93

С.Д. Куниский - Д.Б. Рязанову

Москва, 5 мая 1929 г.

Многоуважаемый Давид Борисович!

К сожалению, я лишен возможности попрощаться с Вами перед моим отъездом, так как вынужден сегодня уехать. По поводу моей комнаты я полагаю следующее:

Если Вы хотите закрепить ее за ИМЭ, то необходимо немедленно же не позже вторника вселить в нее кого-нибудь из сотрудников ИМЭ. В противном случае она будет занята домоуправлением. "Промедление здесь смерти подобно". Простите, Давид Борисович, что беспокою Вас, но, как Вы сами понимаете, вопрос для меня чрезвычайно важен. Переговоры по этому вопросу и все необходимое Вы сможете передать через тов. Мильман (тел. 63-34)

С коммунистическим приветом

С. Куниский

Р. С. Давид Борисович! Передал в ОГПУ два заявления по поводу моего перевода в другой город. Если считаете возможным по этому поводу поговорить, буду Вам признателен.

Куниский

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 5, л.15. Автограф).

94

П. Канаков – Д.Б. Рязанов

Москва, 17 мая 1929 г.

Глубокоуважаемый Давид Борисович!

Решаюсь Вас беспокоить еще раз по делу, по которому Вы полгода тому назад оказали такую громадную помощь, по делу Туманова - Ананьевых. Они были приговорены к 5 годам Соловков (один из них - И. Ананьев - к 10 годам), но оставались до сих пор в Тифлисе. 27 мая они должны быть отправлены из Тифлиса в Соловки, хотя один из них, Туманов, совсем болен туберкулезом. Ими последнее время возбуждено ходатайство о полном помиловании, и это ходатайство с заключением ЗАКЦИКа препровождено теперь в ЦИК СССР, т. Касьян, Председатель ЗАКЦИКа, от которого главным образом зависит это дело, находится в настоящее время в Москве. Я уверен, что Ваше вторичное вмешательство в это дело окончательно разрешит его в благоприятном смысле.

Заранее благодарю Вас от имени всех их измученных родственников, остаюсь преданный Вам

П. Канаков

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 5, л. 23. Автограф).

95

Шавочкин и другие – Д.Б. Рязанову

Викулево, 21 мая 1929 г.

Тов. Рязанов!

Мы, оппозиционеры (рабочие и студенты), находимся в 130 км от железной дороги, в селе, где совершенно отсутствует библиотека, обращаемся к Вам с просьбой помочь нам продолжить наше марк-

систское образование, путем пересылки книг хотя бы во временное пользование.

Очень хотелось бы получить такие книги:

Матъез А.- "Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора"

Петрушевский Д. - "Очерки по экономической истории средних веков"

Петрушевский Д. - "Восстание Уотта Тайлера"

Каутский К. - "Размножение и развитие в природе и обществе"

Энгельс Ф. - "Диалектика природы"

Гегель В. - "Философия истории"

Гегель В. - "Логика"

Рязанов Д. - "Очерки по истории марксизма"

Гольбах П. - "Система природы"

оппозиционеры:

Шавочкин, Куриц, Щеклеин (9 человек).

Уралобласть, Ишимский округ, с. Викулово.

(ЦА ФСБ, N P-37 181, т. 5, л. 23. Автограф).

96

Д.М. Петрушевский – Д.Б. Рязанову

Москва, 30 мая 1929 г.

Уважаемый Давид Борисович!

Вчера я получил от Вашего с нами коллеги и моего старинного друга академика Ник. Викт. Насонова случайной почтой письмо, в котором он сообщает, что все дело, к которому приобщен его сын Арсений Николаевич Насонов (талантливый русский историк с печатными работами, о которых я уже говорил Вам, прося заступиться за этого ни в чем неповинного молодого человека), перенесено в Москву, где будут и решать его, и просить переговорить с Ягодой или Катаньяном или с другими членами Комиссии, решающей это дело. Н.В. Насонов говорит, что он может чем угодно поручиться, что сын его не виновен ни в чем. С такой же чистой совестью могу поручиться и я и усиленно прошу Вас приложить Вашу добрую руку к этому делу, к которому, как Вы знаете, привлечен еще раньше А.Н. Насонов (этот последний арестован с 17 на 18 апреля) и А.И.Заозерский, в такой же

мере ни в чем не виновный, заслуживающий ходатайства об освобождении.

Жму Вашу руку.

Ваш Д. Петрушевский

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, л. 44. Автограф).

97

З. Б. Гандлевская – Д.Б. Рязанову

Москва, 12 июня 1929 г.

г. Рязанову

Довожу до Вашего сведения, что старый революционер, участник революционного движения с 1902 г. как большевик и с 1906 г. как анархист, приговоренный к смертной казни, замененной пожизненной каторгой, которую отбывал в Херсоне около 10-ти лет, освобожден Февральской революцией 17 г., бывший член правления Обществ политических каторжан и ссыльно-поселенцев и бывший член Херсонского о-ва Андреев Андрей Никифорович 11-го сего мая арестован по ордеру ОГПУ N 7305. 25 мая т. Андреев объявил сухую голодовку, как акт протеста против безмотивного ареста, недоказательности обвинения и последовавшего приговора 3 года Политизолятора. Сегодня, 12 июня, голодает девятнадцатые сутки. К нему применяются уже меры насильственного питания

Гандлевская Зора (жена Андреева)

Спиридоновка, 14, кв.4

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 7, л. 90. Автограф).

98

Справка о А.М. Голицыне

Москва, после 12 июня 1929 г.

Андрей Михайлович Голицын, окончил в 1926 году трудовую школу, с 1927 г. слушатель Высших литературных курсов, успешно перешел на 3 курс, сдал все зачеты. Кроме усиленных занятий в библиотеках и на курсах работал по черчению в редакциях журналов "Всемирный

следопыт", "Дружные ребята" и в издательстве "Молодая гвардия". Заработком помогал семье и платил за курсы. Здоровья слабого. Арестован 12 июня по ордеру ОГПУ, несомненно по какому-то недоразумению, так как лояльность его по отношению к советской власти не подлежит сомнению.

(ЦА ФСБ, N P- 37 181, т.5, л.109. Машинопись).

99

С.Д. Куниский – Д.Б. Рязанову

Петропавловск-Акмолинский

15 июня 1929 г.

Многоуважаемый Давид Борисович!

Еще будучи в Москве я с вами говорил по поводу моего перевода в другой город, и Вы обещали мне оказать содействие в этом деле. Я Вам тогда указывал, что в Петропавловске я лишен какой-либо возможности вести научную работу, т.к. здесь нет самой элементарной литературы. Когда я попытался выписать сюда из Ленинградской публичной библиотеки "Humanité" и отчеты французской палаты депутатов, необходимые мне для моей работы о Жоресе, то я получил решительный отказ, несмотря на то, что до этого этот материал был мною прислан в Ленинградскую библиотеку. Полагаю, что если бы я был переведен в какой-либо университетский город (Казань, Саратов, Воронеж) или вообще в более или менее крупный центр, то это не нарушило бы общих планов ОГПУ, а мне дало бы возможность заняться научной работой, которая стоит у меня на мертвой точке. Вряд ли ОГПУ заинтересовано в моем загнивании в этом городе без книг, без общественности, без интенсивной политической жизни. Был бы Вам очень обязан, Давид Борисович, если бы Вы могли этот вопрос выяснить в течение ближайшего времени и поставить меня в известность о результатах.

Наряду с этим, я хотел также выяснить вопрос о возможности литературной работы для меня. Вы мне рассказывали, что Институт осенью собирается развернуть обширную работу. Эти новые широкие горизонты ИМЭ могут только радовать каждого марксиста-революционера. Я был бы очень рад, если бы в этой обширной работе и для меня нашелся бы уголок.

Вообще, меня очень интересует жизнь Института и очень хотелось бы знать о Ваших планах на ближайшее будущее. Буду очень признателен, если в течение ближайшего времени получу от Вас ответ по указанным вопросам. Простите, Давид Борисович, что за-

трудняю Вас своей просьбой, но Вы единственный человек, к которому я могу обратиться с подобного рода просьбою.

С коммунистическим приветом

С. Куниский

Мой адрес:

Петропавловск-Акмолинский, Безбожная, дом 14, С. Кунискому⁶⁰.

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.5, л.12 - 14. Автограф).

100

М.А. Истомина – Д.Б. Рязанову

17 июня 1929 г.

Многоуважаемый Давид Борисович!

В ночь с 14-го на 15-е июня по ордеру N 2713 в Царицыно арестована моя мать Мария Сергеевна Гудович.

Обращаюсь к Вам с убедительной просьбой помочь ее скорейшему освобождению, так как по настоящему состоянию ее здоровья пребывание в тюрьме может губительно на ней отразиться.

Простите, что беспокою Вас своей просьбой, но решаюсь на это, уверенная в невиновности моей матери.

Мария Истомина

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т..., л.91. Автограф).

101

Д.М. Петрушевский – Д.Б. Рязанову

Москва, 20 июня 1929 г.

Уважаемый Давид Борисович.

Исполняю обращенную ко мне просьбу и беспокою Вас. Не откажите принять Анну Сергеевну Голицыну, жену брата известного Вам Николая Владимировича Голицына. У нее 12 июня арестовали сына Сергея, 20 л., слушателя литературных курсов.

Жму Вашу руку

Ваш Д. Петрушевский

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 7, л. 48. Автограф).

102

Е.В. Тарле – Д.Б. Рязанову*Ленинград, 29 июня 1929 г.**Дорогой Давид Борисович,*

Обращаюсь к Вам со спешной и самой горячей просьбой (и я, и И.А. Морозов, и акад. Заболотный, и все, кто Вас уже просил раз о ней): Маргарита Константиновна Гринвальд, по слухам находится под угрозой ссылки в концлагерь на пять лет!! Дело переслано в Москву, - и вся надежда на смягчение ее участи: - это если Вы захотите замолвить о ней прокурору республики Крыленко: теперь от него зависит все. Все, сколько-нибудь ее знающие, убеждены, что все дело в недоразумении: она - советский лояльный человек по всем своим изъяснениям. Она хронически больна - у нее расширение аорты - и больше полугода она в тюрьме. Она работала в ряде советских изданий ("Морской сборник". 1927 г. напр.), ее пригласили преподавать на рабфаке, - она и сейчас (т.е. под арестом) собиралась писать что-то о Кобдене в эпоху Крымской войны, и даже льстила себя надеждой послать эту работу в "Архив Маркса и Энгельса". Давид Борисович! Никогда Вы не отказывались сделать доброе и справедливое дело. Не откажитесь и на этот раз.

*Ваш Е. Тарле**Адр.:**Набережная 9 января , дом 30
Ленинград**(ЦА ФСБ, N P- 37 181, т. 7, л. 94. Автограф).*

103

Г. Солонович – Д.Б. Рязанову*Москва, 1 июля 1929 г.**Глубокоуважаемый Давид Борисович!*

После той колоссальной услуги, которую Вы оказали нам, мне крайне неловко и трудно вновь беспокоить Вас.

Вуз явился бы для моей дочери заключительным аккордом, ставящим крест на прошлом и открывающим дорогу к будущей полезной

деятельности. Я обегал все и всех в Наркомпросе, прося о том, чтобы дочь моя была допущена к вступительным экзаменам. Я везде получил отказ, так как она лишена. Меня отсылают в ОГПУ и во ВЦИК.

Простите великодушно, что вновь обращаюсь к Вам. Помогите еще раз. Срок подачи бумаг близится к концу.

Благодарный и искренне Вас уважающий

Г. Солонович⁶¹

(ЦА ФСБ, N P-37 181, т.6, л.103. Автограф).

104

М. И. Миньков – Д.Б. Рязанову

Березов, 8 июля 1929 г.

Здравствуйте многоуважаемый тов. Рязанов!

Вы не можете себе представить, как меня обрадовали Ваша быстрая отзывчивость и удовлетворение моей просьбы о снабжении меня книгами. Шлю сердечную благодарность. Книги, высланные Вами (в бандероли) 19.IV, я получил ... 25 июня. Этим объясняется мое позднее извещение в их получении. Причина лежит в тех условиях, в которые меня поставила Ухта. До Обдорска не доездили 200 верст, по телеграфу вернули и выслали на "поселение" в Березов. Теперь нас здесь трое. Я, В.М.Смирнов и Рождественская - его супруга. Каждый из нас "имеет" по три года. Думаю, что небезынтересно будет Вам узнать о тех условиях, в которые мы, "контрреволюционеры" поставлены. Березов это село, имеющее около 1200 жителей, из коих процентов 12 - 15 ссыльных, начиная от уголовных контрреволюционеров всех мастей и окрасок и кончая нами - тремя большевиками-оппозиционерами. Березов лежит в 1200 верстах от железной дороги. Климат: 8 месяцев зима, 3 месяца осень и весна, остальное лето. Из это будет без утрировки, если сделать ко всему корректив, что вместо поезда 3 1/2 мы имеем водное сообщение. Морозы доходят до 30 - 50 градусов с северными метелями. Лето теряет всю прелесть от мириадом комаров и мошек, из-за которых никуда выйти нельзя. Вечером рекомендуется одевать пальто. Самое тяжелое время это весна и осень. В этом году мы получили последнюю почту 19 апреля, распутицей были отрезаны от внешнего мира по 2 июня, когда пришел первый пароход. Таким образом к 19 апреля мы имели газеты по 9 апреля, к 2 июня пришли газеты по 1 мая. Но сегодня мы имеем газеты по 8 июня. Это, если не еще худшее положение оторванности

от мира уготовляет осень. Самое "лучшее" сообщение зимой, когда почта приходит и уходит два раза в неделю. Газеты приходят на 15 день, а письма ... проходя "предварительную цензуру" приходят на 20 - 25 день. За последнее время стали зачитываться и многих писем не досчитываемся (у меня лично от жены зачитано 11 писем), летом же положение еще хуже, пароход идет один раз в две-три недели. Словом, отстаем от жизни дьявольски, а события там в Москве нагромождаются друг за другом ... А здесь, живем прошедшим и с нетерпением ждем последующего. Единственная отрада это книги, без них было бы адски тяжело, ибо местная культурная жизнь отсутствует, да и поставлены мы в дьявольски двусмысленное положение. Цека уравнивал нас с уголовниками и др., обязательная регистрация 2 раза в неделю, "дальше последней избы" под угрозой предания суду, "не отлучаться" (воспользуюсь и приведу любопытный факт). 14 мая мы "три" по нашим часам пришли на регистрацию без 10 минут семь. Зам. уполномоченного Петряков, который в революционном движении и в партии без году неделю, не развитый, не дав нам регистрационных карточек, заявил, что мы опоздали на 10 минут по его карманным часам и прочел нам заранее заготовленное постановление об "аресте нас на 7 суток" " начальнику милиции для исполнения". Мы отказались подписаться под постановлением. На следующей регистрации в наших регистрационных карточках красовалась приблизительно следующая резолюция: "Постановление об аресте оставить в силе, ввиду перегрузки места заключения исполнение отложить вплоть до разгрузки дома заключения". До сих пор вопрос об аресте висит. То ли будут, то ли нет. Во всяком случае думаем, что при применении этой меры придется вспомнить старые добрые большевистские традиции, которые мы вначале не применяли, принимая во внимание, что помимо нас есть и другие ссыльные, а "хорошие примеры заразительны", письма не только цензируются, но и регулируются, это не исключает телеграмм, даже семейного порядка. Никакой работы достать нельзя, даже в простые грузчики, не говоря уже о советской. "Пенсии за выслугу лет" в сумме 30 рублей не только не хватает, а является такой мизерной, что без помощи извне определенно обрекаешься на голод. Так как во-первых местное население, не делая никаких различий в отношении ссыльных, всех стрижет под гребенку. Экономистов, которых здесь "пруд пруди". Во-вторых, кроме рыбы, да изредка мяса 65 копеек килограмм, местного продукта почти нет (я не говорю о яйцах, которые зимой стоят рубль десятков, а летом 55 копеек, и молоко 3 стакана кринка 25 копеек) все приходится возить гужем летом на пароходе из Тобольска. Фрахт огромный. Хлеб самый черный 17 копеек килограмм, луковица 3 копейки величиной со сливу. Да и то зимой ее за 50 копеек и дороже нельзя достать.

Квартирный кризис не хуже московского. За дрянную "комнату" (если назвать комнатой определенную небольшую площадь, отгоро-

женную от другой такой же площади в лучшем случае тоненькой перегородкой, в худшем - куском материи. Так что каждое чиханье соседа слышно, как и он слышит твое) и эта комната без мебели, без кровати, стула котируется по 10-12-15 рублей. Воды нет, черпают из реки Сосьвы, а большей частью из луж (в буквальном смысле слова), которые стоят в "городе" в обильном количестве. Медицинская помощь. Врач в самый разгар малярийного сезона уезжает в отпуск и возможно не вернется. Тогда единственным врачом будет фельдшер. Культурных учреждений - изба-читальня и зимой спектакли и раз в две недели кино. Это одна сторона медали, вторая, и в этом главная двусмысленность положения, это то, что мы самоизолированы. С местной партией никакого общения. Она боится начальства, хотя очень интересуется, не нашими идеями, конечно, а что за звери такие "оппозиция". Ссылные политические мы сами себя изолируем, а о другой части ссылки говорить не приходится. Таким образом, весь круг наш замыкается в "трио". Тяжело, но чего не вынесешь за идею. Единственное утешение - письма, газеты и книги. С письмами и газетами я указал, каково положение. Остаются книги. Я продолжаю быть уверен, что и впредь Вы не будете меня забывать последними... Очень благодарю за присланные, и единственное, чем сейчас могу отблагодарить, это изложением нашего быта. О своих взглядах на текущую политику не пишу, так как не знаю, дойдет ли это письмо с изложением "взглядов", несмотря на "левый курс" тем паче. Был бы очень удовлетворен уведомлением о получении сего " послания".

Остаюсь с коммунистическим приветом

М. Миньков

Мой адрес:
Березов Тобольского округа М.И. Минькову

(ЦА ФСБ, N 37 181, т. 5, л. 16-17. Автограф).

105

В.М. Коробков – Президиуму ОГПУ

Ростов, 20 августа 1929 г.

В Президиум ОГПУ соц.-дем. с 1903 г.
В.М. Коробкова

За свое участие в российском рабочем движении я неоднократно подвергался репрессиям всех степеней. При царском правительстве

арестован был (включая однодневные аресты) 14 раз, трижды судился (военно-окр. судом, судебной палатой и окружным судом), в качестве ссыльно-поселенца высылался в Туруханский край два раза и один раз в Иркутскую губернию. Каторгу отбывал в Александровской Центральной каторжной тюрьме. При белогвардейских правительствах три раза был арестован и дважды привлекался к суду в качестве редактора с.-д. газеты. При Советской власти судился в 1918 г. в качестве члена редакционной коллегии газеты "Южный рабочий" Одесским Рев. трибуналом, в 19-м году за неразысканием меня была подвергнута аресту моя семья, в сентябре 20-го года был осужден Цупчрезкомом к заключению в концлагерь на все время до окончания гражд. войны, от какового наказания был освобожден в марте 1921 года. В конце 1921 года был арестован и просидел около месяца и, наконец, в апреле 23-го года был арестован и приговорен к заключению в концлагерь на три года, которые отбыл в Соловках и в Тобольском и Ярославском концлагерях. По отбытии этого наказания был сослан в Вологду на три года. На другой же день после освобождения в Вологде и приступил к поискам работы, и во всех учреждениях, в которые я обращался, в открытой или замаскированной форме мне заявляли, что работа может быть мне предоставлена лишь при отказе от моих убеждений. Мои просьбы о переводе в другой город оставались без ответа и только после длительной голодовки я добился перевода в Нарымский край. Отбыв три года ссылки, я постановлением О.С.ОГПУ от 29.1У.29 г. снова на три года лишился всех элементарнейших гражданских прав. Если приговор 1923 г. карал меня за участие в русск. революции, то приговоры 1926 и 1929 гг. карают меня лишь за исповедование мною политических убеждений, не одобряемых начальством. Тот факт, что за свое 26-летнее участие в рабочем движении я уже провел в тюрьме и ссылке около 16 лет должен показать, что мои убеждения от репрессий не только не изменяются, а, наоборот, закаляются.

Поэтому дальнейшие преследования меня, с одной стороны, бесполезны, а с другой стали невыносимыми.

Вследствие этого я требую, либо восстановления меня абсолютно во всех правах гражданских, либо предоставления мне возможности выезда за границу, а до реализации ее - право проживать в Москве.

Неудовлетворение одного из этих требований до 1 сентября 29-го года вынудит меня прибегнуть к последнему из имеющихся в моем распоряжении средств протеста против непрекращающихся преследований за полит.убеждения.

Гор. Ростов-Ярославский, Радищевская, 14⁶²

106

Н.Ф. Раевская – в отдел частных амнистий ЦИК СССР

Москва, 9 октября 1929 г.

Заявление

Мой муж РАЕВСКИЙ Александр Александрович был арестован 5 марта 1925 г. в Москве. 11 ноября того же года был осужден на 10 лет концлагеря по статьям 60 и 61 Уголовного Кодекса. По случаю 100-летия восстания декабристов срок заключения был снижен Отделом Частных Амнистий на одну треть, что составляет 6 лет 8 месяцев, заключение он все время отбывает в Бутырской тюрьме (на рабочем коридоре). Из указанных 6 лет и 8 месяцев мой муж находится в заключении 4 года и 8 месяцев, т.е. значительно больше половины срока. Я осталась с тремя малолетними детьми на руках. Средства к жизни добываю случайными заработками и помощью от родных. Жизнь становится все дороже, а сил моих и средств к существованию все меньше.

Я обращаюсь к Отделу по частным амнистиям с просьбой помиловать моего мужа и вернуть его семье, дабы он мог помочь мне в добывании средств к существованию.

Со стороны администрации Бутырской тюрьмы мой муж никаким взысканиям не подвергался. В тюрьме он работает в сапожной мастерской и ведет всю музыкальную часть при культпросвете.

Прошу Отдел Частных Амнистий принять во внимание все обстоятельства и трудность моего положения и не отказать в моем ходатайстве.

Н. Раевская

(ЦА ФСБ, N P- 37 181, т. 7, л. 63. Машинопись).

107

М.С. Гудович – Д.Б. Рязанову

Царицыно, 11 октября 1928 г.

Многоуважаемый Давид Борисович.

Простите, что беспокою Вас, но т.к. не могла видеть Вас, хочу сказать письменно, что надеюсь **очень**, что Вы выполните мою просьбу насчет моих сыновей. Прошел месяц что они уехали. От

старшего было одно письмо, от меньшего не имею ничего, не знаю даже, где он. Все что можно сделать для смягчения их участи умоляю Вас сделайте. Все будет лучше того, где они сейчас находятся. Надеюсь скоро увидеть Вас и поговорить лично. Положение их и мое очень тяжелое.

Мария Гудович

(ЦА ФСБ, N P- 37 181, т. 7, л. 123. Автограф).

108

М. Волкова – Д.Б. Рязанову

Москва, 18 октября 1929 г.

Многоуважаемый Давид Борисович!

Положение моей племянницы Ладыженской так серьезно, что я опять прибегаю к Вам. Приговор, по-видимому, пока остается в силе и, следовательно, ее большую могут выслать с первым Сибирским этапом. Вот почему опять докучаю Вам своей горячей просьбой: снять ее с этапа. Слишком яркое мое воспоминание о Вашем отношении, когда я, буквально, прибежала к Вам с той же просьбой за М.А.Сабурову, ныне благополучно на свободе ухаживающей за матерью.

Положение дела Ладыженской сейчас таково. Ее матерью подано вчера, в четверг, военному прокурору Ландау, заменяющему в настоящую минуту оперуполномоченного Красикова, заявление с просьбой о пересмотре или по крайней мере смягчении приговора минус б. В ответ сказано, что прокурор, в случае пересмотра (ознакомившись предварительно с делом) задержит этап, но, как видите, это еще не зарука и заключенная может попасть в списки ранее пересмотра. На свидании с матерью заключенная передала ей, что ей был сделан всего один допрос, на котором ей поставили в вину монархистские взгляды и религиозность. Что касается первого обвинения, я не знаю человека более индифферентного к монархизму, а на второе могу сказать, что она действительно бывает в церкви, даже не очень часто - и только. Больше ничего не было ей предъявлено. Состояние здоровья очень плохое. Теплых вещей, в случае дальнейшей высылки, нельзя доставить - сейчас не принимают, а в самый день высылки трудно попасть в тюрьму, потому что теперь часто не называют всех имен в списке высылаемых, и нельзя потому знать дня высылки. Если не ошибаюсь, и завтра, и послезавтра идут этапы сибирские, так что опасность неминуемая и близкая.

*Простите и помогите не в первый раз.
Уважающая Вас*

М. Волкова

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.7, л.129-130. Автограф)

109

М.Волкова – Д.Б. Рязанову⁶³

*Москва, 18 октября 1929 г.
вечер.*

Многоуважаемый Давид Борисович!

Только что узнала, что Ладыженская, по сведениям, данным прокуратурой, назначена на Сибирский этап, отходящий завтра вечером, в субботу 19/X, о чем позволяю себе спешно известить Вас. При язве желудка и плохом состоянии легких это угрожает жизни. Еще раз горячо прошу Вас избавить ее от этапа.

Уважающая Вас

М. Волкова

(ЦА ФСБ, N P- 37 181, т. 7, л. 131-132. Автограф)

110

М.И. Леонович – Д.Б. Рязанову

Москва, 29 октября 1929 г.

Уважаемый Давид Борисович!

Сообщаю Вам сведения о своем брате Романе Ивановиче Квитко, о котором я Вам говорила лично. Он сын крестьянина Воронежской губернии. По окончании курса в Харьковском университете, с 1912 года был преподавателем истории в учебных заведениях г. Александровска (теперь Запорожье), там же им были организованы украинские педагогические курсы, преобразованные потом в Педагогический техникум, где он несколько лет был заведующим. За все это время, как и раньше, мой брат ни в какой политической партии не состоял, занимаясь исключительно культурно-просветительской деятельностью. К советской власти он всегда относился лояльно. Тем не менее, без всяких оснований, 17 сентября сего года он был арестован и до сих пор находится в запорожской тюрьме. Я опасаясь, что даже

кратковременное заключение брата может отразиться на нем очень пагубно, так как он человек больной и потому прошу Вас, Давид Борисович, посодействовать скорейшему выяснению причин ареста и освобождению моего брата хотя бы на поруки.

Уважающая Вас

Мария Ивановна Леонович
(урожденная фамилия Квитко)

(ЦА ФСБ, N P- 37 181, т. 7, л.140. Автограф).

111

К.А. Сабурова – Д.Б. Рязанову

Владимир, 5 ноября 1929 г.

Многоуважаемый Давид Борисович!

Моя тетушка М.С. Гудович говорила Вам обо мне - я хотела повидать Вас, и была записана на сегодня, но мне сказали, что приема не будет до 10-го числа. Простите, что беспокою Вас, но у меня такое дело, для которого каждый день имеет значение. Дело в том, что братья мои сосланы на Урал на три года и находятся сейчас в Тобольском округе, один (Борис Александрович) в селе Сельярово, Самарского уезда, а другой (Юрий Александрович) в Сургуте. Оба они совершенно больные (туберкулез легких). Один из них даже уехал с жаром в 39 градусов. Я хотела бы просить Вас посодействовать их тяжелому положению и перевести их поближе, в город в менее суровом климате (может быть минус 6) и вместе, так как они врозь и друг другу даже помочь не могут. Конечно, лучше было бы на словах с Вами переговорить обо всем, но ввиду холодов каждый день сообщение может быть прервано, и они будут обречены на 1 1/2 месяца. Уехали они в летнем, без теплых вещей: ничего не удалось передать, и до сих пор не послано, так как не знаю куда (мой брат Борис Александрович был вначале в Самарово, откуда вестей от него не имели). Положение их крайне тревожное, без теплой одежды и с их скверным здоровьем.

Может быть, Вы смогли бы помочь и не откажите принять меня 10-го. Если Вы могли бы за эти два дня что-нибудь сделать (до 10-го), ввиду того что сообщение может прерваться, была бы крайне признательна. Если бы они были здоровы и я не беспокоила бы на словах.

Еще раз простите за беспокойство

К. Сабурова.

(ЦА ФСБ, N P- 37 181, т. 6 л. 143. Автограф).

112

М.С. Гудович – Д.Б. Рязанову*Царицыно, 15 ноября 1929 г.**Многоуважаемый Давид Борисович.*

Благодарю Вас горячо за то сообщение, которое Вы мне сделали через брата. Моя просьба теперь следующая: Если возможно, то очень прошу обоим моим сыновьям - Дмитрию Александровичу и Андрею Александровичу Гудовичам - минус 6. Если же это никак нельзя, то только не врозь и не Север Урала, иначе их положение может сделаться подобным положению обоих племянников Сабуровых, которые по болезни получили как бы смягчение, но на самом деле попали в еще худшее и ужасное положение.

*Искренне уважающая Вас**Мария Гудович*

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 7, л. 150. Автограф).

113

Е.А. Раевская – Д.Б. Рязанову*Москва, 15 ноября 1929 г.**Многоуважаемый Давид Борисович.**Обращаюсь к Вам с очень большой просьбой.*

Нас осталось трое детей, девочек, из которых я старшая. Мне 16 лет, а сестрам 14 и 6. Родители наши находятся в Бутырской тюрьме. Об отце, Александре Александровиче Раевском, моя мать сама говорила с Вами, но 26-го октября она, Надежда Феофиловна (Богдановна) Раевская, была также арестована.

Простите, что беспокою Вас этим письмом, но мы находимся сейчас в крайне тяжелом положении, т.к. кроме всего нам грозит выселение. Похлопочите, пожалуйста, о возвращении нашей матери, чтобы мы могли соединиться с нею.

*В чем она обвиняется и к чему приговорена, мы не знаем.**Искренне уважающая Вас**Елена Раевская.*

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 7, л. 151. Автограф).

Т.А. Аскендарян – Д.Б. Рязанову

Минусинск, 19 ноября 1929 г.

Уважаемый товарищ Рязанов!

Письмо мое будет для Вас несколько странным. Автор его некий "троцкист" Аскендарян, сосланный из Москвы в Минусинск. Положение сосланного известно: самые суженные материальные средства (15 р. в мес.) и вечный аппетит на книги (у нас на книги по истории борьбы пролетариата особо). Тут существует какая-то обратная пропорциональность, широкая пасть ("ножницы"). Это Вам, думаю, хорошо известно.

Конкретно: у меня следующая "инициатива" ("голь на выдумки хитра") - не окажетесь ли Вы в той мере "филантропом", чтобы посылать нам, ссыльным "троцкистам", книги по истории пролетариата и его классово-борьбы безвозмездно, либо же с возвращением (срок установите сами). Почему обращаюсь к Вам? На этот вопрос вряд ли сумею ответить. Знаю ли Вас? Нет. Встречались мы только в 23-24 г. на Замоскворецкой районной партийной конференции, где вместе крыли "унтер-офицера Пришибеева в юбке", и где на мое предложение (Вам лично) выступить с объединенной с нами ("троцкистами") резолюцией против доклада ЦК, Вы что-то сердитое сказали, внесли свою резолюцию⁶⁴ отдельно, собрали голосов 17 (мы же более 200). Вот и все. Впрочем, это воспоминание.

Тигран Аскендарян
Минусинск

P.S. Знаю, знаю, с первого взгляда крайне мелко то, что я вложил марку. Но желание иметь от Вас тот или иной ответ так велико, что решил поступить так. Зная отчасти Ваш характер можно ожидать, казалось бы, что Вы можете рассердиться и послать пустое письмо, наклеив эту марку. Но, пожалуйста, не делайте этого.

Т.А.

Мой адрес:
Сибкрай, Минусинск, Гоголевский, 31, мне.

Н. Майш – Д.Б. Рязанову

Архангельск, 19 ноября 1929 г.

т. Рязанов! Писать заставляет меня чрезвычайно тяжелое состояние Сапронова. Он - накануне смерти. Во все инстанции посылались телеграммы, но все они остались без ответа. Дело в том, что 4 ноября мы были арестованы. Никаких конкретных обвинений нам не предъявили, да и предъявить не могли, материал, "изобличавший" нашу "преступность", представлял корреспонденцию, скопившуюся за два года ссылки и совершенно легально пересылавшуюся по почте. Однако это не помешало предъявить нам ст.58 -10 и 58 -11 и направить дело на решение Особого Сопевания. В виде протеста против необоснованного ареста мы объявили сухую голодовку. На пятые сутки я была освобождена временно до приговора и сейчас еще нахожусь на свободе, т.к. приговор до сих пор нам не объявлен, хотя следствие закончено было 6 ноября. Причиной моего освобождения послужила, по-видимому, беременность. Сапронов был оставлен в тюрьме и на седьмые сутки голодовки переведен в больницу. Здесь состояние его резко ухудшилось. Прошла неделя пребывания его в лечебнице, но вместо улучшения появилась ряд угрожающих симптомов, не наблюдавшихся ранее. Вчера ночью был острый припадок, сопровождавшийся рвотой и потерей сознания. Лечебница совершенно не соответствует такого рода заболеваниям. Специалистов по желудочным болезням здесь нет. Вообще медицина в архангельских условиях совершенно бессильна. Его может спасти только перевод на юг. Вместо заключения в палате (в постоянном присутствии сотрудников ГПУ) ему необходимо солнце и воздух. В этом единственное спасение. В течение двух лет пребывания на Севере он медленно умирал. Теперь он умирает более ускоренным темпом. Предпочитая этому умиранию быструю развязку, Тимофей сегодня послал телеграмму в Президиум ЦИКа, требуя перевода на юг (Черное море).

При неполучении ответа до 21.XI возобновит голодовку. Это по крайней мере ускорит смерть. Все равно ведь при сохранении прежних условий (заключение в больнице, суровый климат, ухудшение здоровья в связи с голодовкой) это неизбежно⁶⁵. Сейчас дорог каждый день. Нужно принять срочные меры для спасения Тимофея. Сделайте, что можете. Я посылаю спешным письмом Енукидзе. 18.XI послали телегр. Орджоникидзе.

Копии моей телеграммы в ЦКК и Тимофея в ЦИК посылаю.

Н. Майш

116

Е.А. Раевская – Д.Б. Рязанову

Москва, 25 ноября 1929 г.

Многоуважаемый Давид Борисович!

Еще раз прошу Вас не отказать мне в моей большой просьбе. Постановлением О.Г.П.У. от ноября месяца моя мать, Надежда Феофановна (Богдановна) Раевская, была приговорена к 3-м годам концлагеря.

24-го ноября была уже выслана. Очень прошу похлопотать за нее, чтобы пересмотрели ее дело и заменили бы концлагерь какой-нибудь вольной высылкой, для того, чтобы мы, дети, могли с нею соединиться и как-нибудь существовать.

Уважающая Вас

Елена Раевская

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 7, л. 152. Автограф).

117

С.О. Цедербаум – Д.Б. Рязанову

Саратов, 28 ноября 1929 г.

Многоуважаемый Давид Борисович,

Всякий раз, когда на нас обрушивается очередная пакость, приходится поневоле обращаться к Вам. Я недаром поднимал вопрос о выезде за границу - нас не хотят оставить в покое, а главное, - терпят от этого дети.

Избрали мы Саратов в расчете на то, что смогут учиться дети. Сын действительно держал осенью конкурсный экзамен в здешний индустриальный техникум, на химическое отделение, и, как успешно выдержавший, был принят.

Но вот неожиданно ему вручили выписку из протокола N 5 заседания президиума совета техникума от 20/XI, в котором говорится "исключить Цедербаума, как лишенного права голоса".

Дело в том, что хотя мы и кончили срок ссылки, лишены права проживания в определенных пунктах и права свободного передвижения, то ГПУ считает нас лишенными избирательных прав. Это толкование принимает к руководству избирательная комиссия и таким образом мы оказались включенными в список лишенных прав.

Однако в правилах приема ни слова не сказано о том, что лишенные избирательных прав лишены права учиться в техникуме. Сын попал в Техникум как служащий (чертежник с 2-х летним стажем) и сын научного работника и когда он поступал, он в списки лишенных прав включен не был.

Так или иначе, но с помощью ГПУ (списки лишенных еще не опубликованы и поэтому почти наверное техникум именно от ГПУ осведомлен о том, что сын лишен избирательного права) сын лишен на два года возможности учиться. И где гарантия, что через 2 года не последует новое "постановление", опять лишаящее его прав. Вы знаете, что сын был арестован, когда ему только минуло 18 лет. В принадлежности к партии его не обвиняли - он пошел в ссылку по статье "пособничество" своим родителям (это усмотрели в его посещении нас в Кишиневе). Ссылку он свою кончил. Во время ссылки он пытался получить какую-нибудь профессию. Поступил учеником-слесарем в государственную мастерскую - через месяц по распоряжению ГПУ его уволили. После этого он работал чертежником в губернском зем. управлении и по приезде в Саратов до поступления в техникум служил чертежником же в здешнем зем. управлении. Неужли недостаточно трех лет ссылки?

Сын обжаловал постановление об исключении в Главпрофобр, но там, наверное, посмотрят на формальную сторону дела и не станут восстанавливать лишенного избирательных прав.

Единственный выход - это , чтобы ГПУ освободило сына от ограничений, наложенных постановлением 4 декабря 1927 г. на нас всех по окончании нашего срока ссылки. Ведь нас сочли возможным отпустить из Сибири несколько раньше срока, это говорит за то, что за нами не числилось новых "преступлений". Почему же тогда новые ограничения, лишение прав и прочее? Не говорю обо мне и К.И., но по отношению к сыну это особо варварская мера.

Конкордия Ивановна и я просим Вас переговорить с председателем Коллегии ОГПУ и добиться от него отмены для нашего сына ограничений, наложенных на него после ссылки. Если ОГПУ хочет препятствовать ему учиться, оно может это делать, ничем не рискуя, тем более что ограничения эти лежат на нас, он все равно будет жить в Саратове. А освобождение его от ограничений восстановит его в правах и он будет обратно принят в техникум.

Это единственный выход, и мы надеемся, что Вы не откажете нашу просьбу исполнить. Если дело не будет разрешено в этом смысле, нам придется снова настаивать на разрешении выехать за границу. Мы сами доживаем свою жизнь, а у детей она только началась - и на каждом шагу им отправляют ее, ибо не за их собственную вину, а за их родителей.

Сер. Цедербаум

118

Д.М. Петрушевский – Д.Б. Рязанову

Москва, 30 ноября 1929 г.

Уважаемый Давид Борисович!

Очень прошу Вас принять жену профессора Гавриила Васильевича Горена по делу ее мужа, арестованного 26 сентября. Простите, что беспокою, но дело это к тому побуждает меня.

Будьте здоровы. Жму Вашу дружескую руку.

Ваш Д. Петрушевский

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.7, л.51. Автограф).

119

М. Петровская – Д.Б. Рязанову

9 декабря 1929 г.

Многоуважаемый Давид Борисович.

Мой муж Федор Александрович Петровский, с которым мне дали свидание, просил меня передать Вам в день его высылки в Архангельск, что ему тяжело думать, что Вы считаете его в чем-то виновным: на допросе никаких конкретных обвинений ему предъявлено не было, и он совершенно не знает за собой никакой вины.

Я со своей стороны, обращаюсь к Вам с просьбой, не сочтете ли Вы возможным походатайствовать перед ОГПУ Северного края, чтобы моего мужа оставили в Архангельске, где он может легче получить работу (между прочим, в местной большой библиотеке, как ему сказали, нужны квалифицированные работники), а не выслали куда-нибудь в глушь, верст за 300 от железной дороги, где он будет совершенно отрезан от семьи и куда с трудом доходят письма и посылки. Сообщая для Вашего сведения, что 15 декабря решится вопрос о его местопребывании.

Уважающая Вас

М. Петровская

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 7, л. 157. Машинопись).

120

Е. Неуймина – Д.Б. Рязанову

Москва, 14 декабря 1929 г.

Обращаюсь к Вам, многоуважаемый Давид Борисович, с большой просьбой. Дело касается моей дочери, Нины Николаевны Центилович. С 1920 г. до 1924-го она работала по своей специальности (статистике) сначала в Центранс, а затем в НКПС, где в последнее время занимала ответственное место начальника отдела труда, читала лекции на курсах статистики и помещала свои работы в изданиях НКПС. В октябре 1924 г. она была административно выслана на три года в г.Красноярск, а оттуда (как раз ей удалось получить из Москвы разрешение на службу в государственных учреждениях) в с. Маковское, в 100 верст от г. Енисейска, в тайге, причем было еще прибавлено 1 1/2 года ссылки. Закончила она ссылку 21 мая этого года в г. Енисейске и выбрала из немногих представленных ей для выбора мест г. Казань, куда могла переехать только в августе, так как перенесла очень тяжелые роды с последующим заболеванием. При отъезде из ссылки ей не были возвращены Красноярским ГПУ отобранные у нее документы, отзывы о службе и работе ее из НКПС, от С.Г. Струмилины и других.

В Казани через биржу труда ей удалось получить в августе же место в статистике труда, но 20-го октября комиссией по чистке аппарата была исключена по 1-й категории, а в ноябре арестована, несмотря на наличие грудного ребенка, которого ей пришлось взять с собой в заключение. Правда, через 13 дней ее освободили, но ей предъявляют обвинение в "агитации во время собрания по чистке" (ст.58, п.11), как я узнала здесь. Дело это (дело Центилович, Иоффе, Габова и Кузнецова) разбирается здесь и чем оно грозит ей - неизвестно. А между тем сама она страшно истощена болезнью, тяжелыми материальными условиями, недоеданиями при необходимости кормить ребенка. Ребенок, 6-ти месяцев, слабый и требует тщательного ухода. Муж дочери (крестьянин с.Маковского) состоит на бирже труда, но работу имеет лишь временами, на что существовать им троим невозможно. Положение страшно трудное, а в случае высылки совершенно безысходное, т.к. на переезд, да еще в холодное время средств и одежды у нее нет ни для ребенка, ни для себя. Предшествовавшая болезнь и переезд из Сибири заставили ее и так задохнуться в надежде на будущий заработок. Материальной помощи ей получить неоткуда. Я, ее мать (68-ми лет), живу здесь с ее 15-летним сыном, учеником 8-й группы, на средства, присылаемые родными покойного отца мальчика, первого мужа дочери (заведующий обсерватории в Симеизе), и сами едва перебиваемся, не имея возможности ничего уделить ей.

Хотя моя дочь не скрывала того, что она по убеждениям меньшевичка, во время службы в Москве отзывы компетентных лиц об ее работе были всегда самые лучшие и ее работа признавалась ценной. И она могла бы снова стать полезной для дела, если бы получила возможность работать. Во время ссылки ни в каких организациях (да их и не существовало) дочь моя участия не принимала и не имела даже физической возможности для этого, т. к. вынуждена была при грошевой оплате труда работать с 6 часов утра до 10 1/2 вечера, заниматься частными уроками, чтобы дать возможность существовать своей семье.

Еще до 1917г. во время пребывания на Бестужевских курсах дочь моя была арестована (1906 - 1907 г.) и просидела в тюрьме несколько месяцев, а позднее отбыла трехлетнюю ссылку в Архангельской губернии (1910 - 1913 гг. в одно время с Леоновичем, Рыковым, Сухановым и друг).

Новая ссылка при суровом сухом климате и тяжелом материальном положении будет губельна как для ребенка, так и для дочери, у которой, кроме того, существует приостановившийся туберкулезный процесс правой верхушки, грозящий возобновиться при благоприятных для этого условиях.

Убедительно прошу Вас, если только есть хоть какая-нибудь возможность и желание с Вашей стороны, повлиять на смягчение ее дальнейшей судьбы и тем дать ей возможность снова стать полезным членом общества и вырастить своего ребенка.

Ел. Неуймина

(ЦА ФСБ, N P-37 181, т. 7, л.158. Автограф).

121

С.Ф. Платонов – Д.Б. Рязанову

21 декабря 1929 г.

Глубокоуважаемый Давид Борисович!

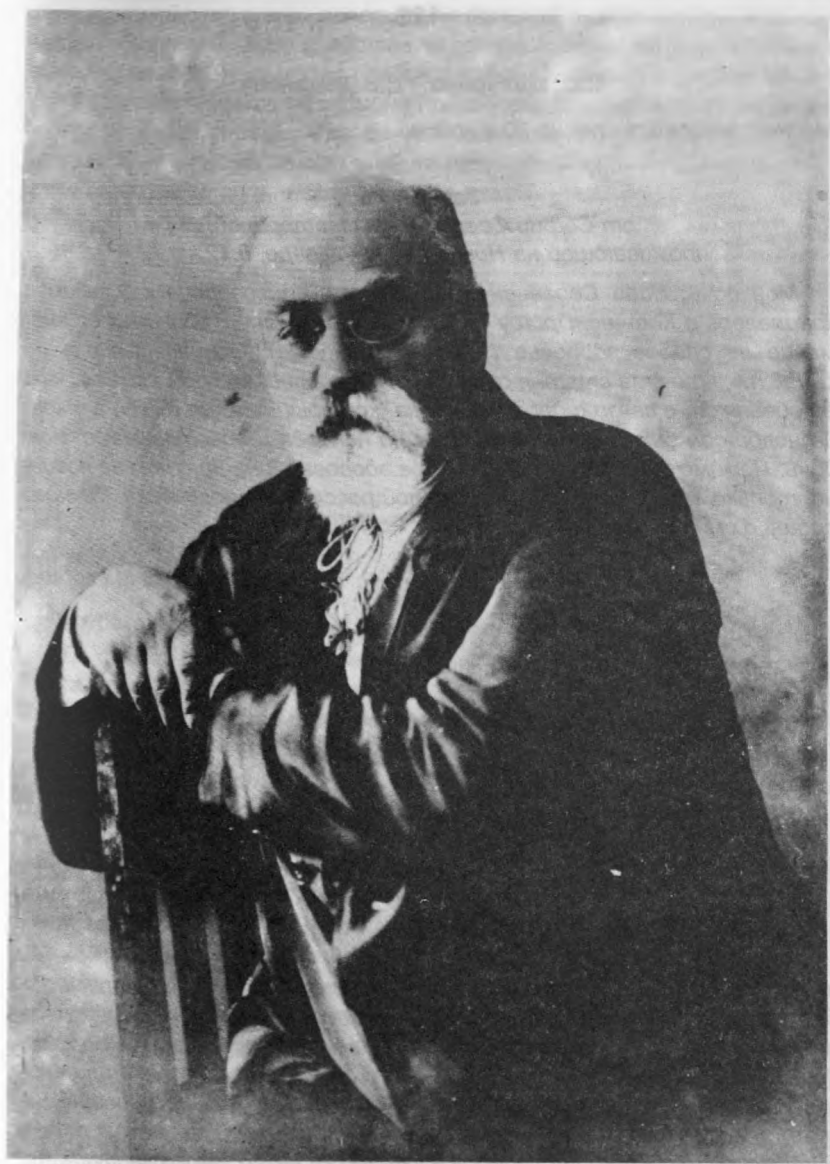
На днях надеюсь быть в Москве и имею очень большую потребность побеседовать с Вами об академических и личных делах не спеша и не стесняясь со временем. Очень прошу Вас дать мне эту возможность. Я думаю, и Вам самим некоторые мои соображения будут интересны.

По приезде я тотчас буду звонить Вам по телефону и никуда не буду обращаться до разговора с Вами.

Уважающий Вас

С. Платонов⁶⁶

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 6, л.11. Автограф).

Академик Д.Б. Рязанов. 1930 г.

122

С.С. Маторина – Д.Б. Рязанову*Москва, вторая половина 20-х годов*

*Заявление
от Софии Севериновны Маториной,
проживающей на Никитском бульваре, д.12, кв.72*

Моя дочь, Нина Сергеевна Витковская, приговорена к 3 годам в концлагерь в Котлас. Прошу о смягчении наказания, принимая во внимание ее слабое здоровье (у нее туберкулез). Обвиняется она по ст.58 п.6, что эта статья означает - я не знаю, но предполагаю, что ее обвиняют в связи с делом ее мужа, который служил в ГПУ, а в конце ноября он был расстрелян. Прошло полгода и арестовывают мою дочь. Помимо того, что у нее слабое здоровье, она ни в чем не повинна, только в том, что она была женой расстрелянного мужа. Еще раз прошу о смягчении наказания.

С. Маторина

ЦА ФСБ, NP- 37 181, т. 8, л. 116. Автограф).

123

В.А. Оболенская – Д.Б. Рязанову*Москва, 20 января 1930 г.*

Глубокоуважаемый Давид Борисович.

Решаюсь обратиться к Вам с просьбой, зная, как много добра Вы всегда делали моей матери Марии Сергеевне. В моей семье случилось большое несчастье. Муж Владимир Васильевич Оболенский, 40 лет, арестованный 3 месяца назад по делу заведующего кирпичным заводом в Царицыно, где он служил два года назад бухгалтером, решением ОГПУ приговорен к 3-м годам концлагеря, пока еще неизвестно какого. До отправки остается около недели. Он сейчас находится в Бутырской тюрьме. О приговоре я узнала от него самого на свидании вчера. Горячо прошу Вас в ближайшие дни принять меня, чтобы просить содействия и лично объяснить Вам удручающее положение, в которое попадает наша семья. У меня трое малолетних детей - 7, 6 и 2 лет. Матери моего мужа 80 лет. Это ее младший сын, и она не вынесет несчастья, которое может ее убить. Муж мой являлся единственным кормильцем семьи, так как другой брат его, Сергей 56-ти

лет, живущий с нами же - совершенно больной и едва может периодически добыть кой-какие средства, а сейчас к тому же лишен избирательных прав. У мужа моего слабое сердце и большие уши. Мы просим Вас ходатайствовать об отмене приговора, так как я, зная мужа, заверяю честным словом, что он ни к какой контрреволюционной деятельности не принадлежит и ей не сочувствует, а с первых же дней революции работал не покладая рук в разных учреждениях.

Искренне уважающая Вас

Варвара Оболенская

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.8, л.10. Автограф).

124

Л.Н. Радченко – Д.Б. Рязанову⁷⁰

Москва, 15 февраля 1930 г.

Глубокоуважаемый Давид Борисович!

До самого последнего времени я не хотела беспокоить Вас своей просьбой, однако выяснившееся вчера положение вопроса Любовь Николаевной заставило меня изменить свое намерение не обременять Вас делами нашей семьи.

Вчера через Екатерину Павловну Пешкову удалось выяснить, что хотя трехлетний срок высылки моей матери (она выбрала из данного ей "12 г." Воронеж), кончился 29 января, ей не предлагают дать разрешение на возвращение в Москву. Это постановление не является еще утвержденным ОГПУ, но, по словам лица, у которого Ек. Павл. наводила справку в ГПУ, оно иначе не будет и будет вынесено в ближайшие дни.

Возраст Любовь Николаевны (59 л.) и состояние ее здоровья заставляют меня сильно тревожиться за возможные последствия нового неблагоприятного для Л.Н. постановления. В связи с этим я решилась обратиться к Вам с просьбой переговорить в самый ближайший срок (заседание коллегии предполагается в ближайшие два-три дня) о возможностях возвращения Любовь Николаевны в Москву. Простите за то, что вновь тревожу Вас.

Уважающая Вас

Людмила Радченко

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л.16. Автограф).

Н. А. Обухова – Д.Б. Рязанову

19 февраля 1930 г.

Уважаемый тов. Рязанов!

Пишет Вам дочь Александра Михайловича Обухова (студентка И МГУ)

Отца моего арестовали 14 декабря 29 года. Я знаю отца убежденная, знаю как он относился к работе (а именно ему всегда было больно и сердило его, если что-нибудь тормозило его работу) и вполне спокойна, что это недоразумение должно выясниться. Но мое положение ужасное. Я осталась одна с его матерью 82 лет и больной сестрой (3-я стадия туберкулеза), которая находится в санатории в Крыму и я должна посылать 165 руб. в месяц. Так как у ней 3-я стадия и она чуть этой весной не умерла, то она этого не перенесет. Я это скрываю от нее уже 1/2 месяца. Надеюсь мне из ОГПУ достать от отца письмо сестре, конечно потому, что я дала им документ о болезни сестры. Но дальше оно не будет возможно, потому что он совсем не в курсе ее писем. И я не знаю, что делать, если отца не выпустят, сестра погибнет. В прошлом году умерла моя мать от туберкулеза, служа сестрой в санатории для туберкулезников. Причину ареста я не знаю, знаю только, связано это не со службой. (Хлебоцентр, научный консультант) Там мне определенно сказали, что нет. Отношение к отцу там как к советскому спецу. Узнавали меня и говорили утешительные сведения, что все это пустяки, и даже несколько раз, что должны скоро выпустить.

Тов. Рязанов, я больше верю прокурору, он лучше знает, и он сказал, что это дело продолжительное. А тогда эти пустяки могут привести к смерти сестры, которую я люблю больше всех.

Я не просто охаю, что он умрет, я говорю это как студентка медик, которая отдает отчет в серьезности положения ее здоровья. Узнала я, что арест отца связан с Научно-техническим Советом при Наркомторге, куда его выдвинуло учреждение Хлебоцентр. Арестован он не один.

Перед арестом его звали на старую службу в Союз-Хлеб, звали его три вуза читать лекции и в одном он начал уже лекции. Звал его к себе Наркомат. Но Хлебоцентр не отпускал. В научном Совете отец был всего три месяца.

Хочу только сказать, что не только отношусь к отцу как к советскому спецу, но на всех службах встречаю к нему такое отношения недоумения по поводу его ареста.

Н. Обухова

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л.13. Автограф).

126

Е.Г. Ризенкампф – Д.Б. Рязанову

Ленинград, 2 марта 1930 г.

11 сентября 1929 года в Москве был арестован мой сын проф. Георгий Константинович Ризенкампф и помещен в Дом предварительного заключения в Ленинграде. Он заключен в одиночную камеру, лишен права всяких передач и находится в особо тяжелых условиях. Ему предъявлено обвинение по ст. 58.6 и 58.7, предусматривающим шпионаж и контрреволюцию. Таким образом, с ним обращаются, как с крупным преступником и врагом государства.

Живя с ним вместе и зная его образ жизни и работу, глубоко убеждена, что обвинения, предъявленные ему не имеют под собой никакого основания. Мой сын все время работал в той области, в которой он является выдающимся специалистом, тратя по 12 - 14 часов в сутки. За время своей работе в течение 11-ти лет в период Советской власти, он вел непрерывную и плодотворную работу для ее укрепления.

Им создан Гос. научно-мелиорационный институт, выпустивший много печатных трудов и получивший большой авторитет среди технического мира.

Им создан громадный проект орошения 500.000 дес. в Голодной степи - наилучший ирригационный проект во всем нашем Союзе и, вероятно, даже во всем мире.

Этот проект получил утверждение Высших технических органов Союза и в последнее время получил утверждение американской экспертизы инж. Дэвиса.

Им составлен проект использования водных и земельных запасов р.Сыр-Дарьи, одобренный Техническим Комитетом Средазводхоза и вносимый в ближайшие дни на рассмотрение Высшего Технического Экспертного Совета. Этот проект имеет громадное значение для планового строительства на многие годы в бас. р. Сыр-Дарьи.

Он состоял проф. Ленинградского политехнического института, и его ученики считаются лучшими мелиораторами у нас в Союзе.

Он имеет ряд печатных трудов, а его курс ирригации считается настольной книгой всякого ирригатора.

Таким образом, польза, принесенная моим сыном государству, громадна, и она общепризнана широкими техническими кругами. Я глубоко убеждена в невинности моего сына и считаю, что он мог бы принести громадную пользу для государства, в особенности в теперешних условиях острой потребности в специалистах, а тем более такой высокой квалификации, как мой сын, каких в Союзе насчитывается 1-2 человека.

Так как я считаю арест моего сына величайшей ошибкой, вредной для государства и несправедливой по отношению к моему сыну, я позволю себе обратиться к Вам, товарищ Рязанов, с просьбой ознакомиться с делом моего сына и содействовать тому, чтобы над ним был устроен гласный суд, так как я убеждена, что в условиях такого суда будет установлена его полная невинность.

Вместе с тем прошу ускорить ведение его дела, так как мой сын 6 месяцев находится в заключении и совершенно неизвестно, когда будет закончено его дело.

Наконец, до суда, я прошу облегчить меру пресечения моему сыну, позволить передавать ему книги, бумагу и карандаши, так как мой сын имеет ряд задуманных тем и может написать труды, которые окажутся наверно интересными и важными для гидротехников Союза, а также разрешить делать ему продуктовые передачи, вследствие слабого состояния его здоровья.

мать профессора Ризенкампа

Ленинград, ул. Красных Зорь, 61, кв. 12.
Елизавета Георгиевна Ризенкампа

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 23-24. Автограф).

127

И.И. Эртель – Д.Б. Рязанову

Севастополь, 4 марта 1930 г.

Глубокоуважаемый Давид Борисович!

Не зная Вас лично, но много слыша о Вашей доброте, отзывчивости и бесконечной справедливости, не имея возможности видеть

Вас во время своего пребывания в Москве, прошу не отказать выслушать меня письменно и дать свои указания и совет.

Сын мой, Андрей Вячеславович Эртель, был арестован в июне 1929 г. Севастопольским ОГПУ, и после приговора, состоявшегося в первых числах января с. г. сослан в концлагерь сроком на три года. Обвинение предъявлено ему по ст. 57 пункт 13.

Последнее крайне поразило как сына, так и меня, ибо ни одной минуты не сомневались, что по рассмотрении дела обвинение будет снято и сын будет оправдан, ибо никаких оснований к обвинению быть не могло. Сын мой никогда не служил в белой армии и всегда был истинным гражданином Советской республики. Тем более невероятно обвинение его (по дошедшим до меня сведениям) якобы в службе в контрразведке, причем последнее основывается лишь на каком-то случайном сходстве с каким-то офицером контрразведки.

Повторяю вновь, сын мой никогда не был офицером и это может быть подтверждено свидетелями.

Причиной ареста послужил видимо донос лица, добывающегося женой моего сына и желавшего от него избавиться. О возможности такого доноса можно судить по письмам моей невестки. Странно несколько и стечение обстоятельств, предшествующих аресту. Ему ставят как-будто упреком его работу грузчиком, поэтому считаю необходимым изложить следующее:

По окончании в 1917 году реального училища сын поступил в Екатеринославский горный институт, где пробыл до начала 1920 года и был вынужден оставить последний, т.к. вследствие смены власти учение не протекало нормально и институт был даже закрыт. По возвращении в Севастополь, к месту жительства, и из-за невозможности устроиться на какую-нибудь постоянную работу, сын в силу тяжелого материального положения работал зачастую в качестве грузчика. В 1921 году он вступил в артель и был принят в союз Транспортных рабочих.

В 1923 году ему было предложено союзом место сначала счетовода, а потом бухгалтера в Крымрайуправлении 1 отд. Общества Транспорта, где проработал вплоть до расформирования последнего, т.е. до 1927 г. После этого он получил временную работу по этой же специальности в Севастопольской конторе "Погрузка", а затем за неимением места вновь вернулся к своей работе грузчика, которую продолжал до момента ареста.

Ходатайство о пересмотре дела сына мною возбуждено перед прокурором ОГПУ и Е.П. Пешковой.

Еще раз прошу Вас сделать все возможное и заранее приношу Вам свою горячую благодарность.

И.И. Эртель

Адрес: Севастополь улица Паженова 9

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.8, л.25. Автограф).

128

А.К. Ризенкампф – Д.Б. Рязанову

Москва, 6 марта 1930 г.

Многоуважаемый тов. Рязанов.

Я приехала специально из Ленинграда по делу о величайшей несправедливости, допущенной в отношении моего брата гр. Ризенкампфа. 3 дня я уже прихожу без всякого результата, т.к. Ваш секретарь болен и доложить Вам некому. Сегодня в 9 вечера я должна уезжать, т.к. будучи служащей, получила ограниченный отпуск и поэтому настоятельно прошу Вас уделить мне 5 минут времени, чтобы выслушать меня. Простите мне мою невольную назойливость.

Уважающая Вас

А. Ризенкампф

(ЦА ФСБ, N P -37 181, т. 8, л. 22. Автограф).

129

Е. Озерова – Д.Б. Рязанову

Москва, середина марта 1930 г.

Муж мой, бывший профессор Озеров Иван Христофорович, был арестован 27 января сего года по ордеру ОГПУ N 2452. Сначала содержался на Лубянке, затем в начале марта был переведен в Бутырскую тюрьму, где пролежал в больнице, а теперь опять находится в тюрьме на Лубянке. Это старик (ему 61 год), давно нигде не служит, уже отошедший от жизни, года три нигде не служит. Страдает тяжелым нервным расстройством. Все последние годы постоянно лечился ...⁷¹ Работал над вопросом о пробуждении экономического творчества, как могли бы влиять на пробуждение этого творчества на-

ша школа, искусство, литература, театр и т.д. Все его рукописи при обыске взяты.

За что он взят, в чем он может обвиняться - я ничего не знаю. Никаких справок, ни свиданий мне не давали.

Ввиду того, что такое длительное пребывание в тюрьме при его надломленном здоровье и психике грозит ему гибелью, я прошу Вас поспособствовать его скорейшему освобождению.

Елена Озерова

Адрес:

Мерзляков переулок угол улицы Воровского дом 1, кв. 39.

(ЦА ФСБ N P-37 181, т. 5, л. 3. Машинопись).

130

В.В. Репман – Д.Б. Рязанову

Москва, 19 марта 1930 г

Члену Академии Наук т. Рязанову.

Научного сотрудника
Государственного политехнического музея
Репман Веры Витальевны,
проживающей по Китайскому пр. д. 3/4, кв. 13.

Заявление

15 января органами ОГПУ был арестован мой муж научный сотрудник Государственного политехнического музея Владимир Альбертович Репман, который содержится под стражей по настоящее время.

Мне совершенно не были известны причины его ареста и в областной прокуратуре 13 марта мне было сообщено, что следствие по его делу еще не закончено.

Но 13-го же марта, на проходившем в Политехническом музее производственном совещании, директор музея тов. Юровский⁷² публично рискнул порочить честь моего мужа, объявив собранию, что Репман, содержащийся 2 месяца в тюрьме, обвиняется в воровстве и научном вредительстве. При этом Юровский в пояснение сказанного указал, что мой муж "украл 5 руб., присланные по почте бывшему со-

труднику музея Депта" и кроме того в химической лаборатории музея в прошлом году постоянно пропадали мелкие вещи (съедались завтраки, конфеты и т.п.) и деньги сотрудников, что также приписывалось Юровским моему мужу В.А. Репману.

Научное же "вредительство", по словам Юровского, заключалось в том, что с год тому назад моим мужем был якобы умышленно испорчен в химической лаборатории музея образец кожи, с которым сотрудник кожевенного института т.Щеколдин производил опыты дубления, результаты которых должны были иметь большую будущность в кожевенной промышленности. И работа, по словам Юровского, была сорвана. По этому поводу считаю необходимым сказать, что хулиганство, неизвестно кем произведенное с порчей опыта над кожей, действительно имело место в лаборатории и было зафиксировано по моему настоянию заявлением в Правление музея т. Щеколдиным. Что же касается "кражи" моим мужем у бывшего сотрудника Депта 5 руб., то я должна пояснить, что когда-то осенью мною был получен по ошибке почтовый перевод на 5 р., присланный названному Депта. Затем это недоразумение выяснилось, и Депта, получив от меня деньги, никаких претензий не заявил. Опровергать далее приведенные Юровским подозрения в присвоении мужем чужих вещей и денег и т.п. я считаю излишним, столь лживо нелепо это предположение. В подтверждение своих подозрений т. Юровский на указанном совещании говорил, что будто бы ключи от лаборатории находились только у супругов Репман. Это неправда: ключи от лаборатории были и у целого ряда других сотрудников, а также и в распоряжении ночной охраны, проводившей ночной обход. Это обстоятельство может быть подтверждено личной распиской сотрудников, получивших ключи, хранящиеся у заведующего фабрично-заводским сектором Музея.

При вынесении резолюции по докладу Юровского было внесено предложение "отвернуться с презрением от Репманов". Таким образом опорачивается честь не только моего мужа, но и моя. Я заявляю, что все обвинения, выдвинутые Юровским и послужившие поводом для такого предложения, являются клеветой.

Моему мужу 53 года, он работает в Политехническом музее около 20 лет, кроме того занимается педагогической деятельностью (преподаватель физики).

Прошу Вашего вмешательства и содействия снять с моего мужа возведенные Юровским перед всем коллективом рабочих и служащих музея обвинения, позорящие его честь, и освободить его из-под стражи.

При сем прилагаю:

1) Отзыв о моем муже (копия) члена ВКП(б) тов. Лепешинского.

2) Копию заявления сотрудника кож. института т. Щеколдина.

В. Репман

(ЦА ФСБ, N P- 37 181, т. 8, с. 16-17. Автограф).

131

М.Минский – Д.Б. Рязанову

Москва, 29 марта 1930 г.

Глубокоуважаемый Давид Борисович!

У меня к Вам большая просьба поговорить с Прокофьевым о скорейшем окончании моего дела и о сообщении на службу в МСНХ о том, что я могу приступить к работе.

Меня в МСНХ к работе не допускают, ожидая сообщений из ОГПУ.

Я боюсь, что если дело пойдет канцелярским путем, может получиться неожиданный и нежелательный результат и я буду выслан из Москвы.

Уважающий Вас

М. Минский

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 34. Автограф).

132

Я. Хржановский – Д.Б. Рязанову

Москва, 4 апреля 1930 г.

Глубокоуважаемый Давид Борисович!

Согласно разъяснений, сделанных в ЦК Союза коммунальщиков, областной отдел при повторном пересмотривании моего дела, в заседании 15-III-30 г., аннулировал свое решение от 25-XI-29 г.⁷³ и возвратил мне профбилет, воздержавшись даже от выговора. Зная до какой степени Вы перегружены работой, я не смею отнимать у Вас время личным посещением, но от всей души шлю Вам самую искреннюю глубокую благодарность за избавление от тех лютых мук, что несет за собой перспектива быть выброшенным за борт советской общности.

Считаю без преувеличения, что разрешение моего конфликта спасает меня от моральной, а вместе с ней и от физической смерти. Всею душой преданный Вам и глубоко благодарный Вам

Я. Хржановский

(ЦА ФСБ N P- 37 181, т. 8, с. 7. Автограф).

133

В.В. Репман – Д.Б. Рязанову

Москва, 13 апреля 1930 г.

Уважаемый Давид Борисович!

Вчера 12-го апреля мне было дано свидание с мужем. От него я узнала следующее:

В течение 3-х месяцев было 4 допроса, на которых его просили рассказывать о своей вине. Предлагали сознаться в своих "деяниях", и когда он выражал полное недоумение и говорил, что он добросовестно работал в музее и на курсах по подготовке в Вузы, его обзывали "болотом" и отсылали опять в камеру. Никаких конкретных вопросов не предлагали на допросах. О той клевете, которую возводил на него директор музея Юровский, он не слышал. Последний допрос был 10-го февраля и после его больше не тревожили, а 10 апреля объявили о высылке в Туркестан.

Это все козни Юровского, человека злостного, карьериста, который, вступив в музей, желал найти "контрреволюцию" и когда не удалось доказать присутствие организации (органы ОГПУ ее в музее не обнаружили), то всеми силами старался засадить хотя бы одного. Если мой муж и имеет некоторые столкновения с Юровским, то ведь это не есть контрреволюция, за это он мог его уволить со службы, а не сажать в тюрьму.

Нервы моего мужа доведены до крайнего раздражения, все время рыдал, начал страдать болью верхушки легких.

Сегодня его высылают и передают в распоряжение ГПУ в Ташкенте.

Если еще не поздно, убедительно прошу похлопотать разрешить ехать за свой счет, с тем, чтобы хотя несколько дней ему передохнуть. (В камере на 20 койках жило 70 человек и так в течение 3-х месяцев!).

А также прошу похлопотать, чтобы оставить его в Ташкенте, а не высылали куда-нибудь в глушь. Это его единственная просьба, так как он надеется на другой исход.

Я все-таки думаю иначе, все-таки правда есть в СССР! И ее можно отыскать.

Для иллюстрации положения дела в музее приведу следующее:

В феврале месяце последовало и мое увольнение и, несмотря на протесты профессора Вильямса, моего непосредственного начальника, под руководством которого я работала, все-таки была уволена как "неспособный работник" (отзыв о моей работе прилагаю) и трудовой список мой запачкали.

Были такие случаи, что сотрудники приходили к директору и просили его внимательнее приглядеться к их работе, так как им кажется, что они добросовестные работники, а ему вдруг покажется, что они достойны передачи их в ОГПУ.

Бегство сотрудников из музея сейчас колоссально. Так в секторе, где я работала (фабрично-заводской), вместо 31 штатной единицы осталось 13.

Достойный ли человек стоит во главе такого большого государственного просветительного учреждения?

И дела моего мужа 9-65-09 от 23 января 30 г.

В. Репман

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 36. Автограф).

134

С.Н. Градовская – Д.Б. Рязанову

Ленинград, 19 апреля 1930 г.

Глубокоуважаемый Давид Борисович!

Прошу Вас помочь мне в деле моего сына, Петра Павловича Азеева, студента III курса химического факультета Ленинградского политехнического института имени Калинина. Арестованный 14 января сего года и обвиненный в участии в контрреволюционной организации сын мой был приговорен Коллегией ОГПУ к 5 годам концлагеря и отправлен 4 апреля с.г. в г. Архангельск.

Происходя от туберкулезных родителей (за две недели до рождения отца не стало от скоротечной чахотки), сын и сам с раннего детства постоянно хворал, что конечно побуждало меня проводить около него гораздо больше времени, чем то было бы необходимо при обыкновенных нормальных условиях и что дало бы мне возможность непосредственно следить за его развитием, как физическим, так и духовным. Пользуясь полным его ко мне доверием, я знала все его знакомства, так как те его сверстники и товарищи, с которыми он водил компанию как в школе второй ступени, так и после нее, очень

часто бывали у меня, говорили обо всем при мне, нисколько меня не стесняясь. Таким образом, я знала их образ мыслей, их взгляды, настроения, знала, что их интересовали вначале обыкновенные детские разговоры, книги, их уроки, школьные дела.

Поэтому могу определенно заявить, что разговоры их касались только повседневных тем и никаких политических вопросов не затрагивали.

С сыном, кроме его товарищей по школе, компанию водил его товарищ детства, живущий в течение долгого времени и по настоящее время и пострадавший только потому, что имел несчастье быть знакомым с моим сыном. Помимо этих лиц завязалось случайное знакомство. Для лечения болезни ушей мы обратились к известному в то время отиатру В.Н.Катин-Ярцеву, которому мой сын очень понравился и который пригласил сына бывать у него, Катина-Ярцева, для компании с его сыном Александром. Надо правду сказать, насколько был интересен покойный Катин-Ярцев, отец - настолько оказался неинтересным Катин-Ярцев сын. С первого же дня знакомства он поразил своей невоздержанной болтливостью, бахвальством. С течением времени, когда сын узнал его ближе, то не мог не обратить внимания на его лживость. Он хотел это знакомство прекратить, но сделать это по крайней навязчивости Александра Катин-Ярцева при мягкости характера сына, к сожалению, не удалось. Кроме того Катин-Ярцев не только звал сына постоянно и настойчиво к себе, но и начал ездить к нам, когда я уже наглядно смогла ознакомиться с отрицательными свойствами натуры Катин-Ярцева. В 1926 году, когда сын готовился к поступлению в вуз, Катин-Ярцев, встретив у сына Кувалдина, предложил обоим совместное чтение и обсуждение Карла Маркса, а также и других политиков-экономистов, но затем, убедившись лишний раз во вздорности и несерьезности характера Катин-Ярцева, отказались от совместных с ним чтений и обсуждений. В течение ближайших трех лет сын всячески уклонялся от встречи с Катин-Ярцевым, чему способствовал отъезд Катин-Ярцевых в Крым, а затем в Детское ввиду тяжелой болезни Катин-Ярцева, отца, из-за которого Катин-Ярцев, сын, отсутствовал в это же время в Ленинграде. В последнее время, я знаю, что Катин-Ярцев писал моему сыну неоднократно приглашения, но сын оставил их без ответа.

Вообще должна сказать, что сын, будучи довольно слабого здоровья и перенеся в 1926 году два раза экссудативный плеврит и воспаление легкого в очень тяжелой форме, все свои небольшие силы тратил на учебу в вузе и на давание частных уроков, так как я больная, а мой муж уже полтора года инвалид второй группы при пенсии в 30 рублей в месяц. Поэтому сыну приходилось и себя содержать, и нам помогать. Чтобы не затруднять Вашего внимания, желая быть наиболее краткой, скажу, что в никакой контрреволюционной органи-

защиты сын мой не участвовал, да и не мог участвовать, как это видно из предыдущего. Обвинение на него возведено Александром Катин-Ярцевым из каких-то уж побуждений мне неизвестно, во всяком случае из более чем низменных. Надо иметь в виду, что он выпущен на свободу и восстановлен в правах студента Сельскохозяйственного института в Детском Селе. Кроме того к трем годам высылки приговорен и сын известного ученого Пекарского и тем не менее также выпущен из заключения после вынесения приговора. Абсолютно нелепым представляется для меня обвинение сына еще потому, что он до своего ареста не знал никого из привлеченных по тому же делу лиц, а также потому, что сын во время последнего свидания со мной в тюрьме уверил меня честным словом в своей полной невиновности в предъявленном ему обвинении. Зная постоянную полнейшую правдивость сына, я не могу не верить его заявлению и не допускаю поэтому возможность каких-либо незаконных с его стороны не только действий, но и даже разговоров.

Вследствие всего сказанного, прошу Вас, Давид Борисович, возбудить вопрос о пересмотре дела моего сына в целях его реабилитации.

Уважающая Вас

Серафима Николаевна Градовская

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 40. Автограф).

135

М.Сегалова – Д.Б. Рязанову

Москва, 21 апреля 1930 г.

Муж мой, Лев Юрьевич СЕГАЛОВ, был арестован 30.X.1929 по ордеру ОГПУ за N 332. Вчера, 20 апреля 1930 г., мне стало известно, что он присужден к 10-ти годам концлагеря с конфискацией всего имущества и высылкой семьи из Московской области. Лев Юрьевич Сегалов работал инженером в бумажной промышленности с 1912 г., когда поступил служащим на бумажную ф-ку моего отца в Новоборисове, Минской губернии.

После Октябрьской революции он работал в разных хозяйственных учреждениях г. Москвы, а с 1919 г. вернулся на работу в уже национализированной советской властью бумажной фабрике моего отца, куда он был приглашен в качестве управляющего по просьбе рабочих ф-ки. Во время оккупации Минской губ. поляками в 1920 г. он был арестован вместе с целым отрядом рабочих польскими властями по подозрению в большевизме и освобожден из-под ареста вместе с

группой арестованных рабочих лишь накануне освобождения оккупированной области советскими войсками. В 1920 г. по распоряжению Главбума он был переведен на ф-ку "Сокол", где работал в течение 8 1/2 лет, в 1929 году был переведен Центробумтрестом на работу в Москву.

Мой муж с ранней юности вращался в революционных социал-демократических кругах и по своему образу мыслей является убежденным и горячим сторонником социалистической организации производства и диктатуры пролетариата. Свою личную задачу он видел лишь в посильном содействии индустриализации страны и отдавал этой задаче все свои силы. Вынесенный ему обвинительный приговор я не могу объяснить иначе как судебной ошибкой, возможной в каждом судебном процессе. Дело его вел следователь Краснушкин. Приговор в той его части, которая касается высылки семьи из Московской области, тем более несправедлив, что я с 1915 г. самостоятельно работала в качестве учительницы и до сих пор продолжаю эту работу. Членом профсоюза состою с 1919 года. Высылка из Москвы, которая в связи с конфискацией всего имущества оставляет меня без всяких средств существования, лишила бы в то же время мою дочь, 19 лет, которой остается один год до завершения инженерно-технического образования, возможности закончить его.

Характеристику моего мужа может дать тов. Фишер Г.М., старый большевик, член партии с момента ее основания, и тов. Фрумкина, член партии, занимавшая после революции ряд ответственных постов.

М. Сегалова

(ЦА ФСБ, N P - 31 181, т. 8, л. 41. Автограф).

136

Е. Неуймина – Д.Б. Рязанову

Москва, 24 апреля 1930 г.

Приношу Вам, глубокоуважаемый Давид Борисович, самую искреннюю горячую благодарность за все, что Вы сделали для моей дочери Н.Н. Центилович, я рискую еще раз утруждать Вас своей просьбой.

В прошлый раз я просила Вас походатайствовать о том, чтобы ее не отправили в Гурьев (в место назначенной ей ссылки), а оставили в Уральске, где она задержалась до начала навигации по Уралу. Теперь еще раз убедительно прошу Вас об этом же, так как после усиленных хлопот и долгих поисков ей удалось там устроиться на службу.

Очевидно, в Уральске большой недостаток в планово-финансовых работниках, так как за это время ей представлялась возможность три раза поступить на место, но затем отказывали, видимо не получив на ее прием разрешение ГПУ. Наконец в четвертый раз ей повезло поступить на службу: с 30 марта она работает по своей специальности статистиком-экономистом. Это дает ей возможность существовать и расплачиваться с долгами, которые она была вынуждена сделать. Если же ее отправят из Уральска, то снова придется бедствовать и ей, и ее девочке, которая лишь начала оправляться ото всего, перенесенного за время дороги и безработицы матери. Все надежды я возлагаю на Вашу доброту и отзывчивость и очень извиняюсь, что снова затрудняю Вас.

Е. Неуймина

(ЦА ФСБ, N P - 37181, т. 8, л. 43. Автограф)

137

Д.М. Петрушевский – Д.Б. Рязанову

Москва, Земляческий пер., 13, кв.16
26.IY.30 г.

Уважаемый Давид Борисович.

Очень прошу Вас принять жену А.М. Фокина, с которым опять стряслась беда. Его зачем-то арестовали третьего дня ночью, хотя решительно никаких провинностей он за собой не чувствует. Крепко жму Вашу дружескую руку.

Преданный Вам

Д.Петрушевский

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 44. Автограф).

138

М.С. Гудович – Д.Б. Рязанову

27 апреля 1930 г.

Многоуважаемый Давид Борисович.

Прошу Вас за моих сыновей Дмитрия и Андрея Александровича Гудовичей, которые находятся в концлагере на три года.

Старший, Дмитрий, - в Кеме, а младший, Андрей, - дальше. Но адрес их один и тот же: Авт. Кор. ССР Кемь У.Р.Л.О.Н.

Убедительно прошу о переводе их на минус шесть в какой-нибудь город, где бы они могли работать. В концлагере свирепствует эпидемия сыпного тифа. Нахожусь в постоянном страхе потерять их. Должна ежемесячно посылать им на жизнь, а посылать нечего. Обвинения обоим никакого предъявлено не было, а только сказано, что здесь им жить неудобно из-за возраста. Мы же никакого тяготения не имели к этому месту и с удовольствием перебрались бы в другое, если бы только получили разрешение на это.

Выходит, что старший без обвинения находится в этом положении уже семь лет.

Искренне уважающая Вас

Мария Гудович

1930. 27-го апр.

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 45. Автограф).

139

К.А. Сабурова – Д.Б. Рязанову

Владимир, 29 апреля 1930 г.

Глубокоуважаемый Давид Борисович!

Обращаюсь опять к Вам относительно моих братьев Б.А. и Ю.А. Сабуровых. Ввиду того, что они оба больны (туберкулез легких и болезнь сердца) прошу разрешить им жить вместе и в любом городе на Урале, только где бы они могли что-нибудь заработать, и закрепить их затем городом. А до тех пор их все отправляют дальше и дальше. Ни я, ни мать не имеем возможности их содержать, так как обе безработные (мы живем случайными заработками: я - рукоделием, а мать - переводами с иностранных языков, которые бывают очень редко). Находятся они: Борис Александрович Сабуров в Юртах Сиво-хреп, Самровского района, Тобольский округ. А Юрий Александрович Сабуров в Юртах Сайгатины Сургутского района, Тобольский округ. Там ни почты, ни телеграфа не имеется, а письма идут более месяца до них. Не откажите содействовать облегчению их участи, а именно соединить их вместе в городе, где бы они могли бы зарабатывать на свое существование. Оба они художники-иллюстраторы московских журналов и сосланы на Урал сроком на три года. Ввиду

слабого здоровья особенно прошу обратить внимание на суровые условия, в которые они попали.

Уважающая Вас

Ксения Сабурова.

Мой адрес:
г. Владимир на Клязьме. До востребования.
Ксении Александровне Сабуровой.

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т,7 ,л. 146. Автограф)

140

А. Гесин – Д.Б. Рязанову

Москва, 5 мая 1930 г.

Дорогой Давид Борисович!

Только на пороге отчаяния я решаюсь воспользоваться вашим любезным разрешением обратиться к Вам за помощью в случае острой нужды.

Вот уж год и 10 месяцев, как я исключен МКК из партии "...за клевету на ряд работников в целях сведения с ними личных счетов". Я бьюсь как рыба об лед, напрасно добиваюсь пересмотра дела - где уж, что уж - а изменения меры наказания: пусть все что угодно, только не политическая смерть - не полужизнь вне рядов партии, вне возможности быть в рабочей среде, отдавать ей свои силы, умение, знания, способности.

Когда я был у Вас - Вы как-то сказали мне, что отношение к интеллигенции в партийных кругах несколько смягчилось. Я ответил, что на себе этого не чувствую - как и на примерах ряда тов. (уже застрелившихся, между прочим).

Напрасно стучался я в дверь ЦКК - получил лишь сухой канцелярский ответ, что не могу быть восстановлен "за давностью"; мне разрешается вернуться в партию "на общих основаниях через ячейку" - т.е., выражаясь хирургически - возврат для меня закрыт наглухо.

Меж тем сейчас в партию принято 200000 рабочих и таким образом надо обработать - глубоко, основательно - около миллиона людей. И таким как я - широкое поле работы: ведь я квалифицированный организатор, агитатор, пропагандист (врач, биолог, историко-экономист и неплохо подготовленный марксист по образованию), я проделал за последние 12-13 лет огромную практическую работу во всех областях партийной, профсоюзной, советской и хозяйственной жизни.

Кроме того, в партию идет инженерно-профессорская группа, в революционно-партийном смысле не стоящая пока ничего. И с нею есть что проработать, о чем поговорить и что делать.

А я вне жизни, вне партии. Вы больше чем учитель мой. По своей чуткости, по своему темпераменту Вы не можете не понять мое состояние.

Помогите мне, если можете, если хотите. Это не слишком затруднит Вас.

С комприветом, Преданный Вам и уважающий

А. Гесин

P.S. Моя участь зависит от Орджоникидзе, Енукидзе, Марии Ильичны, Надежды Константиновны, Сахаровой.

Только ради всего святого не направляйте меня к Соловьеву или Шкирятову.

Ваш А.Г.

*Мой адрес: Москва, Сретенка, Колокольников пер, д.24, кв. 36
тел. 4-90-50 Доктору Гесину.*

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.8, л. 47).

141

Е. Неуймина – Д. Б. Рязанову

Москва, 5 мая 1930 г.

Многоуважаемый Давид Борисович.

В дополнение к моему последнему к Вам письму сообщаю, что вчера, 4 мая, получила от дочери моей Н.Н. Центилович, из Уральска, телеграмму с уведомлением, что ее отправляют немедленно в Гурьев, несмотря на то, что ей удалось уже устроиться на службу, немного оправиться от дороги самой и ее ребенку.

Опять прошу Вас вступиться срочно за нее, так как новый переезд (600 км по реке Уралу) страшно тяжел, особенно для ребенка, климатические условия в Гурьеве весьма плохие, очень мала вероятность найти там работу, для чего и в Уральске пришлось употребить массу времени и энергии. Таким образом, и материально устроиться там нет никакой надежды. Если только есть какая-нибудь возможность, помогите моей дочери остаться в Уральске, чем окажете большую неоценимую помощь ей и ее девочке.

Ел. Неуймина

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 46. Автограф).

142

П.В. Танеев – Д.Б. Рязанову

Москва, 13 мая 1930 г.

Глубокоуважаемый Давид Борисович.

Моя жена обратилась к Вам с просьбой через Суханову Г.К. Гр. Правоморова, который с большой семьей (жена и девять человек маленьких детей) в очень тяжелом положении. Теперь их положение еще ухудшилось тем, что дети заболели у них корью. При этой болезни главное - по словам доктора - должно быть молоко. Но у Правоморова взята корова, и дети молока совсем не имеют.

Может быть возможно было бы до рассмотрения его дела в высшей инстанции сделать распоряжение, чтобы местные власти ему вернули корову, так как другим коров возвращают.

Простите, что беспокою Вас и пишу Вам это письмо, но положение семьи Правоморова настолько тяжело, что я решился это сделать.

С глубоким уважением

П. Танеев

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 49. Автограф)

143

В.В. Репман – Д.Б. Рязанову

Москва, 16 мая 1930 г.

Уважаемый Давид Борисович!

Ознакомившись с делом моего мужа, Вы обещали дать мне ответ на мои обращения к Вам. Где и когда я смогу его получить! Я несколько раз заходила в Институт, но Вас не заставала.

13-го апреля мой муж был назначен к высылке в Среднюю Азию и с 13-го апреля я не имею о нем никаких известий. Выслан ли он, застрелян ли где в дороге в пересылочных тюрьмах или умер - на эти вопросы не могу получить ответы ни в ОГПУ, ни в Красном Кресте.

Войдите в мое положение, помогите облегчить его участь, и если он находится еще где-нибудь в дороге, выхлопотать ему возможность ехать дальше на свой счет.

В. Репман

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 38. Автограф).

144

М. Цоглина-Желудская – Д.Б. Рязанову

Москва, 18 мая 1930 г.

Уважаемый Давид Борисович.

Разрешаю себе опять обратиться к Вам с просьбой возобновить и продолжить начатые Вами хлопоты о Цоглине-Каце (Тарас).

Я узнала, что он обвиняется по 58 статье примечания 7-8. Я твердо убеждена, что к этому нет никаких оснований.

По-видимому, следствие близится к концу. Объясняю, что его переводят в Бутырскую тюрьму. Принимая во внимание его возраст (54), слабое здоровье (болезнь печени с острыми припадками), долгое заключение при тяжелых условиях могут окончательно превратить его в инвалида, очень прошу Вас похлопотать об освобождении Тараса до приговора, тем более, что он сидит совершенно невинно, и не мог совершить никакого преступления против советской власти.

Если Вы найдете возможным, я очень прошу принять меня лично.

М. Цоглина-Желудская

(ЦА ФСБ, NP-37 181, т. 8, л. 67. Автограф).

145

Г.В. Караманенко – Д.Б. Рязанову

Москва, 28 мая 1930 г.

Глубокоуважаемый Давид Борисович.

Возвращаясь с лечения из Севастополя в г. Алма-Ата, где я остался работать, пользуюсь случаем принести Вам глубокую благодарность за все то, что Вы сделали для меня в тяжелые дни моей болезни, ссылки и пр.⁷⁴

Пишу под впечатлением рассказов моей матери и жены, с которыми я только теперь смогу видеться, узнать подробности мытарств по разным "инстанциям" в 1928-1929 гг. и о той редкой отзывчивости и понимании, которое Вы оказали мне.

Очень хотел поблагодарить Вас лично, но не хочу отнимать у Вас время на приеме, к тому же завтра я выезжаю в Алма-Ата.

Ваш бывший "зав. канц." Г. Караманенко

Москва 69 М. Никитская д. 15, кв. 24.

(ЦА ФСБ, N P -37 181, т. 8, л. 50. Автограф).

146

В.В. Чичкина – Д.Б. Рязанову

Москва, 31 мая 1930 г.

Многоуважаемый Давид Борисович.

Решаюсь обратиться к Вам, так как слышала, что Вы всегда отзывчиво относитесь к людям, невинно попавшим в тяжелое положение. Мой брат Александр Васильевич Чичкин, который Вам, вероятно, известен, как бывший глава молочного дела, неделю назад - в ночь с 21 на 22 мая был арестован на дому. Есть предположение, что был донос на то, что у него сохранились большие богатства от старого времени, по крайней мере во время обыска требовали сообщить, где находятся его драгоценности. При обыске было найдено некоторое количество золота.

До революции он всегда активно относился к революционному движению и с середины 90-х годов до революции 1917 года чуть ли не ежемесячно давал известную сумму ЦК большевистской партии, о чем, вероятно, известно многим деятелям прежнего времени. Среди своих рабочих и служащих он допускал вести подпольную работу и сам неоднократно арестовывался.

В начале революции в связи с тяжелыми семейными переживаниями - смерть единственного сына и двух братьев - уехал за границу и вернулся около 1922 г., сначала занимался своим торговым делом, а последние 4 года состоит на службе в Наркомторге по своей специальности и только что прошел чистку.

Как лицу, имевшему большие заслуги перед революцией, ему был возвращен небольшой домик, что может быть и вызвало зависть лиц, населявших прежде этот дом.

В случае, если Вы, Давид Борисович, найдете возможным помочь в этом деле брату, больному старику, и пожелаете узнать подроб-

ности, прошу сообщить через Вашего секретаря, я приехала из Ленинграда специально по этому делу на несколько дней.

Старший ординатор Родильного дома
доктор В. Чичкина

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 51. Автограф)

147

Е.Я. Кобранов – Д.Б. Рязанову

Кзыл-Орда, 5 июня 1930 г.

Члену ЦИКа СССР, ВЦИКа РСФСР и Всесоюзной
академии наук Академику Рязанову
админ. ссылки в Казахстан на три года Коб-
ранова Евгения Яковлевича

Заявление

Во имя непреходящей ценности науки и научного труда настоящим убедительно прошу из песков Казахстана Вас поддержать перед Особым Совещанием мою нижепрележащую просьбу о сокращении срока ссылки на год, или о замене ссылки высылкой на тот же срок с правом избрать себе местожительство по собственному желанию. С переводом столицы Казахстана в г. Алма-Ату в г. Кзыл-Орда почти не осталось научных книг по моей специальности, а равно и научных работников-востоковедов, с кем можно было бы обмениваться мыслями по существу моих работ. Выезд за пределы города для изучения древних городищ, базаров, мечетей, кладбищ и оросительных сооружений общим положением о ссылных не допускается. Выписывая дорогие и редкие книги на последние гроши, я здесь закончил научный этюд на тему: "Предки казахского народа" (7 печат. лист.) и веду переписку о напечатании его с четырьмя издательствами в ответ на их предложения. Два же других исследования мне хотелось бы обработать окончательно в Москве при помощи огромных книжных сокровищ последней.

Как научно-книжный центр Москва является для меня и Иерусалимом, и Меккой, и Третьим Римом, о возвращении куда меня и побуждает просить Вас "любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам".

С глубоким уважением к Вам

Е. Кобранов⁷⁵

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 53. Автограф).

148

М. Минский – Д. Б. Рязанову

Москва, 9 июня 1930 г.

Многоуважаемый Давид Борисович!

Я все время не беспокоил Вас, так как думал, что мое дело разрешится благополучно. Однако вот уже два месяца, как я вышел из тюрьмы, и все это время мне не только не дают нигде работать, но под влиянием ареста меня вычистили из МСНХ по 2-й категории.

Теперь я узнал, что мне грозит высылка из Москвы. По дошедшим до меня слухам, меня обвиняют в том, что я не мог не знать о вредительстве и не принял мер к его предотвращению. Не знаю, правда это или нет, но согласитесь, что такое обвинение можно предъявить кому угодно.

Я считаю прямо возмутительным такое отношение ко мне, которого я не заслужил ни своей прошлой жизнью, ни своей деятельностью в настоящее время.

Я уверен, что следствие, которое длится уже пятый месяц, установило мою полную непричастность к какому-либо вредительству, но также установило большую работу, которую я вел в различных областях нашего строительства.

Я уже не говорю о том, что высылка из Москвы разорит меня и мою семью, но она ужасна еще и потому, что лишит меня возможности спокойно работать так, как работал до этого времени и сведет мою роль в строительстве до роли мелкого чиновника.

Все это заставляет меня вновь просить вас, Давид Борисович, помочь мне ликвидировать выдвинутые против меня совершенно незаслуженные обвинения.

Уважающий Вас

М. Минский

P.S. Дело мое находится в Московском областном отд. Г.П.У. (М.О.Г.П.У.) персонально у начальника этого отделения Еланского.

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 56. Автограф).

149

В.А. Свердлова – Д.Б. Рязанову

Москва, 10 июня 1930 г.

Многоуважаемый Давид Борисович.

Дело ФерAPONта Ивановича Витязева, - без движения. Выяснено, что арестован он в связи с делом, возбужденным против Академии

наук. В 1918 году им был отвезен архив Учредилки в Академию, конечно официально и под расписку. Теперь, в связи с арестами "белых" академиков удумали, что Витязев мог иметь "политическую связь" с этими белыми академиками. Утверждают все его друзья, что это не может быть. Второе **предположительное** обвинение состоит в том, что за границей появились заметки о положении беспартийных литераторов, журналистов, о политической цензуре и т.д. Опять-таки "удумали" "а почему бы это не мог написать Витязев!" И вот со всей этой нелепостью держат человека уже 1 1/2 месяца, не могут ничего доказать (ибо нет ничего).

Надо поторопить дело и освободить человека, сидящего без **вины**.

Давид Борисович, сделайте что-нибудь. Очень досадно и тяжело. Вызовите меня через Галину Константиновну, тел. 5-89-44.

Вера Александровна Свердлова

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 6, л. 132-133. Автограф).

150

Денисьева – Д.Б. Рязанову

Москва, 13 июня 1930 г.

Уважаемый товарищ Рязанов.

Простите, что беспокою Вас, но крайне тяжелая необходимость вынуждает меня просить Вашей помощи.

В Ленинграде, в Управлении архивными делами с 1918 года служил под Вашим начальством Денисьев Борис Сергеевич. Затем он в течение 12 лет служил непрерывно в других учреждениях, пока по преклонному возрасту и болезни был признан инвалидом и получал пенсию, причем временами работал в инвалидных артелях. В январе 1930 г. он подвергся чистке по первой категории и был лишен выслуженной им пенсии и всех других преимуществ и остался больным с калекой на руках без всяких средств к существованию. В настоящее время его дело находится здесь в НКВД для окончательного разрешения. Не зная его как работника и как человека могут утвердить этот суровый приговор.

Все вышесказанное заставляет меня, за его отсутствием, просить Вас принять участие в отмене не заслуженного им решения

Ленинградской Комиссии и возвращении ему справедливо выслуженной им пенсии со всеми преимуществами.

Денисьева

P.S. Позволю себе напомнить, что дело очень спешно, т.к. оно назначено к пересмотру в течение 24 дней, № телефона 3-33-32. Я жду срочного ответа с швейцаром.

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 58. Автограф)

151

А. Каплан – Д.Б. Рязанову

*Москва, 23 июня 1930 г.
тел. 80 -54*

Глубокоуважаемый т. Рязанов,

Снова решаюсь Вас беспокоить своей просьбой сообщить мне, если у Вас имеются какие-нибудь сведения по делу моего мужа Влад. Натан. Каплана.

Уважающая Вас

А.Каплан

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.8, л.63. Автограф).

152

В.О. Цедербаум-Левицкий – Д.Б. Рязанову

Свердловск, 27 июня 1930 г.

Многоуважаемый Давид Борисович!

Я позволю себе обратиться к Вам с нижеследующим делом, касающимся не меня, зная Ваше отзывчивое отношение в подобных случаях. Я не уверен, сделаете ли Вы и захотите ли даже содействовать спасению от гибели - в этих словах, по глубочайшему моему убеждению, ни капли преувеличения - человека, подающего надежды в качестве научной марксистской силы, но я считаю своим нравственным долгом обратить Ваше внимание на этот случай.

Речь идет о Борисе Яковлевиче Рабиновиче (он же Монос Львович Розин), которого я знаю по совместному заключению в Суздальском политизоляторе. Арестованный в конце 23 или начале 24 г. в Харько-

е под фамилией Рабиновича, он был осужден на два года изолятора. по отбытии которого он был сослан на Урал и отбыл 3 года в г.Ишиме в Ишимском округе. Окончив срок ссылки весной прошлого года, Рабинович только и мечтал оказаться в "минусах", избрав город, в котором он мог бы отдаться научным работам и закончить работы, начатые еще в изоляторе и в ссылке. Но мечта оказалась разбитой. Уже по окончании ссылки его арестовывают в Ишиме и, привезя в Свердловск, создают против него новое дело.

"Дело" это заключается в том, что, как выяснилось, его имя, Рабинович - не Рабинович, а настоящая фамилия Розин, чего он нисколько не отрицает. И хотя за свою деятельность, ради которой он жил нелегально, он отбыл наказание в изоляторе и ссылке, ему "шьют" новое дело, без предъявления конкретных обвинений. Ценою 16-дневной голодовки Розин-Рабинович добивается освобождения до решения дела и оставления в Свердловске. Здесь он с жадностью бросается на книги, до этого недоступные для него в ссылке и одновременно поступает экономистом на службу в Уралоблсовнархоз, где его знания и способности были очень скоро оценены. Но не проходит 3-4 месяцев и в начале августа 1929 г. его снова арестовывают и объявляют новый приговор - 3 года Обдорска. Нужно знать условия жизни политических ссыльных в Обдорске не только в царское, но и в настоящее время, чтобы понять, что для Рабиновича-Розина, вообще не очень сильного здоровья и сильно подорванного последней 16-дневной голодовкой, это означало бы верную гибель. Он вторично объявляет голодовку, на этот раз без воды (сухую) и продолжает в пути, так как его голодающего везут через Тюмень в Тобольск. В Тюмень его привозят в таком состоянии, что его освобождают там и оставляют временно на жительство в Тобольске. На службу его в Тобольске не принимают; Рабинович продолжает усиленно лечиться. врачи определенно признают его серьезно больным и указывают, что в Тобольске ни климатические, ни медицинские условия не дадут ему возможности лечиться; несмотря на это местное ГПУ приказывает назначить ему медицинскую комиссию для официального освидетельствования на предмет отношения его к ходатайству в Московское ОГПУ с разрешением ему переехать в другое место. Когда уже об этом в Москве хлопочет Е.П.Пешкова, ей отвечают: теперь зима. все равно больному нельзя выехать зимой, об этом поговорим весной. А весной, вместо того чтобы переправить Рабиновича в нужный климат, его пересылают на 150 верст к северу от Тобольска, в глухое село Уват, где он в настоящее время и находится.

Такова фактическая сторона дела.

Теперь о самом Рабиновиче-Розине. В настоящее время ему 30 лет. Еще до своего ареста, т.е. в возрасте 23-24 лет он, будучи

студентом Харьковского Института Народного Хозяйства, усиленно изучает теорию, политическую экономию и ее историю, которая в особенности привлекает его внимание. Несмотря на партийную работу, ему удается много времени уделять научным занятиям и еще тогда совместно с В.Семеновой была составлена серия хрестоматий по политической экономии ("Экономическая система социализма в ее развитии") под редакцией проф. Удалбува, авторы П.Розов и В. Семенова, ряд выпусков которого (4 или 5) был издан Госиздатом. В изоляторе и ссылке, несмотря на неблагоприятные условия и трудность получения необходимых книг, усиленно штудировал политэкономии и по первоисточникам и в настоящее время является высокообразованным и знающим специалистом как в области старой, так и современной политэкономии.

Но Рабинович-Розин не только эрудит. Изучение истории политэкономии в связи с историей общественных отношений вызывает у него целый ряд теоретических проблем, над которыми он усиленно работает и которые он разрабатывает в литературной форме. Чрезвычайная добросовестность и скромность его работ не позволили ему до конца довести ни одной из многочисленных работ, так как в условиях, в которых протекала его работа, всегда оказывалось, что ему не хватает какой-нибудь работы автора, которому посвящено было данное его произведение, или какой-нибудь книги по интересующему его вопросу, без прочтения которой он не считал возможным закончить работы.

Я лично не считаю себя знатоком в политической экономии, чтобы судить, в какой степени Рабинович-Розин является крупной величиной в этой области, насколько его оригинальные идеи могут оказаться вкладом в науку. Как читавший некоторые из его работ и много беседовавший с ним на научные темы, я могу только констатировать большую его начитанность в этой области, острый критический ум, несомненный историзм и умение понять эпоху и рассмотреть автора в связи с этой эпохой, ясность и логическое изложение, наличие некоторых литературных способностей, хотя и встречается шероховатость в изложении.

Из известных мне его работ укажу на 1) большую почти законченную работу "Кенэ и Маркс", основанную на изучении первоисточников и восстанавливающую историческую преемственность и связь между экономической таблицей Кенэ и теорией воспроизводства Маркса, 2) большая работа, посвященная Томсону - излюбленному автору Рабиновича-Розина, рассматривающая Томсона как высшую теоретическую точку "раннего социализма", составляющего промежуточное звено между утопическим и научным социализмом. Ряд очерков изготавливаемой к печати работы по истории социальной экономики

(о Томсоне, Оуэне, Грее, Брее, Галле, Спенсе, Годвине, первый том этой работы почти готов. При этом прилагаю очерки из этой серии (о Годвине, Галле и Брее).

Из напечатанных его работ слышал о вчерне написанной и незаконченной его работе о теории П.П.Маслова и о написанной по предложению Харьковского издательства "Пролетариат" первой части работы о кризисах (в виду пересмотра работы издательства работа эта не пошла и пропала в издательстве).

В прошлом году во время своего короткого пребывания в Свердловске Рабинович послал в "Летопись марксизма" небольшую статью о ранних английских социалистах. В ответ на нее Вы предложили ему написать на ту же тему очерк, менее общего характера, посвященный одному определенному автору. Выполнить это Рабинович не смог ввиду последовавшего ареста и новой ссылки.

Вот, кажется, и все, что можно Вам сказать по этому поводу. Предоставляю Вам судить на основании приведенных мною фактов и прилагаемых статей, стоит ли Рабинович-Розин тех затрат усилий, которые могут потребоваться для того, чтобы облегчить его участь и дать ему возможность научно работать. Конкретно такими условиями явились бы климатически сносный город, наличие в городе не только серьезной медицинской помощи, но и медицинских социальных учреждений, а также город с хорошей библиотекой (преимущественно университетской).

Со своей стороны позволю себе прибавить, что, насколько я знаю, единственным желанием Раб.-Роз. в настоящее время является работать в области научной, и, следовательно, его переход в другое место не может как-будто встретить препятствия с точки зрения государственной безопасности.

Надо ли оговаривать, что я обращаюсь к Вам по своей личной инициативе, без всякого полномочия и ведома со стороны Раб.-Розина. В наше время немало лично известных и не известных моих товарищей буквально медленно умирают в различных Обдорсках, Нарымах, Турухансках и т.д. Спасти их всех от гибели нет возможности. Вероятно, их гибель для кого-либо и для чего-то нужна, но мне лично кажется, что гибель такой молодой и подающей надежды силы, как Рабинович-Розин решительно никому и ни для чего объективно не нужна. И я делаю попытку обращением к Вам содействовать его спасению.

Извиняюсь за причиненное Вам беспокойство.

Остаюсь искренне уважающий Вас

В. Цедербаум-Левецкий⁷⁶

153

М.Цоглина-Желудская – Д.Б. Рязанову

Москва, 5 июля 1930 г.

Уважаемый Давид Борисович!

Позволю себе опять напомнить Вам дело В.А. Цоглина (Давид Кац-Тарас). Дело в том, что следствие уже закончено и скоро ожидается приговор.

Я прошу Вас возобновить хлопоты по освобождению Цоглина. Я опять повторяю, что если Цоглин будет осужден, то произойдет большая непоправимая ошибка, так как Давид Кац не может быть вредителем. Я убеждена, что нет и не может быть данных, кроме злостных оговоров лиц, находящих в этом свое спасение.

Давид Борисович! Вся надежда на Вас, не дайте осудить человека невинного, отдавшего больше половины своей сознательной жизни революции.

Я буду ждать ответа.

М. Цоглина-Желудская

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 66. Автограф).

154

Д.М. Петрушевский – Д.Б. Рязанову

Москва, 13 июля 1930 г.

Уважаемый Давид Борисович!

Ко мне обратилась жена А.М.Фокина с просьбой обеспокоить Вас по такому делу. Ее мужа осудили к ссылке на Север на три года. Она просит Вас похотатайствовать с тем, чтобы его, отправив из Москвы по этапу, дальше Архангельска не посылали и в Архангельске и оставили. Простите, что беспокою Вас, но видите, какое дело. Крепко жму Вашу руку.

Искренне преданный Вам

Д. Петрушевский

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 72. Автограф).

Ю. Проферансова – Д.Б. Рязанову

Москва, 30 сентября 1930 г.

Тов. Рязанов!

Я очень бы хотела видеть Вас лично, но ввиду того, что Вы очень заняты, отсылаю Вам письмо.

14 августа 1930 года на Новой Мацесте Сочинским ГПУ был арестован мой муж Николай Иванович Проферансов, который работал у Вас в Институте в течение нескольких лет в качестве научного работника. До 22 сентября Н.И. Проферансов находился в ГПУ гор. Новороссийска, а 24 сентября его перевезли в гор. Москву. Н.И. Проферансов жил на Новой Мацесте все время своего очередного отпуска в квартире доктора Н.З. Дешевой - оттуда и был взят. Новороссийское ГПУ относится к Проферансову, как это ни смешно, как к сектанту - это обвинение выдвинуто против него.

Тов. Рязанов, Вы знаете Проферансова по его работе в Институте, и я прошу Вас поговорить с тов. Менжинским, охарактеризовав ему Николая Ивановича.

Этим письмом посылаю Вам копию письма непрямого секретаря Академии наук СССР Вячеслава Петровича Волгина⁷⁷. Подлинник я отослала в ГПУ города Новороссийска.

Ю. Проферансова

P.S. Тов. Рязанов. Очень прошу Вас копию письма В.П.Волгина при свидании с Менжинским передать последнему.

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 73. Автограф).

К.И. Цедербаум – Д.Б. Рязанову

Саратов, 4 октября 1930 г.

Уважаемый Давид Борисович.

Не прошло и 8 месяцев, как я тревожила Вас по делу своего сына Юлия, а теперь снова приходится обращаться к Вам. Но иного выхода у меня нет, ибо на карту ставится слишком много.

16-го сентября были арестованы Сергей Иосифович, я и сын наряду со всеми отбывающими минусы в Саратове после ссылок из-за принадлежности к социал-демократии. Уже из одного этого факта

ясно, что "дела" быть не может, так как арестованы люди совершенно случайно объединенные местом отбывания минусов. Взятые и двое уже кончивших ограничения Святицкий и Чичерин, они служили здесь. Их спрашивали, зачем они остались в Саратове, как будто надо бросать работу, полученную с таким трудом после долгой безработицы и ехать неизвестно куда и зачем только потому, что кончил минусы.

Для нас, девять лет пересылаемых из одной ссылки в другую, и приближавшихся к концу наших ограничений и к восстановлению во всех правах гражданства (6-го декабря кончается наш срок) этот арест был не только неожидан, но и вопиющ по своей нелепости.

Правда, разговор Сергея Осиповича 2 года назад с приезжавшим сюда уполномоченным Колосовским заставил С.О. тогда же написать Вам о том, что, видимо, вновь имеется намерение не оставить нас в покое. Теперь это стало фактом.

Никакого конкретного обвинения нам не предъявлено, так как и быть не может. Мы жили очень уединенно, выдались лишь с теми, кто сам навещал нас. Болезнь моей сестры, Елены Ивановны, привезенной нам из Москвы в тяжелом состоянии, требовала сугубо спокойной обстановки и отнимала у меня лично массу времени. Благодаря только этому она стала поправляться. С.О. вынужден был усиленно работать, так как меня абсолютно никуда не хотели посылать, а сына постоянно снимали с места, едва он устраивался. При общем состоянии С.О. и его больном сердце этот образ жизни не мог позволять ему уделять много времени даже на чисто личные знакомства.

О том, что наш сын все время был далек от политики, интересуясь техникой и математикой, это Вам известно. Но он любитель спорта и шахмат. Теперь и это взято на подозрение. "Он общался с молодежью". "Где? за шахматами или в спортивном клубе?" Дико, но это так... Наученная жизнью и в частности последними 9 годами, я уверена, что если не будет обращено внимание на это вопиющее "дело", мы снова начнем свой круговорот, который для такого большого человека, как Сергей Осипович может быть роковым, а для сына - окончательным уничтожением всякой надежды на то, чтобы стать полезным членом общества, иметь возможность учиться, работать.

Если решено всю жизнь держать нас в положении ссыльных, то пусть сразу так и постановят, пусть дадут нам возможность хоть где-нибудь жить без этого вечного дерганья и тасканий по тюрьмам. Если вообще наше пребывание в России нежелательно, то почему нам не разрешают уехать за границу. Как ни тяжело в наши годы оказаться на чужбине, но и это все же лучше, чем ежедневно, ежеминутно ждать всяческих тяжелых неожиданностей и скитаться неизвестно из-за чего. Я лично освобождена в виду тяжелого состояния

сестры моей (она ведь психически больной человек), но надо мною тяготеет какое-то обвинение.

Надеюсь, Давид Борисович, что Вы не откажетесь выяснить где следует всю нелепость создающегося "дела" и ускорить освобождение Сергея Иосифовича и сына Юпия.

С полным уважением

Конкордия Цедербаум

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 5, л. 35. Автограф).

157

Е.О. Эльман – Д.Б. Рязанову

5 октября 1930 г.

Глубокоуважаемый Давид Борисович!

Простите несчастной матери, что осмеливаюсь Вас беспокоить. Моя дочь Роза Эльман арестована в Курске 19 сентября одновременно с другими политическими. Вот уже действительно какой-то злой рок ее преследует. В течение 10 лет она почти не выходит из тюрьмы. Ни одной ссылки не дают ей окончить. Первую ссылку Усолье заменяют Соловецким концлагерем. После всех ужасов соловецкой жизни она с радостью едет на юг в Полторацк, куда ее отправляют в ссылку на три года. Не успела еще прийти в себя, прошло восемь месяцев - арест: ей приписывают действия, о которых она не имела понятия, в результате приговор 3 г. концлагерь Верхнеуральск, но оттуда рукой проведения она освобождена, лучше сказать спасена от смерти, как она мне многократно говорила.

Просидев 1 1/2 года в Верхнеуральской тюрьме, 1 1/2 года в тяжелой северной ссылке Краснококшайска, она наконец вздохнула, когда ее отправили в Курск отбыть минуса. Но недолго продолжалась наша радость - вместо трех лет она прожила всего год, и вот опять арест. Теперь с ужасом ждем нового приговора. Чтоб только не тюрьмы опять. У нее такой несчастный стаж, как ни у кого из ее старых товарищей: за 10 лет за малыми промежутками непрерывная тюрьма.

В своей открытке из Курского допзака она нас успокаивает и пишет: "Вот я опять дома". Но злосчастные годы взяли свое: силы ее надломлены, еле дышит, теперь с ужасом ожидая дальнейшего.

В своем отчаянии, в своем великом горе обращаюсь к Вам, Давид Борисович, сделайте невозможное возможным. Спасите мою Розу от гибели.

Е.О. Эльман

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 77. Автограф).

158

Солнцева – Д.Б. Рязанову

Москва, 7 октября 1930 г.

Многоуважаемый Давид Борисович!

Сегодня явился ко мне милиционер, заявивший мне, что согласно решению администрации института я обязана в течение трех дней переехать, в противном случае мои вещи будут выброшены на улицу.

Это решение ставит меня в совершенно безвыходное положение и вынуждает меня обратиться лично к Вам.

Скоро два года как я осталась одна с ребенком на руках без всяких почти средств к существованию (за исключением тех, которые я получала через институт за работу).

Чтобы обеспечить себе, ребенку и отчасти т. Солнцеву возможность существования, я, несмотря на величайшие трудности, напрягла последние силы, чтобы окончить университет, химический факультет, влача в буквальном смысле полуголодное существование, что не могло не сказаться на моем здоровье.

Работая в течение полутора лет без перерывов и отдыха, я в конце лета окончила университет и 25 сентября получила работу в качестве химика в Центральной научной лаборатории Пресненского завода. Выезжаю я на работу в 7 час. утра, а возвращаюсь к вечеру, а ребенок в течение всего дня остается в совершенно ненадежных руках. Единственное, что меня спасает, это то, что я живу среди людей, которые прекрасно к нам относятся и всячески мне помогают и облегчают в наших сложных условиях и при том одинокой - это имеет большое значение.

Кроме того, эта комната, которую мне предоставляют, очень далеко от места моей работы, и мне придется покидать ребенка, когда он спит, и приезжать поздно, когда он будет укладываться спать, а на весь день он будет оставлен на произвол судьбы даже без надзора со стороны друзей.

Кроме того, Вы мне поверьте, Давид Борисович, что у меня в буквальном смысле сил и энергии нет все это сейчас предпринимать. Я

очень издержалась морально и физически за время разлуки с Солнцевым: дайте мне возможность зимой передохнуть здесь, чтобы к весне все это предпринять. Эти обстоятельства вынудили обратиться к Вам с просьбой отменить переселение.

Очень прошу мне ответить на просьбу⁷⁸.

Уважающая Вас

Солнцева

P.S. т. Солнцев все время справляется о судьбе выполненных им работ, о чем он не осведомлен. Я не имею возможности ему ответить.

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 6, л. 104-105. Автограф).

159

Ю. Ашпиз-Полеева – Д.Б. Рязанову

Москва, 9 октября 1930 г.

Уважаемый Давид Борисович!

Я с Вами была знакома в г. Кишиневе и в Париже в 1902 - 1903 г.

Решаюсь просить Вашей помощи. Дочь моя, Ольга Ашпиз, в 1923 году была арестована, преодолела изолятор, ссылку в Нарымском крае и очутилась в г. Ташкенте (минус). Здесь она в июне этого года была вновь арестована и теперь приговорена к 3 годам изолятора. И этот ужасный круг вновь замыкается. Ея отец умер еще в 1911 году за границей от туберкулеза, она слаба здоровьем. Зная, что я больна (сердце), что она составляет единственную мою опору и утешение, она в Ташкенте отдалась исключительно вопросам о заработке и никакой политикой не занималась. Узнав о приговоре, я бросила службу, выехала из Одессы. Я Вас очень прошу уделить мне несколько минут возможно скорее, так как я спешу вернуться в Одессу. О результатах моей просьбы справлюсь у Вашего секретаря. Простите за беспокойство, но слишком уж тяжело⁷⁹.

Уважающая Вас

Ю. Ашпиз-Полеева

(ЦА ФСБ, N P - 37181, т. 8, л. 78. Автограф).

160

В.М. Любавская – Д.Б. Рязанову*Москва, 13 октября 1930 г.**Многоуважаемый Давид Борисович!*

Обращаюсь к Вам с большой просьбой. Не найдете ли Вы возможность уделить мне несколько времени. Мне очень нужно поговорить с вами о моем отце, Матвее Кузьмиче Любавском, с которым Вы когда-то работали в Центрархиве.

Мне очень неловко отнимать у Вас своей просьбой время, но если Вы сочтете возможным, не откажите сообщить, где Вы сможете меня принять.

*С уважением**В. Любавская**(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 79. Автограф).*

161

В. Комаровская – Г.К. Сухановой*28 октября 1930 г.**Многоуважаемая Галина Константиновна!*

Обращаюсь к Вам в надежде, что Вы не откажетесь попросить Давида Борисовича принять меня и выслушать мою просьбу. Мне приходилось обращаться к нему в 25-27 годах по делу моего мужа, художника Владимира Алексеевича Комаровского, сосланного тогда в Уральскую область, и он относился ко мне всегда участливо и не отказывался помочь⁸⁰. Весной 28-го года мой муж вернулся из Сибири, причем он получил разрешение на свободное проживание в любой местности, и мы жили два года под Москвой по Брянской дороге, существуя на случайный заработок, который удавалось достать по художественной и чертежной части.

4-го сентября сего года мой муж был снова арестован и в настоящее время находится в Бутырской тюрьме. Причина его ареста мне конечно неизвестна и совершенно непонятна. Занимался он исключительно только своими работами, просиживал иногда целые дни без разгиба над чертежами, чтобы добыть для нашей семьи необходимые средства к существованию.

В настоящее время я осталась одна с четырьмя детьми, из которых младшему всего 1 1/2 года, в крайне трудном положении, лишенная его заработка, и к тому же здоровье мое в плохом состоянии. Муж мой тоже ослабел после перенесения этим летом воспаления легких, и я опасаясь, что пребывание в тюрьме ему очень вредно.

Обращаюсь к Давиду Борисовичу с горячей просьбой принять меня и помочь мне в деле моего мужа. Буду ждать Вашего ответа и надеяться, что он будет для меня благоприятным.

*Примите уверения в моем совершенном к Вам почтении
Уважающая Вас*

В. Комаровская

Буду звонить Вам 5-го до 12-ти

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 80. Автограф).

162

3.Э. Полянская⁸¹ – Д.Б. Рязанову

Москва, конец октября 1930 г.

Многоуважаемый Давид Борисович,

Вы вероятно знаете Фералонта Ивановича Витязева (Седенко). Он арестован уже 6 месяцев. Следствие, однако, даже не закончено, и его комната, где кроме его вещей находится очень ценная библиотека и много материалов, была до вечера вчерашнего дня запечатана. Вчера явилась милиция и сообщила, что есть распоряжение комнату отдать беспризорным, а вещи бросить в подвал.

Я прошу Вас обратить Ваше внимание на такое незаконное действие. Если Вы найдете это дело достойным Вашего внимания, то я очень прошу с этим поторопиться, так как это может произойти сегодня - завтра.

3.Э. Полянская

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.6, л.135. Автограф).

В.К. Коробкова – Д.Б. Рязанову

Москва, 12 ноября 1930 г

Глубокоуважаемый тов. Рязанов!

Я, жена В.С. Коробкова, написала письмо тов. Менжинскому с просьбой принять меня, но по-видимому это письмо к нему не попало. Вчера я была вызвана в ГПУ, где следователь, ведущий дело Коробкова, мне заявил, что Вит. Слав. обвиняют в шпионаже. Тов. Рязанов! Это ложь, построенная на подложных документах. Вся жизнь Коробкова была всегда передо мной, как на ладони. Это один из самых честных, преданных стране людей: я помню то время, когда стабилизировалась наша валюта и Вит. Сл. делал первый доклад о необходимости введения червонца. Он действительно горел на своей работе и все свои знания честно отдавал делу нашего финансового строительства. И за работу за границей, за все 13 лет, он никогда не получал выговора и никогда его работа не наносила ущерба стране нашей. Ведь год тому назад его с семьей послали в Америку быть представителем. И когда остался Шейман, Вит. Сл. не помедлил дня, когда его вызвали в Москву и даже не задержался ни на один день в Европе, чтобы скорей быть в Москве, несмотря на то, что он как разумный реальный человек понимал, что на нем, как на специалисте, работавшем с Шейманом, может отразиться плохо то, что А.Л. Шейман не вернулся. Но ведь чистый человек, преданный делу, разве может бояться? Верьте мне, это не слова! Витал. Слав. обожает семью свою, неужели бы человек-шпион, рисковавший жизнью, подверг такой муке любимую семью? А он меня после приезда в Москву звал скорей вернуться. Тов. Рязанов! Мы жили за границей также, как в Москве, - уединенно и тихо. Витал. Слав. знал только службу, а вечером книги. Никогда в жизни ни один иностранец у нас не был. Виталия Славовича за границей все считали коммунистом, так он ревностно работал для пользы своей страны. Правда, в 1917 г. он баствовал, но и Вы, и тов. Менжинский, ведь знаете, что всегда он выступал открыто и никогда не действовал тайно. Умоляю Вас, защитите абсолютно честного человека. Ведь его знали по работе за границей тов. Рудзутак, тов. Межлаук, тов. Серебряков и тов. Пятаков. Спросите этих товарищей. Я знаю, что по доносу какого-нибудь негодяя и подложным документам и материалам в наше время, когда мы окружены кольцом истинных вредителей, могут погибнуть и невинные.

Помогите же! Я прошу Вас, проверьте такое обвинение, хотя клянусь Вам, что ни один момент жизни и работы Вит. Слав. не говорит за такое обвинение.

Вам ГПУ, конечно, не откажет. Простите меня, что беспокою Вас.

В.К. Коробкова

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 83-83. Автограф).

164

К. Колокольникова – Д.Б. Рязанову

Москва, ноябрь 1930

Давид Борисович.

Я не знаю, удалось ли Вам поговорить об П.Н., но мне хочется еще раз напомнить о нем. Дело в том, что приговор по его делу надо ждать в двухнедельный срок. И мне следователь сказал, что эти подписи, собрания, словом вся эта шумиха - для них - мелочи. Будто бы у них имеется какая-то конспирация, какое-то неизвестно о ком написанное письмо с изложением чьих-то взглядов, они полагают его. Но П.Н. и конспирация это две вещи extra полярные и по натуре, и по взглядам. Ведь потому и относило его к ликвидаторам. П.Н. и конспирация без открытого рабочего движения вещи несовместные и прежде после 1905 г. даже клочки подпольной не было, а было только имя, связывающее его с профсоюзным движением. И потому после алкогольного съезда (10 г.) он оставил политику и занялся статистикой, которая имеет для него самодавляющий интерес. Теперь он сделал тоже, только в более благоприятных для себя условиях. Два вуза, разнообразные статистические работы полностью занимали его. И имел дело с таким количеством молодых партийцев, при преподавании науки, так близко соприкасающейся с общественностью, неужели его зловредность - имей она место - не прорвалась бы хоть раз в течение 7 лет. А у него не было ни единого недоразумения, и студенты отмечали его как знатока Маркса, как проф. марксиста. Ясно, что вся эта конспирация подставная, чтобы его куда-нибудь упечь. А между тем 60-летний возраст и особенно истрепанная этими вечными передрыгами нервная система требуют хотя бы малейшего комфорта и покоя. Ведь ему-то все свои юбилеи (в данный момент 25-летний юбилей организации московских профсоюзов) приходится проводить в тюрьмах. Силы его истощены, а впереди еще ка-

кой-то приговор по режиму, может быть и не легкий. Моя просьба к Вам, разумеется, только при случае и при возможности.

Кл. Колокольникова

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 6, л. 127-128. Автограф).

165

К. Колокольникова – Д.Б. Рязанову

Москва, ноябрь 1930 г.

Глубокоуважаемый Давид Борисович.

К тому письму, которое я Вам передала через Вашего секретаря, мне хочется Вам добавить о физическом состоянии П.Н. У него с год перестала правильно функционировать левая рука. При еде он употребляет одну правую и локтем левой руки помогает себе, особенно это проявляется после лекций. Он не хотел обращаться к медицине, он вообще не лечится, и мы не обратили на это должного внимания. А теперь мне врачи сказали, что это остаточный паралич, вызванный местным мозговым кровоизлиянием. Это уже опасно при тех условиях, в которых он находится, может быть и общий паралич. Не могли бы Вы при случае замолвить о его освидетельствовании, разумеется, было бы лучше врачами с воли, да хоть бы и тамошними. Я не хочу Вас лишней раз беспокоить лично, если бы Вы это нашли возможным, назначьте через день П.А. Маслову.

К. Колокольникова

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 6, л. 129-130. Автограф)

166

А.С. Гинзбург – Д.Б. Рязанову

Москва, начало декабря 1930 г.

Глубокоуважаемый Давид Борисович!

Сидение Абрама Моисеевича принимает тяжелый характер (он уже сидит 4-ый мес.), а между тем в течение данного времени не

могла с Вами поговорить о нем, и в совершенном неведении о положении его дела.

Меня особенно волнует, что Рамзин и Калининков впутали имя Абрама Моисеевича⁸². Как мне удалось выяснить, доклад, о котором там упоминалось, был прочитан по распоряжению его начальника тов. Манцева. Показания подсудимых меня еще больше наводят на мысль, что благодаря их сговорам сидение Абрама Моисеевича может принять затяжной характер. Совершенно несомненно, что негодяи, спасая свои головы, называли имя Абрама Моисеевича как крупнейшего работника ВСНХ.

Мне, Давид Борисович, не надо Вам много говорить об Абраме Моисеевиче. 35 лет он работал для пролетариата, всеми помыслами своими он с ним. Работал он по 16 - 18 часов в сутки. Потерял наполовину свое здоровье. Издерганный, больной человек, теперь его смешивают с грязью. Он этого не заслужил ни в какой мере. Я Вас очень прошу, Давид Борисович, принять все меры к скорейшему его освобождению, т.к. при его больном сердце и сильнейшей неврастении долгое сидение в тюрьме при настоящих тяжелых условиях угрожающе для его здоровья и даже опасно для жизни.

Я уже не говорю, как это отражается на всей семье. Кабинет Абрама Моисеевича запечатали. Вчера пришли выбросили оттуда все книги и мебель. Вероятно хотят заселить ее, хотя следствие еще не кончилось, комнату, уже пустую, опять запечатали. Что еще впереди предстоит пережить? Положение самое тяжелое. Не могу в письме все изложить. Я бы Вас еще просила принять меня на несколько минут. Мне очень неприятно, что я Вас беспокою. Но мне больше не к кому обращаться. Я знаю Вас как очень хорошего товарища и чуткого человека, я думаю и надеюсь, что Вы сделаете все, что сумеете для Абрама Моисеевича.

А.С. Гинзбург

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 5, л. 36. Автограф).

167

Б. Соколовская – Д.Б. Рязанову⁸³

14 декабря 1930 г.

Многоуважаемый Давид Борисович!

Помня Ваше внимательное и отзывчивое отношение ко мне в тяжелые моменты моей жизни в прежние разы, я решаюсь и на этот раз обратиться к Вашему содействию, Вашему совету.

Так как лично свидеться с Вами и поговорить с Вами мне не удастся (говорят, что Вы отменили приемы), то посылаю Вам копию заявления, посланного мною в ГПУ через Е.П. Пешкову, из которого Вы ознакомитесь с "делом" мужа моего, во-первых, и что я доби- валась, во-вторых.

Как и в первый раз, в 1924-м году, как во второй раз, в 1927-м году, так и теперь, в третий раз в 1930 г. все обвинения, все гонения со- вершенно неосновательны. Просто не дают закончить ссылку.

Но я, конечно, не жду и не хлопочу об отмене ссылки или пере- смотре дела, а прошу только, чтобы не разъединяли нас с нашей единственной и любимой дочерью, составляющую нашу последнюю утеху в жизни.

К Вам, многоуважаемый Давид Борисович, обращаюсь с просьбой посодействовать переводу мужа в один из бывших больших городов, поблизости Ташкента как Самарканд, Пишпек, Ош, Фергана, и прочие, куда могла бы перевестись наша дочь с ее двумя крошками, за что буду Вам очень признательна.

Буду ждать скорого Вашего ответа, так как уезжаю к мужу в Тю- мень 16/XII, прошу позвонить по телефону 4-21-04. Если меня там не будет, то передать Нине Яковлевне, а она сообщит мне Ваш ответ.

С уважением

Б. Соколовская

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 92. Автограф)

168

Е. Шестакова – Д.Б. Рязанову

Москва, середина декабря 1930 г.

Уважаемый Давид Борисович,

Следствие по делу Веры Потресовой должно быть окончено 12 или 13 декабря. Если она будет выслана, крайне важно, чтобы она по- лучила назначение в местности, не опасной для ее здоровья (у нее предрасположенность к туберкулезу).

Кроме того ей необходимо для устройства своих личных дел про- быть несколько дней в Москве перед отъездом.

Ее мать, уезжая, просила меня позаботиться о ней, и я в большой тревоге за ее будущее.

Давид Борисович, умоляю Вас сделать для нее, что возможно

Е. Шестакова.

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 5, л. 37-38. Автограф)

169

Э.Л. Гуревич – Д.Б. Рязанову⁸⁴

Москва, 1930 г.

Давид Борисович.

Сейчас Оля прибежала. Дворник пристаёт, что ей нельзя жить без прописки, а прописать без ордера на выезд не может. Что делать? Пока правление кооператива не получит распоряжения или указания, что нужно выдать ордер, ничего в ответ. Достаточно было бы звонка туда Агранова.

Тел. правления 2-82-17.

Э.Г.

Может быть, Халатов мог бы оказать доверие, если бы ты с ним поговорил?

Оля сейчас в таком состоянии, что я просто боюсь ее отпустить отсюда. Она у меня здесь, в институте.

(ЦА ФСБ, N P-37 181, т. 8, л. 119. Автограф).

170

Э.Л. Гуревич – Д.Б. Рязанову

Москва, 1930

Дорогой Давид Борисович!

Мы с Олей не знаем, как тебя благодарить: в тот же день, как ты позвонил, дело с квартирой было уже устроено.

В тот же день Оля видела Ал. Вас. Ей его так жалко стало, что она сильно заколебалась относительно своего решения. Но должен

сказать, что подробности, выясняющиеся из рассказов людей, читавших показания, могут заставить это сделать в интересах несчастных детей. Ведь их нужно как-то прокормить и воспитать. Оле необходимо остаться в РАНИОНе, чтобы быть в состоянии самостоятельно существовать. Ведь я стар, и не знаю, сколько еще времени буду в состоянии помогать.

Я могу тебе действительно отслужить твое действительно хорошее отношение в нашем несчастье, к сожалению, только работой в Институте. Я не приступил к заведыванию кабинетом социализма, потому что хотел предоставить инициативу тебе, думая, что при теперешних обстоятельствах тебе удобно передать кабинет партийцу. Мне сказали, что такой уже есть. Тем лучше. Значит, я правильно поступил.

Если тебе нужно, возложи на меня другую работу сверх редакторской работы. Я охотно возьму. Ты 3-го дня был там. Если выяснилось что-нибудь, ты мне, конечно, скажешь. Есть хоть какая-нибудь надежда, что Ал. Вас. хотя бы через год может вести какую-нибудь научно-литературную работу.

Э.Г.

Забыл тебе сказать, что П.П. Маслов тоже сидит.

Ал. Вас. написал в тюрьме по предложению ГПУ заказанную ему еще до ареста статью для одного американского журнала. Как это совместить со всем, что говорят об этом деле!

Вот уже 4-й месяц мы с Олей мучительно бьемся, никак не будучи в состоянии вместить, как мог человек делать то, что он делал, ни одним словом даже не намекнуть об этом ни ей, ни мне. Ведь девять лет мы прожили, кажется, душа в душу. Какой ужас! Я стараюсь поддерживать Олю, подбадривать ее, но бывают времена, когда у самого не хватает больше сил.

Прости за это письмо, - так вылилось... Еще раз большое спасибо за твое хорошее, человеческое отношение. Оно много хороших минут дало и Оле, и мне.

Э.Г.

Л. Ненашева – Д.Б. Рязанову

Перловка, конец 1930 - начало 1931 г.

Еще раз повторяю свою просьбу, уважаемый Давид Борисович, нельзя ли мне вернуть моего сына⁷⁸. Как раз в данное время едет туда разгрузочная комиссия и до навигации всех, у кого кончаются сроки, переводят на материк. Если уж ничего нельзя сделать, то хотя бы разрешили ехать за свой счет, а не по этапу, и мне повидаться с ним.

Простите за беспокойство

Л. Ненашева

(ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 8, л. 113. Автограф).

ЧАСТЬ II

МАТЕРИАЛЫ ИЗ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ Д. Б. РЯЗАНОВА И ДРУГИЕ ДОКУМЕНТЫ

(1931 - 1938)

1

Д. Б. Рязанов – редакции "Правды"

Москва, 16 января 1931 г.

(Черновик)

Сегодня обратили мое внимание на рецензию Б. Базилевского,¹ помещенную во вчерашнем номере "Правды" (Четверг, 15 января 1931 г.)

В ней, между прочим, имеется и следующее "высказывание": "Автор игнорирует новое в ленинском учении по самым основным вопросам. Он даже боится говорить о новой, высшей ленинской ступени в развитии марксизма. В этом отношении он следует по стопам меньшевистских концепций Деборина, Карева, **Рязанова**, Стэна, Ваганяна и их окружения, которые считают, что ленинизм ничего нового не дает для развития марксистского учения".

Предполагается, что знающая свои партийные обязанности редакция Центрального органа относится к ним серьезно. Приходится и в этом случае предположить, что эта редакция не просто позволила "отложить" такое обвинение по моему адресу, но и сама верит в него. Я был бы ей поэтому весьма благодарен, если бы она сообщила мне, на основании каких документов она выставляет эти обвинения.

Ведь нужно же быть полным идиотом, чтобы считать, что "ленинизм ничего не дает для развития **марксистского учения**". Вопрос только в том, о каком учении идет речь, в какие "вопросы революционной теории и практики марксизма" внес свои "вклады" Ленин. Не говорит ли та же самая резолюция XIII съезда партии, которая употребляет эти термины, об изучении марксизма и ленинизма?² И если действительно ленинизм есть новая, высшая ступень марксизма, если марксизм действительно только "снят" ленинизмом как "гегелизм" и "фейербахизм" сняты марксизмом, то при условии, что эти младо-философы действительно понимают смысл тех слов, которые они употребляют - необходимо, чтобы новый партсъезд ликвидировал не только мой "меньшевистский" взгляд на ленинизм, но не-

медленно изъясил из обращения книгу т. Сталина "О Ленине и ленинизме"³

Недавно мне пришлось принимать в Институте группу икапистов. Не знаю, был ли среди этих "непосредственных" - "опосредствованных" весьма малыми познаниями - красных Любомудров и т. Базилювский. Мне предъявлено было требование - поддержанное и теми икапистами, которые направлены недавно на работу в Институт - чтобы я перестроил работу Института на основе ленинизма, как метода научного исследования.

На эту "самокритику" я ответил критикой в форме доклада, в котором показал, что взгляды Ленина на диалектический метод, от 1894 до 1914 г., подвергались значительным изменениям, что только, после знакомства с перепиской Маркса и Энгельса, Ленин приступил к новому, более глубокому изучению материалистической диалектики, что он пришел к результатам, которые дали ему возможность, в отличие от Плеханова, уточнить и усовершенствовать понимание марксовской диалектики, что эти результаты использованы им в его прекрасной статье о Марксе⁴, что поэтому, не может быть никакой речи о ленинизме, как о новом, высшем методе научного исследования по сравнению с методом марксизма, что можно говорить лишь о диалектическом методе Маркса, Энгельса и Ленина.

Я согласен - на диспуте с редакцией "Правды", в собрании партактива, созванном по инициативе и по выбору Культпропа ЦК - выступить с докладом, в котором буду защищать эти взгляды.

(РЦХИДНИ. Ф. 301, оп.1, д.90, л.63-70. Автограф).

2

Редакция "Правды" – Д.Б. Рязанову

(Вторая половина января 1931 г.)

Тов. Рязанову.

Копия: в ЦК ВКП(б)

В связи со статьей, напечатанной в "Правде" от 15.1-31 г., в редакцию поступило письмо тов. Рязанова, в котором он решительно нападает на следующее место этой статьи: "Автор игнорирует новое в ленинском учении по самым основным вопросам. Он даже боится говорить о новой, высшей ленинской ступени в развитии марксизма. В этом отношении он следует по стопам меньшевистских концепций Деборина, Карева, Рязанова, Стэна, Ваганяна и их окружения, которые считают, что ленинизм ничего нового не дает для развития марксистского учения".

В своем письме т. Рязанов говорит, что он-де никогда и нигде не утверждал, что "ленинизм ничего нового не дает для развития марксистского учения" и что его извращают, когда ему приписывают меньшевистский взгляд на ленинизм. Тов. Рязанов далее спрашивает - на основании каких документов предъявляют ему эти требования.

Прежде всего, нужно отметить, что в литературных работах тов. Рязанова нет ни одной статьи, ни одного документа, в котором бы он характеризовал ленинизм как новую ступень в развитии философии марксизма. Наоборот, есть документы, в свете которых явно неловко за самого тов. Рязанова, звучат слова его письма о том, что "нужно быть полнейшим идиотом, чтобы считать, что ленинизм ничего не дает для развития марксистского учения".

Так, 17 апреля 1924 года, т. Рязанов на общем собрании членов социалистической академии заявил следующее:

"... Я и теперь повторю. Я не большевик, я не меньшевик и не ленинист. Я только марксист, и как марксист, я коммунист ("Вестник Ком. академии", N 8, 1924 г., с.392).

Продолжает ли до настоящего времени тов. Рязанов считать себя "не большевиком, не меньшевиком и не ленинистом" или изменил эти свои взгляды. Об этом нигде до настоящего времени он ничего не заявлял. Теперь ведь каждому пионеру известно, что коммунист может быть только большевиком-ленинцем и что марксистом в настоящее время может быть только ленинист. Нет и не может быть ныне марксизма без и вне ленинизма.

На XIII партконференции тов. Рязанов прямо заявил: "Я не старый большевик, я не ленинец" (см. стенограф. отчет, стр. 120, изд. "Красная Новь"). Далее - на XIII съезде партии тов. Рязанов мимоходом затронул вопрос о Ленине и заявил, "что если бы он (т. е. Ленин. Ред.) занялся вплотную философией, из него вышел бы не худший философ, чем теоретик пролетарского государства"⁵. По тов. Рязанову выходит: так как Ленин вплотную не занимался философией, то он не является теоретиком марксистской философии. Во всяком случае, это положение тов. Рязанова ничем не отличается от утверждения тов. Деборина: "Нет никакого сомнения в том, что если бы ему (Ленину. Ред.) удалось довести начатое дело до конца, он дал бы серьезный толчок дальнейшему развитию диалектического материализма, подняв его на более высокую ступень". Итак, если верить т.т. Рязанову и Деборину, то выходит, что Ленину не удалось довести "начатое дело до конца" и потому, с их точки зрения, он не дал даже никакого серьезного толчка в дальнейшем развитии диалектического материализма.

Известно, как тов. Сталин со всей ясностью и определенностью оценил работу Ленина по философии марксизма, заявив еще в 1924 году следующее: "Может быть наиболее ярким выражением того высокого значения, которое придавал Ленин теории, следовало бы счи-

тать тот факт, что никто иной, как Ленин взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина и всесторонней критикой антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что "материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием". Известно, что эту задачу выполнил для своего времени ни кто иной, как Ленин в своей замечательной книге "Материализм и эмпириокритицизм"⁶.

Далее, в письме в "Правде" тов. Рязанов пишет: "и если действительно ленинизм есть новая, высшая ступень марксизма, если марксизм действительно снят ленинизмом, как "гегелизм" и "фейербахианизм" сняты марксизмом" ... тогда необходимо, чтобы новый партсъезд ликвидировал не только мой "меньшевистский взгляд на Ленина, но и немедленно изъял из обращения книгу тов. Сталина о "Ленине и ленинизме".

Странный характер носят попытки тов. Рязанова спрятать свои меньшевистские взгляды на роль Ленина в развитии философии марксизма за спину тов. Сталина. Прежде всего, пусть тов. Рязанов укажет, где, когда, кем ставился вопрос о том, что "марксизм снимается ленинизмом" как "гегелизм" "фейербахианизмом". Самая постановка вопроса тов. Рязановым свидетельствует, что он противопоставляет марксизм ленинизму.

Тов. Рязанов совершенно очевидно считает марксизм сухой, безжизненной, застывшей догмой и именно поэтому противопоставляет его ленинизму. Между тем, "вся правда о ленинизме состоит в том, что ленинизм не только возродил марксизм, но он сделал еще шаг вперед, развил марксизм дальше в новых условиях классовой борьбы пролетариата" (Сталин).

Наконец, тов. Рязанов в письме в редакцию "Правда" (это уже в 1931 г.) утверждает, что "не может быть никакой речи о ленинизме как о новом высшем методе научного исследования по сравнению с методом марксизма, что можно говорить лишь о диалектическом методе Маркса, Энгельса и Ленина".

Совершенно очевидно, что тов. Рязанов не понимает того, что "метод Ленина является не только восстановлением, но и конкретизацией и дальнейшим развитием (подчеркнуто нами - Ред.) критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики" (Сталин)

В своем письме тов. Рязанов утверждает, что "взгляды Ленина на диалектический метод от 1894 г. до 1914 г. подвергались значительным изменениям, что только после знакомства с перепиской Маркса и Энгельса Ленин приступил к новому, более глубокому изучению материалистической диалектики, что он пришел к результатам, которые дали ему возможность, в отличие от Плеханова, уточнить и усовершенствовать понимание марксовской диалектики".

Выходит, если верить тов. Рязанову, что до 1914 г. Ленин не вполне владел диалектическим методом Маркса, следовательно, работы Ленина до 1914 года (включая такие образцы по применению материалистической диалектики, как "Что такое друзья народа", "Что делать?", "Развитие капитализма в России", "Две тактики", "Работы по аграрному вопросу" и даже "Материализм и эмпириокритицизм") были основаны на неполном овладении методом материалистической диалектики и не содержат в себе "конкретизации и дальнейшего развития революционного метода Маркса, его материалистической диалектики".

В работах, написанных Лениным до 1914 г., были выкованы организационные принципы большевизма. Не случайно, что тов. Рязанов считает, что именно в этот период Ленин не овладел полностью материалистической диалектикой.

После всего этого тов. Рязанов берет на себя даже смелость предлагать редакции "Правда" устроить дискуссию по вопросу о роли Ленина в развитии диалектического материализма. Он не понимает, что этот вопрос для партии отнюдь не является дискуссионным. Так, в решении по вопросу о журнале "Под знаменем марксизма" Центральный комитет отметил, что журнал "Под знаменем марксизма" исходил из совершенно ошибочной установки, вытекающей из непонимания ленинского этапа, как новой ступени в развитии философии марксизма.

Тов. Рязанов обязан привести свои взгляды в соответствие с партийными установками, а не предлагать редакции ЦО дискутировать с ним по вопросу, в котором он занимает явно непартийную позицию, солидаризируясь с деборинщиной.

Отношение тов. Рязанова к ленинизму, к ленинскому теоретическому наследству не могло не отразиться и на работе института Маркса и Энгельса. Уже бюро ячейки института недавно отметило опасность тех установок, которые приводил и приводит донныне тов. Рязанов в работе института, указав, что институт при этих установках рискует "превратиться в идейный центр враждебной политике, проводимой партией на идеологическом фронте. (Из резолюции бюро ячейки ИМЭ).

Чем, в конце концов, объяснить, что до самого последнего времени в учреждении, руководимом тов. Рязановым, находили приют отдельные явные враги марксизма, деятели II Интернационала (вредители Шер, Рубин) и представители всевозможных уклонов от ленинизма и генеральной линии ВКП(б).

Чем, наконец, объяснить, что Л. Троцкий в своем бюллетене нашел необходимым дать специфическую характеристику деятельности учреждения, возглавляемого тов. Рязановым: "Институт К. Маркса и Ф. Энгельса остается по-прежнему в противовес Институту Ленина и Истпарту единственным учреждением, где горит и

светит марксистская мысль, где реставрируется, очищается, оттачивается и отчасти куется заново теоретическое оружие пролетарской революции"⁷.

Именно тем, что тов. Рязанов до сих пор вполне сознательно трактует проблемы марксизма вне ленинизма, именно тем, что тов. Рязанов продолжает стоять в ряде важнейших вопросов на позициях меньшевистствующего идеализма.

Редакция "Правды"

(РЦХИДНИ, ф. 374, оп. 1, д.21, л. 30-35. Машинопись).

3

Д.Б. Рязанов – редакции "Правды"

2 февраля 1931 г.

(Черновик)

В Редакцию "Правда".
Копия: В ЦК ВКП(б)

Редакция "Правды" ответила на мой вызов. Оказывается, что Б. Базилевский высказывает не свое мнение, а глубокое убеждение всей редакции "Правды".

Итак, я считаю, что "ленинизм ничего нового не дает для развития марксистского учения".

Доказательство - "В литературных работах т. Рязанова нет ни одной статьи, ни одного документа, в которых бы он характеризовал ленинизм, как новую ступень в развитии философии марксизма".

Пусть так. Но значит ли это, что я отрицаю, что Ленин внес крупные вклады в марксистское учение о государстве, в марксистское учение о теории и тактике пролетарской революции, о теории и тактике пролетариата и т.д., и т.д.

"Одной из крупнейших теоретических заслуг покойного Ильича является то, что он воскресил учение Маркса и Энгельса в одной из его наиважнейших сторон. Работа Ильича "Государство и революция" является крупнейшим теоретическим вкладом в теорию марксизма. Ильичу удалось воскресить то учение, которое в период II Интернационала, после некоторых попыток Энгельса подчеркнуть значение этой стороны, было забыто"⁸.

Это мой "меньшевистский" взгляд на ленинизм, который я формулировал в своем докладе на XIII съезде партии.

А редакция "Правды" уверяет, что я на XIII съезде только "мимоходом" затронул вопрос о Ленине и заявил, что "если бы он (Ленин) занялся вплотную философией, - из него вышел бы не худший философ, чем теоретик пролетарского государства".

Попробуем восстановить и эту часть моей речи.

"Все товарищи знают книжку Ильича "Материализм и эмпириокритицизм". Владимир Ильич поразительно напоминает немецкого критика и писателя Лессинга, который сказал: "В борьбе с моими противниками, в борьбе с теми, кого я ненавижу, я полезу повсюду - и если этот противник запрячется в археологию, я изучу археологию, и археологией поколочу его". Владимир Ильич, который считал себя скромно не философом, волей-неволей, чтобы бороться с мещанством, с труположеством, с богоискательством, с богостроительством в собственной среде, должен был, из-под палки партийного долга, взяться за изучение философии. Ему пришлось в течение короткого времени показать, что если бы он занялся вплотную философией, из него вышел бы не худший философ, чем теоретик пролетарского государства"⁹.

Теперь мы знаем, что в 1914 году Ленин вновь начал заниматься философией и как раз философией Гегеля, которую он в своей первой философской работе оставил без рассмотрения¹⁰. Внес ли Ленин какой-нибудь вклад в философию марксизма? Конечно, да. Но в чем состоит этот вклад?

Вот это и является спорным вопросом. Я лично думаю - и надеюсь это доказать - что этот вклад состоит в том, что, как я уже писал в первом письме, "Ленин, в отличие от Плеханова, уточнил и усовершенствовал понимание марксовской диалектики!" ...

Мы видим, что редакция "Правды" бухнула в свой теоретический барабан, не заглянув в святцы. Она приписала тов. Сталину дикую мысль о ленинизме как о **новом, высшем** методе научного исследования. Она забыла, что есть метод и метод, что

"Антонов есть огонь, но нет того закону,
Чтоб он всегда принадлежал Антону."

II

В первом письме я не счел нужным отвечать на облыжное указание тов. Базилевского, причислившего меня "философскому руководству". Теперь, когда победная редакция "Правды" солидаризируется и с этой выдумкой я вынужден для менее осведомленных товарищей, чем работники культпросвета ЦК, сделать несколько разъяснений.

Еще несколько лет назад я решительно высказался против всей установки работ ИКП. Особенно резко я выступил против "гегемонии" философии. Именно по докладу тов. Стэна, тогда еще заместителя заведующего агитпропом при ЦК - в мае 1928 г., - протест

ствовал против "абстрактного" уклона в программах ИКП, против пренебрежения к изучению экономики, бюджета, истории.

Если возьмете - речь моя напечатана в выдержках - программу Института Красной Профессуры, вы увидите, что ни в одном европейском университете нет такой подробно разработанной программы по истории философии, как в Институте Красной Профессуры. Правда, студенты ИКП находятся в лучшем положении, чем свердловцы, головы которых пичкают непрерывно всякого рода естествознавательскими материалами. От этого они, кажется, пока освобождены, но философию изучают, повторяю, как этого не делали при жизни Гегеля в Берлинском университете. Берусь это доказать путем сравнения программы ИКП с университетской программой по философии в любом - беру мировой масштаб - университете земного шара. Вопросы о качестве, о прерывности и непрерывности, о постоянстве и равновесии и т.д. и т.д. Рефераты, семинары по всем этим вопросам. Если этот огромный ключ или поток философии, который непрерывно проливается в ИКП, распространить на все вузы всего Союза, то и тогда у вас будет наводнение (смех). Я скромно считаю, что пора агитпропу поставить этот вопрос... Введите эту философию марксизма как необходимый предмет преподавания, изучайте метод науки, изучайте методологию, сделайте ее предметом во всех вузах".

Не будучи специалистом в области философии - не всякий философски образованный марксист имеет право называть себя философом - я воздерживался от всякого непосредственного вмешательства в философские споры последних лет. Я ограничивался только тем, что, опубликовывая "Диалектику природы", "Маркс и Энгельс о Фейербахе", "Подготовительные работы к "Святому семейству", "Анти-Дюринг", я в своих введениях формулировал свою точку зрения, часто расходившуюся с точкой зрения "философского руководства".

Более того, я следил - и очень строго - за тем, чтобы работающие в Институте Маркса и Энгельса философы с т. Дебориным во главе занимались только историей домарксистской философии. Строго выполняя - казавшееся мне, правда, диким и абсурдным - постановление Комиссии ЦК (в 1927 году), в силу которого Институту Маркса и Энгельса (по предложению тт. Степанова и Покровского) категорически запрещалось не только заниматься разработкой марксизма, но и вообще касаться теории, я запрещал всякий "теоретический" уклон, предлагая моим коллегам заниматься - в Институте и для Института - только историко-догматическими исследованиями.

Когда возгорелась борьба между "деборинцами" и "милютинцами", я отказался принять участие в этой дискуссии. Не только потому, что не считаю себя специалистом по вопросу о локковской теории первичных и вторичных качеств, вероятно весьма важному вопросу,

если судить по тому, что его выдвигает, как особенно тяжкое преступление "деборинцев" такой крупный специалист в области философии как тов. Милютин, недаром ставший лидером целой философской школы.

Я считал, что обе стороны, а также руководящий этой дискуссией Культпроп ЦК, выпячивают самым односторонним образом значение философии, возлагая на нее такую нагрузку, которая ей совершенно не по плечу, если только не смотреть на нее, вместе с Гегелем, как на всеобъемлющую науку, которая дает решение всех конкретных вопросов практической жизни, если только не думать, что философским колпаком можно заткнуть все дыры и прорывы на различных фронтах нашего социалистического строительства.

"Диалектический материализм ни в какой философии, стоящей над прочими науками". "От прежней философии, - продолжает Ленин свою великолепную формулировку взглядов Маркса и Энгельса, - остается "учение о мышлении и его законах - формальная логика и диалектика, в понимании Маркса, согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гнесеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию"¹¹.

Но сведенная к этому объему философия марксизма, диалектика, требует огромной подготовки и больших социальных знаний.

"История философии отдельных наук, история умственного развития ребенка, животных, история языка, психология, физиология органов чувств - вот те области знания, на которых должна сложиться теория познания и диалектика"¹².

Не боясь упрека в академичности, Ленин подчеркивает сугубую необходимость изучать для этого даже греческую философию.

И все же эта теория познания и диалектика могут дать нам только общую "методологию". Было бы смешно, нелепо, глупо думать, что она может дать ключ ко всем отделам конкретного знания. Смешно, нелепо, глупо требовать от специалиста философа разработки, скажем, **теории и методологии планирования**. Такой злосчастный философ, если он вместе с этим не изучил - детально, конкретно, основательно - все народное хозяйство и его многообразные, многосложные разделы и подразделения, будет осужден играть жалкую и смешную роль - правда, философского пустобреха. От всевыносящего "философского руководства" требуют - и оно соглашалось на это, ответов на все вопросы в области истории, права, экономики, биологии, физики, химии, физиологии и т.д. и т.д. Как будто для этого достаточно надеть на голову философский колпак и заглянуть в соответствующий параграф большой или малой логики Гегеля!

Благодаря этой философской эпидемии, размножаются с ужасающей быстротой специалисты по "тактике" всевозможных наук - истории, политэкономии, права, физики, химии, биологии и т.д. и т.д. и в то же время совершеннейшие халтурщики в любой из этих специальных наук, знающие все вообще, и ничего конкретно.

Во что вырождается, по резкому выражению Маркса, такой философский онанизм, такое любомудрие, стремящееся объять необъятное, лучше всего показывают последние номера "Революции и Культуры", превратившейся, путем какого-то непостижимого "скачка", в новый, трупным запахом пропитанный, "кладезь премудрости российских философов".

Трудно себе представить более чудовищный синтез лассальянской помеси фихтеанства и старогегельянства с контрреволюционным бергсонизмом в сорелевском облачении, преподносимый читателям в качестве последнего слова ленинской философии. Разработка теории марксизма и ленинизма подменяется "проработкой" руководителей, которых только вчера, в состоянии факирского экстаза, качали на всех площадях и во всех комвузах, научно-исследовательская работа "снимается" исследовательским трудом, самокритика превращается в самооплевывание.

Возьмите написанную под диктовку милютинцев из ИКП резолюцию президиума Комакадемии о "современных задачах марксистско-ленинской философии". Чего они только не требуют от философского руководства! Не хватает лишь методологии ассенизации или методологии хранения скоропортящихся продуктов.

Изучение закономерности переходного периода, классовых взаимоотношений и форм классовой борьбы как в СССР, так и в капиталистических странах, изучение социальных сдвигов, происходящих в нашей стране, в связи со вступлением в период социализма, изучение производительных сил и производственных отношений в эпоху реконструкции, изучение проблем империализма и т.д.¹³.

Проблемы и задачи, которые должны быть предметом разработки всех экономических и исторических научно-исследовательских институтов, Комакадемии, этого так блестяще проявившего себя "центра всей научно-партийной работы", взваливаются, нагружаются все на ту же захудалую философскую клячу. Вывози, родная, вывози, философия!

III

Вопрос о развитии взглядов Ленина на диалектический метод от 1894 до 1914 г., вопрос о том, как Ленин, еще в 1899 году целиком солидаризовавшийся с Плехановым, постепенно освобождался от его влияния, чтобы, начиная со второй половины 1914 года, в отличие от Плеханова, уточнить и усовершенствовать понимание марксо-

вой диалектики - этот вопрос будет мною разработан в отдельном докладе. Почтенная редакция "Правды" увидит тогда, что вопрос этот несколько сложнее, чем думают ее "спецы" по философской части.

А пока мне волей-неволей приходится остановиться еще на некоторых страшных обвинениях.(...)

"Так, 17 апреля 1924 года тов. Рязанов на общем собрании членов Социалистической Академии заявил следующее:

... я и теперь повторяю. Я не большевик, я не меньшевик и не ленинист. Я только марксист, и как марксист - я коммунист".

И редакция обращается ко мне с грозным окриком: слово и дело.

"Продолжает ли до настоящего времени т. Рязанов считать себя не большевиком, не меньшевиком, не ленинистом, или изменил эти свои взгляды. Об этом нигде до настоящего времени он ничего не заявил"

Я мог бы предложить редакции "Правды" обратиться со специальным заявлением в ЦКК. Для преступлений не существует никакой давности. Но ведь это мое преступление известно уже давно всем партинстанциям. О нем бил в набат еще т. Зиновьев, вплоть до 4-го издания его книги "Ленинизм", разошедшейся в десятках, если не в сотнях тысяч экземплярах, пока она не была снята с книжного рынка, как "пасквиль" на ленинизм.

Так вот тов. Зиновьев цитировал то же самое выступление. С маленькой только разницей. Он цитирует гораздо точнее. Молодые "спецы" по части цитатоискательства и цитатоискажательства, находящиеся в распоряжении редакции "Правды" не только скрыли источник своей цитаты, но и искалечили ее.

Приведя цитату из моей речи, тов. Зиновьев добавляет:

"У нас есть группа товарищей, недурно знающих Маркса по-своему добросовестных марксистов, которые держатся такого же мнения. Может быть, они не так откровенно скажут это, как тов. Рязанов (откровенность принадлежит к числу хороших индивидуальных особенностей тов. Рязанова). Но эти товарищи думают также"¹⁴.

Что собственно имело место на общем собрании Социалистической Академии 17 апреля 1924 года.

Как известно, в первую группу членов учредителей Социалистической Академии, по постановлению ЦК, вместе с тов. Покровским, Степановым, Бухариным, мною были выбраны В. Базаров и А. Богданов. В начале 1919 года, когда я переехал в Москву и начал работать в Социалистической Академии, я внес предложение переименовать ее в Коммунистическую. Мне не удалось переубедить не только некоммунистов, но и коммунистов. Против меня приводили ряд формальных соображений, в том числе и то, что президиум ВЦИК, учреждая Социалистическую Академию, сам подчеркнул ее непартийный ха-

ракти, допустив в нее не только коммунистов, но и социал-революционеров, а также ряд иностранных членов, тоже не коммунистов. В апреле 1924 года был опять поставлен вопрос о переименовании Академии.

Как бы ни была точна стенографическая запись, но и она не передает ряда оттенков речи, тем более простая секретарская. Убеждая вновь членов Академии некоммунистов согласиться на переименование, я между прочим сказал, обращаясь к бывшим большевикам, в первую очередь, к Богданову, - я не большевик - и к бывшим и настоящим меньшевикам - я не меньшевик, - но если вы считаете себя марксистами, то вы не должны чураться слова коммунист". "Я только марксист и как марксист - коммунист". Считался с этим и тогда (когда в начале 1919 г. вносил предложение о переименовании) и мотивировал тем, что Маркс и Энгельс никогда не знали другого названия, кроме названия коммунист ... Научное учение, которое, считаясь с предрассудками мелкой буржуазии, боится слова коммунистический, - недостойно этого названия".

Но в вашем "личном деле" имеется еще худшее "преступление".

"На XIII партконференции тов. Рязанов прямо заявил: "Я не старый большевик, я не ленинец" (см. стенографич. отчет, стр. 120, изд. "Красная Новь").

И что же. Партконференция меня освистала, не дала дальше говорить, стащила с трибуны?

Заглянем в стенографический отчет.

"Товарищи, я не старый большевик, я не ленинец, но знаю, что даже питерские товарищи чувствуют ... (Лашевич: "Любовь к вам"). Не любовь, а чувствуют, тов. Лашевич, что я с ними теснее связан, чем многие старые большевики, которые от Ленина получили название старых дураков".

Поняли, дорогие товарищи из редакции "Правды"? Неужели вы думали, что старый революционер, работающий в русском революционном движении уже сорок пять лет, пропагандирующий идеи революционного марксизма в рабочем классе уже больше сорока лет, унижаться до фарисейства, до лицемерия, будет надевать на себя маску, чтобы скрыть свое настоящее лицо. Я ведь до сих пор не состою членом общества старых большевиков. А разве членами его состояли всегда только "старые большевики"?

Но я только серьезнее отношусь к таким вещам, чем "большевик" из бундовцев, меньшевиков, эсеров или освобожденцев. Ведь то обстоятельство, что я не "старый большевик" - факт, засвидетельствованный всей историей рабочего движения. Он нисколько не устраняется тем фактом, что уже с начала 1905 г., никогда не бывший меньшевиком, я работаю всегда, если не рука под руку, то рука об руку с большевиками, что не написав ни одной строки для меньше-

вистских изданий, я сотрудничал только в большевистских, что на Копенгагенском конгрессе был членом большевистской делегации, что, отказавшись принимать участие в Болонской партийной школе, работал самым прилежным образом в большевистской партийной школе в Лонжюмо, что, отказавшись писать в "Правде" Троцкого, я был сотрудником "Звезды", "Просвещения" и мысли, что в 1917 г., еще до официального вступления в партию, известен был и ославлен был всей буржуазной разных оттенков прессой, как "неустовый большевик".

И все-таки я не "старый большевик", не "ленинец".

Что написано на скрижалях истории, то не замажешь никакими красками, не зачеркнешь никакими перьями. Таким - не "старым большевиком", не "ленинцем"- партия приняла меня в свои ряды, и если я позволяю себе в рядах партии критику "незвизрая на лица", но не поедая при этом глазами начальство, то я пользуюсь только неотъемлемым правом всякого члена партии.

Редакция "Правды" недовольна работой Института Маркса и Энгельса. Она, конечно, имеет право считать последним словом партийной и философской премудрости всякое слово резолюции общего собрания ячейки ИКП. Но я имею не меньшее право, пока вся эта схоластическая дребедень, в которой перемешаны немногие верные мысли с целым ворохом плохо переваренных и "вырванных" цитат и мыслей по принципу: "кашу", особенно философскую, маслом не испортишь", - не санкционирована партсъездом, относиться к ней, как к плохому ученическому упражнению, витиеватой и "крепкой" по форме, пустой по содержанию семинарской хрие.

Что же пишут наши красные семинаристы об Институте Маркса и Энгельса?

"Недооценка философского и вообще теоретического значения работ Ленина несомненно стоит в связи с установками в научно-исследовательской работе, проводимой Институтом Маркса и Энгельса".

Паскаль, не тот Паскаль, которому недавно сделали такую рекламу на Хамовнической конференции, чтобы показать, какие зловерные люди работают в институте, а французский философ и математик, в своих "Провинциальных письмах" замечает: "Легче найти монахов, чем аргументы".

Гораздо легче найти икапистов, которые перекричат и заулюлюкают любого философа, чем аргументы. Я нисколько не сомневаюсь, что всегда найдется достаточное количество икапистов, чтобы не только заголосовать, но и переголосить меня. Количество на известной ступени - в данном случае не развития, а даже простой прибавки - переходит в качество, хотя бы и злокачественное.

Итак, дорогие товарищи, кладите на стол Института - не ноги, - а аргументы. А то ведь можно подумать, что именно издание Институтотом таких работ Маркса и Энгельса, как "Немецкая идеоло-

гия", "Диалектика природы", "Подготовительные работы к "Святому семейству", пятого и восьмого томов их сочинений, наконец, впервые опубликованного в шестом и седьмом томах богатейшего материала, относящегося к революции 1848-49 гг., и полной, нефальсифицированной переписки Маркса и Энгельса ведет к "недооценке значения работ Ленина".

Партия и вместе с ней весь Коминтерн держатся прямо противоположного мнения. А редакция центрального органа партии вот уже восемь месяцев не удосужилась написать не только критическую статью, но даже просто сообщить своим читателям, что на русском языке вышло 2 тома статей Маркса и Энгельса, до сих пор в большей своей части остававшихся неизвестными, каждая страница которых напоминает о Ленине и ленинизме, 3 тома, которые служат и будут всегда служить важнейшей и богатейшей сокровищницей теоретических работ Ленина.

Не аргумент, а "копыто" выглядывает уже и теперь из того мешка цитат, который редакция "Правды" называет своим ответом.

"Уже бюро ячейки Института недавно отметило опасность тех установок, которые проводил и проводит донныне тов. Рязанов в работе Института, указав, что Институт при этих установках рискует превратиться в идейный центр сил, враждебных политике, проводимой партией на идеологическом фронте". (Из резолюции бюро ячейки ИМЭ).

К сожалению, редакция и тут не могла воздержаться от искушения пустить в ход редакторские ножницы. Такова сила профессиональной привычки!

Восстановим настоящий текст этой резолюции.

"Исходя из этих положений, бюро ячейки считает, что только последовательное проведение принципа партийности во всей работе Института, только перестройка всей научной работы Института на основе ленинского метода, может обеспечить выполнение Институту возложенных на него задач. В противном случае Институт объективно превратится в центр сил, враждебных политике, проводимой партией на идеологическом фронте".

История, особенно те истории, которые делаются икапистами, движется семимильными шагами. Не прошло еще и одной пятидневки, как редакция уже получила возможность сослаться в своем ответе - как раз по вопросу о центральном пункте наших разногласий - на резолюцию бюро ячейки ИМЭ - никому из партийных членов дирекции и всего научно-исследовательского коллектива неизвестную. Она была состряпана после того, как я на этом партколлективе огласил свой первый ответ редакции "Правды". С чьей помощью ее состряпало бюро ячейки, кто аукнул, кто откликнулся - этот вопрос выяснит в свое время один из будущих преемников тов. Макса Савельева на посту генерального архивариуса Истпарта¹⁵.

А пока я позволю себе утверждать, что всякий, кто вместо еще более углубленного развертывания научно-исследовательской работы Института Маркса и Энгельса, на основе метода Маркса, Энгельса и Ленина, требует перестройки всей научной работы Института на основе ленинского метода, тот противопоставляет методу Маркса и Энгельса метод Ленина, тот разрывает на части революционное наследство Маркса, Энгельса, Ленина, тот, уподобляясь крыловскому животному, стремится только подрывать корни великолепного дела, которому отдали все свои силы Маркс, Энгельс и Ленин.

Более того, неизбежно и независимо от субъективных намерений авторов этой резолюции, они объективно превращаются в идейных пособников сил, враждебных политике, проводимой партией и Коминтерном на идеологическом фронте, они играют только на руку II Интернационала, они оказывают всемерную помощь всем разновидностям меньшевистского идеализма.

Теперь - последний аргумент редакции "Правды".

"Чем, наконец, объяснить, что Л. Троцкий в своем бюллетене нашел необходимым дать специфическую характеристику деятельности учреждения, возглавляемого тов. Рязановым: "Институт Маркса и Энгельса остается по-прежнему в противовес институту Ленина и Истпарта единственным учреждением, где горит и светит марксистская мысль, где реставрируется, очищается, оттачивается и отчасти куется заново теоретическое оружие пролетарской революции"¹⁶.

Чем объяснить? Почему Волга течет в Каспийское море?

На такие вопросы хорошо ответил Ленин, видоизменив известную немецкую поговорку. При помощи своего аппарата генеральный редактор "Правды", генеральный архивариус Истпарта, генеральный директор Института Ленина, маститый товарищ Макс Савельев легко найдет соответствующий ответ в сочинениях Ленина.

С коммунистическим приветом

Д. Рязанов

(РЦХИДНИ, ф.374, оп.1, д.21, л. 36-55. Машинописная копия).

4

И.И. Рубин – Д.Б. Рязанову¹⁷

Суздаль, 8 февраля 1931 г.

Многоуважаемый Давид Борисович.

После больших колебаний, я рассказал следственным властям о том, что 11 декабря 1930 г., узнав из разговора с Вами о предстоя-

щем аресте в ближайшие дни, я передал Вам в Вашем кабинете запечатанный конверт с некоторыми партийными документами, с просьбой оставить его на хранение до моего возвращения, которое, как я тогда надеялся, последует в самом непродолжительном времени. Вложенные мной в конверт три письма Заграничной делегации РСДРП имеют, по мнению следственных властей, существенное значение для дела. Приобщение их к делу в высшей степени облегчило бы мое положение. Ввиду этого обращаюсь к Вам с настоятельной просьбой выдать следственным властям переданный мною Вам 11 декабря конверт с документами.

И.И. Рубин

(ЦА ФСБ. Н Н-7824, т. 11, л. 160. Автограф).

5

Ордер на арест Д.Б. Рязанова

Москва, 15 февраля 1931 г.

Ордер N 9233

Выдан сотруднику оперативного отдела ОГПУ Гай на производство ареста и обыска Рязанова Давида Борисовича. По адресу Вагановский пер. (Институт Маркса-Энгельса).

Зам. председателя ОГПУ Г. Ягода

(ЦА ФСБ. Н Р-37 181, т.2, л.4. Автограф на бланке).

6

Протокол об обыске и задержании Д.Б. Рязанова¹⁸

16 февраля 1931 г.

Протокол

На основании Ордера Объединенного Политического Управления за N 9233 от 16 февраля 1931 г. произведен обыск, арест Рязанова Д.Б. в доме N 5 ул. Института Маркса и Энгельса.

При обыске присутствовали:

Согласно данным указаниям задержаны Рязанов Давид Борисович.

Взято для доставки в Объединенное Государственное Политическое Управление следующее (подробная опись всего конфискованного или реквизированного)

Смотри отдельный протокол N

Пом. начальника ЭКУ тов. Гай

(ЦА ФСБ. Р-37 181, т.2. л.5. Автограф на бланке)

7

К.Б. Радек – И.В. Сталину

19 февраля 1931 г.

*Товарищу Сталину,
копия товарищу Ярославскому.*

Дорогой товарищ Сталин,

т. А.Л. Рязанова известила меня, что на их квартире изъят ОГПУ сундук с моим личным архивом.

Ввиду того, что в архиве этом кроме других важных исторических документов довоенного периода, хранятся материалы по истории Циммервальда и Кинталя,¹⁹ которых нигде в другом месте нет, очень прошу Вас дать распоряжение о принятии мер для ограждения этого архива от случайностей.

Во избежание всяких недоразумений, считаю необходимым пояснить Вам, как этот архив попал на квартиру Рязанова.

Когда в декабре 1927 г. я выезжал из Кремля, я разделил архив мой на четыре части. Совершенно секретные бумаги были мною переданы т. Ягоде через Беленького. Коминтерновские и наркоминделовские бумаги меньшего значения были оставлены под ключом на квартире в Кремле, причем т. Петерсон лично обязался сдать их по принадлежности. В особый архив отложены были моя предвоенная переписка, документы, касающиеся Циммервальда и Кинталя, германские события 23 г.,²⁰ материалы по китайской революции, и кой-какие материалы по нашим внутренним спорам 26 и 27 гг. Письма Владимира Ильича отложены особо.

После переезда на новую квартиру оказалось, что ввиду их громоздкости на новой крохотной квартире документы буквально негде держать. Опасаясь притом, что в случае моей ссылки, отъезда жены моей ко мне в ссылку эти ценные исторические материалы окажутся беспризорными и могут пропасть, я спросил Рязанова, не может ли он взять их в институт на хранение. Он ответил, что в институт взять их не может, но возьмет их на личную квартиру, как докумен-

ты, относящиеся к моему личному участию в рабочем движении, он их сохранит, за исключением писем Ленина, т.к. последние представляют собой собственность партии и их надо передать в Институт Ленина, что и было сделано в дальнейшем.

Большой сундук с моим архивом, туда же я вложил материалы Смилги, которые взял у него ввиду отправки в ссылку, был вручен присланному, кажется дворнику Института Маркса и перевезен к Рязанову.

После возвращения из ссылки я несколько раз собирался взять архив обратно, так как обещал работникам Института Ленина гг. Бирману, Савельеву, Сорину дать для использования материалы по Циммервальду и Кинталю. Обещания я сдержать не мог, так как ни хранить, ни разобрать архива я у себя, где повернуться негде, не смог. Таким образом архив этот продолжал оставаться на квартире у Рязанова.

С комприветом

К. Радек

(РЦХИДНИ. Ф.569, оп. 1, д.12754, л.23. Машинопись. Подпись - автограф)

8

ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ между Д.Б. Рязановым и И.И. Рубиным

Москва, 20-го февраля 1931 г.

1) Вопрос Рубину И.И.: Предупредил ли Вас Д.Б. Рязанов о предстоящем Вашем аресте?

2) Ответ Рубина И.И.: Да, подтверждаю, что Д.Б. Рязанов мне сказал, что он следит за моим делом и мой арест возможен каждый день. Это же мне сказал мой помощник КАГАНОВИЧ.

И. Рубин

3) Вопрос к Рязанову Д.Б. Подтверждаете ли Вы показания Рубина И.И.?

4) Ответ Рязанова Д.Б.: Никогда о предстоящем аресте Рубина И.И. не говорил, а КАГАНОВИЧУ действительно сказал.

Д. Рязанов

5) Вопрос Рубину И.И.: Сообщили ли Вы Д.Б. Рязанову о том, что принадлежите к подпольной меньшевистской организации?

6) Ответ Рубина И.И. Когда я вернулся из ссылки, я сказал Д.Б. Рязанову, что остаюсь меньшевиком, хотя организационных связей не

имею. Затем, в ряде разговоров с Д.Б. Рязановым в последнее время я ему давал понять, что связался с меньшевистской партией. Наконец, в одном из самых поздних разговоров в ноябре 1930 г. на вопрос Рязанова, связан ли партийной связью с меньшевиками ныне - я ответил, что да.

И.Рубин

7) Вопрос Рязанову Д.Б. Подтверждаете ли Вы показания Рубина И.И.?

8) Ответ Рязанова Д.Б. Ни в чем не подтверждаю показание, так как оно извращает действительный ход событий.

Д. Рязанов

9) Вопрос Рубину И.И. Передали ли Вы Д.Б. Рязанову на хранение конверт с партийными меньшевистскими документами и предупредили ли его о том, что эти документы меньшевиков?

10) Ответ Рубина И.И. Да, подтверждаю, что передал на хранение Д.Б. Рязанову меньшевистские партийные документы, указав ему, что они меньшевистские, при передаче я сказал, что имею несколько партийных меньшевистских документов, имеющих значение для истории партии. Документы были в запечатанном конверте.

И. Рубин

11) Вопрос Д.Б. Рязанову Подтверждаете показания Рубина И.И.?

12) Ответ Д.Б. Рязанова: Ни в какой степени и ни в какой части не подтверждаю.

Д. Рязанов

Очную ставку провели Пом. нач. ЭКУ ОГПУ: (Гай)
Нач. 1 отд. ЭКУ (Дмитриев)

(ЦА ФСБ. N P-37 181, т. 2, л. 30-31. Автограф).

9

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о принятии дела к производству)

1931 года, февраля "21" дня. Я, начальник 4 Отделения ЭКУ ОГПУ ДМИТРИЕВ, рассмотрев следственный материал на гр-на РЯЗАНОВА Давида Борисовича в том, что последний содействовал к.-р. работе меньшевистской партии, ее центру - Союзному Бюро ЦК РСДРП, выполнил ряд поручений по заданию союзного Бюро, принимал

на хранение заграничные документы и т.д. и приняв во внимание, что в таковом имеются признаки преступления, предусмотренные 58-4 ст. УК, ПОСТАНОВИЛ

Принять дело к своему производству и приступить к его расследованию.

Нач. 4 Отд. ЭКУ ОГПУ Дмитриев

Утверждаю

Нач. ЭКУ ОГПУ Прокофьев

(ЦА ФСБ РФ. N P- 37181, т.2, л.17. Автограф на бланке ОГПУ)

10

Д.Б. Рязанов в политбюро ЦК ВКП(б) и президиум ЦКК

Москва, 23 февраля 1931 г.

В Политбюро ЦК ВКП(б)
и Президиум ЦКК

В результате бесед с т. Прокофьевым, Гаем и Дмитриевым с одной стороны и последней беседой с тов. Крыленко с другой, для меня окончательно выясняется предъявленное мне обвинение. Оно сводится к показанию Рубина в предъявленном мне его письме²². Оказывается, что незадолго до ареста Рубин якобы передал мне на хранение **запечатанный конверт** с бумагами, которые представляют интерес для истории РСДРП, с просьбой сохранить его и вернуть ему обратно после освобождения!

Какие ссылки - т. Гай - на всем известную страсть мою "коллекционировать" или - т. Крыленко - на мою "доброту" и "неосторожность" не могут затушевать всю дикую нелепость такого гнусного оговора. Я должен был бы быть первостепенным идиотом, чтобы взять на хранение документы от Рубина, который все время утверждал, что прекратил уже в течение многих лет всякую активную работу, и не проверить немедленно, что это за "исторические" документы. Я получал всякие "исторические" документы - и от очень близких мне товарищей, - но мои товарищи и друзья знали, что "исторические" документы потому и "исторические", что их не только можно, но и должно рассматривать. Они не только не полагались на мое "джентельменство", но соглашались, в результате моего просмотра, на изъятие ряда таких документов.

Если Рубин действительно лгал мне и другим, утверждая, что не имеет никакого отношения ни к меньшевистской **организации**, ни к меньшевистской идеологии, - то меньше всего с такой просьбой он

мог обратиться именно ко мне. Подозрение, которое возникло у меня после ознакомления с показанием Кондратьева, вызвало с его стороны подробное объяснение его визита к Суханову, которое я немедленно сообщил для проверки тт. Менжинскому и Ягоде. Было бы нерасчетливо со стороны Рубина обратиться ко мне с такой просьбой, как взять на хранение **запечатанный конверт** с документами. Ведь это значило бы возбудить у меня еще более сильное подозрение. Такой поступок по своей нелепости равнялся бы только наивности того хитроумного человека, который посылал мне на мой адрес в заграничных конвертах то, что я из свойственного мне "джентельменства" не распечатаю этих писем. Образец такого письма я в свое время передал тт. Ягоде и Евдокимову.

Конечно, у Рубина могли быть документы, он мог передать их кому-нибудь на хранение. Как я уже сказал, т. Дмитриеву, я считаю возможным, что Рубин употребляет мою фамилию, как псевдоним кого-нибудь другого, у которого нет такой "широкой спины", как у меня. Кто это - вопрос, который необходимо выяснить.

Не надо исходить только из совершенно ошибочного факта, что моя высокая оценка Рубина, как сотрудника и переводчика, предполагает полное доверие к нему не только как к человеку, но даже как к сотруднику. Тайны института, а их было очень много, известны были только двум человекам - моим заместителям. Но и последним далеко не все!

История моих отношений к Рубину великолепно известна тт. Менжинскому и Ягоде²³. Я - вместе с другими товарищами - ценил Рубина, как очень знающего экономиста и прекрасного переводчика. Когда после основания института встал остро вопрос об издании всех экономических работ Маркса и Энгельса, а после и найденных мною рукописей, я остановился на Рубине. Тов. Менжинский знает, что ввиду упорного отказа Рубина написать даже такое заявление, какое было написано Трояновским, за которого я тоже в свое время хлопотал, для него было сделано исключение. Поручительство за Рубина было написано мною в обычных для того времени терминах. Более того. Мне дано было событие, исключительное в летописях ГПУ - личное свидание с Рубиным на Лубянке! Моя попытка кончилась неудачей. Несмотря на все мои убеждения, Рубин остался непреклонным. Давая мне слово, что он совершенно отказывается от всякой практической работы и готов себя посвятить целиком научной работе, он отказался выйти на свободу под мое **поручительство**. "А если в Кашин, - предполагалось, что он будет жить не в Москве, - ко мне заедет кто-нибудь из старых товарищей. Я на него не донесу, а Вас только подведу". Я тогда же передал весь разговор тов. Менжинскому, который, вероятно, вспомнит и мои заключительные слова: с этим талмудистом ничего не поделаешь!

Рубин был отправлен в ссылку, после переведен в Крым. Когда ему разрешили вернуться в Москву - на этот раз кроме меня были и другие заступники, более влиятельные, чем я, - он поступил на службу в Институт. Тт. Менжинский и Ягода вспомнят наверное, что я его устроил на квартире именно на территории Института, чтобы облегчить надзор за ним. Это было, если мне не изменяет память, **осенью 1926 г.** Рубин оказался прекрасным работником, и я ему скоро передал заведование кабинетом политической экономии.

К сожалению, мое твердое намерение использовать Рубина исключительно для Института оказалось невыполненным. Через несколько месяцев уже меня начали осаждать просьбами разрешить Рубину заняться преподаванием. Я упорно отказывал в разрешении не только потому, что в силу своих "кулацких" наклонностей, как меня уже тогда обвиняли и теперь обвиняют, хотел использовать Рубина целиком, но и потому что "хлопоча" за него, я всегда обуславливал его работу в Москве **исключением всякой преподавательской работы.**

Сдался я только после того, как ячейка Института Красной Профессуры сообщила мне, что Агитпроп ЦК тоже высказался за работу Рубина в ИКП, а это включало и согласие ГПУ.

Рубин преподавал не только в ИКП. Он вообще стал одним из самых популярных профессоров политической экономии в Москве. В 1928 или в 1929 г. Агитпроп ЦК разослал в своем партийном пайке - напечатано было в "Правде" - книгу Рубина²⁴. Я знал, что он пользуется большим престижем среди своих коммунистических учеников, что его считают чуть ли не "своим", что в его семинарии работают товарищи с большим партстажем, что встречается он чуть ли не только с коммунистами. Такие же хорошие отзывы я слышал от его товарищей по профессуре. Что Рубин занимался исключительно вопросами истории и "чистой" теории экономии, мне было хорошо известно. Ведь осаждавшие меня икаписты в ответ на мои возражения, что неудобно не коммунисту преподавать экономическое учение Маркса в **партийном** университете, успокаивали меня тем, что Рубин будет заниматься только **чистой** теорией и историей теории, а все конкретные, ответственные вопросы будут находиться в "заведовании" тт. Бухарина, Осинского и др.

Работники из Культпропа ЦК, с которыми я неоднократно говорил по поводу "абстрактной" постановки преподавания в ИКП, вспомнят, что не совсем понятную для меня исключительную популярность Рубина - в области политэкономии далеко не такого "монополиста", как т. Деборин в философии, - я объяснял как раз тем, что наши коммунисты экономисты из "стариков", в силу целого ряда причин, вынуждены были манкировать своей работой в ИКП.

Когда в 1929 г. началась дискуссия на экономическом фронте, я отказался принять в ней участие. Занятый изданием переписки и не экономических работ Маркса и Энгельса, я не имел времени перечи-

тывать десятки и сотни листов, исписанных рубинцами и антирубинцами. К великому неудовольствию Рубина, я точно также не читал его произведений, выходявших не под маркой института, как я не читал никаких работ тов. Деборина, печатавшихся не под моей редакцией. Схоластические споры об абстрактном труде слишком сильно напоминали мне старые споры девяностых годов, и новая вариация их меня мало интересовала. Уклон Рубина мне был хорошо известен, но он для меня перекрывался основным расхождением по вопросу о предмете политической экономии. Вся читающая публика знала, что в этом вопросе я коренным образом расхожусь как с Рубиным, так и с тт. Бухариным, Осинским, Преображенским и т. д. и т. д. Один из курьезов дискуссии последних годов состоял в том, что выступив в защиту покойного Степанова по данному вопросу, я с ним разошелся по вопросу о "механическом" материализме. Ставить Рубину в особенную вину теоретический уклон, который объединял его с рядом коммунистов-экономистов, я не имел никакого основания, тем более, что он меня интересовал только как сотрудник института. Что дискуссия принимает политический характер я не мог знать, потому что она происходила на собраниях в ИКП.

В первый раз я обратил на это внимание только тогда, когда Рубин прочитал - в конце 1929 или в начале 1930 г. - в научно-исследовательском коллективе нашего института специальный доклад - на основе опубликованных мною рукописей - не на тему об абстрактном труде, а по вопросу о развитии категорий производства и потребления у Маркса от 1844 г. до 1859 г. Между присутствовавшими в качестве гостей икаристами вспыхнула такая драка, нападки на Рубина со стороны некоторых из них приняли такой личный характер, что шестнадцать коммунистов передали мне написанное ими заявление в пользу Рубина.

Сейчас же после этого диспута я имел беседу с Рубиным. Повторив опять мои старые доводы, я советовал ему немедленно подать в отставку и прекратить преподавание в ИКП. Увлеченный своей работой, он долго не соглашался. Когда он, наконец, подал в отставку, ее не приняли, и совершенно неожиданно, недели через две, сообщили ему, что он больше не может преподавать в ИКП.

Только теперь начинается моя **ошибка**. Та самая "деляческая" точка зрения, которую мне поставили в вину на собрании или в МКК в связи с тов. Даниловым, превалировала у меня и здесь. Я заявил, что тов. Данилов, не в пример прочим, выполняет свои обязанности, как заведующий издательской частью института, прекрасно и что я лично не вижу никаких оснований отказать от его работы, пока более высокая инстанция, чем тогдашний Хамовнический райком не потребует, чтобы тов. Данилов ушел.

Я не хотел отказать от еще более важного для Института работника. Надо вспомнить то, что к этому времени программа ра-

бот Института, согласованная с культпропом ЦК, приняла поистине колоссальные размеры. Уступая настоятельным требованиям учащейся молодежи, особенно икапистов, требовавших, чтобы я, наконец, извлек из-под спуда экономические работы Маркса, чтобы я выпустил новое издание "Капитала, я согласился внести все эти издания в план 1931 г. Но для этого необходима была большая подготовительная работа, которая целиком падала на кабинет политической экономии. Весь этот огромный труд выполнялся Рубиным и его непосредственными помощниками тт. Кагановичем и Владимировым и беспартийным Реузем. Освобождение Рубина от работы в ИКП позволило взвалить на кабинет политической экономии еще одну работу: составление тематических сборников Маркса и Энгельса по вопросам политической экономии. Таких сборников теперь имеется в наборе пять: Наемный труд и капитал, Жилищный вопрос, Энгельс "О Капитале", Свобода торговли и протекционизм, Маркс и Энгельс о крестьянстве! А качество работы видно по новому изданию "К критике политической экономии", прошедшей, конечно, через мою тщательную редакцию, но переведенной и снабженной примечаниями Рубиным и его помощниками.

На Московской партконференции поднят был вопрос о работе Рубина в Институте. Я обратился к тов. Кагановичу с просьбой представить мне слово. Это было сделано. Я объяснил конференции, в чем состоит работа Рубина в Институте и чем она отличается от его предыдущей работы в ИКП: одна работа - подручная, вся проходящая через мою редакцию, другая - работа преподавания, да еще в такой "интимно"-научной обстановке, как семинар. Не помню, чтобы тт. Каганович и Рындин в своем заключительном слове сказали мне определенно, что я должен отказаться от сотрудничества Рубина. В Культпропе ЦК я поставил этот вопрос и еще на партсъезде тт. Стецкий и Таль сказали мне, что запрещение Рубину преподавать в ИКП не распространяется на работу в Институте Маркса и Энгельса. Прибавлю, что вплоть до моего отъезда за границу ни у кого не возникал вопрос о возможном участии Рубина в какой-нибудь контрреволюционной организации. Отношение к нему его сотрудников по кабинету продолжало оставаться в высшей степени благожелательным. Ничего, кроме восторженных отзывов о его работе, я от них не слышал.

Несколько слов о личных отношениях с Рубиным. Таких не было, да и не могло быть. Встречались мы только в Институте, обычно на заседаниях дирекции или ученого совета, и в частности по вопросам комплектования или другим, связанным с планом работы кабинета, но в таких случаях обыкновенно вместе с его сотрудниками.

Никаких политических бесед я с ним не вел. Обращать его в коммунизм я предоставлял молодым товарищам, которые, как им казалось, делали это с большим успехом. Я лично более надеялся на то,

что общая работа с коммунистами будет его также втягивать, как она в стенах Института втягивала тт. Деборина, Мартынова, Цобеля, Шиллера и др.

Ситуация изменилась очень скоро после моего возвращения из-за границы в последних числах сентября. Начали распространяться слухи, что имя Рубин упоминается в показаниях не то Суханова, не то Громана. Когда я, наконец, получил книжку о группе Кондратьева и Суханова, я мог лично убедиться, что имя Рубина действительно упоминается в ней. Но указание это носило такой изолированный характер, что, сопоставляя его с другими, более частыми упоминаниями имени Рудина, я сначала подумал это, как оказалось, было не только мое впечатление, что речь идет только об опечатке.

Слухи дошли и до Рубина. Он обратился ко мне с просьбой через секретаря дирекции, чтобы я принял его по личному делу. Тогда у нас произошло объяснение. Он мне рассказал, когда и при каких условиях он встретился с Сухановым и по каким поводам он с ним очень редко, но встречался. Краткий отчет об этом он для меня написал. Но он уже мог заметить, что мое доверие к его слову пошатнулось.

Я немедленно сообщил о моей беседе с Рубиным тов. Менжинскому. Я объяснил ему, как трудно мне, при сложившихся обстоятельствах, отказаться от помощи такого сотрудника. Он мне ответил, что у ГПУ нет пока никаких оснований к аресту, но что он не может сказать, что такой арест не произойдет впоследствии, если выяснятся новые обстоятельства. Но я продолжал надеяться, что дело уладится. Рубину, который уже убедился, что его положение в Институте пошатнулось и предложил мне свою отставку, я заявил, что не вижу пока в этом никакой необходимости. Отношение к нему среди коммунистов сотрудников изменилось. Прежнего единодушия не было, несмотря на выступление с речью против вредителей и ответ по поводу процесса, данный представителю райкома²⁵. От него потребовали письменного ответа. Он написал его, но вместе с этим подал мне письменное заявление об отставке. На этот раз я принял отставку и условился с ним, что он будет работать для нас аккордно. Все работы он должен был сдать тов. Кагановичу, который стал фактически заведующим кабинетом политической экономии.

Рубин, конечно, понял сейчас же, что принимая отставку, я отказываюсь от дальнейшей "борьбы" за него. Не помню тогда ли или при другом случае, он мне заявил: "Будьте уверены, Давид Борисович, что я свое слово сдержал".

Никогда не говорил я ему о предстоящем аресте. Об этом аресте говорила вся "ученая" Москва. Недели за две до ареста об этом было сообщено, как о положительном факте, на одном собрании. Я мог бы назвать нескольких товарищей, которые в изумлении узнавали, что Рубин еще не арестован. Я лично говорил об этом только с тов. Ка-

гановичем, хотя в Институте о предстоящем аресте говорили и другие.

О том, что Рубин ушел из Института, я опять-таки немедленно сообщил товарищу Менжинскому. В какой форме, он, вероятно, еще не забыл.

Повторяю, я сделал ошибку. Озабоченный прорывом на философском фронте - издание Гегеля, вошедшее в договор соцсоревнования с Институтом Ленина, было сорвано, - перегруженный до крайней степени в течение октября-декабря свалившейся на меня огромной организационной и административной работой, я долго не решался пожертвовать и экономическим фронтом и сдать в долгий ящик издание "Капитала" и "Теории прибавочной стоимости". Ведь, несмотря на мои усиленные просьбы, мне дали заместителя и ученого секретаря только в конце декабря и только с большим трудом я отстоял еще в ноябре товарища Кагановича, которого хотели отправить в провинцию.

Но ЦК, который еще 10 марта 1930 г. приветствовал в моем лице "неутомимого борца за торжество идей великих учителей международного пролетариата - Маркса, Энгельса, Ленина" и выражал уверенность, что "еще долгие годы моя работа будет служить делу борьбы мирового пролетариата за победу коммунизма"²⁶ может быть также уверен, что я ни душой, ни телом не повинен в том поступке, который возводит на меня гнуснейшим образом мой бывший сотрудник.

С коммунистическим приветом

Д. Рязанов

-75-

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т. 2, л. 40. Автограф).

11

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Об избрании меры пресечения и привлечении в качестве обвиняемого

1931 года, марта "3" дня. Я, нач. 4 Отд. ЭКУ ОГПУ ДМИТРИЕВ, рассмотрев следственное дело N по обвинению гр-на РЯЗАНОВА Давида Борисовича в том, что последний, будучи членом ВКП(б), не только знал о существовании и деятельности нелегальной к-р меньшевистской организации, именуемой Союзным Бюро ЦК РСДРП, но и принял от члена этой к-р организации РУБИНА на хранение ряд директивных писем заграничной организации РСДРП, трактующих об интервенции и вредительстве, как необходимой и желательной мере борьбы против Сов. власти. Ввиду того, что гр-н РЯЗАНОВ Д.Б. в

достаточной степени изобличается в инкриминируемом ему преступлении имеющимися материалами в деле и показаниями и, основываясь на 128 ст. УПК, ПОСТАНОВИЛ:

привлечь гр. РЯЗАНОВА Давида Борисовича в качестве обвиняемого по 58-4 ст. УК и мерами пресечения уклонения от следствия и суда избрать содержание РЯЗАНОВА под стражей.

Нач. 4 Отд. ЭКУ ОГПУ Дмитриев

"Утверждаю"

Нач. ЭКУ ОГПУ Прокофьев

(ЦА ФСБ, N P- 37 181, т.2, л. 20. Автограф на бланке)

12

Обвинительное заключение по делу Д.Б. Рязанова

"Утверждаю"

Зам. пред. ОГПУ Ягода

1931 года марта " - " дня я, нач. 2 и 4 отд. ЭКУ ОГПУ ДМИТРИЕВ Д.М., рассмотрев следственное дело по обвинению бывшего директора Института Карла Маркса и Энгельса РЯЗАНОВА Давида Борисовича в преступлениях, предусмотренных ст. ст. _____ УК,

НАШЕЛ

В ходе следствия по делу Союзного бюро ЦК РСДРП было установлено, что член контрреволюционной меньшевистской организации проф. РУБИН И.И. передал РЯЗАНОВУ Д.Б. ряд партийных меньшевистских документов на хранение.

Произведенным расследованием выявлено:

Д.Б. Рязанов состоял директором Ин-та К. Маркса и Энгельса и, опираясь в исследовательской работе Ин-та почти исключительно на меньшевистские элементы, в 1926 г. приглашает на работу высланного в ссылку активного меньшевика, состоявшего одно время секретарем ЦК Бунда, РУБИНА Исаака Ильича. РЯЗАНОВ дает поручительство в том, что РУБИН будучи освобожденным не будет вести партийной меньшевистской работы, несмотря на то, что последний перед освобождением из ссылки в личной беседе с РЯЗАНОВЫМ заявил, хотя он партийные связи с РСДРП растерял, тем не менее остается меньшевиком и разделяет меньшевистскую программу. Введя таким образом в заблуждение органы власти, РЯЗАНОВ назначает РУБИНА зав. кабинетом политической экономии Ин-

та, создав ему, меньшевику и в теории, имя ортодоксального марксиста.

Постепенно, с приходом РУБИНА в Ин-т, в последнем, под покровительством РЯЗАНОВА, происходит собрание меньшевистских сил: им нанят на работу член Союзного бюро ЦК РСДРП - ШЕР, член ЦК меньшевиков ЧЕРЕПАНИН и ряд других.

Вместе с тем РЯЗАНОВ принял на себя хлопоты по облегчению положения и освобождению, как из тюрьмы, так и из ссылки, целого ряда меньшевиков и вскоре в меньшевистских кругах Москвы и ряда других городов приобретает имя лица, оказывающего защиту меньшевикам.

В процессе обыска, произведенного ОГПУ, в Ин-те были обнаружены десятки заявлений в Москву, в которых члены семей осужденных меньшевиков через РЯЗАНОВА и при активном его участии возбуждают различные ходатайства. Кроме того РЯЗАНОВ в течение дня принимал лично в Ин-те большое количество просителей по личным делам. Одновременно РЯЗАНОВ предоставляет место на страницах институтских изданий для меньшевистских статей и теорий политической экономии.

В своих показаниях РУБИН отмечает, что постоянно общаясь с РЯЗАНОВЫМ, он устанавливает в идеологии последнего родственные меньшевизму взгляды, что и кладет в основу своих дальнейших действий, что дает основание считать, что РЯЗАНОВ догадывается о его принадлежности к нелегальной меньшевистской организации. РУБИН в одной из бесед с РЯЗАНОВЫМ прямо сказал, что имеет партийно-организационные связи с меньшевиками. Несколько раньше до этого РУБИН открывает РЯЗАНОВУ новые тактические установки, усвоенные меньшевиками начиная с 28 года (принятие интервенции и дезорганизации) и в конце концов перед угрозой неминуемого ареста, решается просить РЯЗАНОВА взять на хранение группу партийно-меньшевистских документов, связанных с текущей партийной работой.

Документы были переданы в декабре 30 года в закрытом конверте и представляются из себя:

- 1) Пространное письмо заграничной делегации РСДРП, излагающее новую тактическую установку на интервенцию.
- 2) Документ, мотивирующий необходимость блока с буржуазными контрреволюционными организациями, исходя из той же установки о принятии интервенции.

Допрошенные по настоящему делу члены Союзного бюро ЦК РСДРП ШЕР В.В. и ЯКУБОВИЧ М.П. показали, что действительно, в связи с массовыми арестами меньшевиков, означавшими провал меньшевистской организации, ШЕРОМ и ЯКУБОВИЧЕМ было решено передать важнейшие партийные документы, сохранение которых было особенно необходимо. Было условлено между тремя членами Союзного бюро, что РУБИН, используя свои отношения с РЯЗАНОВЫМ,

передаст ему на хранение эти документы, как в самое надежное место, поскольку личность РЯЗАНОВА и его положение гарантируют полную безопасность документов.

Арестованный и допрошенный в ОГПУ бывш. пом. зав. кабинетом политэкономии, член ВКП(б) КАГАНОВИЧ показал, что РЯЗАНОВ, узнав о предстоящем аресте РУБИНА, дал ему понять о необходимости предупреждения его.

КАГАНОВИЧ выполнил поручение. РУБИН поспешил уничтожить ряд партийных документов, находившихся непосредственно у него, помимо впоследствии переданных РЯЗАНОВУ.

Допрошенный Д.Б.РЯЗАНОВ отрицает предъявленные ему обвинения, показывая, что:

- 1) никогда партийные документы от РУБИНА не получал,
- 2) не знал, что РУБИН связан с партийной организацией меньшевиков,
- 3) не предупреждал РУБИНА через КАГАНОВИЧА о предстоящем аресте,
- 4) никогда не слышал их уст РУБИНА об изменении тактической установки нелегальной меньшевистской партии в сторону интервенции и дезорганизации народного хозяйства как метода в борьбе с Соввластью.

На очной ставке между РУБИНЫМ и РЯЗАНОВЫМ первый полностью подтвердил свои показания.

На основании вышеизложенного

ПОСТАНОВИЛ:

Следственное дело за N _____ по обвинению Давида Борисовича РЯЗАНОВА, гр-на СССР, женатого, 61 г. в контрреволюционных действиях, предусмотренных ст. ... УК, представить на рассмотрение заседания Коллегии ОГПУ.

Нач. 2 и 4 -го ОТД ЭКУ ОГПУ ДМИТРИЕВ

"УТВЕРЖДАЮ"

Нач. ЭКУ ОГПУ ПРОКОФЬЕВ

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, т.2, л.99-101. Машинопись).

13

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Прокофьев просит дать это заключение на просмотр и утверждение Г.Г. Ягоде.

Начальник 4 Отделения Экономического Управления
при СНК СССР Дмитриев
25/3 - 1931 г.

_____ Тов. Дмитриеву

Стоит ли? Пусть посидит. После напишется.

Ягода
27.III

(ЦА ФСБ. N P-37 181, т.2, л. 98. Машинопись. Автограф).

14

3 Отдел ЭКУ ОГПУ – Суздальскому политизолятору

Сов. секретно

7 апреля 1931 г.

т. Брамбаху.

_____ Препровождая при сем предметы питания, пару очков, белье, писчую бумагу и книги, просьба передать арестованному Рязанову Д.Б.

Приложение: Упомянутое

Нач. ЭКУ ОГПУ

Прокофьев

Нач. 3 отдела ЭКУ

Дмитриев

(ЦА ФСБ. N P-37 181, т.2, л.116. Машинопись. Подпись - автограф).

15

А.Л. Рязанова – Д.Б. Рязанову

9 апреля 1931 г.

Выяснила, что можно писать раз в три дня. Писать можно только о себе, семейных и личных делах. Книги и журналы будешь получать тем же путем, что и раньше. Пиши, что тебе нужно. Я постараюсь послать. У меня все то же. Я здорова и на днях выясню насчет работы. К тебе собираюсь после 15-го. Сейчас дороги очень плохие и трудно будет к тебе добраться. Как только восстановится дорога, я постараюсь поехать. Посылаю: Под знаменем марксизма № 10 - 12, Красная Новь № 2, Природа № 10, 11, 12 и 10 книжек "Наш Союз".

Будь здоров.

Анюта

Пиши.

(ЦА ФСБ. N P- 37 181, т.2, л.125. Автограф).

16

Д.Б. Рязанов – Коллегии ОГПУ

11 апреля 1931 г.

Вот уже шесть недель, как я переброшен в Суздаль, где сижу в сырой камере, выходящей на Север и расположенной против различных служб. И при более нормальных прочих условиях это не могло бы не отразиться тяжело на моем здоровье.

А как раз эти прочие условия весьма неблагоприятны. Помимо воли здешнего начальства я обречен на голодание. Здесь нет никакой возможности достать необходимые для меня продукты. Болезнь желудка (предположение к язве) и почек уже многие годы заставляют меня соблюдать строгую диету, не говоря уже о соответствующем лечебном режиме.

В силу всех этих причин здоровье мое ухудшается с каждым днем. Начались сердечные припадки - несколько дней назад очень сильный - которые на воле бывали у меня только в результате чрезмерного переутомления. Мне таким образом в ближайшем грозит инвалидное состояние, которое потребует больничного режима.

Прошу поэтому перевести меня обратно в Москву во внутреннюю тюрьму.

Д. Рязанов

P.S. Несмотря на положительное обещание вопрос о переписке с Анной Львовной и регулярной доставке книг до сих пор не урегулирован. До сих пор не знаю также, в каком состоянии находится следствие по моему делу.

(ЦА ФСБ. N P-37 181, т.2. л.120. Автограф).

17

Д.Б. Рязанов – редакции журнала "Большевик"

11 апреля 1931 г.

Копия.

Посылаю вам свои замечания по поводу опубликованного письма Маркса. Прошу копию сообщить в Политбюро. Вы увидите, что это не только литературный вопрос. Именно поэтому я останавливаюсь только на политической стороне дела и оставляю совершенно в

стороне все ошибки расшифровки, перевода комментария и примечаний.

Д.Рязанов

В редакцию "Большевика"

В номере пятом "Большевика" напечатано из материалов Института Маркса и Энгельса "Письмо Маркса к его дочери Дженни Лонге"²⁷. Вы позволите мне сделать некоторые поправки к вступлениям и замечаниям автора, который пишет от имени Института.

Сначала архивная справка. В Институте имеются все сохранившиеся письма Маркса к его старшей дочери, но за исключением письма от 11 апреля 1881 г. только в фотографиях. Все письма принадлежат Жану Лонге но - чего он до сих пор не знал - ему в свое время были возвращены не все. Одно было присвоено Смирновым²⁸ с ведома русских марксистов.

В 1899 г. никто не говорил о меньшевиках, но многие говорили о ревизионизме. Каутский был тогда в зените своей марксистской славы. Лонге связан был с французскими оппортунистами. Смирнов решил не только не опубликовывать отзыв о Каутском²⁹, но и не возвращать Лонге письма, чтобы оно не было истолковано кем-нибудь из французских оппортунистов.

Мне Смирнов об этом рассказывал еще в 1900 г., когда я опять попал в Париж. Помнится мне, что с этим инцидентом были знакомы тогда все "старики" - и из группы "Освобождение Труда" и из "Искры". Но тогда все хорошо знали, что отзыв Маркса объяснялся определенными условиями времени и места". Знали, что Каутский в начале 1881 г. еще только приближался к марксизму, что он недавно опубликовал книгу о Мальтусе, от которой он после отказался, что Маркс тогда имел основание считать Каутского, вместе с Бернштейном, членом подозрительной "клики" Гехберга.

Письмо было передано Смирновым Мартову. Когда я много лет спустя, но еще до войны, работал над историей первого Интернационала, получил от Лонге письма Маркса. Об исчезнувшем письме он не имел никакого представления. Письма во время войны и революции совершили не одно путешествие, пока опять попали ко мне. После настойчивых требований Лонге я вернул письма, предварительно сфотографировав их.

Когда Мартсов умер, я, ссылаясь на сообщение Смирнова, просил Николаевского узнать у Л.Цедербаум, сохранились ли в бумагах покойного письма Маркса. К счастью, его удалось найти. Сначала мы получили письмо с "купюрой", но после удалось убедить через посредство того же Николаевского Л.Цедербаум отдать мне письмо Маркса, но только на условиях, о которых она пишет в своем письме.

Должен ли я был соглашаться на эти условия? Конечно, да. Иначе письмо осталось бы у меньшевиков. А теперь оно через меня попало

в Институт. Не надо забывать, что огромное количество документов, собранных мною, начиная с 1909 года, доверенных мне лично, но с обязательством возвращения, находятся теперь в Институте, но принадлежат к числу "секретных", ибо они все же присвоены не совсем законным путем³⁰ Вообще без целого ряда "маневров", без, всем близким товарищам хорошо известных, моих больших связей во II Интернационале, нам бы никогда не удалось собрать те сокровища, которыми по праву гордится Институт Маркса и Энгельса.

Возвращаясь к письму Маркса. Оно все-таки было украдено у владельца, который сохранял все свои права на него. И с этим фактом надо было считаться. Если бы Лонге узнал об этом, он поднял бы большой скандал, и нам мало помогло бы, если бы мы доказали на основании письма Л.Цедербаум, что не мы "украли" это письмо, а тут еще одно важное обстоятельство. Через Лонге я мог надеяться получить еще другие документы, как лично от него или братьев, - он все еще не может найти некоторые рукописи Маркса, полученные как от Лафарга - так и от других, связанных с ним французских социалистов, в первую очередь от Брака, у которого хранится архив Геда. Последнее - фотографирование архива - уже налаживалось³¹. И главным образом эти причины заставляли нас меня и Цобеля - "скрывать" письмо Маркса, а не желать "спасать" репутацию Каутского.

В "Воинствующем Материалисте" письма Маркса были напечатаны до получения оригинала "украденного" письма, следовательно, на основании фотографий и старого уведенного письма (из "Начала")³².

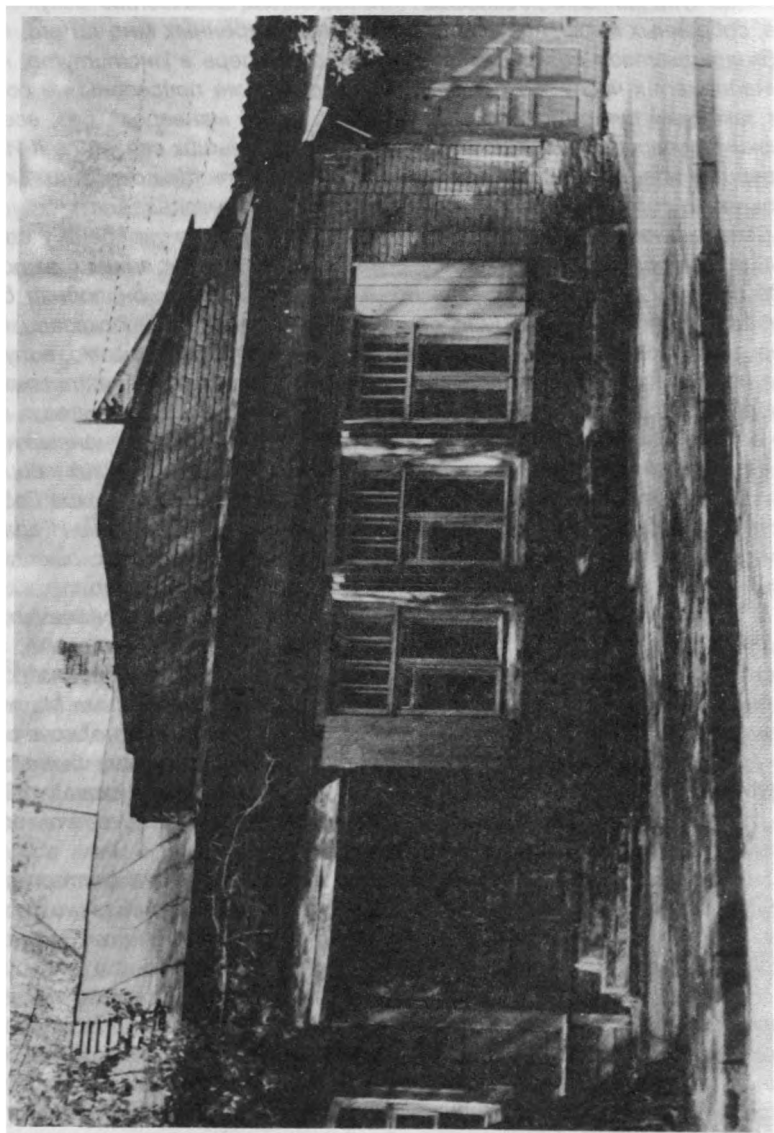
Мы - вместе с Цобелем - собирались опубликовать письма Маркса к дочери в немецком издании "Архива Маркса и Энгельса", но, конечно, без "украденного" письма, ибо такая публикация возможна была за границей только с разрешения Лонге. Но после пришлось отказаться от такого плана, потому что Лонге решил сам опубликовать эти письма в своем новом журнале" ... ".

На мертвого все можно валить. Но надо же все-таки знать меру. И я думаю, что эта мера не соблюдена, когда новый, реорганизованный Институт Маркса и Энгельса пишет на страницах "Большевика":

"Рязанов, так много распространявшийся на тему о том, что он, в противоположность Бернштейну, дает не фальсифицированного Маркса, печатает его письма, якобы, (?!) безо всяких сокращений, в данном случае тщательно скрывал (?!) оригинал этого письма, чтобы оградить авторитет Каутского, а на самом деле вычеркивал (?!) из этого письма убийственную характеристику Каутского".

Мертвые молчат, бумага все стерпит!

Д. Рязанов.

Саратов. Дом в котором Д. Б. Рязанов жил во время ссылки (1931-1937)

18

Д.Б. Рязанов – А.Л. Рязановой

13 апреля 1931 г.

Дорогая Анюта.

Получил от тебя письмецо (от 5 апреля). Написал ответ, но не успел отослать его, потому что переведен в Москву. Очень рад, что тебе не придется ехать опять в Суздаль. А я ждал тебя, как было условлено, т.е. к 14 или 15 апреля.

Надеюсь скоро тебя увидеть. Тогда сообщу, что мне нужно.

Будь здорова.

Давид

13 апреля 1930 г.

(ЦА ФСБ. N P-37 181, т.2, л. 126. Автограф).

19

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

особого совещания при Коллегии ОГПУ от 16 апреля 1931 г.

СЛУШАЛИ: Дело N 109 117 по обвинению РЯЗАНОВА Давида Борисовича по 58 ст. п. 4 УК.

ПОСТАНОВИЛИ: Выслать в г. Саратов сроком на три года с прикреплением, считая срок высылки с 16.II - 1931 г.

Дело сдать в архив.

Секретарь Коллегии ОГПУ (подпись)

(ЦА ФСБ. N P - 37 181, л.106. Автограф на бланке).

20

Нижневолжское представительство ОГПУ – ЭКУ ОГПУ

18 апреля 1931 г.

Прибывший в ссылку Рязанов Давид Борисович от ОГПУ т. Гуве принят 18/IV.31 г.

Нач. СНО

С. Сорокин

(ЦА ФСБ. N P- 37 181, т.2, л. 121. Автограф на бланке).

21

Московское ОГПУ – Саратовскому ОГПУ

22 апреля 1931 г.

Препровождается выписка из протокола Особого Совещания Коллегии ОГПУ от 16 апреля 1931 г. по делу N 109 117 РЯЗАНОВА Давида Борисовича.

Приложение: выписка.

Нач. ОЦР ОГПУ (подпись)

Нач. Уч. отделения (подпись)

(ЦА ФСБ. N P-37 181, т.2, л.105. Машинопись).

22

Д.Б. Рязанов – Президиуму ЦКК ВКП(б)

Саратов, 28 апреля 1931 г.

Только здесь, в Саратове, через три месяца после ареста, мне пришлось ознакомиться с принятым обо мне еще 17 февраля 1931 г. постановлением Президиума ЦКК.

Мне предъявлены были до сих пор только основанные на показаниях Рубина обвинения: 1) получение от него на хранение каких-то документов по истории РСДРП в запечатанном конверте: и 2) предупреждение его о предстоящем аресте. И то, и другое обвинение я отрицал и отрицаю самым категорическим образом. А теперь, когда я из стенограммы процесса познакомился со всеми показаниями Рубина, касающимися меня, я могу только удивляться, как они встретили доверие следователей.

Но постановление Президиума ЦКК мотивирует мое исключение из партии такими обвинениями, о которых за все время никто не сказал мне ни единого слова, о которых я узнал только теперь.

Если я действительно виновен в том, что оказывал меньшевикам помощь, связывая их между собою и с заграничным центром меньшевиков, то я совершил величайшее преступление против советской власти.

Ввиду того, что это обвинение находится в самом непримиримом противоречии со всем моим революционным прошлым, я прошу в срочном порядке пересмотреть мое дело и дать мне возможность

представить свои объяснения по поводу материалов и документов, на которых основывается такое тяжкое обвинение.

Я признаю, что в деле управления и руководства Институтом я несомненно совершил ряд промахов и ошибок, но я совершенно не виновен в тех преступлениях, в которых меня теперь обвиняют.

Д. Рязанов

(РЦХИДНИ, ф.589, оп.3, д. 12754, л. 16-18. Автограф).

23

Д. Б. Рязанов – Президиуму ЦКК

Мое показание

Прошел уже год с того времени, когда я, без всякой вины с моей стороны и без всякого суда, был исключен из партии и оторван от партийной научной работы. На просьбу о пересмотре моего дела, с которой я обратился в ЦКК³³ и Политбюро³⁴, я не получил ответа. Я был, таким образом, лишен возможности ответить по существу тех материалов, на которых основывалось постановление Президиума ЦКК от 17 февраля 1931 г.³⁵

Так как состояние моего здоровья и возраст делают все более вероятной какую-нибудь фатальную случайность, то я решил уже теперь дать для суда истории ответ на те обвинения, которые стали мне известными после выхода из тюрьмы, по приезде в Саратов.

12 февраля вечером меня вызвали по телефону т. Сталин в ЦК и в присутствии т. Молотова предъявили мне письмо Рубина³⁶. В этом письме, адресованном мне, Рубин писал, что передал мне на хранение запечатанный конверт с документами по истории РСДРП. Я заявил, что никакого конверта с документами от Рубина не получал, что письмо его может быть только актом психически больного, на смерть перепуганного человека. Тт. Сталин и Молотов ответили, что считают необходимым произвести обыск в Институте Маркса и Энгельса. Вслед за этим, по вызову т. Сталина, приехали тт. Менжинский и Прокофьев. В тот же вечер под руководством т. Прокофьева, которому я передал полученные в его присутствии ключи от несгораемых шкафов - они хранились у моего секретаря Г. Сухановой, - начался обыск в Институте Маркса и Энгельса. В ночь с 15 на 16 февраля я был арестован. Обыск в моей квартире был произведен после моего ареста. Мне не был предъявлен ни один документ, по поводу которого требовались мои объяснения. Все время речь шла о "запечатанном конверте" и о предупреждении об аресте через т. Кагановича. Об этом же говорил со мной и т. Крыленко.

26 февраля мне было объявлено, что начиная с 27 февраля мне на некоторое время будет прекращена доставка газет ("Правда" и "Известия") и что следствие будет возобновлено через несколько дней. Но уже в ночь с 28 февраля на 1 марта я был переведен в Суздаль, где начал получать газеты только после 15 марта. Таким образом, постановление Президиума ЦКК, постановление Президиума ЦИКа, протоколы процесса меньшевиков - все это стало мне впервые известно только в Саратове, т.е. в конце апреля, когда мне удалось получить комплект "Правды" от 1 до 15 марта 1931 г.

Начну с постановления Президиума ЦКК. Оно принято было заочно на другой день **после моего ареста** - 17 февраля. Но ни до, ни после ареста, ни до 17 февраля, ни после, никто не заикнулся даже о том, что я **"зная о контрреволюционной, антисоветской деятельности меньшевиков, находящихся в СССР, оказывая помощь, связывая их между собою и с заграничным Центром меньшевиков"**.

Какие данные, какие материалы, какие показания имел в своем распоряжении Президиум ЦКК, чтобы выдвинуть против меня такое тяжкое обвинение, чудовищное, дикое, нелепое, находящееся в самом вопиющем противоречии со всем моим революционным прошлым, с моим личным характером? Ведь это обвинение сводится к тому, что будучи членом ВКП, я в то же время был членом контрреволюционной меньшевистской организации!

Старые члены партии знают, что я никогда не был меньшевиком, что я никогда не принимал никакого участия ни в каких меньшевистских литературных органах и изданиях, что я всегда вел борьбу против всех основных идей меньшевизма. И вдруг, в том самом году, в котором партия, Коминтерн, профессиональные, советские, научные организации дали в связи с моим шестидесятилетием такую лестную оценку моей революционной и научной работы, я стал меньшевиком, да еще интервентом!

Все статьи в "Правде" и других органах ссылаются на показания Рубина и Шера. Мне, повторяю, неизвестно, имел ли Президиум ЦКК в своем распоряжении други свидетельства. Я поэтому вынужден рассмотреть только показания Рубина и Шера.*

Существование показания Рубина сводится к следующему. Уже в сентябре месяце, после ареста Шера, шли слухи о возможности ареста Рубина. Его начали беспокоить судьба данных ему Шером на хранение документов. В конце ноября слухи эти усилились. В начале декабря Рубин подал заявление об уходе из института с 1 декабря, оставшись только на 10 - 12 дней для приведения дел в порядок. 11 декабря, накануне ухода, Рубин зашел проститься к Рязанову и попросил его

* Я буду пользоваться официальным изданием: "Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта - 9 марта 1931 г.)", М., 1931. - Примечание Рязанова.

взять несколько документов, представляющих значительный интерес для истории РСДРП. Получив согласие Рязанова, он вложил эти документы в конверт, запечатал и в запечатанном виде передал Рязанову. Рубин порвал с Институтом окончательно. Он заявил, что не будет посещать институт и даже не будет пользоваться правом простого читателя.

Я не буду останавливаться на всех противоречиях в показаниях Рубина. Они бросаются в глаза даже при беглом чтении.* Ниже я вернусь еще к истории моих отношений с Рубиным. Сначала я хочу восстановить истинную картину его "ухода" из Института.

В действительности никакого "ухода" не было и не было никакого "прощания". Речь шла только о снятии Рубина с места заведующего кабинетом политической экономии, о выведении его из штатов института. Никто никогда не поднимал вопроса о том, чтобы отказаться от работы Рубина как переводчика и технического редактора.

Вопрос о снятии Рубина с места заведующего кабинетом политической экономии поставлен был мною в Культпропе ЦК сейчас же после того как Рубин, по постановлению ЦК, был снят с работы в Институте Красной Профессуры. Тт. Стецкий и Таль ответили мне, что постановление ЦК касается только преподавательской работы Рубина. Именно на это заявление я и опирался, когда на Московской партконференции выступил по докладу т. Рындина, в присутствии т. Л.М. Кагановича, с разъяснением по вопросу о работе Рубина в Институте. Это было еще до XVI партсъезда³⁷. Незадолго до моего отъезда за границу на совещании, бывшем у меня с тт. Стецким и Талем на XVI партсъезде, я опять поставил этот вопрос и опять получил тот же ответ. После возвращения из-за границы, в конце сентября, никто - ни из Культпропа ЦК, ни из бюро ячейки - не поднимал этого вопроса.

Сейчас же, после того как разослана была красная книжка с показаниями Кондратьева, в которых впервые было упомянуто имя Рубина, я поехал к т. Менжинскому - я сейчас вернусь к этому эпизоду - и в Культпроп ЦК. Тов. Таль не откажется подтвердить, что появление имени Рубина было такой неожиданностью, что многие - и он в том числе - сначала подумали, что это опечатка - вместо Рудина, упомянувшегося в показаниях несколько раз. На мой вопрос, снять ли Рубина, я получил тот же самый ответ. Только в конце ноября т. Гусев, заменявший уехавшего в отпуск т. Стецкого, прислал мне постановление снять Рубина. Именно тогда я пригласил Рубина и, ссылаясь на напряженную атмосферу, создавшуюся в результате обсуждения расстрела 48³⁸. На собрании научных сотрудников, сказал ему, что он

* Достаточно мало-мальски внимательно проанализировать показания Рубина на сс. 143-146, 149, относящиеся к одному и тому же событию. - Примечание Рязанова.

не может больше оставаться заведующим кабинетом политической экономии и предложил ему подать заявление об отставке. Не мог же я сказать Рубину, что он снимается по постановлению ЦК. Когда в отчете о заседании дирекции - он был вывешен на обычном месте - было сказано по ошибке, что Рубин увольняется, редакция постановления была исправлена.

Но, сняв Рубина с места заведующего кабинетом политической экономии, я предложил ему остаться главным техническим редактором по изданию экономических работ Маркса и Энгельса, а также классиков политической экономии с месячным фиксумом в 300 р. На таком положении были и некоторые другие квалифицированные переводчики, работавшие для института, но не числившиеся в штатах. А под руководством Рубина тогда подготавливались переводы "Капитала", указатели к нему, перевод "Теории прибавочной стоимости", тематические сборники Маркса и Энгельса "Свобода торговли и протекционизм", "Жилищный вопрос", "Наемный труд и капитал", томик о "Капитале" - и ряд других работ (Смит)³⁹.

Рубин принял мое предложение. Нам пришлось еще раза два-три обсуждать некоторые вопросы, связанные с упомянутыми выше изданиями.* Более того. Уже когда Рубин был арестован, я посылал ему в тюрьму корректуры. В январе жене Рубина был выплачен первый месячный гонорар в счет проведенной им редакторской работы.

Где тут "уход", где "окончательный разрыв" с Институтом, где "прощание" со мной, где тут "последняя услуга"? Ничего подобного не было. Весь рассказ Рубина напоминает страничку из плохого уголовного романа!

Никаких личных отношений между нами не было. За все время нашего знакомства Рубин ни разу не был у меня на квартире. Я встречался с ним только в институте и всегда на почве деловых отношений. Никаких политических разговоров я с ним не вел. Я дорожил им только как прекрасным научным сотрудником и добросовестным переводчиком. Никакого влияния на общий ход работы в Институте Рубин не имел. Его литературное сотрудничество ограничивалось работами в области **истории** экономической догмы и рефератами об иностранной литературе по политической экономии. Его самостоятельные работы в области **теории** политической экономии печатались не в издаваемых мною журналах, а в других, в редакции которых я не принимал участия, или выходили отдельными изданиями в Госиздате.

Мне нечего скрывать. Смешно, конечно, говорить о моем "безграничном доверии" к Рубину. Но я все еще убежден, что Рубин, проде-

* Если верить Рубину, он передал мне запечатанный конверт 11 декабря и после этого больше не видел меня (с. 146). А на с. 145 он утверждает, что говорил со мной за два дня до ареста (23 декабря), что этот факт установлен. - Примечание Рязанова.

лавший, как казалось не только мне, но и другим коммунистам, работавшим с ним в течение трех лет в Институте красной профессуры, большую эволюцию своих взглядов, не состоит членом какой-либо меньшевистской организации. Ведь и приговор Верховного суда констатирует, что Рубин с 1923 г. по 1929 г. не был членом РСДРП⁴⁰.

У меня лично был особый мотив верить Рубину, что он окончательно порвал всякие организационные связи с меньшевиками. Рубин работал еще в 1919 г. и 1920 г. для "Библиотеки научного социализма", которую я начал издавать в 1919 г. Вместе с Трояновским (теперь коммунист) и другими меньшевиками он перевел третий том литературного наследия Маркса и Энгельса и их переписку⁴¹. Когда, в 1922 г., я приступил уже как директор Института Маркса и Энгельса к изданию собрания их сочинений, я привлек к работе Рубина. Когда он был арестован в 1923 г., я предложил т. Менжинскому взять Рубина на поруки. Как в свое время, когда я брал на поруки т. Трояновского и др., мне, с разрешения т. Менжинского, дано было личное свидание с Рубиным (не в Бутырской тюрьме, а в ОГПУ на Лубянке). Рубин отказался от моего предложения. Не по тем мотивам, о которых он рассказывает в своем показании. Т. Менжинский знает, что весь этот рассказ - сплошная фантазия. Ни о каком концентрационном лагере тогда не было и речи. Политически опасным противником его не считали. Рубин уже тогда был больше известен как теоретик и преподаватель. В Бунде и, как представитель Бунда в ЦК РСДРП, он занимал крайне левую позицию. Среди старых москвичей-коммунистов он имел многих приятелей. Ему грозила только высылка из Москвы. Я обещал выхлопотать для него разрешение жить недалеко от Москвы, а затем в Москве, чтобы он мог работать для института в наиболее благоприятных условиях. Подтвердив мне, что он действительно отказывается от всякой политической деятельности, он, несмотря на это, отказался от моего поручительства. Мотив: порвав всякие организационные отношения с партией, он не может ручаться за полный разрыв личных отношений со старыми товарищами. "А вдруг кто-нибудь заедет ко мне?" Это может быть истолковано как продолжение политической работы и он, таким образом, поставит меня в ложное положение.

Содержание нашей беседы я сейчас же после свидания сообщил т. Менжинскому. Рубин был выслан не в концентрационный лагерь, а в Крым, где продолжал работать для Госиздата и занимался переводами для Института. Когда он окончил свой срок и получил разрешение вернуться в Москву - за него хлопотали и более влиятельные, чем я, товарищи, - он поступил на работу в институт. Мне и другим он заявил тогда, что порвал окончательно с РСДРП, но не считает возможным выступить с публичным заявлением, когда его старые товарищи сидят в тюрьме. Когда Рубина пригласили преподавателем в Институт красной профессуры, я самым категорическим образом возражал против этого. Не с "деляческой" точки зрения, как меня

тогда обвиняли. Я считал, что Рубин, которого можно было использовать как прекрасного "спеца" при подготовке к изданию экономических работ Маркса и Энгельса, не может быть профессором политической экономии в партуниверситете. Мне заявили в Культпропе ЦК, что он будет преподавать только историю политической экономии. Каким образом Рубин мог в течение нескольких лет, до февраля или марта 1930 г., оставаться профессором партуниверситета и стать "теоретическим богом" для икапистов, - об этом лучше могут рассказать другие товарищи, находившиеся с ним в тесных личных и даже дружеских отношениях. На той же самой всесоюзной конференции агитпропов, на которой я осмелял наводнение Института красной профессуры философией, я протестовал против абстрактного характера принятых в нем программ и требовал более усиленного внимания к истории, экономике и бюджету. Но как раз все недостатки Рубина в области теории - я его называл талмудистом - делали его прекрасным работником в той области, где, как при переводе Маркса, требовалось тщательное различие оттенков мыслей и определений.

Я писал выше, что немедленно после получения красной книжки с показаниями Кондратьева, приехал к Менжинскому. Мои старые отношения с Менжинским давали мне право надеяться, что что он, прекрасно знавший, почему именно я дорожу сотрудничеством Рубина, даст мне прямой товарищеский совет. В моих отношениях с ОГПУ, при хлопотах о различных "культурных ценностях", я так часто нарушал все и всякие формальности - и при покойном Дзержинском и т. Менжинском, - что ссылку на "формальности" считал исключенной. По старому соглашению с т. Ягодой доставлялись в ОГПУ списки служащих Института с тем, чтобы нам указывали, кого есть основание считать неблагонадежным.

Т. Менжинский ответил мне, что для ареста Рубина нет еще оснований, что следствие продолжается. А так как в той же красной книжке упоминались фамилии других лиц в более компрометирующей связи, но не арестованных, то я остался при убеждении, что Рубин не повинен ни в какой организационной связи с контрреволюционной организацией.

Слухи об аресте Рубина между тем распространялись все упорнее. Было бы удивительно, при тесных личных отношениях с рядом коммунистов, из которых многие бывали у него часто на дому, чтобы Рубин не узнал, что его имя связывается с именем Суханова. В октябре он просил меня принять его по личному делу*. Оказалось, что

* Из двух версий, которые имеются в показаниях Рубина, что я вернулся из-за границы в октябре и что Рубин мне сообщил о своих отношениях к Суханову, другая - что я вернулся в конце сентября и что я ему сказал, что его имя упоминается в связи с именем Суханова. Первая - на с. 144, вторая - на с. 145. - Примечание Рязанова.

он хочет пояснить мне характер своих личных отношений к Суханову. Он уверял меня, что они носили только **личный** характер, что Суханов неоднократно приглашал его на свои воскресники, на которых бывала разношерстная публика из мира литераторов и артистов, что он был там **два раза**. А что именно мне Рубин рассказывал, легко узнать из письменного изложения, которое я просил его сделать. Этот документ мною сейчас же был сообщен т. Менжинскому. Я указал, что необходимо проверить точность показаний Кондратьева, который упоминал о Рубине только **один раз**.

Когда в "Правде" в какой-то рецензии, кажется Мушперта, Рубин был назван контрреволюционером⁴², он написал письмо в редакцию. Копию этого письма, сообщенную мне Рубиным, я опять-таки сейчас же передал т. Менжинскому⁴³. Это был **второй** документ.

Вместе с прошением об отставке Рубин написал на имя месткома подробное политическое заявление, в котором он написал, что уже несколько лет назад порвал со своим политическим прошлым и излагал свои взгляды, к которым он пришел в последнее время. Копию этого документа я сейчас же передал т. Менжинскому. Эти **три документа** были найдены в моем кабинете, в несгораемом шкафу, правда, в конеерте, но не запечатанном. Я просил т. Прокофьева выделить их особо. Не знаю, были ли они известны т. Крыленко или Президиуму ЦКК, но на суде они не фигурировали и никто о них Рубина не спрашивал. Если эти три документа теперь, в свете новых показаний Рубина, подтверждают мой отзыв, который я сделал т. Прокофьеву, напоминая ему об этих документах - Рубин оказался сволочью, но это **большая** сволочь, - то меня они в свое время только укрепляли в моем заблуждении. Но достаточно было сопоставить эти документы с показаниями Рубина, чтобы всем стало ясно, чего стоят "искренние" показания этого "политического хамелиона", как его назвал т. Крыленко⁴⁴.

В тюрьме устроена была так называемая "очная ставка" с Рубиным. Вопросы Рубину мог задавать только следователь. Ответы Рубина записывались им же. Рубин - запуганный, дрожащий, с трудом выдавливающий из себя слова - произвел на меня такое отталкивающее впечатление, что я после ответа его на первый вопрос, заданный ему следователем, отказался от предложения "очной ставки"⁴⁵. Если бы я знал тогда, что этим ограничится все следствие по

* Новый курьез в показаниях Рубина. Он утверждает, что была специальная заметка в "Правде", где было указано, что он - член кулацкой меньшевистской вредительской организации и что после этого слухи о возможности его ареста усилились (с. 143). Если бы это было действительно так, то т. Крыленко должен был немедленно возбудить дело против тех "предателей", которые так демонстративно предупредили Рубина о грозящем ему аресте. Кто поверит, что ЦО мог напечатать такую вещь о человеке, который находился на свободе? - Примечание Рязанова.

моему делу - а эта "очная ставка", как я теперь знаю, имела место уже после постановления Президиума ЦКК - я преодолел бы свое отвлечение.

Но, повторяю, я продолжал верить в "политическое разоружение" Рубина. Но тем абсурднее, тем невероятнее становится предположение, что Рубин после всех этих уверений мог **осмелиться** предложить мне взять на хранение **исторические** документы в **запечатанном** конверте. Тот негодяй или те негодяи, которые еще осенью 1930 г. в письмах на мое имя* просили меня передавать по указанному ими адресу запечатанные конверты, могли быть настолько наивны. Но не Рубин, имевший все-таки известный научный стаж.

Исторические документы в **запечатанных** конвертах никто не передает. Рубин - поскольку он еще был психически нормальным человеком - прекрасно понимал, что всякая попытка его сделать мне такое предложение заставила бы меня сейчас же предположить, что я имею дело либо с идиотом, либо с негодяем.

Вообще, чем внимательнее перечитываешь показания Рубина, тем непонятнее становится факт, что человек, знавший еще в сентябре о возможном его аресте, продолжает хранить чуть ли не три месяца компрометирующие его документы.

Изучив теперь показания Рубина, я сомневаюсь и в том, что его мог предупредить об аресте т. Каганович⁴⁶. Не только о возможности ареста Рубина, но и о состоявшемся уже аресте, или слухи задолго до действительного уже ареста. Об этом было заявлено даже на одном собрании в Комакадемии.

В Институте эти слухи усилились благодаря следующему инциденту. Это было еще в ноябре. Из ОГПУ (экономического отдела) по телефону обратились с запросом в канцелярию, служит ли в Институте Рубин и если да, то какой его адрес. Когда мне об этом передали, я поехал к Ягоде и указал ему на странность такого способа действий. Если Рубина собирались арестовать, то надо было это сделать более конспиративно.

С т. Кагановичем - членом бюро ячейки и заместителем Рубина по кабинету - я, конечно, говорил о возможности ареста, хотя оба мы были одинаково убеждены, что Рубин **организационно** с меньшевиками не связан. Когда я предложил Рубину подать заявление об отставке, я формально принял руководство кабинетом политической экономии на себя, но т. Каганович должен был вести всю организационную и административную работу по кабинету. Мы обсуждали и ряд других вопросов, связанных с редакционной работой Рубина. Меньше все-

* Первое письмо, в котором было вложено письмо в запечатанном конверте с просьбой передать его по определенному адресу в Кремле, я немедленно передал тт. Ягоде и Евдокимову для расследования. Таких писем с просьбой передать "запечатанные конверты" я получил несколько. Примечание Рязанова

го меня заботил и "волновал" вопрос о том, что арест Рубина может "компрометировать" кабинет политической экономии и тем более институт, который был также мало застрахован от арестов, как и другие советские учреждения.

Повторяю, я теперь сомневаюсь, говорил ли даже т. Каганович с Рубиным о возможности его ареста, но если бы он даже совершил эту оплошность, то каким образом это можно, как сделал т. Крыленко, превратить в предупреждение об аресте с моей стороны?

Таким образом, остается только фантастическое показание Рубина, что из "личных симпатий" к нему я согласился на его "последнюю просьбу" и принял на хранение в "запечатанном конверте" документы, представляющие "значительный интерес для истории социал-демократической партии". Где тут организационная связь, которую так усердно старался установить на процессе Крыленко?

Рассмотрим теперь показания Шера. Трудно представить себе более нелепый бред, но еще труднее понять, что к этому бреду могли отнестись серьезно. Он, оказывается, "намекал" мне на то, что он член меньшевистской организации, "намекал" даже на то, что занимается вредительством, он "намекал" мне на то, что тактика этой организации та, на которой стоит немецкая социал-демократия! Правда, полностью развить позицию нового меньшевизма у него "не хватило мужества". И все же, несмотря на всю настойчивость т. Крыленко, он в конце концов заявляет: "Я не могу поручиться за то, что он мог понять из моих намеков, что я признавал свою вредительскую деятельность. Зато, что "касается моего участия в меньшевистской организации, то **намеки** мои были вполне определенные!"⁴⁷

Я считаю более целесообразным противопоставить показанию Шера мой рассказ о том, как он попал на работу в Институт. Это действительно крупнейшая ошибка с моей стороны, ибо даже с чисто "деляческой" точки зрения Шер, в сравнении с Рубиным, являлся второстепенным работником.

Шера я знал по профсоюзам еще в 1906-7 гг.⁴⁸ В августе 1917 г. сталкивался с ним на заседаниях Исполнительного Комитета, куда он приходил в качестве докладчика от военного министерства или вместе с Верховским. С тех пор не встречал его вплоть до 1909 г. - дату более точно может установить т. Крыленко - когда он явился ко мне с просьбой вступить за его младшего брата, который был арестован в связи с какими-то беспорядками в Парке культуры и отдыха. Я обратился к т. Крыленко с просьбой более внимательно отнестись к этому делу. Т. Крыленко при мне предложил соответству-

* "Я не хотел, чтобы их читали. - показывает Рубин в другом месте. - Примечание Рязанова.

ящему прокурору предоставить точную справку. Через несколько дней Шера был освобожден.

Шер тогда был еще членом правления Госбанка. Я знал также, что он, как специалист по истории рабочего движения, читал лекции в МГУ. Скоро после его визита ко мне я узнал, что в результате автомобильной катастрофы он был разбит параличом. Через несколько месяцев Шер опять явился ко мне - на этот раз с просьбой предоставить ему работу по его специальности. Я попросил его прийти через несколько дней. Я предварительно поговорил с т. Пятаковым, его непосредственным начальником. Т. Пятаков дал мне прекрасный отзыв о Шере: только ввиду болезни (последствия удара), которая сделала Шера неспособным к ударной и напряженной работе, пришлось расстаться с ним. Принимая во внимание состояние Шера, я предложил ему работу не в одном из научно-исследовательских кабинетов, а более спокойную, - в архиве, и не по отделу Маркса и Энгельса, а по отделу истории рабочего движения. Он должен был составлять описи получаемых нами документов. В этом качестве он стал помощником заведующего архивом с жалованием в 150 р. По заведенному порядку он представлял письменные доклады о своей работе, которые помещались в бюллетенях архива (на машинке). Со времени поступления на службу я его вызывал только один раз в связи с разборкой бумаг и рукописей Лаврова. На меня и других моих сотрудников он производил впечатление человека сильно угнетенного и с весьма пониженной трудоспособностью.

В июне или июле 1930 г. Шер сообщил мне, что его вызывают на чистку по месту старой службы. После он мне сообщил резолюцию и свою апелляцию. Он сказал мне, что был у Пятакова, который обещал поддержать его апелляцию в Центральную Комиссию. Никаких бесед я с ним по этому поводу не вел. Т. Пятаков подтвердил мне, что будет поддерживать апелляцию Шера. Ведь речь шла о работе Шера не в Институте, а в Госбанке. Моя ошибка состояла в следующем. Я действительно считал, что раз подана апелляция в Центральную Комиссию по чистке, то Шер может пока оставаться на службе. К сожалению, рассмотрение дела Шера затянулось, приближался летний перерыв, и сейчас же после окончания партсъезда я уехал за границу. Когда я вернулся в конце сентября, Шер был уже арестован.

Я, конечно, знал, что "меньшевики, находящиеся в СССР, занимаются контрреволюционной деятельностью", но я так же мало мог знать, кто именно из них этим занимается, как и руководители

* В этом отделе, вопреки словам Шера, не было ни одного письменного документа. Он состоял только из фотографий. Все письма и рукописи Маркса и Энгельса были выделены в особый архив, хранившийся в моем кабинете: содержание его было известно только мне и Цобелю. - Примечание Рязанова.

ВСНХ, Госплана, Госбанка, ЦСУ и других советских учреждений, в которых меньшевики выполняли более ответственную работу, чем переводы, библиография или составление описей.

Когда в ответ на постановление ЦК от 6 декабря 1920 г. об организации музея марксизма я предложил "встречный план" организации Института Маркса и Энгельса, мне было разрешено использовать и меньшевиков. В резолюции Оргбюро ЦК от 11 января 1921 г. - подписана т. Крестинским - во втором пункте сказано, что мне разрешается привлекать к работе т не коммунистов. Для той огромной работы, которой требовали организация института, подготовка к изданию и перевод сочинений Маркса и Энгельса нужны были работники, знающие иностранный язык, и квалифицированные переводчики. Коммунисты, которые могли бы выполнить эту работу, были поглощены другой, более активной деятельностью. Попытка покойного Степанова по поручению ЦК издавать собрание сочинений Маркса и Энгельса при помощи ряда коммунистов - список их был в свое время напечатан кончилась неудачей.

Я, конечно, старался привлекать только таких меньшевиков, относительно которых я был убежден, что они не "занимаются контрреволюционной, антисоветской деятельностью". За все время существования Института как самостоятельного учреждения, до ареста Рубина и Шера - от января 1921 до сентября 1930 г. - не был арестован ни один из меньшевиков, служивших в Институте. Наоборот, некоторые из них были приняты в партию (Мартынов, Деборин и др.).

Постановление Президиума ЦКК говорит, что я служил связью между меньшевиками, находящимися в СССР, и заграничным Центром меньшевиков. На чем основывается это невероятное, чудовищное обвинение? Не на следующих ли словах Шера?

"Рязанов часто подчеркивал то обстоятельство, что ряд работ для Института выполняют заграничные меньшевики, в частности Николаевский, который писал ряд статей. Но поскольку Рязанов большой мастер говорить полунамеками и полусловами, постольку наши разговоры не получили той определенности, которая могла бы получиться, как вывод из тех тем, которые затрагивались. Я **делал вывод** из тех полунамеков и намеков, что он что он **представляет себе**, что существует меньшевистская организация, работающая в России, что он был **осведомлен об этом от заграничных меньшевиков**. **Представлял ли он себе полностью характер этой операции, я не знаю**"⁴⁹.

Если Шер мог нести эту околесицу, если он мог продукты своего большого воображения выдавать за действительность, то как можно было всерьез воспринимать эти "намекы тонкие на то, чего не ведает никто"?

Во всей этой несурянице есть одно указание, которое соответствует до некоторой степени действительности. Это упоминание

о Николаевском. Правда, он написал не ряд статей, а одну информационную статью о "Русских книгах и библиотеках Маркса и Энгельса" и поместил несколько сообщений и документов в "Летописях марксизма"⁵⁰. Но Николаевский был деятельным сотрудником журнала "Каторга и ссылка", для которого написал ряд статей - еще в 1931 г., - в которых излагал со своей точки зрения историю РСДРП, печатал свои работы в Госиздате и был ответственным редактором изданной им переписки Плеханова с Аксельродом*.

Что он состоял агентом Института Маркса и Энгельса по покупке книг и документов и представлял его в архиве немецкой социал-демократии и в прусском государственном тайном архиве, известно было всем нашим инстанциям. Николаевский выполнял ряд поручений для Института Ленина и Музея Революции. Только через него можно было использовать архив заграничных меньшевиков, помещавшийся, вместе с известной коллекцией русской революционной литературы Бебутова, в архиве немецкой социал-демократии. Когда, после опубликования мною в полном, несфальсифицированном, виде знаменитого введения Энгельса к "Классовой борьбе во Франции"⁵¹, Адольф Браун отказался выдавать им какие-либо документы даже для академического издания Маркса и Энгельса⁵², когда в 1928 г. нам закрыт был всякий доступ в немецкий архив, Николаевский оставался единственной связью с этим архивом. Только при его помощи, за спиной Vorstand'a⁵³, нелегальным путем мы получали необходимые справки. Все доставляемые им материалы он передавал в наше Берлинское посольство, которое пересылало их с дипкурьерами. Еще осенью 1930 г. заграничный отдел ОГПУ обратился ко мне с наивной просьбой достать через Николаевского некоторые документы, относящиеся к современному периоду. Мне пришлось объяснить, что существуют два архива немецкой социал-демократии - один открытый для научно-исследовательской работы, другой - политический, так же мало доступный для посторонних, как текущий архив любой политической партии.

Напомню, что на Институт Маркса и Энгельса возложено было, по постановлению комиссии ЦК по размежеванию между Институтом Маркса и Энгельса, Комакадемией и Институтом Ленина собирание материалов по истории второго Интернационала от 1899 до 4 августа 1914 г. Но все эти материалы можно было получить только через посредство различных инстанций и старых членов Второго Интернационала, начиная от международного секретариата вплоть до видных представителей отдельных партий. Мне помогли в этой работе - и все товарищи это прекрасно знали - мои личные связи и репутация, которую я создал себе еще до войны не только в международной социал-демократии, но и в ученном мире своими работами по

* Далее вычеркнуто: "и с Потресовым". - Я.Р., Р.М.

изданию сочинений Маркса и Энгельса и по истории первого Интернационала. И я, и Наркоминдел в лице его различных представителей, оказывавших институту в собирании материалов большое содействие, - от гг. Чичерина и Литвинова до наших посланников в Берлине, Париже, Лондоне, Вене, Праге и Варшаве - всегда подчеркивали перед Европой, что Институт Маркса и Энгельса представляет, конечно, коммунистическое, но не боевое, а научно-исследовательское учреждение при ЦИКе. Только таким путем нам удалось получить доступ в различные государственные архивы и добиться там таких привилегий, которыми другие наши ученые учреждения не пользовались. Наркоминдел направлял в Институт и Альбера Тома, и Вандервельде, и различных посланников. Ряд буржуазных ученых - из Америки, Германии, Англии, Франции, которые приезжали работать в Институт, в своих отчетах и статьях еще более укрепляли нашу репутацию как выдающегося ученого учреждения. Используя свои связи, я мог давать нашим красным профессорам рекомендации, позволявшие им работать в иностранных научных учреждениях и пользоваться помощью в научной работе.

Но одновременно с расширением наших связей в международном научном мире постепенно обрывались связи во втором Интернационале. После венских событий 1927 г. я прекратил всякие личные отношения с Фридрихом Адлером, а после Кильского партайтага - с Гильфердингом. Только через Николаевского мы получили доступ к архиву Геда, находившемуся в распоряжении Брака, и в последнюю мою поездку за границу, к архиву Вильгельма Либкнехта, имеющему такое огромное значение для истории второго Интернационала. При его же помощи я мог сфотографировать - к сожалению, не оригиналы, а машинную копию - письма Энгельса к Бебелю, которые Брак категорически отказался нам предоставить.

Именно в качестве такого расторопного и добросовестного агента интересовал нас Николаевский. Лучше всего об этом свидетельствует огромная переписка с ним, которую вел мой главный помощник по иностранным делам, Цобель.

Я несомненно совершил не одну ошибку как директор Института Маркса и Энгельса. Не надо забывать только, что, кроме колоссальной научно-исследовательской, собирательной и редакционной работы, на мне лежали организационно-административные обязанности, все сношения с советскими и партийными учреждениями.

На меня наложили, в июне 1929 г. - и я согласился на это - обязательство закончить к марту 1933 г. русское издание Маркса и Энгельса (еще 20 томов) и, по настоянию немецкой Компартии, к апрелю 1933 г., 20 томов популярного, **боевого** издания на немецком языке. Все это, кроме академического издания, "Библиотеки марксиста" и т.д. А квалифицированных научных сотрудников, на "совершенно недостаточное число" которых в институте указывалось в резолюции

еще 13 марта 1930 г., а заместителя, который освободил бы меня от административно-организационной работы, не давали. Кампанию 1929-30 г., которая дала рекорд научно-издательской работы Института, я закончил с совершенно истощенной нервной системой. Два месяца заграницы, которая никогда не являлась для меня полным отдыхом, на этот раз мне еще меньше помогли, чем обыкновенно.

Когда я вернулся в конце сентября из-за границы, мне пришлось ввиду "особого квартала", ухлопать много времени на пятидесятилетие с дня смерти Маркса, переработку сметы Института и защиту ее в соответствующих инстанциях. Мои оба заместителя - тт. Деборин и Стэн - никогда не занимавшиеся организационной и практической работой в Институте, на этот раз, втянутые в философскую дискуссию, совершенно выбыли из строя⁵⁴. Отношения между немногочисленными сотрудниками-коммунистами сильно обострились. Масса времени и нервов тратилась на улаживание всяких конфликтов. Против трех главных сотрудников немецкого издания сочинений Маркса и Энгельса поднята была кампания с целью исключения их из партии. Только с большим трудом, с помощью тт. Пятницкого и Рубена, удалось их отстоять. Число коммунистов, посвящающих главную часть своего рабочего времени работе для института, с каждым днем уменьшалось. Каждый из них, кроме партийной, имел несколько вузовских нагрузок. При таких условиях особенно приходилось дорожить каждым сотрудником, не отказывавшимся от того, что молодые коммунисты презрительно называли "черной работой".

Против меня выдвинуты были в партийной печати и обвинения, касающиеся моей научной работы⁵⁵. Здесь не место отвечать на них. Я надеюсь, что еще успею сделать это в особой записке. Меня пока интересует только постановление Президиума ЦКК.

Остается факт, что меня, старого революционера, жизнь и деятельность которого была известна партии и Коминтерну, связанного долгими годами совместной революционной работы с рядом старых испытанных товарищей, лишили всякой возможности до вынесения приговора ответить на гнусный оговор классовых врагов, спасавших свою шкуру. Я могу только повторить сказанное мною в обращении к Президиуму ЦКК (май 1931 г.):

"Я признаю, что в деле управления и руководства Институтом я несомненно совершил ряд промахов и ошибок, но я совершенно невинен в тех преступлениях, в которых меня теперь обвиняют"⁵⁶

Д. Рязанов

24

Д.Б. Рязанов – Ф.Л. Штейншнейдер

Саратов, 25 июня 1932 г.

Дорогая Фанни,

Die "Rote Fahne" получаю аккуратно. Большое спасибо. Слышал, что собираетесь сюда только в августе. Нетта бывает у меня каждый шестой день, хотя и это, при отсутствии домработницы, для нее трудно. Единственное преимущество ее квартиры - Волга. К сожалению, я не могу использовать его, ибо она от меня чересчур далеко. А в сорокаградусную жару тыкаться два часа, чтобы выкупаться десять минут, не стоит.

Привет. Д.

(Личный архив Е.Н. Беренштейн)

25

Д.Б. Рязанов – В.Н. Фигнер

Саратов, 24 января 1933 г.

Дорогая Вера Николаевна.

Большое спасибо за сочинение⁵⁷. Вы напрасно только думаете, что я не читал. Просмотрев теперь все семь томов, вижу, что читал не только "Запечатленный труд", но и все очерки, посвященные Шлиссельбургу, а также все стихотворения. Новостью для меня является шестой и седьмой тома, но и эти не целиком. Я уже, кажется, рассказывал Вам, что письма Ваши из тюрьмы до Шлиссельбурга мне давала читать еще в 1889 г. сестра Ваша Ольга Николаевна, с которой я познакомился у Лаврова. Теперь, когда волей-неволей уходишь иногда в воспоминания, мне часто приходится вспоминать о моем домарксистском периоде, а его сознательная часть падает как раз на мои народовольческие годы от 1884 до 1889 г. ...

Несколько слов лично о себе. Живу хорошо. Я, как советовал французский врач *Emile Soué*, повторяю ежедневно формулу: "С каждым днем и во всех отношениях я чувствую себя лучше и лучше". В английской редакции она звучит еще более плодотворно: "Every day and on every way I am becoming better and better"^{*}. Она действительно производит магическое действие.

* С каждым днем и во всех отношениях мне становится все лучше и лучше (англ)
- Я. Р., Р. М.

Он сам, правда, не прожил даже до 70 лет, но он наверное сказал бы, как наш Мечников, о своей диетической формуле, что без этой формулы он прожил бы еще меньше.

*Mais si " tout va bien ici les livres manquent".**

Журнал "Каторга и ссылка" я регулярно читаю, но отдельных изданий Общества не имею. А прежде получал регулярно. Особенно не хватает мне словаря революционных деятелей.

Привет Михаилу Петровичу⁵⁸.

Сердечный привет от Анны Львовны. Крепко жму руку.

Д. Рязанов

Саратов, Камышинская, 85

(РГАЛИ, ф. 1185, оп.1, д.7, л. 1-4. Автограф).

26

Д.Б. Рязанов – Пиллару

4 февраля 1934 г. (черновик)

Уважаемый товарищ,

Вот уже шесть или семь дней я никак не могу добиться, чтобы Вам передали мою просьбу принять меня по моему делу. Мне отвечали, что Вас нет или что Вы в крайкоме. Сегодня я получил в 12 часов ответ, что Вы будете к часу, а в 1 1/2, что Вы больны. Это уже слишком.

Я знаю Вас достаточно давно, чтобы думать, что если бы Вы даже по каким-либо причинам, зависящим или не зависящим от Вас не хотели бы принять меня, Вы дали бы мне вполне определенный ответ.

(АУ ФСБ, Саратов. N ОФ - 14408, л. 55. Автограф).

27

Д.Б. Рязанов – Политбюро ЦК ВКП(б)

22 февраля 1934 г.

(черновик)

17 февраля 1931 г. я был исключен из партии по постановлению Президиума ЦКК заочно, без всякого допроса, на основании неиз-

* Но хотя "здесь все прекрасно. книги отсутствуют" (франц). Я.Р.. Р.М.

вестных мне до сих пор материалов, устанавливающих якобы мои преступные связи с заграничным центром меньшевиков, обвинение прямо чудовищное по своей нелепости и неправдоподобности.

16 апреля 1931 г., после двухмесячного заключения во внутренней тюрьме ОГПУ в Суздале, я, на основании лживого показания запуганного негодяя, желавшего спасти свою шкуру, впутав меня и Институт Маркса и Энгельса, негодяя, вся нравственная опустошенность и удуно лицемерие которого теперь документально засвидетельствованы напечатанным в книге Е.Ярославского "Третья сила"⁵⁹, но не предъявленным мне гнусным показанием, я, без всякого суда, был приговорен на основании 58 ст.4 пункта УК к ссылке в Саратов с лишением всех политических и профессиональных прав.

У меня были отняты и до сих пор не возвращены все книги, все материалы все рукописи, выписки и заметки, находившиеся в моем кабинете в Институте Маркса и Энгельса.

Я лишен был возможности воспользоваться и той огромной массой книг, брошюр, документов, рукописей и корреспонденций Маркса и Энгельса, а равно и материалов для истории первого Интернационала, собранных мною, полученных от Лауры и Поля Лафаргов, Бебеля, Каутского и др. за 1907 - 1917 гг., переданных мною в Институт после его основания.

Три года я был обречен на интеллектуальный голод, три года не имел возможности следить за иностранной литературой по моей специальности. До сих пор я не могу получить даже те тома собрания сочинений Маркса и Энгельса на русском и немецком языках, которые были подготовлены, обработаны и редактированы мною и вышли в 1931 -33 гг. под именем Адоратского и др.!

Мои попытки добиться пересмотра дела не увенчались успехом. Пришлось пока мириться с тем, что негодяю и хамелеону Рубину верят больше, чем старому товарищу и революционеру.

Можно было думать, что три года отрыва от любимой научной работы и всякой политической деятельности окажутся достаточным наказанием за не совершенное преступление.

Но я ошибся. 20 февраля с.г. полпред ОГПУ в Саратове сообщил мне, что я могу уехать из Саратова, что отныне мне разрешается жить в пределах СССР повсюду, но за исключением Москвы и Ленинграда, проживание в которых запрещается мне безусловно и без ограничения срока.

Поскольку это постановление ОГПУ возвращает мне "свободу" и дает мне право уехать из Саратова, оно представляет только издевательство, потому что два старика, из которых один признан врачебной комиссией полным инвалидом, не могут даже при крайней необходимости переменить действующий убийственно на их здоровье климат, никуда двигаться, если им не обеспечен хотя бы даже такой жалкий приют, как в Саратове и забота близких людей.

Но, подвергая меня, неизвестно на каком основании и по каким мотивам, повторному наказанию, постановление ОГПУ для меня, в 64 года, при состоянии моего здоровья, равносильно смертному приговору.

Закрывая меня как раз те два города, где я могу еще заниматься научной работой по моей специальности, оно превратило остаток моей жизни в еще горшую умственную пытку, чем моя жизнь в течение трех лет. Оно окончательно отнимает у меня возможность служить делу мировой пролетарской революции даже в области научной работы и использовать на практике накопленные десятилетиями упорного труда знания в области истории международного рабочего движения и марксизма. Такое постановление, повторяю, равносильно смертному приговору. Это тот же расстрел квалифицированный, расстрел дробинками и иголками, растянутый на неопределенное время.

Я требую поэтому суда. При минимальнейших гарантиях революционной законности он докажет партии, Коммунистическому Интернационалу, международному пролетариату, что я не совершал никакого преступления против партии, ни против пролетариата, ни против советской власти.

С коммунистическим приветом

Д.Рязанов

(АУ ФСБ, Саратов. N OF-14408, л. 128-135. Автограф).

28

А.С. Енукидзе – Д.Б. Рязанову

10 апреля 1934 г.

Копия.

Уважаемый Давид Борисович, простите, что не сразу ответил на Ваше письмо. У нас теперь (это было всегда, но теперь особенно) очень трудно с квартирами. Уверяю Вас, что я старался уладить этот вопрос и раньше, когда обращалась ко мне Анна Львовна, но не удавалось.

Сейчас Хоз. Упр. наше выделяет одну комнату для Анны Львовны в доме N 6 по Пироговской улице. На время ее лечения в Москве может это устроить Анну Львовну. При первой же возможности поможем ей перебраться в лучшее помещение, будем искать для нее квартиру.

Относительно пенсии вопрос мною поставлен и это конечно будет сделано.

При удобном случае я поставлю вопрос об изменении Вашего положения.

Шлю Вам и А.Л. привет.

А. Енукидзе

*Верно: Оперуполномоченный IV отдела ГУГБ НКВД СССР
лейтенант ГБ Лернер*

(АУ ФСБ, Саратов, N ОФ - 14408, л.53. Машинопись).

29

Д.Б. Рязанов – Г.Г. Ягоде

17 августа 1934 г.

(черновик)

Не зная, какому учреждению я подведомствен в связи с положенными на меня ограничениями в правах, я обращаюсь к Вам, как Наркому внутренних дел, с просьбой разрешить временное пребывание в Москве по дороге из Саратова в Сочи. Цель этого временного пребывания от 24 до 28 или 29 августа - заключается в следующем: оформление путевки для себя лично и сопровождение моей больной жены, тоже направляющейся в Сочи на такой же срок.

Прилагаю при сем заключение врачебной комиссии Центральной поликлиники.

Д. Рязанов

(АУ ФСБ, Саратов. N ОФ - 14408, л. 182. Автограф).

30

Д.Б. Рязанов – А.С. Енукидзе

22 августа 1934 г.

(черновик)

Уважаемый Амель Сафронович!

Телеграфировал Вам, что случилось нечто невероятное. Как я писал Вам, я просил только продления пребывания в Москве, по дороге:

из Саратова в Сочи. Никто не имеет права запрещать мне лечиться и прикреплять меня к Саратову. И здесь в ОГПУ, при устном сообщении об изменении моего положения, и в Москве мне сообщили, что я восстановлен во всех правах*, а следовательно и в праве передвижения, но что я еще в течение двух лет не могу жить ни в Москве, ни в Ленинграде.

Можно еще понять, что Ягода не соглашается продлить необходимый при проезде через Москву срок пребывания на два дня. Я тогда просил бы Вас передать обещанную мне путевку в гостиницу**, расположенную недалеко от дома, где живет Анна Львовна, согласовал бы с нею по телеграфу день отъезда и немедленно "проследовал" бы дальше с ней в Сочи.

Запрещение же лечиться вообще в указанном мне врачами месте, при состоянии моего здоровья, значительно ухудшившегося после продолжительного пребывания в Саратове при жаре, достигавшей 55 градусов рав носильно плановому физическому уничтожению меня, не говоря уже о новом ударе, который оно наносит вконец расшатанному здоровью А.Л., которая сейчас не может ехать на курорт.

Надеюсь, что Вы и Мих. Ив.⁶⁰ примете меры к отмене этого запрещения, вопиющего по своему бесчеловечности и жестокости, нарушающего все основы революционной законности.

(АУ ФСБ, Саратов. N ОФ - 14408, л. 128 - 135. Автограф).

31

Д.Б. Рязанов – А.С. Енукидзе

Саратов, конец августа 1934 г.

(черновик)

Мне Анна Львовна сегодня телеграфировала, что вы не в курсе дела. Это значит, что мои письма вам не были доставлены. Суть была в следующем. Врачи в Москве направили меня в Сочи. Так как Анна Львовна имела туда путевку к 1 сентября, так как мне было обещано - за плату - место в гостинице, так как врачи советовали мне ехать как и Анне Л. не ранее сентября, то мы собирались ехать

* Далее вычеркнуто: "Что и было продемонстрировано вручением ордена Трудового Красного Знамени на заседании ЦИКа 7 июля. - Я.Р., Р.М.

** Далее вычеркнуто: "т.т. Медведев и Пахомов сказали мне, что ее заранее придется заполнить, на что я, конечно, согласился" - Я.Р. Р. М.

вместе. Я считал, что имел право проживать везде кроме Москвы и Ленинграда, я не нарушу никаких революционных законов, если я заеду за Анной Львовной в Москву, тем более что мне нужно было оформить мою путевку и получить за работу деньги, которые дали бы мне возможность устроиться" коммерчески" в Сочи. Чтобы не было никаких недоразумений, я обратился 17 августа в Нарком. Внудел Ягоде с соответствующей просьбой и предоставил, конечно, заключение врачей. В ответ на эту просьбу я получил невероятный ответ. Мне передано было - как всегда устно - что я прикреплен к Саратову, и не могу ехать в Сочи, т. е. не могу лечиться. Я тогда телеграфировал Вам. Через неделю я получил новый опять-таки устный ответ: в Сочи вы можете ехать, но только не через Москву, ибо вам там запрещено жить.

Таков "курс дела". Чтобы не оттягивать дальше отъезд Анны Львовны на лечение, я предложил ей найти себе спутника и поехать в Сочи. Что касается меня, то, пользуясь вновь подтвержденным мне правом ехать с Сочи, постараться найти дорогу, которая не связана с "жизнью" или даже и пребыванием в Москве хотя бы в течение двенадцати часов. Таким образом, закон не будет нарушен. Думаю только, что новый наркомат мог более целесообразно тратить свою энергию и не обращать ее на "задержание" двух больных стариков под предлогом буквального выполнения закона.

Этот ответ мне показался не менее странным. Он свидетельствовал о таком буквоедстве, формализме, бюрократизме, которых я после такой продолжительной и честной борьбы с этими недостатками не мог ожидать от такого сравнительно молодого наркомата, как Нар. Внудел. Я решил тогда свести свою жизнь в Москве до минимума и обратился с новой просьбой разрешить мне пребывание **от поезда до поезда**. На эту просьбу я в течение целой недели не получил ответа. Я тогда телеграфировал в Ц.К. и в Президиум Ц.И.Ка. Пока не имею ответа.

(АУ ФСБ. N ОФ - 14408, л. 60 - 61. Автограф).

Д.Б. Рязанов – А.С. Енукидзе

Саратов, 19 сентября 1937 г.

(черновик)

Уважаемый Амель Сафронович.

Вчера к величайшему моему изумлению узнал, что вопрос о персональной пенсии для Анны Львовны еще не решен. Через пять с поло-

виной месяцев после того как я получил от вас ответ (в письме от 10 апреля 1934 г.), что "относительно пенсии вопрос мною поставлен и это, конечно, будет сделано"* . Невольно спрашиваем себя, в чем дело. Главным деятелем в Комиссии при Совнаркоме всегда был и теперь является Лейлевский, который прекрасно знает Анну Львовну по работе в бывшей Подготовительной комиссии при Совнарком СССР. Имеется постановление саратовской комиссии, которую никто не заподозрит в "гнилом либерализме", что Анну Львовну - в виду выраженной истерии и артериосклероза головного мозга - нужно перевести на персональную пенсию (послано было мною вам). Имеются другие документы, устанавливающие ее инвалидность. В письме к вам я перечислил имена десятков товарищей - с уклонами и без уклонов - которые знают Анну Львовну многие годы как партийного, профсоюзного и советского работника. В центральной комиссии Председателем и членами являются товарищи, хорошо знающие Анну Львовну. Когда Лейлевский пытался отрицать, что вы поставили вопрос, когда он постановил после вашего отъезда за границу, чтобы вас запросили по телеграфу, я представил ваше письмо. Мне сказали, что этого достаточно. После новой двухнедельной проволочки я обратился к т. Бухарину. После его обращения в Ц.К. и разговора с т. Араловым, последний заявил мне, что соответствующее постановление комиссией принято и направлено на подпись к т. Рудзутаку, который также знает А.Л. по работе. Пред моим отъездом из Москвы (15 июля) т. Аралов заявил мне, что это - дело двух-трех дней и что он сам передаст Анне Львовне постановление. И вот опять прошло больше двух месяцев, и, дело ни чуть не двигается вперед! Я спрашиваю вас, кому это нужно, кто это непрерывно издевается над больным человеком?**. Не молодые ли это люди, которые уже через десять дней после моего приезда в Москву начали меня всеми правдами и неправдами выпроваживать из Москвы, не давая мне возможности ни спокойно лечиться, ни устроить дела Анны Львовны, которые сегодня запрещают мне ехать в Сочи, когда я прошу позволения ехать вместе с ней, а завтра разрешают, но с запрещением заехать за нею, даже от "поезда к поезду", которые послезавтра, накануне уже согласованного с нею дня отъезда через Сталинград, снова запрещают мне ехать в Сочи на том основании, что это пограничный город! Молодым людям понадобилось семь дней, чтобы сделать это открытие, превращающее в пограничные города все города у Черного моря. И теперь, когда Анна Львовна отказывается из-за меня от лечения в Сочи - Мацеста и должна хлопотать

* Далее вычеркнуто: "Если принято во внимание, как это легко делается в других случаях, как скоро получают персональную пенсию всякие злостные враги

* октябрьской революции, то". - Я.Р., Р.М.

Далее вычеркнуто: "Кто позволяет себе все время дергать и терзать ее нервы". - Я.Р., Р.М.

о новой путевке, я не уверен, что как накануне отъезда эти молодые люди не сделают какое-нибудь новое географическое открытие.

Ведь они большие забавники! Это они хотели в 1931 г. конфисковать нашу личную библиотеку и держали ее в течение шести недель запечатанной, требуя от Анны Львовны квитанции на книги, из которых многие проделали со мною заключение в Крестах. Это они в прошлом году, когда Анна Львовна уехала на лечение в Москеу*, провели у нее обыск и вызвали нервный удар, окончательно подорвавший ее здоровье.

Повторяю - кому это нужно? Почему это жестокое мучительство? Неужели все эти издевательства придумывают молодые забавники только потому, что Анна Львовна позволяет по отношению ко мне "гнилой либерализм", как это утверждали саратовские молодые люди, что она не отреклась от "предателя", "изменника делу пролетариата", "утайщика рукописей Маркса и Энгельса", которые теперь "обнаруживаются в ИМЭЛ "молодыми людьми" наукообразной профессии.

С ком. приветом

Д. Рязанов

(АУ ФСБ, Саратов. N ОФ - 14 408, л. 57-59. Автограф).

33

Д.Б. Рязанов – А.С. Енукидзе

Конец сентября 1934 г.

(черновик)

Уважаемый Амель Сафронович!

В письме от 19 октября - я начинаю сомневаться, доставляли ли вам мои письма - я писал Вам, излагал подвиги молодых специалистов по внутренним делам, а также и внутренним болезням, что "не уверен, что накануне отъезда (в Кисловодск) эти молодые люди не сделают какое-нибудь новое географическое открытие". Они превзошли себя. Им удалось свести весь СССР - правда, без Ленинграда и Москвы - к территории одного Саратова. Орудием продолжает для них служить слово. Оно-де вначале, оно остается в конце. На словах, то бишь устно, они мне сообщены в феврале этого года, что срок

* Далее вычеркнуто: "в тщетной погоне за документальными доказательствами никогда не содеянных преступлений" - Я.Р. - Р.М.

моего "наказания" - правда без всякого "преступления", за которое оно являлось бы "возмездием" - кончился, что я восстановлен во всех гражданских и политических правах* с тем лишь ограничением, что еще в течение двух (?) лет мне нельзя жить ни в Ленинграде, ни в Москве. Слова - слова ... Но это только показалось. Молодые люди сейчас же начали забавляться, как будто пар мудрости слова можно выпустить и опять воротить. Когда я им послал заключение кремлевской врачебной комиссии, они на **словах** сообщили мне:

1) что в Сочи мне ехать нельзя, через несколько дней после моей телеграммы. Там - опять-таки на словах - слово есть твердо 2) что в Сочи ехать можно, но только через Москву ни с остановкой а) на два дня ни б) даже от поезда к поезду. Когда я ответил, что подчиняюсь и поеду в Сочи, не сопровождая туда большую жену, накануне согласованного мною с женой отъезда в Сочи через Сталинград сделали открытие, что 3) Сочи, пограничный город" и что мне нельзя туда ехать. Опираясь на заключение своих врачей, молодые люди мне вместо пограничного Сочи назвали 4) срединный Кисловодск и любезнейшим образом предложили мне путевку. Все это словесно. А теперь, когда Анна Львовна отказалась от прописанного ей курса лечения в Сочи и предложила мне согласиться на Кисловодск, молодые люди спешат сообщить мне, опять-таки на словах, что 5) мне нельзя ехать ни на какие, ни в какие другие города не только пограничные, но и срединные, что я до окончания срока ограничения - в течение двух (?) лет прикреплен к Саратову.

Но что это такое в переводе на политический язык? Революционная законность? Или дикие капризы и курбеты молодых людей, никогда в точности не знающих, чего их нога хочет? Или мелкая мстительность незадачливых молодых людей даже себя не убедивших, что я действительно "преступник" и мелкая мстительность, поощряющаяся в выдумывании всяких издевательств и мучительств, направляемая против двух человек, не представляющих ни малейшей опасности ни для диктатуры пролетариата, ни для советской власти? Неужели все это безобразие преследует лишь одну цель - не только **духовно и политически**, но и **физически** уничтожить человека, который, без всякого следствия и суда, без предъявления каких-либо обвинительных материалов - на основании дикого и нелепого показания одного негодяя, которое опровергается показаниями другого негодяя - лишили возможности заниматься всякой общественной и политической работой, у которого отняли доступ к собранной только его трудом и исследовательской работой десятков лет научным материалам, забрали все рукописи, выписки и заметки, которого осудили и осуждают дальше на интеллектуальный голод и лишают воз-

* Далее вычеркнуто: "которых я был лишен административным порядком" - Я.Р., Р.М.

возможности использовать свои знания и силы даже в такой области, как история Первого Интернационала и биография Маркса и Энгельса. Если это так, то легче будет идти другим путем, которым я предлагал с самого начала. Надо быть последовательным. Политическая ликвидация без физической - в той или иной форме нецелесообразна.

(АУ ФСБ, Саратов. N ОФ - 14408, л.173 - 175. Автограф).

34

Д.А. Рамзаев – А. И. Яковлеву

Комиссии партконтроля при ЦК ВКП(б) по Саратовскому краю

г. А.И. Яковлеву⁶¹

май 1935 г.

Работая в качестве директора Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, я был командирован КУЛЬТПРОПОМ Саратовского крайкома ВКП(б) в ноябре 1934 года в Дергачевский район для организации ПАРТПРОСА.

Во время моего отсутствия мой помощник по учебной части проф. ГОЛУБ (беспартийный) был вызван в КУЛЬТПРОП крайкома, где ему предложили принять на работу в университет гр. Рязанова Давида Борисовича с окладом в 500 рублей. Должности Рязанову не было указано, а только оклад 500 рублей и свобода деятельности.

"Работать" гр. РЯЗАНОВ начал в научной библиотеке университета. Вся его работа сводилась к тому, что он приходил не больше чем на один час, рылся в книгах, отбирал литературу для будущего исторического факультета.

С первых же дней своей работы гр. Рязанов заявил, что к нему на целый выстрел не должны подходить ни партийная, ни комсомольская, ни профсоюзная ни другая какая-либо организация. "Я всю свою жизнь с этими организациями боролся и органически их не переношу", - заявил он.

По приезде через 20 дней из района, я попросил гр. Рязанова к себе в кабинет, где Рязанов свое отношение к комсомольской и профессиональной организациям подтвердил еще раз и добавил, что он и директору университета не подчиняется, что он прислан крайкомом и последнему будет давать отчеты о своей работе. На мое заявление

* Последние три предложения написаны Рязановым черным карандашом, затем перечеркнуты синим. Но неясно, сделал ли это он сам, или сотрудник НКВД, просматривавший письмо. - Я.Р., Р.М.

гр. Рязанову о том, что это поведение не может быть оправдано ни партийным, ни советским законом, Рязанов резко заявил: "История еще покажет, я прав или ЛЕНИН и СТАЛИН", хлопнул дверью и ушел.

Об этом мною было немедленно заявлено зав. КУЛЬТПРОПОМ крайкома тов. Рубинштейну, а позднее тов. ЛИПЕНДИНУ. Кроме этого мною было доведено до сведения об этой новой должности в университете в НАРКОМПРОС.

НАРКОМПРОС категорически предложил прекратить выплату Рязанову денег и освободить его от работы в университете.

А крайком категорически предложил платить, угрожая в противном случае отнять у меня партбилет.

Рязанов продолжал "работать" абсолютно бесконтрольно.

В начале апреля 35 года НАРКОМ снова предложил отстранить Рязанова и указал, что если Саратовский крайком намерен его закрепить за университетом, пусть вынесет решение Бюро. Я, заявил об этом тов. ЛИПЕНДИНУ, а последний крайне грубо заявил, что есть словесная директива крайкома и безоговорочно выполняй ее, если хочешь иметь партбилет в кармане.

28 апреля в 2 часа дня меня срочно вызвал к себе зав. культпропом крайкома тов. ЛИПЕНДИН, не считаясь даже с тем, что у меня началась только лекция. Я бросил читать лекцию и немедленно явился к тов. ЛИПЕНДИНУ в кабинет.

Тов. ЛИПЕНДИН встретил меня в следующей форме: прежде минуты три упорно и безмолвно смотрел мне в глаза. Я его спрашиваю: "Ты меня вызывал?" Он долго еще смотрел, потом начал такими словами: "сволочь, идиот, хам, дурья башка, скотина, ты долго будешь издеваться над стариком РЯЗАНОВЫМ, этим крупнейшим ученым?" Я спрашиваю: "В чем дело, объясни мне толком?"

Тов. ЛИПЕНДИН снова начал свою отборную ругань и оскорбление меня, и, наконец, спросил, почему университет не платит РЯЗАНОВУ деньги. Я ответил, что он аккуратно получает зарплату, а не получил он только за вторую половину апреля, как и все научные работники и служащие университета, получит ее Рязанов, как и все прочие, 3-го мая, ибо есть по этому поводу постановление президиума Саратовского крайисполкома.

Тогда тов. ЛИПЕНДИН, еще с большей грубостью и самой отборной бранью и оскорблением заявил: "Никому не плати (хам, скотина, дурья башка и т. д. и т. д.), а Рязанову заплати. Я ответил, что это будет незаконно и, кроме того, прямым нарушением постановления крайкома".

Тов. ЛИПЕНДИН еще грубее заявил: "Плевать я хотел на твои трудовые законы и на постановления крайкома, неси сам, идиот, сволочь, сейчас же РЯЗАНОВУ на квартиру зарплату, а впредь за месяц вперед ему выписывай, носи сам на квартиру".

Я заявил тов. ЛИПЕНДИНУ: "Этого твоего предложения не выполняю". И добавил, что заставить ответственного работника, коммуниста, участника 4 фронтов гражданской войны, красного командира, носить на квартиру административно высланному элементу деньги никто меня не может.

Тов. ЛИПЕНДИН еще более грубо заявил, что РЯЗАНОВ крупная культурная сила, он просто начудачил, наговорил глупостей, благодаря его невыдержанности, а ты, идиот, сволочь, дурья башка, не можешь этой элементарной вещи понять, а еще директор университета.

Я ответил тов. ЛИПЕНДИНУ, что чудаков партия и органы диктатуры пролетариата не высылают и не изолируют. Тов. ЛИПЕНДИН развел руками и заявил, что я дубина и не могу понять, что высылка РЯЗАНОВА была недоразумением. После этого он еще долго продолжал наносить мне оскорбления и, наконец, категорически заявил: "Сейчас же катись отсюда и неси РЯЗАНОВУ зарплату на квартиру и глубоко извинись перед этим крупным ученым, а предварительно зайди к БАРЫШЕВУ, он тебя не так взгреет, как я". Я вышел из кабинета ЛИПЕНДИНА ошеломленный и направился к тов. БАРЫШЕВУ, но меня к нему не пустили.

Придя в университет, я немедленно предложил бухгалтеру найти денег и уплатить РЯЗАНОВУ денег вперед.

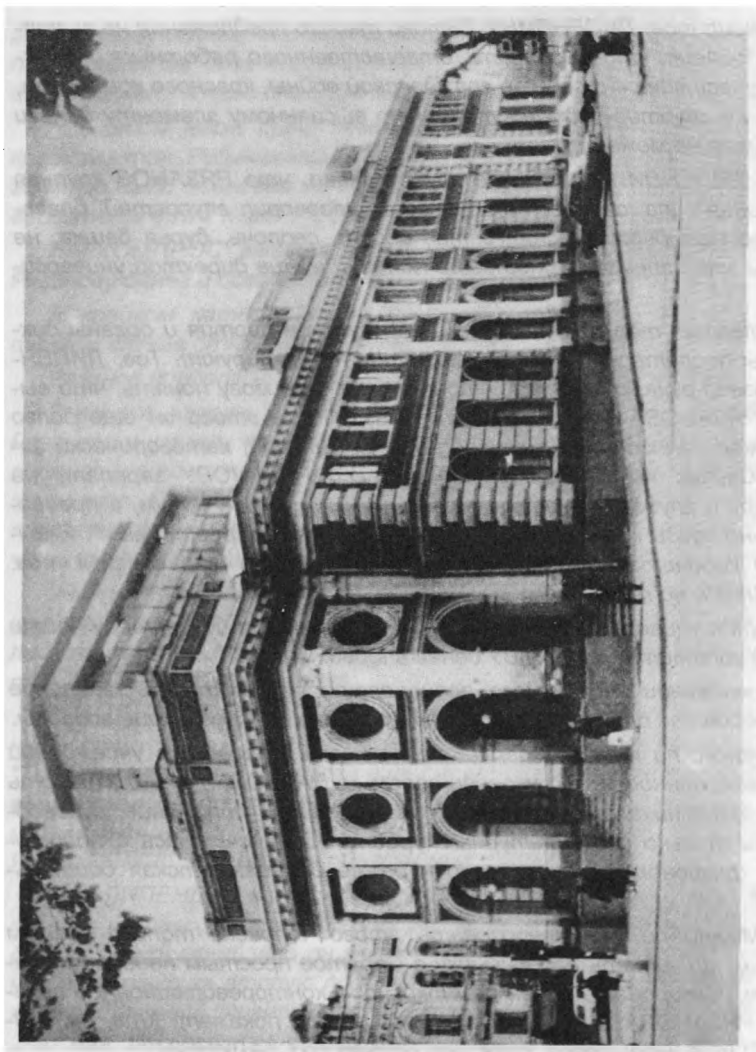
На основании изложенного, прошу вас рассмотреть мое заявление и потребовать от тов. ЛИПЕНДИНА ответы на следующие вопросы.

1. Можно ли так безапелляционно сажать человека в учреждении без договоренности с руководителем и НАРКОМАТОМ и ставить этого работника в абсолютно бесконтрольное положение, руководствуясь только его культурным уровнем и не считаясь с политической физиономией последнего? Где же большевистская бдительность?

2. Можно ли характеризовать этого человека только ученым "чудаком" и считать его высылку в Саратов простым недоразумением и не реагировать никак на открытое контрреволюционное заявление РЯЗАНОВА о том, что "история еще покажет, Кто, он (РЯЗАНОВ) т. е. меньшевик, прав, или ЛЕНИН со СТАЛИНЫМ?

3. Можно ли предлагать под угрозой снятия с работы и исключения из рядов партии ответственному работнику, коммунисту с 1919 года, участнику 4 фронтов гражданской войны носить деньги на квартиру политически высланному субъекту.

4. Можно ли заведующему отделом КУЛЬТУРЫ и ПРОПАГАНДЫ ленинизма краевого комитета ВКП(б) обращаться так по-полицейски и по-купечески у себя в служебном кабинете официально с директором университета и научным работником с 1924 года и вообще с кем бы то ни было ?

Здание исторического факультета СГУ. Современный снимок.

Можно ли наносить незаслуженные оскорбления человеку, не выслушав и можно ли вообще так оскорблять?

Об этом мною было заявлено в комиссию партийного контроля 9-го мая, где меня весьма внимательно выслушали и предложили написать подробное письменное заявление.

*Член ВКП(б) Д. РАМЗАЕВ
партстаж с 1919 года*

(АУ ФСБ, Саратов, N ОФ- 14 408, л. 50-52. Машинописная копия).

35

Сов. секретно

СПРАВКА

по агентурному делу* на Рязанова Д. Б.

Саратов, 1935 г.

*К проживающему в гор. Саратове Д.Б. РЯЗАНОВУ подвели агента** который, войдя в доверие к РЯЗАНОВУ, разрабатывает его по линии выявления его политических позиций, связей и перспектив деятельности.*

Все высказывания РЯЗАНОВА по различным политическим вопросам характеризуют его как явного врага партии, стоящего на к-р меньшевистских и - частично - троцкистских позициях и придерживающегося политики двурушничества. Тактику двурушничества РЯЗАНОВ аргументирует следующим образом:

"... Мало ли что человек может сказать в интимной беседе. Человека надо судить по его работам, публичным выступлениям. Какие у него бывают сомнения в душе - это дело его самого, а не дело судебно-следственных органов."

Из последних высказываний РЯЗАНОВА наиболее характерными являются следующие:

О ПАРТИИ:

"... В партии до 1930 г. были фракции. То, что тот или иной член партии до этого времени принадлежал к какой-либо фракции, - вполне естественная вещь. Судить за это - нелепость."

"... Раскол в партии произошел только после Пражской конференции в 1912 г. (а не в 1903)... ЛЕНИН в 1917 г. считал молчаливо РСДРП единой и не возражал против постановки вопроса об объединении..."

* Далее вычеркнута кличка. - Я.Р. - Р.М.

** Далее вычеркнута фамилия. - Я.Р., Р.М.

"... С тех пор как стали отождествлять партию и советские органы - всякая подлинная критика невозможна... До 1929 г. я хотя бы мог подвергнуть критике любое государственное мероприятие. Но когда в 1930 г. доклад о бюджете МОЛОТОВЫМ был сообщен нам в "информационном порядке", я понял, что всякая критика невозможна, и что такие люди, как я, в партии не нужны. Конечно, счастливые члены партии - с 1930-32 гг. Они думают, что другой режим в партии невозможен. То, что сейчас носит название самокритики - это нужная вещь, но это не то, что является подлинной пролет. демократией. Нельзя без конца восхвалять вождей. Надо их критиковать вплоть до СТАЛИНА. Критиковали же ЛЕНИНА на съездах.

О ПАРТИЙНОМ РУКОВОДСТВЕ

РЯЗАНОВ пытается отрицать теоретические заслуги тов. СТАЛИНА.

"... Речи - говорит он - как бы они ни были интересно составлены, еще не являются теор. работами. Маркс и Ленин написали десятки томов. А что написал СТАЛИН? Единственная его теоретическая работа "Марксизм и национальный вопрос" Я ее, признаться, только собираюсь прочесть. Но едва ли он в ней сказал больше, чем ЛЕНИН. Говорят, что эта книжка в свое время была отмечена иностранной с-д печатью. Мне это смешно слышать! Речь идет о заметке в библиографическом отделе "Нойе Цайт" Каутского накануне войны о вышедшей книжке - брошюре СТАЛИНА. Публика не знает, что эта библиографическая статья была написана по моему поручению СТЕКЛОВЫМ. Он упомянул также книжку СТАЛИНА. Вот и все отзывы иностранной с-д печати! Не правда ли, - хвастать нечем. Меня упрекали, - продолжает Д.Б., - в том, что я не признаю теоретических заслуг ЛЕНИНА.

Это неверно. Я только против преувеличений. В философской и экономической области ЛЕНИН повторил МАРКСА. Я берусь легко доказать, что ЛЕНИН до 1913 г. не изучал ГЕГЕЛЯ. А говорят о "новом этапе ленинской философии". ЛЕНИН сказал новое слово в учении о диктатуре пролетариата и о переходном периоде. Поэтому я сам говорил о теории Маркса - Энгельса - Ленина. Но ставить СТАЛИНА на одну доску с МАРКСОМ или даже ЛЕНИНЫМ - это просто смешно!".

"Историк РАБИНОВИЧ делает КАГАНОВИЧА крупным военным деятелем в 1917 - 18 гг. Я сам работал в военной коллегии, обладаю, как известно, прекрасной памятью, но его (Кагановича) не помню".

"ПОСТЫШЕВ, при всех его способностях выплыл недавно. Уж не являлся ли он участником дикого "экса" (в Ивано-Вознесенске). Как известно, дикие "эксы"⁶² осуждались ЦК. Я очень подозреваю, что из-за этого ПОСТЫШЕВ до последних нескольких лет не выдвигался".

О ПОЛИТИКЕ ПАРТИИ

"... Я не был против индустриализации, я был только против бессмысленных пропорций между тяжелой и легкой промышленностью. А если сравнить то, что выполнено первой пятилеткой, то окажется, что цифры не сходятся. В самом деле, сравнивают результаты первой пятилетки не с контрольными цифрами, утвержденными 6-м Съездом Советов, а с первоначальным так называемым "вредительским проектом". Но ведь проект-то был назван "вредительским", люди его составлявшие осуждены как преступники! Как же можно сравнивать с ним результаты! За границей никто уже не верит в нашу плановость. Особенно теперь, когда фактически 2-й пятилетки не существует. Где она опубликована? Каким съездом она утверждена? Нигде ее практически не существует".

ТРАНСПОРТ

"... На ж.д. транспорте никаких успехов не имеем. Можно сколько угодно кричать "теория предела - к-р теория, однако от этого ни рельсов, ни паровозов, ни вагонов не станет больше, следовательно грузоподъемность и прочие вещи от криков не увеличатся. Л.М. КАГАНОВИЧ уничтожил пассажирское движение и довел погрузку до рекордной цифры. Но весь фокус в том, чтобы пассажирам тоже лучше ездилось. Если КАГАНОВИЧ не вырвет за это время у Серго⁶³ металла для рельсов и проч., он, со своим классом, лопнет самым бесславным образом".

БЮДЖЕТ

"... Посмотрите на бюджет, опубликованный в речи ГРИНЬКО. Из 69 млрд 24 млрд получают от хлеба. Наш бюджет из "пьяного" сделался "хлебным". Государство зарабатывает на кг хлеба чуть ли не 800-1000 %. Это неслыханная прибыль. За границей вздорожание хлеба на 1% вызывает революцию. А у нас играют хлебными ценами, как-будто этим играть можно. Вот на какие средства строят Москву."

"... Миллиарды, затраченные на метро - даже не опубликовали, сколько стоило метро? Может быть, это строительство стоило столько, что нужно не награждать, а наказывать строителей. А миллиарды, которые будут затрачены на реконструкцию Москвы, будут опять взяты из государственного бюджета. За чей счет? В первую очередь крестьян и рабочих также."

ВОЕННАЯ ОПАСНОСТЬ

"... СССР нужно защищать, но тыл в СССР не обеспечен: колхозы еще в очень скверном состоянии, показывают хорошие колхозы, но это - исключение и, в большинстве, "потемкинские деревни". Надо бу-

дет уже в первые три месяца мобилизовать 5 млн человек. Это уже опасно, т.к. кадровая армия у нас около 1 млн. Во-вторых, дипломатически мы оказались в плохом положении вступлением в Лигу Наций. В самом деле. Вот Италия собирается проглотить Абиссинию. А мы набрали в рот воды, вынуждены молчать. В-третьих, мы в отношении фронта, его длины, будем в гораздо худшем положении, чем во время империалистической войны. Надо будет держать не только фронт от Ленинграда до Бессарабии, но и от Алма-Аты до Владивостока. Не исключена возможность, что Турция в ближайший момент нам изменит.

Единственное спасение - революция и не только в Польше, но и в Германии.⁴ Считая себя "коммунистом вне фракций" со времени VII съезда партии, РЯЗАНОВ делает общий вывод из своих к-р высказываний, солидаризируясь с троцкистами о "бонапартистском" переждении СССР:

"... Когда кое-кто из троцкистов в разговоре со мной в 1925 - 26 гг. развивал мне теорию, я им говорил: ваш метр плохо знает историю: во-первых, не надо забывать, что ; когда скатилась голова Робеспьера, вслед за ним через некоторое время покатались головы его врагов "слева". Во-вторых, надо помнить, что Робеспьер пал потому, что он не держал в своих руках армии и полиции. А СТАЛИН оказался умнее: в его руках и армия, и ГПУ.

Проходящий УП конгресс Коминтерна⁶⁴ вызвал со стороны РЯЗАНОВА ряд резких к-р выпадов. Оporочивая тактику единого фронта и его сторонников, РЯЗАНОВ заявляет:

"... ИККИ слишком далеко заходит в вопросе о едином фронте. Нужно идти рука об руку, а не под ручку. Нынешняя же линия развязывает руки оппортунистам и шовинистам. Недаром ... КАШЭН так ярко выступает за новую линию ИККИ. И он и Леон БЛЮМ - одним патристическим миром мазаны. Блюм сейчас может провозгласить свой старый лозунг - "защита отечества"

"Заявление на конгрессе тов. ДИМИТРОВА о том, что коммунисты готовы войти в правящую партию фронта - РЯЗАНОВ назвал политикой "священного единения", т.е. политикой подготовки масс к поддержке буржуазных правительств во время войны. Одновременно РЯЗАНОВ заявляет:

"На Западе целуются с Блюмом, ДАН и АБРАМОВИЧ высказываются за единый фронт, а в СССР арестовали всех меньшевиков. Такая политика, и особенно во время войны, долго продолжаться не может. Сейчас не только всех меньшевиков, но и мало-мальски мыслящего члена партии изгоняют и арестовывают. Это безумие!"

В различных своих высказываниях РЯЗАНОВ пытается одновременно опорочивать Сталина.

РЯЗАНОВ работает над переводом сочинений Рикардо по заказу Соцэкгиза. Одновременно является научным консультантом Сар. Гос. университета. Из связей РЯЗАНОВА установлены:

КОМАР - быв. секретарь общества политкаторжан в Саратове, якобы быв. меньшевик и быв. член 2-й Госдумы (проверяем).

ПЕРЕТЦ - академик, адм. высланный, быв. член Российской Национальной партии.

КИЕВЛЕНКО - троцкист, недавно освоб. из-под ареста, муж Ольги СМIRНОВОЙ.

ЛИБИХ - меньшевик, родственник.

Прием этих лиц у себя на квартире Рязанов производит конспиративно, поодиночке, устанавливая каждому заранее сроки (по четным и нечетным дням).

Нач. СПО УГБ УНКВД Саратов. Край Грицелевич
Нач. 1 отд. СПО Скорбин

(АУ ФСБ.Саратов, N OF - 14408, л. 6-10. Машинопись. Подписи - автограф).

36

Д.Б. Рязанов – Политбюро ЦК ВКП(б)

Саратов, конец января 1936 г.

(черновик)

Жена моя, Анна Львовна Рязанова, 19 января текущего года, по дороге в больницу сломала себе при падении правую руку. При общем состоянии и совершенно подорванном организме - она признана тяжким инвалидом - такая фатальная случайность необходимо сопровождающаяся более тяжкими последствиями, чем при нормальных условиях.

Когда я узнал об этом несчастном случае, я обратился в НКВД с просьбой разрешить мне навестить больную жену еще до окончания срока запрещения жить в Москве и Ленинграде т.е. до 16 февраля 1936. Я получил отказ. Более того, мне сообщили также, что и после 16 февраля мне запрещено жить не только в Москве и Ленинграде, но и во всех "режимных" городах. На этот раз не в течение какого-либо определенного срока, а навсегда. Я лишен поэтому возможности повидать больную жену в такой момент, когда она находится в особенно тяжелом физическом и нравственном положении.

Я обращаюсь поэтому в Политбюро с покорнейшей просьбой разрешить мне навестить больную жену. Я беру на себя обязательство в течение этого срока, который мне будет проставлен, - я прошу всего десять дней - строго выполнять все требования, которые будут поставлены мне органами государственной безопасности, - вплоть до нахождения под домашним арестом во время пребывания в Москве⁶⁵.

(АУ ФСБ, Саратов. N OF - 14408, л.62. Автограф).

Д.Б. Рязанов

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОПРАВКА

Саратов, начало сентября 1936 г.

(черновик)

Делаю ее в интересах исторической истины. В статье о "Доме книги" пресловутый публицист и историк, бывший редактор "Новой России", настоящий автор "Записок современника" и будущий автор книги "Молодой Маркс о Гегеле"⁶⁶ ни с того ни с сего упоминает мое имя.⁶⁷

"За короткий промежуток времени небезызвестный "историк" меньшевик Д.Рязанов получил в издательстве 11 000 рублей".

Я оставляю в стороне вопрос о моем "историзме" и "меньшевизме". Это - "словесность", дело мнения, особенно в устах пресловутого публициста, который даже в "Записках современника" никак не может справиться с требованиями исторической истины.

Я буду говорить только о фактах, которые легче установить, чем даже известную последовательность психологических эволюций русского истерического интеллигента и сменовеховца.

"Короткий промежуток времени" - понятие относительное. Речь идет о двух годах и трех месяцах. Конечно, с точки зрения человека, меняющего свои идейные веши со скоростью московского метро это "короткий промежуток времени", но с производственной точки зрения это срок не малый, особенно для рабочего, привыкшего работать систематически и интенсивно. Стахановец теперь зарабатывает в среднем от 10 до 12 000 в год. Средний переводчик, делающий в месяц 10 листов перевода, - а я перевожу в рабочий день от 1/2 до 4/5, а иногда и до одного листа в день в зависимости от предмета - может заработать в два года от 24 000 до 48 000.

Я допускаю, что бухгалтерия дала точную справку, что я действительно получил за этот "короткий срок" 11 000 рублей. Но наш пресловутый публицист настолько опытный "реппу а липер", что должен был бы справиться, получил ли я эти деньги за какую нибудь работу⁶⁷, и если да, то за какую именно.

Если бы он дал себе труд справиться и об этом, он узнал бы и как подобает правдивому публицисту сообщил бы читателям "Правды", что я за этот "короткий срок" доставил издательству переводов около 1000 печатных листов и комментария около 6 печатных листов.

И что я переводил и комментировал? Какую-нибудь беллетристическую или публицистическую мазню или халтуру? Нет. Я перевел

* наемный писака (англ.) . - Я. Р., Р. М.

полное собрание сочинений, писем и речей Рикардо. И не только перевел, но и собрал впервые в мировой экономической литературе. Такого собрания не имеет ни одна страна, даже Англия и САСШ. Я в этот "короткий срок" закончил работу, которую я начал еще в тюрьме в 1907 г. для большевистского издательства, т. е. тогда, когда наш пресловутый публицист* менял еще не веру, а пеленки⁶⁸.

Потеряло ли советское государство хотя бы одну копейку на этой работе. Нисколько. 20000 экземпляров одного лишь тома Рикардо - а их должно выйти четыре - с избытком * оплачивают весь гонорар переводчика за четыре тома.

Мне нечего говорить о том, какое огромное значение имеет для изучения марксизма-ленинизма полное собрание сочинений Рикардо.

В заключение один вопрос: можно ли отнять у не лишнего никаких прав гражданина СССР право на труд и лишить его возможности заниматься даже таким литературным трудом, как переводная работа. А что другое ставит себе целью статья пресловутого публициста?

(АУ ФСБ. N ОФ - 14 408, л. 168-175).

38

Д.Б. Рязанов – П.С. Рыкову

Саратов, 7 мая 1937 г.

(черновик)

Я уже заявлял Вам, что снимаю с себя ответственность за организацию научно-исследовательского кабинета по истории СССР.

После того, как был принят - Таубиным и Вами - предложенный мною план, после того как мы договорились с Верой Александровной⁶⁹ и командированные Вами студенты начали под моим руководством выявлять необходимые для кабинета книги, имеющиеся в научной библиотеке, Таубин, во время Вашего отсутствия, не поставив меня в известность, дезорганизовал работу. Вместо того чтобы планомерно, на основе научно-библиографического аппарата, и, не наноса никакого ущерба научной библиотеке, выбирать только то, что строго необходимо для научно-исследовательской работы, Таубин, руководясь списком зачастую дефектных, разрозненных и случайных книг, находившихся в подвале и не вошедших в каталог, предназначенных для *обмена, затребовал из библиотеки сотни ненужных книг, которые будут без всякой пользы для дела обременять кабинетскую библиотеку. Эта выборка, качество которой легко проверить по списку с отчетами Таубина, свидетельствует, как я уже сказал Вам в личной беседе, о полном незнакомстве как с задачами

научно-исследовательского кабинета по истории СССР, так и с необходимой для этого литературой. Если бы Таубин спланировал работу со мною, он узнал бы от меня, что я уже раньше обработал список подвальной литературы и отметил все, что может и должно быть передано истфаку.

В первую очередь следовало обработать книги, вошедшие в каталог и при наличии согласия научной библиотеки передать все дубликаты, составить также список имеющихся в одном экземпляре, но безусловно необходимых для кабинета книг. Таубин решил, однако, реорганизовать для кабинета и эту работу. По его заданию, как я узнал несколько дней назад, и сегодня убедился лично, неизвестная мне бригада выписывает из каталога научной библиотеки названия книг по русской истории - без какого-либо предварительного списка, без всякой системы, через пень-колоду, без учета научной значимости этих книг, без соблюдения элементарных правил библиографической записи. Такая работа ставит только в смешное положение истфак, от имени которого хотят предъявить научной библиотеке совершенно бессмысленное требование передать ему чуть ли не всю имеющуюся в библиотеке литературу по русской истории. Вместо того, чтобы создать для кабинета по истории СССР тщательно подобранное систематизированное собрание источников библиографических, биографических и историографических справочников и пособий, всех основных общих и монографических работ по истории СССР, собираются перетащить, наряду с ценными книгами, всякую историческую макулатуру, которая может без ущерба для дела оставаться там, где она лежит.

Мне сказали, что эта бесполезная работа оплачивается. А между тем эти выбрасываемые на ветер деньги могли бы быть использованы более рационально. В научной библиотеке имеются два фонда исторической литературы, каталоги которых можно было бы скопировать для истфака, - конечно не для того, чтобы изъять эти книги из научной библиотеки, но чтобы знать, что в ней может быть использовано для нужд истфака. Можно было бы также выявить историческую литературу, которая имеется в других саратовских библиотеках, - в первую очередь в Педагогическом институте.

Пользуюсь этим случаем, чтобы напомнить Вам о моем предложении организовать специальный кабинет по истории и историографии, по методологии и "философии истории"(включая диамат и истмат)и вспомогательным историческим дисциплинам. Без такого кабинета истфак - "фонарь без свечи"!

С тов. приветом.

(АУ ФСБ, Саратов. N ОФ- 14408, л. 176-178. Автограф).

П.С. Рыков – Д.Б. Рязанову

Саратов, 9 мая 1937 г.

Уважаемый Давид Борисович!

По поводу Вашего письма могу сообщить следующее. Всю ответственность за подбор необходимой литературы для кабинета Истории народов СССР должен нести и несет зав. кафедрой Р.А. Таубин. В этом отношении я не считаю возможным диктовать ему те или иные требования, если он не совершает явных ошибок, но не того порядка, в каких Вы его обвиняете. Вы - уч. консультант н[аучной] библиотеки] и истфак может быть Вам только признателен за ту помощь, какую Вы ему окажете своей работой в НБ по подбору литературы. Однако это ни в какой степени не может связывать завед. кафедрой. Не было и нет никаких условий, которые препятствовали бы преподавателю ВУЗ'а подбирать литературу по своему усмотрению, если она не является политически вредной.

Первый этап - общего подбора книг для истфака - пройден. Теперь наступил второй, когда мы комплектуем кабинеты, где слово и мнение зав. кафедрой не может не быть учтено со всем вниманием.

Многое, о чем Вы пишете по поводу работы посланных работников, неправильно. В частности, Ваши сведения об отобранных книгах для истфака (вероятно Вы помните наш разговор) оказались ошибочными. Книги, относящиеся к русской истории, вовсе не подбирали для истфака. Наконец, относительно создания особого кабинета, Вами предлагаемого. Я вполне понимаю, что такой кабинет иметь интересно, но, к сожалению, он не предусмотрен для истфаков и не может быть обеспечен работниками.

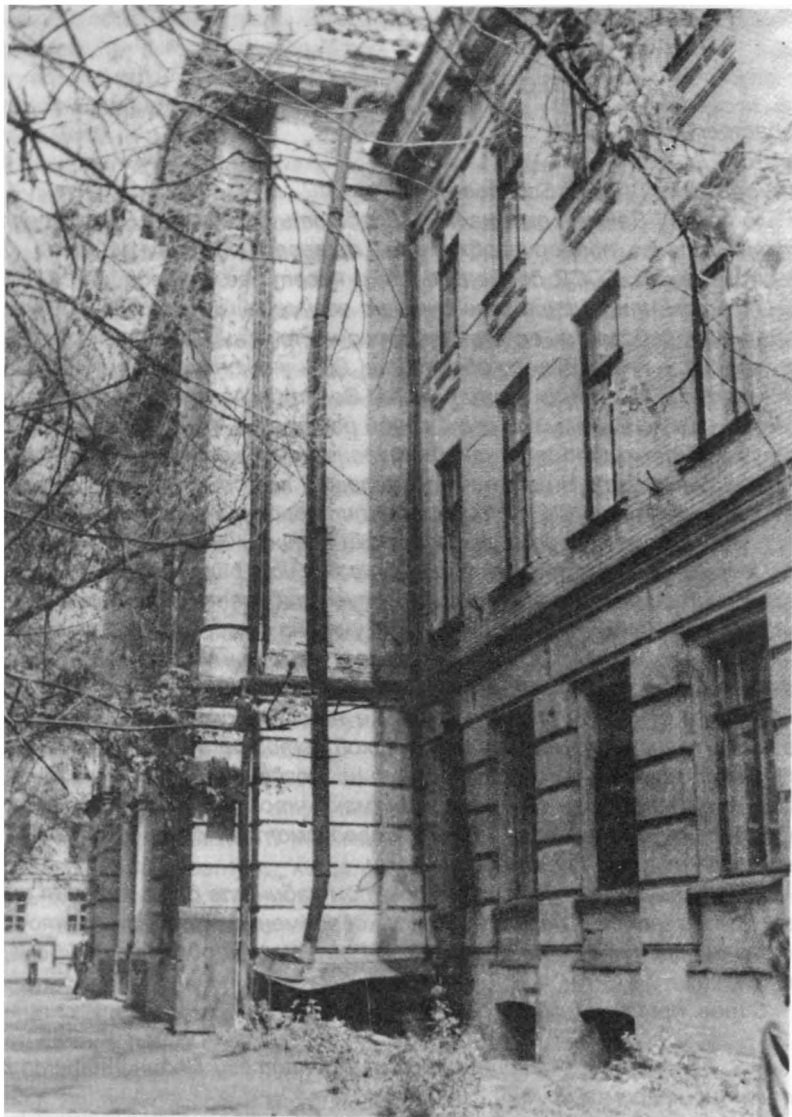
Кроме того, решать вопрос об этом кабинете до выяснения итогов нового приема на истфак преждевременно. Не думаю, что без этого кабинета истфак должен обязательно уподобиться "фонарю без свечи".

С тов. приветом П.Рыков

Р.С. Говорить об изъятии книг из библиотеки Пединститута совершенно невозможно.

П.Р.

(АУ ФСБ, Саратов. N ОФ-14408, л. 180-181. Автограф).

**Здание библиотеки Саратовского университета.
Современный снимок**

Д.Б. Рязанов – П.С. Рыкову

Саратов, 9 мая 1937 г.

(черновик)

Прежде чем ответить на ваши замечания по поводу моего письма, считаю необходимым выяснить один важный вопрос, который вы неожиданно для меня выдвинули. Вы пишете: "Вы - ученый консультант научной библиотеки и истфак может быть вам только признателен за ту помощь, какую вы ему окажете своей работой в научной библиотеке по подбору литературы".

Вы стали жертвой странного недоразумения, если не вспомнили, как давно я уже работаю для истфака. Я - ученый консультант не научной библиотеки, а Саратовского университета - с **21 ноября 1934 г.** и с самого начала на меня была возложена, с ведома и согласия соответствующей инстанции, работа по организации "материальных" условий научно-исследовательской работы на будущем истфаке. Еще до открытия последнего я, во исполнение этого задания, изучил книжные фонды научной центральной библиотеки, обследовал библиотеку Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы, и не только "открыл" библиотеку Нессельроде, но и разобрал ее при самых тяжелых условиях, составил необходимые списки литературы по всеобщей и русской истории, собрал коллекции книг для справочного аппарата.

После открытия истфака руководил организацией студенческой и научной библиотеки и все время занимаясь их комплектацией, я разобрал и систематизировал все большие книжные поступления - несколько тысяч книг - **не имея все время ни одного помощника**, проработал каталог периодических изданий Центральной библиотеки и выделил иностранные книги из фондов библиотеки Балашовской и Института механизации с[ельского] х[озяйства] и т. п. и т. д. На совершенно пустом месте теперь организована в течение двух лет с помощью партии и советской власти при минимальных расходах библиотека - студенческая и научная, насчитывающая 15 000 - 18 000 томов и в некоторых частях своих представляющая *unicum* в СССР.

В научной библиотеке Саргосуниверситета я начал работать только с **апреля 1936 г.** не в качестве ученого консультанта - и моя работа в ней не имеет никакого отношения к работе на истфаке. Моя точка зрения на соотношение этих двух библиотек хорошо известна и Вам, и Г.К. Хворостину и В.А. Артисевич.

Речь может и должна идти только о том, выполнял ли я по отношению к истфаку взятые на себя обязанности и каким образом. Если вы находите, что я выполнил их неудовлетворительно, что моя на-

учная квалификация для этого недостаточна - я, конечно, не имею никаких ученых степеней - что я политически неблагонадежен и потому не могу дать гарантию, как вы намекаете в своем письме, что не буду подбирать и "политически вредные" книги,^{*} то вы, конечно, имеете право поставить перед соответствующими инстанциями этот вопрос и требование, чтобы дирекция уни верситета отозвала меня как несправившегося с возложенной на меня работой.

Когда я заявил вам, что слагаю с себя ответственность за дальнейшую организацию кабинета СССР, то я имел в виду научную ответственность. Повторяю, что план мой был одобрен Таубиным и вами. Работа шла при существующих условиях довольно быстро. Я считал первоочередным делом собрание главных источников, основных общих и монографических трудов, организацию справочного аппарата. Достаточно указать, какого труда стоило укомплектовать кабинет полным собранием русских летописей и относящейся к ним литературы и полным собранием законов. Таубин, однако, нашел, что работа идет слишком медленно и взялся ускорить ее, ставя на первый план количество а не качество. Именно против этого метода я возражаю. Практика уже показала, что это ни к чему не приводит, кроме путаницы, несмотря на увеличение числа рабочих сил, в которых мне отказывают. Сотня книг, мною уже отобранных, до сих пор не введена в состав кабинетной библиотеки.

Для кабинета не нужны не только несколько книг по литературе, которые, как теперь выяснилось, направлены были на истфак по ошибке рабочими из научной библиотеки, но и сотни других книг, отмеченных Таубиным в списке "подвальной" литературы. Но больше всего я протестую против производимой теперь выборки книг по русской истории из алфавитного каталога. Эта работа, как легко убедиться, заглянув в уже заготовленные списки, является вопиющей нелепостью. Она преследует только одну цель - изъять как можно больше книг по русской истории из научной библиотеки. Об этом я знаю не только от молодых сотрудников, но и от Таубина, который заявил мне на собрании, что истфак имеет право требовать выдачи ему всех книг по русской истории для научных работ истфака. Проводимая теперь работа совершенно бесцельна. Если заведующий кафедрой хотел бы иметь для кабинета полный каталог всех книг по русской истории, имеющихся в научной библиотеке - дорогая и ненужная вещь, - то он распорядился, чтобы это делалось с соблюдением хотя бы минимума научно-библиографических требований. Гораздо проще было бы скопировать каталоги двух главных фондов по русской истории, но оригиналы их имеются в самом здании истфака,

* Далее вычеркнуто: "я даже не кандидат исторических наук", "я имею только Ленинскую премию за исторические работы и награжден орденом за создание лучшей и единственной в мире научной лаборатории по марксведению и истмату и пр.". Я.Р., Р.М.

о чем я уже позаботился. Средств так мало, что лучше их тратить на более необходимую работу.

Конечно, мнение и голос заведующего кафедры должны быть учтены, но я не могу не протестовать самым энергичным образом против попытки превратить научно-исследовательский кабинет в обычную библиотеку, в которой литература по русской истории будет перемешана с макулатурой.

Я не могу согласиться с вашими возражениями по вопросу о необходимости реорганизации особого кабинета по истории, историографии и "философии истории", т.е. диамата и истмата на истфаке. Он до такой степени предусмотрен для истфака, что мы вместе с вами отвели для него место в проекте нового здания. До последнего времени его суррогатом являлся общеуниверситетский кабинет диамата и истмата, а именно потому, что его перевели из истфака, необходимо заменить его другим, но организованным согласно специфическим нуждам истфака. Историки должны знать диамат и истмат, и как результат всей предшествующей философской и исторической мысли, и как орудие для изучения и объяснения конкретно исторического процесса.

Именно в этом смысле я писал, что истфак без такого кабинета "фонарь без свечи". Я готов прибавить - или "голова без ума".

С тов. приветом.

P.S. Я говорил не об изъятии книг из библиотеки Пединститута, а о выявлении имеющейся в ней исторической литературы для нужд истфака.

(АУ ФСК, Саратов. N ОФ-14408, л.148-163. Автограф).

41

СПРАВКА

на арест РЯЗАНОВА Давида Борисовича,
консультанта библиотеки Саратовского Госуниверситета

" УТВЕРЖДАЮ "

Пом. нач. УНКД Сар. обл.

Майор Госбезопасности (СЛАВАТИНСКИЙ)

"__" июля 1937 г.

РЯЗАНОВ Д.Б., 1870 г.р., еврей, гр-н СССР, судимый органами НКВД за антисоветскую деятельность, работает в библиотеке Го-

сударственного Университета консультантом, проживает: Саратов, ул. Камышинская, 85.

В 1931 г. постановлением Особого Совецания был осужден и послан в Саратов за антисоветскую деятельность меньшевик Рязанов Давид Борисович.

За время пребывания РЯЗАНОВА в Саратове, последний организационно тесно был связан со всеми троцкистами, находящимися в Саратове в ссылке: СМИРНОВЫМ И.Н., КАСПАРОВОЙ, СМIRНОВОЙ, ГРЮНШТЕЙН, КАРЛОМ и РЕВЕККОЙ и рядом других троцкистов. Рязанов также поддерживал постоянную связь с меньшевиками: ЛИБИХ, БАЗАРОВЫМ и БЕРДИЧЕВСКИМ. Последние свое осуждение за меньшевистскую деятельность отбывали срок наказания в Саратове.

В 1935 г. в Саратов в ссылку прибыл осужденный за участие в антисоветском троцкистском Ленинградском центре - ЗЕЙДЕЛЬ, с которым РЯЗАНОВ также установил связь как с единомышленником, через посредство которого получал информацию об организационной деятельности троцкистов других городов и ссылках.

Непримиримую открытую борьбу с партией и Советской властью РЯЗАНОВ особенно активно повел за время пребывания его в Саратове. Здесь он, связавшись с высланными троцкистами и меньшевиками, клеветал на партию, высказывал явно антисоветские настроения, направленные к свержению Советской власти и коммунистической партии.

Высказывая антисоветские настроения о политике ВКП(б), РЯЗАНОВ говорил:

"Я против бессмысленных пропорций между тяжелой и легкой промышленностью. И если сравнить то, что выполнено первой пятилеткой, то окажется, что цифры не сходятся. В самом деле, сравнивают результаты первой пятилетки не с контрольными цифрами, утвержденными 6 съездом Советов, а с первоначальным так называемым "вредительским проектом". Заграницей никто уже не верит в нашу плановость".

РЯЗАНОВ распространял явно антисоветские провокационные слухи, направленные к срыву работы транспорта. РЯЗАНОВ говорил: "На ж.д. транспорте никаких успехов нет. Можно сколько угодно кричать, что "теория предела" есть теория контрреволюционная, однако от этого ни рельсов, ни паровозов, ни вагонов больше не станет. Следовательно грузоподъемность и прочие вещи от криков не увеличатся. Если КАГАНОВИЧ за это время не достанет себе металл и проч. для рельсов, то он со своим планом лопнет самым бесславным образом".

С приездом в Саратов РЯЗАНОВ установил связь с проживавшим в то же время в Саратове троцкистом СМIRНОВЫМ И.И., через по-

средство которого он связался со всеми ссыльными троцкистами, отбывающими срок наказания в Саратове.

Свою ненависть к коммунистической партии и Советской власти РЯЗАНОВ выражал троцкистам и меньшевикам, которых группировал вокруг себя как своих единомышленников.

РЯЗАНОВ Д.Б. подлежит аресту.

п/м нач. 1У отдела УГБ УНКВД
капитан госбезопасности Грицелевич

(АУ ФСБ. N 14408, л. 3-5. Машинопись).

42

Д. Б. Рязанов – Н. И. Ежову

Саратов, 22 июля 1937 г.

(черновик)

Народному Комиссару Внутренних Дел
Генеральному Комиссару
Государственной безопасности Н.И. ЕЖОВУ

Обращаюсь к Вам по следующему делу.

Когда 16 февраля 1934 г. окончился срок моей ссылки, мне было объявлено уполномоченным НКВД по Саратовскому краю (Леплевский), что я восстановлен во всех правах, но в течение двух лет не могу проживать в Москве и Ленинграде. Однако летом 1936 г., после кратковременного пребывания в Москве, куда мне было разрешено сопровождать больную жену, мне запрещено было поехать лечиться в Кисловодск.

В феврале 1936 г. по истечении двухлетнего срока мне было объявлено (уполномоченный НКВД - Пиллар), что с меня сняты все ограничения в свободе проживания и передвижения. Связанный взятой на себя работой в Университете, я мог уехать из Саратова только летом, когда лечебная комиссия направила меня как сердечнобольного на лечение в Кисловодск. Я поехал в Москву в начале августа, чтобы достать путевку для себя и жены. Я рассчитывал пробыть в Москве не больше десяти дней и прописался поэтому на указанный срок. Когда же получил путевки с сентября, я просил продлить мне на несколько дней прописку, мне в НКВД (Мочалов) объявили, что я должен немедленно уехать обратно в Саратов и что лечиться я могу только в Саратове.

По возвращении в Саратов я вновь обратился к уполномоченному НКВД (Пиллар) с просьбой выяснить мое положение. Дело затянулось,

а новый уполномоченный НКВД (Агранов) оставил безо всякого ответа мое устное и даже письменное обращение к нему.

Такое неопределенное положение создает крайне неблагоприятные условия работы и жизни для меня лично, лишает возможности лечиться. При сердечной болезни и преклонном возрасте, при тех ужасных санитарных условиях, в которых находится отведенная мне квартира, в особенности летом. Это грозит в ближайшем времени полной инвалидностью.

Я потому обращаюсь к вам с просьбой выяснить мое положение.

Ввиду того, что крайним сроком лечения является сентябрь, прошу ответить мне по возможности скорей, чтобы я мог еще в этом году проделать необходимый курс лечения.

Д. Рязанов

Адрес: Саратов, Камышинская 85, Д.Б. Рязанову.

(АУ ФСБ. N OF - 14408, л. 143 - 145. Автограф).

43

Ордер на арест Д. Б. Рязанова

СССР

Управление Народного комиссариата
Внутренних дел по Саратовскому краю

ОРДЕР N 580

Выдан 23 июля 1937 г.
сотруднику 5-го отдела тов. Дубровскому.

Вам поручается произвести обыск и арест гр. Рязанова Давида Борисовича, проживающего г. Саратов. Камышинская N 85.

Нач. Упр. НКВД по Сар. краю Славатинский

Нач. оперотдела Каганова

Д.Рязанов

23 июля 1937 г.

(АУ ФСБ, Саратов. N OF - 14408, л 2. На бланке подлинная роспись Рязанова).

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

1937 г. июля "23" дня я, сотрудник Дубровский, Звонков, Андреев, Дроннюк на основании ордера от 23/VII - 37 г. выданного Управлением НКВД по Саратовской области за N 580 произвел обыск у гр-на Рязанова Давида Борисовича, проживающего по улице Камышинская дом N 85, кв. 1.

При производстве обыска присутствовали гр. гр-н Толмачев Михаил Аркадьевич, РЯЗАНОВА Анна Львовна.

Согласно полученных указаний задержан гр. Рязанов Давид Борисович

Изъято для предоставления в Саратовский Упр. НКВД следующее

ОПИСЬ

вещей, ценностей и документов

N Наименование изъятого Количество Качественный состав

1 Паспорт N 507876 1

2 член. билет N 906 секции науч. сотр. 1

3 Проездные билеты к орденской кн. 1

4 купоны на денежн. выдачи к орден. книжке с 16 по 60 1

5 Орденская книжка N 009822 1

6 Фотоснимок с отображением Смирнова И.Н. у могилы Розанова

7 Фотоснимок с Р. Грюнштейн 1

8 Разная переписка, заявление в ЦКК и прочее 124 п/л

Жалобы на неправильности, допущенные при производстве обыска, на пропажу вещей, ценностей и документов

Жалоб не имеется

В протоколе все записано правильно, таковой нам прочитан, в чем и расписываемся

Председатель домоуправления Дроннюк

Производивший обыск Дубровский

Постановление об аресте Д.Б. Рязанова

Саратов, 23 - 24 июля 1937 г.

*"Утверждаю"**Пом.нач. УНКВД Сар. области Славатинский**Арест Рязанова санкционирую**23. VII. 1937**Вр. Зам. прокур. по спец. делам (подпись)***ПОСТАНОВЛЕНИЕ**

Об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения

Город Саратов 1937 июля "23" дня.

Я, пом. опер. Уполн. мл. лейтенант Г.Б. 1 отд-ния 1У-го отдела КОЧАНОВА. Управление Государственной безопасности НКВД по Сар. обл. , рассмотрев следственный материал по делу N 9634 и приняв во внимание, что гр. РЯЗАНОВ Давид Борисович, 1870 г.р., еврей, урож. гор. Одессы, семейный, гражд. СССР, судимый органами ОГПУ - НКВД, работает в Государственной библиотеке консультантом, проживает ул. Камышинская 85 достаточно изобличается в том, что вел активную антисоветскую, троцкистскую деятельность постановил:

гр. Рязанова Д.Б. привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58 пп. 10 - 11 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей в Саратовской тюрьме

*п/опер. уполномоченног мл. Лейтенант Г.Б. Кочанова**Нач. 1 Отд-ния УГБ НКВД Лейтенант Г.Б. Кирхгоф**Нач. 4 Отдела УГБ УНКВД Капитан Г.Б. Грицелевич**"Настоящее постановление мне объявлено 24 июля 1937 г.**Обвинение целиком, как бессмысленное отрицаю**Д.Рязанов"*

Племянница А. Л. Рязановой А. Л. Либих (в центре) с сыном Львом и дочерьми Леной и Зиной. Саратов. Середина 30-х годов

46

Рапорт об обыске и аресте Д.Б. Рязанова⁷⁰

Саратов, 23 июля 1937 г.

Нач. 4 Отдела УНКВД Капитану Г.Б. т. Грицелевичу
От ОПУПОЛ 1 Отд лейтенанта Дубровского

Рапорт

Согласно Вашему распоряжению мною сегодня произведен обыск у Рязанова Д.Б. и его арест.

При обыске изъята переписка - разного рода заявления в ЦИК, НКВД, связанные с его пребыванием в Саратове.

Изъяты два фотоснимка - 1 изображение Смирнова И.Н., Смирновой О.И. и третьего лица у могилы умершего в 1931 г. в г. Саратове троцкиста Розанова, 2 снимка троцкистки Ревекки Грюнштейн.

При обыске и в особенности при объявлении ему об аресте Рязанов очень сильно волновался.

Присутствовала при обыске его жена Анна Львовна Рязанова (член ВКП(б)), приехавшая к нему, по ее словам, с тем, чтобы с ним вместе поехать на курорт лечиться, о чем он возбудил ходатайство перед Наркомом Ежовым.

Дубровский

(АУ ФСБ, Саратов. N OF - 14408, л.14. Автограф)

47

Протокол допроса Д.Б. Рязанова

Саратов, 26 - 28 июля 1937 г.

С.С.С.Р.

Народный Комиссариат Внутренних Дел
Управление Государственной Безопасности по
Саратовскому краю

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

к делу N _____

1937 г. июля мес. 26 дня я, пом. нач. IV отд. УГБ Эдельман допросил
в качестве обвиняемого

- 1 Фамилия - Рязанов
- 2 Имя и отчество - Давид Борисович
- 3 Дата рождения - 1870 10 марта
- 4 Место рождения - г. Одесса
- 5 Местожительство - Саратов, Камышинская 85 кв. 1
- 6 Нац. и гражд. (подданство) - гр-н СССР*
- 7 Паспорт _____
(когда и каким органом выдан, категория и место прописки)
- 8 Род занятий - научный работник, писатель
(место службы и должность)
- 9 Социальное происхождение - отец мещанин, торговал и был коммиссионером.
- 10 Социальное положение (род занятий и имущественное положение)
 - а) до революции писатель, журналист
 - б) после революции писатель, журналист, профессор, академик
- 11 Состав семьи - жена Анна Львовна 59 л., племянница Анна Львовна Либих 43 л. и две внучатые племянницы Лена и Зина по 12 лет.
- 12 Образование (общее специальное) - Незаконченное среднее
- 13 Партийность (в прошлом и настоящем)- партстаж с 1889 г. исключен из ВКП(б) с 1931 г.
- 14 Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)
 - а) до революции в тюрьме в общей сложности около 6-ти лет
 - б) после революции в 1931 г. по реш. ос. сов. б. ОГПУ выслан в Саратов на три года, с 1934 остался на житье** в Саратове
- 15 Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) - при сов. власти орденом Трудового Красного Знамени награжден в 1930 г.
- 16 Категория военного учета - запаса, где состоит на учете - не состоит
- 17 Служба в Красной Армии (Красн. гвардия, партизан. отр.) когда и в качестве кого - не служил
- 18 Служба в белых и др. кр. армиях (когда, в качестве кого) - не служил
- 19 Участие в бандх, кр. организациях и восстаниях - не был
- 20 Сведения об общественно-политической деятельности - партийная, профессиональная, советская.

Д.Рязанов

* В анкете, заполненной 23 июля 1937 г., Рязанов писал: "еврей по происхождению, русский по национальности. Гражданин СССР. Орденосеиц". - Я.Р. - Р.М.

** Далее вычеркнуто: "прикреплен на место жительства". - Я.Р., Р.М.

ВОПРОС: Покажите об известной вам антисоветской нелегальной организации троцкистов и правых?

ОТВЕТ: О таковой деятельности мне ничего не известно. Никаких связей кроме личных знакомств со старыми членами партии, бывших в оппозиции с 1923 г. не было. Принимал у себя на.дому только тех, кто был знаком по Москве или по Ленинграду - И.Н. Смирнов, Ревекка Грюнштейн, Каспарова В.Д., Карл Грюнштейн, Ольга Ивановна Смирнова, Роза Михайловна Смирнова, Киевленко Яков - некоторых до начала 1932 г., других - до начала 1934 г. После февраля 1934 г. у меня бывал Киевленко, сиюня-июля 1935 у меня бывал Зейдель в связи со своей работой в саргосуниверситете и Пединституте.

Д.Рязанов

ВОПРОС: Вы скрываете наличие организационных связей с троцкистским и правым антисоветским подпольем. В общении с участниками этого антисоветского подполья вы вели клеветнические разговоры о политике ВКП(б) и Совправительства?

ОТВЕТ: Отрицаю наличие каких-либо организационных связей с троцкистскими и правыми элементами. Никаких клеветнических разговоров о политике ВКП(б) и советской власти никогда и ни с кем не вел. Меня может только удивить предъявление мне такого обвинения.

Д. Рязанов

ВОПРОС: Ваши ответы на поставленные следствием вопросы не правдивы, Вам предлагается прекратить заперительство и давать откровенные показания о своей борьбе против ВКП(б) и Совправительства.

ОТВЕТ: Мои ответы совершенно правдивы. Я никогда не вел борьбы ни против ВКП(б), ни против Советского правительства. Это могут подтвердить все мои старые товарищи как в Политбюро ЦК ВКП(б), так и в Советском правительстве. Я остаюсь хотя и вне рядов партии, убежденным коммунистом и приверженцем Советской власти. Мне не в чем заператься. Меня можно обвинять, как это делал покойный Ильин, в излишней прямолинейности, но в двурушничестве можно только, не зная меня лично и не зная моей работы в партии.

Д. Рязанов

ВОПРОС: Следствие предупреждает вас и предлагает прекратить борьбу на следствии. Какое вы имеете право вести себя так бесцеремонно, как вы себя ведете. В постановлении об избрании меры пресечения вы заявляете, что обвинение целиком бессмысленное. Дайте объяснения.

ОТВЕТ: Я не веду никакой борьбы на следствии. Я только отстаиваю свою невиновность в тех обвинениях, которые мне предъявля-

ют. Слово "бессмысленное", вырвавшееся у меня в состоянии волнения, я заменяю словами "но лишенное какого-либо основания", как это видно из моего ответа на предыдущий вопрос.

Д. Рязанов

ВОПРОС: Вы продолжаете полемизировать. Вы обязаны давать прямые, исчерпывающие, правдивые ответы. Иначе следствие будет расценивать ваше поведение, как противопоставление следствию, как факт двурушничества.

ОТВЕТ: Ответ на этот вопрос вытекает из моих предыдущих ответов.

Д. Рязанов

(АУ ФСБ, N ОФ - 14408, л. 16-18. Автограф).

48

Заявление Д.Б. Рязанова

Саратов, 28 июля 1937 г.

Заявление

Начинаю с первого пункта - антисоветская деятельность.

С апреля 1931 г. до ноября 1934 г. я нигде не работал. Со второй половины 1932 г. начал заниматься переводной работой. Меня часто навещали члены бывшего ОГПУ (Каганова, Ритнер, Скорбин). Им были известны все мои шаги и знакомства. Они знали, когда в связи с моей болезнью у меня устанавливалось дежурство. До октября 1931 г. у меня бывали И. Смирнов и Р. Грюнштейн, а дежурил Адам (фамилии не помню). Затем приехали Киевленко и Каспарова. Первый выполнял те же функции, что и Адам. За книгами для меня в научную библиотеку ходил сын Каспаровой. В начале 1932 г. Смирнов и вскоре за ним дочь его с матерью (Ольга и Роза Григорьевна) уехали. У меня бывали только Ревекка Грюнштейн, Каспарова с сыном, Киевленко. После ареста Каспаровой и сына в 1931 г. и отъезда Грюнштейн в начале 1934 г. у меня бывал только Киевленко, который ухаживал за мной все время болезни и оказывал всякие практические услуги, особенно в 1935 г., когда я был очень серьезно болен. У нас бывали беседы на различные темы. Желавшим заниматься я давал различные литературные указания и справки. Больше всех интересовался теоретическими вопросами молодой Каспаров, развивавший мне свои взгляды на характер советского государства.

В 1931 (в конце) или в первой половине 1932 у меня был раз три-четыре В. Базаров, которого я знал с 1901 года.

Таким образом, до 16 февраля 1934 г., когда кончился срок моей ссылки и я был освобожден от всякого надзора, мои сношения ограничивались кругом людей, которых я всех, за исключением Адама, знал до Саратова.

Положение изменилось с конца 1934 г. В мае месяце я с разрешения Политбюро отвез больную жену в Москву и устроил ее там. По возвращении в Саратов я с ведома НКВД обратился с просьбой в краевые парторганы предоставить мне работу в области просвещения и культуры. В связи с предполагавшимся восстановлением исторического факультета я предложил свои услуги для организации материальной части этого дела. Я был направлен к Рубинштейну, тогда заведовавшему культпропом, и изложил ему мой план. В результате я был с 21 ноября 1931 назначен ученым консультантом Саргосуниверситета и взялся за работу. В апреле 1936 г. я получил дополнительную работу по части комплектования и разбора фондов научной библиотеки, состоявших из огромных книжных залежей. Мне было разрешено по моей просьбе не посещать никаких собраний служащих или актива. Точно также я не посещал никаких докладов или лекций в секции научных работников. Я имел дело только со своим непосредственным начальством и очень ограниченным кругом служащих. На истфаке я до последнего времени работал почти без помощников. Только в последнее время мне дали в помощь трех комсомольцев. К сожалению, в последнее время у меня возник конфликт в связи с работой на истфаке, который обострил мои отношения с некоторыми лицами.

Если не считать моего вмешательства в дела жакта (в который входит моя квартира), которое привело к крайнему обострению отношений с некоторыми членами жакта в связи с моим выступлением на общем собрании членов, то этим практически и ограничивается вся моя деятельность по советской линии. В ней не было ничего антисоветского. Напротив, и в университетской библиотеке, и на истфаке она привела к значительным результатам в области расширения и организации книжных и научно-исследовательских фондов.

Обвинение в антисоветской деятельности, которое я категорически отрицаю, может основываться только на домыслах людей, озлобленных моей откровенной критикой их невежества или злоупотреблений.

28 июля 1937 г.

Д. Рязанов

Постскриптум. Забыл, что после февраля 1934 г. я начал бывать в обществе политкаторжан, чтобы пользоваться библиотекой. Там я встречался с политкаторжанами и в первую очередь с секретарем

общества Н.В. Комаром, с которым был арестован в мае 1907 г. по делу социал-демократической фракции второй государственной думы, и с другими, фамилии которых я не могу припомнить.

(АУ ФСБ, Саратов, N ОФ-14408, л. 19 - 20. Автограф).

49

Продолжение допроса обвиняемого Рязанова Д.Б.

28 июля 1937 г.

ВОПРОС: Вы использовали предоставленную вам возможность для заявления, с целью уклониться от правдивых показаний на поставленные следствием вопросы о ваших связях в право-троцкистском подполье. Будете давать правдивые показания?

ОТВЕТ: Я даю только правдивые показания и готов дать определенный ответ на определенно поставленный вопрос.

Д. Рязанов

ВОПРОС: Среди своих связей, с которыми вы встречались в Саратове, из числа антисоветских лиц вы не всех назвали?

ОТВЕТ: Возможно, что я кого-нибудь забыл. Если мне напомнят фамилию того, с кем я встречался, я отвечу определенно. О Зейделе я уже сообщал раньше, но если нужно, могу к заявлению сделать дополнение о моих отношениях с ним в Саратове.

Я сначала отказывался принимать его у себя на дому. Но после настойчивых просьб его согласился отвести определенный день, когда бы он мог пользоваться имевшимся у меня справочным аппаратом, а также моими указаниями. Он выступал в разговорах ярим антикоммунистом. Когда я указывал ему на неудобство хождения ко мне, на возможность для него встретиться с единственным тогда представителем оппозиции, бывавшим тогда у меня, он заявлял, что никогда не будет являться в условные дни.

Только в силу *lapsus memoria** я забыл тогдашнюю жену Смирнова, кажется Марию Григорьевну.

Д. Рязанов

ВОПРОС: Вы показываете о всех этих связях как об обычных знакомствах, между тем эти знакомства и встречи являются содержанием вашего участия в право-троцкистском подполье?

* - по памяти - примечание Д.Б. Рязанова

ОТВЕТ: Эти сношения ничем иным как обычным знакомством и не были и не могли быть.

На напоминание о Слепкове отвечаю, что в Саратове столкнулся с ним у входа в библиотеку и только ответил на приветствие. Разговоров с ним не вел и больше не встречался. В Москве я его знал только по Свердловскому университету. Достаточно сказать, что он не был ни разу у меня в Институте Маркса и Энгельса.

Д. Рязанов

ВОПРОС: А чем вызывалось с вашей стороны заявление Слепкову, что "необходима организация более осторожных встреч"?

ОТВЕТ: Никакого такого заявления я Слепкову не делал. Я вероятно на приветствие заявил ему, как я это систематически делал, что ему не стоит встречаться со мною.

Д. Рязанов

ВОПРОС: Вы продолжаете уклоняться от дачи правдивых показаний. Следствию известно, что вы поддерживали связи не только с участниками право-троцкистского подполья, а вы сохраняли после 1931 г. связи с меньшевиками. Будете и это отрицать?

ОТВЕТ: Я не поддерживал никаких связей ни с какими меньшевиками, занимавшимися политической деятельностью. Либих Николай Богданович - муж моей племянницы, но после августа 1934, когда он прекратил со мною личные отношения, не посещал моей квартиры до апреля 1937 г., когда он вновь начал посещать мою племянницу после ее выхода из тубинститута.

Д. Рязанов

ВОПРОС: Чем же вызывались с вашей стороны высказывания Либиху о том, что вы имеете желание покинуть СССР? Этот разговор, по данным следствия, имел место в 1934 году у вас на квартире?

ОТВЕТ: Кто знает мои отношения к жене, тот в этой дикой версии какого-нибудь случайного замечания может увидеть только продукт расстроенного воображения.

Д. Рязанов

ВОПРОС: Вы в своей враждебной работе против ВКП(б) и Сов. пр-ва доходили до того, что неизвестных вам детей с улицы зазывали к себе, подкармливали их, а затем на основе разговоров с ними строили свои клеветнические выводы о материальных недостатках и обнищании страны. Что вы можете показать по этому поводу?

ОТВЕТ: Если речь идет о том, что в 1932 г. я кормил у себя голодных детей жильцов нашего двора, что я оказывал всякую помощь деньгами и продуктами старикам, болевшим и умиравшим на моих

глазах, что я всегда и после 1933 г. оказывал просящим всякую помощь, то нужно самое извращенное воображение какого-нибудь клеветника, желающего скрыть свои грязные делишки, чтобы делать из этой моей деятельности такие гнусные выводы.

Д. Рязанов

ВОПРОС: Вам представлен этот факт, как один из многих случаев, избличающих вас в том, что вы под прикрытием помощи нуждающимся делали антисоветские клеветнические выводы о нужде и голоде в СССР, из таких "мелких" клеветнических констатаций вы делали контрреволюционные клеветнические обобщения. Среди своего окружения вы статистику по-своему подрабатывали соответственно своим враждебным настроениям - вы говорили, что население СССР возросло до 170 миллионов, а уровень хлебодобычи не превышает 1913 года, когда население было около полутора ста миллионов? Отрицать это вы можете?

ОТВЕТ: Мои соображения о нашем хлебном балансе я готов подробно развить, если мне будет предоставлена для этого возможность. Кто знает мои выступления в бюджетной комиссии, в ЦИК-е, на партсъездах и конференциях, тот узнает из них больше, чем из клеветнических показаний и выводов неизвестных мне негодяев.

Д. Рязанов

ВОПРОС. Вы браврируете своим официальным прошлым и официальной работой, вам не удастся скрыть своей подлинной враждебной работы, которую вы вели. Скажите, не вы ли, Рязанов, - внушали молодому Каспарову о том, что рабочий Германии даже при пониженном жизненном минимуме, после снижения зарплаты - находится в лучших условиях нежели советский рабочий в связи с новым курсом рубля (относится к периоду 1932 г.)

ОТВЕТ. Не имею никакой возможности теперь проверить этот разговор. Всякий грамотный человек знает, что мы никогда не отрицали это в известных отношениях. На данном отрезке времени, русский рабочий, как это уже сказал Энгельс, доказывал, что переходный период будет сопровождаться некоторым ухудшением материального положения, будет материально нуждаться, но эта нужда компенсируется в огромной степени рядом социальных и культурных преимуществ, которые делают то, что называется и при новых условиях заработной платой выше заработной платы европейского и даже американского рабочего. Моя так лестно оцененная агитационная работа на московских фабриках и заводах от 1918 до 1922 г. исходила из этих положений, которые после были развиты в ряде работ и статей наших товарищей.

Д. Рязанов

ВОПРОС: Вам предъявлены конкретные факты ваших враждебных проявлений, которые имели место с вашей стороны при общении с

антисоветскими людьми, а вы даете объяснения не по существу - обращая марксистско-ленинское оружие против контрреволюционных вылазок враждебных ВКП(б) сил и от признания своих враждебных выпадов таким образом пытаетесь ускользнуть. Прекратите такое поведение на следствии. Предлагаю вам ответить по следующему факту: как вы объясняете посещение вас троцкистами, в частности Ольги Ив. Смирновой, причину вашей высылки из Москвы?

ОТВЕТ: Я даю объяснения по существу вопроса, а не по тому искаженному впечатлению, которое могло оставаться в голове мало развитого теоретически молодого человека, обладавшего пылкой фантазией в качестве поэта. На вторую часть вопроса отвечаю, что я всегда и неизменно отрицал факт получения мною документов в закрытом конверте от Рубина. Весьма вероятно, Ольга Ивановна как и другие товарищи в разговоре со мною сделали попытку выразить мне сочувствие, сказав, что высылка в Саратов была слишком суровым наказанием за то, что взял на хранение документы. Чтобы показать мне, что и Троцкий держится такого же мнения, она мне сообщила, что он в какой-то статье об этом деле писал, что я вообще всегда отличался излишней мягкостью по отношению к меньшевикам и мог по доброте согласиться взять на хранение документы⁷¹. Помню, что на такое заступничество я реагировал очень резко.

Д. Рязанов

ВОПРОС: Вас выслали из Москвы как пособника антисоветской организации так называемого "союзного бюро ЦК меньшевиков". То, что вы отрицаете этот факт до последнего момента, то это только характеризует лишний раз Вас как человека неисправимого, неправдивого. Но этого мало: вы даже сейчас не имеете мужества признать, что отрицая обвинение по делу пособничества "Союзному бюро" ЦК меньшевиков, вы среди вашего окружения делали клеветнические провокационные заявления в отношении т. Сталина и сводили действительное существо обвинения вас тем, что у вас "шли разногласия со Сталиным на политическом фронте"?

ОТВЕТ: Все мои соображения по этому делу я высказал уже в своих заявлениях в Политбюро и устно в 1934 г. Шкирятову, Ярославскому и Крыленко.

Д. Рязанов

ВОПРОС: Вы не ответили на поставленный вопрос. Ответьте - клеветнические высказывания и провокационные заявления в отношении тов. Сталина конкретно в присутствии Каспарова и Куреневского - вы подтверждаете?

ОТВЕТ: Никаких клеветнических заявлений в отношении тов. Сталина никому не делал. Куреневского не знаю. Слышал от Каспаро-

вой и других, что это фрайер и болтун. Мои выступления против Сталина прекрасно известны старым товарищам как и мои разногласия с ним.

Известны также все пункты согласия. Прибавляю, что разногласия с Сталиным являются так же мало преступлением, как и разногласия с Лениным. Их можно квалифицировать как политические ошибки, но это не акты, подлежащие уголовному воздействию.

Д.Рязанов

ВОПРОС: Вам предъявляют обвинения не за разногласия, а за проявления контрреволюционного характера. Следствие располагает данными о ваших контрреволюционных клеветнических высказываниях помимо предъявленных - рядом других случаев, в частности, известны ваши клеветнические высказывания о ряде руководящих работников ВКП(б), в связи с оценкой ваших материалов и решений 7-го конгресса Коминтерна.

ОТВЕТ: Мне они не известны. Я вообще не понимаю, какое отношение могут иметь для моего дела излагания неизвестными мне людьми.

Д. Рязанов

ВОПРОС: Бердичевский вам известен. Какие антисоветские клеветнические разговоры с ним велись?

ОТВЕТ: Бердичевский обращался ко мне с просьбой предоставить в его распоряжение английские книги. Он же указал мне на то, что в Институте механизации сельского хозяйства имеются иностранные книги, представляющие интерес для научной библиотеки. Руководствуясь этим указанием, я осмотрел эту библиотеку и действительно нашел в ней ряд книг, институту нужных. Вопрос об их приобретении затянулся из-за разногласий в цене. Никаких политических разговоров с ним я не вел.

Д. Рязанов

ВОПРОС: Вы скрываете от следствия факт разговора, известного Бердичевскому с ваших слов, по поводу злодейского убийства Кирова. Вы объясняли причину теракта над С.М. Кировым - мотивами личного характера, отвергая факт террора, совершенного террористами зинovieвцами, вы утверждали, что зинovieвцы никакого отношения к этому убийству не имели и что ЦК учинил по поводу убийства С.М. Кирова - "расправу над оппозицией".

ОТВЕТ: Дикая, несуразная ложь.

Д. Рязанов

ВОПРОС: Вы стоите на ложном пути, отрицая ряд фактов изобличающих вас в антисоветских активных проявлениях. Следствие предлагает вам изменить свое поведение на следствии, перестать заpirаться, т.к. вы будете и дальше изобличаться. Ваше поведение на следствии только усугубляет вашу ответственность.

ОТВЕТ: Принимаю к сведению. Готов нести ответственность за действительно совершенные мною акты антисоветского характера. Показываю только правду.

Д. Рязанов

(АУ ФСБ, Саратов. N 14408, л.21 - 24. Автограф).

50

*Управление НКВД по Саратовской области
VI-й Отдел*

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Обвиняемого РЯЗАНОВА Д.Б.

от 22 ноября 1937 г.

ВОПРОС: Следствие располагает данными о вашем участии в антисоветской право-троцкистской организации. Признаете ли вы это?

ОТВЕТ: Нет, не признаю.

ВОПРОС: Будучи в гор. Саратове поддерживали ли вы связь с СМИРНОВЫМ И.Н. в период его пребывания в Саратове?

ОТВЕТ: Да, я имел встречи с СМЕРНОВЫМ И.Н. в 1931 году и в начале 1932 года, т.е. до его отъезда из Саратова - в то время СМЕРНОВ был членом ВКП(б).

ВОПРОС: Как часто вы бывали у Ревекки Грюнштейн?

ОТВЕТ: Я бывал у Грюнштейн, равно как и она бывала у меня вплоть до ее отъезда из Саратова, т.е. до 1934 г.

ВОПРОС: Ваши связи с И.Н. СМЕРНОВЫМ и с ГРЮНШТЕЙН не являлись обычным личным знакомством, а были политическими связями единомышленников, проводящих антисоветскую работу против руководства ВКП(б) и Соввласти. Мы предлагаем вам прекратить заpirательство и дать признание о своей антисоветской деятельности, которую вы не прекращали до дня вашего ареста.

ОТВЕТ: Нет, я отрицаю свою антисоветскую деятельность и связь с Грюнштейном и Смирновым, как с единомышленниками по антисоветской работе.

ВОПРОС: Признаете ли вы факт получения от вас информации ГРЮНШТЕЙН и КАСПАРОВЫМ о пребывании Троцкого в Норвегии?

ОТВЕТ: Я сейчас не могу восстановить в памяти, говорил ли я об этом ГРЮНШТЕЙН и КАСПАРОВУ по этому вопросу, хотя допускаю, что мог говорить.

ВОПРОС: Мы еще раз предупреждаем вас о том, что в распоряжении следствия имеются изобличающие вас данные, как о вашем участии в антисоветской организации, так и вашей руководящей роли в этой антисоветской организации в г. Саратове.

Прекратите ли вы запирательство и будете ли давать правдивые показания?

ОТВЕТ: Я антисоветской работы не вел и по-прежнему заявляю, что участником антисоветской организации не состоял.*

Протокол допроса подписываю только вместе с дополнениями и разъяснениями в приложенном к протоколу заявлении

Д. Рязанов

ДОПРОСИЛИ:

Нач. IV Отдела УГБ УНКВД по Саробласти
КАПИТАН Г.Б (Вишневецкий)
ЗАМ.НАЧ. 4 ОТД. ЛЕЙТЕНАНТ Г.Б. (Епифанов)

(АУ ФСБ, Саратов., Н ОФ - 14408, л. 184 - 185. Машинопись. Текст Рязанова - автограф).

51

ЗАЯВЛЕНИЕ

к протоколу допроса от 22 ноября 1937 г.

К первому вопросу. Если следствие располагает данными о моем участии в антисоветской право-троцкистской организации, то мне они совершенно неизвестны. Ни в какой антисоветской право-троцкистской организации никогда не состоял и состоять не могу, так как это находилось бы в вопиющем противоречии со всей моей революционной деятельностью. Я был членом партии и ни к каким группировкам и фракциям никогда не примыкал.

* Далее вычеркнуто: "Изложенное записано с моих слов правильно и мной прочитано". - Я.Р., Р.М.

К второму вопросу: Смирнова И.Н. я знаю лично со времени Октябрьской революции и как секретаря Ц.К., и как старого большевика. В Саратове встречался с ним только как со старым товарищем по партии.

После его отъезда не поддерживал с ним никаких связей и о дальнейшей судьбе его узнавал только из газет.

К третьему вопросу. Грюнштейн я знаю со времени первой революции с 1906 г., когда она состояла членом военной организации большевиков. В Москве часто встречал ее в обществе политкаторжан, секретарем которого она состояла. Адрес ее в Саратове мне был сообщен в местном Г.П.У. Отмечу, что первая квартира, предложенная мне в Саратове, помещалась в том самом доме, в котором жила Грюнштейн.

К четвертому вопросу. Из предыдущих заявлений вытекает, что знакомство с Смирновым и Грюнштейн действительно не являлось обычным личным знакомством, а знакомством, основанным на старых партийных отношениях. И со Смирновым и с Грюнштейн мне пришлось часто спорить по многим вопросам в особенности по вопросу о роли, которую играл Троцкий в истории революционного движения вообще и в Октябрьской революции.

К пятому вопросу. Более точно на этот вопрос я мог бы ответить, если бы знал дату переезда Троцкого в Норвегию. До фашистского переворота в Германии я, кроме "Humanité", получал "Rote Fahne", "Berliner Tagesblatt": Каспарова как бывший член ЦИКа и его бюджетной комиссии, а также член Коминтерна, в отличие от Грюнштейн интересовалась сильно вопросами международного характера и брала у меня иногда немецкие газеты. Таким образом известие о переезде Троцкого она могла получить непосредственно от меня или из взятых у меня газет. Прибавлю, что всякий, кто следил внимательно даже за русским изданием Коминтерна, мог из различных корреспонденций и статей узнавать о передвижениях Троцкого.

К шестому вопросу: Я уверен, что если бы следствие сообщило мне, какие данные имеются в его распоряжении о моем участии в какой-то антисоветской организации, да еще о моей руководящей роли в этой организации в г. Саратове, то я легко бы доказал, что они основаны на ложных, облыжных и гнусных доносах всяких людей, невежество и очковтирательство которых я имел случай неоднократно обличать и подчеркивать, как лично им, так в том числе руководящим органам НКВД и партии.

Д. Рязанов
22 ноября 1937

52

СПРАВКА о Д.Б. Рязанове

Саратов, перед 25 ноября 1937 г

"Утверждаю"

*Нач. 1 отдела УГБ НКВД по Сар. области
Капитан государственной безопасности (Вишневецкий)
ноябрь 1937 г.*

СПРАВКА

Следствием установлено, что РЯЗАНОВ Д.Б. изобличается в том, что является одним из активных участников контрреволюционной террористической организации, существовавшей в Саратове.

На основании этих данных РЯЗАНОВ Д.Б. 23 июля 1937 г. арестован и привлечен к уголовной ответственности по следственному делу N 9624.

*Опер. уполномоченный 4 отдела
мл. лейтенант Г Б Кочанова*

(АУ ФСБ, Саратов, N ОФ - 1565, л.3. Автограф на бланке)

53

"Утверждаю"

*Нач. Управления НКВД по Саробласти
Майор Гос. Без. (СТРОМИН)
XI 1937 год*

СПРАВКА

На арест РЯЗАНОВОЙ Анны Львовны

РЯЗАНОВ Д.Б. привлекается к ответственности как один из активных членов контрреволюционной право-троцкистской террористической организации, существовавшей в г. Саратове. Семья РЯЗАНОВА Д.Б. - РЯЗАНОВА Анна Львовна, 1878 г. рождения, проживает в г. Саратове, ул. Камышинская, 85 кв. 1

Жена Рязанова Анна Львовна знала о посещении ее мужа анти-советских лиц, а потому, руководствуясь приказом НКВД СССР N 00486,

ПОСТАНОВИЛ:

РЯЗАНОВУ Анну Львовну обыскать, арестовать. До окончания расследования содержать под стражей в Саратовской тюрьме.

Имущество РЯЗАНОВОЙ А.Л. сдать в Саратовский ГОРФО, с последующей передачей в доход государству.

По окончании расследования дело РЯЗАНОВОЙ А.Л. направить на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР.

Сотрудник IV Отдела Клименко

СОГЛАСЕН:

Нач. IV Отдела УГБ УНКВД по Саробласти капитан Г.Б. Вишневецкий (подпись)

(АУ ФСБ, Саратов, N ОФ - 15165, л.1. Машинопись на бланке. Подписи - автограф).

54

Ордер на арест А.Л. Рязановой

25 ноября 1937 г.

УПРАВЛЕНИЕ
*Народного Комиссариата Внутренних дел по Сар. обл.
Управление Государственной Безопасности*

ОРДЕР N 2261

ноября дня 1937 г.

Выдан Управлением Государственной безопасности УНКВД тов. _____ на производство обыска и ареста Рязановой Анны Львовны, по адресу Камышинская, 85, кв. 1.

*Начальник УНКВД Сар. области,
Майор Государственной безопасности Славатинский
Нач. 2 Отделения УНКВД С/О Лейтенант (подпись)*

(АУ ФСБ, Саратов. N ОФ-15165, л.7. Автограф на бланке).

55

Протокол допроса А.Л. Рязановой

Саратов, 28 ноября 1937 г.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПО САР. ОБЛАСТИ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
к делу _____

1937 г. ноября мес. 28 дня Я, сотрудник IV отд. УНКВД допросил

1 Фамилия - Рязанова

2 Имя и отчество - Анна Львовна

3 Дата рождения - 1878 г.

4 Место рождения - г. Оргеев, Бессарабия.

5 Место жительства - г. Саратов, Камышинская, 85, кв. 1

6 Нац. и граж. (подданство) - еврейка, гражданка СССР

7 Паспорт - МУ N 554453, выдан отделением РКМ г. Москвы

8 Род занятий - пенсионерка

9 Социальное происхождение - Из семьи купца. Был 1 дом у матери.

10 Социальное положение (род занятий и имущественное положение)

а) до революции - служащая

б) после революции - служащая

11 Состав семьи

12 Образование (общее, специальное) - самообразование

13 Партийность - В прошлом и настоящем член ВКП(б) с 1899 года

14 Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)

а) до революции - арестовывалась много раз за революционную работу

б) после революции - не подвергалась

15 Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при Сов. власти - не имею

16 Категория военного учета-запаса и где состоит на учете - не состою

17 Служба в Красной армии (красн. гвард., партизан. отрядах) когда и в качестве кого - не служила

18 Участие в бандах, к-р.организациях и восстаниях - не участвовала

20 Сведения об общественно-политической деятельности - принимала участие во всех видах общественно-политической работы.

А. Рязанова

Показания обвиняемого (свидетеля) РЯЗАНОВОЙ АННЫ ЛЬВОВНЫ
28 ноября 1937

Об ответственности за дачу ложных показаний предупреждена

ВОПРОС: Как давно вы знаете своего мужа Рязанова?

ОТВЕТ: Знаю Рязанова сорок лет тому назад

ВОПРОС: Ваш муж Рязанов арестован и привлекается к ответственности за контрреволюционную деятельность. Что вам известно по этому поводу?

ОТВЕТ: О контрреволюционной деятельности своего мужа Рязанова мне ничего не известно

А. Рязанова

Допросил сотрудник IV отдела Клименко

(АУ ФСБ, Саратов. N ОФ - 15165, л.6-7. Автограф на бланке).

56

“УТВЕРЖДАЮ”

Нач. Управления НКВД по Саратовласти

Майор Г.Б. (Стромин)

15 декабря 1937 г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по обвинению Рязановой Анны Львовны

Управлением НКВД по Саратовской области вскрыта и ликвидирована контрреволюционная право-троцкистская террористическая организация. Активным участником этой организации являлся Рязанов Д.Б.

Жена Рязанова Д.Б. - Рязанова Анна Львовна.

ПРЕДЛАГАЮ:

Руководствуясь приказом НКВД СССР N 00486 дело на Рязанову Анну Львовну, 1978 г. рождения, уроженку гор. Оргеева (Бессарабия) бывш. чл. ВКП(б), еврейку, дочь купца, пенсионерку, занимающуюся самообразованием, - направить на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР.

СПРАВКА: Обвиняемая Рязанова А.Л. содержится под стражей в Саратовской тюрьме с 25 го ноября 1937 г.

Сотрудник IY отдела Клименко

СОГЛАСЕН.

*Нач. IV Отдела УГБ УНКВД по Саратовской области
капитан Гос. без. Вишневецкий*

(АУ ФСБ, Саратов, N ОФ – 15165, л.8. Машинопись. Подписи - автограф).

57

"Утверждаю"

*Управление НКВД по Саробласти Г.Б. (СТРОМИН)
19 января 1938 г.*

"Утверждаю"

*Прокурор
19 января 1938 г.*

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По следственному делу N 9634 по обвинению РЯЗАНОВА Давида Борисовича по ст. 17 - 58 пн. 8 и 58 пн. 10 и 11 УК РСФСР

Управлением Государственной Безопасности УНКВД по Саратовской области вскрыта и ликвидирована антисоветская право-троцкистская диверсионная, вредительская организация, существовавшая в Саратовской области и АССР Немцев Поволжья и возглавлявшаяся Криницким, Барышевым, Антиповым и др.

Антисоветская правотроцкистская организация в Саратовской области свою контрреволюционную деятельность проводила под руководством союзного нелегального антисоветского право-троцкистского центра.

Как установлено следствием, конечной целью антисоветской организации являлось свержение Советской власти и реставрация капитализма, исходя из чего данная антисоветская организация своей задачей ставила активную борьбу против ВКП(б) и Советской власти:

а) насильственного устранения руководителей ВКП(б) и Совправительства как путем подготовки и осуществления над ними террористических актов, так и путем организации контрреволюционно-вооруженного восстания против Советской власти,

б) подрыва экономической и оборонной мощи Советского государства путем организации и проведения диверсионных актов и вредительства во всех областях народного хозяйства Союза ССР и, главным образом, в области промышленности и сельского хозяйства. С целью создания экономических затруднений в стране, возбуждения на этой базе недовольства населения ВКП(б) и Советским правительством и использования этого недовольства для целей вооруженного восстания против Соввласти.

Одним из участников данной антисоветской организации являлся РЯЗАНОВ, который на основании этого 23 июля 1937 года был арестован и привлечен к уголовной ответственности.

Следствием установлено, что РЯЗАНОВ, находясь в административной ссылке в Саратове, в 1931 г. сначала установил политические и организационные связи с членом Союзного параллельного к-р троцкистско-зиновьевского центра Смирновым И.Н. и участниками созданной им в Саратове к-р троцкистской террористической группы - Грюнштейнами Реевкой и Карлом, Каспаровыми Георгием и Варварой, Смирновыми Ольгой и Розой и Киевленко, разделяя их враждебное отношение к руководству ВКП(б) и Совправительству, а потом и сам примкнул к созданной вышеуказанными лицами к-р троцкистской террористической организации.

Участник к-р троцкистской организации АНИСИМОВ Г.Д. по этому вопросу показал: " ... Встречаясь с Рязановым у Реевки Грюнштейн, я сам вел с ним беседы, из которых мне было совершенно ясно, что Рязанов вполне разделяет наши контрреволюционные взгляды, и что он Рязанов относится лично к Троцкому вполне сочувственно.

Говоря со мной о Рязанове, Реевка Грюнштейн характеризовала его как вполне сочувствующего нашим политическим позициям, враждебным партии, и нашей подпольной деятельности ...

Рязанов поддерживал со всей нашей подпольной группой и лично с И.Н. Смирновым самые близкие отношения, зная о нашей подпольной деятельности ... получал нашу нелегальную литературу" (л.д. 43 - 44).

Систематически встречаясь в 1931 - 34 гг. с участниками вышеуказанной к-р троцкистской организации, РЯЗАНОВ занимался дискредитацией ВКП(б) и Соввласти, получая от участницы группы Грюнштейн нелегальную к-р троцкистскую литературу и в свою очередь информировал контрреволюционную организацию о поездке и пребывании Троцкого в Норвегии (п.с.)

Участник к-р троцкистской организации АНИСИМОВ Г.Д. показал: "Мне известно от Ревекки Грюнштейн и Каспаровых, что Рязанов поддерживал с ними систематически близкие связи до ареста Каспаровой в марте 1933 года и Грюнштейнами до отъезда их из Саратова весной 1934 года ...

... Рязанов в своих высказываниях проявляет крайнюю враждебность лично к Сталину...

В январе или феврале 1933 года РЯЗАНОВ, придя на квартиру Грюнштейнам, где я находился, завел разговор о "голодных походах" в Америке, придавая этому явный смысл в насмешливом тоне выраженного клеветнического сопоставления в эконом. положении в СССР ...

Наша троцкистская группа получала от Рязанова информацию о поездке и пребывании Троцкого в Норвегии (п.д. 43 - 44).

В этот же период РЯЗАНОВ установил постоянную связь с меньшевиками ЛИБИХ, БАЗАРОВЫМ и БЕРДИЧЕВСКИМ, отбывавшими себе наказание за к-р меньшевистскую деятельность в Саратове (п.д. 3)⁷²

В 1931 - 32 гг. РЯЗАНОВ имел встречи с быв. членами Саратовского краевого центра правых - СЛЕПКОВЫМ и ПЕТРОВСКИМ.

Активная участница к-р организации ЛЕВИНА Т.Р. по этому вопросу показала: Рязанов поддерживал со всей нашей подпольной группой и лично с И.Н. Смирновым самые близкие отношения, зная о нашей подпольной деятельности... получал нашу нелегальную литературу" (п.д. 43 - 44).

Систематически встречаясь в 1931 - 1934 гг. с участниками вышеуказанной к-р троцкистской организацией, РЯЗАНОВ занимался дискредитацией ВКП(б) и Соввласти, получал от участницы группы ГРЮНШТЕЙН нелегальную к-р троцкистскую литературу и в свою очередь информировал контрреволюционную организацию о поездке и пребывании Троцкого в Норвегии (п.с. 6 - 10)⁷³.

"Со слов СЛЕПКОВА мне известно, что он с РЯЗАНОВЫМ встречался. СЛЕПКОВ характеризовал РЯЗАНОВА как человека, враждебно настроенного к руководству ВКП(б), твердого и не сошедшего со своих позиций (п.д. 45).

В 1934 - 35 г. РЯЗАНОВ установил к-р связи с руководством Саратовской право-троцкистской организации - ЛИПЕНДИНЫМ и БАРЫШЕВЫМ и пользовался их политической и материальной поддержкой.

Свидетель РАМЗАЕВ - быв. директор Саратовского госуниверситета по этому вопросу показал: Наркомпрос категорически предложил прекратить выдачу РЯЗАНОВУ денег и освободить его от работы в университете, а Крайком категорически предложил платить... ЛИПЕНДИН грубо заявил мне, что есть словесная директива Крайкома (о содержании Рязанова) и безоговорочно выполнить ее, если хочешь иметь партбилет в кармане... высылка Рязанова была недоразумением ... Зайди к Барышеву, он тебя не так взреет, как я. (п.д. 50 - 52)⁷⁴.

В 1935 году РЯЗАНОВ установил тесную связь с прибывшим в ссылку в г. Саратов троцкистом-террористом ЗЕЙДЕЛЬ, который был проинформирован об организованной подпольной деятельности троцкистов, находящихся в других городах и ссылках (п.д. 3-4).

В 1934 году РЯЗАНОВ открыто клеветнически выступал против руководства ВКП(б).

Свидетель РАМЗАЕВ Д. показал: "С первых же дней своей работы РЯЗАНОВ заявил, что к нему на целый выстрел не должны подходить ни партийная, ни комсомольская, ни профессиональная ни другие какие-либо организации" ... "Я всю свою жизнь с этими организациями боролся и органически их не переносу", - заявил он ... На мое заявление РЯЗАНОВУ, что это поведение не может быть оправдано... Рязанов резко заявил: "история еще покажет, я прав или Ленин и Сталин", хлопнул дверью и ушел" (п.д. 50)

РЯЗАНОВ занимался журналистской и научной работой по социальным дисциплинам, извращал в к-р духе учения Маркса, Энгельса и Ленина и делал к-р выпады в отношении руководящих партийных инстанций, что подтверждается обнаруженными у него во время обыска материалами (п.д. 65,66,83).

РЯЗАНОВ виновным себя не признал, хотя и показал, что имел связь: с СМИРНОВЫМ И.Н., СМИРНОВЫМИ Ольгой и Розой, ГРЮНШТЕЙН Реевкой и Карлом, КАСПАРОВЫМИ Георгием и Варварой, КИВЛЕНКО, ЗЕЙДЕЛЬ, СЛЕПКОВЫМ, ЛИБИХ, БАЗАРОВЫМ и БЕРДИЧЕВСКИМ.

Изобличается показаниями участников контрреволюционной организации АНИСИМОВА Г.Д., и ЛЕВИНОЙ Т.Р., свидетеля РАМЗАЕВА Д. и отобранными при обыске материалами.

На основании вышесказанного:

"РЯЗАНОВ Давид Борисович, 1970 г.р., русский, гр-н СССР, урож. г. Одессы, из семьи торговца, научный работник, женат, образование незаконченное среднее, быв. член ВКП(б) с 1889 года, исключен в 1931 году за к-р деятельность, в 1931 году решением Особого Совещания быв. ОГПУ был выслан в гор. Саратов на 3 года, наказание отбыл.

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ, что являлся участником контрреволюционной троцкистской террористической организации, подготовившей и

совершившей 1 декабря 1934 года злодейское убийство тов. С.М. КИРОВА и подготовившей в последующие годы (1935 - 36 г.г.) террористические акты против других руководителей ВКП(б) и Совправительства.

а) находясь в административной высылке в г. Саратове, установил политические связи с членом параллельного контрреволюционного троцкистско-зиновьевского центра СМИРНОВЫМ И.Н. и участниками созданной им в Саратове к-р троцкистской террористической организации Грюнштейнами Ревеккой и Карлом, Каспаровыми Георгием и Варварой, Смирновыми Ольгой и Розой и Киевленко,

б) разделяя враждебное отношение к-р троцкистской террористической организации СМИРНОВА И.Н. к руководству ВКП(б) и Совправительства, систематически встречался в 1931 году с участниками ее и полностью поддерживал проводимую ими к-р троцкистскую работу,

в) вплоть до 1934 года получал от участницы к-р троцкистскую литературу и в свою очередь информировал к-р организацию о поездке и пребывании Троцкого в Норвегии,

г) в 1931-32 гг. имел встречи с руководителями Саратовской к-р организации правых СЛЕПКОВЫМ и ПЕТРОВСКИМ,

д) в 1934-35 г.г. был связан с руководителями Саратовской к-р право-троцкистской организации Липендиным и Барышевым и пользовался их политической и материальной поддержкой,

е) занимаясь журналистикой и научной работой по социальным дисциплинам, пытался опошлить в к-р духе учение Маркса - Энгельса - Ленина, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. ст. 17 - 58 пп. 8 и 58 пп. 10 и 11 УК РСФСР.

Вследствие изложенного обвиняемый РЯЗАНОВ Давид Борисович подлежит суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР в порядке закона от 1 декабря 1934 года.

Материалы в отношении других участников, проходящих по делу, выделены в особое производство.

Опер. уполномоченный 6 Отделения 4 Отдела УГБ
сержант Г.Б. Г. Цепяев

СОГЛАСЕН:
Нач. 4 Отдела УГБ УНКВД капитан Г.Б. Вишневецкий

58

Расписка

20 января 1937 г.

Мною, нижеподписавшимся, РЯЗАНОВЫМ Давидом Борисовичем, получена копия обвинительного заключения по моему делу о предании меня суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Подсудимый Д. Рязанов

Вручил: Секретарь Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР
Военный юрист 1 ранга КОСТЮШКО

(АУ ФСБ, Саратов, Н ОФ - 14408, л.197. Автограф на бланке).

59

Дополнительные обвинения

Саратов, перед 19 января 1938 г.

Нач. упр. НКВД Сар. Обл.

“УТВЕРЖДАЮ”
Майор Госбезопасности Стромин
" " января 1938 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1938 января "____" дня г. Саратов

Я, Опер. Уполномоченный IV Отдела УГБ НКВД по Саратовской области сержант Г.Б. Цепяев, рассмотрев материалы следдела N 9034 по обвинению по ст. 58 пп.10 и 11 УК РСФСР - Рязанова Давида Борисовича, 1870 г. рождения, научный работник, б. член ВКП(б), исключен в 1931 г. за к/р деятельность, в 1931 г. был выслан в г. Саратов, и принимая во внимание, что РЯЗАНОВ являлся участником контр-революционной террористической диверсионно-вредительской право-троцкистской организации в Саратове, которая ставила своей задачей устранение существующего руководства ВКП(б) и Советского правительства путем террора.

ПОСТАНОВИЛ:

РЯЗАНОВУ Давиду Борисовичу предъявить дополнительное обвинение по ст. 17-58 п. 8 УК РСФСР.

Опер. Уполномоченный IY Отдела УГБ Сержант Г.Б. Цепяев

СОГЛАСЕН:

*Нач. 1У Отдела УГБ УНКВД по Сар. области
- капитан Г.Б. Вишневецкий*

(АУ ФСБ, Саратов, N ОФ - 14408, л. 188а. Машинопись. Подписи - автограф).

60

**Протокол подготовительного заседания
Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР**

"20" января 1938 г. гор. Саратов

Председатель корвоенюрист И.О. Матулевич

Члены: Бригвоенюристы Стельмахович и Ждан

Секретарь Военный юрист 1-го ранга Костюшко

Участует пом. глав. военного прокурора Липов

СЛУШАЛИ: Дело с обвинительным заключением УГБ НКВД по Саратовской области, утвержденным пом. глав. воен. прокурора РККА военным юристом 2-го ранга т. ЛИПОВЫМ по обвинению РЯЗАНОВА Давида Борисовича, предусмотренных ст.ст. 58 - 8 и 58 - 11 УК РСФСР.

ОПРЕДЕЛИЛИ: 1. С обвинительным заключением, утвержденным пом. глав. воен. прокурора РККА т.ЛИПОВЫМ согласиться и дело принять к производству Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР в порядке закона от 1 декабря 1934 года.

2. Рязанова Давида Борисовича предать суду по ст.ст. 58 - 8 и 58 - 11 УК РСФСР.

3. Дело назначить к слушанию в закрытом судебном заседании без участия защиты и обвинения и без вызова свидетелей.

4. Меру пресечения в отношении Рязанова Давида Борисовича оставить прежнюю, т.е. содержание под стражей.

Председатель Матулевич

Секретарь Костюшко

(АУ ФСБ, Саратов, N ОФ - 14408, л. 196. Машинопись. Подписи автограф).

**ПРОТОКОЛ ЗАКРЫТОГО СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ
ВЫЕЗДНОЙ СЕССИИ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР**

"21" января 1938 года Город Саратов

Председательствующий корвоенюрист Матулевич

Члены Бригвоенюристы Ждан и Стельмахович

Секретарь военный юрист 1 ранга Костюшко

Заседание открыто в 19 час. 45 мин. Председательствующий объявил, что подлежит рассмотрению дело по обвинению РЯЗАНОВА Давида Борисовича

в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58 - 8 и 58 - 11 УК РСФСР

Секретарь доложил, что подсудимый в суд доставлен и что свидетели по делу не вызывались.

Председательствующий удостоверяется в самоличности подсудимого и спрашивает его, вручена ли ему копия обвинительного заключения, на что подсудимый ответил, что получил. Подсудимому разъяснены его права на суде и объявлен состав суда.

Подсудимый никаких ходатайств, а также отвода составу суда не заявил.

По предложению председательствующего секретарем оглашено обвинительное заключение.

Председательствующий разъяснил подсудимому сущность предъявленных ему обвинений и спросил его, признает ли он себя виновным, на что подсудимый ответил, что виновным себя не признает.

Показания ГРЮНШТЕЙН о том, что он бывал у нее на квартире, где велись враждебные разговоры, в отношении руководителей партии и правительства - не верны. На квартире Грюнштейн он бывал неоднократно, но по своим личным делам и никаких к/р разговоров не вел.

Свои показания на предварительном следствии он подтверждает полностью и заявляет, что больше дополнить судебное следствие не имеет.

Председательствующий объявил судебное следствие законченным и предоставил подсудимому последнее слово, в котором он заявил, что он всегда боролся против троцкизма. В своих убеждениях он не искал ни союзников, ни сочувствующих, а поэтому это и исключает его участие в право-троцкистской организации. В Саратове у него также не было никаких связей, а поэтому он категорически отрицает свое участие в к/р организации.

Суд удалился на совещание.

По возвращении суда с совещания Председательствующий огласил приговор.

В 20 ч.00 м. заседание закрыто.

Председательствующий корвоенюрист И. Матулевич

Секретарь военный юрист 1 ранга А. Костюшко

(АУ ФСБ, Саратов, N ОФ - 14408, л. 198. Машинопись. Подписи - автограф).

62

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик выездная сессия Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР в составе:

Председательствующего: корвоенюриста МАТУЛЕВИЧ И.О.

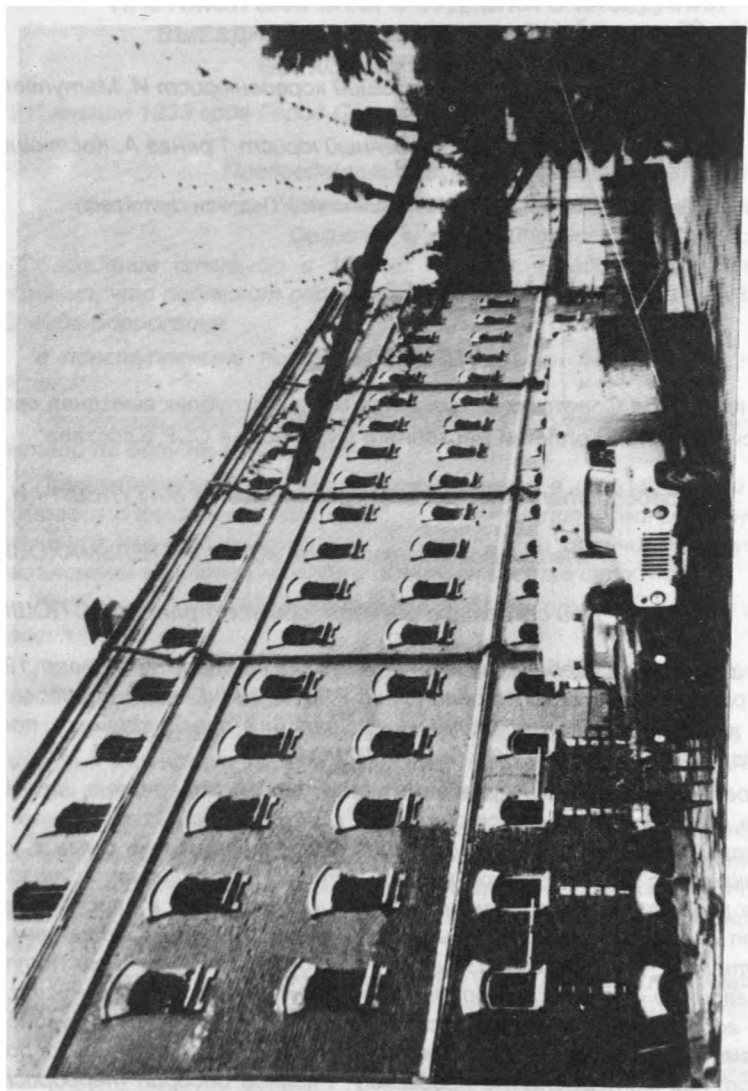
Членов: Бригвоенюристов ЖДАН и СТЕЛЬМАХОВИЧ

При секретаре военном юристе 1 ранга КОСТЮШКО

В закрытом судебном заседании в гор. Саратове 21 января 1938 года рассмотрела дело по обвинению РЯЗАНОВА Давида Борисовича, 1870 г.рождения, без определенных занятий, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58 - 8 и 58 - 11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Рязанов, находясь в административной ссылке в гор. Саратове за а/с деятельность, в 1931 году установил организационную связь с участниками а/с троцкистской террористической организации, созданной в гор. Саратове врагом народа Смирновым И.Н., а впоследствии вошел в состав указанной выше организации и стал активным ее участником. Вплоть до 1934 года Рязанов систематически получал нелегальную троцкистскую литературу для а/с деятельности. С 1934 года Рязанов установил связи по а/с деятельности с руководителями правотроцкистской террористической организации и получал от них материальную поддержку. Рязанов одобрил террористический метод борьбы с руководством партии и правительства и распространял клеветнические измышления на партию и советскую власть.

Таким образом, Рязанов совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58/8 и 58/11 УК РСФСР.

Саратовская тюрьма. Современный снимок

Руководствуясь ст.ст. 319 и 320 ЦИК РСФСР, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР ПРИГОВОРИЛА:

Рязанова Давида Борисовича к высшей мере уголовного наказания расстрелу, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

Приговор окончательный и на основании постановления ЦИК СССР от 1/XII - 1934 года подлежит немедленному исполнению.

Председательствующий И. Матулевич корвоенюрист

*Члены: бригавоенюристы С. Ждан
Стельмахович*

(АУ ФСБ, 14408, л. 199. Машинопись на бланке. Подпись - автограф).

63

СЕКРЕТНО

СПРАВКА

Приговор о расстреле Рязанова Давида Борисовича приведен в исполнение в гор. Саратове 21/1 1938 г.

Акт о приведении приговора в исполнение хранится в особом архиве 1-го спец. отдела НКВД СССР том 10, лист N 285.

*Нач. 12 отд-ния 1 Спецотдела НКВД СССР
Лейтенант госбезопасности*

(АУ ФСБ, Саратов, N ОФ - 14408, л.200. Автограф на бланке).

Примечания

ЧАСТЬ 1

¹ К этому документу был приложен "Список арестованных лиц 23-го июля по Филипповскому переулку, ордер N 4515. В нем приводились 39 фамилий и указывались денежные суммы, изъятые у каждого при аресте. Среди арестованных были Р.А. Абрамович, А.Е. Бейлин, В.И. Альтер, А.А. Вецконт, А.Н. Смирнов, Е.С. Берг, Ю.О. Шлейфер, И.И. Шпаковский, Н.К. Борисенко, Д.В. Захаров, С.И. Руссак, Б.А. Тушелевич, В.П. Шестоков, Д.И. Замараев, М.А. Вороничев, П.И. Уханов, А.А. Чиченков, Ю.С. Лейкина, И.П. Ушкин, С.И. Полукаров, П.Н. Усолицев, В.Ф. Комелев, А.А. Лодков, И.И. Храмченков, В.Г. Кац, М.И. Гальберштадт, И.Г. Волков, Чирский, Н.Н. Гледов, Мешковский, Романчук, Зельдович, Пушнянский, П.И. Башкиров, Я.Б. Лабнес, В.И. Матвеев, И.П. Фомичев, Д.В. Смирнов, Вульфев. (ЦА ФСБ, N P - 37 181, т. 4, л.41). Из 39 арестованных деятелей оппозиционных рабочих организаций 14 были освобождены. Над остальными нависла угроза расстрела. Однако Рязанову удалось предотвратить его и добиться их освобождения, взяв их на поруки.

² В следственном деле Рязанова находится заявление А.А. Рауперта от 14 ноября 1918 г., в нем, в частности, говорится: "Август Исаакович Каминка, профессор торгового права I и II Петроградских университетов, декан и профессор Петроградского Коммерческого Института мой старый знакомый и друг, пришел 8-го сего ноября в здание Германского Генерального Консульства, куда я переехал 6 ноября с.г., лично ко мне и по моей просьбе, та как я хотел переговорить с ним о своих личных делах и сообщить ему о своем решении не уезжать из Петрограда вместе с другими германскими подданными, пожелавшими покинуть Россию вместе с консульством. ...Август Исаакович посетил меня в Консульстве впервые, пробыл весьма недолгое время и за несколько минут до его ухода я познакомил его со Шведским Генеральным Консулом господином Эрик Гельборой, вместе с которым он и покинул здание. С февраля у подъезда консульства был поставлен караул, опрашивавший выходящих из консульства и входивших в таковое. Этим караулом Август Исаакович был задержан и препровожден в Чрезвычайную комиссию на Гороховую, 2, куда его сопровождал и Шведский Генеральный Консул. Вследствие протеста Германского Генерального Консульства караул был вскоре снят, причем выражено было, что произошло недоразумение, так как караул предназначался в Австрийское посольство, а не в Германское Генеральное Консульство. Насколько мне известно, по этому вопросу состоялось представление шведского Посольства на имя председателя Народного Комиссариата Северной Коммуны гражданина Зиновьева. Финансовый советник при Германском Генеральном Консульстве в Петрограде" (там же, л. 4-5).

На полях публикуемого документа пометка рукой неизвестного синим карандашом: "Профессор Пергамент просит содействия. Приходил 3.XII".

³ В следственном деле Рязанова хранится справка следующего содержания: "Андрей Афанасьевич Станкевич арестован ... ноября по дороге из Москвы в Петроград. Сидит в Царском Селе, в Чрезв. комиссии до сих пор никакого обвинения не предъявлено. Во время поездки находился в одном вагоне с председ. ком. Афанасьевым, который решил его арестовать за перевозку писем. Письма эти были вскрыты и ничего предосудительного не найдено. Следовательно Савиню и сам Афанасьев неоднократно заявляли, что выпустят его "на днях".

Просит сын - Дмитрий Андреевич. В.Ф. Цезырев должен был в свое время осведомить об этом деле". (ЦА ФСБ, N P-37 181, т.6, л.8).

⁴ В верхнем углу письма - надпись синим карандашом, сделанная неизвестным: "Арестован убежденный сторонник Сов. власти"

⁵ Под письмом рукой неизвестного написано: "29 ноября : записал со слов двух представителей коллегии".

⁶ К истории Всероссийской чрезвычайной комиссии 1917 - 1921. Сборник документов. М., 1958, с.206-207. Ланде (Изгоев) был освобожден 6 января 1919 г.

⁷ Эта справка была приложена к письму А. Брагинского Рязанову от 15 января 1919 г. В нем говорилось: "Посылая Вам сведения о Гоби, скажу несколько слов о Вашей квартире: во вторник мне удалось видеть тов. Кипяткевича, который, однако, ознакомившись с Вашей запиской, заявил мне, что охранительных грамот ими не выдают, но опасаться за целостность квартиры никоим образом не следует, т.к. всякие попытки в этом направлении будут ими в корне пресечены.

Со своей стороны буду навещать к Вам на квартиру и установлю связь, чтобы быть *ou courrant*. Все меры будут мною своевременно приняты.

Кроме того, Давид Борисович, перед отъездом Вы мне сказали, что имеете возможность предложить мне работу в издательстве. Я был бы этому чрезвычайно рад, ибо настоящая моя служба в научном отделе не удовлетворяет меня и, если у Вас есть какие-либо предложения по этому вопросу, то Вы будьте добры передать их мне через Дмитриевского. Вообще я был бы счастлив работать с Вами в контакте". (ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.6, л.16).

⁸ Имеется в виду Илья Львович Виленкин - муж сестры Рязанова Тamarы. Как рассказывала его дочь А.И. Блюменфельд, когда матросы в 1918 г. пришли арестовывать Виленкина, Рязанов сумел спасти его, позвонив секретарю ЦК Е.Д. Стасовой.

⁹ К справке приложено "Медицинское свидетельство", подписанное врачом Н. Воскресенской, 23 сентября 1919 г. об освидетельствовании А.Н. Зимбицкого в Бутырской тюрьме, в ходе которого выяснилось, что он "болен артериосклерозом, хроническим воспалением сердечной мышцы с артериосклерозным перерождением сердечной мышцы, сопровождающимся нарушением функциональной деятельности (отеки конечностей, одышка, усиленное сердцебиение при движениях и т.д.), а также значительным расширением аорты". "Болезненное состояние гражданина Зимбицкого, явно прогрессирующее в последнее время, заставляет полагать, что тюремный режим крайне негативно отражается на его здоровье", - отмечено в документе. Там же, т. 4, л. 36.

¹⁰ К справке приложено поручительство "Всероссийского Союза кооператоров по переработке и сбыту картофеля", датированное 13 октября 1919 г. и адресованное Московской ЧК. В нем содержится просьба отпустить Крылова "под поручительство и полную ответственность в том, что по первому требованию властей он явится". Там же, л. 43.

¹¹ Под текстом справки карандашом написано: "Ольга Владимировна Карпович . т.1 - 11 - 21. Б. Якиманка д.15, кв.4".

¹² На справке имеется пометка: "27 ноября состоялось постановление о подведении П.П. Волконского под амнистию и освобождение под поручительство Красина, Горького и др."

¹³ В следственном деле Рязанова находится удостоверение, в котором говорится о том, что Е.В. Шарко находится на излечении в Петроградской клинике с 13 июня 1919 г. "от душевного расстройств... и 29 августа был выписан по собственному желанию". Там же, л.50.

¹⁴ На справке пометка: "Содержится в Бутырке".

¹⁵ На копии этой справки имеется пометка: "переведен в Бутырку". Там же., т.4, л. 43.

¹⁶ На письме стоит печать с надписью: "Партия Социалистов-Революционеров. Московский Городской Комитет".

¹⁷ К справке приложено "Постановление", в котором говорится о приговоре видным меньшевикам профсоюзным деятелям и депутатам Совета Могилева Особым отделом ВЧК при Реввоенсовете 16 армии Л.А. Зосимовичу, Е. Иоффе, Я. Иоффе, З. Кричеверу, И. Певзнеру, С. Пикус, И. Векслеру, Д. Добкину, Е. Зеленковичу, Л. Ратнеру, и С. Бруку.

Их обвиняли в контрреволюции, признали виновными в "злостной критике действий Советской Власти и ее мероприятий" и приговорили к заключению в Смоленский, Екатеринбургский, Пермский, Казанский, Самарский, Витебский, Тамбовский концлагеря "до окончания Гражданской войны с применением к ним общественно-принудительных работ". Постановление подписано членами тройки Я. Ольским, Хорошпкинским и Бацковским. Там же, т.4, л. 128.

¹⁸ В следственном деле Рязанова находится справка, датированная 30 ноября 1921 г., следующего содержания: "Сестра арестованного Калецкого Исаака Юделевича сообщает, что тов. Шимановский ей сказал о возможности отправки Калецкого на общественные работы в Вологду, между тем как громадное большинство лиц, сидевших по одному делу с Калецким, уже освобождены, осталось в Дерябинских 5 человек, среди которых последним никому в течение всего времени не предъявлено никакого обвинения, кроме того имеется ходатайство Комитета служащих с убедительной просьбой об его освобождении как, с одной стороны, безусловно честного человека, так и необходимого работника. Жена и сестра просят содействия. (Там же, т.8, л.111).

¹⁹ Процесс против Социал-революционеров проходил в Москве с 8 июня до 7 августа 1922 г. Он был сфабрикован ОГПУ по заданию руководства РКП(б), чтобы скомпрометировать ПСР и ее вождей и свести с ними счеты. Для этого у Г.И. Семенова и Л.В. Коноплевой и у ряда других бывших социал-революционеров были получены нужные показания, порочащие ПСР. Обвиняемые были разделены на первую группу (22 человека), где были собраны наиболее видные деятели ПСР, и вторую (12 человек), сотрудничавших с ОГПУ. Западноевропейские социал-демократические партии пытались защитить арестованных и в качестве условия для сотрудничества с III Интернационалом они потребовали, чтобы на процессе не были вынесены смертные приговоры. На проходившей в Берлине 2 - 5 апреля 1922 г. конференции (II, II 1/2, и III Интернационала Н.И. Бухарин и К.Б. Радек согласились с этими условиями и с участием независимых адвокатов в защите обвиняемых. Однако в ходе процесса соглашение было нарушено.

Три независимых адвоката покинули процесс. 15 обвиняемых были приговорены к смертной казни, другие к разным срокам заключения.

8 августа 1922 г. Президиум ЦИК освободил представителей второй группы от наказания, смертные приговоры были заменены другим наказанием. Они

должны были быть приведены в исполнение немедленно, если ПСР прибегнет к методам вооруженной борьбы. См. М. Янсен. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1933.

²⁰ См. ч.1, док. 51.

²¹ Речь идет о 10 видных священнослужителях и мирян Петрограда, приговоренных в ходе процесса Петроградским революционным трибуналом 5 июля 1922 г. к расстрелу. Среди них были митрополит Вениамин и члены обществ. объединенных православных приходов (С. П. Шейн, И.М. Ковшаров, Ю.П. Новицкий, Д.В. Огнев, И.А. Елалич, М.П. Чельцов, Н.К. Чуков, Л.К. Богоявленский, епископ Венедикт). Вместе с другими верующими петроградцами они были обвинены в противодействии изъятию церковных ценностей в Петрограде. Подобные процессы проводились в Москве и других городах согласно директиве политбюро ЦК РКП(б), принятой после секретного письма Ленина членам политбюро от 19 марта 1922 г. (Известия ЦК КПСС, 1990, N 4, с. 191-192). Приговор Петроградского трибунала был обжалован адвокатами А.А. Жижиленко и А.М. Рязанским в прошение, направленном 25 июля 1922 г. в Президиум ВЦИК через Рязанова (ЦА ФСБ, N P-37 181, т.9, л. 9-10). Президиум ВЦИК заменил шести приговоренным смертную казнь на тюремное заключение. Митрополит Вениамин, Шейн, Новицкий и Ковшаров были расстреляны в ночь с 12 на 13 августа 1922 г. См. "Дело" митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). М., 1991.

²² В этом письме митрополит Вениамин потребовал представить доказательства того, что правительство действительно исчерпало все возможности помощи голодающим, а также надежных гарантий использования церковных ценностей лишь на закупку продовольствия. К тому же он отказывался от участия в этой акции без благословения патриарха Тихона.

²³ Имеется в виду созданная в мае 1922 г. организация священнослужителей, выступивших за реформирование православной церкви и резко критиковавшая патриарха Тихона. На эту группу, возглавляемую А.А. Введенским, опиралось руководство РКП(б) в борьбе против патриарха Тихона. Постепенно это движение сошло на нет.

²⁴ Рязанов Д.Б. Маркс и Энгельс. Лекции, читанные на курсах при Социалистической академии. М., 1923.

²⁵ Комиссия XII съезда РКП(б) по рассмотрению жалоб и заявлений 18 апреля 1923 г. постановила "Жалобу Д. Рязанова на неправильные действия ГПУ - признать необоснованной".

²⁶ Текст данного манифеста был опубликован в сокращенном виде в Германии в "Kommunistische Arbeiterzeitung" и опубликован затем в виде брошюры. В 1967 г. он был воспроизведен в книге "Selbstkritik des Kommunismus", изданной Г. Хамманом.

²⁷ Имеется в виду XII съезд РКП(б), который проходил в Москве с 17 по 25 апреля 1923 г.

²⁸ Пять писем Бовшовского из Самарканда от 22 ноября, 3, 5, 13 и 23 декабря 1923 г. находятся в следственном деле Рязанова. (ЦА ФСБ N P - 37 181, т. 6, л.34-41).

²⁹ Имеется в виду член ЦК РСДРП (меньшевик) Исаак Астров, друг Ю.О. Мартова, который был отправлен в ссылку в Туркестан в одном товарном ваго-

не с большим тифом, заболел этой болезнью и умер в Самаре.Его жена после этого покончила жизнь самоубийством.

³⁰ В следственном деле Рязанова находится справка следующего содержания: " Кисель-Загорянский Владимир Николаевич. Родился в 1901 г. Кончил гимназию. Последнее время состоял на службе в Госстрое в должности старшего десятника. Был арестован 4 - 5 апреля 1924 г. Получил постановление 21 июня того же года с предъявлением и 99 статей и был приговорен к трем годам концлагеря ... и отбывает наказание в Бутырской тюрьме". (Там же, т.4, л. 112).

³¹ В следственном деле Рязанова хранится адресованное ему письмо Л. Хухриной от 14 февраля 1928 г. В нем отмечалось: "Не откажите в просьбе принять и выслушать Ольгу Ивановну Звягинцеву, жену Н.Н. Звягинцева, о котором я вам писала с просьбой помочь в его деле. Надеюсь, не откажете в моей просьбе". (Там же, т.6, л.53).

³² См. там же, л. 55 - 61.

³³ В следственном деле Рязанова находится справка следующего содержания: "Дело Варшавского после того как было сказано, что дело его будет в ближайшие дни в Москве, 2 недели тому назад отправлено. Но постановление осталось в Ленинграде, где оно должно было бы решиться в марте в отношении всех, а 14 - 15 февраля по отношению к некоторым в благоприятном смысле. 14-го же было сказано, что опять отложено до 10 марта. Явно, что это будет очень длительно". (ЦА ФСБ. N P-37 181, т.6, л. 131).

³⁴ В одном из писем старых революционеров в президиум ЦИК СССР в 1928 г. отмечалось: "Из разных мест Союза до нас доходят сведения о тяжелом материальном положении политически высланных. Тяжесть материального положения их чрезвычайно усугубляется тем, что очень часто на местах высланных лишают возможности трудиться, служить.

Бывают случаи, когда лицо, получившее работу в том или ином государственном учреждении, снимают с должности под тем предлогом, что высланный лишен политических прав и поэтому не может быть сотрудником учреждения. Наблюдаются также такие случаи, когда высланного вообще не принимают на работу и всюду он встречает отказ только потому, что его постигла административная репрессия...

Нужно отметить, что такие отказы бывают и в местностях, где далеко нет безработицы и где высланные могли бы легко применить свои познания и опыт".(Незаконный труд: Из архива В.Н. Фигнер. Публикация Я.В. Леонтьева и К.С. Юрьева - Звенья. Исторический альманах. Вып.2. М-Л,1992, с. 437).

³⁵ В следственном деле Д.Б. Рязанова находится прошение от 10 мая 1927 г. М.С. Роцаковского наркомпо по военным и морским делам и председателю Реввоенсовета следующего содержания: "В бытность мою военно-морским начальником в царское время, а также при начале революции, я не только не предал суду или смерти ни одного человека, но еще испросил помилование 6 приговоренным к повешанию и 50 заключенным. Вам, кроме того, известно, что служить я старался хорошо, причем мне приводилось быть отечеству полезным. Наконец, в Белом движении не участвовал и удерживал от участия в нем кого мог. Эти обстоятельства дадут мне смелость просить через Вас по команде милости правительства СССР. Друг моей юности Мария Андреевна Сабурова 56-ти лет, была арестована по ордеру N 444, 25 апреля 1925, подвергнута заключению и высылке из Москвы на три года. Выехала в Нижний Новгород 13 июля 1925 , где и

живет по сей день, а значит, отбыла уже около 2/3 наказания. Ее 80-летняя мать живет в Москве и нуждается в уходе дочери, т.к. помимо старости не может пользоваться руками, кои забинтованы. Прошу ходатайства Вашего о разрешении М.А. Сабуровой возвратиться на жительство в Москву, т.е. о досрочном освобождении. (ЦА ФСБ, N P - 37 181, т.6, л.76).

Под словами "минус шесть" подразумевается число крупных городов СССР, в которых ссыльному после окончания срока ссылки запрещалось проживать. Это число было для каждого разным - 6, 10, 12.

После 1932 г. оно значительно увеличилось и доходило до 135.

³⁶ В следственном деле Рязанова хранится медицинская справка, в которой говорится о туберкулезе Елены Солонович в активной форме и необходимости ее перевода из Ирбита в местность с более сухим и теплым климатом.

³⁷ В следственном деле Рязанова находится заявление К.А. Губониной от января 1928 г., адресованное Рязанову. В нем говорится об окончании срока заключения ее сына в марте 1928 г. и содержится просьба посодействовать его отправке в Ирбит, где находится его беременная жена. (ЦА ФСБ, N 37 181, т.6, л.47).

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 1-е изд. Т.1 Исследования, статьи, письма. 1837-1844. М., Л. 1928.

³⁹ Имеются в виду, очевидно, два предисловия Д.Б. Рязанова, опубликованные в первом томе Собрания сочинений Маркса и Энгельса:

"Предисловие к международному изданию сочинений К.Маркса и Ф. Энгельса" и "Предисловие к русскому изданию". Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1-е изд.Т.1, с.VII - XXXII.

⁴⁰ Имеется в виду работа Маркса "Господин Фогт", перевод которой Троцкий по заданию Рязанова должен был готовить для собрания сочинений К.Маркса и Ф. Энгельса.

⁴¹ Поездка Николаевского на Урал и в Сибирь по направлению отступления армии А.В. Колчака была связана с его деятельностью в Главном архивном управлении и поисками документов времени белогвардейского правления. См. О.Ю. Солодянкина, Указ. соч., с. 85.

⁴² Статья академика Жебелева была опубликована в сборнике "Seminarium Kopackovianum", вышедшем на русском языке в Праге.

⁴³ Первым с обвинением против Жебелева выступил член-корреспондент АН СССР И.А. Орбели, который был оскорблен его статьей памяти Я.И. Смирнова и обвинил его в нечестности и не советском тоне статьи. 30 ноября 1928 г. Жебелев опубликовал в "Ленинградской правде" покаянное письмо. Руководству АН удалось в конце концов отстоять Жебелева. Не исключено, что Рязанов также помог отвести от него гнев власть имущих.

⁴⁴ Имеется в виду, вероятно, Михаил Иванович Ростовцев, автор работ по истории Римской империи.

⁴⁵ С.А. Жебелев не был исключен из АН СССР.

⁴⁶ Вскоре Е.Солнцева был как сторонник Троцкого выслан из Москвы. Рязанов помогал ему, сделал так, что тот смог работать в ссылке над материалами ИМЭ, поддерживал, в том числе материально, его жену, оставшуюся с маленьким ребенком. См. ч. I, док.158

⁴⁷ К этой справке приложена копия заявления Б.В.Лазарева в Красный крест, в котором он отрицал выдвинутые против него обвинения в участии в "монархическом заговоре". "Будучи абсолютно непричастным к каким-либо действиям и выступлениям против Советской власти, писал он, - и не зная конкретно, какое именно преступление мне инкриминируется, не могу по существу доказывать свою невиновность, тем более, что следователь на мои возражения обещал 2-й допрос, которого не последовало. Пребывал до сего времени в твердом убеждении своей невиновности и в том, что выдвинутое обвинение основано на случайной, неверной информации, я прошу о пересмотре моего дела на предмет полнейшей реабилитации, т.к. мое служение Сов. власти подтверждается добровольным возвращением из плена и службы на ответственных должностях в Кр. армии и в Банке для внешней торговли". (ЦА ФСБ. N P-37 181, т.6, л. 147-148).

⁴⁸ В следственном деле Рязанова находится прошение М.М. Тумановой в Президиум ЦИК СССР от 28 декабря 1928 г. В нем упоминается постановление комиссии ОГПУ от 24 декабря 1928 г., согласно которому ее сын М.Г. Туманов был осужден к пятилетнему заключению в концлагерь "в связи с его службой в тифлисской итальянской миссии в первые годы советизации Грузии". Упомянув о болезни сына, она просила "не подвергать его ссылке, заменив ему наказание тюремным заключением в Тифлисе". Этап на Север отправляется на днях, поэтому срочно рассмотреть", - говорилось в заключении прошения (ЦА ФСБ, N P-37 181, л. 134). В деле находится также срочная телеграмма, посланная из Тифлиса в Москву 3 февраля 1929 года Марии Конаковой. "Умоляем срочно повидаться Смиловичам спасти Леонида Мы телеграфировали Калинин, просили амнистии. Леля". (Там же, т.6, л.1).

⁴⁹ В следственном деле Рязанова находится заявление жены А.И. Щадиловой, от 15 февраля 1929 г. во ВМБИТ, где упоминается его арест 5 марта 1928 г., где упоминается его арест и заключение в концлагерь на 5 лет. "Поскольку мне известно, что он ни к какой политической группе не принадлежит, а является сторонником Советской системы и в своей деятельности ориентировался исключительно на Компартию - прошу Вашего содействия по использованию его на работе по специальности хотя бы на Севере, в Сибири", - писала Н.Ф. Щадилова. (Там же, т.7, л.10).

⁵⁰ В следственном деле Рязанова находится прошение М.Н. Ионовой от 3 мая 1928 г. во ВЦИК и ее заявление 6 февраля 1929 г., где она ходатайствует об освобождении из политической ссылки своей дочери, о разрешении ей и ее мужу П. Высоцкому поселиться в Ленинграде или в крайнем случае в одном из ближайших городов. (Там же, т.6, л.79, т.7, л.18). Здесь же хранится письмо Рязанову известного этнографа и писателя В.Г. Богораза (1865 - 1936), который пишет: "Пересылаю Вам письмо престарелой якутской работницы М.Н. Ионовой со всеми подписями. Вам, конечно, будет легко разобраться в ее просьбе. Если можете, сделайте для нее что-нибудь" (Там же, т. 7, л. 20).

⁵¹ В 69 статье речь идет о лицах, которым было запрещено избирать и быть избранными. В пункте д) к ним относились "служащие и агенты бывшей полиции, отдельного корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего дома, а также лица, руководившие деятельностью полиции, жандармерии и карательных органов". (Конституция Союза ССР и РСФСР. М., 1934, с. 35-36). В следственном деле Рязанова находится следующая справка: "Гр. Урусов С.Д. настоящим сообщается, что пенсия вам быть не может, так как до революции был князем. Основание: Постановление Губернской комиссии по назначению пен-

сий от 25.III. 1929 г. "Публикуемая выписка была приложена к письму Г.Л. Пятакова Н.А. Угланову, в котором он призывал уравнивать 67-летнего Урусова "в смысле получения пенсий с другими служащими, пользующимися правами на таковую" и дать распоряжение пересмотреть приведенное выше постановление комиссии по назначению пенсий. (ЦА ФСБ, N P-37 181, т.7, л. 160-161).

⁵² Имеется в виду дискуссия в коммунистической фракции в АН СССР, которая была образована после принятия в академию десяти кандидатов от ВКП(б). Рязанов считал необходимой коренную реорганизацию академии путем создания в различных городах институтов и решительно выступал против стремления М.Н. Покровского разрушить АН изнутри и начать репрессии против независимо мыслящих академиков. См. Рокитянский Я.Г. Неукротимый академик, с. 142 - 144.

⁵³ Имеется в виду И.В. Сталин.

⁵⁴ А. Матъез. Борьба с дороговизной в эпоху террора. М., 1928, с.155 - 161.

⁵⁵ В следственном деле Рязанова хранится справка, удостоверяющая то, что С.М. Красный с 10 мая 1928 г. находится под наблюдением терапевтической клиники Государственного Института усовершенствования врачей в Казани, что он "страдает двусторонним туберкулезом легких с частыми рецидивирующими обострениями процесса, сопровождающимися ежедневно повышенной температурой до 37,6, потом, ознобами и некоторым похуданием". Красному было рекомендовано лечение в Сухуми и Кисловодске. Справка была приложена к его заявлению от 5 ноября 1928 г. в комиссию ОГПУ с просьбой разрешить переезд для лечения в эти города. (ЦА ФСБ, N P-37 181, т.6, л.72-73).

⁵⁶ Имеется в виду Российская ассоциация научных исследований общественных наук, объединившая различные научные учреждения гуманитарного профиля.

⁵⁷ Вскоре Рязанов добился освобождения бывшего сотрудника ИМЭ Аренского из ссылки. См. РЦХИДНИ, ф.301, оп.1, д.59, л.34-39.

⁵⁸ В следственном деле Рязанова имеется справка, где содержатся биографические сведения об А.А. Раевском. Он родился 30 октября 1885 г., закончил императорский Александровский лицей, затем работал чиновником, служил во время I мировой войны в финансовых ведомствах, служил в Красной армии. Арестован 5 марта 1925 г., приговорен к 10 годам концлагеря. О деле лицейстов писал А.И. Солженицын в книге "Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1195. Опыт художественного исследования: "...В том же году где-то в Париже собираются лицейсты-эмигранты отметить традиционный "пушкинский" лицейский праздник. Об этом напечатано в газетах. Ясно, что это - затея смертельно раненого империализма. И вот арестовываются все лицейсты, еще оставшиеся в СССР, а заодно и "правоведы" - другое такое же привилегированное училище". А.Солженицын. Малое собрание сочинений, т.5, М., 1991, 46 - 47.

⁵⁹ В следственном деле Д.Б. Рязанова находится запись о том, что Мясникова живет в здании рабфака им. Ленина по адресу: ул. Бакунина, Рабфаковский пер.,3. (ЦА ФСБ, N P-37 181, т.5, л.9). Это показывает, что он откликнулся на просьбу Тунова.

⁶⁰ Вскоре Рязанов добился освобождения бывшего сотрудника ИМЭ из ссылки. РЦХИДНИ, ф. 374, оп.1, д.3, л.1.

⁶¹ К этому письму была приложена копия следующего заявления Г. Солонович, обращенного в наркомат просвещения: "Свое временное увлечение анархизмом в 20 лет дочь моя искупила ссылкой, откуда досрочно была переведена в Воронеж.

Не только по происхождению, но и по существу дочь моя не является классовым врагом, каковых имеет в виду постановление о недопущении в Вузы лишенцев. Надеюсь, что Наркомпрос станет на ту же точку зрения и допустит дочь к испытанию в ВУЗ, дав ей возможность сделаться полезным советским гражданином и упорным трудом загладить увлечения молодости". (ЦА ФСБ, N Н -37 181, т.6, л.10).

⁶² В следственном деле Рязанова находятся два письма видного большевика И.А. Теодоровича (1875 - 1910). Одно датировано 18 ноября 1929 г. и адресовано "Тов. Менжинскому или Ягоде или Триписсеру". В нем, в частности, говорилось: "Я знаю Коробкова, старого каторжанина, не менее 20 лет. Я уже много раз хлопотал за него у вас. Я до крайности встревожен возможностью его бессмысленной гибели и еще раз взываю к вашей отзывчивости. Спасите хорошего человека, хотя бы он заблуждался в данную минуту. Я продолжаю быть глубоко уверенным в том, что рано или поздно при соответственном с ним обращении он будет - наш". (Там же, т.8, л.85). Второе письмо Теодоровича обращено к самому В.М. Коробкову и гласит: "Дорогой Виктор Михайлович, я еще раз - умоляю Вас - немедленно бросить голодовку. Я бы сам к Вам приехал, но я тяжело болен и подвержен строжайшему режиму, смысл коего в том, чтобы не волноваться, иначе грозит удар. Через две-три недели мне разрешат выехать - тогда свидимся. В ОГПУ уверяют, что если Вы прекратите голодовку, то разрешат приехать в Москву". Там же, л.85, 87.

⁶³ В следственном деле Рязанова хранятся три "Памятных записки" М. Волковой, 26 сентября, 10 ноября 1929 г. и 20 января 1930 г. Из них видно, что И.В. Ладыжинская была арестована 20 июля 1929 года в Новосибирске, а затем отправлена в Иркутск. (Там же, т.7, л.133,134,135).

⁶⁴ В следственном деле Рязанова хранится адресованное ему письмо В.Н. Фигнер: "Многоуважаемый Давид Борисович. Подательница Мария Ивановна - жена Василия Викторовича Леоновича. Она хочет попросить об одном деле". Там же, т.7, л.85.

⁶⁵ Телеграмма, датированная 18 ноября 1929 г., гласила: В течение двух лет ссылки Севере я неоднократно настаивал переводе Черное море, так как пребывание здесь равносильно медленной смерти. Ответы ни разу не получал. Четвертого ноября меня арестовали без конкретных обвинений. После шести суток сухой голодовки переведен в больницу. Здоровье резко ухудшилось. Медицина бессильна. Оставление Севере явная смерть. Две телеграммы голодовки ответа не было. Требую освобождения, перевод Черное море. Неполучении ответа двадцать первого объявляю голодовку". (ЦА ФСБ, N P- 37 181, т.5, с. 21). Требование Сапронова было выполнено и его перевели в Крым.

⁶⁶ 24 декабря 1929 г. выдающийся историк академик Платонов сообщил Рязанову, что не может прибыть в Москву, хотя "желание и необходимость побеседовать ... остаются в прежней силе. (Там же, т.6, л. 112). 12 января 1930 г. Платонов был арестован, 8 августа сослан в Самару, где и умер в январе 1933 г.

⁶⁷ Имеется в виду пункт о шпионаже, "т.е. передаче похищенных или собираемых с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специальными охраняемой государственной тайной" иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам". Уголовный кодекс РСФСР. Редакция 1928 г.М., 1929, с. 28-29.

⁶⁸ В следственном деле хранится письмо П.С. Шереметева Рязанову от 20 января 1930 г., в котором говорится: "Варвара Александровна Оболенская сообщает, что мужа ее вышлют в ближайшие дни. Обещана неделя, но уже два дня истекло. Поэтому она горячо просит, нельзя ли еще задержать отсылку, иначе она боится, что 25 января, когда Вы назначили ей свидание, будет уже поздно. Она думает, что вышлют в субботу, то есть в этот самый день". (ЦА ФСБ, № Р-37181, т. 8, л.9).

⁶⁹ В памятной записке, подготовленной В. Оболенской, отмечается, что ее муж, бывший князь, родился в 1890 г., учился в Московском университете, а затем служил в Твери и Каменец-Подольске. Воинской повинности не отбывал как признанный врачебной комиссией непригодным по физическим недостаткам. Знаков отличия по службе никаких не имел, а так же не владел никогда собственностью. Там же, т.8, л.10.

⁷⁰ В следственном деле Д. Б. Рязанова находится письмо Радченко секретарю дирекции ИМЭ Г.К. Сухановой. Оно гласит: "Пересылаю Вам, как условились, письмо для Давида Борисовича. Прошу, если возможно, ускорить разрешение моей просьбы, так как условия жизни моей матери вне нашей семьи в весьма затруднительных материальных условиях очень тяжело отражаются на расстроенном и без того состоянии ее здоровья. Перспективы дальнейшего пребывания вне Москвы вызывают с нашей стороны серьезную тревогу". (Там же, т. 8, л. 17). Из двух других писем Радченко от 19 октября и 10 ноября 1930 г. видно, что Рязанов помог решить этот вопрос. Там же, л. 18 и 80.

⁷¹ В следственном деле Д. Б. Рязанова находятся три медицинские справки от 6 и 7 февраля 1930 г. В одной из них, подписанной профессором П. Ганушкиным, отмечалось: "В течение последних лет неоднократно на различных консультациях и в различных учреждениях осматривал проф. И.Х. Озерова, заключения, к которым я пришел, следующие: Озеров страдает 1) тяжелой психопатической конструкцией, 2) тяжелой наркоманией (морфинист), 3) церебральным артериосклерозом". (Там же, т. 8, л. 6).

⁷² Имеется в виду Яков Юровский, убийца царя Николая II. После 1918 г. он возглавлял ряд советских учреждений.

⁷³ В следственном деле Д. Б. Рязанова находится выписка из протокола заседания президиума Московского областного отдела Союза работников коммунального хозяйства СССР от 25 декабря 1929 г., где обосновывалось исключение Хржановского из профсоюзов. Отмечалось, что он "будучи дворянином по происхождению, не переварился в сов. духе". Он был назван "хитрым, чуждым элементом, который к тому же, обладая высшим образованием, умеет, при известных обстоятельствах, маскироваться и прятать свое настоящее лицо". (Там же, т. 8, л. 6).

⁷⁴ В следственном деле Д.Б.Рязанова находится заявление матери Г.А. Караманенко от 31 июня 1929 г. Из него видно, что Рязанов помог перевести его из Саратовской тюрьмы в больницу-изолятор, где последний был, однако, избит. (Там же, т.7, л.95).

⁷⁵ В следственном деле Д. Б. Рязанова находится письмо Кобранова "административного ссыльного в Казахстан на три года с 7/VII 1928 г. по приговору Особого совещания от 22.X. 1928 г. за № 64734 на основании ст. 58 "Уголовного Кодекса" Особому совещанию при Комиссии ОГПУ от 6 июня 1930 г. Своему заяв-

лению он предпослал слова из Евангелия: "Милость превозносится над судом". (Там же, л.54-55).

⁷⁶ В журнале "Социалистический вестник" 25 января 1930 г. была опубликована статья о М. Розине-Рабиновиче, о его мытарствах и издевательствах ОГПУ. Ее автором был, вероятно, В.О. Цедербаум (Левицкий).

⁷⁷ В следственном деле Рязанова находится копия письма Волгина от 3 сентября 1930 г., в котором он рассказал о совместной работе с Профферансовым, о его "марксистско-революционном подходе к историческим явлениям". "Поэтому я считаю подозрение его в причастности к толстовству непонятым недоразумением", - отмечал он в заключении". (Там же, л.74).

⁷⁸ Судя по письму Солнцева Рязанову от 21 ноября 1930 г., последний помог ей сохранить квартиру.

⁷⁹ Ю. Ашпиз-Полеева 12 октября 1930 г. писала Рязанову: "Моя дочь Ольга Ашпиз арестована в Ташкенте 16-го июня, приговорена к трем годам изолятора. Ей инкриминируется помощь ссыльным в Ташкенте и Сибири". Она помогала в действительности время от времени своему мужу Трейгеру и еще одному товарищу. Отец умер от туберкулеза в Мюнхене в 1911 г. Моя дочь унаследовала болезнь легких". (Там же, т. 6, л. 131).

⁸⁰ В одной справке, хранящейся в следственном деле Рязанова, отмечается: "Владимир Алексеевич Комаровский (художник) арестован 4 сентября 1930 года. Семья состоит из жены и четырех детей. Последние два года проживал в селе Федосино около станции Переделкино Брянской железной дороги. Занимался большей частью чертежными работами. В настоящее время находится в Бутырской тюрьме. В начале лета перенес тяжелое воспаление легких". (Там же, л. 126).

⁸¹ Автор письма, внучка русского народника П.Л. Лаврова, не случайно выражала беспокойство по поводу материалов своего деда, собранных на квартире Ф.И. Витязева. В.Д. Бонч-Бруевич 28 июня 1939 г. сообщал Л.П. Берия: "При аресте Витязева те лица, которые были уполномочены на этот обыск, и управляющий дома, в котором проживал Витязев, ... картотеку и все письма просто сожгли в печке". (Звенья. Исторический альманах. Вып. 2, М. - Спб., 1992, с. 458).

⁸² Имеются в виду сфабрикованные ОГПУ показания Рамзина и Калининкова в ходе процесса Промпартии, проходившего в Москве с 25 ноября по 7 декабря 1930 г. А.М. Гинзбург проходил позднее по процессу о так называемом "Союзном бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)" и приговорен к пяти годам заключения.

⁸³ В заявлении, направленном 11 декабря 1930 г. Б. Соколовской в ОГПУ, описываются события, приведшие к аресту ее мужа 17 ноября 1930 г. в г. Ташкенте, его переводу в Тюмень, связанные с посещением его квартиры ссыльными, организацией помощи заключенным. "Просьба моя состоит в том, чтобы не разлучать нас с самым дорогим для нас существом - нашей единственной дочерью, чтобы мужу моему разрешено было проживать или в Ташкенте, или в другом каком-нибудь городе поблизости Ташкента, куда могла бы просить о переводе и дочь наша с ее двумя крошечными детишками (2 г.и 1 1/2). Если моя просьба будет удовлетворена, то я осмелилась бы напомнить, что муж мой может жить только в таком городе, где он имел бы посильную медицинскую помощь окулиста, а может быть и срочную операцию глаз". (ЦА ФСБ. N P - 37 181, т. 8, л. 90-91).

⁸⁴ Эммануил Львович Гуревич (1865 - 1952) - друг Рязанова и сотрудник ИМЭ. В его письме речь идет об угрозе высылки его дочери после ареста ее мужа.

⁸⁵ "Мой сын, - писала Ненашева в своей справке, - студент Ленинградского политехнического института 4 курса экономического факультета. Арестован 8-го февраля 28 г., сослан в Соловки 8-го августа 28 года на три года. Так как кончается срок его заключения, то я прошу назначить ему местожительство у меня (ст. Перловка Сев. ж.д.) или иное место.

Сын мой с 14 лет учился и служил все время до 27-го года, когда по лучил стипендию 50 р. от В.С.Н.Х. и на эти деньги еще содержал своего товарища, тоже студента. Все его товарищи звали его коммунистом без партбилета, но в 1927 году произошел в Политехническом случай (декан Мотылев ударил по щеке студента, сына рабочего).

После происшествия Игорь на собрании выступил против партячейки и он стал выступать на собраниях, отстаивая свободу мнений в стенах института". Так как он был на двух факультетах - статистическом и транспортников, а лекции иногда совпадали, то студенты занимались дома группой ...Эти занятия бывали в комнате моего сына. Среди этих студентов были двое: Филиппов и Ходжиев, которые были в каком-то педагогическом обществе, которое было арестовано. Хотя мой сын в этом обществе не состоял, но эти двое товарищей бывали у него и сказали об этом властям. Забрали и сына. В то время было выслано из учебных заведений большое количество студентов и следователь ГПУ, ведущий следствие по этому делу, сказал мне: ваш сын попал под дурное влияние товарищей в этот один год, пока жил не с вами. До 27-го года я жила в Ленинграде и сын жил со мной.

Отец его умер, был следователь при миссии Муравьева. В 1900 году он был исключен из юридического сословия. Мы, т.е. я и муж, всегда были под надзором полиции и в 1906 году имели судимость в Одесской судебной палате при закрытых дверях (есть обвинительный акт и приговор).

Я артистка и педагог, с самого начала революции веду общественную работу". (Там же, л. 114-115).

ЧАСТЬ II

¹ Базилевский Б. Против правого и левого оппортунизма. О программе по истмату в техникумах Наркомпроса. РСФСР, 1930. - Правда, 15.1. 1931.

² Тринадцатый съезд РКП(б). Май, 1924. Стенографический отчет, М., 1963, с. 661.

³ Сталин И.В. Сочинения, т.6, с. 69-188.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.26, с. 43- 63.

⁵ Тринадцатый съезд РКП(б). Май, 1924. Стенографический отчет. М., 1963, с. 532.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. т. 18.

⁷ Бюллетень оппозиции. 1930, N 30, с.31-32.

⁸ Тринадцатый съезд РКП(б), с.532.

⁹ Там же.

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.29, с. 77-302,316-322, 346,347.

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.26, с.54-55.

¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.29, с.314.

¹³ Вестник Коммунистической Академии. 1931, N 1, с.20.

¹⁴ Зиновьев Г.Е. Ленинизм: Введение в изучение ленинизма. 4 изд., Л., 1926, с. 14.

¹⁵ Имеется в виду Комиссия по собиранию и изучению материалов по истории Октябрьской революции и партии большевиков. Она была создана в сентябре 1921 г. при Совнаркоме и позднее перешла в ведение ЦК РКП(б).

¹⁶ Троцкий Л.Д. Юбилей Д.Б. Рязанова - Бюллетень оппозиции. 1930, N 30, с. 31-32.

¹⁷ Письмо Рубина было сфабриковано ОГПУ для предъявления обвинения Рязанову. 12 февраля 1931 г. Сталин предъявил его академику как доказательство вины (ч. II, док. 23).

¹⁸ В следственном деле Рязанова находятся два протокола обыска. В одном из них приводится список из 23 конфискованных материалов, среди которых номера "Бюллетеня оппозиции" Л.Д. Троцкого, "Социалистического вестника", "La Verité", ряд рукописей Рязанова, письма К. Радека Рязанову от 8 января 1931 г., более 10 других писем. ЦА ФСБ N P - 37 181, т. 2, л. 8 - 10. В другом протоколе говорится о конфискации двух чемоданов с документальными материалами, переданных Рязанову Радеком. (Там же, л.12).

¹⁹ Речь идет о международных конференциях левых социалистов различных европейских стран, проходивших в 1915-1916 гг. в Кинтале и Циммервальде и ставивших целью проложить путь к миру, положить конец I мировой войне.

²⁰ Речь идет о восстании, поднятом в 1923 году немецкими коммунистами в Гамбурге, которые надеялись вызвать в этой стране революционный взрыв.

²¹ На письме имеется надпись: "Ознакомить гг. Шкирятова, Андреева, Акулова, Сольца". Т. Андреев ознакомился 25/III. Ягода". "В архив к делу Д.Б. Рязанова".

²² См. ч. II, док. 4.

²³ См. Васина Л.Л., Рокитянский Я.Г. Указ. соч., с. 132-139.

²⁴ Имеется в виду книга И.И. Рубина "Очерки по теории стоимости Маркса", вышедшая до 1930 г. в четырех изданиях.

²⁵ В следственном деле И.И. Рубина находится его заявление в дирекцию Института К.Маркса и Ф. Энгельса и приложенное к нему заявление в местком ИМЭ от 1 декабря 1930 г. ЦА ФСБ, N И - 7824. л. 8, 9. В первом заявлении отмечалось: "После запроса, предъявленного мне в подобной форме, я считаю невозможным для себя продолжать работу в Институте и прошу уволить меня из числа сотрудников." Во втором Рубин писал о своей непричастности к деятельности группы Н.Н. Суханова, солидаризировався с Октябрьской революцией и Советской властью и строительством социализма. "Само собой понятно, что всякого рода попытки к срыву этого строительства и восстановлению капиталистических отношений в России, путем ли интервенции, блокады, раскрытых недавно вредительских действий и организаций и т.п., заслуживают с моей точки зрения самого резкого осуждения", - писал Рубин (ЦА ФСБ, N 7824, т. 11, л. 9).

²⁶ Правда, 10.III. 1930.

²⁷ Большевик, 1931, N 5, с. 76 - 79.

²⁸ Имеется в виду Э.Л. Гуревич.

²⁹ Маркс писал своей дочери 11 апреля 1881 г. о Каутском: "Когда эта очаровательная личность впервые заявлялась ко мне, я говорю об этом субъектишке, - первый вопрос, который у меня вырвался, был: Похожи Вы на свою мать. Совершенно не похож, - заверил он. И я в душе поздравил его мать. Он - посредственный, недалекий человек, самонадеян (ему всего 26 лет), всезнайка, в известном смысле прилежен, очень много возится со статистикой, но толку от этого мало, принадлежит от природы к племени филистеров, впрочем в своем роде - порядочный человек. Я по возможности сплавлю его другу Энгельсу".

³⁰ Конкретные сведения об этих материалах Рязанов привел на следующий день в письме, направленном в Политбюро ЦК ВКП(б). В нем, в частности, говорилось: "Я действовал политически совершенно правильно. Так и письмо Маркса дочери принадлежало к числу скрываемых документов, ибо оно состояло в фонде присвоенных или украденных бумаг. О таком фонде я говорил неоднократно в различных инстанциях, близким товарищам, об этом фонде в Москве говорили всякий вздор, ставя нас в неудобное положение". (Корнеев В.Е. Последние письма Д.Б. Рязанова, с.346-347).

³¹ Имеется в виду снятие фотокопий материалов Маркса и Энгельса в архиве СДПГ в Берлине.

³² В журнале "Начало" (1899, 5) это письмо было воспроизведено в сокращенном виде.

³³ См. ч. II, док. 22.

³⁴ Этот документ не обнаружен.

³⁵ Правда, 1.III. 1931.

³⁶ См. ч. II, док. 4.

³⁷ XVI съезд ВКП(б) проходил в Москве с 26 июня по 13 июля 1930 г.

³⁸ Речь идет, очевидно, о расстреле группы так называемых "вредителей снабжения". Их обвинили в "саботаже и вредительстве", в том, что они создали ответвление "Промпартия". См. Медведев Р. О Сталине и сталинизме. М., 1990, с. 241 - 242; Вредители рабочего движения. М., 1930.

³⁹ Имеется в виду книга английского экономиста Адама Смита (1723—1790) "Исследование о природе и причинах богатства народов", изданная ИМЭ в двух томах в 1931 г.

⁴⁰ Процесс контрреволюционной организации меньшевиков(1 марта - 9 марта 1931 г.). М., 1931, с.466.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. Исторические работы. 1-е изд., М., 1921.

⁴² Имеется в виду статья слушателя Института Красной Профессуры Я.Мушперта "За действительную борьбу против "леваков", опубликованная в "Правде" 19 ноября 1930 г. В ней Рубин был назван участником "разоблаченной меньшевистско-кулацкой вредительской группировки".

⁴³ В следственном деле Рубина находится копия его письма в "Правду" от 22 ноября 1930 г. В письме Рубин отвергает обвинения Мушперта, пишет о своей непричастности: "В частности, если автор корреспонденции имеет в виду группировку Суханова - Громана, то к ней я абсолютно никакого отношения - ни организационного, ни идейного, ни прямого, ни косвенного - не имел и не имею и

иначе как с решительным осуждением относиться к ней не могу". (ЦА ФСБ, N Н-7824, т. 11, л. 9).

⁴⁴ Процесс контрреволюционной организации меньшевиков, с. 369.

⁴⁵ См. ч. II, док. 8.

⁴⁶ Имеется в виду сотрудник ИМЭ Е.А. Каганович.

⁴⁷ Процесс контрреволюционной организации меньшевиков, с. 149. Курсив Д.Б. Рязанова.

⁴⁸ В 1912 г. Рязанов опубликовал в 31 томе журнала "Die Neue Zeit" рецензию на книгу В.В. Шера "История профессионального движения рабочих печатного дела в Москве" (М., 1911).

⁴⁹ Процесс контрреволюционной организации меньшевиков., с. 148. Курсив Д.Б. Рязанова.

⁵⁰ Архив К.Маркса и Ф. Энгельса, 1929, N4, с.356 - 423, Летописци марксизма, 1929, N9/10, с.38 - 54, 72 - 92, 1930, N12.

⁵¹ Эта работа была опубликована в 1930 г. в кн.: Маркс К. "Классовая борьба во Франции 1848-1850".

⁵² Имеется в виду издание Полного собрания сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса на языках оригинала. В 30-х годах было издано 12 томов этого издания.

⁵³ Рязанов имеет в виду правление Социал-демократической партии Германии.

⁵⁴ Имеется в виду дискуссия, организованная Президиумом Коммунистической академии летом-осенью 1930 г. См. И. Яхот. Подавление философии в СССР (20-30-е годы). - Вопросы философии, 1991, N 9; Я.Г. Рокитянский. Несостоявшееся самоубийство. - Вестник РАН, 1993, N 5.

⁵⁵ См. ч. II, док. 17.

⁵⁶ См. ч. II, док. 22.

⁵⁷ Фигнер В. Полное собрание сочинений в семи томах. 2-е пересмотр. доп. и испр. изд., М., 1932.

⁵⁸ Имеется в виду М.П. Сажин, муж сестры В.Н. Фигнер.

⁵⁹ Ярославский Е. Третья сила. М., 1932.

⁶⁰ Председатель ЦИК СССР М.И. Калинин.

⁶¹ На первой странице карандашом написана резолюция "Т. Эдельман. Допросить Рязанова о связях с Липендиным. Одновременно дайте копию следователю, ведущему дело Липендина. 31. VIII. Гр."

⁶² Имеются в виду так называемые "экспроприаторы", которые по заданию партийного руководства большевиков организовывали нападения на банки для пополнения партийной кассы.

⁶³ Имеется в виду Г.К. Орджоникидзе.

⁶⁴ Седьмой конгресс Коминтерна проходил в Москве с 25 июля по 20 августа 1935 г. С докладом "Наступление фашизма и задачи рабочего класса" на нем выступил Г. Димитров.

⁶⁵ Рязанов так и не получил разрешения посетить большую жену.

⁶⁶ Исай Григорьевич Лежнев (1891-1955) с 1906 по 1909 г. примыкал к большевикам, а затем отошел от них. В 1922 - 1926 гг. редактор сменовеховского журнала "Новая Россия". После его закрытия выслан ОГПУ за границу, где работал в берлинском торгпредстве. В 1929 - 1930 гг. ходатайствовал перед ОГПУ и ЦК ВКП(б) о возвращении в СССР. Получил разрешение вернуться в 1930 г. В 1933 г. в качестве "расширенного заявления" с просьбой о приеме в партию подал в политбюро рукопись "Записки современника". Она была одобрена Сталиным и 20 декабря 1933 г. решением политбюро Лежнев был принят в ВКП(б). В 1935 - 1939 г. работал заведующим отделом литературы и искусства в "Правде". Неоднократно обращался к Сталину с подобострастными письмами. (Г. Файман. "Сердечно дорогой Иосиф Виссарионович". Хожdenие интеллекта во власть. - Независимая газета. 5.III. 1996).

⁶⁷ Лежнев И.Г. Троцкистские гнезда в московском "Доме книги". - Правда, 25.VIII. 1936.

⁶⁸ Рикардо Д. Начала политической экономии и податного обложения. Спб, 1908.

⁶⁹ Вера Александровна Артисевич (род. в 1907 г.) - директор научной библиотеки СГУ.

⁷⁰ На полях находится следующая пометка: "Т.Грицелевич. Письмо Енукидзе мною отправлено народному комиссару т. Ежову. Стромин. 23/7".

⁷¹ Троцкий Л.Д. Дело Рязанова. Бюллетень оппозиции, 1931, N 21/22, с.21.

⁷² В следственном деле Рязанова находится копия протокола допроса Г.Д. Анисимова от 29 сентября 1936 г, где он рассказывает об отношении Рязанова с И.Н. Смирновым и другими оппозиционерами в 1931 - 1932 гг. - Архив УФСБ по Саратовской области, N ОФ - 14408, л.42 - 44.

⁷³ В следственном деле Рязанова находится копия протокола допроса сторонницы Бухарина Т.Р. Левиной от 25-26 января 1937 г. Но никаких показаний, компрометирующих Рязанова, она не дала. Там же, л. 45 - 48.

⁷⁴ См. ч. II, док. 34.

Анна Львовна Рязанова.
20-е годы.

Именной указатель

- Абрамович Р.А.** – 89, 90, 108, 158, 163, 169, 171, 378, 422
Автократов В.Н. – 155
Авторханов (Уралов) А. – 56, 160
Агабеков С. – 163
Агранов Л. С. – 116, 117, 308, 390
Аграновский И. И. – 9, 153
Адлер В. – 34, 37
Адлер Ф. – 108, 359
Адоратский В. В. – 61, 62, 111, 116-118, 363
Азеев П. П. – 277-279
Аксельрод П. Б. – 26, 43, 45, 90, 358
Акулов И. А. – 111, 434
Александр III – 19
Альтер В. И. – 169, 422
Ананьев – 243
Андерсон К. М. – 151
Андреев – 391
Андреев А. А. – 140, 141, 434
Андреев А. Н. – 245
Андреева – 226
Анисимов В. – 158
Анисимов Г.Д. – 412-414, 437
Антонов-Овсеенко В. А. – 44
Аралов С. И. – 368
Ардашев Н. Н. – 60
Аренский А. – 94, 181, 239, 240, 429
Ариян П. Н. – 86
Арсеньева А. С. – 210
Артисевич В. А. – 135, 151, 167, 168, 381, 385, 437
Аскедарян Т. А. – 258
Астров И. – 208, 425, 426
Афанасьев – 422
Афанасьева И. Н. – 182
Ахлюстин – 219
Ашпиз О. – 300, 432
Ашпиз-Полеева Ю. – 300, 432
Бабанцев И.В. – 188
Бабеф Г. (Франсуа Нозль) – 74
Базаров В.А. – 64, 321, 388, 413, 414
Базилевский Б.И. – 103, 311, 312, 316, 317
Баммель Г.К. – 8, 67
Барбюс А. – 70
Барниколь Э. – 68
Барышев – 373, 413-415
Бауэр О. – 34
Бауэр С. – 73
Бах фон – 30
Бах А.Н. – 8
Бах И.А. – 72, 73, 151
Бахрушин С.В. – 60
Бацер О.М. – 87, 163
Бацковский – 424
Башкиров П.И. – 169, 422
Бебель А. – 21, 34-36, 359, 363
Бebutov И.Д. – 358
Бедный Д. (Придворов Е.А.) – 144
Бейлин А.Е. – 169, 422

- Беленький – 327
Белецкий В. – 177
Белоцветова Е.П. – 214
Белоцветова-Подбельская Е.Г.
– 213, 214
Бердичевский – 388, 403, 413,
414
Бердяев Н.А. – 94, 95
Берг Е.С. – 169, 422
Беренштейн (Либих) Е.Н. – 6,
121, 122, 124-126, 132-134,
138, 140, 141-145, 147, 149,
151, 394, 395
Берия Л.П. – 146, 432
Берман Б. – 132
Бернфельд И. – 68
Бернштейн Э. – 34, 342
Биншток – 90
Бирман – 117, 328
Благоев Д. – 226
Блинов И.А. – 210, 211
Блинова В. – 210, 211
Блох И. – 68
Блюм Л. – 378
Блюменфельд (Виленкина) А.И.
– 151, 423
Бобриков И. – 9, 153, 163
Бовшовская Р.М. – 207, 208
Бовшовский А. – 207, 208, 425
Богданов (Малиновский) А.А.
– 64, 321, 322
Богоявленский Л.К. – 198, 200,
202, 204, 425
Богораз-Тан В.Г. – 428
Бонч-Бруевич В.Д. – 432
Бордуков – 181
Борисенко Н.К. – 169, 171, 422
Бородай – 226
Бороздин – 34
Брагинский А. – 175, 176, 423
Брак (Деруссо) А.-М. – 343, 359
Брамбах – 340
Брандлер Г. – 68
Брантинг К.Я. – 38
Браун А. – 36, 358
Брачев В.С. – 162
Брей О.Ф. – 294
Брейдо Г.Е. – 175
Брук С. – 192, 194
Брупбахер Ф. – 35, 136, 153, 157
Булкин (Семенов) Ф.А. – 157
Бухарин Н.И. – 8, 37, 38, 40, 50,
51, 57, 64, 65, 75, 86, 95, 96,
110, 123, 125, 127, 129, 130,
161, 196, 321, 332, 333, 368,
427, 437
Бухгольц – 30
Ваганян (см. Тер-Ваганян В.А.)
Важенский Н.К. – 174
Ванштейн Д.Б. – 177, 178
Валентинов Н.В. – 84
Валленберг Р. – 96
Вандервельде Э. – 359
Варшавский А.В. – 215, 426
Васецкий Н.А. – 157, 158
Васильев Г.И. – 176
Васина Л.Л. – 155, 164, 165
Вашакмадзе И.А. – 239
Введенский А.И. – 86, 198, 201,
202, 425
Векслер И.М. – 192, 424
Венединкт (Плотников В.В.)
– 198, 425
Венгерович – 216
Вениамин (Казанский В.П.) –
198, 200-202, 425
Вернадский В.И. – 78
Верховский А.И. – 61, 94, 355
Вецкант А.А. – 169, 171, 422
Визнер – 87, 88
Виленкин И.Л. – 178, 423
Виллумсен Н.А. – 170
Виллумсен Э.А. – 170
Вильямс В.Р. – 277
Винавер М.Л. – 231

- Виноградская П.С. – 99
Виппер Р.Ю. – 60
Витковская Н.С. – 266
Витязев (см. Седенко-Витязев Ф.И.)
Вишневский А.А. – 142, 145, 404.
405. 407. 408. 411. 415. 417
Владимиров – 94, 334
Волгин В.П. – 23, 67, 111, 296,
432
Волков И.Г. – 169, 422
Волкова М. – 254, 255, 430
Волгогонов Д.А. – 155, 165
Волконский П.П. – 94, 186, 423
Володарский В. (Гольдштейн М.М.) – 196
Вольфсон М. – 8, 72
Вомпе П. – 158
Воровский В.В. – 64
Вороничев М.А. – 169, 422
Ворошилов К.Е. – 133, 142, 148
Воскресенская К.Е. – 133, 142,
148
Воскресенская Н. – 423
Вульффов – 169, 422
Высоцкий П. – 235, 428
Вышинский А.Я. – 129
- Габбе Т. – 133
Габов – 263
Гадаскина Е.С.
Гай М.И. – 326, 329, 330
Гайлис К. – 179
Галкин А. – 179
Галле – 294
Галли – 224
Галли Е.К. – 224-225
Галли Н. – 224
Гальберштадт М.И. – 169, 222
Ганглевская З.Б. – 345
Ганушкин П. – 431
Гартман Л.М. – 35
Гаушанский – 13
- Гегель Ф.В.Г. – 69, 244, 311, 314,
317-319, 336, 376
Гед Ж. – 343, 359
Гейер В.М. – 180
Гейер К.М. – 180
Гейер М.М. – 180
Гельборой Э. – 171, 172, 422
Гензен – 186
Гентги – 183
Герцен А.И. – 21, 146
Гесин А. – 283, 284
Гете В. – 21
Гехберг К. – 342
Гидаскина Е.С. – 209
Гильфердинг Р. – 108, 125, 359
Гинзбург А.М. – 305, 306, 432
Гинзбург А.С. – 305, 306
Гиппиус З. – 46
Гитлер А. – 36
Гледов Н.Н. – 169, 422
Гоббс Т. – 69
Гоби Х. – 175, 176
Гоби Н.Х. – 175, 176, 423
Годвин В. – 294
Годскин Т. – 224
Голицын А.М. – 245, 246
Голицын Л.С. – 94
Голицын Н.В. – 60, 247
Голицын С. – 247
Голицына А.С. – 247
Головина Г.Д. – 151, 154, 155
Болуб – 371
Гольбах П. – 69, 244
Гольдендах А. – 14
Гольдендах А.Б. – 12
Гольдендах (Шиф) Б.Б. – 13, 98
Гольдендах З.-Б.А. – 12, 16, 395
Гольдендах Л.Б. – 13, 20
Гольдендах О.Б. – 13
Гольдендах С.Б. – 13, 15
Гольдендах (Виленикина) Т.Б.
– 13, 18, 20, 423
Гольдендах Ф.Б. – 13, 15

- Гонис – 190
Горевский – 193
Горен Г.В. – 262
Горена – 262
Городецкий В.Н. – 15
Горшков – 185
Горький М. (Пешков А.М.) – 68,
186, 423
Горячев А.А. – 184, 185
Готье Ю.В. – 60, 61, 160, 163
Гоц А.Р. – 197, 203
Градовская С.Н. – 277-279
Грей Д. – 294
Грейлих Г. – 37, 38
Григоров Д. – 237
Гринвальд М.К. – 248
Гриневич В. (Гриневич-Коган
М.Г.) – 9, 30, 32, 33, 39, 93, 95,
153, 157, 158
Гринько Г.Ф. – 377
Грицелевич – 379, 392, 394, 437
Громан – 112
Гросман – 30
Грушка А.А. – 209, 210
Грушка У.М. – 209, 210
Грюнберг К. – 34
Грюнштейн К. – 126, 388, 391,
396, 405, 412-415
Грюнштейн Р. – 126, 141, 388,
394, 396, 397, 404-406, 412-
415, 418
Губонина К.Л. – 222, 427
Губонин-Леонович П.А. – 222,
427
Губонина-Леонович Т.В. – 222,
427
Гуве – 345
Гудович А.А. – 253, 257, 281, 282
Гудович Д.А. – 253, 257, 281, 282
Гудович М.С. – 247, 253, 254,
256, 257, 266, 281, 282
Гупперт Г.Л. – 115-117, 165, 166
Гуревич (Смирнов) Э.Л. – 26,
67, 308, 309, 342, 433, 435
Гусев – 506
Давидчик Я. – 190
Даль В.И. – 12
Дан Ф.И. – 90, 378
Даниельс П.В. – 154
Данилов – 101, 102, 333
Данковелец – 109
Данте А. – 21
Дарвин Ч. – 21
Деборин (Иоффе) А.М. – 8, 64,
67, 72, 73, 75, 100, 103, 104,
239, 311-313, 315, 318, 319,
332, 333, 335, 357, 360
Делятицкая М. – 19
Дени (Денисов) В.Н. – 144
Денисьев Б.С. – 290, 291
Денисьева – 290, 291
Депт – 274
Дербов Л.А. – 136-137, 167
Дербышев – 45
Деринг – 181
Дешевая Н.З. – 296
Джунковский В.Ф. – 94
Дзержинский Ф.Э. – 83, 84, 88,
92, 181, 196, 203, 352
Дидро Д. – 69
Диковский Ф.Ф. – 194, 195
Дмитриев Д.М. – 329-331, 334,
339, 340
Димитров Г. – 378, 436
Дирксен фон – 128
Дитятин В. – 8
Добкин Д.С. – 192, 424
Добровская И. – 234
Добролюбов Н.А. – 13
Доброхотов А.И. – 176
Добрынин В.Б. – 191
Дойгер И. – 164
Долгоруковы – 65

- Домбровский А. – 191
 Донской Д.Д. – 90
 Дроннюк – 391
 Друганов Н.Л. – 190
 Дубровский – 390, 391, 394
 Дунаевский В.А. – 153
 Дэвис – 269
 Дюваль П.О. – 68
- Евдокимов – 331, 354
 Егоров – 188
 Егоров – 200, 201
 Егоров В.И. – 177
 Ежов Н.И. – 138, 139-141, 146,
 389, 390, 394
 Еланский – 289
 Елачич Н.А. – 198, 200, 202, 204,
 425
 Елисеев – 174
 Енукидзе А.С. – 65, 78, 128, 130,
 138, 141, 171, 231, 259, 284,
 364-371, 437
 Епифанов – 405
 Ефимов – 17
 Ефимов Я.С. – 176
- Ждан С. – 417, 418, 421
 Жебелев С.А. – 227-229, 426
 Желтенкова (Рубина) Б.И. – 107
 Желябов А.И. – 13
 Жижиленко А.А. – 204, 205, 425
 Жорес Ж. – 246
 Журавлев В.В. – 159
- Заболотный О.К. – 248
 Задунашева З. – 133
 Закс А.Б. – 72, 151
 Замараев Д.И. – 169, 171, 422
 Заозерский А.И. – 244
 Зарн – 216
 Засулич В.И. – 17, 26
 Захаров Д.В. – 169, 171, 422
- Зверева Н. – 159
 Звонков – 391
 Звягинцев Н.Н. – 214, 426
 Звягинцева О.И. – 214, 426
 Зейдель – 388, 414
 Зеленкевич Е.И. – 192, 424
 Зеленский И.А. – 204
 Зельдович – 169, 422
 Зимбицкий А.Н. – 182, 423
 Зиновьев (Радомысльский) Г.Е.
 – 37, 40, 41, 43-45, 51-53, 65,
 84, 85, 90, 92, 97, 99, 125, 127,
 172, 321, 422
 Золя Э. – 21
 Зосимович Л.А. – 192, 424
 Зубаровский – 200
- Иванов С.А. – 176
 Иванович С. – 23
 Изюмов А.Ф. – 60
 Ионов В.И. – 235
 Ионова Л.В. – 235, 428
 Ионова М.Н. – 235, 428
 Ионова О.В. – 235
 Иоффе – 263
 Иоффе А.А. – 188
 Иоффе Е.Д. – 192, 424
 Иоффе И.Г. – 177, 178
 Иоффе Я.Д. – 192, 424
 Исаев В.Е. – 191
 Искуль В. – 179
 Истомина М. – 247
 Кабакчиев Х.С. – 68
 Кабе Э. – 124, 147, 166
 Каганова – 390, 397
 Каганович Е.А. – 94, 111, 328,
 334-336, 339, 347, 354, 355,
 436
 Каганович Л.М. – 349, 376, 377,
 388
 Казицина З.С. – 173, 174
 Калецкая А. – 193

- Калецкий И.Ю. – 193, 424
Калинин М.И. – 79, 109, 120, 128-130, 142, 366, 436
Калинников И.А. – 306, 432
Каменев (Розенфельд) Л.Б. – 41, 43-45, 97, 99, 124, 125, 127-129, 195-197, 203
Каминка А.И. – 171, 172, 422
Каминка А.К. – 171, 172
Кампфмайер П. – 117, 119
- Кан С.Б. – 67, 117
Канаков П. – 243
Канатчиков – 200-202
Кантарович П.А. – 215
Каплан А. – 291
Каплан В.Н. – 291
Караманенко А.П. – 431
Караманенко Г.В. – 94, 286, 287, 431
Карасев Ф.И. – 190
Карев Н.А. – 103, 239, 311, 312
Карно И. – 21
Карпович Я.Б. – 185
Карпович О.В. – 423
Карчевская Н.А. – 177, 178
Каспаров Г. – 396, 397, 402, 406, 412-415
Каспарова В.Д. – 126, 388, 397, 402, 403, 406, 412-415
Касьян (Тер-Каспарян) С. – 243
Катаньян Р.П. – 207, 208, 244, 271
Катин-Ярцев А.В. – 278, 279
Катин-Ярцев В.Н. – 278
Каутская (Роншпергер) Л. – 128
Каутский К. – 29, 31, 34, 36, 64, 69, 73, 118, 125, 128, 244, 342, 243, 363, 376, 435
Кац В.Г. – 169, 171, 422
Кашен М. – 378
Квитко Р.И. – 255, 256
Кейзеветтер А.А. – 60
- Киевленко Я. – 379, 396, 397, 412, 414
Кипяткевич – 423
Киров (Костриков) С.М. – 128, 130, 131, 134, 403, 415
Кирхгоф – 392
Киселев – 236
Кисель-Загорянская В.Н. – 212
Кисель-Загорянский В.Н. – 212, 426
Кишкин – 174
Кишкин – 188
Кленов А. – 75
Клименко – 408, 410, 411
Клоотц – 74
Ключевский В.О. – 17
Кобден Р. – 248
Кобленц Х.Н. – 177, 178
Кобранов Е.Я. – 82, 288, 431, 432
Коваленко К.Ф. – 177
Ковальский И.М. – 13
Ковшаров И.М. – 198, 201, 425
Козлов Ф.Ф. – 100, 116
Коиген – 30
Коконов Ф.Е. – 191
Коллонтай А.М. – 44
Колокольников П.Н. – 33, 64, 304, 305
Колокольникова К. – 304, 305
Колосовский – 216, 217, 297
Комар Н.В. – 126, 145, 379, 399, 400
Комаров Н.П. – 200-202
Комаровская В. – 301, 302
Комаровский В. – 301, 302
Комелев В.Ф. – 169, 422
Кон Ф.Я. – 196, 432
Конквекст Р. – 141
Кондрашин В.В. – 167
Кондратьев Н.Д. – 331, 335, 349, 352
Коноплева Л.В. – 196, 197, 424
Конфункель – 17

- Корнеев В.Е. – 9, 12, 155, 157
Коробков В.М. – 251, 252, 430
Коробков В.С. – 231, 303, 304
Коробкова В.К. – 303, 304
Короленко В.Г. – 21
Косвен М. – 67
Косминский Е.А. – 68
Костюшко – 416, 417, 418, 419
Кочанова – 392, 407
Кранский – 13
Красиков – 254
Красиков П.А. – 200
Красин Л.Б. – 423
Красницкий – 201
Красный С.М. – 94, 238, 429
Краснушкин – 280
Краснянский А.П. – 23
Крейтон С.Р. – 193
Крейтон С.С. – 193
Кресер А. – 178
Крестинский Н.Н. – 357
Кржижановский Г.М. – 77
Криницкий А.И. – 135, 140
Кристи Н.С. – 39
Кричевер З.М. – 192, 424
Кричевский В.Н. – 26
Кропоткин П.А. – 21
Кропп – 101
Крупская Н.К. – 37, 56, 284
Крыленко Н.В. – 44, 112, 114,
118, 120, 129, 178, 196, 248,
330, 347, 353, 355, 402
Крылов – 187
Крылов В.В. – 10, 166
Крылов Н.В. – 184, 423
Крючкова Д.И. – 82
Кувалдин – 278
Кузнецов – 263
Куйе Э. – 361
Куликовский М.Н. – 176
Кун Б. – 65
Куниский С.Д. – 94, 242, 243,
246, 247
Куратова Е.П. – 189
Куреневский – 402, 403
Куриц – 243, 244
Кутлер – 243, 244
Кутлер А.Н. – 189
Кутузов – 187
Кучеренко Г.С. – 193
Кучеров М.И. – 190, 191
Кучин – 171
Кюлов В. – 11, 34, 155, 157, 161,
166, 167
Кюн – 35
Лабнес Я.Б. – 169, 422
Лавринович Ю.Н. – 188
Лавров (Митров) П.Л. – 13, 17,
356, 361, 432
Ладыжеская И.В. – 254, 255, 430
Ладыжинский А.А. – 189
Лазарев Б.В. – 230, 231, 428
Лазарева – 230, 231
Лаконт К. – 237
Ламетри Ж.О. – 69
Ланге М.С. – 191
Ланде (Изгоев) А.С. – 175, 423
Ланде-Изгоева А. – 175
Ландау – 254
Лаппо-Данилевский А.С. – 60
Ларин Ю. (Лурье М.А.) – 45
Лафарг (Маркс) Л. – 35, 36, 144,
343, 363
Лафарг П. – 35, 36, 69, 343, 363
Лашевич М.М. – 322
Лебедев – 234
Лебедев Н.В. – 180, 185, 186
Левин А.Е. – 162
Левина Т.Р. – 413, 414, 437
Левшин Б.В. – 151
Лежнев (Альтшулер) И.Г. – 138,
380, 381, 437
Лейкин Ю.С. – 169, 422
Лейлевский – 368
Лекомп Т. – 238

- Ленев А.Д.** – 190
Ленин (Ульянов) В.И. – 5, 9, 10, 26-29, 33, 34, 37, 38, 40-46, 50-56, 58, 64, 78, 83, 84, 87, 90, 91, 97, 98, 102, 103, 125, 137, 149, 157-159, 163, 206, 311-317, 320, 324, 325, 327, 328, 336, 372, 373, 375, 376, 403, 414, 415
Леонович В.В. – 264, 430
Леонович (Квитко) М.И. – 255, 256, 430
Леонтьев Л.В. – 172, 173
Леонтьев Я.В. – 172, 173
Лепешинский П.Н. – 274
Лессинг Г.Э. – 317
Либер М. ((Гольдман М.И.)) – 203
Либих (Фихман) А.Л. – 212, 122, 132, 133, 141, 145, 361, 394, 395
Либих З.Н. – 121, 122, 132-134, 138, 141, 143-145, 147, 151, 394, 395
Либих Л.Н. – 121, 122, 132, 133, 137, 138, 141, 142, 145, 146, 151, 394, 400
Либих Н.Б. – 114, 120-122, 125, 130, 132, 141, 142, 145, 146, 379, 388, 413, 414
Либкнехт В. – 69, 359
Либкнехт К. – 36
Либкнехт Т. – 68
Липендин П.Ф. – 137, 139, 372, 373, 413, 414, 415, 436
Липкин С.И. – 151, 165
Липов – 417
Литвинов М.М. (Валлах М.) – 359
Лихачев П. – 148
Лишино-Шатеевская Н. – 236
Лодков А.А. – 169, 422
Лозовский С.А. – 8, 39, 45, 158
Лонге Ж. – 342, 343
Лонге (Маркс) Ж. – 18, 342, 343
Лонге Ш. – 342
Лужская П.А. – 188
Лукач Г.Б. – 68
Лукин Н.М. – 64, 67, 75
Луначарский А.В. – 8, 43-45, 57, 64, 95, 99, 124, 186
Луппол И.К. – 67
Лурье С.Я. – 45, 93, 227-229
Лутовинов Ю.Х. – 50
Луцкий – 226
Львицын И.Г. – 176
Любавская В.М. – 301
Любавский М.К. – 60, 186, 209, 210, 301
Майер Г. – 65, 99, 128, 164
Майш Н. – 259
Максаков В.В. – 62, 153
Максимовский – 116
Маленков Г.М. – 140
Малон Б. – 21
Мальтус Т. – 21, 124
Мальшев С.П. – 60
Мандельштам О.Э. – 112, 114, 165
Мансфельд Л.Н. – 177, 178
Манцев – 306
Марат Ж.П. – 74
Марков А.Д. – 149
Маркс К. – 9, 10, 17, 21, 23, 31, 34-38, 52, 53, 64-70, 72-74, 76, 78-80, 98, 99, 106, 108, 118, 119, 144, 150, 223, 224, 278, 293, 304, 311, 312, 314-316, 318-320, 322, 323, 325, 331-334, 336, 341-343, 350-352, 356-360, 363, 369, 376, 415, 426, 435
Марр Н.Я. – 228
Мартов (Цедербаум) Ю.О. – 26, 39, 43, 45, 56, 64, 90, 91, 118, 158, 163, 342, 425

- Мартынов (Пиккер) А.С. – 43,
335, 357
Маслов П.П. – 294, 309
Маслова П.А. – 305
Матвеев В.И. – 169, 422
Маторина С.С. – 266
Матулевич И.О. – 417-419, 421
Матьез А. – 69, 237, 244
Махлин Д.Я. – 177, 178
Машкова (Шиф) К.Б. – 12, 128,
131, 151
Мдинарадзе В. – 238, 239
Мегарский К.М. – 190
Медведев – 366
Медведев Р.А. – 165, 167
Межлаук В.И. – 303
Мельхен-Хелфен И.О. – 68
Менгер А. – 35
Менжинский В.Р. – 84, 88, 106,
203, 226, 296, 303, 331, 332,
335, 336, 351-353, 430
Меринг Ф. – 124, 166, 223
Мечников И.И. – 362
Мешковский – 169, 422
Мещеряков Н.Л. – 153
Микоян А.И. – 148
Мильман – 242
Милютин В.П. – 8, 34, 45,
318-320
Минский М. – 275, 289
Миньков М.И. – 249-251
Митин М.В. – 101
Михайлов – 179, 191
Михайловский Н.К. – 13
Молотов (Скрябин) В.М. – 50,
65, 91, 97, 109-111, 126, 347,
376
Молчанов – 389
Мор Т. – 74
Морозов И.А. – 248
Морозов Н.К. – 90, 91
Мрачковский С.В. – 239, 240
Муранов М.К. – 44, 99
Мутник А.Я. – 82
Мушперт Я. – 353, 435
Мясников Г.И. – 81, 205, 206,
241, 242
Мясникова – 241, 242, 429
Мячин – 188
Наглер Р. Л. – 68
Назарьев М. – 175
Нарышкины – 137
Насонов А. Н. – 241, 244, 245
Насонов Н. В. – 241, 244, 245
Некрасов Н. А. – 21
Ненашев И. – 310, 433
Ненашева Л. – 310, 433
Непомнящая Н. И. – 72, 171
Нессельроде К. В. – 137, 385
Нетта (см. Либик
(Фихман) А. Л.)
Неуймина Е. – 263, 264, 280, 281,
284
Нечкин Д. И. – 67, 91, 184
Никандр Московский – 200
Никдорф – 101
Николаев А. Л. – 151
Николаев Л. В. – 131
Николаевский Б. И. – 60, 68, 81,
84, 129, 130, 146, 224-226,
342, 357, 358, 359, 426
Николаевский В. И. – 226
Ницун К. С. – 173, 174
Новицкий Ю. П. – 198, 201, 202,
425
Ногин В. П. – 44, 45
Оболенская В. А. – 266, 267, 431
Оболенский В. В. – 94, 266, 267,
431
Оболенский С. В. – 266, 267
Обухов А. М. – 268, 269
Обухова Н. А. – 268, 269,
Огнев Д. Ф. – 198, 200, 202, 204,
425

- Одинцов С. П. – 176
Озеров И. Х. – 272, 273, 431
Озерова Е. – 272, 273
Окулич-Казарин Н. Ф. – 94
Ольденбург (Клеменс) Е. Г. – 76
Ольденбург С. Ф. – 76, 77, 228
Олькеницкий И. И. – 177, 178
Ольминский М. С. – 64
Ольский – 424
Омулевский (Федоров) И. В.
– 26
Орбели И. А. – 227, 228, 427
Орджоникидзе Г. К. (Серго)
– 123, 128, 259, 284, 377, 436
Осецкий К. фон – 118, 166
Осинский Н. (Оболенский В. В.)
– 332, 333
Осипов В. А. – 136, 151
Оуэн Р. – 294
- Павлов – 94
Павлов И. П. – 62, 81, 194, 195,
229
Павлович М. П. – 15
Пайпс Р. – 155
Парийский Л. Н. – 200, 201
Паскаль Б. – 323
Паскаль П. К. 68, – 117, 323
Пахомов – 366
Певзнер Е. М. – 103
Певзнер И. – 192, 424
Пекарский – 279
Пергамент М. Я. – 422
Перетц В. Н. – 126, 379
Перченоч Ф. Ф. – 162
Петерсон – 327
Петр I Великий – 195
Петров – 219
Петровская М. – 262, 413, 415
Петровский Ф. А. – 262
Петрушевский Д. М. – 69, 81,
212, 241, 244, 245, 247, 262,
281, 295
- Пешкова (Волжина) Е. П. – 95,
267, 271, 292, 307
Пикус С. – 192, 424
Пиллар Р. А. – 362, 389
Писарев Д. И. – 13
Пичета В. И. – 60
Платонов А. – 179
Платонов С. Ф. – 60, 81, 264, 430
Плеханов Г. В. – 17, 26, 41, 66,
69, 205, 314, 317, 320, 358
Подбельский В. Н. – 214
Подбельский П. – 214
Подбельский Ю. Н. – 213, 214
Поканевич Н. П. – 151
Покровский М. Н. – 8, 61, 64, 76,
117, 236, 318, 321, 429
Полевой Ю. З. – 156
Полиевктов М. А. – 60
Полукарпов С. И. – 169, 422
Поляков Н. Н. – 191
Поляков - Хреновский А. А.
– 176
Полянская З. Э. – 302
Попов В. П. – 163
Поскребышев А. Н. – 111
Поспелов – 234
Постышев Н. И. – 376
Потемкин Ф. – 77
Потресов (Старовер) А. Н. – 358
Потресо́ва А. – 307, 308
Правоморов – 285
Преображенский Е. А. – 64, 81,
99, 127, 236, 237, 333
Пресняков А. Я. – 60, 61
Преснякова А. – 188
Прокофьев Г. Е. – 116, 275, 330,
339, 340, 347, 353
Проферансов Н. И. – 67, 296,
432
Проферансова Ю. – 296
Пушнянский – 169, 422
Пшеницын – 116
Пшеничный А. П. – 154

- Пятаков Г. Л. – 37, 303, 356, 429
Пятницкий (Таршис) И. А. – 360
- Рабель Б. – 10
Рабинович – 376
Рабинович Б. Я. (Розин М. Л.)
– 291-294, 432
Радек (Собельсон) К. Б. – 64,
92, 196, 327, 424, 434
Радченко Л. Н. – 267, 431
Радченко Л. Н. – 267, 431
Раевская Е. А. – 257, 260
Раевская Н. Ф. – 240, 253, 257,
260
Раевский А. А. – 94, 240, 251,
252, 257, 429
Раздольский Р. – 68
Рамзаев Д. А. – 137, 371-373,
375, 414
Рамзин Л. К. – 306, 432
Раппопорт С. А. – 43
Рар А. А. – 181
Рар Е. Л. – 181
Ратнер Л. И. – 192, 424
Рауперт А. А. – 171, 422
Рейснер В. К. – 176
Рейснер М. А. – 64, 202
Реннер К. – 34
Репман В. А. – 273-277, 285
Репман В. В. – 273-277, 285
Реуэль А. Л. – 334
Реформаторский А. Н. – 184
Ризенкамф А. К. – 272
Ризенкамф Г. К. – 269, 270
Ризенкамф Е. Г. – 269, 270
Рикардо Д. – 21, 69, 123, 124,
147, 166, 378, 380, 381, 437
Ритнер – 397
Робеспьер М. – 378
Рогинский А. К. – 184
Рогов Д. М. – 176
Роговин В. Г. – 85, 155, 163, 167
Рождественская – 249
- Розанов И. А. – 391, 394
Розенберг Д. – 123
Розенфельд – 99
Розмирович Е. Ф. – 169, 176
Розов П. – 293
Рокитянский Я. Г. – 10, 11, 154,
155, 159, 160, 164, 165, 167,
436
Романов Б. И. – 179, 180, 188
Романчук – 169, 422
Росси Ж. – 163
Ростовцев М. И. – 228, 427
Роцаковский М. С. – 426, 427
Рубашева А. И. – 117
Рубен Р. Г. – 360
Рубин И. И. – 67, 76, 91, 103,
105-110, 112-115, 120, 128,
147, 315, 325, 326, 328-339,
346-355, 360, 367, 402, 434,
435
Рубинштейн В. – 19
Рудин – 349
Руммер О. – 67
Руссак С. И. – 169, 422
Рутзутак Я. Н. – 303, 368
Рыков А. И. – 44, 45, 57, 78, 84,
92, 87, 125, 127, 129, 198, 201,
202, 264
Рыков П. С. – 135, 136, 140,
381-383, 385-387
Рындин К. В. – 349
Рыцев В. К. – 218-221
Рыцева А. Н. – 218-221
Рязанова (Брановер) А. Л. – 23,
25, 26, 30, 33, 34, 59, 82,
120-122, 124, 128, 129,
131-134, 137, 138, 141-143,
146-149, 156, 205, 206, 237,
340, 341, 345, 362, 364-370,
379, 389, 391, 394, 395, 398,
407-411
Рязанский А. М. – 425
Сабуров Б. А. – 256, 282, 283

- Сабуров Ю.А. – 256, 282, 283
Сабурова Е. В. – 218
Сабурова К. А. – 256, 282, 283
Сабурова М. А. – 218, 254, 426, 427
Савельев М. А. – 324, 325, 328
Савинов – 173, 422
Садуль Ф. – 41
Сажин М. П. – 362, 436
Сазыкин – 216
Самоквасов Д. Я. – 61
Санд Ж. – 21
Сапронов Т. В. – 259, 430
Сахаров А. Д. – 150
Сахарова – 284
Свердлов Я. М. – 49-51, 169, 171
Свердлова В. А. – 289, 290
Свинцов В. – 164
Свифт Д. – 133
Свяцкий – 297
Сегалов Л. Ю. – 279, 280
Сегалова М. – 279, 280
Седельников В. – 155, 160, 163, 164
Седенко-Витязев Ф. И. – 289, 294, 302, 432
Секалова С. Л. – 117
Селиванов – 140
Селиванов В. И. – 60-61
Семенов – 199
Семенов (Васильев) Г. И. – 196, 197, 424
Семенова В. – 293
Сергиевский Ю. В. – 185
Серго (см. Орджоникидзе Г. К.)
Серебряков Л. Н. – 303
Серж В. – 78, 86, 105, 110, 153, 162, 163, 165
Симонов Н. С. – 159
Скворцов-Степанов И. И. – 64, 318, 321, 333, 357
Склянский Э. М. – 44
Скорбин – 379, 397
Славатинский – 390, 408
Слепков – 400, 413, 414, 415
Слепцов В. А. – 26
Смилга И. – 328
Смирнов (см. Гуревич Э. Л.)
Смирнов – 200
Смирнов А. Н. – 169, 171, 422
Смирнов В. М. – 237, 249
Смирнов Д. В. – 169, 422
Смирнов И. Н. – 123, 126, 141, 388, 389, 391, 394, 396, 397, 404, 406, 412, 414, 415, 419, 437
Смирнов Я. И. – 228, 428
Смирнова В. А. – 10, 160, 165
Смирнова М. Г. – 399
Смирнова О. И. – 379, 388, 394, 396, 397, 402, 412, 414, 415
Смирнова Р. М. – 396, 397, 399, 412, 414, 415
Смит А. – 69, 350
Смит М. Н. – 123, 124
Смысловская Е. Н. – 187
Смысловская Т. А. – 187
Смысловский А. Н. – 187
Смысловский Б. А. – 187
Соколов – 199
Соколов В. В. – 189, 424
Соколовская Б. – 306, 307, 432
Соколовский – 306, 307, 432
Солженицын А. И. – 81, 162, 429
Солнцев Е. – 94, 109, 230, 299, 300, 427
Солнцева – 299, 300, 432
Соловьев – 284
Солодянкина О. Ю. – 11, 62, 150, 155, 156, 158, 160, 163, 164, 167
Солонович Г. – 226, 248, 249, 429, 430
Солонович Е. Г. – 226, 248, 249, 429, 430
Солонович Е. И. – 221, 222, 225

- Солонович И. А. – 221, 222, 225
Сольц А. А. – 434
Сорин – 328
Сорокин С. – 345
Спенс Т. – 294
Сперанский М. М. – 226
Стасова Е. Д. – 87, 423
Сталин (Джугашвили) И. В. – 5,
7, 10, 53, 55, 56, 65, 80, 84, 85,
92, 96-107, 109-112, 114, 115,
118-121, 125-131, 133, 134,
137, 139-142, 150, 163, 237,
312-314, 317, 327, 328, 347,
372, 376, 378, 402, 403, 413,
414, 429, 437,
Станкевич А. А. – 173, 422, 423
Станкевич Д. А. – 173, 423
Старостин Е. В. – 155
Стеклов (Нахимкес) Ю. М. – 8,
15, 17, 19, 21, 26, 43, 64, 79,
143, 156, 376
Степанов (см. Скворцов-
Степанов И. И.)
Степняк-Кравчинский С. М. – 21
Стецкий А. И. – 112, 120, 334,
349
Стрельников Я. В. – 13
Стромин А. Р. – 143, 145, 407,
410, 411, 416, 437
Стучка П. И. – 44, 64
Струмилини (Струмилло-
Петрашкевич) С. Г. – 263
Стэн Я. Э. – 67, 103, 311, 312,
317, 360
Суварин Б. – 68
Суворин А. С. – 23, 28
Сумгин М. – 75
Суханов Н. (Гиммер Н. Н.) – 112,
264, 331, 335, 352, 353, 434
Суханова Г. К.
(Флаксерман Л. А.) – 89, 285,
290, 301, 347, 431
Таль Б. М. – 334, 349
Танеев П. В. – 285
Тапузи С. Я. – 15
Тарасов – 170
Тарле В. Е. – 60, 61, 68, 69, 81,
248
Татаринова А. П. – 117
Таубин Р. А. – 381, 382, 383, 386,
387
Тедерс Е. А. – 190
Тедерс П. А. – 190
Тендер Я. – 178
Теодорович И. А. – 45, 430
Тер-Ваганян В. А. – 67, 94, 103,
311, 312
Тимофеев Е. М. – 191, 192
Тиунов С. Л. – 241-242, 429
Тихомиров Л. А. – 13
Тихон (Белевин В. И.) – 200, 425
Ткачев П. Н. – 13
Товстуха И. П. – 97, 111, 116
Толанд Д. – 69
Толмачев М. А. – 391
Толстой Л. Н. – 21, 49
Толь – 13
Тома А. – 359
Томашевич – 179, 191
Томский М. П. – 57, 92, 97, 123,
127, 129
Томсон В. – 293, 294
Трилиссер М. А. – 430
Троицкая Н. И. – 186
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. – 37,
40, 41, 43-46, 51, 53, 54, 56,
80, 81, 83-85, 87, 92, 97, 99,
110, 118, 125, 163, 166, 223,
224, 237, 315, 316, 325, 378,
402, 405, 406, 412, 413, 415,
427, 434, 437
Трояновский А. А. – 171, 331,
351
Тугендгольд-Шиновская Р.
– 221, 222, 225

- Тукинов К. – 219
Туманов Г. М. – 231
Туманов Л. Г. – 231, 232
Туманова М. Г. – 31, 232, 243, 428
Туманова М. М. – 428
Тургенев И. С. – 21
Тушелевич Б. А. – 169, 422
- Угланов Н. А. – 429
Удабува – 293
Удальцов А. Д. – 67
Ульянов Г. А. – 151
Ульянова М. И. – 284
Уншлихт И. С. – 203
Урусов С. Д. – 235, 236, 428, 429
Усиевич Г. А. – 204
Усольцев П. Н. – 169, 422
Успенский Г. И. – 21
Уханов П. И. – 169, 422
Ушкин И. П. – 169, 422
- Файман Г. – 437
Федотов – 17
Фейербах Л. – 69, 311, 314
Фелинг А. В. – 68
Фельштинский Ю. Т. – 162, 167
Ферсман Е. А. – 76, 78
Фигнер В. Н. – 95, 96, 124, 146, 361, 362, 430, 436
Фигнер О. Н. – 361
Физман С. С. – 23
Филлинг М. И. – 68
Фиттерман – 209
Фишер Г. М. – 280
Фогель – 181
Фокин А. М. – 281, 295
Фомин Н. А. – 175
Фомичев В. Н. – 155, 161
Фомичев И. П. – 169, 422
Фрид В. Я. – 212
Фридлянд Ц. С. – 8, 67
- Фриче В. М. – 64
Фрумкин М. И. – 286
- Халатов – 308
Харитонов А. А. – 177, 178
Харитонов Е. А. – 94
Хворостин К. Т. – 140, 385
Хлевнюк О. В. – 131, 167, 168
Ходскин (см. Годскин Т.)
Хорошилкин – 424
Хорхордина Т. И. – 155, 160
Храмченков И. И. – 169, 422
Хржановский Я. – 275, 276, 431
Хрущев Н. С. – 147
Хухрина Я. – 426
- Цветков Б. А. – 190
Цветов И. – 173
Цедербаум К. И. – 217, 261, 296-298
Цедербаум Л. О. – 118, 342, 343
Цедербаум (Левитский) В. О. – 91, 291-294, 432
Цедербаум (Ежов) С. О. – 82, 91, 215-217, 260-261, 296-298
Цедербаум Ю. С. – 217, 260, 261
Цезырев В. Ф. – 423
Центилович Н. Н. – 263, 264, 280, 281, 284
Цепаев – 415, 416, 417
Церетели А. М. – 231
Церетели И. Г. – 41
Цеткин К. – 34, 72
Циперович Г. – 15
Цобель Э. И. – 8, 68, 335, 343, 356, 359
Цоглин В. А. (Кац-Тарас Д.) – 286, 295
Цоглина-Желудская М. – 286, 295
Цулун Т. Н. – 190
Цюрупа А. Д. – 92

- Чельцов М. Н. – 198, 200, 202, 204, 425
Черепанин – 338
Чернов В. М. – 197
Чернышевский Н. Г. – 13, 17, 143
Чехов А. П. – 28
Чирский – 169, 422
Чиченков А. А. – 169, 422
Чичерин – 297
Чичерин Г. В. – 359
Чичкин А. В. – 287, 288
Чичкина В. В. – 287, 288
Чихачев М. С. – 191
Чихачев Ф. П. – 182
Чуков Н. К. – 198, 200, 202, 204, 425
- Шавочкин – 243, 244
Шайневич А. М. – 234
Шапиро Л. – 10, 154
Шапошников Б. В. – 181
Шарапов Ю. П. – 148
Шарко Е. В. – 187, 188, 424
Шейберт П. – 155
Шейман А. Л. – 303
Шейн С. П. (Сергий) – 198, 201, 202, 425
Шеклин – 243, 244
Шекспир В. – 21
Шер В. В. – 105, 112, 120, 315, 338, 348, 355-357, 436
Шереметев П. С. – 431
Шереметьева П. – 82
Шескин Ф. М. – 177, 178
Шестаков В. П. – 169, 422
Шестакова Е. – 307, 308
Шиллер Ф. – 21
Шиллер Ф. П. – 68, 335
Шимановский – 424
Шиндер О. Я. – 177, 178
Шиндлер О. – 96
Шипов О. Н. – 185
- Шипова Н. О. – 185
Шиф Б. О. – 128, 131
Шиф О. И. – 15
Шкирятов М. Ф. – 129, 284, 402, 434
Шлейфер Ю. О. – 169, 422
Шлоссер Ф. К. – 13
Шляпников А. Г. – 45
Шмидт С. О. – 153
Шмит И. – 101, 102
Шмюкле К. К. – 68, 117
Шпаковский И. И. – 169, 171, 422
Шполянский – 188
Штейнберг Г. Е. – 213
Штейнберг Е. В. – 213
Штейншнейдер А. М. – 67
Штейншнейдер (Фихман) Ф. Л. – 122, 132, 138, 361
Шутов Е. – 219
- Щадилов А. И. – 232-234, 428
Щадилова Н. Ф. – 428
Щеглов Д. – 13
Щеголев П. Е. – 204
Щеколдин – 274, 275
Щупак С. Ф.
- Эвэрт – 120
Эдельман – 394, 395-397, 399-404, 436
Эльман Е. О. – 298, 299
Эльман Р. – 298, 299
Энгельс Ф. – 9, 17, 21, 31, 35-38, 64-70, 72-74, 78-90, 98-100, 118, 119, 144, 150, 223, 244, 312, 314, 316, 318, 319, 324, 325, 331, 332, 336, 342, 350-352, 356-360, 363, 369, 401, 415
Эристов А. М. – 179
Эристов Е. А. – 179
Эртель А. В. – 270-272

- Ювеналий Тульский – 206
Юдин П. Ф. – 101
Юницкая М. Е. – 180
Юницкий П. Е. – 180
- Ягода Г. Г. – 105, 115, 120, 138,
141, 244, 326, 327, 331, 332,
340, 352, 354, 365, 367, 430
- Яковлева Л. – 8
Якубович М. П. – 106, 338
- Янковская М. П. – 183
Янковский И. П. – 183
Янсен М. – 425
Яншина Ф. Т. – 162
Ярославский А. – 11, 34
Ярославский Е. М. (Гибельман
М. И.) – 56, 95, 101, 129, 237,
242, 363, 402
Яхот И. – 164, 436
Ятманов – 228

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
Я.Г. РОКИТЯНСКИЙ, Р. МЮЛЛЕР. Гуманист, ученый, общественный деятель (1870-1938). Биографический очерк.....	7
Фигура умолчания - разновидность лжи	8
Солнечный город Одесса	12
Первая эмиграция (1900-1905)	26
Кровавое начало века	30
Вторая эмиграция (1907-1917)	34
1917 год	39
Инакомыслящий	44
Организатор научных исследований	58
Во главе Института К. Маркса и Ф. Энгельса	62
На вершине славы	73
Народный заступник (1918-1930)	81
Рязанов и Сталин	96
Расправа	105
"В глушь, в Саратов"	119
Оттепель не состоялась	126
Негласный, но явный надзор	132
Мужество до последнего вздоха	139
Эпилог	145

Примечания	153
------------------	-----

ЧАСТЬ I

**Письма в адрес Рязанова и другие документы
(сентябрь 1918 - начало 1931 г.)**

1. Е. Ф. Розмирович - начальнику Таганской тюрьмы. 4 сентября 1918 г.	169
2. Я. М. Свердлов - Д. Б. Рязанову. 16 октября 1918 г.	169
3. Э. А. Виллумсен - Д. Б. Рязанову. 14 ноября 1918 г.	170
4. Я. М. Свердлов и А. С. Енукидзе - Следственному отделу при ВЦИК и Верховному ревтрибуналу ВЧК. 30 октября 1918 г.	171
5. А. К. Каминка - Д. Б. Рязанову. 14 ноября 1918 г.	171
6. Л. В. Леонтьев - Д. Б. Рязанову. 16 ноября 1918 г.	172
7. И. Цветов - Д. Б. Рязанову. 28 ноября 1918 г.	173
8. З. С. Козицина - Д. Б. Рязанову. Перед 28 ноября 1918 г.	173
9. Заявление коллегии врачей Николаевской детской больницы. 29 ноября 1918 г.	174
10. А. Ланде-Изгоева - ВЦИК. 2 декабря 1918 г.	175
11. М. Назарьев - Д. Б. Рязанову. 4 декабря 1918 г.	175
12. А. Брагинский - Д. Б. Рязанову. 15 января 1919 г.	175
13. Е. Ф. Розмирович - начальникам Бутырской и Таганской тюрем. 8 февраля 1919 г.	176
14. Правление Петроградского профсоюза работников банково-кредитного дела - Центральному правлению профсоюза. 11 апреля 1919 г.	177
15. Н. Крыленко, А. Кресер - Д. Б. Рязанову. 4 июля 1919 г.	178
16. Справка о Е. А. Эристове. После июня 1919 г.	179
17. Справка о Б. И. Романове. После 30 августа 1919 г.	179
18. Справка о П. Е. Юницком. После 30 августа 1919 г.	180
19. Справка о В. М. и К. М. Гейер. После 15 сентября 1919 г.	180
20. Справка о Б. В. Шапошникове. После 20 сентября 1919 г.	181
21. Справка о Е. Л. и А. А. Рар. После 24 сентября 1919 г.	181
22. Справка о А. Н. Зимбицком. Конец сентября 1919 г.	182

23. Справка о Ф.П. Чихачеве. После сентября 1919 г.	182
24. М.П. Янковская - Д.Б. Рязанову. После 15 октября 1919 г.	183
25. Справка о А.К. Рогинском. После 9 октября 1919 г.	184
26. Справка о Н.В. Крылове. После 13 октября 1919 г.	184
27. Справка о А.А. Горячеве. После 22 октября 1919 г.	184
28. Справка о Д.Н. Шипове. После 22 октября 1919 г.	185
29. Справка о Я.Б. Карповиче. После 25 октября 1919 г.	185
30. Справка о Н.В. Лебедеве. После 28 октября 1919 г.	185
31. Справка о П.П. Волконском. После 30 октября 1919 г.	186
32. Справка о Е.Н. и А.Н. Смысловских. После 4 нояб- ря 1919 г.	187
33. Справка о Е.В. Шарко. Конец 1919 г.	187
34. А. Преснякова - Д.Б. Рязанову. 1919 г.	188
35. Справка о И.В. Бабанцеве. 1919 г.	188
36. Справка о Н.Н. Кутлере. 1919 г.	188
37. Справка о В.В. Соколове. 1919 г.	189
38. Справка о А.А. Ладыжинском. 1919 г.	189
39. Сообщение из Бутырской тюрьмы. Февраль 1920 г.	190
40. Е.М. Тимофеев - Д.Б. Рязанову. 9 мая 1920 г.	191
41. Справка о группе арестованных в г. Могилеве. Начало 1921 г.	192
42. С.Р. Крейтон - Д.Б. Рязанову 29 ноября 1921 г.	193
43. А. Калецкая - Д.Б. Рязанову. 6 декабря 1921 г.	193
44. И.П. Павлов - Д.Б. Рязанову. 4 мая 1922 г.	194
45. И.П. Павлов - Д.Б. Рязанову. 5 мая 1922 г.	194
46. Из выступления Д.Б. Рязанова на заседании ВЦИК 22 мая 1922 г.	195
47. Из выступления Д.Б. Рязанова на IX Московской губернской конференции РКП(б) 25 июня 1922 г.	195
48. Заключительное слово Л.Б. Каменева на IX Мос- ковской губернской конференции РКП(б) 25 или 26 июня 1922 г.	197
49. А.И. Введенский - Д.Б. Рязанову. 25 июля 1922 г.	198
50. Выступление Д.Б. Рязанова на заседании Прези- диума ВЦИК. 3 августа 1922 г.	198

51. Д.Б. Рязанов - ЦК РКП(б). Осень 1922 г.	202
52. А.А. Жижиленко - Д.Б. Рязанову. 12 декабря 1922 г.	204
53. Г.И. Мясников - Д.Б. Рязанову. 3 августа 1923 г.	205
54. Р.М. Бовшовская - Д.Б. Рязанову. 8 января 1924 г.	207
55. Справка о Е.С. Гидаскиной. После 1924 г.	209
56. М.А. Любавский - Д.Б. Рязанову. 3 мая 1925 г.	209
57. Справка о А.С. Арсеньевой. 30 октября 1925 г.	210
58. В. Блинова - Д.Б. Рязанову. 27 декабря 1925 г.	210
59 Из выступления Д.Б. Рязанова в Государственном институте по изучению преступности. 26 февраля 1926 г.	211
60. Д.М. Петрушевский - Д.Б. Рязанову. 25 сентября 1926 г.	212
61. Справка о В.Я. Фриде. После 1926 г.	212
62. Е.Г. Штейнберг - Комиссии частной амнистии ВЦИК. После августа 1927 г.	213
63. Е.П. Белоцветова-Подбельская - в Комиссию по амнистии ВЦИК. 8 января 1928 г.	213
64. О.И. Звягинцева - Д.Б. Рязанову. 17 февраля 1928 г.	214
65. П.А. Кантарович - Д.Б. Рязанову. 1 марта 1928 г.	215
66. С.О. Цедербаум - Д.Б. Рязанову. 31 марта 1928 г.	215
67. Е.В. Сабурова - ОГПУ. 5 апреля 1928 г.	218
68. А.Н. Рыцева - Президиуму ВЦИК. 21 апреля 1928 г.	218
69. Р. Тугендхольд-Шиновская - Д.Б. Рязанову. 26 апре- ля 1928 г.	221
70. К.А. Губонина - Д.Б. Рязанову. 12 мая 1928 г.	222
71. Л.Д. Троцкий - Д.Б. Рязанову. Середина мая 1928 г.	223
72. Б.И. Николаевский - Д.Б. Рязанову. 27 июня 1928 г.	224
73. Р. Тугендхольд-Шиновская - Д.Б. Рязанову. 25 июля 1928 г.	225
74. Б.И. Николаевский - Д.Б. Рязанову. 4 октября 1928 г.	226
75. Г. Солонович - Д.Б. Рязанову. После октября 1928 г.	227
76. С.Л. Лурье - Д.Б. Рязанову. Ноябрь 1928 г.	227
77. Е. Солнцев - Д.Б. Рязанову. 16 декабря 1928 г.	230
78. Лазарева - Д.Б. Рязанову. Конец 1928 г.	230

79. Л.Г. Туманов - Д.Б. Рязанову. Начало 1929 г.	231
80. А.И. Щадилов - Д.Б. Рязанову. 20 января 1929 г.	232
81. Справка о А.М. Шайневиче. 26 января 1929 г.	234
82. М.Н. Ионова - Д.Б. Рязанову. 1 февраля 1929 г.	235
83. Выписка из протокола N 97 Президиума ВЦИК. 25 февраля 1929 г.	235
84. Н. Лицино-Шатеевская - Д.Б. Рязанову. 15 мар- та 1929 г.	236
85. Е.А. Преображенский - Д.Б. Рязанову. 27 марта 1929 г.	236
86. Г. Григоров - Д.Б. Рязанову. 30 марта 1929 г.	237
87. С.М. Красный - Д.Б. Рязанову. 2 апреля 1929 г.	238
88. В. Мдинарадзе - Д.Б. Рязанову. 8 апреля 1929 г.	238
89. А. Аренский - Д.Б. Рязанову. 11 апреля 1929 г.	239
90. Н.Ф. Раевская - Д.Б. Рязанову. 11 апреля 1929 г.	240
91. Д.М. Петрушевский - Д.Б. Рязанову. 29 апреля 1929 г.	241
92. С.Л. Тиунов - Д.Б. Рязанову. 25 апреля 1929 г.	241
93. С.Д. Куниский - Д.Б. Рязанову. 5 мая 1929 г.	242
94. П. Канаков - Д.Б. Рязанову. 17 мая 1929 г.	243
95. Шавочкин и другие - Д.Б. Рязанову. 21 мая 1929 г.	243
96. Д.М. Петрушевский - Д.Б. Рязанову. 30 мая 1929 г.	244
97. З.Б. Ганглевская - Д.Б. Рязанову. 12 июня 1929 г.	245
98. Справка о А.М. Голицине. После 12 июня 1929 г.	245
99. С.Д. Куниский - Д.Б. Рязанову. 15 июня 1929 г.	246
100. М.А. Истомина - Д.Б. Рязанову. 17 июня 1929 г.	247
101. Д.М. Петрушевский - Д.Б. Рязанову. 20 июня 1929 г.	247
102. Е.В. Тарле - Д.Б. Рязанову. 29 июня 1929 г.	248
103. Г. Солонович - Д.Б. Рязанову. 1 июня 1929 г.	248
104. М.И. Миньков - Д.Б. Рязанову. 8 июня 1929 г.	249
105. В.М. Коробков - Президиуму ОГПУ. 20 августа 1929 г.	251
106 Н.Ф. Раевская - отделу частных амнистий ЦИК СССР. 9 октября 1929 г.	253
107. М.С. Гудович - Д.Б. Рязанову. 11 октября 1929 г.	253
108. М. Волкова - Д.Б. Рязанову. 18 октября 1929 г.	254

109. М. Волкова - Д.Б. Рязанову. 18 октября 1929 г.	255
110. М.И. Леонович - Д.Б. Рязанову. 29 октября 1929 г.	255
111. К.А. Сабурова - Д.Б. Рязанову. 5 ноября 1929 г.	256
112. М.С. Гудович - Д.Б. Рязанову 15 ноября 1929 г.	257
113. Е.А. Раевская - Д.Б. Рязанову. 15 ноября 1929 г.	257
114. Т.А. Аскендарян - Д.Б. Рязанову. 19 ноября 1929 г.	258
115. Н. Майш - Д.Б. Рязанову. 19 ноября 1929 г.	259
116. Е.А. Раевская - Д.Б. Рязанову. 25 ноября 1929 г.	260
117. С.О. Цедербаум - Д.Б. Рязанову. 28 ноября 1929 г.	260
118. Д.М. Петрушевский - Д.Б. Рязанову. 30 ноября 1929 г.	262
119. М. Петровская - Д.Б. Рязанову. 9 декабря 1929 г.	262
120. Е. Неуймина - Д.Б. Рязанову. 14 декабря 1929 г.	263
121. С.Ф. Платонов - Д.Б. Рязанову. 21 декабря 1929 г.	264
122. С.С. Маторина - Д.Б. Рязанову. 21 декабря 1929 г.	266
123. В.А. Оболенская - Д.Б. Рязанову. 20 января 1930 г.	266
124. Л.Н. Радченко - Д.Б. Рязанову. 15 февраля 1930 г.	267
125. Н.А. Обухова - Д.Б. Рязанову, 19 февраля 1930 г.	268
126. Е.Г. Ризенкампф - Д.Б. Рязанову. 2 марта 1930 г.	269
127. И.И. Эртель - Д.Б. Рязанову. 4 марта 1930 г.	270
128. А.К. Ризенкампф - Д.Б. Рязанову. 6 марта 1930 г.	272
129. Е. Озерова - Д.Б. Рязанову. Середина марта 1930 г.	272
130. В.В. Репман - Д.Б. Рязанову. 19 марта 1930 г.	273
131. М. Минский - Д.Б. Рязанову. 29 марта 1930 г.	275
132. Я. Хржановский - Д.Б. Рязанову. 13 апреля 1930 г.	275
133. В.В. Репман - Д.Б. Рязанову. 13 апреля 1930 г.	276
134. С.Н. Градовская - Д.Б. Рязанову. 19 апреля 1930 г.	277
135. М. Сегалова - Д.Б. Рязанову. 21 апреля 1930 г.	279
136. Е. Неуймина - Д.Б. Рязанову. 24 апреля. 1930 г.	280
137. Д.М. Петрушевский - Д.Б. Рязанову. 26 апреля 1930 г.	281
138. М.С. Гудович - Д.Б. Рязанову. 27 апреля 1930 г.	281
139. К.А. Сабурова - Д.Б. Рязанову. 29 апреля 1929 г.	282
140. А. Гесин - Д.Б. Рязанову. 5 мая 1930 г.	283

141. Е. Неуймина - Д.Б. Рязанову. 5 мая 1930 г.	284
142. П.В. Танеев - Д.Б. Рязанову. 5 мая 1930 г.	285
143. В.В. Репман - Д.Б. Рязанову. 16 мая 1930 г.	285
144. М. Цоглина-Желудская - Д.Б. Рязанову. 18 мая 1930 г.	286
145. Г.В. Караманенко - Д.Б. Рязанову. 28 мая 1930 г.	286
146. В.В. Чичкина - Д.Б. Рязанову. 31 мая 1930 г.	287
147. Е.Я. Кобранов - Д.Б. Рязанову. 5 июня 1930 г.	288
148. М. Минский - Д.Б. Рязанову. 9 июня 1930 г.	289
149. В.А. Свердлова - Д.Б. Рязанову. 10 июня 1930 г.	289
150. Денисьева - Д.Б. Рязанову. 13 июня 1930 г.	290
151. А. Каплан - Д.Б. Рязанову. 23 июня 1930 г.	291
152. В.О. Цедербаум- Левицкий - Д.Б. Рязанову. 27 июня 1930 г.	291
153. М. Цоглина-Желудская - Д.Б. Рязанову. 5 июля 1930 г.	295
154. Д.М. Петрушевский - Д.Б. Рязанову. 13 июля 1930 г.	295
155. Ю.Проферансова - Д.Б. Рязанову. 30 сентября 1930 г.	296
156. К.И. Цедербаум - Д.Б. Рязанову. 4 октября 1930 г.	296
157. Е.С. Эльман - Д.Б. Рязанову. 5 октября 1930 г.	298
158. Солнцева - Д.Б. Рязанову. 7 октября 1930 г.	299
159. Ю.Ашпиз-Полеева - Д.Б. Рязанову. 9 октября 1930 г.	300
160. В.М. Любавская - Д.Б. Рязанову. 13 октября 1930 г.	301
161. В. Комаровская - Г.К. Сухановой. 28 октября 1930 г.	301
162. З.Э. Полянская - Д.Б. Рязанову. Конец октября 1930 г.	302
163. В.Н. Коробкова - Д.Б. Рязанову. 12 ноября 1930 г.	303
164. К. Колокольникова - Д.Б. Рязанову. Ноябрь 1930 г.	304
165. К. Колокольникова - Д.Б. Рязанову. Ноябрь 1930 г.	305
166. А.С. Гинзбург - Д.Б. Рязанову. Начало декабря 1930 г.	305
167. Б.Соколовская - Д.Б. Рязанову. 14 декабря 1930 г.	306
168. Е. Шестакова - Д.Б. Рязанову. Середина декабря 1930 г.	307

169. Э.Л. Гуревич - Д.Б. Рязанову. Конец 1930 г.	308
170. Э.Л. Гуревич - Д.Б. Рязанову. Конец 1930 г.	308
171. Л. Ненашева - Д.Б. Рязанову. Конец 1930 - начало 1931 г.	310

ЧАСТЬ II

Материалы из следственных дел Д.Б. Рязанова, и другие документы (1931-1938)

1. Д.Б. Рязанов - редакции "Правды" 16 января 1931 г.	311
2. Редакция "Правды" - Д.Б. Рязанову. Вторая половина января 1931 г.	312
3. Д.Б. Рязанов - редакции "Правды". 2 февраля 1931 г.	316
4. И.И. Рубин - Д.Б. Рязанову. 8 февраля 1931 г.	325
5. Ордер на арест Д.Б. Рязанова. 15 февраля 1931 г.	326
6. Протокол об обыске и задержании Д.Б. Рязанова. 16 февраля 1931 г.	326
7. К.Б. Радек - И.В. Сталину. 19 февраля 1931 г.	327
8. Протокол очной ставки. 20 февраля 1931 г.	328
9. Постановление ОГПУ о принятии дела к производству. 21 февраля 1931 г.	329
10. Д.Б. Рязанов в Политбюро и ЦКК ВКП(б). 23 февраля 1931 г.	330
11. Постановление об избрании меры пресечения. 3 марта 1931 г.	336
12. Обвинительное заключение по делу Д.Б. Рязанова. Перед 25 марта 1931 г.	337
13. Служебная записка и резолюция Г.Г. Ягоды. 25-27 марта 1931 г.	339
14. ОГПУ – Суздальскому политизолятору. 7 апреля 1931 г.	340
15. А.Л. Рязанова - Д.Б. Рязанову. 9 апреля 1931 г.	340
16. Д.Б. Рязанов - коллегии ОГПУ. 11 апреля 1931 г.	341
17. Д.Б. Рязанов – редакции журнала "Большевик". 11 апреля 1931 г.	341
18. Д.Б. Рязанов - А.Л. Рязановой. 13 апреля 1931 г.	345
19. Выписка из протокола Особого совещания при коллегии ОГПУ 16 апреля 1931 г.	345
20. Саратовское ОГПУ - ЭКУ ОГПУ. 18 апреля 1931 г.	345

21. Московское ОГПУ - Саратовскому ОГПУ 22 апреля 1931 г.	346
22. Д.Б. Рязанов - Президиуму ЦКК ВКП(б). 28 апреля 1931 г.	346
23. Д.Б. Рязанов - Президиуму ЦКК. 18 февраля 1932 г.	347
24. Д.Б. Рязанов - Ф.Л. Штейншнейдер. 25 июня 1932 г.	361
25. Д.Б. Рязанов - В.Н. Фигнер. 24 января 1933 г.	361
26. Д.Б. Рязанов - Р.А. Пиллару. 4 февраля 1934 г.	362
27. Д.Б. Рязанов - Политбюро ЦК ВКП(б) . 22 февраля 1934 г.	362
28. А.С. Енукидзе - Д.Б. Рязанову. 10 апреля 1934 г.	364
29. Д.Б. Рязанов - Г.Г. Ягоде. 17 августа 1934 г.	365
30. Д.Б. Рязанов - А.С. Енукидзе. 22 августа 1934 г.	365
31. Д.Б. Рязанов - А.С. Енукидзе. Конец августа 1934 г.	366
32. Д.Б. Рязанов - А.С. Енукидзе. 19 сентября 1934 г.	367
33. Д.Б. Рязанов - А.С. Енукидзе. Конец сентября 1934 г.	369
34. Д.А. Рамзаев. Заявление. Май 1935 г.	371
35. Справка по агентурному делу Рязанова Д.Б. 1935.	375
36. Д.Б. Рязанов - Политбюро ЦК ВКП(б). Конец января 1936 г.	379
37. Д.Б. Рязанов. Вынужденная поправка. Заметка в газету "Правда". Начало сентября 1936 г.	380
38. Д.Б. Рязанов - П.С. Рыкову. 7 мая 1937 г.	381
39. П.С. Рыков - Д.Б. Рязанову. 9 мая 1937 г.	383
40. Д.Б. Рязанов - П.С. Рыкову. 9 мая 1937 г.	385
41. Справка об аресте Д.Б. Рязанова. Перед 22 июля 1937 г.	387
42. Д.Б. Рязанов - Н.И. Ежову. 22 июля 1937 г.	389
43. Ордер на арест Д.Б. Рязанова. 23 июля 1937 г.	390
44. Протокол обыска. 23 июля 1937 г.	391
45. Постановление об аресте Д.Б. Рязанова и его расписка 23-24 июля 1937 г.	392
46. Рапорт об обыске и аресте Д.Б. Рязанова. 23 июля 1937 г.	394
47. Протокол допроса Д.Б. Рязанова 26-28 июля 1937 г.	394
48. Заявление Д.Б. Рязанова. 28 июля 1937 г.	397
49. Протокол допроса Д.Б. Рязанова. 28 июля 1937 г.	399
50. Протокол допроса Д.Б. Рязанова. 22 ноября 1937 г.	404
51. Д.Б. Рязанов. Заявление. 22 ноября 1937 г.	405

52. Справка. Перед 25 ноября 1937 г.	407
53. Справка об аресте А.Л. Рязановой. Перед 25 ноября 1937 г.	407
54. Ордер на арест А.Л. Рязановой. 25 ноября 1937 г.	408
55. Протокол допроса А.Л. Рязановой. 28 ноября 1937 г.	409
56. Обвинительное заключение по делу А.Л. Рязановой. 15 декабря 1937 г.	410
57. Обвинительное заключение по делу Д.Б. Рязанова. 19 января 1938 г.	411
58. Д.Б. Рязанов. Расписка. 20 января 1938 г.	416
59. Дополнительные обвинения. Около 20 января 1938 г.	416
60. Протокол подготовительного заседания военной коллегии Верховного суда СССР. 20 января 1938 г.	417
61. Протокол закрытого заседания выездной сессии коллегии Верховного суда СССР. 21 января 1938 г.	418
62. Приговор. 21 января 1938 г.	419
63. Справка о расстреле Д.Б. Рязанова. 21 января 1938 г.	421
Примечания	422

Именной указатель	439

Яков Рокитянский, Рейнхард Мюллер

Красный диссидент. Академик Д. Б. Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина

Лр 040103. Издательство "Academia"
117810, Москва, Крымский вал, Мароновский пер., 26
Т/ф 238-25-10; 238-21-44

Шеф-редактор издательства "Academia" В.А. Попов

Технический редактор В.Н. Нестеренко

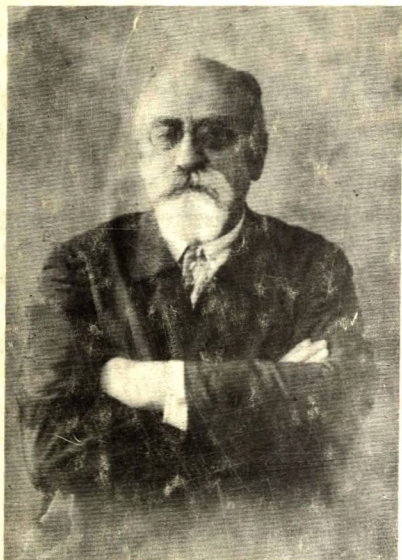
Обложка Е.Е. Скворцовой

Оригинал-макет изготовлен АО "Авиаиздат"

Отпечатано: ИПР Информэлектро,

ООО Информполиграф. Зак. 380

Сдано в набор 19.03.96. Подписано в печать 28.06.96.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура "Апай Суг."
Учетно-изд.л. 38,1. Усл.печ.л. 29. Тираж 500 экз.
Цена договорная

Книга посвящена выдающемуся ученому и общественному деятелю России академику Давиду Борисовичу Рязанову (1870 - 1938). Почти шесть десятилетий это имя было запрещено даже упоминать. Обстоятельный, основанный на широком круге источников биографический очерк позволяет читателям получить представление обо всех этапах жизни и творчества ученого, сумевшего в труднейших условиях гражданской войны и большевистской диктатуры очень многое сделать для российской науки, для защиты соотечественников от произвола властей. Особый интерес представляет собой документальное приложение к очерку. Здесь воспроизводятся уникальные материалы, раскрывающие сущность установившегося в стране коммунистического режима, формы и методы подавления личности "государством диктатуры пролетариата".

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Яков Рокитянский, 1940 г.р., окончил исторический факультет МГУ, кандидат исторических наук, обозреватель журнала "Вестник Российской академии наук", автор более 120 научных исследований и документальных публикаций по истории марксизма, утопического социализма и немецкого рабочего движения, истории российской науки, биограф академика Д.Б. Рязанова.

Рейнхард Мюллер, 1944 г.р., историк, до 1989 г. руководитель архива дома-музея Эрнста Тельмана в Гамбурге, научный сотрудник Гамбургского Института социальных исследований, автор статей и книг по истории марксизма, немецкого рабочего движения и немецкой эмиграции в Советском Союзе в 30-е годы.